

Гайк Демоян

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ И КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

9(47.925)

Q-31

✓34

Հ. Կոմիտասի հիշատակը
Հ. Կոմիտասի հիշատակը

h2

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ ГЕНОЦИДА АРМЯН

ДЕМОЯН ГАЙК

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ И КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Историко-сравнительный анализ

14665

Դրամատիկական

Ереван 2013

УДК 325: 327 (496.1)
ББК 66. 5 (2Ар) + 66.4 (5Ту)
Д 310

Рекомендовано к печати ученым советом
Музея-института Геноцида армян

Рецензенты: д. и. н. Рубен Сафрастян
д. и. н. Арсен Авагян

Д 310 Демоян Гайк

Внешняя политика Турции и Карабахский конфликт. Историко-сравнительный анализ. –
Г. Демоян. - Ер., 2013 – 492 с.

В работе на основе комплексного подхода рассматриваются аспекты внешней политики Турции в отношении Республики Армения в контексте Карабахского конфликта в историческом и текущем, современном измерении. На основе широкого фактологического материала анализируется проблема Нагорного Карабаха сквозь призму армяно-турецких отношений и новой внешнеполитической доктрины неопантюркизма. В исследовании подробно анализируются турецкие инициативы, направленные на обеспечение проазербайджанской позиции в разрешении конфликта, разногласия между тюркоязычными государствами вокруг идеи выстраивания единой тюркской позиции в отношении Карабахского конфликта, фактор религиозной солидарности, а также тесно взаимосвязанная с ним проблема распространения сети международного терроризма в Азербайджане как следствие вербовки наемников. Отдельные главы работы освещают факты предоставления Азербайджану турецкой военной помощи, а также карабахский фактор в процессе установления армяно-турецких отношений.

Книга рассчитана на экспертов, исследователей, студентов, широкий круг читателей, изучающих истоки возникновения и эскалации этнополитических конфликтов на Кавказе.

УДК 325: 327 (496.1)
ISBN 978-9939-822-27-3 ББК 66. 5 (2Ар) + 66.4 (5Ту)

© Г. Демоян, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
---------------	---

РАЗДЕЛ I

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ И ПАНТЮРКИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Глава 1. Турецкая экспансия на Южный Кавказ и в Карабах в XVI в. – начале XX в.	32
Глава 2. Турецкий экспансионизм в годы Первой мировой войны и Карабахский вопрос	46
Глава 3. Армянский вопрос в контексте советско-турецких взаимоотношений	84

РАЗДЕЛ II

АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР И КАРАБАХСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Глава 1. Новая парадигма во внешнеполитической стратегии Турции после распада СССР	115
Глава 2. Армяно-турецкие взаимоотношения и Карабахский конфликт	147
Глава 3. Неоосманизм во внешней политике Турции на постсоветском пространстве и Карабахский вопрос	175
Глава 4. Попытки создания тюркского альянса и ограниченность идеи тюркской солидарности в Карабахском вопросе. Обсуждение Карабахского вопроса на тюркских саммитах	199
Глава 5. Посреднические инициативы Турции и тюркских государств	220

РАЗДЕЛ III

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ ТУРЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ В КАРАБАХСКОМ ВОПРОСЕ

Глава 1. Фактор исламской солидарности во внешней политике Турции на примере Карабахского конфликта	228
Глава 2. Военная помощь Турции Азербайджану в ходе Карабахской войны (1991-1994 гг.)	239
Глава 3. Исламские наемники в Карабахской войне: к истокам проникновения сети международного терроризма в Азербайджан и Турцию	265

РАЗДЕЛ IV

АРМЕНИЯ-ТУРЦИЯ: ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ И КАРАБАХСКАЯ ПРОБЛЕМА

Глава 1. Процесс армяно-турецкого урегулирования в 2008-2010 гг: «футбольная дипломатия»	298
Глава 2. Перспективы турецкой внешней политики и рекомендации по выстраиванию турецкого вектора внешней политики Республики Армении	327
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	337
ПРИМЕЧАНИЯ	344
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	422
ПРИЛОЖЕНИЯ	454
РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ	488

Посвящается памяти невинных жертв Геноцида армян,
совершенного младотурками и кемалистами

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена актуальной и малоизученной теме – историческому и современному измерению политики Турции в Карабахском конфликте. Актуальность данной проблемы особо проявилась в свете новой внешнеполитической стратегии Турции после окончания Холодной войны, а также после некоторых попыток установления двусторонних армяно-турецких отношений и развития вокруг карабахского урегулирования.

Провозглашенная Михаилом Горбачевым в конце XX века в СССР политика перестройки и гласности очень скоро оказалась в тупике, в основном из-за несостоятельности в решении назревших проблем, в том числе и в национальном вопросе. Абсолютная неспособность советских властей справиться с национальными движениями внутри страны породила беспрецедентный социально-экономический кризис, политическую нестабильность и способствовала эскалации очагов этнической напряженности на Кавказе, в Центральной Азии и в целом по всей стране.

Именно этнические конфликты и усиливающиеся националистические настроения в конечном итоге стали одними из основных факторов распада Советского Союза. Однако образование суверенных государств не только не способствовало замораживанию этих конфликтов, но и ускорило их дальнейшую эскалацию. Исчезновение с политической арены советского государства ознаменовало глубинную трансформацию общественно-политических отношений, ценностных систем и идеологий на огромном географическом пространстве, в дальнейшем способствуя нарастанию напряжения в регионах этнических конфликтов, переросших в полномасштабные войны.

Очаги межэтнической напряженности получили дополнительную подпитку извне, со стороны вовлеченных в конфликтную динамику третьих сторон, тем самым не только расширив ареал военных действий и их продолжительность, но и создав новые угрозы для дальнейшей эскалации. Весомым обстоятельством интернационализации этих конфликтов становится фактор этнокультурной и конфессиональной солидарности, на базе которого были реланимированы находившиеся в латентном состоянии радикальные националистические идеологии, в частности, панидеологии. Интернационализация конфликтов характеризовалась также вовлечением международных организаций (ОБСЕ, ООН и т. д.) в процесс их урегулирования и разработки посреднических инициатив.

Южнокавказский регион в силу своего географического расположения и геополитического значения всегда находился в центре внимания крупных держав и не раз становился объектом территориальных переделов и кровавых войн. Одной из причин такого интереса можно назвать буферное расположение региона на стыке Европы и Азии, где сходятся этноконфессиональные и цивилизационные зоны и границы.

Карабахский конфликт напрямую затрагивает интересы многих региональных и мировых держав – США, России, Турции, Ирана, – находящихся в открытом и скрытом противостоянии за влияние в регионе и контроль над источниками и маршрутами транспортировки нефтегазовых ресурсов Каспийского бассейна.

Борьба за советское наследие не обошла и Кавказ, который к тому времени превратился в зону ожесточенных этнополитических конфликтов. Заинтересованность в распространении своего военно-политического, экономического и культурного влияния в регионе не скрывали Россия, Турция, Иран, Европейский союз и США. В научных и аналитических кругах заговорили о начале новой «Большой игры» за советское наследство.

Впервые в постсоветские годы Запад предопределил Турции новую геополитическую роль, рассматривая ее в качестве проводника своих интересов в региональной политике. Важным фактором пристального внимания к региону стала перспектива экспорта углеводородного сырья из Каспийского бассейна.

Исследование проблемы эскалации межнациональных конфликтов на территории бывшего Советского Союза и посткоммунистического пространства вынуждает более внимательно относиться к фактору участия или вовлечения в них третьих сторон. Как правило, такого рода вовлечение происходит при наличии внешнеполитических, геополитических интересов конкретной страны и нередко прикрывается риторикой этнонациональной или этноконфессиональной солидарности.

Карабахский конфликт с этой точки зрения не стал исключением. В конфликтную динамику были вовлечены как непосредственно соседствующие с регионом государства, так и далекие от него страны, этнические группы и диаспоры.

Неопантюркистский или неоосманский, вектор внешней политики Турции с ярко выраженными националистическими амбициями, взятый ею на вооружение после распада СССР, одними из главных задач определял обеспечение проазербайджанского разрешения конфликта и усиление турецкого влияния в Азербайджане и в южнокавказском регионе в

целом. В таком подходе была заложена и определенная надежда на успешную реализацию намеченных Турцией внешнеполитических целей в южных регионах бывшего СССР.

За месяц до распада Советского Союза Турция первой признала независимость Азербайджана. Опираясь на широко разрекламированную пантюркистскую риторику, Анкара стремилась выступить в роли протектора и защитника интересов новосозданных тюркоязычных республик и тем самым распространить свое влияние на регионы Южного Кавказа и Центральной Азии. На этом фоне турецкие усилия по разрешению Карабахского конфликта в пользу Азербайджана должны были стать весомым доказательством готовности Анкары к роли покровителя тюркских государств при одновременном подчеркивании геополитического веса Турции. В этом контексте особо акцентировалась также доминирующая роль Турции, которая не прочь была позиционировать себя в качестве «старшего брата» новосозданных государств.

Карабахский конфликт, тем самым, можно характеризовать и как борьбу армянского населения Нагорного Карабаха против тенденции дальнейшего насильственного распространения турецкого влияния в южнокавказском регионе. Иными словами, это противостояние между экспансионистской, агрессивной идеологией Турции и обороняющимся этническим сообществом, вот уже несколько столетий сдерживающим дальнейшее расширение иноэтнического ареала как географически, так и политически – собственными силами и ресурсами.

Данный конфликт, таким образом, имеет и идеологическую подоплеку, с одной стороны выраженную в экспансионизме в лице идеологии пантюркизма и политики включения региона в зону влияния Турции, а с другой – мотивированную стремлением к выживанию и восстановлению исторической справедливости.

Борьба армянского народа Нагорного Карабаха против азербайджанского дискриминационного правления и откровенной политики этнических чисток является также столкновением противоположных идентичностей, где на одной стороне выступают армяне – этническое сообщество с давно сложившимся национальным самосознанием, культурой и исторической памятью, на другой – искусственно сконструированное государство Азербайджан, ставшее неким проектом в геополитических расчетах турецких и большевистских стратегов.

Совместная блокада и стремление Турции и Азербайджана изолировать Республику Армения, а также азербайджанская политика военного давления и турецкие угрозы применения силы стали основными причи-

нами дальнейшего углубления российско-армянского сотрудничества в сфере безопасности и стратегического партнерства. С другой стороны, появление российских военных баз вблизи собственной границы рассматривалось Турцией как серьезный вызов, знаменующий «возвращение» России в регион.

Актуальность данной работы обусловлена также и современными тенденциями международных отношений, которые претерпели кардинальные изменения в первой декаде XXI века. Террористическая атака на США 11 сентября 2001 г., войны в Ираке и Афганистане, Пятидневная война между Грузией и Россией в августе 2008 г. явились катализаторами переделов и построения новых региональных и мировых конфигураций. Эти события также стали в сознании мирового сообщества также новыми толчками для существенных переосмыслений и хода мировой истории. Глобальная борьба с современным злом – международным терроризмом – заставляет одновременно искать причины и факторы, определяющие его развитие. Эти вопросы находятся в сфере изучения историков, журналистов, политологов, дипломатов и других специалистов, занимающихся глобальными проблемами современности.

Новая активизация Турции в региональной и мировой политике, ее действительное вовлечение в ближневосточные процессы ознаменовали посткемалистский переход в ее внешней политике. Наряду с этим явно вырисовываются новые факторы и действующие стороны, влияющие на процесс формирования внешнеполитических приоритетов и устремлений Турции. Постепенное снижение активного участия военных во внутриполитических и внешнеполитических делах инициировало появление во внешней политике таких акторов, как бизнес-круги, национальные диаспоры, неправительственные организации и др.

Цели и задачи работы. Основной целью работы является выявление динамики вовлеченности Турции в Карабахский конфликт в историческом аспекте, степени ее участия, многовекторности подходов и результатов политики вмешательства в контексте неопантюркистской и неосманской доктрины Турции, воздействия этих процессов на общерегиональную стабильность и появление новых вызовов и угроз, а также в анализе целей и реальных возможностей кавказского вектора внешней политики Турции.

Целью данного исследования является, кроме всего прочего, изучение роли Турции в возникновении и эскалации Карабахского конфликта в сравнительном анализе развития событий в начале и конце XX века, а также в первой декаде XXI века. Наряду с этим рассматриваются исто-

рический аспект и динамика создания Турцией искусственных государственных образований на Кавказе как проводников турецкой экспансионистской политики.

В круг основных целей работы входят выявление и изучение основных факторов, предопределивших стремление Турции по вовлечению в орбиту Карабахского конфликта, исследование внешнеполитического курса Турции в отношении Республики Армения и Азербайджана в постсоветский период, анализ элементов вмешательства Турции в динамику конфликта и процесс его эскалации, а также изучение побочных следствий стремления разрешить конфликт военным путем, выразившихся, в частности, в зарождении и распространении сети международного терроризма в ближневосточном и кавказском регионах.

Основные задачи исследования:

1. выявление исторических предпосылок и мотивов турецкой экспансионистской политики на Кавказе и места Карабахского конфликта в этой политике;
2. исследование внешнеполитического курса Турции в отношении тюркоязычных государств бывшего СССР, нацеленного на реализацию неопантюркистской и неоосманской доктрины;
3. выявление основных факторов, влияющих на формирование армяно-турецких отношений;
4. рассмотрение динамики армяно-турецких отношений и роли, определяемой Турцией для Карабахского конфликта в этом контексте;
5. отслеживание эволюции турецкой внешней политики в отношении Карабахской проблемы и влияния конфликта на внешнеполитические ориентиры и внутриполитическую борьбу Турции;
6. выявление особенностей противоречий в позициях региональных держав вокруг Карабахского конфликта и в вопросе турецкого вмешательства в его динамику;
7. отслеживание процесса трансформации турецкой политики в отношении Карабахского конфликта с момента его эскалации в 1988 г. и до 2011 г.;
8. сопоставление и анализ фактов предоставления Турцией военной помощи Азербайджану в период военной фазы конфликта в 1991-1994 гг.;
9. выявление степени заинтересованности центральноазиатских тюркоязычных государств в вовлечении в Карабахскую проблему;
10. анализ значимости фактора религиозной солидарности для Турции в контексте Карабахского конфликта;

11. оценка актуальности и причин противоречий по Карабахскому вопросу между тюркскими государствами в двусторонних отношениях и на тюркских саммитах;
12. анализ фактов привлечения исламских наемников в зону Карабахского конфликта и их последствий для Азербайджана в контексте распространения сети международного терроризма в Азербайджане и Турции;
13. оценка роли и стратегических интересов внешних сил, вовлеченных в урегулирование Карабахского конфликта, и определение приоритетов в попытках посредничества в нормализации армяно-турецких отношений и урегулирование Карабахского конфликта, а также мотивов сдерживания дальнейшей эскалации проблемы;
14. характеристика современного состояния армяно-турецких отношений в условия отсутствия двусторонних межгосударственных связей и роли в них Карабахского конфликта;
15. представление конкретных рекомендаций к урегулированию Карабахского конфликта и нормализации армяно-турецких отношений.

Предметом исследования данной работы является анализ внешней политики Турции в отношении Карабахского конфликта и Республики Армения в контексте карабахского противостояния, а также динамики вовлечения третьей стороны в развитие конфликта на примере Турции.

Степень научной разработанности. Исследуемая проблематика входила в круг научных интересов как армянских, так и иностранных специалистов — историков, политологов и конфликтологов, — в работах которых, как правило, рассматривались те или иные аспекты карабахской проблематики. Лишь в исключительных случаях Карабахский конфликт являлся предметом изучения в контексте армяно-турецких отношений и внешней политики Турции. В этом смысле настоящая работа представляется попыткой целостного и углубленного рассмотрения данного вопроса.

Источники. Список литературы, посвященной Карабахской проблеме, довольно обширен. Несмотря на сравнительно недолгий отрезок времени, за последние двадцать с небольшим лет вышло в свет внушительное количество работ, в том числе источниковедческого характера.

При этом политика Турции в отношении Карабахского конфликта редко становилась объектом отдельного исследования и нуждается в более глубоком изучении. В научной литературе были проанализированы лишь отдельные компоненты проблемы. Следует также отметить, что в большинстве случаев эти исследования отличаются ограниченностью затра-

гиваемых тем и использованной литературы, а также определенной предвзятостью, если не сказать – однобокостью. В особенности это касается работ западных авторов, среди которых достаточно распространена точка зрения о наличии «деликатного баланса» в отношении Турции к Карабахскому конфликту. Согласно этой точке зрения, Анкара воздерживалась от каких-либо агрессивных действий по отношению к Республике Армения и Нагорно-Карабахской Республики.

Источниковедческая база исследования включает широкий круг документальных материалов, официальных сообщений, интервью, публикаций периодической печати, воспоминаний официальных лиц и т. д. Для подготовки данной работы были использованы источники на армянском, русском, английском, французском, турецком и азербайджанском языках. Научная база работы характеризуется использованием документов из разных архивов, при этом следует отметить, что архивные материалы современного периода были доступны в весьма ограниченном количестве. Вместе с тем имеющиеся данные оказались чрезвычайно полезными и значительно обогатили источниковедческую основу настоящего исследования.

При подготовке работы были использованы материалы из Архива Открытого общества (Open Society Archives, Будапешт, Венгрия), Архива Министерства иностранных дел Великобритании (British Foreign Office Public Record), Национального архива Армении (далее – НАА), Дипломатического архива Министерства иностранных дел РА, Архива Музея-института Геноцида армян Национальной академии наук РА и др.

Важным ресурсом при подготовке настоящей работы стали сборники архивных документов, содержащие ценные материалы, относящиеся к предистории возникновения конфликта и политики Турции в отношении Армении. Особую значимость представляют сборники, составленные под редакцией Вардгеса Микаеляна¹ и Юрия Барсегова², сборники архивных материалов, опубликованные Национальным архивом РА³, Институтом истории НАН Армении⁴ и другие аналогичные издания, выпущенные в советский период⁵. В подготовке работы были использованы также американские⁶, британские⁷, итальянские⁸ архивные документы, и другие сборники⁹, относящиеся к теме данного труда.

Особо следует указать мемуарную литературу, в числе которой работы политических деятелей и современников Первой армянской республики 1918–1920 гг. С. Врацян¹⁰, А. Хатисян¹¹, А. Хачатрян¹² имеют первостепенную важность в рассмотрении и анализе армяно-турецких и армяно-азербайджанских отношений в начале XX века. Среди мемуаристической

литературы следует выделить также работы Е. Ишханяна¹³ и А. Тумяна.¹⁴

Для обоснования базовой концепции работы были изучены первоисточники, а также разные вторичные источники. Учитывая новизну и современность тематики, источниковедческая база данного исследования со временем, несомненно, будет расширена, и появится новая литература, которая дополнит выдвинутые тезисы и выводы, выявив новые, доселе неизвестные и неизученные аспекты данной проблематики.

Вторую группу источников составляют заявления официальных лиц, выдержки из интервью политических лидеров Армении, Турции, России, США и другие данные, опубликованные в различных средствах массовой информации.

В работе были использованы также электронные ресурсы. Среди них можно отметить официальные сайты государственных организаций, исследовательских центров и медиа-источники.

Учитывая актуальность затрагиваемых тем, важным источником для написания данной работы стали материалы зарубежной и армянской прессы. Среди них особо следует выделить такие российские издания, как «Независимая газета», «Известия»; армянские – «Азг», «Республика Армения», «Голос Армении»; азербайджанские – «Эхо», «Зеркало»; турецкие – «Hürriyet», «Milliyet», «Zaman», «Turkish Daily News» и др. В работе также широко использованы материалы информационных агентств «Регнум», «РИА Новости», «Deutsche Presse-Agentur» и др. Полезными для работы были и статьи, опубликованные в ряде научных и общественно-политических журналов – «Central Asian Survey», «Центральная Азия и Кавказ», «Азия и Африка сегодня» и др.

Трудность освещения данной темы заключается в устоявшихся в научной литературе традициях селективного подхода и одностороннего представления связанных с ней проблем. Другим дискредитирующим фактором научных исследований настоящей темы является подход авторов к работе на принципах банального лоббизма, проще говоря, продавливание интересов страны – объекта изучения посредством академических публикаций. В турецкой, а также в азербайджанской политической культуре сложилась порочная традиция использования зарубежных авторов-«наемников», если можно их так охарактеризовать. К сожалению, это становится негативной тенденцией в научной среде. В итоге существенные вопросы и проблемы остаются в тени, и доминирующим подходом в научной литературе становится стремление придерживаться в научном анализе основной линии в со ссылками на доводы и выводы авторитетных или же псевдоавторитетных авторов, которые также не лишены вы-

шеперечисленных грехов.

Ревизия исторических событий и их подобное представление наглядным образом показывают, что вне зависимости от различных политических пертурбаций и конъюнктурных трудностей историк должен оставаться верным принципам профессиональной добросовестности, стараться не подпадать под влияние модных партийных и идеологических клише и, тем более, не превращаться в инструмент международной и локальной политики.

В появившихся в последнее время работах по проблемам южнокавказских стран явно прослеживается «плодотворное» влияние азербайджанской пропаганды. В них не только предлагается азербайджанское видение проблемы, но и делаются далекие от научной объективности и академических знаний выводы, приводятся выдуманные факты и сделанные на их основе умозаключения.¹⁵

Работы иностранных послов и журналистов, несмотря на субъективность подходов, оказались полезными с точки зрения содержащегося в них фактологического материала. Среди них можно указать труды посла РФ в Армении В. Ступишина¹⁶, посла Греции в Армении С. Хризантопулоса¹⁷, сопредседателя Минской группы ОБСЕ В. Казиминова¹⁸, Томаса Гольца¹⁹, Томаса де Ваала²⁰ и др.

Среди источниковедческой литературы особо важными представляют работы армянских политиков и первых лиц государства. В их числе труды Левона Тер-Петросяна²¹, Вардана Осканяна²², Вазгена Манукяна²³, которые используются при изучении внешней политики Армении и выстраивания армянской позиции в отношении Турции в период с 1988 г. по 2008 г. Эти первоисточники позволяют нам выявить умонастроения и ожидания лидеров, принимающих решения, и влияющие на них факторы.

Армянская историография. В армянской историографии работа вокруг изучаемой проблемы велась как в виде издания сборников документов, так и в формате комплексного исследования феномена пантюркизма и турецкой агрессии в период Первой мировой войны и Геноцида армян. Исторические основы распространения турецкой политики в кавказском регионе отображены в работах Е. Саркисяна²⁴, Л. Хуршудяна²⁵, Г. Аветисяна²⁶, С. Погосяна²⁷, Г. Симоняна²⁸, Э. Зограбяна²⁹, А. Арутюняна³⁰, Д. Князяна³¹, в сборнике, составленном М. Нерсисяном³², и др. Среди армянских авторов, опубликовавших труды по теме настоящей работы, следует указать работы американского историка Ричарда Ованнисяна.³³

Необходимо отметить, что в армянской историографии не существует больших разногласий в оценке внешней политики Турции и Азербай-

джана по отношению к Армении и Карабахскому вопросу. Подобную констатацию можно сделать и по поводу оценки политики пантюркизма и ее последствий для армянского населения. Это особенно справедливо для характеристики агрессивной и антиармянской направленности этого курса, нацеленного на выдавливание армян с территорий исторической родины, что проявилось в политике геноцида и этнических чисток по отношению к армянскому населению со стороны Турции и Азербайджана в начале и в конце XX века.

В кругу армянских исследователей проблемой армяно-турецких отношений и ролью Турции в Карабахском конфликте занимались А. Чакрян³⁴, Р. Сафрастян³⁵, Н. Ованнисян³⁶, И. Мурадян³⁷, А. Манасян³⁸, А. Искандарян, А. Айвазян³⁹, С. Минасян⁴⁰ и другие авторы.

А. Айвазян рассматривает вопрос турецкого вовлечения в Карабахскую проблему в контексте генезиса политики геноцида в отношении армянского населения края и в целом против армян. В работе А. Чакряна Карабахская проблема исследуется в контексте армяно-турецких отношений, на основе турецких источников приводятся факты турецкой военно-политической помощи Азербайджану в период военной фазы конфликта.

В сфере изучения армяно-турецких связей заслуживают внимания концептуальные разработки Рубена Сафрастяна. Анализируя проблематику армяно-турецких взаимоотношений сквозь призму «неконвенциональной дипломатии», исследователь оценивает подходы Турции к Карабахскому конфликту. Также Р. Сафрастян разработал теоретические и методологические пути рассмотрения предгеноцидальной ситуации и эволюции геноцидальной политики османской и республиканской Турции в отношении армянской государственности и армянского народа.

В работе другого армянского автора – Григора Аршакаяна – курс Турции в отношении Карабахского конфликта рассматривается в контексте региональной политики Турции на Южном Кавказе в период 1991–2001 гг., выявляются основные цели и направления стратегического проникновения турецкого влияния в регионе, в частности, в этнополитических конфликтах, настраивании стратегических союзников против российской политики и на изоляцию Армении в регионе.⁴¹

Работы политолога Игоря Мурадяна представляют Карабахскую проблему в контексте сложных региональных геополитических раскладов и соперничества великих держав, в которых Турция играет активную роль. И. Мурадян приводит компоненты военно-политического сотрудничества Азербайджана и Турции и деятельности турецких спецслужб в Азербайджане.

В разработанной А. Манасяном правовой папке Карабахского конфликта констатируется, что Турция предприняла вооруженное вмешательство в этнополитический спор армян и кавказских татар вокруг национально-территориального устройства Восточного Закавказья, а ее участие в блокаде Армении в наши дни делает абсурдными всякие разговоры о нейтралитете Турции как члена Минской группы ОБСЕ.⁴²

В своих работах армянский востоковед Николай Ованнисян разрабатывает концепцию фактора Армении и Карабахского конфликта в региональной геополитике Южного Кавказа и Ближнего Востока. В работе, посвященной внешней политике Армении, ученый затрагивает армяно-турецкие отношения, считая, что политика Армении по отношению Турции строится на подходе не конфронтации, а вовлечения.⁴³

По мнению большинства армянских исследователей, неоосманскую амбициозную политику Турции следует рассматривать как угрозу безопасности Республики Армении и НКР.

Азербайджанская историография. В современной азербайджанской историографии карабахская тематика занимает центральное место, обусловленное неразрешенностью конфликта, а также прямым вовлечением в научную среду азербайджанских властей в виде конкретного заказа государственной пропаганды. В работах азербайджанских авторов путем различных манипуляций, пренебрежения к фактам, а иногда и откровенных фальсификаций источников, относящихся к истории Карабаха, делаются попытки обоснования территориальной принадлежности Нагорного Карабаха и Нахиджевана Азербайджану. В работах современных азербайджанских авторов превалируют далекие от научной объективности стандартные постулаты и теории о переселении армян в Закавказье русской администрацией края в начале XIX века, с подачи властей разрабатываются теории так называемого геноцида азербайджанского народа, якобы совершенного армянами и Российской империей. Все это подается в сочетании с откровенно антиармянскими и расистскими умозаключениями.

Следует указать, что в работах некоторых азербайджанских авторов советского периода оголтелые фальсификации и откровенное пренебрежение методами научной работы также присутствовали, но лишь в определенной мере, и в этой связи фактологический материал, представленный в некоторых советских изданиях, был использован в настоящей работе.⁴⁴

В работах современных авторов, таких как Айдын Балаев⁴⁵, Айдын Гаджиев⁴⁶, Джамиль Гасанлы⁴⁷, Рахман Мустафа-заде⁴⁸, Ильгар Мамма-

дов и Тофик Мусавев⁴⁹, посвященных истории возникновения Азербайджанской Республики, содержится интересный фактологический материал, в частности, из азербайджанских архивов, полезный для настоящего исследования. Как правило, азербайджанские авторы рассматривают Карабахский вопрос исключительно как проблему территориальной целостности Азербайджана и принадлежности края к азербайджанской государственности, необоснованно ссылаясь на историческую принадлежность региона Азербайджану, а также подвергая критике любое мнение или постулат о слабости азербайджанской национальной идентичности или же об эфемерности Азербайджанской Демократической Республики, созданной турецкими военными весной 1918 г.⁵⁰

Работа Джамиля Гасанлы о внешней политике Азербайджанской Демократической Республики (АДР) подготовлена с использованием широкой источниковедческой базы, в которой особый интерес вызывают материалы из азербайджанских архивов, впервые введенные в научный оборот. Автор, хоть и придерживается ставших традиционными для азербайджанской историографии антиармянских клише, вместе с тем раскрывает и существенные моменты, показывающие уязвимость и несостоятельность азербайджанской государственности и отсутствие идеи государственности как таковой среди разноплеменного мусульманского населения Юго-Восточного Кавказа.

Полезными для рассмотрения общественно-политической ситуации и внешних ориентиров Азербайджана в начале 1990-х оказались статьи А. Расизаде⁵¹, Арифа Юнусова⁵² и др. Азербайджанские авторы, как правило, не раскрывают детали турецкой помощи Азербайджану и лишь в редких исключениях касаются проблемы зарождения сети международного терроризма в Азербайджане и участия террористических структур в Карабахском конфликте как следствия привлечения правительством Азербайджана третьих сторон в конфликтную зону.

Российская историография. В российской историографии особое место занимают работы тюркологов и специалистов по конфликтам на постсоветском пространстве. В этих исследованиях, как правило, Турция в качестве исторического соперника и государства – члена НАТО рассматривается страной, представляющей угрозу интересам России на Кавказе. Лишь в редких случаях российские авторы касаются проблематики отношения Турции к Карабахскому конфликту.

Среди работ российских исследователей об истории возникновения азербайджанской государственности и Карабахского конфликта следует выделить труд Михаила Волхонского и Вадима Муханова, в котором ав-

1465

торы склонны рассматривать возникновение азербайджанской государственности как создание зависимого от иностранного военного присутствия и не совсем состоявшегося непризнанного образования.⁵³

В современной российской историографии порой встречаются фантастические теории о зарождении идеи азербайджанской государственности, не имеющие ничего общего с исторической реальностью. Так, российский автор С. Исхаков считает, что после армяно-татарских столкновений в ходе которых в результате ответных действий армянской стороны пострадало и мусульманское население Елизаветпольской и Бакинской губерний, мусаватисты взяли курс на полную государственную независимость.⁵⁴ В России также вышли в свет работы историко-публицистического жанра, носящие пропагандистский характер, которые преследуют цель представить российской аудитории лишь азербайджанское видение и интерпретацию Карабахского конфликта.⁵⁵

Из числа российских авторов, раскрывающих истинную подоплеку турецкой политики в отношении армянской государственности, следует отметить работы Ю. Г. Барсегова⁵⁶ и А. А. Сваранца⁵⁷, в которых политика Турции в отношении Армении в целом и в Карабахском вопросе в частности рассматривается как проявление явно агрессивной и крайне националистической идеологии пантюркизма, превращенной в официальную политическую доктрину современной Турции и нацеленной, в первую очередь, против России – ввиду того, что в границах Российской Федерации находится множество тюркоязычных ареалов.

В своей работе «Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе» А. Сваранц на основе широкой источниковедческой базы обрисовывает эволюцию становления движения пантюркизма в Турции и Азербайджане, отношения этих стран на современном этапе, экспансионистские планы турецкой стороны на Кавказе. В работе также предлагается систематизация и анализ деятельности пантюркистских организаций Турции и Азербайджана на протяжении XX века. Автор полагает, что идея образования так называемого Великого Турана является мощной идеологической базой для инициирования интеграционных процессов тюркоязычных стран и народов под протекторатом Турции и ограничения геополитической мощи России.⁵⁸

Ю. Барсегов справедливо отмечает, что именно стремление к реализации пантюркистской программы территориальной экспансии явилось одним из основных мотивов для осуществления ликвидации армянского этнического клина между Турцией и Азербайджаном. Автор утверждает, что одни и те же, по существу, экспансионистские пантюркистские цели

предопределили отношение Турции и к вопросу о статусе армянского Нагорного Карабаха, и к вопросу о признании Геноцида армян.⁵⁹

Геополитические устремления Турции и ее культурно-экономическая экспансия на постсоветском пространстве, а также отношение к Карабахскому конфликту затрагиваются в работах Е. Уразовой⁶⁰, Н. Киреева⁶¹, В. Шорохова⁶², В. А. Надеина-Раевского⁶³ и других авторов.

Н. Г. Киреев сосредоточивается на стратегиях сотрудничества Турции с тюркоязычными странами бывшего СССР. По мнению автора, идеология пантюркизма является видением и проявлением турецкой евразийской концепции, а геополитическая стратегия Турции нацелена на создание особой конфигурации евразийства.⁶⁴ Последнее, несомненно, призвано создавать дополнительные преимущества для развертывания активной турецкой внешней политики в восточном направлении.

По мнению Е. Уразовой, отличительной чертой турецкого национализма является наличие в нем двойной направленности – внутренней и внешней. Если внутренний национализм признает исключительные права и свободы лишь за турецкой нацией, хотя страна является многонациональной, то внешний национализм проявляется в повышенном интересе к судьбам тюркоязычных народов, проживающих на территории других государств, с которыми турок связывают этноязыковые культурные сходства. «В этом поиске общетюркской идентичности просматривается стремление, с одной стороны, обрести дополнительную опору и устойчивость, а с другой, – дать выход политическим амбициям, используя утопическую по своей сути объединительную идею тюркизма», – пишет автор.⁶⁵

Российский исследователь В. А. Надеин-Раевский обращает внимание на некоторые аспекты Карабахского конфликта с точки зрения фактора пантюркизма на постсоветском пространстве и его значения для Анкары в деле объединения под своей эгидой тюркоязычного евразийского пространства. Исследователь предлагает различать в пантюркизме мировоззренческую, культурную систему взглядов и политическую программу экспансионистских кругов турецкого шовинизма. По мнению В. Надеина-Раевского, в случае с Азербайджаном протурецкая ориентация имела не только исторические корни, но и отражала текущую политическую ситуацию, прежде всего – поиск союзников в борьбе за подавление национально-освободительного движения армянского населения Нагорного Карабаха.⁶⁶

В современной российской историографии есть авторы, которые выступают с позиций апологетики пантюркизма, рассматривая феномен этого мировоззрения как сугубо гуманитарное явление, а вовсе не расистскую

и шовинистическую политическую идеологию. В их работах, как правило, обходятся эпизоды агрессивной политики Турции при реализации пантюркистских планов, в частности — ущемление прав других народов, совершение геноцида против христианского населения в Османской империи, — а Карабахский вопрос рассматривается как внутреннее дело, имеющее отношение к проблеме территориальной целостности Азербайджана. Среди подобных исследований наиболее известны работы Светланы Червонной.⁶⁷

В течение последнего десятилетия рядом российских исследовательских центров — Российским институтом стратегических исследований, Институтом изучения Израиля и Ближнего Востока, Институтом востоковедения РАН и др. — выпущены ценные сборники, содержащие материалы по изучаемому предмету.⁶⁸

Западная историография. В западной политологической и исторической литературе карабахская проблема стала объектом исследований параллельно с эскалацией ситуации в зоне конфликта. Обсуждение и анализ карабахской темы проводятся во взаимосвязи с региональным соперничеством сверхдержав и традиционных для региона межэтнических распр. Как правило, проблема Карабаха контекстуализируется в вопросе перспективы нефтегазовых проектов в Каспийском регионе, а ее нерешенность рассматривается как угроза безопасности экспортных маршрутов. Вовсе неслучайно многие аналитики так или иначе связаны или же сотрудничают с западными нефтяными корпорациями и аналитическими центрами, которые готовят для последних конкретные анализы для разработки политики в регионе.

В западных политических и медиа-дискурсах изначальный подход к Карабахской проблеме с точки зрения прав человека и права нации на самоопределение со временем претерпел значительную трансформацию в связи с распадом СССР и началом соперничества в добыче углеводородного сырья Каспийского бассейна для западного рынка. Как следствие, Азербайджан рассматривается в роли «своего», то есть прозападного или же представляющего интерес для Запада, в то время как стратегическое партнерство с Россией и дислокация контингента российских войск в Армении создают последней имидж проводника российского влияния в регионе, следовательно — «чужой».

Исследователей, занимающихся историей и текущей политикой Азербайджана, не так уж много. Из ранних западных исследователей истории Азербайджана можно отметить Тадеуша Свентоховского⁶⁹ и Одри Альштадта⁷⁰, работы которых посвящены проблеме формирования азербай-

джанской идентичности и государственности. Как правило, в них признается слабость азербайджанской национальной идентичности по сравнению с армянской и грузинской, а Азербайджанская Демократическая Республика, хоть и именуется «первой республикой Востока», но представляется зависимым образованием под турецким диктатом. Территория Карабаха, по мнению Т. Свентоховского, является стратегическим коридором, который связывает или разъединяет (в зависимости от того, кто его контролирует) мусульман Восточного Закавказья и Турции.⁷¹

Американская исследовательница Бренда Шаффер исследует проблематику азербайджанской идентичности и реакции иранских азербайджанцев на события вокруг Карабаха сквозь призму проявления этнической солидарности.⁷²

Из западных авторов по карабахской проблематике опубликованы работы Сванте Корнелли⁷³, Хью Полтона⁷⁴, Ариэля Коэна⁷⁵, Кэрола Мигдаловича⁷⁶, Элизабет Фуллер⁷⁷, Грэхам Фуллера⁷⁸, Пола Хенца⁷⁹, Гарета Винроу⁸⁰, Ширин Хантер⁸¹, Фредди де Пау⁸², Филиппа Робинса⁸³ и др.

Субъективность, а порой и ангажированность работ некоторых западных авторов, доходящих до банальной неграмотности и поверхностного восприятия вопросов истории, географии и текущего состояния дел в регионе, хорошо вписываются в схему «наш — не наш союзник», что накладывает отпечаток на беспристрастность подходов в академических работах.

Рассматривая Карабахский вопрос как пример сепарации и угрозу территориальной целостности Азербайджана, эти авторы выставляют свою одностороннюю позицию, раскрывая также определенную политическую предрасположенность своих работ. Пресловутая идеологема о «скрытой руке России» в постсоветских конфликтах являлась удобным клише для обоснования многих деструктивных начинаний в регионе, отвлекая внимание от того факта, что этот самый Карабахский вопрос в политическом и медиа-дискурсе на Западе изначально трактовался в контексте прав человека, самоопределения и последствий советской тоталитарной национальной политики.⁸⁴

В указанных работах Турция вовсе не расценивается виновник эскалации конфликта и нарушителем международных договоренностей. Причина проста: членство этого государства в НАТО. Ссылаясь на заинтересованность в стабильности возле границ Турции и этническую солидарность как логические причины турецкого интереса к кавказским конфликтам, западная аналитическая среда оперирует ограниченными понятиями в попытках объяснения самих конфликтов, их первопричин, не го-

воря уже о том, что исторические факты и документы ею зачастую просто игнорируются.

В современной зарубежной политологической литературе и историографии существует конъюнктурная тенденция рассмотрения проблемы современного пантюркизма в контексте лишь гуманитарного сотрудничества, с сознательным или же неосознанным преуменьшением важности фактов, доказывающих деструктивную роль этой идеологии в межгосударственном сотрудничестве и межэтнических взаимоотношениях, как в историческом срезе, так и в новейшее время. Некоторые авторы, к примеру, известный исследователь пантюркизма Якоб Ландау, затрагивая проблему турецкого военного вмешательства в Карабахский конфликт, склонны даже ограничивать предоставленную военную помощь лишь 150-ю турецкими офицерами, а указания на присутствие более полутора тысяч турецких военных в зоне Карабахского конфликта считают преувеличением.⁸⁵

Другой исследователь, Сванте Корнелл, считает, что в вопросе Карабахского конфликта Турция придерживалась позиции «деликатного балансирования», «не предоставляя ни оружия, ни финансов для их приобретения и даже не угрожала интервенцией на стороне Азербайджана...».⁸⁶ К сожалению, такая однобокая трактовка вопроса не единична, а ангажированные и упрощенные интерпретации исследователей тиражируются на страницах иностранных СМИ и занимают прочное место в журналистских статьях.

Некоторые авторы, не вдаваясь в подробности рассматриваемых ими тем, делают совершенно необоснованные выводы и умозаключения о том, что Турция якобы имеет признанные международными соглашениями права на поддержку территориальной целостности Азербайджана.⁸⁷ Западные авторы лишь в редких исключениях осознают специфику Карабахской проблемы как стремление к выживанию и самосохранению армянского населения в доминантной иноэтничной среде и в условиях четко разработанной государственной политики по выдавливанию, а во многих случаях – поддакиванию азербайджанским и турецким авторам, рассматривая проблему в контексте глобального противостояния военно-политических блоков и негативной оценки и интерпретации любой сессии с позиции Запада.⁸⁸

Среди работ, указывающих на факты предоставления Турцией военной помощи Азербайджану в ходе военной фазы Карабахского конфликта, следует назвать статью Робина Бхати и Рейчел Бронсон.⁸⁹ В исследовании проблемы зарождения и деятельности сети международного терроризма

на территории Азербайджана полезными оказались сборники Ширин Хантер и Александра Меликишвили⁹⁰, работы Жозефа Боданского⁹¹, Питера Дейла Скотта⁹², а также американские сборники документов и официальные доклады.

Касаясь Карабахского конфликта, западные авторы, как правило, не брезгают обвинениями в адрес России и обходят стороной деструктивную роль и геополитические амбиции Турции в этом регионе в целом и в вопросе военно-политической вовлеченности Турции в Карабахский конфликт в частности.

Американский исследователь Майкл Рейнольдс и вовсе путем произвольной селекции источников, а то и подтасовки исторических фактов, старался преувеличить важность противостояния двух империй, одновременно преуменьшая значение стремления конкретного народа к национальной самостоятельности и независимости. Ссылаясь в основном на турецкие источники, автор попросту попытался сопоставить государственную политику осуществления геноцида и спорадические, спонтанные примеры насилия и факты возмездия со стороны армян, при этом не анализируя истоки создания государства Азербайджан как одного из геополитических проектов Османской Турции.⁹³

Голландский исследователь Эрик Зюрхер, пересмотревший свои взгляды относительно исторического факта Геноцида армян и ныне признающий политику османского государства против армян в 1915-1916 гг. как геноцид, все же считает, что значение пантюркизма в политике Османской Турции значительно завышено в работах армянских исследователей.⁹⁴

Исключениями из этого ряда являются работы таких авторов, как Дж. Айбнер, К. Кокс⁹⁵ и Кристофер Уокер⁹⁶, которые рассматривают карабахскую проблематику как проблему прав человека и самоопределения, как вызов попыткам этнических чисток и репрессий. Они указывают на молчание западных держав по поводу демократических прав народа Карабаха и пренебрежение характеристикой проблемы пантюркизма против армянского народа. К. Уокер полагает, что это молчание связано с интересами Турции – страны, которой выгодна не поддержка демократической власти в Карабахе, а лишь продолжение диктатуры Азербайджана.⁹⁷

Турецкая историография. Турецкие авторы, как правило, исходят из проазербайджанского видения проблемы. Практически невозможно встретить автора с более-менее нейтральным подходом к анализу армяно-турецких взаимоотношений и Карабахского вопроса.

Традиционного для турецкой политической и исторической науки под-

хода при анализе роли исторического прошлого и влияния третьих стран на состояние и перспективы отношений между Арменией и Турцией придерживаются турецкие авторы Бюлент Араз и Хавва Каракеш Келеш⁹⁸, Кемаль Киришчи⁹⁹, Мустафа Айдын¹⁰⁰, Омер Коджаман¹⁰¹, Айбарс Горгулу¹⁰², Юджер Насыр¹⁰³ и др.

Среди немногих монографий турецких авторов по карабахской тематике следует отметить работу О. Коджамана, в которой исследуется процесс становления внешнеполитического курса Турции по отношению к Южному Кавказу и параллельно этому процессу — реакция на внешнюю политику России в этом регионе в постсоветский период. Ограниченность исторического анализа и документов не позволили автору прийти к объективным и весомым умозаключениям. Кроме того, указывая на реакцию внутриполитических сил и группировок в турецком обществе на кавказские события, автор делает вывод, что «конфликты в Абхазии и Южной Осетии ставят под сомнение будущее Грузии, а Нагорно-Карабахский вопрос — будущее Азербайджана и Армении».¹⁰⁴

Другой турецкий автор, Умут Узер, рассматривает выстраивание внешней политики Турции в отношении Кавказа через призму идентичности. Автор анализирует взаимоотношения Турции с тюркским миром с точки зрения воздействия кемалистской государственной идентичности, которая распространяет специфическую форму национализма в сферу турецкой внешней политики. Касаясь Карабахского конфликта, У. Узер констатирует, что Турция проявила низкий уровень вовлеченности, проявленный в основном в виде публичных деклараций поддержки политических деятелей и разрешения демонстраций националистических групп.¹⁰⁵ В том, что такое утверждение турецкого исследователя, мягко говоря, не соответствует действительности, можно удостовериться, ознакомившись с главой данного исследования о турецкой военной помощи Азербайджану.

Интересны заключения некоторых турецких авторов по вопросам современных армяно-турецких отношений, которые расходятся с официальной точкой зрения. Так, к примеру, Айбарс Горгулу считает, что если Турция, в соответствии со своими стратегическими приоритетами, желает стать посредником в урегулировании Карабахского конфликта, то отсутствие дипломатических контактов с одной из его сторон и одновременно «братская» связь с Азербайджаном не только не способствуют нормализации отношений с Арменией, но и никак не являются признаком готовности Турции по-настоящему играть конструктивную роль в урегулировании.¹⁰⁶

По мнению турецкого автора Кемали Киришчи, нормализация отно-

шений Турции с Арменией и вопрос Геноцида армян продолжают оставаться серьезными вызовами для Турции.¹⁰⁷

Интересный фактологический материал содержится в работе Юджера Насыра о роли турецкой военной помощи в становлении азербайджанской государственности и в карательных операциях против армянского населения Карабаха.¹⁰⁸ Приводимые в указанной статье данные позволяют получить четкое представление об отсутствии идеи государственности в широких кругах тюрок-мусульман Южного Кавказа.

В целом, в армяно-турецких отношениях вообще и в Карабахском вопросе в частности турецкая историография главным источником проблем видит именно армянскую сторону, параллельно выдвигая обвинения в деле международного признания Геноцида армян и стараясь противопоставить тему геноцида карабахской тематике. В то же время турецкие авторы, касаясь вынужденной военной операции армянских сил в Карабахе, не проводят аналогий и не анализируют ситуацию в сравнении Кипрской проблемы.

По тематике армяно-турецких взаимоотношений и роли Карабахского конфликта были защищены диссертационные работы в Республике Армения и Российской Федерации.¹⁰⁹

Научно-теоретическое значение работы заключается в акцентировании малоизученных деталей конфликта, обобщении разнородных источников на разных языках и составлении целостной картины турецкой политики в отношении Карабахского конфликта. Особое внимание уделено освещению таких недостаточно исследованных вопросов, как создание Турцией искусственных государственных образований на Кавказе в начале XX века с целью дальнейшей их аннексии, предоставление турецкой военной помощи Азербайджану в период Карабахского конфликта и привлечение исламских наемников азербайджанскими властями в зону Карабахской войны, а также использование этноконфессионального фактора в попытках вовлечения третьих сторон в конфликтную динамику. На основе этих фактов сделаны теоретические выводы о сущности политики неопантюркизма, роли этноконфессионального фактора, а также истоках проникновения сети международного терроризма в Азербайджан как следствия втягивания в конфликт третьих сторон.

Теоретическая значимость исследования обусловлена разработкой и углублением новых концептуальных подходов к представлению и интерпретации Карабахского конфликта в его историко-сравнительном изучении.

В ходе конкретного анализа выявляются теоретически значимые ме-

ханизмы вовлечения третьей стороны в конфликтную динамику, не только обусловленные причинами этноконфессионального родства, но и исходящие из геополитических и экономических интересов.

Историко-сравнительный анализ позволил выявить исторические аналогии турецкой внешней политики и военного вовлечения в зону Карабахского конфликта, тем самым указывая на деструктивность агрессивной политики Турции на Кавказе. На основе доступных исторических материалов раскрывается также механизм заимствования турецкой политики насильственного изменения демографической ситуации, иными словами – политики этнических чисток, геноцида и гомогенизации населения на территории Азербайджана как основополагающего подхода в государственном строительстве.

Научно-практическое значение работы. Результаты исследования, проведенного на основе широкого фактологического материала, имеют практическое значение и могут быть использованы в ходе дальнейшей разработки концепции региональной и международной политики Республики Армения, а также при подготовке новых учебных программ и пособий по конфликтологии, в лекционных курсах и семинарах по истории Турции, Карабахского конфликта и внешней политики Армении.

Учитывая ситуацию, сложившуюся после провала турецкой стороной инициативы по установлению армяно-турецких межгосударственных отношений, жизненно важными для Республики Армения являются выработка альтернативных вариантов построения новой системы безопасности в области военно-политического и экономического сотрудничества с соседними странами и углубления союзнических отношений с Российской Федерацией в рамках ОДКБ, партнерских отношений с блоком НАТО, а также разработка новых механизмов жизнедеятельности государства.

Выводы и рекомендации, сформулированные по итогам данного исследования, могут применяться в разработке внешнеполитической линии и планировании политических подходов в турецком векторе внешней политики конкретными ведомствами Республики Армения, в дипломатических представительствах РА за рубежом. По мере поступления новых источников и литературы по данной теме работа может стать основой для аналогичных исследований в будущем. Работа также может быть использована для эффективного противодействия азербайджанской и турецкой государственной пропаганде и, в первую очередь, в противостоянии совместной широкомасштабной антиармянской кампании.

Исходя из содержания поставленных задач, а также научной новизны исследования, в работе рассматриваются следующие положения:

1. Возникновение Карабахского вопроса связано с образованием при непосредственном участии турецких военно-политических кругов севернее реки Аракс государства под названием «Азербайджан».
2. Турция выступала стороной в эскалации конфликта и оказывала существенную военно-политическую помощь Азербайджану.
3. Отказываясь от установления двусторонних отношений с Арменией и осуществляя совместно с Азербайджаном ее блокаду, Турция тем самым нарушает ряд международных договоров и взятых согласно им на себя обязательств.

Хронологические рамки исследования. Работа в силу своего историко-сравнительного характера охватывает период с XVI века до первого десятилетия XXI века, вплоть до попытки установления армяно-турецких межгосударственных отношений в период 2008-2010 гг.

Эволюция политики Турции в отношении Карабахского конфликта, не претерпев резких изменений, прошла в несколько этапов вплоть до 2010 г. В работе описаны пять фаз этого процесса:

Первый этап охватывает период с XVI века до 1921 г., в течение которого происходило зарождение и становление турецкой политики геноцида в отношении армянонаселенных территорий с целью обеспечения соприкасаемости территории Османской империи с ареалом проживания поркоязычного мусульманского населения Кавказа. С передачей Нагорного Карабаха и Нахиджевана Советскому Азербайджану и образованием СССР Турция не предпринимала никаких активных действий, опасаясь реакции со стороны Москвы.

Второй этап – 1988-1991 гг. В начальный период эскалации конфликта Турция заняла выжидательную позицию, в основном опасаясь реакции со стороны советских властей на открытую поддержку азербайджанской стороны. Не скрывая своих проазербайджанских симпатий в Карабахском вопросе, официальная Анкара тем не менее не рисковала переходить черту и напрямую вовлекаться в конфликт и не выступала с посредническими инициативами.

Третий этап – 1992-1994 гг. Основным фактором, воздействовавшим на ход развития этой фазы карабахского противостояния, стала эскалация военных действий на карабахских фронтах. В течение всего этого периода Турция оказывала политическую и военно-техническую поддержку Азербайджану, тем самым выступая на его стороне и нарушая международные обязательства и договоренности. За этот период турецкие высокопоставленные лица не раз выступали с угрозами начать военные действия про-

тив Республики Армения и вмешаться военным путем в карабахское противостояние, однако осознание реальных последствий все же удержало Анкару от военной авантюры на Кавказе.

Четвертый этап отношений – 1994-2008 гг. После подписания в мае 1994 г. Бишкекского протокола и установления режима перемирия были предприняты неоднократные попытки построения двусторонних отношений между Турцией и Арменией. Однако особых подвижек в этом направлении не было зарегистрировано. Хотя в период президентства Л. Тер-Петросяна и отмечались сигналы к возможному налаживанию двусторонних связей, но изначальные предусловия Анкары оставались в силе, в том числе и в вопросе карабахского урегулирования. Баку и Анкара стремились более эффективно изолировать Армению от региональных процессов. Нефтегазовые ресурсы Каспийского бассейна, эскалация конфликта на Северном Кавказе придали турецким усилиям особое значение в глазах Запада. В свою очередь, Анкара рассматривала Карабахский конфликт как существенную преграду на пути реализации собственной экспансионистской неоосманской политики в кавказском и центральноазиатском регионах.

Пятый этап отношений – 2008-2010 гг. Эта фаза, известная под названием «футбольная дипломатия», начинается с приглашения президентом Республики Армения Сержа Саргсяна своего коллеги Абдуллы Гюля посетить Ереван для совместного просмотра футбольного матча между национальными сборными Армении и Турции. В начале сентября 2009 г. были опубликованы армяно-турецкие протоколы по нормализации двусторонних отношений, подписание которых состоялось в Цюрихе (октябрь 2009 г.). Турция отказалась их ратифицировать, выдвигая неприемлемые для армянской стороны предусловия относительно карабахского урегулирования, тем самым провалив начатый процесс установления межгосударственных отношений с Республикой Армения.

Научная новизна исследования. В данной монографии рассматривается политика Турции в отношении проблемы Нагорного Карабаха, степень ее вовлеченности в конфликтную динамику, выявляются доселе малоизученные данные о турецком вмешательстве в конфликт на стороне Азербайджана в контексте неопантюркистской доктрины Турции.

На основе обширных материалов, источников, исследований современных работ армянских, турецких и зарубежных авторов, материалов армянской, российской, турецкой, американской и европейской прессы и других данных в работе по-новому освещается внешняя политика Турции в отношении Армении и Азербайджана и фактор Карабахского конфликта в

контексте этой политики.

Впервые при исследовании темы Карабахского конфликта проблема рассмотрена с точки зрения вовлечения в него третьих сторон и определяющих факторов в процессе втягивания в конфликтную динамику и эскалацию противостояния.

Политика Турции в Карабахском вопросе освещается в контексте политики пантюркизма или неоосманской доктрины турецкой внешнеполитической линии в отношении тюркоязычных государств, что позволяет составить целостное представление о реальной мотивации турецких амбициозных внешнеполитических планов – как в регионе Южного Кавказа, так и на постсоветском пространстве в целом.

В исследовании анализируются предпосылки и мотивы турецкого экспансионизма на территории Южного Кавказа как в исторической перспективе, так и на современном этапе. Работа призвана также развеять миф о турецком нейтралитете в Карабахском конфликте, выявляя истинные мотивы и цели неопантюркистской доктрины в контексте этой проблематики.

Исходя из вышеперечисленного, основные тезисы исследования сводятся к следующим.

Первый: Турция сыграла конкретную и определяющую роль в возникновении Карабахского вопроса, инициировав образование государства под названием «Азербайджан»; **второй:** в ходе новой эскалации конфликта в первой половине 1990-х Турция фактически оказалась втянута в конфликтную динамику, выступая на стороне Азербайджана.

Объектами исследования являются Карабахский конфликт и широкий спектр проблем, касаемых турецкой политики в отношении конфликта.

Методологической основой работы стали объективные исторические и политологические методы, базирующиеся на принципе взаимодополнения источников и их изучения на основе многостороннего научного подхода.

В методологическую основу исследования заложен метод историко-сравнительного анализа для рассмотрения логики и развития основных подходов Турции в определении своей внешней политики в отношении Республики Армения и в Карабахском вопросе в региональном и двустороннем измерении.

Метод системного взгляда на проблему в силу комплексного характера изучаемых в работе проблем, а также методы систематизации и периодизации позволили широко раскрыть тему. В ходе исследования были применены также методы комплексного анализа источников и докумен-

тов, взаимодополнения источников, что позволило более корректно и объективно изучить объемный эмпирический материал, рассмотреть объект исследования в ближайшей перспективе и сделать прогнозы о возможных сценариях развития событий.

Комплексный характер исследования в хронологическом и сравнительном аспекте создает необходимость междисциплинарного подхода, который был использован путем сочетания таких научных дисциплин, как право, конфликтология, геноцидология и др. Автор стремился придерживаться принципа объективного исследования событий на основе историзма для наиболее полного изучения как событий прошлого, так и текущей истории. В целях реализации этой задачи и во избежание однобокого и неполноценного представления событий и фактов были применены принципы взаимодополнения и сверки источников, имеющих критическое значение в освещении конкретных фактов и явлений.

Факторы. Основными факторами исследуемой темы являются этно-религиозная поляризация, усиление этнорелигиозного противостояния и радикализация идеологической базы ирредентистских панидеологий.

Отслеживание процесса трансформации внешней политики Турции на постсоветском пространстве после окончания Холодной войны и в этнополитических конфликтах в сопредельных с Турцией арсалах выявляет серьезное влияние факторов этнической и религиозной солидарности и вытекающее из этого нагнетание обстановки в межгосударственных и межэтнических отношениях.

В результате анализа политики Турции в отношении Республики Армения и Карабахской проблемы можно выделить следующие факторы, предопределяющие процесс ее выстраивания:

- Фактор кардинальных геополитических изменений и вопрос разработки новой внешнеполитической стратегии Турции;
- Фактор третьих сторон в этнополитических конфликтах;
- Фактор роли сверхдержав в сдерживании эскалации Карабахского конфликта;
- Фактор этнорелигиозной солидарности.

Поднятую в данной работе проблему можно назвать освещением текущей истории, поскольку именно изучение и анализ настоящей истории позволяют более детально вникнуть в происходящие события, сделать определенные выводы и выстроить соответствующую интересам национальной безопасности Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики внешнюю политику.

Актуальность данной тематики удваивается с учетом воинственной и агрессивной политики и риторики современного Азербайджана и Турции и исходящих из этого новых вызовов в отношении обоих армянских государств.

РАЗДЕЛ I

НАГОРНЫЙ КАРАБАХ И ПАНТЮРКИЗМ В
ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕГлава 1. Турецкая экспансия на Южный Кавказ и
в Карабах в XVI в. – начале XX в.

Нагорный Карабах, расположенный на северо-восточной окраине Армянского нагорья, веками составлял неотъемлемую часть армянского государства. В качестве одной из исторических областей Великой Армении Арцах неоднократно становился ареной захватнических войн, территориальных пределов и передвижений разных народов и племен.¹ Несмотря на непродолжительность перерывов между войнами и захватническими походами, местное армянское население и аристократия в течение многих веков сохраняли независимый статус, в условиях непрерывной борьбы за выживание.²

При рассмотрении истории Карабахского края и векового противостояния его армянского населения разнородным внешним угрозам чрезвычайно важно представлять картину развития событий в кавказском регионе, процесс возникновения азербайджанского государства и истинные планы турецкой политики в отношении Кавказа и карабахской области в исторической перспективе.

В XIII-XIV вв., в результате монгольских нашествий, а затем заполнения края ордами Тамерлана, армянское население Карабаха подверглось тяжким испытаниям. Однако независимые армянские княжества в этом регионе продолжали существовать даже после монгольских нашествий и набегов тюркских кочевых племен в XVI-XVIII вв.

Начиная с XVII века участились захватнические походы османских войск в армянонаселенные регионы севернее реки Аракс, превратив их в арену жестоких столкновений между османскими турками и персидскими войсками. К этому добавились регулярные набеги лезгинских отрядов с Северного Кавказа и разнородных кочевых племен из северных регионов Персии.

Карабах и Нахиджеван сильно пострадали во время турецко-персидских войн, превратившись для обеих армий в зону разбоя, погромов и мародерства. Первое упоминание о нашествии османских войск в Карабах

встречается в первой половине XVI века, когда турецкая армия под командованием Сенана-паши, вторгшись в Восточную Армению и Карабах, сеяла там ужас и опустошение. Турецкий летописец конца XVI — начала XVII века Ибрагим Печеви так описывает поход османских войск в Карабах в 1533 г.: «...На 35-й день войска вошли в страну, известную под названием Карабах – гористый и богатый садами район в стране персов. Внезапно земля покрылась такой пылью, что один не мог различить другого. Светлый день превратился в темную ночь. Население этого края было так разметано и уничтожено, что не осталось даже человеческого следа».³ Там же летописец пишет: «...На 27-й день достигли Нахичеванской равнины... Все города и села, дома и домишки были превращены армией в свиное и воронье обиталище и до того опустели, что при виде их охватывал ужас. Жаждавшие добычи воины... так усердно разграбили, опустошили все села, поселки и жилища на своем пути, что от них не осталось и следа».⁴

Новая волна османских захватнических походов в сторону карабахского края начинается в начале XVIII в., когда армянское население Сюникского региона и укрепленных поселений Карабаха вело народно-освободительную борьбу против персидского и османского владычества. Участвовавшие в это время походы и периодическое разорение, вследствие лезгинских набегов, южных и юго-восточных регионов Армении, а также нарастающая опасность турецкого вторжения заставили армянское население Карабаха всецело заняться организацией и усилением общей самообороны края от внешних угроз.

С началом территориальной экспансии России в район западного побережья Каспия и неминувшего ее столкновения с Персией, в кавказском регионе складывается качественно новая ситуация, вследствие чего армянские княжества Карабаха оказались втянутыми в российско-персидское противоборство, одновременно сопротивляясь экспансии Османской империи.

В течение первой четверти XVIII века по всей территории Карабаха была создана сеть укреплений, известных под названием сыгнахи.^{*} Были известны Большой и Малый сыгнахи, которые порой действовали разрозненно, что позволило некоторым кочевым племенам закрепиться на территории Карабаха. В 1720-х гг., перед лицом турецкой опасности армянские сыгнахи Карабаха объединились под общим руководством видного военачальника Авана-юзбаши. В то же время национально-осво-

* От монгольского слова «сыгнах» – убежище, укрепление.

бодительным движением в Сюнике руководил известный военачальник Давид Бек, который, в отличие от практиковавших тактику позиционной обороны армянских сыгнахов Карабаха, проводил молниеносные вооруженные налеты на укрепления турецких войск и воинственных кочевых племен.⁵

Летом 1723 г., после захвата Тифлиса, турецкие войска устремились к Каспию и в октябре 80-тысячная армия османских турок под командованием Ибрагима-паши осадила город Гянджу. Успешная оборона населения города и подоспевших на помощь армянских сил сыгнахов вынудила турецкие войска снять осаду, потеряв при этом тысячи убитыми. Потерпев поражение, турки вернулись в Тифлис. Неудача под стенами Гянджи лишила их возможности соединиться с лезгинскими отрядами, вместе с которыми они рассчитывали двинуться в сторону Эриванской крепости.⁶

В апреле 1724 г. между мусульманским населением Гянджи и армянскими князьями-меликами Карабаха был заключен договор о совместной борьбе против османских турок. Договор широко обсуждался в Гяндже при участии мусульманского и христианского населения города и был скреплен 125-ю подписями и печатями ее жителей. Согласно тексту этого исторического документа, в случае нападения турецких войск и северокавказских племен на город Гянджу армяне Карабаха обязывались всеми средствами помочь гянджинцам. Аналогичное обязательство взяли на себя и гянджинцы по отношению к карабахским армянам.⁷ Этот договор заложил основы антитурецкого военно-политического союза между мусульманами-шиитами Гянджи и армянами-христианами Карабаха.

В мае 1724 г. 70-тысячное войско османов вновь появилось у стен Гянджи с целью захвата города и Карабаха, но было разбито мусульманским населением города и армянскими силами Карабаха, о чем был уведомлен Петр Первый.⁸ После неудачных попыток захватить Гянджу и Карабах турецкий султан Ахмет III объявил против шиитов-мусульман Кавказа и армянского населения края Священную войну, которая ознаменовалась длительными усилиями османов по овладению узлового города Гянджа с последующим захватом Карабаха и выходом к Каспийскому побережью.

Армянское воинство Карабаха осталось в одиночестве перед лицом надвигающейся опасности захвата и опустошения края турецкими войсками после того, как не оправдались ожидания от каспийского похода Петра Великого и надежды на поддержку русских войск. Более того, 12 июня 1724 г. в Константинополе русский посол Иван Неплюев подпи-

сал договор с Портой, согласно которому бывшее Каспийское побережье Персии – от Дербента до Мазандарана, включая город Баку – было оставлено России с признанием прав османской Турции на персидские владения на Кавказе, включая города Тифлис, Ереван, Гянджу и Нахиджеван, а также области Карабах и Капан.⁹

После подписания Константинопольского договора турецкие войска вновь устремились в сторону Гянджи и Карабаха. Ссылаясь на подписанный с Россией договор, турецкое командование обратилось к жителям этих территорий с требованием сложить оружие и признать власть султана. Однако население продолжало оказывать туркам упорное сопротивление.¹⁰

Героическая оборона Эриванской крепости в 1724 г. и понесенные турками огромные потери заставили затянуться турецкий поход на Карабах, вследствие чего местное население Сюника и Карабаха получило возможность усилить оборону обеих областей и должным образом подготовиться к отражению турецкого нашествия.

После захвата Еревана в конце сентября 1724 г., весной 1725 г. турецкая конница из 4700 всадников вторглась в область Варанда на севере Карабаха. Местное население, видя безвыходность положения, решило хитростью уничтожить превосходящие турецкие войска, для чего распределило их по селам региона. За ночь жители этих сел под руководством дочери мелика Варанды перебили более 4000 турецких аскеров и взяли в плен их предводителя Салиха-пашу.¹¹

Озлобленные поражением и провалом планов захвата Карабаха, турецкие правители всячески старались разрушить системы жизнеобеспечения армянского края. Одновременно турецкий султан неоднократно призывал мусульманских правителей сопредельных регионов совместно выступить против армянских укрепленных районов и подвергнуть их разорению и уничтожению.

Особо следует выделить очевидное намерение турок поголовно уничтожить армянское население Карабаха, о чем сообщил в своих показаниях турецкий военачальник Салих-паша, взятый в плен армянскими силами весной 1725 г. Турецкий паша признался, что «Султан приказал уничтожить в этих странах армян и персиян (имеются в виду шииты – Г. Д.); так как войска русского царя заняли этот берег (Каспийского) моря, нам следует наступить на них. Следует изъять армян, врезающихся клином между нами (! – Г. Д.); нам следует убрать встречающихся на нашем пути препятствия и тем открыть нам дорогу. Не будь вас (армян – Г. Д.), мы давно бы наступили на издревле принадлежавшие нам Дербент и Баку».¹²

Фактически эти признания свидетельствуют о первых попытках систематического уничтожения армянского населения в конкретном географическом ареале со стороны турецкой администрации. Кульминацией этой деятельности стал Геноцид армян, осуществленный в начале XX века, когда в результате целенаправленной политики тотального истребления и депортации было уничтожено полтора миллиона армян. В отношении же армян Карабаха вторая попытка реализовать геноцидальную политику будет предпринята турками к исходу Первой мировой войны — в октябре 1918 г. — и в ходе последующих усилий азербайджанских властей по департизации края.

Таким образом, на примере турецкой политики в отношении армянского населения Арцаха-Карабаха в течение двух столетий прослеживается эволюция антиармянской политики со стороны трех турецких политических режимов: султанского, младотурецкого и кемалистско-республиканского. На эту проблематику обратил внимание армянский исследователь А. Айвазян, рассматривая институциональные, идеологические и психологические корни истребления армян в османском государстве, а также зарождение и эволюцию антиармянской политики турецкого государства.¹³ Попытки систематического уничтожения и изгнания армянского населения из Карабахского края и сопредельных с ним областей составляют неотъемлемую часть геноцидальной политики турецкого государства и созданного с ее помощью государственного образования «Азербайджан», направленной против армянского народа.

Армяне, до того рассматриваемые турками-османами как неспособная к сопротивлению этническая группа, после ожесточенного сопротивления в Карабахе и нанесения поражения османским войскам стали восприниматься совсем иначе, заложив таким образом фундамент для исторического формирования антиармянских геноцидальных настроений в Османской империи. Эти настроения впоследствии были закреплены стереотипом «армянского клина», препятствующего турецкому проникновению в кавказский регион и далее на Восток.

Сложившаяся в Карабахе и в окрестных областях после турецкого нашествия ситуация наглядно описывается в адресованном императору Петру Великому письме от 25 октября 1725 г., в котором армянские крестьяне района Кабалу пишут: «Докладываем тебе... что османская армия прибыла и заняла Гянджу. Положение сыгнахцев тяжелое. Не сегодня-завтра турки займут и их земли, после чего они наступят на Шемаху. Пока не заняли земли сыгнахцев, наступить на Шемаху боятся, опасаясь очутиться в тисках (со стороны сыгнахцев и русских). Все наши деревни, а также и

Шеки насильно туркизируются. Наши рукописи, книги и церкви сожжены, священники вырезаны. Много людей погибло под ударами мечей из-за веры. Положение сейчас такое, что днем исповедуем магометанство, ночью христианство. Другого выхода не осталось у нас».¹⁴

В ответ на просьбы направить военную помощь русская администрация, не желая нарушать подписанный с Портой договор, предлагала армянам Карабаха перебраться в удобные для поселения места в занятых русскими войсками провинциях Прикаспия. Несмотря на тяжелую ситуацию и надвигающуюся турецкую угрозу, армянское население Карабахского края и его предводители наотрез отказались от предложенного царской грамотой переселения.

Борьба армянского населения Карабаха против турецких войск продолжалась в течение всего 1726 г. Осенью 1726 г. 40-тысячное турецкое войско Сары Мустафы, заняв Шош (Шуши) и крепость Кар, где располагался военный лагерь Авана-юзбаша, и большую часть Карабаха, принудило армянские силы к отступлению. Но умелая организация обороны сыгнахов привела в итоге к блестящей победе армянского войска, которое после четырехдневных упорных боев наголову разбило турецкие силы, пленив при этом двух командующих. Сам Сары Мустафа пустился в бег.¹⁵ Русский генерал В. Левашов в адресованном Андрею Остерману зашифрованном письме от 1 августа 1726 г., касаясь борьбы армян Карабаха против османских войск, писал: «Турки с великими потугами неоднократно на армян ходили, но четверократ баталии проиграли и донные армяне туркам сопротивляются...».¹⁶

Основная задача турецких сил заключалась в овладении этим укрепленным пунктом сыгнахцев и уничтожении его предводителей. Казнив 400 местных повстанцев, турки, тем не менее, не смогли окончательно завладеть всем районом восстания. В ходе этого похода турки потеряли двух военачальников и 800 аскеров, к зиме покинув Карабах и отступив в Гянджу.¹⁷

В течение 1727 г. туркам удалось захватить край практически полностью, но очаги сопротивления не погасли, поскольку лидеры вооруженной борьбы армянского населения края все еще находились в Карабахе. Сломить полностью сопротивление карабахских армян туркам так и не удалось, о чем свидетельствует отказ жителей некоторых районов Карабаха платить завоевателям подать.

В 1729 г., после ухода руководителей национально-освободительного движения в Россию, борьба против турецких захватчиков была продолжена новыми военачальниками, на этот раз при поддержке персидского

шаха Надира. После его смерти (1747 г.) мелики Карабаха сохраняли относительно независимый статус еще несколько лет – до образования Шушинского ханства во главе с Панах-ханом в 1750-е гг.

В 1731 г. турецкий султан специальным фирманом вновь объявил Священную войну против армянского населения карабахских сыгнахов и отдал приказ турецким силам, дислоцированным в Эриванской крепости под предводительством Ибрагима-паши и Махмуда-паши в Баязиде, а также местному мусульманскому войнству Ширвана и Гянджи совместно с северокавказскими племенами выступить против армянских укреплений. Султан приказал в случае если «гяуры изъявят желание платить дань», брать заложников и соглашаться на это предложение, а в случае отказа – наступать на них, разорять жилища и укрепления армян и «производить там должное опустошение».¹⁸

Периодические набеги турецких сил и воинственных племен с Северного Кавказа и Персии создали атмосферу нависшей над армянским населением Карабаха перманентной угрозы, что вызвало большой отток местных жителей из края. Однако решимость карабахцев бороться за свою свободу была непоколебима. Одним из центров борьбы армян Карабаха против турецких нашествий стала крепость Гюлистан.

О реальных планах османских султанов по захвату Каспийского побережья, Баку и Дербента подробно рассказывается в исключительно интересном документе, составленном одним из лидеров народно-освободительного движения, Минасом-вардапетом, и представленном царской администрации. В донесении графу С. А. Салтыкову он пишет, что армяне Карабаха турецкому войску «к Каспийскому морю путь воспрещали», а «оныя Турки, по совету промеж собою, с бухарцами имеют соединенное дружество и рассуждают, ежели христиане будут соединятся, то де нам надобно им не поддаватца».¹⁹ Фактически в этом документе обрисованы первые зачатки пантюркистских воззрений османских правителей, а «армянский клин» в Карабахе представлен как фактор, препятствующий дальнейшей турецкой экспансии на Кавказ и в Центральную Азию.

Выход к Каспию для османских войск был возможен двумя путями: через владения грузинского царя Вахтанга и через укрепленные армянские сыгнахи Карабаха. Минас-вардапет в своем донесении пишет о всяческих уговорах и угрозах османских и местных мусульманских правителей в адрес армянского населения Карабаха с целью отрезать его от России, которые после получения отказа «меры взяли оных искоренять» и возобновили карательные походы. Вновь многие армянские города и села подверглись разорению и опустошению. В документе приводится

любопытная деталь о пленении тысяч местных армян, хотя по турецкому обычаю до этого армян в плен не брали, но по причине прорусских симпатий и того, что «к России в верности находятся, узаконили ныне в неволю брать и продавать».²⁰

За этот период кочевые племена из сопредельных с Карабахом регионов, воспользовавшись слабостью и междоусобицей карабахских меликов, начали интенсивно проникать в край и оседать здесь. В период с XVII по XVIII век, пользуясь турецким присутствием, в регион хлынули различные тюркоязычные и курдские племена из северных и восточных персидских владений.

Сопrotивление армянского населения Карабаха и Зангезура турецким нашествиям продолжалось вплоть до 1735 г., когда иранский военачальник Надир-шах Афшар (стал шахом в 1736 г.) разбил османское войско и выгнал турок с Кавказа. Вознаградив армян за их лояльность и содействие, Надир-шах в то же время выдворил некоторые кочевые племена, в том числе племя джеваншир, из Карабаха, расселив их в Иране. Но вскоре после убийства Надир-шаха (1747 г.) эти племена вернулись из ссылки и вновь обосновались в Карабахе.²¹

Так, согласно азербайджанским источникам, предводитель племени джеваншир и основатель Карабахского ханства Панах Али-хан во второй половине XVIII века во главе джеванширов, отузиков и других воинствующих кочевых племен появился в Карабахе и, обосновавшись в крепости Шуши, совершал набеги на Гянджу и Нахиджеван.²² Воспользовавшись ситуацией, создавшейся после убийства Надир-шаха, Панах Али-хан в 1750 г. провозгласил себя ханом Карабаха, усилив разбойничьи атаки против мирного населения Карабаха и сопредельных территорий.

С начала XVIII века карабахские мелики неоднократно посылали петиции Петру Первому, Екатерине Первой и последующим российским монархам с просьбой оказать содействие в борьбе с османами и персидскими войсками и присоединить Карабахский край к Российской империи. Эти прошения направлялись и в эпоху правления Екатерины Великой а также адресовались знаменитому русскому полководцу А. В. Суворову.²³

Периодические войны с целью захвата армянонаселенной территории Карабаха, применение тактики выжженной земли с одновременным заселением края лояльными кочевыми племенами сопровождалось последующим выдавливанием армянского населения, которое находило пристанище в соседней Грузии, в Ширване или же эмигрировало в Россию.

По Гюлистанскому договору, заключенному 12 октября 1813 г. между

Персией и Российской империей, территория Карабаха вошла в состав последней. Позже земли Нагорного и Равнинного Карабаха стали частью Елизаветпольской губернии Российской империи.

В период нахождения Карабаха под властью Российской империи Турция отнюдь не переставала вынашивать захватнические планы в отношении Кавказа. Она лишь ждала удобного момента для исторического реванша против своего регионального соперника, к которому вследствие неудачных для Порты русско-турецких войн, в XIX веке отошли значительные владения Османской империи, что блокировало экспансию последней в восточные и северные районы Кавказа.

Тесная связь тюркского населения Кавказа и анатолийских турок была особенно заметна в отношениях интеллектуальных кругов. Ей сопутствовал также процесс зарождения и дальнейшей концептуальной разработки пантюркистской доктрины, которая в начале XX века из аморфного культурного явления постепенно превратилась в политически организованное движение. Идейными подвижниками этой идеологии стали эмигранты из татар и тюркоязычных мусульман Юго-Восточного Кавказа.

На процесс развития национального движения в узкой интеллектуальной среде кавказских турок особенно большое влияние оказала младотурецкая революция 1908 г. Уже в декабре 1908 г. в Стамбуле появилась организация «Тюркский кружок», занимающаяся пропагандой тюркизма. Ее председателем и главным теоретиком пантюркизма стал Зия Гёкальп, выдвинувший идею Великого Турана, в рамках которого под эгидой Турции должны были объединиться все тюркские народы. В состав «Тюркского кружка» вошли и эмигрировавшие из России кавказские турки – Ахмед-бек Агаев, Али-бек Гусейнзаде, Мамед Эмин Расул-заде, – ставшие верными адептами пантюркистской идеологии. Они вернулись домой, вооруженные четкими оформленными идеями пантюркизма, превратившиеся после 1908 г. в основное направление политической мысли закавказских мусульман.²⁴

Согласно видению идеологов пантюркизма, первый этап реализации пантюркистской доктрины воплощался в огузанизме, т. е. в объединении анатолийских и кавказских турок, имеющих общее огузское этнолингвистическое начало.

По мнению некоторых азербайджанских авторов, в начале XX века, когда в среде турок-мусульман Кавказа еще отсутствовали государственно-правовые традиции, а их национальное движение находилось в зачаточном состоянии, именно пантюркизм и идеи тюркской солидарности сыграли важную роль в консолидации азербайджанских турок и превра-

щении их в политическое целое, в оживлении и развитии национального самосознания.²⁵

Следует также отметить, что среди тюркоязычного населения Южного Кавказа преобладающим было иранское культурно-цивилизационное влияние, а собственно туркофильские и пантюркистские настроения преобладали в узких интеллектуальных кругах. Впрочем, деятельность последних была первоначально направлена на усиление турецкого компонента в национальном самосознании кавказских турок, впоследствии эволюционизировавшего к местной азербайджанской этно-национальной идентичности, создав, таким образом, конфликтующую дихотомию.

Идеология пантюркизма и программа полного и повсеместного уничтожения армян под прикрытием Первой мировой войны стали основными движущими постулатами в экспансионистских планах младотурецких лидеров. Именно в этом ключе виделась младотурецким стратегам первоочередная задача процесса реализации плана захвата тюркоязычных ареалов и устранения «армянского клина» на этом пути. Для правителей Османской империи план широкомасштабного уничтожения армянского этноса означал, в первую очередь, окончательное решение Армянского вопроса, названного министром финансов кайзеровской Германии М. Эрцбергером «одной из самых черных страниц в долгой книге Европы».²⁶

Примечательно, что Геноцид армян в Османской империи был запланирован младотурками задолго до начала Первой мировой войны, и в числе прочих поставленных перед ним задач было установление непосредственной связи между анатолийскими турками и тюркоязычным населением Российской империи и Персии. Первый этап этого плана предусматривал уничтожение армянского населения Османской империи с последующим искоренением армянского элемента на территории Восточной Армении, в частности, в Нахиджеване и Нагорном Карабахе, и установление прямого сообщения с землями, населенными кавказскими турками.

Известный английский историк Арнольд Тойнби основной причиной турецкой политики депортации и уничтожения армян и айсоров (ассирийцев) считал стремление Турции обеспечить связь между «русским Азербайджаном», Персией и мусульманами Востока путем создания однородного турецкого населения в этом ареале с параллельным полным уничтожением инонационального и иноконфессионального элемента.²⁷

Турецкое проникновение в южные тюркоязычные ареалы Российской империи происходило непрерывно, и в качестве основных опорных пунк-

тов для турецкой агентуры были избраны частично тюрконаселенные районы на территории Нагорного и Равнинного Карабаха.

Следует отметить, что еще в 1905-1906 гг., во время так называемых армяно-татарских столкновений в Баку, Карабахе, Нахиджеване и в других городах и регионах Южного Кавказа, тюрко-татарские националисты получали от Османской империи значительную помощь в виде оружия, а турецкие эмиссары усиленно агитировали среди мусульман Кавказа, создавали тайные организации.²⁸

В период этих столкновений младотурецкие комитеты установили тайные связи с кавказскими мусульманскими организациями. В этом смысле весьма характерным является секретное письмо Бехазддина Шакира – одного из младотурецких идеологов, написанное в марте 1906 г. из Парижа и озаглавленное «Кавказским исламским братьям». В нем, в частности, говорится: «Получили Ваше письмо, которое зачитали на совещании нашей организации. Единогласно приветствуем создание Вами научных и политических обществ во всех частях Кавказа во имя защиты исламских и национальных прав, использование османского турецкого в школах и в издательской деятельности, а также Ваши намерения отправить в Европу представителей для упрочения отношений с нами». В седьмом пункте этого письма сказано следующее: «Армяне являются нашими врагами и главным препятствием вашего освобождения от русского ига. Разрабатывайте конкретную программу для их ослабления».²⁹

С этого момента политические круги кавказских тюрков установили контакты с турецким комитетом «Единение и прогресс», регулярно получая издававшуюся им в Париже и Каире периодику. Один из активных идеологов пантюркизма, Ахмед Агаев (родом из Карабаха), установил контакты с Бехазддином Шакиром. Статьи и идейные постулаты младотурок были перепечатаны в тюркских изданиях, выходивших в Баку после 1905 г.³⁰

Характерно, что это письмо-наставление было написано в период жестоких армяно-татарских столкновений, когда во всех уголках Кавказа фанатичные банды местных мусульман при попустительстве, а иногда и подстрекательстве царских властей нападали на армянские кварталы в городах Баку, Шуши, Елизаветполе, Нахиджеване, Тифлисе и др. Итогом этих столкновений стало убийство тысяч невинных людей, в том числе сильно пострадало армянское население Баку, и при этом никто не понес

²⁸ Татарами, точнее кавказскими татарами, именовалось тюркоязычное мусульманское население Южного Кавказа.

наказание за совершенные преступления.

Параллельно с этим участились попытки создания младотурецкими организациями своих филиалов среди мусульман Российской империи и распространения на Кавказе младотурецкой идеологии посредством изданной в Стамбуле литературы. Младотурецкая агитация велась и на территории Карабаха, в частности среди мусульман города Шуши.³¹

С этого момента армяне Карабаха стали главной мишенью будущего азербайджано-турецкого военно-политического сотрудничества. Планы захвата и последующей тюркизации Карабаха подразумевали реализацию конкретного этапа пантюркистских устремлений на территории Кавказа и исключение всякой возможности образования единого армянского государства. Проводником агрессивных турецких планов на территории Южного Кавказа впоследствии стало новое государственное образование под названием «Азербайджан», в состав которого, по замыслу его создателей, должен был входить и армянонаселенный Карабах.

Таким образом, зарождение и усиление пантюркистских веяний среди кавказских тюрков Российской империи возбуждало антиармянские настроения не только по причине того, что пантюркизм по своей природе является собственнорасистской идеологией, но еще и потому, что Армения сама по себе рассматривалась географической преградой, нарушающей единство тюркского мира.³²

После прихода весной 1908 г. к власти младотурки приступили к распространению панисламистской и пантюркистской идеологии за пределами Османской империи. Российская администрация с пристальным вниманием и опаской следила за деятельностью турецкой агентуры на Кавказе.³³ В 1910 г. царская администрация в лице Министерства иностранных дел предупредила заместника на Кавказе о том, что младотурки вовсе «не намерены ограничить свою пропаганду в пределах турецких границ».³⁴

Турецкая разведка начала действовать в кавказском регионе под неофициальным прикрытием. В 1909 г. усилиями османской Турции была создана организация «Canbîzâr», основной целью которой стало противодействие армянским вооруженным группам в Закавказье. Османский консул в Карсе содействовал контактам этой организации с местным филиалом общества кавказских тюрков «Дифаи». В 1912 г. «Canbîzâr» (с центром в Эрзеруме) при содействии агентов османских спецслужб открыл свое отделение в Карсе.³⁵

Уже к 1911 г. младотурки активно приступили к созданию своих организаций на Кавказе, в Туркестане, в иранской провинции Азербайджан

и в тюркоязычных ареалах Китая. Турецкие агенты, приступившие к распространению пантюркистской идеологии, в особенности из числа членов секретной военизированной организации «Тешкилат-и махсуса» (Teskilat-ı Mahsusa), усиленно работали в среде мусульман Кавказа и Поволжья посредством преподавания турецкого языка, по всей видимости, в сочетании с «идеологической индоктринацией». ³⁶ Наряду с этим дипломатические представительства Османской империи были проинструктированы на предмет участия в этих пропагандистских кампаниях.

Перед началом Первой мировой войны между мусаватистами и младотурками было заключено секретное военно-политическое соглашение. В 1913 г. в приграничном с Россией городе Баязете состоялось тайное совещание с участием делегатов от Османской империи и кавказских тюрков, на котором было принято решение направить все усилия на объединение западных и восточных тюрков, а также координировать подрывную деятельность на территории Российской империи с турецкой разведкой и политическими институтами. ³⁷

Об озабоченности царской администрации проникновением на Кавказ турецкой агентуры в канун мировой войны свидетельствует усиленная слежка царской охраны и контрразведки за передвижением пантюркистских идеологов, проживавших на территории Российской империи.

Существуют определенные основания для утверждения, что пантюркистское движение вовсе не началось спонтанно или же неорганизованно, а, напротив, действовало системно и направлялось из одного центра по четко сформулированным планам действий. ³⁸ Когда в конце 1914 г. Бехаздин Шакир объезжал восточные районы империи, близкие к кавказской границе, с целью организации местных структур «Тешкилат-и махсуса», он имел при себе плакаты-указатели, гласящие: «Путь на Туран проходит отсюда». Они вешались в восточных окраинах тех городов и сел, через которые он проходил. ³⁹

Другой лидер младотурков, доктор Назым, «оправдывая» действия турецких идеологов в период Первой мировой войны, называл план массового истребления армян первоочередной задачей пантюркизма: «...Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, а если они станут известны, то будут поставлены перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; необходимо уничтожить

всех до единого...». ⁴⁰

Геноцид армян и всего христианского населения Османской империи и сопредельных регионов Кавказа, как впоследствии станет ясно, не только должен был обеспечить непрерывную связь тюркоязычного населения Малой Азии и Кавказа, но и заложить красугольный камень в создание новой турецкой государственности под девизом «Турция — для тюрков». Более того, этнические чистки и истребление армянского населения на обширных пространствах Кавказа, в свою очередь должны были обеспечить жизнеспособность провозглашенного с помощью турецкой военно-политической верхушки государства под названием «Азербайджан».

Установив через секретную организацию «Тешкилат-и махсуса» контакты с представителями кавказских тюрков и других кавказских народов, османские турки стремились организовать разного рода диверсионные операции в тылу русской армии с конкретными обещаниями содействовать в признании их независимости или автономии. В то же время ничего подобного не было обещано тюркам Восточного Закавказья. Это означало, что в самом начале войны османские стратеги не придавали особого значения идее создания отдельного государства для тюркоязычных мусульман юго-восточного Кавказа. ⁴¹

Таким образом, к моменту начала Первой мировой войны турецкие военно-политические круги и их идеологические сподвижники на Кавказе уже окончательно выработали общую стратегию действий. Главной мишенью турецко-азербайджанского политико-идеологического тандема стал Армянский вопрос, точнее, пресечение возможности возникновения армянской государственности, главной целью — устранение «армянского клина» на пути слияния тюрконаселенных ареалов Малой Азии и Кавказа.

Глава 2. Турецкий экспансионизм в годы Первой мировой войны и Карабахский вопрос

С началом Первой мировой войны младотурки и сочувствующие им на Кавказе круги вплотную занялись реализацией пантюркистских планов, при этом заручившись согласием и поддержкой Германии, которая в самом начале войны, в августе 1914 г., официально обязалась заставить Россию изменить восточные границы с Османской империей для обеспечения непосредственной связи с мусульманонаселенными регионами Кавказа.¹ Это условие было зафиксировано в первом пункте доверительного письма германского посла в Турции фон Вангенгайма великому визиру Мехмеду Сеиду Халиму-паше от 6 августа 1914 г. В этом документе указывалось: «Германия обязуется обеспечить Турции такое исправление ее восточных границ, которое даст ей возможность установить непосредственное соприкосновение с мусульманскими элементами в России».²

Согласно германо-турецкому договору, заключенному на срок до конца 1918 г., Берлин брал на себя обязательства по защите Турции лишь при нападении на нее России (ст. 4), при этом, по условиям договора, фактическое руководство турецкой армией переходило в руки германской военной миссии в Османской империи (ст. 3).³

Уже 31 октября 1914 г. военный министр Османской империи Энвер-паша приказал командующему 3-й турецкой армией Иззету-паше четырьмя кавалерийскими дивизиями начать наступательную операцию в направлении Кавказа для захвата Карабаха, Баку и Дагестана. Для уничтожения системы военного снабжения России и разжигания восстаний мусульман в тылу российской армии он требовал, чтобы войска «не оставляли камня на камне, разрушали железные дороги и мосты, сжигали станции, поднимали на ноги население всего Кавказа».⁴

Одновременно с началом войны в России резко активизировались турецкие идеологические диверсанты, намеревавшиеся с помощью пантюркистской и панисламистской пропаганды настроить российских мусульман, прежде всего – мусульман Кавказа, – против местной администрации и спровоцировать отторжение от Российской империи пограничных провинций с высокой долей мусульманского населения. Известно, что для этих целей только на Кавказ было дополнительно заслано 60 офицеров турецкой разведки.⁵ В регионе интенсивно распространялись султанские пропагандистские фирманы об объявлении Священной войны –

для поднятия восстания в тылу российской армии.⁶

Идеологи пантюранизма, воодушевившись началом Первой мировой войны, полагали, что настало благоприятное время для достижения «национального идеала», ради чего Турция и вступила в мировую войну. В циркулярном письме Центрального комитета партии «Единение и прогресс» к своим организациям на местах от 12 ноября 1914 г. говорилось: «Национальный идеал нашего народа и нашей страны требует от нас уничтожения московского врага, для того чтобы тем самым достигнуть естественных границ, которые охватят и объединят всех наших сородичей. Наше религиозное чувство побуждает нас освободить мир ислама от господства неверных».⁷

В планы турецких завоевателей входила полная аннексия Кавказа с выходом к берегам Волги, а в последующем и «освобождение Турана», т. е. проникновение в Центральную Азию. Как пишет известный исследователь Фируз Каземзаде, «жадность завоевателей не знала границ. Опьяненные успехом и осознающие беззащитность своих жертв, турки не останавливались ни перед чем, чтобы захватить столько территорий, сколько могли».⁸ Местную мусульманскую молодежь, используя турецкую пропаганду и симпатии к единоверцам Анатолии, стали активно привлекать в ряды османской армии для борьбы против русских войск на кавказском театре военных действий. С наступлением турецких войск в районе Карса и Ардагана кавказские турки-мусульмане сотрудничали с турками в тылу русской армии, проводя диверсионные операции: подрывы мостов, поджог железнодорожных станций, уничтожение коммуникаций и систем снабжения и т. д.⁹

В конце 1914 г. турецкие войска во главе с военным министром Энвер-пашой совершили поход в сторону персидской провинции Азербайджан и в январе 1915 г. захватили практически беззащитный Тебриз. В ходе этой операции были истреблены тысячи армян и айсоров, проживающих в северных провинциях Персии. Следующей целью турецких войск было продвижение на север, в сторону Кавказа, планируя захватить его тюрконаселенные восточные районы. В связи с этим один из лидеров младотурок, Омер Наджи, был назначен инспектором партии «Единение и прогресс» по Восточному Кавказу. Это назначение предзнаменовало намерение османских правителей объединить территории севернее и южнее Аракса для установления над ними турецкого контроля.¹⁰

Таким образом, турецкие военно-политические круги вплотную приступили к реализации операции по созданию государства-сателлита, которое появится в мае 1918 г. под названием «Азербайджан».

Согласно планам идеологов пантюркизма и лидеров младотурок, в частности военного министра Энвера-паши, Кавказский фронт должен был сыграть главную роль в осуществлении идеала пантюркизма. «Кавказ – путь к Турану», «Туран – в турецком сердце», а «Азербайджан должен стать крепостью, частью основной великой родины, великого и сильного Турана».¹¹ И вовсе неслучайно, что во время Первой мировой войны из 45 турецких дивизий 10 находились на Кавказском фронте.¹² И это несмотря на протесты и обвинения немцев – союзников турок по оружию, которые указывали на неприемлемость оголения Палестинского фронта и переброски турецких сил в кавказском направлении.

По замыслу идеологов и сторонников пантюркизма, главной целью восточной кампании турецкой армии было создание мощной империи «от берегов Адриатики до границ Китая», основой которой должно было стать языковое, религиозное и национальное единство населяющих это обширное пространство народов.¹³ В эту задачу входило не только завоевание конкретных земель и их отторжение от зоны влияния России, но и создание на территориях Северного Кавказа и Закавказья подконтрольных государственных образований.¹⁴

В этом смысле территориям Восточного Кавказа, с преобладающим мусульманским населением, придавалось особое значение. Уже в феврале 1915 г. представитель кавказских тюрок Аслан Хан-Хойский тайно пробрался в штаб Энвера-паши в Эрзеруме для обсуждения возможности создания в этом регионе государственного образования с включением в его состав территории Бакинской, Елизаветпольской, Эриванской губерний, а также Дагестана и Терека – с согласия турецких военных кругов.¹⁵

Однако после провала Сарыкамышской операции (зима 1914/15 гг.) и последующего массированного продвижения русской армии в глубь Османской империи, пантюркистские замыслы младотурок на время были свернуты, и главной задачей стало спасение разгромленной армии и империи, а также удержание власти.

Провал Сарыкамышской операции стал удобным поводом для обвинения турецких армян в предательстве и реализации давно выпавшей идеи их депортации и выкорчевывания армянского присутствия со всей территории империи. Осуществление политики геноцида началось с весны 1915 г. и продолжалось вплоть до первых лет провозглашения Турецкой Республики. Как стало ясно впоследствии, план повсеместного уничтожения армянского населения младотурки стремились воплотить и вне границ империи. По поводу Геноцида армян Уинстон Черчилль метко заметил: «Не существует разумных сомнений относительно того,

что это преступление было задумано и выполнено по политическим причинам. Представился удобный случай очистить турецкую землю от христианской расы, препятствовавшей турецким планам и лелеявшей национальные амбиции, которые могли быть удовлетворены лишь за счет Турции, к тому же разделившей турецких и кавказских мусульман географически».¹⁶

В конце 1917 г. Османской империи выпала неожиданная геополитическая возможность как для наверстывания потерь, так и для вероятных приобретений. Большевистский переворот в Петрограде в октябре 1917 г., последующее перемирие и отход российских войск с Кавказа были рассмотрены в Константинополе как удобный шанс для претворения в жизнь вождя Османской империи. Новый всплеск пантюркистских настроений на этот раз был спровоцирован четкой целью вклиниться в российские земли и завладеть нефтеносными областями западного Прикаспия.¹⁷

По мнению американского исследователя Майкла Рейнольдса, основной целью османских турок было вовсе не соединение со своими этническими или религиозными братьями. По его мнению, главная цель была более чем простой и лишённой всякой романтики: ослабить русскую мощь путем расчленения Российской империи и поставить буфер между своими границами и границами России, с намерением эксплуатировать идею мусульманского единства для обслуживания интересов османского государства, а вовсе не жертвовать ресурсами и целями империи ради идеи солидарности.¹⁸

В феврале 1918 г. был созван Закавказский сейм, призванный законодательно оформить отделение от России региона, создав буферное территориальное образование.

В начале 1918 г., к моменту начала переговоров между представителями Германии и большевиков в Брест-Литовске, турецкие войска, нарушив заключенное в декабре 1917 г. в Ерзика (Эрзинджан) перемирие, перешли в наступление по всему фронту с целью захвата Кавказа, и в первую очередь – Баку с его богатыми нефтепромыслами. Сея на пути своего продвижения смерть и разорение, турки встретили упорное сопротивление армянских войск у Сардарапата, Караклиса и Баш-Апарана, но не отошли от главного, бакинского направления, намерившись проложить путь в Баку через Карабах.

Одновременно с этим турецкие военно-политические круги готовили почву для провозглашения нового государственного образования кавказских тюрок, ведя интенсивные переговоры с представителями партии

«Мусават». По словам деятеля Русского национального совета в Баку Б. Байкова, «Сепаратизм Азербайджана был насажден опытной рукою турок, разжегших честолюбивые замыслы представителей местного политического авантюризма, для которых внутреннее крушение России и ее временное ослабление представляли столь благоприятные обстоятельства».¹⁹ Далее Б. Байков отмечает, что «правители Азербайджана проделанным им опытом государственного управления не убедили и Западную Европу в правоте своего дела и не смогли никому вселить мысли о серьезности своих начинаний...».²⁰

После провозглашения большевиками «Декрета о мире» и поспешной эвакуации солдат и офицеров Кавказской армии с театра военных действий, весь Кавказский фронт оказался оголенным. Малочисленные армянские и грузинские формирования попросту не могли выстоять против регулярных и опытных соединений турецкой армии.

После ухода русских войск с Кавказа исполнительная власть в Карабахе осуществлялась Национальным советом армян края, куда входили представители ряда политических партий. Управление Карабахским краем велось через местный межнациональный комитет (с центром в Шуши) с представительством армянской и мусульманской частей.

По ходу продвижения турецких войск в сторону Кавказа лидеры кавказских тюрок однозначно высказались против какого-либо сопротивления единоверцам-туркам, поскольку, по словам Ф. Каземзаде, «стояли ближе к врагу, чем к государству, частью которого они являлись».²¹ Позднее сами турецкие военные признавались, что во время их наступления мусульманское население Азербайджана «начало открыто проявлять искренние чувства к туркам» и вышло из состава Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР).²² Более того, по их словам, к началу вторжения турецкой армии в Закавказье турецкие военные предполагали компенсировать потери в живой силе за счет рекрутирования новобранцев среди мусульманского населения Азербайджана.²³ Однако в преддверии захвата Баку процесс набора новобранцев среди местных мусульман проходил весьма сложно, вследствие чего турецкое командование прибегло к репрессивным мерам.

На этом этапе войны, для организации тайной работы среди кавказских тюрок и туркестанских народностей, по инициативе младотурок было сформировано специальное Кавказское управление во главе с Гасаном Рушени, который в марте 1918 г. с секретной миссией перебрался в Баку, где создал агентурную сеть и установил связи с протурецкими элементами восточного и северного Кавказа и Туркестана.²⁴

Согласно условиям подписанного 3 марта 1918 г. Брест-Литовского договора, большевистская Россия была вынуждена отказаться в пользу Турции не только от территорий, занятых в ходе Первой мировой войны, но и от Карса, Ардагана и Батума. Статья 4-я этого договора гласила: «Россия делает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции».²⁵

Умело манипулируя большевиками и германскими союзниками, младотурки приступили к новым инициативам на Кавказе, направленным на формирование приемлемого для Порты расклада сил и создание предпосылок для вторжения в глубь Кавказа в рамках реализации пантюркистских и панисламистских планов. Для этих целей они начали бескомпромиссные переговоры с армянской, грузинской стороной и представителями азербайджанских тюрок. Последних турки справедливо рассматривали как проводников своих интересов в регионе и всецело рассчитывали на поддержку тюрок – мусульман Кавказа в ходе военной интервенции с целью захвата Баку.

Армяне небезосновательно опасались турецкого вторжения, которое грозило повлечь за собой новую волну массовых убийств и разорений армянонаселенных регионов, к тому же провоцировало к насильственным действиям и погромам и местное мусульманское население.²⁶

Турецкие военные отнюдь не скрывали своих намерений повсеместно уничтожить армянское население на пути движения турецких войск, для обеспечения успешной реализации экспансии в сторону Каспия и Северного Кавказа.

Трапезундская мирная конференция (март-апрель 1918 г.), начавшаяся сразу после подписания Брест-Литовского договора, проходила между представителями Османской Турции и делегацией Закавказского сейма. Эту делегацию турецкие переговорщики рассматривали как представителя не полноценного государства, а территорий, которым суждено оказаться в пределах будущей Турции.

Турки стремились воспользоваться результатами Брест-Литовского договора и в ходе переговоров с представителями кавказских республик добивались новых территориальных приобретений. В этом деле они не только опирались на свое военное преимущество, но и задействовали «строганского коня» – созданное и опекаемое ими же государственное образование под названием «Азербайджан».²⁷ На Трапезундской конференции турецкие представители говорили об «исторической» роли тюрок и призывали использовать уникальный шанс – «падение царизма» – для воз-

вращения народов Кавказа «в лоно Турецкой империи», выражая при этом готовность заключить «братский и продолжительный мир», установить «добрососедские отношения» с Закавказской республикой (имеется в виду Закавказский сейм – Г. Д.), «находящейся в процессе образования».²⁸

Главная задача турецкой стороны состояла в склонении армянской и грузинской делегаций к объявлению независимости и отделению края от России. Армянская сторона четко осознавала, что этим воспользуется Турция, которая для реализации своей пантюркистской программы стремится выйти за границы, установленные Брестским миром, и в результате Армения окажется перед опасностью полного уничтожения.²⁹ Мусаватисты же целиком поддерживали турецкие притязания на Кавказ и вовсе не скрывали свои планы по содействию турецкому экспансионизму.

27 апреля 1918 г. в Константинополе был подписан секретный германо-турецкий договор, который разделял территории Кавказа на зоны влияния Германии и Османской Турции. Согласно этому документу, к Турции переходили армянские территории, уже завоеванные турецкой армией, в том числе и железная дорога Карс – Александрополь – Джуга (Джулфа). Вслед за этим последовало подписание секретного соглашения с мусаватистами, открывшего дорогу в сторону Баку.³⁰

Цели, которые преследовались турецким командованием на Кавказе, сводились к выполнению нескольких стратегических задач. Во-первых, получить контроль над максимумом территорий на Кавказе и добиться установления как минимум границы Османской империи на момент начала русско-турецких войн, в основном за счет армянских земель. Во-вторых, открыть прямой доступ к мусульманским губерниям бывшей Российской империи (Бакинской и Елизаветпольской) и выйти на Северный Кавказ. В-третьих, создать угрозу позициям Англии на Ближнем Востоке, с выходом к Каспийскому морю. В-четвертых, захватить контроль над бакинской нефтью и ее транзитом, в частности над главной стратегической дорогой, соединяющей Черное и Каспийское моря, и существующим к тому времени нефтепроводом Баку – Батуми.³¹

На пути реализации стратегических планов младотурок снова оказались армяне, теперь уже в лице армянского населения Кавказа. Младотурецкие лидеры не держали в тайне свои планы относительно судьбы кавказских армян и демонстрировали готовность подвергнуть их той же участи, что и турецких армян в 1915 г.

Командующий вторгшимися в Закавказье турецкими войсками генерал Халил-паша, находясь в Ереване летом 1918 г., заявил: «Я старался унич-

тожить армянскую нацию до последнего человека».³² В свою очередь один из лидеров младотурок, Бехаэддин Шакир, обращаясь к премьер-министру Республики Армения Александру Хатисяну, сказал: «Армяне стоят на пути осуществления наших общисламских, общетюркских священных идеалов, и мы неизбежно столкнемся с ними. Это выше наших чувств и настроений. Мы вынуждены стихийным образом уничтожать на нашем пути все, что может стать препятствием. И еще. Вы всегда с русскими, вы являетесь их авангардом, а русские – наши заклятые враги. Подумайте об этом и меняйте вашу психологию и ориентацию...»³³

После поголовного уничтожения армянского населения на территории Западной Армении и по всей Османской империи, турецкие войска приступили к истреблению армян теперь уже на земле Восточной Армении, в том числе и армянского населения Карабаха. Захват Карабаха турецкими войсками полностью открывал дорогу к богатым нефтепромыслам Баку, где в то время уже была провозглашена Советская власть в лице Бакинской коммуны под руководством Степана Шаумяна. Поэтому первоочередной задачей османских военных стала нейтрализация армянского сопротивления на пути захвата Баку, и для достижения этой цели младотурки стремились заключить мирный договор с Арменией на выгодных для Турции условиях.

Усилия турецких войск в северо-восточном направлении сводились к попыткам установить контакты с вооруженными формированиями азербайджанских тюрок и таким образом полностью окружить Армянскую республику.³⁴

В мае 1918 г., потерпев поражение под Сардарпатом, части турецкой армии двинулись в сторону Баку по направлению Караклис – Казах, а отдельные армейские соединения, насчитывающие несколько тысяч человек, уничтожив и разорив на своем пути армянские села долины Куры, остановились у ворот Карабаха. Угроза тотального истребления нависла и над армянским населением Восточной Армении. Причем о реальности такой угрозы сообщали как союзники османцев – германские военные, – так и союзники Армении, представители стран Антанты. В письме германскому канцлеру, отправленном в июле 1918 г. из Тифлиса главой германской миссии на Кавказе генералом Крессом фон Крессенштейном, говорилось: «В настоящее время Турция хочет начать наступление из Азербайджана на населенный армянами Карабах, разорить тамошнее население под предлогом, что тамошние армяне агрессивно настроены против мусульман. Турецкая политика ясна. У турков есть намерение уничтожить армян. Армяне преследуют, где только возможно, их провоцируют

и получают повод к новым нападениям. Если это не удастся, то их заставляют голодать и нищенствовать. С этой целью они грабят, вопреки Багумскому договору, оккупированные области, увозят все, что возможно».³⁵

Вскоре, осознав утопичность плана полной нейтрализации или же ликвидации армянской государственности, младотурки решили сделать Армению нежизнеспособной и легкоуязвимой, лишив ее условий для нормального независимого существования. Можно согласиться с Ю. Барсеговым относительно наличия в таком «расположении» политико-правового фактора. Лишенное самостоятельности и ослабленное армянское государство могло дать Турции больше политических выгод, чем его полное уничтожение. Идя на признание Армянской республики, младотурецкие лидеры руководствовались своими политическими интересами в двух сферах межгосударственных отношений: 1) с союзницей Германией и 2) с противниками – державами Антанты. При этом турки были против передачи Карабаха и Зангезура Армении, стремясь таким образом держать под своим контролем дорогу к Баку. Также они противились присоединению к Армении области Лори и Джавахка, чтобы сохранять открытыми подступы к Казаху и Гяндже (Гандзак).³⁶

Как впоследствии выяснилось, между двумя фракциями младотурецких главарей разразилась жаркая дискуссия относительно целесообразности признания независимого армянского государства. Военный министр Энвер-паша считал, что «армяне были и остаются нашими врагами и не оставят в покое наши анатолийские области, тогда лучше, чтобы они основательно были истреблены также и на Кавказе, как это было в Турции. Но маленькая Армения на Кавказе, всегда стремящаяся расширить свои границы, может стать вечной угрозой для Турции», на что министр внутренних дел Талаат-паша возразил: «Эта программа не реализуема хотя бы по той причине, что так или иначе два миллиона армян до сих пор живы и невозможно их всех уничтожить, следовательно предпочтительно дать им некую сатисфакцию, потому что если даже 100 000 армян останутся на земле, они нас не оставят в покое никогда. И наконец, создав маленькую Армению, мы разрешим Армянский вопрос и так явимся на международную мирную конференцию».³⁷

Примечательно, что австрийский дипломат граф Амброций советовал армянскому посланнику Амо Огаджаняну с опаской оценивать перемену отношения османского правительства к армянам, ссылаясь на заявление Талаата-паши, отмечавшего, что «они готовы довольствоваться границами Брестского мира, взамен ожидая полную свободу действий в распространении турецкого влияния в Азербайджане».³⁸

Таким образом, за несколько месяцев до окончания Первой мировой войны младотурки, желая подстраховаться, стремились гарантировать следующие важные для них позиции: 1. найти приемлемое для Турции решение Армянского вопроса; 2. обеспечить жизнеспособность Азербайджанской Республики с возможностью новых территориальных приобретений для последней; 3. избежать наказания за совершённый Геноцид армян и закрепить итоги и последствия содеянного тягчайшего преступления.

Карабах и «турецкий Азербайджан»

По мере продвижения турецких войск в глубь Кавказа, особое место в планах турецких военных и политиков стало занимать сотрудничество с кавказскими тюрками для облегчения перемещения турецкой армии по региону, а также пополнения ее рedeющих рядов.

Примечательно, что в начале 1918 г., до роспуска Закавказского сейма, представители азербайджанских тюрков предприняли еще одну попытку прийти к соглашению с турками о будущем политическом статусе Юго-Восточного Кавказа, направив секретную делегацию в Стамбул на переговоры для получения содействия в провозглашении «второго турецкого государства». На встрече с лидерами младотурок обе стороны договорились о дальнейших планах сотрудничества, в частности, о содействии турецких военных в деле создания вооруженных сил будущего Азербайджана, их финансировании, помощи турецким войскам со стороны местного тюркского населения и др.³⁹

С роспуском Закавказского сейма, в конце мая 1918 г. были провозглашены независимые государства Грузия, Азербайджан и Армения, которые сразу предъявили друг другу территориальные претензии, ссылаясь в основном на административно-территориальное устройство бывшей Российской империи, не принимавшее в расчет смешанный этнический состав этих губерний. Азербайджанская Демократическая Республика (АДР), в частности, претендовала не только на территории, где мусульманское население составляло незначительное большинство, но и на области, населенные исключительно армянами.⁴⁰ Среди этих областей Карабах имел особое значение, поскольку занимал стратегическое положение в регионе и, в зависимости от того, кто его контролировал, «Нагорный Карабах мог стать или коридором, или же барьером в сообщении между Азербайджаном и Анатолией».⁴¹

Среди азербайджанских тюрков в это время были сильны стремления

к соединению с Османской империей, и они вовсе не тяготели к созданию отдельного государства. Однако к началу переговоров с большевиками в марте 1918 г. в Брест-Литовске, в силу своих геополитических интересов и расчетов, Турция не захотела в открытую выступить с экспансионистскими планами в отношении Юго-Восточного Кавказа, опасаясь также противостояния своего главного союзника – Германии.

Мусаватисты неоднократно обращались к Энверу-паше с просьбой о присоединении региона Юго-Восточного Кавказа с тюркоязычным населением к Османской империи.

В ходе переговоров между представителями Османской империи и делегацией Закавказского сейма в Трапезунде выдвинутое представителем мусаватистской партии аналогичное предложение о присоединении мусульманской части Южного Кавказа к Турции было отвергнуто турецкой стороной. Глава турецкой делегации Рауф-бей и командующий Кавказским фронтом Вехиб-паша мотивировали этот отказ тем, что большая политика Турции требует, чтобы «Азербайджан не отделялся от остальных народностей Южного Кавказа, а сохранил общую с ним государственную форму в виде конфедерации, оставляя за собой известную самостоятельность».⁴²

Делегация азербайджанских тюрок вынуждена была согласиться с этими директивами османских военно-политических кругов, которые тем самым не только не признавали за азербайджанскими тюрками право на собственную государственность, но и рассматривали их в качестве балласта для будущих Армении и Грузии и некой разменной монеты в своих геополитических расчетах. Последующие события, развернувшиеся накануне большевистского продвижения в глубь Кавказа, явно показали справедливость данных утверждений. Первоначально младотурки не хотели расчленения Кавказа на мелкие государственные единицы и, учитывая смешанный состав населения Закавказья, стремились создать единое политическое образование, которое целиком оказалось бы под влиянием Турции. Главными целями тюрок были блокирование любого проявления воздействия России в регионе и нейтрализация армянского влияния.⁴³

Младотурки имели и запасной план на тот случай, если не удастся создать подобное государственное образование на Кавказе. При таком развитии событий предполагалось основание единого государства Турции и Азербайджана, обязательно имеющего общую границу, наподобие Австро-Венгрии.⁴⁴

Азербайджанский историк Джамиль Гасанлы приводит любопытные подробности корреспонденции между Халил-бесом и Энвером-пашой об

армянонаселенных территориях Южного Кавказа и будущих границах Азербайджана. В телеграмме от 27 мая 1918 г., т. е. в день провозглашения Азербайджанской Республики, Энвер-паша писал Вехибу-паше: «Из телеграммы Халил-бея становится ясно, что армяне взамен возвращенных нам земель хотят получить часть земель, принадлежащих мусульманам Южного Кавказа, и мусульмане пойдут на это. По-моему, это абсолютное заблуждение. Если сегодня создать на Кавказе маленькую Армению с населением пять-шесть сотен тысяч человек и достаточно маленькой территорией, то в будущем по приказам из Америки это правительство соберет под свое крыло миллионы. И у нас на востоке возникнет такая Болгария, которая будет более враждебна, чем Россия».⁴⁵

Позже истинные намерения младотурок были сформулированы в передовой статье одного из идеологов пантюркизма Ахмеда Эмин-бея «Наша политика на Кавказе и армяне», напечатанной в газете «Вақыт» от 3 сентября 1918 г. В ней говорилось: «Легче будет расчитаться с независимой Арменией, чем с армянами, находящимися под протекцией зарубежных государств».⁴⁶ Главари младотурок рассматривали зажатую между Азербайджаном и Турцией Армению как государство-буфер между Турцией и Россией, которая будет вынуждена пользоваться территорией Турции, ее путями сообщения – морскими и сухопутными. «Таким образом, в политическом плане Армения окажется под нашим влиянием», – резюмировал Ахмед Эмин-бей.⁴⁷

Турецкие военные, в том числе военный министр Энвер-паша, стремились всячески урезать территории компактного проживания армян и в первую очередь населенную мусульманами Эриванскую губернию, намерившись создать непосредственно соприкасаемую зону между анатолийскими и кавказскими тюрками. Эти границы должны были проходить севернее Караклиса и через Нахиджван. Свои соображения по этому поводу он выразил следующим образом: «Если не реализуется эта очень выгодная для нас картина, тогда и армянам придется дать что-то для их существования. В таком случае, чтобы армяне в будущем здесь не укоренились, их следует допустить в очень ослабленном состоянии. Только так наше правительство и кавказские мусульмане сейчас и в будущем смогут сохранить свои интересы, только так можно уберечься от назревшей опасности».⁴⁸

В ответной телеграмме от 29 мая 1918 г., то есть уже после провозглашения независимости Грузией, Азербайджаном и Арменией, Вехиб-паша писал: «Нам не удастся сделать так, чтобы армяне исчезли совсем. Во всяком случае, мы должны и вынуждены дать им что-то для существования».⁴⁹

Таким образом, турецкая военная аннексия территорий Южного Кавказа параллельно решала также задачу присоединения армянонаселенных регионов к провозглашенной под турецким протекторатом АДР – искусственному государственному образованию, целиком опирающемуся на помощь турецких военных.⁵⁰ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в тексте декларации о независимости лидеры азербайджанских тюрков выступали не от имени мусульманского населения или же азербайджанских тюрков, а от лица народов Азербайджана. В тексте так и говорилось: «Отныне народы Азербайджана являются носителями суверенных прав и Азербайджан, состоящий из Восточного и Южного Закавказья, является полноправным, независимым государством».⁵¹ Это существенное обстоятельство, поскольку в момент провозглашения независимости Азербайджана на территориях – объекте притязаний кавказских тюрков не было единой титульной нации, а сами кавказские тюрки не составляли исключительное большинство местного населения.

О восприятии Османской Турцией Азербайджана наглядно свидетельствует и тот факт, что под диктовку турецких военных во главе с Нури-пашой азербайджанское правительство приняло решение (21 июня 1918 г.), согласно которому государственным флагом Азербайджанской Республики было объявлено полотнище, «изготовленное из красной материи с изображением белого полумесяца и белой восьмигранной звезды на красном фоне», т. е. знамя, практически идентичное государственному флагу Османской империи с той лишь разницей, что на турецком флаге звезда была пятиконечной.⁵²

С момента своего провозглашения Азербайджан не представлял собой серьезного государственного образования и находился под плотным контролем турецких военных, невзирая на всяческие протесты азербайджанских руководителей по поводу перманентных вмешательств турок во внутренние дела и их пренебрежения к местной власти.

Следует отметить, что бесцеремонное участие турецких военных во внутренних делах Азербайджана создавало определенный дискомфорт у местной тюркской элиты, которая не имела возможности хоть как-то контролировать ситуацию в стране. «Азербайджанское правительство – инструмент в руках турок», – сообщал из Тифлиса руководитель австро-венгерской миссии на Кавказе фон Франкенштейн министру иностранных дел Австро-Венгрии Стефану Буриану 4 августа 1918 г.⁵³ А по замечанию одного из немецких офицеров, «Нури скрывался за правительством Азербайджана, а последнее – за ним».⁵⁴

Таким образом, младотурки закрепили за Азербайджаном роль про-

водника своих экспансионистских пантюркистских программ и относились к этой республике как к плацдарму для проникновения в тюркоязычные регионы Северного Кавказа, Поволжья и Центральной Азии. Вовсе не случайно военный министр Османской империи Энвер-паша рассматривал Баку в качестве не столицы Азербайджана, а будущего центра всех мусульманских ареалов.⁵⁵

По замечанию Тадеуша Сventoховского, османские военные власти расценивали Азербайджан как территорию, которой в конце концов суждено войти в состав Турции. Именно по этой причине после подписания договора о дружбе с османским правительством, последнее, гарантируя помощь самопровозглашенной республике, одновременно не собиралось признавать независимость Азербайджана. Такая позиция исходила из того представления, что Азербайджану в скором времени суждено было стать частью Османской империи.⁵⁶ Мусаватисты, которые первоначально были сторонниками пантюркистских идей и поборниками турецкого военного продвижения в глубь Кавказа, вскоре после репрессивных действий со стороны «турецких братьев», в качестве альтернативы пантюркизму начали постепенно склоняться к местному, азербайджанскому национализму.⁵⁷ Фактически до окончания Первой мировой войны правительство Азербайджана было не только бессильно принимать хоть какие-либо решения на внешнеполитическом фронте, но еще и превратилось в постороннего наблюдателя за торгом вокруг бакинской нефти между Германией, Турцией и РСФСР, который принимал все более ожесточенный характер.

Стремление младотурок аннексировать Азербайджан подтверждают и донесения, посылаемые с Кавказа в Берлин и Вену германскими и австро-венгерскими дипломатическими и военными службами. В них, в частности, говорилось, что «турки откровенно желают присоединения Северного Кавказа, включая Дагестан, к Восточно-Кавказской мусульманской республике, которую называют здесь Азербайджан» (15 июля 1918 г.).⁵⁸ Бакинская нефть и вопрос контроля ее транспортировки в частности и контроля над Азербайджаном в целом стали основными причинами для разногласий между Османской империей и ее союзницей Германией.

В октябре 1918 г. британская разведка оказалась в курсе того, что Османская империя вынашивает планы по созданию единого правительства Северного Кавказа и Азербайджана.⁵⁹ Эта геополитическая конфигурация была призвана обеспечить надежное закрепление турецкого влияния в кавказском регионе и одновременно создать плацдарм для дальнейшего проникновения в Поволжье и центральноазиатский регион.

По данным французской военной разведки, «турки толкали мусульман Кавказа на провозглашение независимости, установление турецкого протектората, выдворение русских из края, превращение его в составную часть Османской империи...».⁶⁰

Если для турецких военно-политических кругов армянонаселенный Карабах представлялся серьезной преградой в реализации этого замысла, то Арменией Карабах рассматривался как важный фактор в борьбе за выживание армянского народа в условиях противостояния агрессивной политике пантюркизма, нацеленной на тюркизацию всего региона и отрицание возможности существования нетурецкого элемента, и служившей прелюдией к созданию политического союза всех тюркоязычных территорий.⁶¹

Как было сказано выше, главной проблемой между новосозданными кавказскими республиками стали территориальные вопросы и споры вокруг правомочности включения конкретного региона в состав того или иного государства. Т. Свентоховский указывает на нескромность и чрезмерность территориальных претензий Азербайджана, отмечая, что правительство АДР не отличалось реалистичностью своих требований, и его целью было создание единого государства закавказских мусульман со столицей в Баку, при этом никакого внимания не обращалось на географическую отдаленность от него некоторых областей.⁶²

В составленном азербайджанской делегацией меморандуме по поводу территориальных споров Азербайджан претендовал на вхождение в состав АДР Ахалцихского уезда Тифлисской губернии, Батума и Карсской области. В документе отмечалось: «Население этих мест, особенно окрестностей Карса, входит в единую этническую группу с азербайджанцами (так написано в тексте — Г. Д.), их религия, традиции и обычаи, привычки, образ жизни и быт составляют единство с остальными областями Азербайджана».⁶³

В первые дни после объявления независимости Азербайджан представил территориальные притязания в отношении области Борчалу, населенной мусульманами и армянами, на которую претендовала Грузия. После того как 5 июня 1918 г. правительство Грузии приняло решение о присоединении Борчалу и отправке в этот регион регулярных грузинских войск, глава азербайджанского Национального совета М. Э. Расулзаде выразил протест против таких намерений и готовность пролить за это кровь. Впоследствии в своих выступлениях в парламенте М. Э. Расулзаде заявил, что «Борчалы, населенный тюрками и мусульманами, является неотъемлемой частью Азербайджанской Республики».⁶⁴

Азербайджанская сторона всячески добивалась включения в пределы Азербайджана областей Борчалу и Караязы, а также Закатальского и Сигнахского уездов, поскольку это позволило бы иметь прямой коридор в Турцию.⁶⁵

Воспользовавшись присутствием турецких войск в регионе и нависшей над армянонаселенными областями угрозой, азербайджанская сторона начала игру относительно принадлежности Эривани, административного центра независимого армянского государства: опираясь на поддержку турецких сил, в ультимативном порядке потребовала от армянской стороны приостановки военных действий и отказа от претензий к Карабаху — в ответ на «уступку» Эривани. Находясь в Гяндже и не имея тогда никаких шансов на провозглашение Баку столицей АДР, мусульманские лидеры затеяли эту интригу вокруг армянских территорий в пропагандистских целях.

31 июля 1918 г. премьер-министр Фатали Хан-Хойский отправил депешу главе азербайджанской делегации в Стамбуле Мамеду Эмину Расулзаде, в которой, среди прочих указаний, инструктировал: «...если армяне заявят претензии на Карабах, то тогда откажитесь уступить им Эривань и часть Казахского уезда (! - Г. Д.), если же армяне останутся на почве состоявшегося словесного соглашения, то даже можно было бы уступить им эту часть Эриванского уезда, которая на карте обозначена пунктиром».⁶⁶

В июне 1918 г. в городе Батуми представители Армении, Грузии и Азербайджана начали переговоры с Османской империей по установлению перемирия и межгосударственных отношений.

В ходе батумских переговоров Вехиб-паша приводил следующие аргументы для признания Республики Армения со стороны Османской империи: примирительная политика Армении, согласие Армении на заключение мирного договора с Азербайджаном и «геройство армян, защищавших родину в Караклисе».⁶⁷ Очевидно, что признание турками армянской государственности было вовсе не признаком благосклонности османских военных, а банальным расчетом: турки осознавали, что если по дороге в Баку у них будет еще несколько «пирровых побед», таких как под Караклисом, где элитные турецкие части понесли огромные потери в столкновениях с армянскими войсками, то бакинская кампания окажется под серьезной угрозой. Более того, дабы гарантировать как минимум нейтралитет армянских войсковых формирований в Карабахе и спокойствие в тылу марширующих по направлению к Баку турецких войск, а также исключить вмешательство армянских сил, находящихся в самом городе Баку, в ходе переговоров турецкие власти надеялись заручиться поддержкой

армянской стороны.

Во время батумских переговоров состоялось свидание члена армянской делегации О. Каджазнуни с Халил-беем и Вехибом-пашой. Последние настаивали на свободном допуске турецких войск в сторону Баку, а Вехиб-паша пригрозил в случае отказа «парадным маршем» пройти по армянонаселенным территориям, при этом не гарантируя безопасность местного мирного населения. Представитель армянской делегации на переговорах О. Каджазнуни в ответ на чрезмерные требования турецких переговорщиков заявил: «В момент, когда вы требуете у нас территорию Ахалцихе, Ахалкалаки, Александрополя, Эчмиадзина и Сурмалу, т. е. в момент, когда вы готовитесь нанести смертельный удар политическому, а может быть, и физическому существованию армянского народа, между нами не может быть никакого соглашения ни по каким вопросам».⁶⁸

Турки надеялись на беспрепятственную переброску солдат и амуниции в сторону Баку, и в этом смысле караглиское направление рассматривалось как стратегическое для открытия дороги на Акстафу и выход к железнодорожному узлу. По этому поводу в начале июня 1918 г., в дни подписания Батумского договора, руководитель армянской делегации Александр Хатисян сообщил Авестису Аароняну: «...в сотый раз ставят вопрос о Баку, он стал острый до разреза...».⁶⁹

4 июня 1918 г., по итогам мирных переговоров в Батуми с участием турецких, армянских, грузинских и азербайджанских представителей, между Османской империей и новообразованными республиками были подписаны договоры о политическом, экономическом и военном сотрудничестве. Статья первая «Договора о мире и дружбе», подписанного с АДР, подтверждала, что между Османской империей и Азербайджанской Республикой будут постоянный мир и прочная дружба. Вторая статья этого договора касалась определения пограничной линии между Османской империей и республиками Азербайджан, Грузия, Армения. Согласно этой статье, Азербайджан наделялся весьма протяженной общей пограничной линией с Турцией. В соответствии с третьей статьей Азербайджан, Грузия и Армения должны были подписать двусторонние протоколы касательно определения общих границ и направить их оттоманскому правительству в качестве неотъемлемых приложений к подписанному договору.⁷⁰

Четвертая статья договора предусматривала обязательство Османской Турции в случае необходимости «для поддержания порядка и обеспечения безопасности» оказывать помощь вооруженными силами правительству АДР.⁷¹ Первостепенная важность обещанной Турцией военной по-

мощи Азербайджану, по замечанию Т. Свентоховского, объяснялась необходимостью решения двух основных задач: захвата Баку и подавления армянских партизанских сил в Нагорном Карабахе.⁷²

Это означало, что в случае начала военных действий против Армении с целью аннексии Карабаха, Нахиджевана и Зангезура Азербайджан мог рассчитывать на военную помощь Османской империи.

Таким образом, Армения оказалась в очень сложной с политической, военной и экономической точек зрения ситуации, в особенности на фоне непрекращающегося продвижения турецкой армии, которое сопровождалось новыми массовыми убийствами и насилием против армянского населения.

Согласно Батумскому договору, территория Армянской республики должна была составить 10 тыс. кв. км, включая Ново-Баязетский (без Басаргечара) и исключая части Эриванского, Эчмиадзинского и Александропольского уездов. Население республики составляло 310 тыс. человек, из коих армян было 230 тыс., т. е. одна восьмая часть армянского населения Кавказа.⁷³

После подписания Батумского договора следующая важная задача, стоявшая перед турецким командованием, заключалась в согласии действующего в Баку Армянского национального совета на эвакуацию армянских солдат и офицеров из города и обеспечение «отделения названных войск от большевиков».⁷⁴ В Баку на тот момент насчитывалось несколько тысяч армянских военных, которые в результате разложения русской армии оказались заблокированы в городе, не имея возможности продвигаться дальше на территорию Армении.

В Батуми Вехиб-паша, обращаясь к армянской делегации, заметил по этому поводу: «Вы видите, что судьба гонит Турцию с Запада на Восток. Мы ушли с Балкан, уходим также из Африки, но мы должны распространиться на Восток – там наша кровь, наша жизнь и наш язык. Это стихийное тяготение. Наши братья находятся в Баку, Дагестане, Туркестане и Азербайджане. Нам нужна дорога туда, а вы, армяне, стоите на нашем пути. Требуя Ван, вы закрываете нам дорогу в Персию; требуя Нахичевань и Зангезур, вы становитесь препятствием на нашем пути в долину Куры и Баку. Карс и Ахалцых закрывают наш путь в Казах и Гянджу. Вы должны отстраниться и уступить нам дорогу. Вот в чем наш спор...»⁷⁵

Подписав принудительный договор с Османской Турцией, Республика Армения взяла на себя обязательство прекратить всякие военные действия против турецкой армии, в то время как карабахские армяне продолжали вооруженное сопротивление, хоть и очутились в абсолютной изоля-

ции и безо всяких надежд на получение помощи со стороны Армении. Эта борьба впоследствии оказалась судьбоносным фактором задержки турецкой армии на пути к захвату Баку, что обернулось для турок полным крахом и стало одной из причин поражения Турции в Первой мировой войне.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на подписание с правительством АДР Договора о мире и дружбе от 4 июня 1918 г., турецкая сторона официально не ратифицировала его и до конца сентября не признавала Азербайджан независимым государством. По мнению Рахмана Мустафы-заде, этим договором Османская империя вовсе не признавала Азербайджан самостоятельным и независимым государственным образованием и рассматривала АДР на том этапе лишь как фактор, содействующий реализации ее долгосрочной пантюркистской политики.⁷⁶ Этот договор, оформлявший создание турецко-азербайджанского военно-политического альянса, бесспорно, был промежуточным документом.

Аналогичные договоры Османская империя заключила с Грузией и Арменией. Условия подписанного «Договора мира и дружбы между правительствами Османской империи и Республики Армения» были очень жесткими. Согласно им, обширные армянонаселенные территории, в том числе и город Александрополь, переходили под контроль Османской империи. В условиях надвигающейся опасности и угрозы оккупации и прочих армянских земель турецкими войсками, армянские лидеры были вынуждены пойти на подписание Батумского договора. Его статьи предусматривали также предоставление свободного и безопасного коридора для прохождения турецких войск через территорию Республики Армения в сторону Азербайджана.

Отдельной статьей армянская сторона обязывалась приложить все усилия для эвакуации армянских воинских формирований из Баку. Английские секретные дипломатические материалы указывают, что турецкие условия договора были обусловлены тем, что без подобных мер «Турция была бы отрезана от доступа в Азербайджан, который она рассматривала как турецкий дом». ⁷⁷

М. Волхонский и В. Муханов считают, что, заключив Батумский договор с младотурецким правительством, АДР фактически оказалась под управлением турецких военно-политических кругов, в особенности на внешнеполитической арене, но и во внутренней политике азербайджанское правительство не могло осуществлять контроль над собственной территорией, где полностью распоряжались турецкие коменданты, назначенные Нури-пашой, и начальники отдельных турецких частей.⁷⁸

В ходе продвижения в сторону богатого нефтяными запасами Баку, османская армия стремилась фактически установить контроль над основными железнодорожными узлами Южного Кавказа для скорейшей переброски солдат и вооружений в направлении Баку и Северного Кавказа. Таким образом, сражение под Сардарпатам и поражение турецкой отборной дивизии Йылдырым, а также ожесточенное сопротивление армянских сил под Баш-Апараном и Караклисом в конечном итоге сыграли ключевую роль в признании турками армянской государственности, что было необходимо для обеспечения временного тактического преимущества, в особенности в получении нейтралитета Армении и ее вооруженных сил в тылу турецкой армии, продвигающейся в сторону Карабаха и Баку.

Таким образом, турецкая сторона пошла на подписание мира с Арменией – хоть и на далеко не самых удобных для Армении условиях – из соображений обеспечения нейтралитета армянских сил в Карабахе, и, что более важно, в стремлении также добиться нейтралитета армянских войск, находившихся в Баку.

Военный министр Османской империи Энвер-паша передал руководство турецкими войсками для проведения военных операций на кавказском театре войны двум своим родственникам: Халилу-паше и Нури-паше. Наступление турецких войск в сторону Баку велось по двум направлениям: из Карса и Александрополя через Караклис, Дилижан, Казах и Акстафу, а также из Северного Ирана через Карабах.

Направленные в Гянджу турецкие войска должны были стать ядром особой кавказско-исламской армии, в которую предполагалось мобилизовать мусульман Кавказа. Для этой цели в Мосуле был создан штаб во главе с Нури-пашой. 25 мая 1918 г. вышеупомянутый штаб, состоящий из большого числа турецких офицеров, выехал через Тебриз в Гянджу, куда прибыл 27 мая.⁷⁹ Одновременно военный министр Османской империи Энвер-паша дал конкретные поручения Вехибу-паше для организации военной помощи Азербайджану.⁸⁰

Прибывшие в Гянджу около 300 турецких офицеров-инструкторов во главе с Нури-пашой приступили к созданию «Кавказской исламской армии». Слабая организация и малочисленность личного состава разрозненных вооруженных формирований провалили турецкие планы рекрутирования новобранцев из местного населения. Более того, турки встретили отпор со стороны местных мусульман и предприняли репрессивные меры против них. После первых неудач на подступах к Баку турецкие военные начали насильственную мобилизацию гражданского населения.

По свидетельствам многих современников, у мусульманского населения Елизаветпольской губернии не было никакого желания воевать вместе с турками и, примкнув к турецким войскам, участвовать в захвате Баку. Принудительная мобилизация среди местной мусульманской молодежи давала скромный результат. По свидетельству русских офицеров, докладывавших в Добровольческую армию, за две недели удалось собрать лишь 300 человек; «население бежит от мобилизации в горы, в леса, даже к армянам (! — Г. Д.)».⁸¹

О трудностях мобилизации среди кавказских тюрок, а также об отсутствии всякой мотивации местного мусульманского населения говорят турецкие источники о репрессиях османской армии против нежелающих вливаться в ряды «Армии ислама». Около 600 молодых мусульман были повешены турецким командованием за отказ вступить в Исламскую армию и дезертирство.⁸²

Обосновавшись в Гяндже, весной 1918 г. турецкое военное руководство приступило к формированию и оснащению азербайджанских вооруженных сил. Было решено создать четыре пехотных полка в составе двух пехотных дивизий. В июне 1918 г. при помощи турецких офицеров в Гяндже была открыта первая Военная школа для прапорщиков, дебютный выпуск которой (100 человек) состоялся в октябре того же года; вторая школа открылась в августе 1918 г.⁸³ Выпускники этих заведений вскоре были задействованы в походах азербайджанской армии против армянского населения Нагорного Карабаха и сопредельных с ним районов.

В целом в Пятой кавказской дивизии турецкой армии насчитывалось 257 офицеров и 5575 солдат. Вместе с Пятнадцатой дивизией численность турецких вооруженных сил на подступах к Баку и Карабаху составила 11 564 солдата и 448 офицеров. Параллельно с этим турецкие офицеры занялись формированием азербайджанских вооруженных сил, выделив несколько миллионов турецких лир на образовательные нужды будущих офицеров азербайджанской армии.⁸⁴

После вступления в Елизаветполь (совр. Гянджа) турецкие войска во главе с Нури-пашой вплотную приступили к военной операции по захвату города Баку. Одновременно с наступлением тюрок мусаватисты стали разжигать среди мусульманского населения шовинистические настроения против армян и русских. Разгул шовинизма привел к тому, что несколько десятков тысяч русских поселенцев, спасаясь от организованных мусаватистами погромов, бежали в Россию.⁸⁵ По инициативе турецких военных мусульманское население под страхом наказания прекратило всякие торговые и хозяйственные отношения с местными армянами.

Отдельные турецкие части начали наступление в направлении Карабаха, планируя занять столицу края, город Шуши.

После многомесячной осады Баку, сломив сопротивление его защитников, 15 сентября 1918 г. турецкие войска и нерегулярные части кавказских тюрок вступили в город, подвергая армянское население массовому грабежу и истреблению. На основании собранных после сентябрьских погромов материалов было установлено, что общее количество только убитых армян в Баку приближалось к десяти тысячам.⁸⁶

Факт захвата Баку и массовое уничтожение христианского населения города вызвали резкие протесты Советской России и представителей иностранных дипмиссий. Народный комиссар иностранных дел Советской России отправил ноту Министерству иностранных дел Османской Турции, в которой говорилось: «...Турецкие регулярные войска в союзе с разбойничьими бандами занимают территорию Советской Республики, подвергая города и деревни разгрому и разграблению, расстреливая или подвергая всевозможным насилиям христианское население, не исключая женщин и детей».⁸⁷ В другой ноте Народного комиссара иностранных дел РСФСР министру иностранных дел Турции Несими-бею заявлялось: «...Поход же турецкой армии на Баку не может быть оправдываем никакими ссылками на действия каких бы то ни было групп населения прилегающих к Турции местностей, ибо положение дел в Баку с этими действиями не имеет никакой связи».⁸⁸

20 сентября Народный комиссариат иностранных дел РСФСР в своей ноте оценил захват Баку турецкими войсками при помощи, как сказано в документе, «татарских банд», как факт агрессии против территории Советской России. Исходя из сложившихся реалий, Советская Россия объявила, что касающиеся Турции статьи Брестского договора считаются утратившими свою силу; российский посол вообще заявил, что «кавказские мусульмане только под давлением Турции создали независимое государство».⁸⁹ Захват Баку, «одного из важнейших городов Российской Республики», и погромы христианского населения города послужили причиной отмены соглашения, заключенного в Брест-Литовске. Это решение большевиков было оглашено особой нотой Народного комиссара иностранных дел РСФСР Министерству иностранных дел Турции.

После армянских погромов в Баку консулы нейтральных стран высказали решительный протест Нури-паше против «систематических зверств и грабежей» вслед за взятием города турецкими войсками. В тексте протеста было отмечено: «...Теперь, когда город Баку уже взят и турецкие войска находятся в самом городе, когда беззащитное население и весь

город в продолжении нескольких дней подвергаются всем ужасам разгрома и разграбления со стороны турецких войск вместе с примкнувшими к ним татарскими бандами, ссылка турецких представителей на то, [что] якобы в наступлении на Баку принимали участие лишь местные разбойники, является несогласным с фактом и прикрытием насильственных действий Турции, под покровом которой произошли и происходят систематические нарушения Брест-Литовского договора и прямой захват и грабеж территорий Российской Республики».⁹⁰

За подписью наркома иностранных дел Г. Чичерина немецкой стороне был отправлен протест советской власти против продвижения турок. В нем говорилось, что «трудно мириться с мыслью, чтобы такое культурное государство, как Германия, имеющее возможность воздействовать на свою союзницу – Турцию, позволило, чтобы Брестский мирный договор послужил для армянского народа, втянутого помимо своей воли в эту мировую войну, источником неисчислимых бедствий. Поэтому Совет уверен, что вами будут приняты необходимые и только от вас зависящие меры к воздействию на турецкие власти, с целью предотвращения уничтожения мирного населения так, как это имело место в Ардагане».⁹¹

Следует отметить, что решимость турок подвернуть поголовному истреблению оставшуюся часть армянского населения вызвала сопротивление и у Германии. Берлин не захотел остановить дальнейшее уничтожение армянского элемента, но в то же время дал четкую оценку происходящему: «Турки планируют новую резню армян. Поэтому мы им заявили, что такое поведение были бы вынуждены рассматривать как противоречащее договору и не намереваемся брать на себя за это ответственность перед миром».⁹²

После захвата Баку турецкими войсками и мусаватистскими силами в сентябре 1918 г., турецкие военные вплотную взялись за «усмирение» Карабаха и насильственное обеспечение лояльности армянонаселенного края Азербайджану. По этому поводу председатель Национального совета армян Карабаха писал британскому командованию: «...после падения Баку, по освобождению необходимого количества войск на Карабах были двинуты регулярные турецкие воинские части под командой Джамиля Джавид-бея. Этот палач, прославившийся еще в Баку, прибыв в Агdam, вызвал представителей армян и поставил им два требования: признать власть Азербайджана и его высокой покровительницы Османской империи и сдать все оружие. Он объявил при этом, что мусульмане обезоружены не будут».⁹³

Таким образом, Азербайджан находился под полным контролем турец-

ких военных, которые не считались с политическим руководством и администрацией созданной ими Азербайджанской Республики. Систематические вмешательства турецких военных во внутреннюю и внешнюю политику азербайджанских властей также являлись дополнительным фактором напряженности между азербайджанским правительством и турецким командованием. В своем конфиденциальном письме Нури-паше премьер-министр АДР Фатали Хан-Хойский отмечал по этому поводу, что «все более учащающиеся случаи вмешательства воинских чинов Османской армии в дела внутреннего управления Азербайджана и даже полного игнорирования азербайджанских властей, нарушая принципы единовластия, и тем самым подрывая авторитет власти, создают анархию во всех сферах государственной и общественной жизни страны».⁹⁴

Номинально власть в Азербайджане действительно переходила в руки правительства Ф. Хан-Хойского, но фактически полновластным хозяином в провозглашенном Азербайджане являлся командующий турецкими войсками на Кавказе Нури-паша. Более того, не признавая АДР в качестве суверенного государства, турецкое правительство даже не назначило туда своего дипломатического представителя, в отличие от соседних Армении и Грузии.⁹⁵

Официальное признание Османской Турцией Азербайджана было утверждено лишь германо-турецким секретным протоколом, подписанным 23 сентября 1918 г. Первый пункт данного протокола предусматривал, что Турция признает Грузию, Армению и Азербайджан и выводит свои войска из Азербайджана и Армении. Но, несмотря на это, Турция в течение всего срока существования АДР откладывала назначение своего дипломатического представителя в Баку, объясняя это решение отсутствием согласия союзников.⁹⁶

Как было отмечено, одним из звеньев реализации пантюркистских устремлений и плана повсеместного уничтожения армян стало целенаправленное истребление армянского населения турецко-азербайджанскими войсками в Карабахе для обеспечения стабильного мусульманского и тюркоязычного коридора между Турцией и новообразованным Азербайджаном. Как писала в те дни газета «Кавказское слово», мусаватистское правительство намеревалось «с помощью турецких солдат разоружить армянское население Карабаха и Азербайджана, вооружить мусульман, уничтожить армян на их исконной земле, поставив Константинопольскую конференцию перед лицом свершившегося факта».⁹⁷

В унисон с мусаватистами турецкие политики и военные выступали за аннексию Карабаха в пользу АДР. Младотурки в лице одного из своих

лидеров, Талаата-паши, мотивировали «принадлежность» Карабаха к Азербайджану тем, что «местные турки пользуются пастбищами, и поэтому невозможно передать эту страну Армении».⁹⁸

Таким образом, в ходе реализации откровенно захватнических планов в отношении армянских областей Нахиджевана и Нагорного Карабаха, мусаватисты целиком опирались на турецкую военную силу. Как сообщала краевая печать того времени, встретив противодействие карабахцев планам азербайджанского правительства, Баку собирался занять Карабах «с помощью турецких штыков и назначить там своих чиновников».⁹⁹ 10 августа 1918 г. генерал Кресс фон Крессенштейн уведомил дипломатического представителя Армении в Грузии, что, согласно полученным от турецкого главнокомандующего сведениям, «в некоторых местах Карабаха назначены турецкие военные коменданты».¹⁰⁰ Он же сообщал из Тифлиса в Берлин рейхсканцлеру Герману фон Гертлингу о том, что «турки хотят из Азербайджана проникнуть в чисто армянскую провинцию Карабах и разоружить его население».¹⁰¹

В сентябре 1918 г., сразу же после вторжения в Баку, для подавления сопротивления армян Карабаха и окончательного захвата края с последующим его переходом под юрисдикцию АДР, была сформирована Первая азербайджанская дивизия (Кавказская мусульманская) из турецких частей под руководством полковника Джамиля Джавид-бея.¹⁰²

Согласно турецким источникам, переброска войск в Карабах началась 23 сентября 1918 г., сразу после взятия Баку, и завершилась 27-го числа. Цели отправленных в Карабах войск были «карательными» и «осуществлялись войсками, численностью до дивизии».¹⁰³ Вторгаясь в пределы Нагорного Карабаха, турецкие солдаты отмечали свой путь насилием и грабежами; они приступили к испытанным методам обезоруживания армянского населения и аресту видных национальных деятелей края.

Сопротивление армянского населения Карабаха заставило Нури-папу опубликовать специальное «воззвание к армянам Азербайджана», в котором он требовал от них прекращения борьбы и вместе с тем жаловался, что отряды вооруженных армян ведут на границе Казахского уезда партизанскую войну против проходящих эшелонов турецких войск.¹⁰⁴

Приблизившись к границам Нагорного Карабаха, Нури-паша предъявил ультиматум его армянскому населению и приказал полковнику Джамилю Джавид-бею начать операцию по захвату центра края – города Шуши. Джавид-бей, войска которого в то время были дислоцированы в Агдаме, потребовал от армянского населения безоговорочного признания власти Азербайджана, открытия дороги в Шуши и разоружения.¹⁰⁵ В противном

случае турецкий военачальник угрожал полным уничтожением тех сел, которые не подчинятся азербайджано-турецким силам, не откроют дорогу для турецких и азербайджанских войск в Шуши и не признают власть Азербайджана. Лишь спустя две недели после предъявления ультиматума армяне согласились на пропуск ограниченного воинского контингента турецких войск для их дислокации в Шуши.

26 сентября Дж. Джавид-бей во главе Галлиполийской дивизии, насчитывающей около 6000 солдат, 9 полевых орудий, 66 пулеметов и 3 броневика, вошел в город Шуши.¹⁰⁶

Задержка с ответом на ультиматум турецких властей оказалась судьбоносной, поскольку у турецкого военного руководства созрел план реализации нового массового истребления армян, на этот раз – армянского населения Карабаха и восточного Кавказа, а также русских жителей края, – предусматривающий уничтожение инородного элемента в качестве надежной гарантии турецко-азербайджанского аншлюса. В октябре 1918 г. британская разведка была осведомлена о том, что военный министр Османской империи Энвер-паша приказал Нури-паше в Баку «очистить Азербайджан от русских и армян, для обеспечения территориальной соприкасаемости».¹⁰⁷

Доказательством намерения Османской Турции совершить массовое истребление армянского населения Карабаха стал арест около 70 представителей самоуправления и армянской интеллигенции Карабаха 19 октября 1918 г. Таким образом, была апробирована известная модель геноцида, осуществленного младотурецкими властями, которые по схожей схеме реализовали план депортации и уничтожения армян в Османской империи в период 1915-1917 гг.

Армянское правительство всевозможно стремилось пресечь вторжение турецких формирований в пределы Карабахского края. Глава германской военной миссии фон Кресс в то время спрашивал у дипломатического представителя Республики Армения в Грузии: «Как по-вашему, может ваше правительство с безразличием наблюдать за резней в Карабахе?» (донесение дипломатического представителя Армении в Грузии, Министерство иностранных дел Армении от 28 сентября 1918 г.).¹⁰⁸ Армянская сторона всячески предупреждала представителей Антанты и Германии о надвигающейся трагедии.

После турецкой оккупации Равнинного и Нагорного Карабаха Азербайджан начал заявлять о своих «неоспоримых» правах на армянскую область. Вначале Турция и Азербайджан стремились к тому, чтобы Карабахский вопрос превратился в проблему «спорной» территории. Турецкая оккупа-

ция Карабаха и последующие репрессии против армянского населения ясно показали, что захватчики вовсе не собирались дожидаться решений какой-либо конференции по вопросу о статусе региона. Военная оккупация, мобилизация местного мусульманского населения против армян, поголовное и повсеместное уничтожение последних, разорение сел и блокада поставили край на грань голодной смерти. Все это являлось продуманной политикой, направленной на физическое уничтожение армян Карабаха и решение вопроса до мирной конференции.¹⁰⁹

Турецко-азербайджанские оккупационные войска в Карабахе не достигли главной цели — полной оккупации и умирения его армянского населения. При этом власть, а точнее, возможность осуществления террора и насилия в крае находилась в руках турецких военных. Это подтверждает и телеграмма Шушинского уездного начальника Абиша Калабекова министру иностранных дел АДР о произволе турецкого коменданта в г. Шуши. Он, в частности, указывал, что «турецкий комендант Шуши всю власть забрал себе в руки, никого не признает... Бессилен что-нибудь сделать...»¹¹⁰

Несмотря на заверения Талаата и Энвера в том, что против Карабаха не будет предпринято никаких вооруженных операций, турецко-азербайджанские части, стремясь приблизиться к границам Зангезура, под предлогом необходимости защиты мусульман усиленно готовились к карательным акциям.¹¹¹

Дислокация турецких воинских частей в Шуши не деморализовала армянское население Карабаха, которое продолжало оказывать сопротивление проникновению турок в глубь области. Спустя несколько дней после занятия Шуши турецкими войсками, 23 октября отдельные части турецких сил приступили к расчищению надежного плацдарма для нападения на Зангезур. Около 400 аскеров направились в южные регионы Карабаха с карательной миссией, однако попали в засаду, организованную местными армянскими силами. В упорном сражении у села Мсмина армянские отряды самообороны наголову разбили отряд турок. Лишь немногим из них удалось спастись бегством. Эта победа армян не только провалила план тотальной оккупации Карабаха, но и предотвратила дальнейшую катастрофу.¹¹²

Уничтожение карабахскими армянами турецкого карательного отряда фактически стало последним поражением османской армии на фронтах Первой мировой войны: ровно через неделю после этого события Османская Турция, подписав Мудросское перемирие, признала себя побежденной.¹¹³

В конце октября 1918 г. в Константинополе состоялся прием азербайджанской делегации у турецкого султана, в ходе которой тот заверил, что «Азербайджан будет процветать под покровительством султана».¹¹⁴ И хотя новое правительство Ахмета Иззета-паши приказало 23 октября 1918 г. Кавказской исламской армии приостановить карабахскую кампанию, однако начатая в сентябре военная операция турецких войск против армянского населения, согласно турецким источникам, закончилась лишь 8 ноября передачей командования войсками азербайджанскому генералу Юсуфову.¹¹⁵

Потерпев поражение в мировой войне, по условиям Антанты Османская Турция начала эвакуацию своих войск с Кавказа. Баку и другие города и села по всему региону подверглись разрушениям и массовому грабежу входящими турецкими войсками.¹¹⁶

Последняя стадия Первой мировой войны и поражение Османской империи наглядно показали истинное состояние дел и искусственность провозглашения государства «Азербайджан». После заключения Мудросского перемирия союзники получили право оккупировать Баку.

Согласно условиям, официально продиктованным Турции, турецкая сторона единолично, без каких-либо извещений и консультаций с местными властями распорядилась азербайджанскими территориями, железными дорогами и столицей — Баку. В день оглашения текста перемирия А. Топчибашев посетил морского министра Рауфа Орбай-бея, подписавшего текст перемирия со стороны Турции и выразил протест по поводу включения в него статей о передаче Баку и азербайджанской железной дороги союзникам. Турецкая сторона в свою очередь оправдывалась тем, что союзники указывали на присутствие турецких войск в Азербайджане и тем самым заставили ее принять эти условия.¹¹⁷ На следующий день, 4 ноября, А. Топчибашев представил письменный протест Решаду Хикмет-бею — заместителю министра иностранных дел Турции, в котором отмечалось, что османское правительство признало независимость Азербайджана, однако теперь подписало договор, касающийся Баку — столицы Азербайджана, тем самым нарушив существующие правила и обычаи международного права и облегчив англичанам захват Азербайджана.¹¹⁸

Эти факты наглядно демонстрируют, каким манером распоряжались турецкие власти созданным ими же нежизнеспособным государственным образованием, в котором номинально власть находилась в руках представителей экономической и интеллектуальной элиты кавказских тюрок, а исконное титульное население, способное стать надежной базой для национального строительства, отсутствовало.¹¹⁹ К этому можно добавить

полное отсутствие каких-либо зачатков национального и государственного сознания и восприятия как таковых среди разноплеменного мусульманского населения, имеющего тюркское, иранское, курдское и кавказское происхождение.

Вскоре место уходящих турецких войск заняли английские оккупационные части. Характерно, что командующий британскими войсками генерал Уильям Томсон первоначально отказался признавать азербайджанское правительство, которое, по его мнению, «было создано в результате османских интриг и не могло претендовать на выражение воли народа». ¹²⁰ Незадолго до прихода английского контингента в Баку, в Энзели отправилась азербайджанская делегация (Н. Усуббеков, М. Гаджинский и др.), и предложила генералу Томсону, прежде чем вступить в пределы республики, признать независимость Азербайджана. Английский генерал ответил отказом, мотивируя тем, что «под именем республики Азербайджан нам известно лишь правительство, созданное интригами турок, не имеющее никакой опоры в народных массах». ¹²¹

С уходом большей части турецких войск гонения и массовые истребления армянского населения, проживающего на территориях бывших Бакинской и Елизаветпольской губерний, продолжались с новой силой – теперь уже азербайджанскими ставленниками и покровительствующими им английскими военными, у которых к тому моменту резко поменялись приоритеты, и первоначальное отрицание факта азербайджанской государственности вскоре сменилось сотрудничеством в целях безопасного доступа к нефтепромыслам и экспорту нефти. После ухода турок, по словам мусульманина-современника, азербайджанское правительство было занято только двумя делами: «истреблением армян и формированием азербайджанских войск». ¹²²

Вынужденное эвакуировать свои войска из Баку, турецкое правительство все же рассчитывало после ухода с Кавказа сохранить там свое военно-политическое влияние. Нури-паша поначалу стремился попросту передать турецкие войска под юрисдикцию Азербайджана, но союзники выступили против этой идеи. ¹²³ В итоге Нури-паша рекомендовал своим солдатам вступать в ряды азербайджанской армии. Сотни турецких офицеров воспользовались этой возможностью для продолжения своей карьеры «и стали важным элементом азербайджанских вооруженных сил». ¹²⁴ Через полтора года они должны были принять участие в решении другой задачи: советизации Азербайджана.

«Турецкое командование не пожалеет никаких средств для организации братской азербайджанской армии, причем все чины турецкой армии,

находящиеся в Азербайджане, должны числиться на службе у азербайджанского государства и будут оставлены до тех пор, пока в них будет нужда», – заявлял начальник политического отдела мусульманской Кавказской армии Джавид-бей. ¹²⁵

Джавид-бей знал, что мирное урегулирование будет основано на принципах самоопределения, и предпринял некоторые превентивные меры для подготовки к подобному сценарию. Джавид распорядился, чтобы 5-ая турецкая дивизия, дислоцированная в Карабахе, была выведена в последнюю очередь, рассчитывая, что мирное соглашение будет подписано до полной эвакуации турецких частей. Цель турок была предельно ясна: воспользовавшись моментом, сохранить свой контингент и под его контролем продолжить обучение азербайджанской армии. Джавид-бей также советовал турецким офицерам добровольно принимать гражданство Азербайджана и на легальных условиях продолжать свою миссию, приказав, кроме того, обеспечить дальнейшую поставку оружия азербайджанским тюркам и северокавказцам, пока это было возможно. ¹²⁶

На значимость турецкого военного присутствия для АДР, в условиях полного отсутствия в ней традиций военного строительства и армии как таковой, указывал один из лидеров-мусаватистов Мамед Эмин Расулзаде, заявивший, что «Турецкая армия ушла, нет и азербайджанских частей. Потому что прибывшее командование не признавало войск, называвших себя азербайджанскими частями. Собственно, азербайджанские войска не представляли организованной силы...» ¹²⁷

Основным фактором усиления азербайджанской государственности стало формирование собственной армии, которая должна была быть создана по образцу турецкой. «Братская Оттоманская империя, явившаяся на защиту нашей страны со своей прославленной армией, с лучшими полководцами во главе, поставила первой задачей помочь Азербайджану создать собственные войска. Она дает нам все необходимое для сильной армии: оружие, амуницию, опытных офицеров, а главное – дух национального самосознания, царящий во всей турецкой армии. От нас лишь требуется живая сила для защиты своей родины. Живой силы и средств на содержание своей армии у нас имеется в избытке», – писала тогда газета «Азербайджан». ¹²⁸

Таким образом, поражение Турции в Первой мировой войне и последующий частичный уход турецких войск с территории Азербайджана вовсе не означали исключения турецкого фактора из общественно-политической жизни АДР. Бывший османский военный персонал, насчиты-

вающий около трех тысяч (!) солдат и офицеров, а также турецкие преподаватели в азербайджанских учебных заведениях продолжали свою деятельность в АДР, будучи наиболее заметным символом турецкого присутствия и протурецких симпатий в Азербайджане, вновь пробудившихся с началом кемалистского движения.¹²⁹

Параллельно с этим лидеры мусаватистов активно контактировали с младотурками в Азербайджане, но имели поверхностное представление о тайных контактах между эмиссарами от большевиков, иттихадистов и кемалистов в Баку. И, несмотря на опровержения руководства АДР, азербайджанские эмиссары находились в тесном контакте с кемалистами, многие турки входили в местные политические партии, а военные преступники, виновные в совершении Геноцида армян, в Баку принимались как почетные гости.¹³⁰

Турецкие офицеры и солдаты влились в ряды азербайджанской армии, а на политическом поле Азербайджанской Республики активную роль играли так называемые ильхагисты – сторонники объединения с Турцией. М. Расулзаде, признававший, впрочем, что «за все время нахождения турок на территории Азербайджана партийная жизнь замерла»,¹³¹ замечал, что «турки пришли к нам как воины, для защиты народа. Это верно. Но среди нас были свои беки и паши, которые стремились к тому, чтобы здесь управлял Стамбул».¹³² Ильхагисты пользовались полной поддержкой Нури-паши.

По мнению азербайджанского автора Айдына Балаева, отсутствие традиций государственности, низкий уровень национального и политического сознания среди значительной части населения Восточного Закавказья, а также имидж османов как спасителей стали дополнительными факторами усиления роли ильхагистов.¹³³

С уходом османских войск идея обеспечения непрерывного «тюркского коридора» между Азербайджаном и Малой Азией обрела новое воплощение. С укреплением появившейся в Малой Азии и на территории Западной Армении силы в лице кемалистов, азербайджанские лидеры вновь устремились к осуществлению этого замысла. В рассекреченных архивах 2-го бюро Генштаба Франции приводится документ, датированный январем 1920 г. и анализирующий положение на Кавказе в 1918–1920 гг. В справке про Азербайджан говорится, что азербайджанские мусаватисты стремятся к «союзу с Турцией через Карабах и Зангезур, то есть аннексии коридора среднего течения Аракса до Джулфы и района Нахичевани. Это за счет Армении».¹³⁴

29 октября 1919 г. между Османской империей и Азербайджанской Рес-

публикой было подписано новое соглашение о военном союзе, согласно которому турецкая сторона обязывалась оказать всяческую военную помощь Азербайджану в организации армии, подготовке инструкторов, офицерского состава и солдат. Пункт 4 этого документа гласил: «В случае, изъави Бог, непризнания Азербайджанской Республики и разложения целостности Оттоманской империи, когда государства эти будут находиться перед лицом опасности, тогда оба Союзных государства обязуются не подписывать мира и не положить оружия до тех пор, пока делу не будет дано взаимное соглашение и одобрение». 10-м пунктом соглашения заявлялось: «Азербайджанское правительство обязуется не заключать какое бы то ни было соглашение с внешними Государствами без ведома и одобрения Оттоманского правительства».¹³⁵

Тесное военное сотрудничество между Азербайджаном и Турцией получило качественно новое развитие после подписания азербайджано-турецкого соглашения 29 ноября 1919 г. в Стамбуле. И хотя заключение секретного соглашения между националистами-кемалистами и правительством Азербайджана последнее всячески отрицало, британские источники указывают, что такой документ был подписан Нури-пашой, Халилом-пашой и некоторыми протурецкими членами мусаватистского правительства Азербайджана. Согласно британским источникам, это соглашение было превентивным шагом, сделанным под контролем Азербайджана, на случай если северокавказским народам удалось бы освободить Дагестан и Чечню от денкинских сил.¹³⁶

Для обеспечения главной цели – создания общей границы между Азербайджаном и подконтрольными кемалистам территориями – в районы Зангезура и Карабаха были переброшены турецкие офицеры для подготовки вооруженных действий местных мусульман против армянского населения.

На основании вышеупомянутого договора турецкие офицеры перешли к активному обучению и оснащению азербайджанской армии. Более того, турецкие и азербайджанские военные специалисты приступили к образованию армейских структур и в других самопровозглашенных и действующих при поддержке турок государств, таких как правительство Национального совета Карса (Милли Шуро) и Аразская республика в Нахиджеване, которые, объединившись, в декабре 1918 г. провозгласили так называемую Юго-Западную Кавказскую Демократическую Республику (ЮЗКДР). Это образование заявило о включении в свой состав Карсской и Батумской областей, Ахалцихского и Ахалкалакского уездов, Шарура, Нахиджевана, Сурмалинского уезда и юго-восточной части Эриванского

уезда. ЮЗКДР должна была включить и населенные пункты Сардарпат, Улуханлу, Ведибасар, Гамарли, Метри с центром в городе Нахиджеване.¹³⁷ Здесь турецкое командование назначило представителем при правительстве самопровозглашенной «республики» постоянного военного советника Халила-пашу. Азербайджан и турки прикладывали всевозможные, но неизменно безуспешные усилия добиться признания ЮЗКДР со стороны Армении и Грузии.

Стратегическая задача турецкой стороны в политике создания таких марионеточных образований заключалась в формировании полосы, обеспечивающей непрерывную связь Азербайджана и Нахиджевана с черноморским побережьем. Одновременно преследовались идущие вразрез с планами Антанты намерения создать буферную зону между турецкими силами и кавказскими государствами.¹³⁸

В течение короткого времени при содействии турок и азербайджанцев были сформированы вооруженные отряды так называемой Карсской республики, численность которых, по некоторым сведениям, доходила до 15 тыс. человек. В процессе создания вооруженных сил других самопровозглашенных образований непосредственное участие принимали военные специалисты из Турции и АДР.¹³⁹

Перед самопровозглашенной ЮЗКДР стояла задача объединить мусульманское население Карса, Батума, Ардагана, Ахалциха, Ахалкалаки, Шарурского, Нахиджеванского, Сурмалинского и части Эриванского уездов и добиваться включения этих районов в ее состав.¹⁴⁰ Содействие становлению ЮЗКДР, по словам азербайджанского консула в Батуми, было необходимо «с целью усиления влияния Азербайджана».¹⁴¹

Весной 1919 г. азербайджанские военно-политические круги приступили к очередной попытке усмирения Карабаха и окончательного присоединения армянского края к Азербайджанской Республике. В новой военной кампании против карабахских армян важную роль сыграли турецкие офицеры и военные инструкторы.

Газета «Кавказское слово» в то время писала: «Среди азербайджанских войск, совершающих поход на Карабах, громадную роль играют турецкие офицеры».¹⁴² Учитывая сложившиеся обстоятельства, представитель Республики Армения вынужден был выступить с заявлением на Парижской мирной конференции, в котором, в частности, говорилось: «Программа завоевания Карабаха правительством Азербайджана имеет своей целью осуществление пантюркистских устремлений, с помощью которых пытаются соединить Азербайджан, через Карабах и Нахичевань, с Турцией и Персией, создав тем самым компактный мусульманский массив, отор-

вать Русскую Армению от Турецкой Армении, не допустив создания единой Армении».¹⁴³

В составленной правительством Республики Армения весной 1919 г. справке о вооружении и обучении турецкими эмиссарами военному делу мусульманского населения сопредельных с Республикой Армения регионов говорится следующее: «...Вооружая местное мусульманское население турецким оружием, организовывая и обучая его военному делу, формируя наскоро марионеточные правительства в Ахалцихе, Ардагане, Карсе, Нахиджеване и связываясь, таким образом, через Зангезур и Карабах с Азербайджаном, турецкие агенты окружают нас враждебным кольцом, угрожающим самому существованию».¹⁴⁴

Армянское правительство понимало, что на аннексии Карабаха турки не остановятся и будут всячески добиваться отторжения от Армении Нахиджевана и Зангезура. Однако попытки армянского правительства ввести в край войска для защиты мирного населения встречали яростное сопротивление английских военных, которые в свою очередь, исходя из собственных геополитических интересов, всевозможно старались закрепить власть в крае за Азербайджаном.

Однако, несмотря ни на что, армянское население продолжало оказывать сопротивление азербайджано-турецким войскам. На съездах Национального совета местные армяне неоднократно подчеркивали свою решимость стать частью Республики Армения.

В постановлении Пятого съезда карабахских армян о неподчинении назначенному Азербайджаном генерал-губернатору говорилось: «...Азербайджан всегда выступал пособником и сообщником в зверствах, осуществлявшихся в отношении армян вообще и карабахских армян в частности, каковое отношение сохраняется и по сей час. Азербайджан как всегда, так и теперь – сторонник турецкой ориентации. Азербайджан пригласил турок в Закавказье. Именно он всячески содействовал подлой измене, происшедшей в тылу фронта, вследствие которой распалось Закавказье и которая создала возможность победоносному продвижению турок вглубь нашего края. Это «государство» еще не перестало мечтать о возвращении сюда турок и продолжает систематически преследовать армян... Мы уверены, что современный Азербайджан, следуя примеру своего старшего брата – Турции, стремится уничтожить армян как единственный культурный элемент, тяготеющий не к Востоку, а к Европе, тем более карабахских армян, которые до сих отстояли свою свободу и так и не подверглись разрушению и варварству...».¹⁴⁵

Откровенно экспансионистские замыслы младотурок и мусаватистов

не ограничивались армянскими областями Карабаха, Нахиджевана и Зангезура. Вынашивались также захватнические планы в отношении северокавказских территорий. «Дабы объединить все разнородные горские племена – нужно провозгласить Газават, развернуть зеленое знамя пророка, вести энергичное наступление в направлении Грозный – Беслан – Прохладная, очищая от русского населения всю правобережную часть Терской области и полосу прилегающую к ж. д. Владикавказ – Прохладная. Старые счеты чеченцев, ингушей, осетин и кабардинцев с захватчиками земли предков сплотят их вокруг Нури-паши... Исчезновение казачьего клина из долины Сунжи и Терека и вообще русского населения Терской области дает возможность установить непосредственную связь мусульман Кавказа с 35-миллионным мусульманским населением России, а именно: татарами Нижней Волги и киргизами, а через них – с мусульманским населением всего волжского бассейна, Приуралья, Сибири и Туркестана...», – говорилось в одном из документов АДР.¹⁴⁶

Неспособность к эффективному управлению и продолжающие репрессии в отношении других национальностей породили ответную реакцию Баку. 24 апреля 1919 г. в Ленкорани началось вооруженное восстание, организованное местным Временным революционным комитетом. 15 мая 1919 г. на чрезвычайном съезде комитета было принято решение о провозглашении Муганской Советской республики. Для подавления восстания правительство Азербайджана направило карательные войска, которые в конце июля того же года, заняв Ленкорань, учинили расправу над местным русским населением.

В течение всего 1919 г. главными задачами азербайджанских властей оставались международное признание Азербайджана и оккупация Карабаха. В преддверии Парижской мирной конференции азербайджанские власти развернули в Европе широкомасштабную пропагандистскую и агитационную работу по Карабахскому вопросу.

Однако из Европы и США раздавались другие, упреждающие голоса, которые не могли не беспокоить турецких и азербайджанских политиков. Верховный комиссар Соединенных Штатов в Стамбуле адмирал Марк Бристоль в телеграмме от 29 июля 1919 г., адресованной президенту Вудро Вильсону, писал, что «турки и татары захватили в Карабахе земли Российской Армении. Если Британия не отдаст приказ очистить от турок и татар всю Российскую Армению, включая Карабах, США не смогут продолжать оказывать здесь помощь».¹⁴⁷ Касаясь будущего статуса самого Азербайджана, президент В. Вильсон подчеркивал, что в планы мирной конференции не входит раскол мира на мелкие части, и вопрос

Азербайджана не может быть разрешен до решения вопроса России.¹⁴⁸

Знаменателен и тот факт, что французское посольство в Константинополе не желало допускать азербайджанскую делегацию в Париж для участия в Мирной конференции. Из столицы Азербайджана застрявшую в Стамбуле делегацию инструктировали добиваться независимости и признания ЮЗКДР и выдворения Деникина из Горской Республики. В телеграмме Ф. Хан-Хойского от 30 марта 1919 г. отмечалось: «Защитите Карабах, Нахичевань и Сурмели (имеется ввиду Сурмалу – Г. Д.) от Армени, а Ахалцих, Ахалкалаки и Борчалы от претензий Грузии».¹⁴⁹

В то же время в Стамбуле командование союзников арестовало члена азербайджанской делегации Ахмед-бска Агаева за пантюркистские воззрения и выступления против Антанты. Попытки главы азербайджанской делегации добиться освобождения А. Агаева оказались безрезультатными. Задержавшись в Стамбуле, лишь к середине мая азербайджанская делегация прибыла в Париж. Именно этим обстоятельством объясняют азербайджанские авторы провал азербайджанской миссии и недостаточность поддержки своей позиции на Мирной конференции.¹⁵⁰

Угроза физического уничтожения армянского населения вовсе не считалась сугубо армянским вопросом, и находила свое отражение в корреспонденции лидеров мировой политики. Государственный секретарь США Р. Лансинг телеграфировал послу в Лондоне Дэвису о необходимости защиты армян от истребления: «Депортация и резня армян в 1915 и 1916 гг. произошли главным образом в силу желания младотурок создать однородную Турцию. Пантуранские и панисламские устремления турок все еще существуют... Армяне и создание армянского государства рассматривались турками как серьезное препятствие на пути реализации этих устремлений, особенно пантуранских. Кажется, поэтому, в интересах Великобритании и других союзников помочь армянам и защитить их от уничтожения».¹⁵¹

В то же время, выступая в роли патрона азербайджанских властей, британское командование объявило, что для установления порядка армянское население Карабаха должно «признать власть азербайджанского правительства» до определения статуса Карабаха на Мирной конференции, и что всякое выступление против Азербайджана будет считаться актом, направленным против Великобритании.¹⁵² Двойная игра английского военного командования на Кавказе сыграла на руку азербайджанским властям, дав им серьезный повод для начала военных операций против карабахских армян.

Уход британских сил с Кавказа вызвал новую волну насилия против

армянского населения. Вынужденные лавировать между угрозой массового уничтожения и ожиданием возможной помощи от международного сообщества и Армении, вовлеченной к тому моменту в противостояние вооруженной смуте мусульманского населения в Нахиджеване, армянские лидеры Карабаха согласились временно признать власть АДР до окончательного определения статуса региона.

22 августа 1919 г. Седьмой съезд армян Карабаха принял новое постановление, 2-й пункт которого гласил: «Нагорная часть Карабаха: Шушинского, Джеванширского и Джабраильского уездов (Дизак, Варанда, Хачен, Джраберд), населенные армянами, считает себя временно в пределах Азербайджанской Республики».¹⁵³ Это было вынужденной мерой карабахских армян, намеревавшихся таким образом хоть временно обезопасить себя от нападений регулярных частей азербайджанской армии и неминуемой вследствие этого резни.

Это соглашение отнюдь не смягчило антиармянскую политику азербайджанских властей. При посильной поддержке от турецких военных советников и офицеров, со временем факты нападения вооруженных отрядов АДР на армянские города и села Карабаха и сопредельных регионов только участились.

В августе 1919 г. вице-консул США Х. Дулитл сообщал главе американской мирной делегации Ф. Полку и Госсекретарю Р. Лансингу о результатах инспекционной поездки своего вице-консула Дж. Рендольфа по всей Армении. Его подчиненный писал, что «турки, несомненно, намерены полностью уничтожить армянскую расу. Турецкие эмиссары побуждают Азербайджан к воинственности и будоражат татар Шуши».¹⁵⁴ Опираясь на турецкое военное присутствие в регионе, азербайджанские власти совместно с его представителями готовили план по окончательному истреблению и изгнанию армян из Карабаха.

Наличие территориального спора и необходимости его урегулирования мирными средствами были признаны как Азербайджаном, так и Арменией. 23 ноября 1919 г. между республиками был подписан договор, по которому они обязывались «прекратить происходящие враждебные действия и не прибегать снова к силе оружия». Стороны обязывались также «разрешить все спорные вопросы, включая и вопрос о границах, путем мирных соглашений». Таким образом, этот договор устанавливал временное перемирие. Согласно ему стороны соглашались на некий компромисс до окончательного решения вопроса о спорных территориях на конференции, намеченной в декабре 1919 г. в Тифлисе.¹⁵⁵

И Парижской мирной конференцией, и Лигой Наций был признан

спорный статус Карабаха, что неоднократно подтверждалось и в связи с рассмотрением вопроса о международном признании Армении и Азербайджана, и во время обсуждения их приема в Лигу Наций. 25 апреля 1920 г. на Конференции Верховного совета союзных держав в Сан-Ремо также был признан факт спорности территории Карабаха между Армянской и Азербайджанской республиками. Там же было принято следующее заключение относительно границ Армении с Грузией и Азербайджаном: «Границы Армении на севере и востоке, т. е. между Арменией и Грузией и между Арменией и Азербайджаном, должны быть установлены Верховным советом одновременно с границами между Арменией и Турцией, если три Кавказских государства не придут к добровольному соглашению по этому вопросу».¹⁵⁶

Британские дипломаты и военные четко осознавали, что в вопросе признания независимости Армении, Грузии и Азербайджана вопрос независимости азербайджанского государства стоит особняком, поскольку по сравнению с Арменией и Грузией стремление к самостоятельности мультиэтничного Азербайджана было проявлено слабо; согласно меморандуму, представленному британскому Форин-офису в декабре 1919 г., «Азербайджан, как Дагестан, веками был под персидской властью и имеет не больше моральных прав на независимость, чем персидские области Гилан и Азербайджан...».¹⁵⁷

Территориальные притязания мусаватистов стали главным основанием для отказа в приеме Азербайджана в Лигу Наций. По этому поводу американский историк Ричард Ованнисян пишет: «Среди официальных кругов Союзников Азербайджан порождал опасения в связи с возобновлением агитации пантюркизма и панисламизма и радикальных движений, враждебных западной цивилизации. Таким образом, азербайджанское правительство стояло перед вызовом преодоления своего османского родства, представления себя в ипостаси демократической республики и завоевания тем самым доверия Союзников».¹⁵⁸

Однако это не ослабило стремления азербайджанского правительства решить проблему военным путем, а именно – депортацией и уничтожением армянского элемента добиться изменения демографического статуса тюркоязычного мусульманского населения и фактического присоединения к Азербайджану не только Карабаха, но и Нахиджевана. Для реализации этой цели политическое руководство АДР пошло на сделку с большевиками, в надежде получить поддержку в деле аннексии вышеуказанных армянских регионов.

Глава 3. Армянский вопрос в контексте советско-турецких взаимоотношений

Через некоторое время после поражения Турции в Первой мировой войне в Малой Азии развернулось мощное националистическое движение во главе с Мустафой Кемалем-пашой. По его инициативе в 1919 г. от имени конгресса так называемого Общества защиты прав Румелии и Восточной Анатолии на конгрессах в Эрзуруме и Сивасе (Себастья) принимаются два документа, основной целью которых было пресечение возможности возвращения депортированных армян на историческую родину и создания армянского государства. Третий пункт документа, принятого на Эрзурумском конгрессе, гласил: «Всякая оккупация территорий, равно как и всякого рода вмешательство, должны рассматриваться как попытки, преследующие цель создания греческой или армянской общины, чему должно быть оказано сопротивление и против чего должна быть организована оборона. Нельзя допустить, чтобы христианские элементы получили привилегии такого порядка, которые могли бы нанести ущерб нашему суверенитету и социальному равновесию».¹

На основе принятых в Эрзуруме и Сивасе документов, 28 января 1920 г. турецкая палата депутатов принимает декларацию независимости – «Национальный обет», – которая отвергается верховными комиссарами держав Антанты. 23 апреля 1920 г. депутаты Великого национального собрания Турции принесли присягу на верность «Национальному обету».

По замечанию турецкого исследователя Танера Акчама, соучастие в преступлениях иттихадистов и присвоении имущества депортированных и уничтоженных в период Первой мировой войны армян и стали главными причинами сближения представителей этой прослойки турецкой военно-политической элиты с анкарским правительством. Основной причиной создания «обществ защиты прав» и оказания представителями местной знати поддержки кемалистскому движению, по словам Т. Акчама, «был их животный страх перед местью армян за совершенные ими злодеяния. Иными словами, участие в Геноциде армян и присвоение имущества жертв толкнули широкие слои турецкого общества на Освободительную войну. Следовательно, требование привлечь к ответственности виновников геноцида означало осудить саму Освободительную войну, осудить патриотов Турции».²

Таким образом, отношение Мустафы Кемаля к Армянскому вопросу и

проблеме будущего армян, ставших жертвами Геноцида, трудно охарактеризовать иначе чем логическим продолжением младотурецкой политики геноцида, нацеленной на истребление и изгнание с родины армянского населения. Кемалисты, как и младотурки, не ограничивались учреждением своей власти в пределах Малой Азии и Западной Армении, а стремились путем уничтожения армянской государственности установить общую с Азербайджаном границу.

Стремясь всеми способами воспрепятствовать возвращению армянских беженцев в родные села и города Западной Армении, кемалисты одновременно начали политику подстрекательства мусульман в Карабахе, Нахиджеване и сопредельных с ними районах с целью деарменизации этих областей.

Именно благодаря деятельности турецких агентов в среде мусульман Шарур-Нахиджевана начались волнения с последующей резней армянского населения, в ходе которой погибло до десяти тысяч человек.³

К тому времени в Нахиджеване уже были сконцентрированы 700 аскеров и офицеров под командованием Халил-бея и Юсуф-бека. Турецкие офицеры участвовали в формировании регулярных частей и действовали непосредственно при штабах самопровозглашенных республик, где развернули широкую агентурно-диверсионную деятельность. Повсеместно турецкая агентура обрабатывала местное мусульманское население и настраивала его против армян и армянской власти. В свою очередь, турецкие офицеры обучали и вооружали местные мусульманские отряды, готовя их к вооруженным выступлениям.⁴ Попытки турецких военных всячески дестабилизировать обстановку внутри Республики Армения и вокруг нее путем настраивания местного мусульманского населения против армянских властей не остались незамеченными и вызвали адекватную реакцию у военно-политических кругов держав-союзников.

Одним из таких сигналов является меморандум ультимативного характера, отправленный президентом США Вудро Вильсоном султанскому правительству Турции. 23 августа 1919 г. Верховный комиссар США в Стамбуле адмирал Марк Бристоль вручил премьер-министру Турции меморандум, в котором говорилось: «Президент Вильсон предупреждает турецкое правительство, что если на Кавказе и в других местах не будут прекращены агрессия и резня в отношении армян со стороны турок, курдов и прочих мусульман, Президент исключит из условий мирного договора 12-ю статью, предусматривающую сохранение суверенитета Турции. Этот акт может завершиться абсолютным падением Османской империи. Если турки рассчитывают сохранить суверенитет в какой-либо части им-

перии, они должны доказать, что не только намерены, но и в состоянии прекратить участие своего населения в указанных преступлениях. Ссылки на бессилие турецкой стороны приняты не будут».⁵

О захватнических планах кемалистов под идеей паназербайджанизма и создания Великого Азербайджана открыто говорил и спикер азербайджанского парламента М. Расулзаде, который еще 8 апреля 1920 г. отмечал, что «Турция ставит своей задачей создание юго-западного Азербайджана из части территории Эриванской, части Тифлисской губернии (уезды Ахалцихский и Ахалкалакский) и Азербайджанской Республики после присоединения к Азербайджану юго-западного Азербайджана, Аджарии, мусульманского населения Терсека, Дагестана, Карабаха, Персидского Карадага, Тавриза, Марага. Таким образом должен быть создан великий Азербайджан под протекторатом Турции».⁶ В это время азербайджанское правительство старалось установить связи с кемалистами в обход британцев. Сотни добровольцев из Азербайджана примкнули к войскам Мустафы Кемали, а правительство АДР в декабре 1919 г. даже субсидировало турецкое националистическое движение.⁷

Стремясь выйти из международной изоляции, а также в надежде получить военно-экономическую помощь, кемалисты использовали разные каналы в попытках установить сообщение с большевиками, также нуждающимися в союзниках, в том числе и через Азербайджан. Бывшие османские военачальники Нури-паша, Энвер-паша, Халил-паша были вовлечены в посреднические переговоры между большевиками и Мустафой Кемалем. Главным связующим звеном на этих переговорах стал Энвер-паша, бывший военный министр Османской империи, сбежавший из Турции после заключения перемирия и обосновавшийся временно в Берлине. Наладив связи с большевистскими лидерами вокруг вопроса формирования мощного фронта, в середине 1920 г. он приехал в Москву и продолжил там переговоры с большевиками.⁸ Одной из главных задач кемалистов было обеспечение стратегического коридора, связывающего контролируемые ими территории Западной Армении с Азербайджаном, и одновременно поддержка в Нахиджеване военизированных формирований мусульман, вовлеченных в подрывные действия против Армянской республики.⁹

По сообщениям английских военных, «турецких националистов и большевиков объединяли стремления получить выгоду из ширящихся среди мусульман Центральной Азии» антибританских и панисламских настроений, и обе стороны стремились «черпать свежие силы» из других исламских стран.¹⁰ Более того, британский генерал Т. Бриджес доклады-

вал министру иностранных дел и начальнику военной разведки Великобритании о том, что мусульманские беспорядки кажутся скоординированными, поскольку «мусульманские агенты» направляют местных мусульман на армян.¹¹ Согласно его утверждениям, «одна из опасных точек – Карабах, колыбель армянской нации. Азербайджанцы с превеликим удовольствием прибрали бы его к рукам».¹² Британская разведка докладывала также, что конфликт между армянами и мусульманским населением Нагорного Карабаха направлялся также «турецким агентом», возможно, самим лидером партии «Единения и Прогресс» генералом Энвером-пашой, который, по сообщению генерала Т. Бриджеса, в июле 1919 г. находился в районе Карабаха.¹³

Независимое армянское государство считалось кемалистами главной преградой на пути к своим азербайджанским братьям-единоверцам, а также препятствием для свободного прохождения большевистской помощи.¹⁴ Устранение этого «клина» являлось стратегической задачей для турецких войск, а для армянской стороны борьба против турецко-большевистских сил стала вопросом выживания или полного уничтожения.

В этом смысле для Мустафы Кемали присутствие большевиков на Кавказе в целях создания совместного турецко-большевистского альянса против Антанты и Армении было предпочтительней.

15 апреля 1920 г. между помощником военного министра Азербайджана Али-Ага Шихлинским и командующим пятнадцатой турецкой армией Кязымом Карабекиром было подписано соглашение, острие которого было направлено против Армении. В седьмом пункте этого соглашения была зафиксирована решимость турецкой стороны выступить на стороне Азербайджана в случае военного конфликта между последним и Арменией, а «если восточные районы Турции будут переданы и присоединены к Армении, в обоих случаях соглашающиеся стороны будут защищать общие интересы, и выступят как единая сила».¹⁵

26 апреля 1920 г., т. е. за два дня до советизации Азербайджана, Председатель Великого национального собрания Турции Мустафа Кемаль отправил Советскому правительству послание, в котором была изложена стратегическая линия непризнанного турецкого правительства в отношении большевистской России и трех южнокавказских республик, и, в частности, в вопросе совместных операций против Республики Армения. В нем он обозначил основную линию региональной стратегии Анкары: отказ от расширения сферы ее влияния на регион Южного Кавказа и признание последнего зоной доминирования большевистской России в обмен на политическую, военно-техническую и материальную поддержку

Москвы. «Если Советские силы предполагают открыть военные операции против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего влияния заставить Грузию войти в союз и предпринять изгнание англичан с территории Кавказа, Турецкое правительство берет на себя военные операции против империалистической Армении и обязывается заставить Азербайджанскую Республику войти в круг Советских государств», — обещал турецкий лидер, определяя далее в своем послании цену помощи: пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боеприпасы, санитарные материалы и продовольствие.¹⁶

Этим посланием Мустафа Кемаль надеялся получить возможность действовать против Республики Армения под прикрытием большевистских и антиимпериалистских лозунгов. Это обращение, являющееся одновременно и актом признания РСФСР, фактически указывало на сговор между большевиками и кемалистами, который не оставлял Армении никаких шансов на маневры.¹⁷

Таким образом, установление безусловного контроля над кавказским регионом было необходимо кемалистам и большевикам. В этом смысле роль Азербайджана в вопросе обеспечения канала военно-технической поддержки большевиками правительства Кемаля возрастала с учетом также перспектив большевизации Турции.¹⁸

Перед 11-ой армией большевиков, в ряды которой вступили бывшие турецкие военнопленные, ставилась задача через Карабах и Армению пройти в Малую Азию для борьбы против войск Антанты.

Стратегические интересы кемалистов вынуждали их также идти с большевиками на сделку по включению Азербайджана в сферу влияния последних, одновременно получая свободу действий в отношении Армении. Подавление Армении, обеспечение нейтральности Грузии и советский контроль над Азербайджаном стали вопросом времени, и в случае успешной реализации этих планов Азербайджан должен был стать мостом для переброски ожидаемой большевистской помощи в Анатолию, в чем кемалисты сильно нуждались.¹⁹ Для достижения этой цели Мустафа Кемаль сделал все возможное, чтобы передать большевикам контроль над Кавказом, в первую очередь — над Азербайджаном. Не исключено, что кемалисты рассчитывали путем соглашения с большевиками добиться от них определенных территориальных уступок на Кавказе в последующем, что, впрочем, и произошло год спустя на Московской и Карсской конференциях.

Среди турок, агитирующих азербайджанское правительство относительно позиции в вопросе продвижения большевистских частей в сто-

рону Баку, был и Халил-паша, сыгравший главную роль в том, чтобы уверить мусаватистских лидеров не опасаться перемещения частей Красной армии в пределах Азербайджана. Красная армия, по его словам, должна лишь продвигаться в сторону Армении и Карабаха, где к тому времени завязли основные части азербайджанской армии, и в последующем соединиться с турецкими войсками.²⁰

Конфиденциальную информацию о состоянии дел в Азербайджане в целом и в Баку в частности большевикам передавали в основном турецкие офицеры, служившие в азербайджанской армии. Турецкий историк О. Коджаман отмечает, что турецкие офицеры и националистические круги сыграли важную роль в манипулировании настроениями мусульман Азербайджана и в подготовке передачи власти большевикам. Главная цель заключалась во внушении азербайджанским властям и духовенству мысли, что большевики вовсе не лишают их независимости, а наоборот — стараются обеспечить военной помощью национальное движение в Малой Азии. В целях подготовки надежной почвы и для поддержки своей политики настраивания населения Баку на передачу власти, в апреле 1920 г. турецкие националисты совместно с местными коммунистами организовали в городе митинги.²¹

К утру 28 апреля 1920 г. Баку был занят частями 11-ой Красной армии, вслед за которой шли турецкие офицеры во главе с генералом Халилом-пашой, убеждавшие азербайджанских тюрок не оказывать сопротивление большевикам. Как подчеркивает М. Э. Расулзаде, в первые дни после вторжения 11-ой армии в Азербайджан стены бакинских зданий были обклеены различными приказами, декларациями и объявлениями с подписями турецких офицеров, занимавших руководящие посты в городской полиции и городском гарнизоне.²²

Таким образом, в результате турецко-большевистской сделки и с помощью турецких офицеров, находившихся в Баку, 28 апреля 1920 г. в Азербайджане установилась советская власть. Турецкие офицеры преградили пути отхода азербайджанскому правительству и захватили деньги, которые мусаватисты собирались перевезти с собой в Гянджу.²³ В те дни Г. К. Орджоникидзе (Серго) сообщал Кирову и Ленину: «Войска Азербайджана целиком перешли на нашу сторону. Весьма активную роль в пользу революции в Баку сыграли турецкие аскеры и офицеры, отряд которых пресек правительству возможность бежать из Баку».²⁴

По мнению Р. Мустафы-заде, ни младотурки, возглавляемые Нури-пашой, ни кемалисты в лице эмиссаров Мустафы Кемаля в Азербайджане, ни турецкие коммунисты не были заинтересованы в развитии Азер-

байджана как подлинно независимого государства. Для этого, по его мнению, было несколько причин. Во-первых, турецкой стороной прозападная ориентация АДР воспринималось как потенциальная угроза интересам Турции, а во-вторых, независимое существование Азербайджанской Республики рассматривалось как барьер на пути ожидаемой помощи большевиков, что сильно угрожало интересам националистического движения.²⁵

Как выяснилось в дальнейшем, эта геополитическая комбинация была лишь прелюдией к реализации последующих расчетов кемалистов. С разочарованием потом признавался М. Э. Расулзаде, что рядовые мусульмане Азербайджана поверили, что «русские, как только придут, решат Армянский вопрос и пошлют свои войска на помощь Мустафе Кемалю-паше».²⁶

Кемалисты считали жизненно важным обеспечение протурецкой позиции большевиков по Армянскому вопросу и пресечение возможности возвращения армян на родину, в духе документов, принятых на обоих конгрессах турецких националистов. В отношении Армянского вопроса большевики апеллировали к принципу национального самоопределения и первоначально выступали сторонниками возвращения армянских беженцев в Западную Армению, согласно принятому в конце 1917 г. «Декрету о Турецкой Армении». Однако эта позиция впоследствии была принесена в жертву большевистской идее мировой революции и ожиданиям кемалистско-большевистского союза. Советизация Азербайджана придавала военным действиям против армян Карабаха новую интенсивность. Теперь уже большевистские части 11-ой Красной армии примкнули к азербайджанским вооруженным формированиям, выполняющим карательные операции в отношении армянского населения края.

В апреле 1920 г. турецкий генерал Халил-паша, которому англичане позволили бежать из заключения и возобновить деятельность в Карабахе, передавал командующему кемалистскими вооруженными силами генералу Кязыму Карабекиру, что в Азербайджане «солдаты намерены очистить Карабах от армян», и что народ и солдаты с нетерпением ждут пересечения границ турецкой армией, чтобы «достичь этой цели в короткий период времени». В ответном послании от 28 апреля 1920 г., отмечая, что «целью всех турок является объединение тюркских братьев», Кязым Карабекир потребовал «не ослаблять военной кампании против Карабаха» и поручал Халилу довести до азербайджанских кругов, что кампания против армян должна вестись «со всей жестокостью и наводить ужас».²⁷

Касааясь вопроса Нахиджевана, К. Карабекир, считая эту армянскую

область «чисто турецкой землей», придавал ей особую значимость как коридору, соединяющему Азербайджан с Турцией.²⁸

Таким образом, одно из главных обязательств кемалистов, выступавших в роли борцов против всемирного империализма перед большевиками, а именно передача им Азербайджана, было выполнено, что в свою очередь сулило немало экономических и политических выгод.

Очевидно, что Мустафа Кемаль в поисках временных союзников попросту превратил Азербайджан в своеобразную разменную монету в ходе крупного торга с большевиками. Таким образом турецкие лидеры пожертвовали Азербайджаном ради идеи общей борьбы с Антантой, и были вознаграждены солидной материально-технической помощью Советской России.²⁹

Надо отметить, что Анкара получила от большевистских лидеров, в лице Семена Буденного, заверения в поддержке турецкой позиции по вопросу недопущения провозглашения армянского и курдского государств на восточных территориях бывшей Османской империи. Во время встречи с Мустафой Кемалем-пашой в мае-июне 1919 г. С. Буденный заверил, что большевики поддержат Турцию и не допустят создания на турецкой земле курдского, армянского или понтийского государства.³⁰ Это заявление в некотором смысле предвещало будущее большевистско-турецкое сотрудничество, за которое дорого заплатила именно Армения.

Последствиями политической сделки между кемалистами и большевиками стали отторжение Нахиджевана и Карабаха в пользу Советского Азербайджана и передача Карсской области вместе с Сурмалинским уездом кемалистской Турции. Сближение с турками дало большевикам дополнительный шанс на успех в их кавказской кампании, так как теперь они могли перетянуть на свою сторону значительную часть мусульманского населения Кавказа.³¹

Стратегически важный нефтеносный район Апшерона обеспечивал Большевикам экономическое выживание, а оккупация Азербайджана, занимающего удобное положение на подступах к Турции и Ирану и располагающего морским портом – геополитические преимущества, которые делали возможным создание в регионе удобного плацдарма для последующей советизации меньшевистской Грузии и дашнакской Армении, и в итоге – возвращение всего Закавказья в сферу российского влияния. Кроме этого, создавались благоприятные условия для поддержки кемалистского движения в Турции, которое в силу своего антиантантовского, антиимпериалистического характера становилось на данном этапе единственным региональным союзником Советской России.³²

Таким образом, Азербайджану была уготовлена судьба первого форпоста советской власти на Южном Кавказе.³³ Вот что пишет известный большевик-националист Мирсаид Султан-Галиев по поводу значения Азербайджана для большевиков: «Если Красный Туркестан до сего времени играл роль революционного маяка для Китайского Туркестана, Тибета, Афганистана, Индии, Бухары и Хивы, то Советский Азербайджан с его старым и опытным революционным пролетариатом и уже довольно окрепшей коммунистической партией «Гуммет» в этом отношении явится красным маяком для всей Персии, Аравии и Турции. Он будет влиять и непосредственно на Закаспийскую область, через Красноводск. То, что азербайджанский язык является языком, понятным и для стамбульских турок, и для тавризских персов и курдов, и для тюркских племен Закаспийской области, и для армян, и для грузин, лишь усугубляет международное политическое значение Советского Азербайджана на Востоке. Отсюда можно тормозить англичан в Персии, протянуть руку в Аравию и руководить революционным движением в Турции, пока оно не выльется в форму более или менее самостоятельной классовой революции...».³⁴ Высшее руководство большевиков тоже не скрывало своих геополитических симпатий к Азербайджану, видя в нем надежный оплот для распространения большевистской идеологии в страны мусульманского Востока.

После советизации Азербайджана совместные азербайджано-большевистские силы приступили к военным операциям против Карабаха для открытия коридора к кемалистам, действующим на территории Западной Армении. С удивительной быстротой все мусаватистские военные сразу же приняли большевистское обличие. Так, организатор массовой резни бакинских и карабахских армян, губернатор Карабахского края Хосровбек Султанов³⁵ возглавил Ревком в Шуши, генералы азербайджанской армии – Али-Ага Шихлинский, Л. Нахиджеванский, военный министр Мамедбек Мехмандаров, и др. – стали красными комиссарами.

Генералы бывшей АДР М. Мехмандаров и А. А. Шихлинский на короткое время были арестованы, но остро нуждающиеся в профессиональных военных кадрах большевики решили использовать их в деле мировой революции. Позже Председатель АзРевкома Нариман Нариманов отправил их в распоряжение Ленина для содействия большевикам.³⁶

Превращенный в течение нескольких дней в советскую республику, Азербайджан теперь уже с помощью большевистских штыков пытался силой установить в Карабахе свою власть. Выходившая в Батуми газета «Islam Gurcistani» в номере от 4 мая 1920 г. писала: «...азербайджанское правительство, азербайджанская Красная армия приступают к действиям

для того, чтобы двинуться на Армению и, разгромив ее, соединиться с османскими турками в Анатолии...».³⁷ Коридор, по которому большевистская помощь должна была предоставляться кемалистам, проходил по армянским территориям Карабаха, Нахиджевана и Зангезура, которые таким образом препятствовали продвижению большевистских сил. К этому времени турки предложили командующему 11-ой армией Левандовскому совместными усилиями захватить Нахиджеван и Зангезур.³⁸

Вскоре в результате совместной военной операции турецкие войска из Малой Азии соединились с частями Красной армии в Нахиджеване. Нависла новая угроза принесения армянского населения в дань стратегическому альянсу большевиков и кемалистов.

«Покорение, уничтожение армянского народа будет главной задачей надевших большевистскую маску турок-мусульман, ибо армянский народ является клином в тюркско-мусульманском мире и опасным препятствием со своими связями с европейским христианским миром для полного господства пантюркизма на Востоке и развития его до пределов своей расы», – говорилось в «Памятной записке», представленной в английское военное представительство при главнокомандующем войсками юга России Врангеле.³⁹

16 июля 1920 г. Серго телеграфирует Ленину, Г. Чичерину и Сталину о необходимости оккупации Нахиджеванского края, уведомляя также о просьбе турок допустить резню армян в Нахиджеване (!). В телеграмме Орджоникидзе пишет: «Мир с Арменией без участия Азербайджана сильно нервнрует здешних товарищей. В Нахичеванском районе неизбежна резня между армянами и татарами. Можно избежать этого только нашим продвижением и оккупацией Нахичеванского района... Курьеры турецкой дивизии нас осаждают и просят допустить резню. Повторяю: резня неизбежна».⁴⁰

Большевики стремились скорейшим образом обеспечить непосредственную связь с кемалистами, боясь потерять потенциального союзника на Востоке. Для обеспечения помощи кемалистам было решено воспользоваться быстрым продвижением турецких войск в глубь Армении и, пользуясь безвыходностью ее положения, установить там советскую власть.

По этому поводу 30 июля 1920 г. Нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин пишет Политбюро ЦК РКП (б): «... В таком случае советизация Армении настоятельно необходима. Без нее у нас нет настоящего контакта с Турцией. Гибель кемалистов нанесла бы нам сильнейший удар на Востоке».⁴¹

В телеграмме Г. Чичерину от 3 августа 1920 г. министр иностранных дел Армении А. Оганджян, протестуя против занятия большевиками территорий Нахиджевана и Карабаха, заявлял: «...Правительство Советской России должно признать, что подобные действия командующих советскими войсками и продвижение их в глубь Армении по пути, намеренному еще бывшим мусаватистским правительством и империалистами Турции, может рассматриваться армянским народом лишь как надрезка и реализация при помощи советских войск старого плана Мусавата — через живое тело Армении соединиться с империалистической Турцией».⁴²

В донесении дипломатического представителя Республики Армения в Азербайджане от 27 августа 1920 г. говорилось: «Стремление мусаватистского Азербайджана и иттихадской Турции создать единое турецкое государство от Константинополя до Баку отнюдь не исчезло: цели Советского Азербайджана и «революционной и красной Анатолии» одни и те же».⁴³ План совместных действий против Армении, разработанный еще до известной корреспонденции В. Ленина и М. Кемалья, вплотную претворялся в жизнь. К его осуществлению присоединились и бывшие члены младотурецкой партии, ответственные за совершение Геноцида армян.

Кемалисты стремились заручиться поддержкой большевиков с помощью младотурецких деятелей, с которыми держали тесную связь. Главным связным в контакте большевиков с кемалистами был сам бывший военный министр Османской империи Энвер-паша. По разным подсчетам, большевики оказали кемалистам помощь в сумме десять миллионов золотых рублей, не считая огромного количества вооружения, армейского снаряжения и др.⁴⁴

В свою очередь бывший военный министр Османской империи Энвер-паша, обосновавшись в Азербайджане, навел кемалистов на мысль о возможности создании азербайджанской армии и захвата Армении. Энвер-паша, принявший участие в Первом съезде народов Востока, в письме, адресованном М. Кемалю, выразил готовность направить на восточный фронт две дивизии, сформированные из азербайджанских тюрок. Одновременно, в письме от 7 сентября 1920 г., он всячески уговаривал Кемалья перейти в наступление против Республики Армения.⁴⁵

Кавказский фронт оставался приоритетным для кемалистов, которые агрессивными намерениями в отношении всего Кавказа, не уступали младотуркам и всего лишь продолжили их военно-политическую стратегию в этом направлении. Кемалисты вовсе не отказались от мысли присоединить Азербайджан к Турции и стремились реализовать эту идею посред-

ством войны с Арменией. Сам Мустафа Кемаль в своих мемуарах писал о принятом ранее, еще в июне 1920 г., решении наступать на Армению, хотя одновременно старался возложить всю вину за развязывание войны на армянскую сторону.⁴⁶

В этой связи следует отметить, что большевики также опасались сближения азербайджанских и анатолийских тюрок и их возможного территориального аншлюса. За несколько дней до вторжения частей 11-ой Красной армии в Армению, Серго сообщал Сталину: «...турки уже теперь стараются завести связь с недовольными элементами — азербайджанцами, принимают петиции от последних и стремятся иметь общую границу с Азербайджаном, что теперь особенно опасно».⁴⁷

В одном из сообщений советских дипломатов из Анкары говорилось, что «в последнее время в Анкаре часто происходят заседания ВНСТ, на которых присутствуют представители Константинопольского правительства. Работа собрания ведется в панисламистском духе. Отмечаются стремления занять Батуми и Баку. В национальном собрании были представители Дагестана, высказывавшиеся за присоединение Дагестана к Турции. В Дагестан и Баку кемалистами отправляются агенты».⁴⁸

Примерно в это же время Нури-паша при посредничестве турецкого штаба отправленный в Дагестан, якобы для организации партизанского движения против белогвардейцев, был изгнан оттуда самими большевиками за пантюркистскую агитацию и вскоре стал организатором и вдохновителем антибольшевистских выступлений в Гяндже, Ленкорани и Карабахе.⁴⁹

Аккредитованный в Турции советский дипломат И. Абилов докладывал в Москву следующее: «Многие турки до сих пор не отказались от своих агрессивных намерений и возлагают надежды на присоединение Азербайджана к Турции. К примеру, во время маленького приема, который я дал недавно, министр почты и телеграфа в заключении своей пантюркистской речи изъяснил желание в ближайшем будущем видеть в турецком парламенте депутатов из Азербайджана».⁵⁰

Целью советизации Армении, по мнению Джакомо Горрини, представителя Италии в Республике Армения, было спасение ее от кемалистов и пресечение их попытки захватить Баку. В телеграмме, адресованной министру иностранных дел Италии Карло Сфорца, Горрини сообщает, что кемалисты протестовали против решения советов о передаче захваченных Азербайджаном территорий Карабаха, Зангезура и Нахиджевана (речь идет о Декларации АзРевкома 1 декабря 1920 г. о передаче этих регионов Советской Армении — Г. Д.), и что в последний момент больше-

вики согласились оставить Нахиджеван в руках турок, которые намеривались удержать этот край вместе с Карсом, нацелившись, таким образом, на лишение Армении возможности иметь общую границу с Персией.⁵¹

Большевики отлично понимали, что кемалисты и сам Мустафа Кемаль вовсе не отказались от идеи аннексии Азербайджана в пользу Турции, и рассматривали кемалистское движение в роли покровителя мусульман Кавказа. В этом ключе рассматривался также вопрос скорейшей советизации Республики Армения, которая должна была стать своего рода заграднением между Турцией и Азербайджаном и предотвратить возможный аншлюс этих двух государств.

В одном из своих докладов в Рим Дж. Горрини сообщал, что большевики желали и надеялись экспортировать свои революционные и коммунистические принципы и идеи через «несчастную Армению» в Малую Азию и в европейские государства, а кемалисты в свою очередь полагали, что смогут реализовать свою программу по распространению панисламистских и пантюркистских идей в России и Восточной Азии.⁵²

Для достижения этих целей турецкие эмиссары стремились организовать восстание проживающих в Республике Армения мусульман. В письме дипломатического представителя Республики Армения от 30 января 1920 г., адресованном командующему британскими войсками на Кавказе, говорилось о необходимости оказания помощи для предотвращения попыток Азербайджана соединиться с Турцией через Нахиджеванский район. В нем, в частности, говорилось, что «... уход британских войск означает наступление момента, когда мусульмане должны осуществить план соединения Азербайджана с Турцией через Нахиджеван. Согласно только что полученным сведениям, ныне азербайджанцы, не имея возможности пробиться через Зангезур, обходят эту провинцию (Зангезур) с юга и по линии реки Аракс продвигают вооруженные массы из Карягинского уезда (Джабраил), через селение Мегри на Ордубад – Нахиджеван».⁵³

Предчувствуя надвигающую опасность, руководители Республики Армения забили тревогу в надежде получить поддержку западных союзников. 13 мая 1920 г. руководитель делегации Армянской республики на Парижской конференции А. Агаронян направил телеграмму председателю Совета Лиги Наций, в которой говорилось, что «Азербайджан провозгласил советскую власть и направил Армянскому правительству ультиматум, требуя, чтобы оно уступило Карабах, Зангезур».⁵⁴ Г. Орджоникидзе, представляющий советскую власть Северного Кавказа, поддерживая Азербайджан, сообщил армянскому правительству, что отказ Армении будет рассматриваться как объявление войны России. Турецкие вой-

ска также готовятся напасть на Армению со стороны Эрзерума. Между ними все обговорено... Войсками Азербайджана командуют Халил-паша и Нури-паша, двоюродный брат и родной брат Энвера-паши. Пантуранское движение под прикрытием большевизма собирается уничтожить Армянскую Республику. Ей грозит неминуемая катастрофа, поскольку она не располагает ни оружием, ни боеприпасами. Армянская делегация предвидела и заявляла об этой опасности пятнадцать месяцев назад и тщетно взывала к державам. Армянская Республика постоянно подвергается нападению турецких врагов, но не получила еще ни одной обоймы от своих сильных союзников. Если Армения не получит помощи, то ужасная резня 1915 года возобновится в еще больших масштабах».⁵⁵

Установившаяся в Азербайджане большевистская власть организовала и вооружила исламскую армию Халила-паши, которая впоследствии примкнула к войскам кемалистов во время нападения на Республику Армения. Подписание Севрского договора 10 августа 1920 г. стало дополнительным поводом для приближения срока начала агрессии кемалистов против Республики Армения.⁵⁶

Для большевиков вопрос советизации Армении также превратился в насущную необходимость. Этот шаг должен был в определенной мере нейтрализовать усиление влияния кемалистов на Кавказе, в частности в Азербайджане, как результат ослабления Армении. По этому поводу в середине ноября 1920 г. Сталин телеграфировал Ленину о необходимости советизировать Армению и таким образом предотвратить образование общей границы между Турцией и Азербайджаном: «<...> Для предотвращения этой опасности нужно использовать нынешнюю ситуацию, советизировать Армению, нужно вклиниться армянским советским клином между Турцией и Азербайджаном», – говорилось в телеграмме.⁵⁷

Примечательна в этом отношении и телеграмма Наркома иностранных дел РСФСР Г. Чичерина члену Кавказского бюро ЦК РКП (б) и Реввоенсовета Кавказского фронта Г. Орджоникидзе и члену Ревкома Грузии М. Орахелашвили о претензиях Турции на роль покровителя советского Азербайджана. Высказываясь против проекта договора между советскими республиками и Турцией, где последняя фактически выступала в роли протектора Азербайджана, Г. Чичерин указывал, что «Турки склонны присваивать себе роль протекторов над всеми мусульманами всех стран. Этому никоим образом не следует потворствовать и, в особенности, Азербайджан должен самым решительным образом отстаивать свою независимость от всяких попыток Турции брать на себя роль покровителей мусульман других стран».⁵⁸

Кемалисты во внешней политике, особенно в отношениях с большевиками, всячески эксплуатировали проблему Северного Кавказа, стремясь таким образом, вместе с фактором турецкого влияния на регион и Азербайджан, добиться согласия большевиков на предоставление финансовой и военной помощи.⁵⁹

Кязым Карабекир до начала наступления кемалистов на Армению рассчитывал на помощь Азербайджана в деле открытия второго фронта. В письме Энвера, адресованном Мустафа Кемалю, читаем: «...Я очень доволен восточным съездом. В будущем он даст очень хорошие результаты. До наступления зимы, возможно, начнется операция против Армении. Однако, по моему мнению, вы должны были начать эту операцию до сегодняшнего дня и не давать армянам возможности усилиться. Дай Бог, Азербайджан соберется с силами и перейдет в наступление до перехода в наступление грузин, армян и иранцев. Во всяком случае, даже если Красная Армия этого не пожелает, вы должны перейти в наступление... и достичь границы 1877 г.»⁶⁰ Как видно из корреспонденции Мустафы Кемаль с турецкими военачальниками, одной из целей развязанной против Республики Армения войны была попытка присоединения Азербайджана к Турции. За несколько дней до ее начала, 14 сентября, Мустафа Кемаль писал турецкому генералу Али Фуаду Джебеосу: «Начать против армян благоприятную войну и не отказаться от мысли присоединения Азербайджана к Турции».⁶¹ Для устранения «кавказского препятствия» Мустафа Кемаль объявил о мобилизации.⁶² В сентябре 1920 г. войска кемалистов под командованием Кязыма Карабекира начали вооруженную агрессию против Республики Армения.

После захвата Олты войсками Мустафы Кемаль, синхронно с ними активные военные действия против Республики Армения начали и азербайджанские войска – теперь уже под маской большевистских сил, которые приступили к карательным операциям против армянского населения Зангезура и Карабаха.⁶³

Кемалисты, не скрывая своих «братских чувств» к Советскому Азербайджану, устами Мустафы Кемаль-паши неприкрыто выражали свои агрессивные намерения в отношении Армении и армян, рассматривая развязывание армяно-турецкой войны как средство для «уничтожения армянской армии и армянского государства».⁶⁴ Таким образом, для реализации главной цели на Кавказе – установления прямой связи с Азербайджаном – кемалисты нацелились не просто на оккупацию Армении, а уничтожение армянской государственности.

О решимости кемалистов уничтожить армянскую государственность

свидетельствует шифрограмма от 8 ноября 1920 г. и. о. министра иностранных дел правительства ВНСТ Ахмата Мухтара командующему турецкими войсками Кязыму Карабекиру, в которой четко указывалось, что «абсолютно необходимо, чтобы Армения политически и материально была устранена».⁶⁵ Такая формулировка свидетельствует о намерении кемалистов совершить новый акт геноцида против населения Армянской республики. В конечном итоге, устраняя Армению как государство, турецкие националисты фактически создавали почву для полного физического уничтожения остатков переживших младотурецкий Геноцид армян.⁶⁶

Особое рвение в стремлении «уничтожить» и «стереть с лица земли» Армению проявлял Кязым Карабекир. Считая существование Армении проклятием Турции, Карабекир указывал на необходимость устранения Армении и установления непосредственной связи с Азербайджаном и с тюркскими ареалами Кавказа. «Мы должны растоптать Армению, чтобы дать жизнь Азербайджану», – писал К. Карабекир в донесении кемалистскому правительству 13 апреля 1920 г. В опубликованной впоследствии в самой Турции шифрованной телеграмме министра иностранных дел А. Мухтара от 8 ноября 1920 г. командующему армией Восточного фронта К. Карабекиру предписывалось, «обманывая армян и других европейцев» видимостью миролюбия, завершить подготовку к тому, чтобы «уничтожить Армению политически и физически». С этой целью предлагалось «под видом защиты прав Азербайджана оккупировать всю территорию Армении, временно установить ее границы таким образом, чтобы создать возможность «постоянного вмешательства».⁶⁷

Турецкому военачальнику К. Карабекиру предписывалось «под предлогом (vesile) защиты прав мусульманских меньшинств» оккупировать всю территорию Армении, разоружить местных армян и одновременно вооружить мусульманское население, для достижения цели: «соединения востока и запада в этом районе и превращения Азербайджана в независимое турецкое государство с национальной силовой структурой...».⁶⁸

Как и в период правления младотурок, преемственность в турецкой политике Геноцида армян не могла мириться с существованием полноценной независимой армянской государственности. Большевистско-кемалистский сговор против армянского суверенного государства предусматривал его устранение и означал также и уничтожение или, по крайней мере, угрозу для переживших геноцид остатков народа.⁶⁹

С началом кемалистской агрессии против Республики Армения в сентябре 1920 г., в территориальных вопросах большевики заняли сторону Советского Азербайджана, хотя при этом продолжали рассматривать как

Карабах, Нахиджеван и Зангезур спорные территории. Советская Россия использовала эти споры для того, чтобы заняв стратегической зоны Карабах – Зангезур – Нахиджеван установить непосредственную связь с кемалистской Турцией.⁷⁰

Еще до советизации Армении большевики неоднократно обсуждали будущее Карабаха и Нахиджевана. Ярким свидетельством большевистской реальной политики являются переписка и телеграфные переговоры по этому вопросу.

Попытки использования революционной и религиозной риторики азербайджанскими большевиками для получения уступок в территориальных вопросах видны и из следующего письма в ЦК РКП (б), подписанного членами Кавбюро ЦК РКП (б), ЦК АзКП и членов Реввоенсовета 11-й Красной армии, о необходимости передачи Карабаха и Зангезура Азербайджану. В этом письме под грифом «совершенно секретно» говорилось: «...Закрепление Зангезура за Советской властью будет иметь кроме указанного значения, восстановление нашей связи и создание прочного тыла для революционного турецкого движения в районе Нахичевани и в Анатолии. Движение Красной Армии в Зангезур будет связано с величайшим подъемом и без давления с нашей стороны будет сопровождаться углублением и расширением Советской республики... Мусульманская масса неожиданный поворот к старому и неспособность Советской власти сохранить Азербайджан в старых границах сочтет предательством, армянофильством или слабостью Советской власти. И то, и другое может быть причиной напряженного восстания против Советской власти, водворение в Зангезуре и Карабахе дашнаков подорвет развитие революции в Турции, лишит их нашей помощи и связи, и создаст для них угрожающий тыл. Мы предостерегаем центр от колебания в вопросе Карабаха и Зангезура в интересах того, чтобы не превратить Азербайджан в убудка, состоящего на попечении Красной Армии и раздаваемого армянам и грузинам, вместо того, чтобы создать из него крепкий национальный центр и источник классовой революции Востока».⁷¹

В этом вопросе многословна и телеграмма И. Сталина от 8 июля 1920 г., адресованная Серго, со следующим содержанием: «Мое мнение таково, что нельзя без конца лавировать между сторонами, нужно поддерживать одну из сторон, определенно в данном случае, конечно, Азербайджан с Турцией. Я говорил с Лениным, он не возражает».⁷² На этом фоне Орджоникидзе неслучайно заявлял, что «...Красный Азербайджан – ключ к мусульманскому Востоку...».⁷³ В свою очередь член Кавказского Бюро ЦК РКП (б) и член Реввоенсовета 11-ой армии С. Киров недвусмысленно зая-

вил, что «уступка этих областей (Армении) сейчас будет... дискредитированием Советской власти не только в Азербайджане, но и в Персии и Турции».⁷⁴

В вопросе предпочтений большевистское руководство всячески старалось «подыграть» большевикам-мусульманам Азербайджана, в том числе и в территориальных делах, дабы обезопасить себя в вопросе поставок бакинской нефти, столь необходимой в период Гражданской войны. Неслучайно Г. Орджоникидзе считал, что «топливо сейчас – это позвоночный хребет всей Советской России, всей мировой революции».⁷⁵ Такая установка у большевиков доминировала и в последующем, после советизации Армении, что в конечном итоге и оказалось роковым в определении будущего статуса Нагорного Карабаха и Нахиджевана, а также в передаче армянских территорий Турции.

После советизации Армении, 23 декабря 1920 г. в своем письме В. Ленину Г. Чичерин указывал на опасность перехода кемалистов к Антанте, мотивируя свое опасение следующим образом: «Если мы оттолкнем турок, они бросятся в объятия Антанты и в политику антибольшевизма и компенсаций на Кавказе, по образцу турецкой политики 1918 года, а при таких условиях нам будет чрезвычайно трудно сохранить Баку».⁷⁶

В начале декабря 1920 г., после насильственной советизации оказавшейся зажатой между большевиками и кемалистами Армении и передачи власти армянским большевикам, для усиления власти последних с подачи Сталина и азербайджанских большевиков Нахиджеван и Зангезур были провозглашены частью Советской Армении, а «трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставлялось полное право самоопределения».⁷⁷

Характерно, что после декабрьской декларации АзРевкома относительно армянских территорий представитель правительства Великого национального собрания Турции Ахмед Мухтар отправил Наркому иностранных дел РСФСР Г. Чичерину ноту протеста против передачи Советской Армении территорий Карабаха и Нахиджевана. В тексте ноты, в частности, говорилось: «...мы полагаем, что уступка Армении упомянутых областей нарушает право самоопределения народов и потому породит серию сражений (так написано в тексте – Г. Д.) между местным населением и захватчиками-армянами... В этом отношении очень характерны энергичные притеснения жителей Нахичевани... Карабаха и пр., без всякого основания отданных Армении... Мы также заранее желаем отклонить какие бы то ни было аргументы из... истории, которые могли бы нам представить... (! – Г. Д.) Мы не верим в искренность обращения армян к коммунизму, мы думаем, что это комедия, чтобы заручиться под-

держкой России после того, как они лишились поддержки Англии. Расширение при таких условиях Армении с приближением ее к Англии, находящейся в Месопотамии, может дать правительству Москвы и Ангоры неприятные сюрпризы. С другой стороны, мы не можем допустить, чтобы обращение, хотя бы и искреннее, одного народа к коммунизму вознаграждалось дарованием этому народу турецких территорий... (! — Г. Д.)». ⁷⁸

Полномочный представитель Советского Азербайджана в РСФСР Б. Шахтахтинский, указывая на недовольствие Кязыма Карабекира по поводу уступки армянских территорий в пользу Советской Армении, излагал свои соображения о недопустимости передачи последней этих территорий, в особенности — Нахиджевана, — в письме, адресованном члену Кавказского бюро ЦК РКП(б) и Реввоенсовета Кавказского фронта Г. Орджоникидзе. В нем говорилось: «На Карабекира удручающее впечатление произвел акт АзРевкома об уступке Армении Зангезура и Нахичеванского района после телеграммы Мустафы Кемаля, выражавшего чувство глубокого удовлетворения ввиду окончательно определившегося положения Азербайджана и умолявшего от имени Великого национального собрания сохранить это положение, дабы не дать врагам материал для провокации. Затем нужно иметь в виду, что на присоединение Нахичеванского края к Армении турки ответят немедленно захватом Макинского ханства, что для нас невыгодно во всех отношениях». ⁷⁹

Как показали дальнейшие события, в своих расчетах большевики учитывали иные цели: укрепиться в Армении, а в последующем за счет армянских территорий добиться благосклонности мусульман Азербайджана и кемалистов, куда более важных с точки зрения геополитических амбиций и планов мировой революции.

Большевики были готовы и дальше расплачиваться армянскими территориями и, не ограничиваясь уступками, сделанными самой Турцией, проявили готовность идти навстречу пантюркистским вожделям турецких националистов и в вопросе удовлетворения территориальных притязаний Азербайджана. ⁸⁰ На этом фоне вовсе не является преувеличением мнение о том, что создание на Кавказе советских республик и их последующее присоединение к СССР было невозможно вопреки интересам Турции и в ущерб промусульманским силам. ⁸¹

После декабрьской декларации АзРевкома о фактическом отказе от претензий на армянонаселенные области Карабаха, Нахиджевана и Зангезура в настроениях большевиков произошли перемены, появилось опасение потерять союзника в деле распространения пламени революции на мусульманский Восток. В своем письме Наркому иностранных дел

Г. Чичерину полномочный представитель РСФСР в Армении Б. Лэгран открыто аргументировал необходимость поощрения Турции за счет территории Советской Армении, уверяя, что «Если окажется, что турки способны оказывать революционное давление на соседние мусульманские страны, что они смогут поднять революционное движение на Востоке, — это будет превосходно, тогда им надо предоставить свободу самостоятельных действий, дать им Нахичевань, потеснить советскую Армению и пр...». ⁸²

После советизации Армении кемалистские войска еще некоторое время оставались в пределах Советской Армении, грабя и уничтожая местное население. После их эвакуации советские власти создали комиссию по подсчету материального ущерба и людских потерь. По неполным данным архивных документов, в оккупированных турецкими войсками районах в 1920 г. было убито и ранено 116 тыс. человек, большинство из которых составляли женщины и дети; умерло от голода 32 тыс. человек; изнасиловано 50 тыс. женщин и девушек, насильно увезено — 8 тыс.; разграблено и уничтожено армянского имущества на 19 743 680 рублей золотом. ⁸³

В создавшихся условиях большевистское руководство Азербайджана в свою очередь всячески использовало «турецкую карту» для того, чтобы склонить московских большевиков в сторону Азербайджана и Турции в их территориальных противоречиях с Арменией. В письме, адресованном В. Ленину, председатель АзРевкома Н. Нариманов пишет: «Я категорически заявляю — при создавшемся положении на Кавказе (в Дагестане и Грузии), если мы хотим удержать Азербайджан за собой, мы должны с ангорцами заключить крепкий союз во что бы то ни стало. Я подчеркиваю: этот союз даст нам весь мусульманский Восток, и то общее недовольство, которое создано нами же нашей неумелой восточной политикой, будет ликвидировано и тем мы вырвем у Англии из рук орудие провокации». ⁸⁴

По справедливому замечанию английского историка Кристофера Уокера, принятие решения относительно Карабаха подвергалось разным испытаниям. Оно было низведено с вопроса о судьбе населения Карабаха к определению статуса территориального объекта. Такая обстановка была обусловлена влиянием борьбы между большевиками и антибольшевистскими силами за владение краем и заинтересованностью Москвы в установлении контроля над бывшими российскими владениями. Кроме того, азербайджанские большевики были заинтересованы в урезании территорий армянского государства, а реорганизованная Кемалем Ататюрком Турция — в усилении турецкого влияния на Кавказе. ⁸⁵

Поддерживая кемалистское движение, Советская Россия видела в нем

«резерв для мировой революции»⁸⁶ и намеревалась с его помощью распространить большевистскую революцию в Турцию и Персию. В свою очередь кемалисты умело использовали в своих интересах планы большевиков, не брезгуя даже большевистской риторикой. Так, в правительственной инструкции для турецкой делегации, находящейся в Москве с целью подписания русско-турецкого (большевистско-кемалистского) соглашения, в числе прочих отмечались следующие пункты: 1) нашей целью является защита внутренней и внешней независимости Турции в пределах сегодняшних границ. В случае признания Россией наших границ, мы готовы объединить нашу судьбу и условия с Россией, 2) для достижения успеха в совместной борьбе Турция использует все свое влияние в мусульманском мире.⁸⁷

Большевики считали, что предотвращение угасания националистического движения в Турции – единственного потенциального союзника на Востоке – «может быть достигнуто только путем наступления в союзе с националистическими турецкими войсками на Армению под флагом свержения ига дашнаков, угнетающих свой народ, и с целью соединения с революционной Турцией».⁸⁸

В ноябре 1920 г. Али Фуад Джебесой был назначен послом Турции в Советской России. По прибытии в Москву в феврале 1921 г. он согласился на уговоры Сталина (с одобрения Ленина) использовать свое влияние «героя-военачальника и мусульманина» для того, чтобы уговорить татарские дивизии (находящиеся одна в Москве, другая в Казани) участвовать в подавлении Кронштадтского восстания.⁸⁹

В феврале-марте 1921 г. в московских переговорах с большевиками по подписанию мирного договора и соглашения о сотрудничестве кемалисты делали акцент на его ратификацию отдельными советскими республиками, придавая первостепенную важность договору с Советской Арменией. Министр иностранных дел кемалистов Юсуф Кемаль-бей, обращаясь к советскому представителю Ибрагиму Абилову, заметил: «...мы приглашены на конференцию по восточному вопросу. Но на Западе вокруг Армянского вопроса идут толки и обсуждения. Возможно, что на этой конференции Англией или Америкой может быть возбужден этот вопрос. Тогда мы, имея в руках договоры как с армянскими дашнаками, так и с армянскими коммунистами, можем выступить в защиту своих интересов. Если же Карсский договор будет ратифицирован не отдельно каждой из республик, а общесоюзным советом, то тогда на конференции могут утверждать, что это произошло не по воле армянского народа, а путем давления со стороны двух остальных республик».⁹⁰

Турецко-русские переговоры велись очень напряженно, в обстановке февральского восстания против большевистской власти в Армении, вспыхнувшего 18 февраля 1921 г., в результате которого мятежные армянские отряды заняли Ереван; а в Петрограде 28 февраля началось Кронштадтское восстание.

Именно со Сталиным, согласно А. Ф. Джебесой, он находился в тесном контакте в разрешении тупиковой ситуации, возникшей в двусторонних переговорах вокруг Карса, Ардагана и Батуми, также как и в вопросе участия мусульманских частей в подавлении опасного для советской власти Кронштадтского мятежа.⁹¹ Али Фуад Джебесой приводит слова Сталина в ответ на запрос турецкой делегации по поводу обсуждения Армянского вопроса. Сталин, как всегда, был лаконичен: «Вы уже решили Армянский вопрос, если что-то осталось, решайте сами».⁹² Другой известный большевик Карл Радек недвусмысленно заявлял турецким делегатам в Москве, что «если у вас есть желание решить Армянский вопрос, мы тоже будем содействовать вам в этом вопросе, после чего наши возможности и силы возрастут стократно».⁹³

В протоколе заседания политической комиссии Московской русско-турецкой конференции был зафиксирован отказ Турции допустить возможное изменение границы между Арменией и Азербайджаном на нахиджеванском участке. Турецкая делегация настаивала на том, «что этот вопрос является весьма важным для безопасности восточной границы Турции и что он должен получить окончательное разрешение с исключением возможности каких бы то ни было переговоров по этому поводу между Арменией и Азербайджаном».⁹⁴

Заранее определив свои позиции с Советским Азербайджаном на Московской конференции, кемалисты добились выполнения своих требований о включении территории Карсской области и Сурмалинского уезда в состав Турции, а Нахиджеван был передан под протекторат Азербайджана.⁹⁵ Передача Нахиджевана под контроль Азербайджана и образование Нахиджеванской АССР были отчасти связаны с долгосрочными амбициями Турции в регионе.⁹⁶

Согласно подписанному 16 марта 1921 г. Московскому договору, Советская Россия взяла на себя обязательства перед Турцией предпринять шаги в отношении южнокавказских республик для принятия последними условий этого документа. Так, статья 15 договора фактически содержала призыв к принуждению, провозглашая, что «Россия обязуется предпринять в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые будут

заключены ими с Турцией, статей настоящего Договора, непосредственно их касающихся <...>».⁹⁷

После того как турецкая и азербайджанская стороны добились передачи Нахиджевана под протекторат Советского Азербайджана, следующим шагом было присоединение к нему Карабаха.

Среди главных доводов в пользу включения Карабаха в состав Азербайджана приводился экономический фактор (экономическая привязанность Карабаха к Азербайджану), а также фактор вероятной турецкой угрозы в случае сохранения спорного статуса этих территорий, которые, по мнению большевиков, «безусловно, будут заняты турками, и все армянское население будет вырезано».⁹⁸ Констатируя неспособность предотвращения такого сценария развития событий, присоединение этих территорий к Азербайджану мотивировалось тем, что оно «давало в руки азербайджанским коммунистам сильный козырь и открывало путь для кочевников».⁹⁹

Предположение большевиков, что передача Нахиджевана и Карабаха станет весомым фактором для того, чтобы склонить кемалистов и мусульман Азербайджана к большевистской идеологии, в конечном итоге сыграло свою роковую роль в определении статуса Нагорного Карабаха.

4 июля 1921 г. на заседании пленума ЦК Кавбюро РКП (б) принимается решение о включении Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР, но на следующий день, 5 июля, по некоторым данным – под давлением Сталина, выносится совершенно другое постановление, по которому область переходит под юрисдикцию Советского Азербайджана, со следующей формулировкой: «Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах АзССР, представить ему широкую автономию с административным центром в гор. Шуше, входящем в состав автономной области».¹⁰⁰ Азербайджанские большевики в обход принятого постановления перевели столицу края из Шуши в Степанакерт. Это делалось для предупреждения возвращения армянских беженцев к своим очагам в Шуши, который был практически лишен армянского населения вследствие массового истребления и гонений со стороны азербайджанских и турецких войск.

Принято считать, что решение Кавбюро РКП (б) было результатом давления Сталина, однако вероятнее всего, оно отразило более широкие стратегические устремления большевиков: умиротворить Кемаля Ататюрка и унять ропот мусульманского населения, власть над которым имела боль-

шевистская Россия. Азербайджан, с его большим, чем у Армении населением рассматривался большевиками, как и кемалистской Турцией, в качестве революционного маяка на Востоке и казался важнее Армении с точки зрения интересов революции.¹⁰¹

По мнению турецкого историка О. Коджамана, турецкий фактор определенно оказался решающим в принятии Советской властью решения о присоединении Нагорного Карабаха к Азербайджану.¹⁰²

После окончательного разрешения вопроса закрепления Нахиджевана и Карабаха в разных статусах за Азербайджаном, большевики взялись за подготовку Договора о дружбе и братстве между Турцией и советскими республиками Закавказья, который был подписан при участии РСФСР 13 октября 1921 г. в Карсе.¹⁰³ Статьи Карсского договора практически полностью повторяли основные условия, зафиксированные в Московском договоре. Образовавшаяся в 1923 г. Нагорно-Карабахская автономная область в составе Азербайджанской ССР просуществовала до провозглашения Нагорно-Карабахской Республики – Арцаха 2 сентября 1991 г.¹⁰⁴

Таким образом, возникновение Карабахской проблемы тесно связано с проблемой формирования азербайджанской государственности как младотурецкого проекта по дальнейшему закреплению турецкого влияния на Кавказе и в Персии. Если дать краткую формулировку происходящему процессу, то можно констатировать, что если создание государства Азербайджан произошло благодаря младотуркам, то в становлении азербайджанской национальной идентичности из разнородных тюркоязычных и ираноязычных племен (карапахахи, айрумы, падары, шахсевены, кызылбаши, курды и др.) решающую роль сыграла большевистская советская власть с политикой коренизации и поощрения дальнейшей оседлости населения.¹⁰⁵

Пытаясь найти ответ на вопрос, почему свержение первой Азербайджанской Республики оказалось настолько простой операцией, Т. Свентоховский указывает на то обстоятельство, что «идея азербайджанской государственности не укоренилась среди большей части населения; само слово национализм либо не понималось, либо, что еще хуже, воспринималось как бранное слово».¹⁰⁶

И туркам, и азербайджанским властям было хорошо понятно, что одной из слабейших сторон азербайджанской государственности являлась недостаточно окрепшая самоидентификация и национальная идентичность тюркок-мусульман Кавказа, а также отсутствие титульной нации. Разношерстный этноплеменной состав мусульманского населения Елизаветпольской и Бакинской губерний не мог стать надежной опорой для госу-

дарственного строительства – даже с помощью турецкой военной силы и периодически проводимых этнических чисток армян, русских и других народностей, населяющих обе губернии.

Слабость национального самосознания мусульманского населения Восточного Кавказа признавалось и лидерами мусаватистов, видевшими в ней основную первопричину несостоятельности азербайджанского государства. Некоторые современные азербайджанские авторы признаются, что не только внешнеполитические факторы, но и внутренняя ситуация в целом не благоприятствовала созданию независимого азербайджанского государства, и что провозглашение 28 мая 1918 г. независимости Азербайджана имело в значительной степени декларативный характер.¹⁰⁷

Так, М. Э. Расулзаде отмечал, что в момент провозглашения декларации о независимости Азербайджана не существовало отдельной, общепризнанной национально-административной единицы под названием «Азербайджан», и лишь «обнародовав Декларацию 28 мая 1918 года, Национальный совет Азербайджана подтвердил существование азербайджанской нации в политическом смысле этого слова. Тем самым понятие «Азербайджан» из географического, этнографического и лингвистического превратилось в политическое определение».¹⁰⁸

Позже, рассуждая о причинах падения и несостоятельности азербайджанской государственности, М. Э. Расулзаде признавался, что «отсутствие традиций государственности, низкий уровень национального и политического сознания у значительной части населения, а также образ турок как «спасителей» Азербайджана являлись дополнительными факторами, способствовавшими успеху пропагандистской деятельности ильхагистов. Ведь определенная часть ильхагистов искренне полагала, что «азербайджанцы не в состоянии создать и управлять самостоятельным государством. Поэтому они были убеждены в том, что в этой ситуации нет ничего предосудительного в нахождении двух братских тюркских народов под одним государственным управлением».¹⁰⁹

После укрепления советской власти в Азербайджане пантюркистские настроения хоть и были подавлены большевистской властью, но все же периодически всплывали в общественно-политическом дискурсе Азербайджана. В советские годы создание отдельной азербайджанской идентичности в противовес доминирующему мусульманскому и тюркскому самосознанию было нацелено на детюркизацию Советского Азербайджана, и этот процесс проходил через создание нового этнонима и формирование титульной нации, замену алфавита – сначала на латиницу, а затем на кириллицу, – а также смену фамилий. Этническое название

«азербайджанец», как собирательное имя для кавказских тюрков, укоренилось лишь в начале 1930-х годов. В свою очередь национальные меньшинства, проживающие на территории Азербайджана, такие как курды, лезгины и талыши, были записаны «азербайджанцами» – для более эффективной их ассимиляции в границах союзной республики.

После советизации Кавказа и налаживания союзнических отношений большевиков с кемалистами, стремление распространить турецкое влияние в тюркских ареалах Кавказа на время приняло более умеренный характер, но вовсе не погасло окончательно. После провозглашения Турецкой республики в октябре 1923 г., идея пантюркистского союза с кавказскими тюрками ни в коей мере не исчезла и лишь на время «была политически возложена на жертвенный стол советско-турецкой дружбы».¹¹⁰ В контексте советско-турецкой Антанты кемалисты все еще лелеяли надежду на присоединение Азербайджана к Турции. Еще в мае 1926 г. Восточным отделом контрразведки ОГПУ СССР был раскрыт заговор мусаватистов, намеревавшихся с помощью турецких войск захватить власть в Азербайджане, однако эта попытка провалилась.¹¹¹

У большинства исследователей, занимающихся изучением феномена пантюркизма и вопросов зарождения кемалистского движения, существует определенный консенсус в оценке позиции Кемалья Ататюрка и кемалистов в отношении пантюркизма и идеи присоединения «внешних тюрков» к Турции. Главным постулатом является утверждение о том, что Мустафа Кемаль Ататюрк полностью отказался от пантюркистских замыслов. Такое мнение бытовало, в частности, у советских исследователей кемалистского движения, делающих акцент на тех высказываниях Кемалья Ататюрка, в которых критикуются пантюркистские планы и шаги, чреватые нежелательными для Турции осложнениями в советско-турецких отношениях.

Вместе с тем, эта точка зрения нуждается в ревизии и переоценке, так как пантюркистские стремления и планы на протяжении всего периода существования Турецкой Республики отнюдь не исчезли. Скорее, наоборот: периодически находясь в латентном состоянии, силы и движения, выступающие с пантюркистскими идеями, вновь обретали конкретную легитимность, реагируя на кардинальные изменения в международных отношениях и в новой геополитической среде.

В реальности, как отмечает американский исследователь Чарльз Хостлер, многие политические группировки внутри новой Турции вовсе не отказались от идеи объединения с тюрками, живущими за пределами Турецкой Республики.¹¹² В отношении Азербайджана Ататюрк «всегда

видел глубокое родство между азербайджанцами-тюрками и считал, что национальное правительство должно выступить в качестве покровителя формировавшейся Азербайджанской Республики». ¹¹³

Вопреки утвердившимся в научной среде мнениям, Ататюрк, если и выступал против пантюркистских замыслов, то это касалось лишь внешней политики, а внутри страны доктрина тюркизма была органично связана с идеологией пантюркизма и нацелена против христианских меньшинств, в первую очередь армян и греков. Кроме того, временный отказ от пантюркистских замыслов был обусловлен желанием кемалистов не навредить своим отношениям с большевистской Россией, от которой кемалисты ожидали военно-политической поддержки для выхода из геополитической изоляции. К тому же Ататюрк хорошо понимал, что на данном этапе осуществление пантюркистских планов младотурок в отношении тюркоязычных ареалов было нереальным и чреватым негативными последствиями для зарождающегося движения. Только в отношении Азербайджана, как наиболее близкой к Турции страны из тюркского ареала, у кемалистов существовал конкретный план присоединения его к Турции, или же, как минимум, обеспечения территориального коридора с тюркским ареалом Восточного Кавказа.

Таким образом, вовсе не преувеличены предположения, что именно турецкий фактор стал решающим в передаче Нахиджевана и Нагорного Карабаха под юрисдикцию Советского Азербайджана.

Не отказавшись от пантюркистских взглядов младотурок, Кемаль Ататюрк предвидел также и вероятность создания пантюркистского союза в будущем. Именно эти его слова, сказанные в 1933 г. по поводу 10-летнего юбилея Турецкой Республики, широко цитировались в Турции в начале 1990-х как доказательство пантюркистских взглядов «отца турок»: «Сегодня Россия наш друг, наш сосед и союзник: мы нуждаемся в этой дружбе. Но никто не сможет предвидеть, что будет завтра. Как Османская империя и Австро-Венгрия, она может быть разделена и раздроблена. Народы, которые крепко держат друг друга, завтра могут разбежаться. Мир может прийти к новому балансу. В этом случае Турция должна знать свое дело. Под властью этого друга живут наши братья, которые делят с нами общий язык и веру. Мы должны быть готовы позвать их... Мы не можем ждать, чтобы они пришли к нам. Мы сами должны пойти к ним». ¹¹⁴ Далее: «... Быть готовым — не означает молчать и ждать, необходимо готовиться. А готовиться — означает с самого начала возводить духовные мосты между братскими народами... Такими мостами являются язык, вера, история. Создавая сегодня новую Турцию, мы создаем фундамент для будущей

Великой Турции». ¹¹⁵

Это отнюдь не единственные слова основателя Турецкой Республики, в которых возвеличивается пантюркистский идеал и делается акцент на Великую Турцию. ¹¹⁶ Сами турецкие авторы были не прочь отметить, что «Ататюркизм включает в себя во всей своей широте идеал пантюркизма». ¹¹⁷ Называя К. Ататюрка самым крупным тюркистом и пантюркистом, турецкий автор Арын Энгин, считает, что «Национальный обет» относился только к годам борьбы за независимость, а постановка и успешное решение хатайской проблемы ¹¹⁸ сделали «Национальный обет» достоянием истории». ¹¹⁹

Турецкий историк Сарай Мехмет в своем исследовании «История азербайджанских тюрков» пишет, что Ататюрк закулисно высказывался о том, чтобы Азербайджан оставался независимым государством, а Карабах — под азербайджанской властью, при этом предостерегая спровоцировать русских. ¹²⁰

После смерти Ататюрка в 1938 г. турецкий национализм приобретает все новые разновидности, и заметно активизируются его крайние формы — шовинизм, расизм, пантуранизм (пантюркизм), фашизм, — далеко выходя за рамки традиционных установок «Национального обета» и Лозаннского договора. ¹²¹

Политика создания искусственных, опирающихся на турецкую военную силу государственных образований была нацелена на создание плацдарма турецкого влияния на Южном Кавказе и буферных зон для обеспечения непосредственной связи с этими территориями. Обеспечение контроля над Нахиджеваном и Карабахом входило в стратегическую задачу Турции. ¹²²

В ходе Второй мировой войны Турция не примкнула ни к одной из воюющих сторон, но активно поддерживала Вермахт, имея достаточно конкретные планы на случай окончательного успеха немецких войск в районе Сталинграда, а именно выступить на стороне Германии с целью заполучить Кавказ и другие мусульманские ареалы Советского Союза. Новая волна пантюркистских настроений была подхвачена не только турецкими националистами и эмигрантами из Азербайджана, Центральной Азии и Поволжья, но и официальными кругами в Турции, которые не скрывали своего восхищения военными успехами сил Вермахта на восточном фронте.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз, посол Германии в Турции Франц фон Папена 22 июня 1941 г. докладывал в Берлин, что ему позвонил премьер-министр Турции Шюкрю Сараджоглу и пожелал успехов. Вышедшая в этот день газета «Джумхуриет» утверждала, что

Ш. Сараджоглу считает, что Гитлер – это единственный лидер, понимавший Ататюрка.¹²³

Начиная с 1941 г. несколько турецких делегаций, с участием высокопоставленных военных, посетили оккупированные фашистами советские территории, а в Берлине их принимал Адольф Гитлер. Турецкие лидеры поддерживали постоянную связь с представителями Вермахта, предлагая им свои услуги и ожидая нужного момента для вступления Турции в войну на стороне фашистской Германии. В мае 1942 г., во время наступления немецких войск на Кавказ с целью овладения нефтеносными регионами Северного Кавказа, через посредников к Францу фон Папену поступило обращение от начальника Генерального штаба турецких ВС маршала Февзи Чакмака, в котором последний ставил в известность немецкого посла о наличии в турецкой армии офицеров – выходцев с Кавказа и из Азербайджана, хорошо знающих регион, и выражал готовность отправить их на помощь немецким силам.¹²⁴

Турецкие лидеры не скрывали своих антирусских и антисоветских настроений и откровенно радовались успехам Вермахта в первые годы Великой отечественной войны. Премьер-министр Ш. Сараджоглу в беседе с немецким послом фон Папеном летом 1942 г. отметил: «Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие, он также является извечной мечтой турецкого народа».¹²⁵ В планы турецких военно-политических кругов входила и отправка турецких войск, и открытие нового фронта на Кавказе, в первую очередь с целью его захвата. В июне-июле 1942 г. Турция провела военные маневры вблизи кавказской границы и увеличила там численность войскового контингента.¹²⁶

В числе других турецких военачальников, консультирующих Вермахт, был и небезызвестный Нури-паша, живший некоторое время в Берлине. В октябре 1942 г. в Анкаре был создан комитет, ставивший своей задачей «отторжение Азербайджана от СССР и присоединение его к Турции».¹²⁷

Поражение гитлеровцев под Сталинградом стало холодным душем для турецких военно-политических кругов, которые вскоре начали громкие процессы над пантюркистами и сняли с должностей высокопоставленных руководителей, откровенно выразивших свои прогерманские симпатии.

После окончания войны советская сторона предъявила Турции требования о возврате отторгнутых по договорам 1921 г. от Советской Армении и Грузии областей Карса, Артовина и Ардагана, считая границу между СССР и Турцией «несправедливой». Для заключения союзного договора с Турцией было предложено урегулировать вопрос возвращения этих тер-

риторий.

Однако вскоре Турция стала членом Северо-Атлантического альянса – НАТО (1952 г.) – и заняла открытую антисоветскую позицию, а начало Холодной войны и опасность глобальной конфронтации между двумя противоборствующими блоками сняли с повестки вопрос о возврате территорий.

По понятным причинам после Второй мировой войны политические взаимоотношения между Турцией и Азербайджаном практически прекратились, если не считать посещение премьер-министром Турции Сулейманом Демирелем Баку в 1966 г., в рамках официального визита в Советский Союз, во время которого С. Демирель «встретил воодушевленный прием, похожий на политическую манифестацию».¹²⁸

Однако судьба Азербайджана и азербайджанских тюрок не перестала находиться в центре внимания турецких националистов вплоть до момента распада Советского Союза. После окончания Второй мировой войны и последующего усиления пантюркистских движений в Турции, по инициативе турецкого руководства и спецслужб были организованы азербайджанские комитеты и другие организации с целью выполнения конкретных задач.

В последние годы существования СССР в Азербайджане действовали подпольные пантюркистские организации, против которых советские спецслужбы вели активную борьбу.

Резюмируя главу, следует отметить, что Карабах по меньшей мере в последние 300 лет считался для Турции геополитическим препятствием, которое ограничивает полноценное турецкое военно-политическое проникновение и присутствие на Кавказе, а также мешает непрерывной связи с Азербайджаном. Султанские приказы о полном уничтожении армянского населения Карабахского края в первой четверти XVIII в. свидетельствуют о зарождении зачатков предгеноцидальной политики в турецком военно-политическом истеблишменте, который в период Первой мировой войны и после него разработал и осуществил беспрецедентный по своим масштабам план Геноцида армян, что закончилось уничтожением армянского населения и его культурного наследия в Западной Армении и Османской империи, а также на территории Кавказа. План полномасштабного истребления армянского населения, разработанный младотурками, не обошел вниманием и Карабах. При деятельном участии турецких военных был составлен план локального геноцида, на сей раз карабахских армян. Однако его осуществлению помешали поражение Османской империи в Первой мировой войне и вывод ее войск из Карабаха. Незавер-

шенное дело османской армии продолжили азербайджанские власти, всячески стремившиеся выдать и истребить армянское население края.

Турецкие планы по устранению «армянского клина» были обусловлены и усилением в кавказском регионе ее геополитического соперника, России. Османская империя рассматривала Азербайджан как надежный плацдарм для усиления своих позиций на Кавказе, однако существование «армянского клина» и, в частности, Карабаха, серьезным образом мешало осуществлению этих планов.

Таким образом, борьба армянского населения Карабаха выходит за рамки вопроса самоопределения и укладывается в контекст проблемы обеспечения физического существования и выживания армянского населения края в противостоянии геноцидальной политике Азербайджана и Турции. Карабах являлся полигоном турецких режимов для осуществления традиционной османской политики и разработки геноцидальной идеологии, как минимум обеспечив выработку готовых интеллектуальных, поведенческих моделей принятия решений по совершению действий массового уничтожения.¹²⁹

Вследствие этого, возникновение Карабахской проблемы видится результатом турецкой политики создания искусственных государственных образований в Кавказском регионе и установления власти этих марионеточных образований над другими национальностями региона, в том числе и армянами.

РАЗДЕЛ II

АРМЯНО-ТУРЕЦКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР И КАРАБАХСКАЯ ПРОБЛЕМА В ТУРЕЦКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Глава 1. Новая парадигма во внешнеполитической стратегии Турции после распада СССР

С момента провозглашения республики в 1923 г., внешняя политика Турции в региональном и международном измерении строилась на двух основных принципах: первый – безоговорочная ориентация в сторону Запада, впоследствии выкристаллизованная в стремление стать полноправным членом Евросоюза, второй – консервативная или же оборонительная политика избегания каких-либо интересов за пределами страны.¹ Последний постулат, конечно же, не абсолютен, учитывая политику Турции в отношении Александретского санджака и его окончательной аннексии в 1938 г., а также в вопросе Кипра, кульминацией которого стала высадка турецкого десанта и военная оккупация северной части острова в 1974 г. Наглядным проявлением экспансионистских намерений Турции на современном этапе является также нескрываемый интерес к богатым нефтью районам Северного Ирака.

На выработку турецкой внешнеполитической линии и приоритетов влияют следующие факторы: географическое и геостратегическое расположение, историческое наследие, внешнеэкономические интересы и потенциальные вызовы и задачи по обеспечению безопасности. Если в период Холодной войны внешняя политика Турции целиком была ориентирована на обеспечение безопасности страны, то в конце XX столетия и в начале XXI века в ней явно просматривается отход от традиционной западной ориентации и склонность к активным и агрессивным действиям во внешней политике, в которой прослеживается некий возврат к османскому наследию. Как отмечают турецкие авторы, республиканская Турция отказалась от османского режима, но не государственности, и по этой причине турецкую дипломатию следует рассматривать как естественное продолжение османской дипломатии.²

По вполне понятным причинам, конкретных действий и открытого интереса в отношении тюркоязычных народов Советского Союза, могущих

вызвать недовольство и, тем более, противодействие Москвы, турецкие власти не предпринимали. Пантюркизм, уже институционализированный как политическое движение во внутривнутриполитическом пространстве Турции в 1960–1970 гг., представлялся сугубо внутригосударственным феноменом, но не скрывающим также свои внешние интересы. Последнее проявлялось в виде пантюркистской риторики в защиту «пленных тюрок», находящихся под «советским игом». Вместе с тем, действующим на территории Турции эмигрантским и земляческим организациям турецких народов³ не позволялось оказывать хоть какое-то влияние на процесс принятия решений во внешнеполитических вопросах. Турция была незаинтересована в нежелательных эксцессах с Советским Союзом.

С середины прошлого столетия, наряду с концепцией «пленных тюрок», в ходу был и лозунг, представляющий Турцию как «последнее независимое тюркское государство»⁴, довольно актуальный вплоть до прекращения существования Советского Союза. Распад СССР объективно способствовал усилению позиции Турции в мировой и региональной политике, но одновременно породил много вызовов для турецкой внешней политики, абсолютно не готовой к таким резким геополитическим переменам.

До распада Советского Союза, в конце 1980-х годов установление прямых экономических и торговых связей между Турцией и бывшими союзными республиками происходило преимущественно на двусторонней основе, но с ведома союзного центра.

За период с 1989 по 1991 год имели место двусторонние визиты, велись переговоры по установлению деловых связей между Турцией и тюркскими республиками СССР, а также были подписаны соглашения о развитии торговли, экономического сотрудничества и об установлении научных и культурных связей.

Одними из первых двусторонние контакты были налажены с Азербайджаном. В сентябре 1990 г. между Азербайджаном и Турцией были подписаны два транспортных соглашения: первое обеспечивало турецкой государственной авиакомпанией возможность осуществлять рейсы Стамбул – Баку, второе устанавливало порядок морских и речных перевозок между двумя странами.⁵

До распада СССР и провозглашения независимости новых республик Турция обменялась 21 официальным визитом и подписала 20 различных соглашений с Азербайджаном, Казахстаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Киргизией.⁶

С ослаблением СССР Турция наращивала свою активность в тюркских

регионах Союза, хотя до последнего момента Анкара не делала никаких активных шагов в обход Москвы. Эта осторожность проявилась и во время официального визита президента Тургута Озала в Москву 12 марта 1991 г., в ходе которого был подписан советско-турецкий договор «О доброй воле и сотрудничестве». За этим его официальным визитом последовал другой, на этот раз в Вашингтон, где в ходе встречи с президентом США Джорджем Бушем-старшим было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве в военной сфере. Советско-турецкий договор в открыл определенные возможности для экономической и политической деятельности Анкары на территории СССР.

Параллельно с ослаблением Советского Союза турецкие лидеры стали рассматривать южные мусульманские регионы СССР в качестве источника потенциальных возможностей и рисков. Впрочем, в какой-то степени акцентирование интересов Анкары и стремление распространить свое влияние в этих регионах было нацелено также на повышение своей значимости в глазах Запада.⁷

Исчезновение СССР с политической карты мира и появление на международной арене новых, богатых природными ресурсами тюркоязычных государств, рассматривалось в Турции как удобная возможность продвигать свои геополитические интересы, от реализации которых она не могла отказаться, и это наглядно проявилось в кардинальном пересмотре догматической политики изоляционизма и в переоценке внешнеполитических императивов с переходом к более активной внешнеполитической деятельности.

Новую внешнеполитическую стратегию Турции некоторые исследователи охарактеризовали как «неоосманизм», ее определение заключалось в указании конкретных интересов Турции в распространении своего политического, экономического и культурного влияния в сопредельных государствах, некогда входивших в состав Османской империи.

По мнению Ширин Хантер, появление неоосманских воззрений не было случайным феноменом и стало лишь логическим результатом процесса реабилитации османского прошлого Турции в период правления Тургута Озала,⁸ который в новейшей турецкой истории ознаменовался пересмотром ее ортодоксального кемалистского видения. Основополагающий принцип неоосманизма – стремление Турции наконец, высвободиться из «смирительной рубашки» кемалистской идеологии или, по крайней мере, забыть о буквальной интерпретации единственно приемлемого учения Ататюрка.⁹

С окончанием Холодной войны Турция пошла на кардинальное изме-

нение некоторых основополагающих внешнеполитических принципов, провозглашенных еще в начале республиканской эры. Появились предположения о том, что за стремлением Турции найти свое место в системе международных отношений стоит «новая форма активности», характеризующаяся сочетанием «смелости и осторожности».¹⁰

Выступая с речью в турецком парламенте, Т. Озал недвусмысленно заявил, что «распад Советского Союза предоставил Турции исторический шанс стать региональной державой», и призвал Национальное собрание «не упустить этот шанс, появившийся впервые за 400 лет».¹¹ Указывая на фактор исламской и тюркской идентичности новосуверенных государств и призывая использовать это обстоятельство более эффективно, Т. Озал оценивал предоставившуюся возможность как средство для формирования «важного мирового объединения» и даже рассматривал увеличение числа соотечественников как осложняющий фактор на пути евроинтеграции и одновременно, как альтернативу, видел развитие отношений со странами черноморского бассейна, Балкан и бывших советских тюркских республик.¹²

Сторонники неоосманской доктрины указывали на необходимость разработки некоего «имперского видения» для Турции, в то же время делая оговорку, что это не должно рассматриваться как «экспансионизм или авантюризм».

В начале 1980-х гг. сторонники довольно популярной в турецких политических и интеллектуальных кругах доктрины «тюркско-исламского синтеза» выступили за установление «самых крепких связей дружбы и сотрудничества» между странами проживания тюркоязычных обществ и Турцией. Заодно утверждалось, что Турция «не должна оставаться безучастной к фактам физического и культурного уничтожения самобытности тюркских обществ, проживающих за пределами нашей страны».¹³ Наличие тюркоязычной общины в той или иной стране, согласно новой турецкой внешнеполитической риторике, рассматривалось как связующий мост между Турцией и конкретным государством.

Стоит отметить, что следующее после кипрских событий заострение внимания турецких властей и общественности на судьбе «внешних турок» произошло в конце 1980-х, когда, недовольные действиями болгарских властей, десятки тысяч болгарских турок устремились в Турцию. Этот эпизод стал своеобразным толчком для дальнейшей солидаризирующей риторики Анкары в отношении тюркоязычных меньшинств.

В начале 1990-х одним из главных направлений турецкой внешней политики стала разработка новых инициатив и их активная реализация в соп-

редельных с Турцией регионах, в особенности в зонах этнических конфликтов. Эти инициативы, как правило, были направлены на привлечение внимания международного сообщества к идее целесообразности применения мер, реализация которых исходила из интересов самой Турции.¹⁴

В новой редакции пантюркистские воззрения были адаптированы к распространению и усилению политического, экономического и культурно-образовательного влияния Турции. Для достижения этой цели Анкара вознамерилась укрепить свое присутствие в регионе с использованием всех доступных средств и возможностей. Параллельно с этим внутри самой Турции националистические настроения переживали новое развитие и претерпевали качественные изменения. Наметились тенденции к превращению национализма в серьезную, сравнимую с религией, движущую силу внешней и внутренней политики Турции. Следует отметить, что турецкий национализм как таковой всегда был и продолжал оставаться мощным фактором ее внешнеполитической деятельности, но все же в период войны в Персидском заливе и после распада Советского Союза он получил новые импульсы для развития.¹⁵

Во внешней политике Турции просматривается несколько уровней вовлечения или же выражения солидарности с этническими группами и государствами в кризисных ситуациях. Это может быть как прямая военная аннексия, подобно кипрским событиям, так и предоставление ограниченной военной помощи, а также солидаризирующая риторика. Во всех случаях турецкий национализм, как мощный инструмент внутренней политической мобилизации, играет определенную роль. Некоторые исследователи даже характеризуют турецкую внешнюю политику как «реализм под влиянием национализма».¹⁶

Новая разновидность турецкого национализма, появившаяся в конце XX века, коренным образом отличалась от национализма основателей Республики, которые стремились к созданию турецкой государственности по западному аналогу. По мнению турецкого исследователя Догу Эргила, нынешний турецкий национализм – традиционалистский, изоляционистский, способствующий продвижению религии в общественную жизнь. Единственное, что объединяет его с национализмом кемалистов, по мнению Д. Эргила, это его этатистский характер, так как он оставляет за государством роль «центра силы».¹⁷

В начале 1990-х гг. мировая пресса и аналитические круги отводили много страниц описанию новой роли и будущих сфер влияния Турции на постсоветском пространстве. Появились даже прогнозы о вероятности создания неоосманской империи под доминированием Анкары, а турец-

кие лидеры не скрывали своих мечтаний о возможности Турции «представлять интересы тюркского мира».¹⁸

Стоит отметить, что еще до распада СССР из уст турецких официальных лиц звучали заявления, напрямую поддерживающие пантюркистские планы. Так, в начале 1990 г. государственный министр Турции Эрджумент Конукман утверждал, что «турецкие флаги будут реять над советскими землями», и что «в грядущие годы тюрки, проживающие в сопредельных государствах, будут формировать независимые государства под турецким флагом. Старый и больной оттоманский турок вновь приобретет былую мощь».¹⁹ Это заявление вызвало шоковую реакцию в турецком внешнеполитическом ведомстве. В свою очередь, премьер-министр Турции Ыылдырым Акбулут использовал выражение «наши граждане» в отношении жителей Нахиджевана.²⁰

В целом же глобальные трансформации системы безопасности и политические изменения поставили Анкару перед фактом ее организационной и идеологической неподготовленности к таким резким геополитическим переменам. Попытки переосмысления турецкой внешнеполитической стратегии и спешные шаги по ее адаптации к изменившейся ситуации выявляли определенную степень неестественности, эйфории и сумбура. Турецкий автор Омер Коджаман объясняет это отсутствием у Турции всякой возможности проводить какую-либо политику в тюркских регионах бывшего СССР, а также недостатком профессионалов и опыта для выработки четкой политической линии в отношении всего постсоветского пространства. Одновременно с этим, турецкие политологи и влиятельные политики открыто призывали пересмотреть существующую доктрину невмешательства. Этот был призыв переоценить оттоманское прошлое и параллельно создать современную версию османизма в качестве основы новой турецкой внешнеполитической стратегии.²¹

По мнению некоторых исследователей, тенденции к превращению Турции в региональный «центр силы» свидетельствовали о многих, в том числе и психологических, факторах, а именно: возрождение идей «неоосманизма», присущее турецким элитам – светским и фундаменталистским – повышенное чувство собственной культурной значимости и неоосманская оценка Турции как «центра мира» и, что немаловажно, геостратегическая роль этой страны.²²

Нелишне заметить, что идея поддержки Турцией родственных тюркских народов Центральной Азии и Кавказа находила отклик и сочувствие как в кругах вестернизированной прокемалистской элиты, так и в исламской среде, однако в силу разных мировоззренческих ориентиров, цели

и методы такой поддержки были разными.²³

В Анкаре осознавали также, что в борьбе за советские мусульманские регионы придется считаться с интересами других игроков: России, Ирана, Саудовской Аравии, Китая и др. В этом смысле идеальным для Турции представлялся сценарий объединения тюркоязычных стран под своим лидерством на основе идей пантюркизма, как более или менее дееспособный противовес российскому влиянию в Кавказско-Каспийском регионе и в Центральной Азии.²⁴

В начале 1990-х гг. турецкие политики и лидеры тюркских республик на волне чрезмерной эйфории заявили о вероятности создания общетюркского союза или содружества на основе этнолингвистической и культурной общности.²⁵ В заявлениях президента Т. Озала и премьер-министра С. Демиреля касательно будущего обустройства тюркского мира делались предположения о создании некоего Тюркского союза или содружества, по подобию Арабской лиги или же Нордического альянса.²⁶ В таких декларациях упор делался на культурно-языковую, этническую и историческую близость тюркоязычных народов бывшего СССР с анатолийскими турками.

Во время кризиса в Персидском заливе и операции «Буря в пустыне» Турция подключилась к антииракской коалиции, что было личной инициативой Т. Озала, который к тому же отправил в отставку начальника Генштаба Турции Неджиба Торумтая, выступавшего против такой позиции. Это стало беспрецедентным в турецкой политической истории событием, когда гражданское лицо отправило в отставку столь высокопоставленного военного чиновника. Расчеты Тургута Озала сводились к достижению следующей основной цели: исходя из масштабной разрядки между Западом и Востоком и резкого изменения конфигурации в международной политике, а также озабоченности Турции потерей своего значения как союзника и партнера Запада, в первую очередь США, следует искать новое предназначение Турции в ближневосточном и сопредельных регионах.

Среди турецкого политического истеблишмента бытовало мнение, что вследствие этих изменений стратегическая роль Турции для Запада резко понизится, и первым проявлением этого стал отказ Европейского сообщества принять Турцию в качестве полноправного члена этой организации. Вместе с тем, прогнозируемая экономическая экспансия в бывшие советские территории, должна была открыть новые рынки сбыта для турецких товаров, а также обеспечить развивающуюся турецкую экономику сырьем: в первую очередь энергоресурсами и хлопком.

Первоначальные эйфорические настроения, периодические визиты и встречи лидеров тюркоязычных стран и общин и кажущиеся успехи турецкой дипломатии создали иллюзию, что «XXI век будет веком турок» и в скором времени можно будет говорить о «появлении тюркского мира от Адриатики до Великой китайской стены». Пантюркистская риторика турецких политиков часто повторяла ту, что находилась на вооружении младотурецких лидеров в начале XX века.

Турция расценивалась Западом в качестве важного стабилизирующего регионального фактора в силу своих исторических и культурно-лингвистических связей с новосуверенными мусульманскими республиками; но одновременно с этим вероятность ее успеха в регионе считалась сильно зависящей от того, как будут развиваться процессы самоидентификации и национального строительства в бывших советских республиках, и в каком контексте тюркские народы региона будут рассматривать Турцию в целом и свое тюркское начало в частности.²⁷

В турецких и некоторых западных политических кругах превалировала точка зрения, согласно которой регион Центральной Азии не только может, но и должен стать сферой турецкого влияния, и в этой связи Турция рассматривалась в качестве одной из новых региональных держав, имеющих влияние в Центральной Азии, на Кавказе, в черноморском, балканском и ближневосточном регионах.²⁸

Война в Персидском заливе, распад Организации Варшавского договора и последующее появление новых стран – соседей Турции вследствие развала СССР и Югославии поставили Анкару перед необходимостью быстрого реагирования на геополитические пертурбации мирового и регионального масштаба.

Одной из первых инициатив пришедшего к власти по итогам парламентских выборов 1991 г. коалиционного правительства (Партия верного пути и Социал-демократическая народная партия) было признание независимости Азербайджана и центральноазиатских республик. 9 ноября 1991 г. Турция первой признала независимость Азербайджана, после чего были предприняты серьезные шаги по установлению двусторонних политических, экономических, культурных, а также военных связей.

В ноябре 1991 г. турецкое правительство заявило, что «сделает все возможное для поддержания отношений с Советским Союзом, но в то же время призывало Москву «с пониманием относиться к решению Анкары признать независимость Азербайджана».²⁹

Парламентские слушания, организованные 12 и 19 декабря в ВНСТ по вопросам выработки конкретной стратегии Турции в отношении бывших

советских стран, вылились в бурные дебаты. Лидер Партии Националистического движения Альпарслан Тюркеш предупредил, что Анкаре следует действовать быстро и оперативно, пока другие заинтересованные страны, такие как Иран, Саудовская Аравия и Германия, не «выкрали» эту возможность у турок.³⁰

В своем вступительном послании в связи с открытием парламентской сессии премьер-министр Турции С. Демирель сравнил Турцию с открытыми воротами, через которые Европа и США смогут войти и развивать отношения с независимыми республиками Кавказа и Центральной Азии.³¹

Конец 1991 и начало 1992 года ознаменовались интенсивным обменом двусторонними официальными и рабочими визитами с бывшими советскими республиками. В марте 1992 г. министр иностранных дел Турции Хикмет Четин совершил турне по странам региона вместе с Секретарем Европейского совета Катрин Лалюмбер, заявившей в июне 1992 г., что «Турция представляет действенную модель развития для многих новосуверенных стран Азии».³² Воспользовавшись председательством Турции в Европейском парламенте, от имени своего правительства Х. Четин выступил также с предложением представить новосуверенные республики в международных организациях.

Контакты лидеров Турции и тюркских республик имели эмоциональные проявления и представлялись как встреча братьев и сестер, которые увиделись вновь после долгой разлуки. В ходе этих встреч делались заявления о перспективах сотрудничества и обрисовывались контуры будущего тюркского союза. Президенты Азербайджана и республик Центральной Азии неоднократно в своих заявлениях указывали на безальтернативность «турецкой модели» и представляли ее как путеводную звезду в будущем развитии своих стран. Так, Ислам Каримов по этому поводу отметил: «Я хочу заявить всему миру, что моя страна будет продвигаться по пути Турции», – и исключил вариант приемлемости для Узбекистана иранской модели. Лидер Казахстана Н. Назарбаев объявил, что «единственная модель, которой они привержены – это турецкая».³³ При этом Н. Назарбаев в интервью австрийской газете «Прессе» не исключил возможности образования содружества тюркских государств.³⁴

Такая перспектива, а также первые двусторонние визиты в немалой степени способствовали нарастанию эйфорических настроений в Анкаре, все более уверенной в своей будущей роли лидера тюркских государств. Этому способствовала и чрезмерно пышная протурецкая риторика самих лидеров тюркских стран. Так, президент Туркменистана С. Ниязов заявил, что «очень рассчитывает на братскую помощь турецкого народа в

вопросе подъема экономики». ³⁵ В декабре 1991 г., в ходе своего официального визита в Анкару, президент Кыргызстана А. Акаев говорил: «Турция – путеводная звезда для Кыргызстана». ³⁶ А. Акаев также изложил турецкой газете «Джумхуриет» следующее: «Люди хотят жить лучше. Если некоторые ищут средств достижения этой цели в пантюркизме, я ничего страшного в этом не вижу. Когда мы построим экономически сильный Кыргызстан, такие течения, как пантюркизм и панисламизм, не будут представлять для нас опасности». ³⁷

В свою очередь президент Узбекистана И. Каримов во время визита министра иностранных дел Турции Хикмета Четина в Ташкент открыто заявил, что «придет время, когда мы будем сидеть в одном парламенте». ³⁸

В первые годы независимости турецкая ориентация доминировала во внешней политике Узбекистана. Первое иностранное посольство, открывшееся в Ташкенте, было турецким. Именно к Турции обратился И. Каримов в марте 1992 г., чтобы она представляла Узбекистан в международных организациях. Анкара удовлетворила эту просьбу и заключила соглашение о временном дипломатическом представительстве интересов Узбекистана. ³⁹

За посещением министра иностранных дел Турции Х. Четина последовали официальные визиты турецкого премьера С. Демиреля и президента Т. Озала. Следует отметить, что Х. Четин только за 1992 г. совершил 44 визита в страны Центральной Азии и Кавказа. ⁴⁰ Интенсивность и количество официальных поездок были внушительными. За первый год независимости регион посетили более 1170 турецких делегаций. ⁴¹

Перед началом своего визита в центральноазиатский регион, в Анкаре С. Демирель заявил: «Обретение независимости этими странами означает воплощение в жизнь вековой мечты Турции и она готова сделать все возможное, чтобы помочь им в проведении политических и экономических реформ». Далее премьер-министр Турции отметил, что его страна «готова взять на себя политическую ответственность за положение дел в регионе от Адриатического моря до границ с Китаем». ⁴²

Одновременно Анкара стремилась всячески подчеркивать, что эти инициативы и активизация турецкой внешней политики на постсоветском пространстве не преследуют пантюркистские цели, а свидетельствуют о взятии Турцией на себя лишь обязательств представлять весь тюркский мир. ⁴³ В этом смысле осторожный подход С. Демиреля резко отличался от эксцентричных шагов президента Тургутта Озала.

Еще до своего вступления в должность президента Турции, в апреле 1993 г. С. Демирель отметил: «Наши отношения с тюркскими народами

Центральной Азии необходимо ограничить улучшением культурных и экономических связей. Мы должны постоянно учитывать равновесие сил в регионе, чтобы ничем не вызвать подозрения со стороны нетюркских государств». ⁴⁴ Открытые заявления о возрождении пантюркизма с самого начала создали серьезные затруднения для Турции, и по этой причине турецкая сторона потратила немало усилий, чтобы показать, что считает эту идею неправильной и что она не соответствует действительности. ⁴⁵

Свое видение внешней политики Турции в отношении тюркских республик президент Турции Т. Озал представил следующим образом: «Я был инициатором двух важных дел для этих стран. Во-первых, я обнаружил, что эти страны связаны главным образом со старым Советским Союзом в силу системы Госплана, экономики, основанной на центральном планировании. Чтобы сделать их независимыми, я бы сказал более независимыми, надо иметь альтернативные пути, альтернативные возможности... я обнаружил, что в этих странах все дороги ведут в Москву... Мы уже начали транслировать турецкие телепередачи на эти страны, и теперь они охватят различные города среднеазиатских республик. Потому что у нас одинаковый язык, хотя и с некоторыми различиями, но я надеюсь, что через пару месяцев эти различия исчезнут». ⁴⁶

Незадолго до своей кончины, в апреле 1993 г. президент Турции Т. Озал посетил страны Центральной Азии и Азербайджан. В ходе своего турне по региону Т. Озал заявил: «Как первый президент Турецкой республики, получивший возможность посетить новые независимые государства Средней Азии и Закавказья, я очень счастлив... Турция считает своим политическим и моральным долгом оказать этим республикам, имеющим с Турцией общие культурные, языковые и религиозные корни, посильную помощь на нынешнем историческом новом этапе их развития...» ⁴⁷

Пересмотр кемалистских взглядов и пантюркистская идеологическая концепция единения тюркоязычных народов сопровождалась ссылками на самого Ататюрка, которому приписывали авторство апокрифического высказывания о возможном распаде Советского Союза. ⁴⁸

В начале 1990-х на улицах Стамбула появились плакаты пантюркистского характера с картами будущего тюркского союза от Балкан до Китайского моря, а также портреты Ататюрка с приписываемыми ему словами: «Я верю в союз тюркских народов». ⁴⁹

Интерес лидеров центральноазиатских республик к Турции, был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, после подписания с Россией, Белоруссией и Украиной беловежских соглашений, республики Центральной Азии оказались в ситуации неопределенности в вопросе о

своим статусе, и в поисках надежных проводников «во внешний мир» их выбор пал на Турцию, к тому времени нескрывая свою выходящую за пределы интересов в отношении «зарубежных родственников». Во-вторых, эти республики возлагали большие надежды на турецкие инвестиции для ликвидации экономической разрухи, расширения и модернизации инфраструктурной сети, унаследованной от СССР. Наконец, не последнюю роль сыграло и стремление лидеров центральноазиатских республик сбалансировать влияние России и Китая в регионе, а также ограничить распространения исламского радикализма, источником которого согласно западной политической и медиариторике, виделся Иран.

Лидеры центральноазиатских стран неоднократно заявляли, что в лице мусульманской, но секулярной Турции «видят окно в Европу, откуда можно импортировать новые технологии и ценности в обход России».⁵⁰

Турция рассчитывала стать не только донором и основным торгово-экономическим партнером, но и старшим братом (тур. *agabeylik*) в будущем союзе тюркских государств. Воодушевление было столь великим, что после принятия тюркоязычных республик в члены ООН высказывались предложения о включении турецкого в качестве одного из официальных языков этой международной организации.⁵¹

Таким образом, неопантюркистская риторика, периодически получавшая позитивные отклики и ответные послания из тюркоязычных республик и автономий бывшего Советского Союза, послужила верным стимулом для Анкары, с завидной активностью приступившей к распространению своего политического, экономического, культурно-образовательного и информационного влияния в регионах Южного Кавказа и Центральной Азии.

Геополитические амбиции Турции распространялись на довольно широкий ареал Евразии, включающий территории от Балкан до Якутии, Крым, Кавказ, китайскую провинцию Синьцзян, Монголию, Центральную Азию, а также Северный Ирак и Кипр. История показывает, что ослабление России «всегда становилось причиной появления аналогичных мечтаний» среди турецкого политического истеблишмента.⁵²

Внешиполитическая активность Турции в совершенно новых для Анкары направлениях была обусловлена следующими основными факторами:

1. Рыночные реформы, частичная либерализация экономики Турции, предпринятая Тургутом Озалам в 1980-х гг. и расширение внешней торговли страны способствовали поиску новых рынков для сбыта турецких товаров и капиталовложений,

2. После окончания Холодной войны и распада Советского Союза Турция оказалась перед дилеммой определения своей новой региональной и международной роли, в первую очередь как юго-восточного форпоста НАТО. Политические расчеты Анкары, связанные с определением новой роли Турции для Запада после войны в Персидском заливе, фактически не оправдались.

3. Упорные, но все же безрезультативные попытки Анкары стать полноправным членом Европейского сообщества, заставили турецких лидеров выстраивать иные внешнеполитические направления по определению новой роли Турции. Отклонение ее заявки по вступлению в ЕЭС в 1989 г. сильно подействовало на национальную элиту страны и заставило Турцию искать альтернативные варианты реализации своих внешнеполитических планов. На этом фоне регион Ближнего и Среднего Востока, традиционно рассматриваемый Анкарой как проблемный и конфликтногенный, занял прочное и приоритетное место в турецкой внешней политике. В этом смысле появление на политической карте мира независимых тюркоязычных государств рассматривалось Анкарой как неожиданный шанс по поднятию международного веса и престижа Турции, выступающей в роли регионального лидера.

Ожидания турецких лидеров по поводу будущей лидирующей роли Турции в региональной и мировой политике сочетались с концепцией евразийства, рассматривающей Турцию как экономический и политический центр Евразии и придававший ей функцию связующего моста между Европой и Азией. По мнению Н. Киреева, турецкое евразийство представляло собой принципиально иную, стратегическую объединительную идею – на почве тюркской самобытности, признавая при этом обращение прежде всего к одной культуре: исламской. То есть, согласно этому, истинное и надежное евразийство может быть создано только на родовом, этническом и религиозном единстве.⁵³ Турецкое видение евразийства заключалось в стремлении ограничить многонациональное евразийское цивилизационное взаимодействие лишь пределами тюркских взаимосвязей, а при возможности – направить интерес тюркского населения к крайним, туранистским и исламистским движениям в евразийских регионах, особенно на Кавказе, где помимо тюркских народов проживают и мусульмане – не тюрки.⁵⁴

Российский исследователь Н. Киреев предполагает, что исходные принципы турецкой концепции евразийства основываются на идеях тюркизма и не содержат ничего принципиально нового, что отвечало бы современным вызовам мировых интеграционных процессов и соответствовало

стремлению Турции стать членом ЕС.⁵⁵

Безусловно, Анкара приветствовала «открытие» тюркского мира из прагматических соображений, так как была уверена, что тесные связи с новыми республиками помешают распространению влияния России и Ирана на Кавказе и в Центральной Азии и обеспечат новые возможности для развития ее экспортноориентированной экономики. Интерес Турции к району Каспийского моря с богатыми нефтегазовыми ресурсами был обусловлен стремлением повысить свое региональное значение и получить доступ к важнейшему энергетическому источнику для удовлетворения собственных нужд.

Среди авторов, занимающихся вопросами неопантюркистской политики Турции на территории бывшего Советского Союза, существует определенный консенсус относительно периодизации первого десятилетия ее внешней политики на постсоветском пространстве. Как правило, она сводится к разделу на два основных периода. Первый из них, так называемый «эйфорический период», начинается с конца 1991 г. и продолжается до первого тюркского саммита в октябре 1992 г., когда все надежды Анкары относительно формирования некоего тюркского союза улетучились.

С провалом турецких замыслов на первом тюркском саммите и в особенности после падения власти президента А. Эльчибея в Азербайджане в апреле 1993 г., начинается относительно «трезвый», или «прагматичный период» турецкой внешнеполитической стратегии по отношению к тюркоязычным государствам.

Западные страны и НАТО поддерживали инициативы Анкары на постсоветском пространстве и стремились к тому, чтобы блокировать проникновение иранского влияния в регион. Запад также выразил свое предпочтение турецкой модели развития и государственного строительства республик бывшего СССР. Именно этим обстоятельством было вызвано заявление ряда политиков ведущих держав. Эти заявления порой отличались категоричностью. К примеру, в июне 1992 г. глава МИД Франции Ролан Дюма заявил, что «Если Турция не станет решающей силой в регионе, то это место займет Иран». В свою очередь, канцлер ФРГ Гельмут Коль заметил, что «Германия и Турция могли бы сотрудничать особенно в тех республиках, чьи руководители проявили готовность перенять турецкую модель».⁵⁶

Генеральный секретарь НАТО Манфред Уорнер выразил мнение, что НАТО устраивает то, что Турция заполняет вакуум, возникший в результате распада Советского Союза, и что НАТО поддерживает защиту

Турцией интересов организации в Центральной Азии в противодействие исламскому фундаментализму.⁵⁷ В свою очередь, Госсекретарь США Джеймс Бейкер во время своего турне по республикам Центральной Азии посоветовал этим странам перенять политическую и экономическую модель Турции.⁵⁸ Аналогичную позицию занял и официальный Лондон. Однако для США было очевидно, что в плане ресурсов для эффективного и полноценного проникновения в регион Турция намного отстает от некоторых стран. По сравнению с Ираном, у Турции были шансы на укрепление своего влияния в этих регионах только при условии мощной поддержки Вашингтона, который имел свои интересы и использовал Турцию в качестве их проводника. Но вскоре стало очевидно, что использование «турецкой карты» не дало ожидаемого результата по причине того, что у самой Турции имелись серьезные внутренние проблемы, а у лидеров Центральной Азии появилось амбивалентное отношение к турецким государственным и негосударственным акторам в своих республиках.⁵⁹

Поддерживая проникновение Турции в эти регионы, Запад стремился не только противодействовать распространению влияния Ирана, но и пресечь «возвращение» туда России. Президент Т. Озал во время визита в Вашингтон открыто обратился к администрации Дж. Буша с просьбой более активно способствовать усилению 14 нерусских республик бывшего Советского Союза. «Если не научить их как стать на ноги – заявил Озал, – то с течением времени Россия вновь заберет их обратно».⁶⁰ Для Турции и ее покровителя, США, одной из главных задач виделось координирование политики и выработка совместных подходов к Кавказу и Центральной Азии.

Для скорейшего и эффективного налаживания сотрудничества с ново-суверенными республиками бывшего СССР Анкара на начальном этапе сконцентрировала свои ресурсы в следующих направлениях: 1. установление тесных политических связей на межгосударственном уровне, 2. развитие торгово-экономических отношений с целью обеспечения прочного турецкого фактора в экономике тюркских республик, 3. разработка образовательных программ и обучение местной молодежи в турецких учебных заведениях, с целью генерирования протурецких элит.

Последняя инициатива исходила от Т. Озала и была призвана стать своего рода компенсацией за отказ принять Турцию в ЕС. Такая программа хорошо вписывалась в повестку активных внешнеполитических инициатив Анкары. Кроме того, турецкие правящие круги стремились использовать это преимущество для создания внешней экономической среды, которая служила бы турецкой экономике.⁶¹

Летом 1992 г. в Стамбуле 10 стран Черноморского региона учредили Организацию Черноморского экономического сотрудничества. Деятельность ОЧЭС не принесла пока заметных и конкретных результатов. Турецкая инициатива по созыву ОЧЭС позволила Анкаре значительно укрепить и расширить связи как с постоянными членами организации, так и со странами, имеющими статус наблюдателя. Основная трудность эффективного функционирования ОЧЭС состоит в разнонаправленности внешнеполитических (в том числе и в вопросе безопасности) и внешнеэкономических интересов стран – членов организации. Это обстоятельство сильно ограничивает сотрудничество в рамках ОЧЭС. Другим немаловажным обстоятельством является практически полное отсутствие имплементационных механизмов в принятии решений и предпочтение странами – членами ОЧЭС других инструментов и форумов внешней политики для решения своих задач.⁶²

Факт отсутствия дипломатических отношений между Турцией и Арменией наглядно демонстрирует уязвимость полноценного сотрудничества в рамках ОЧЭС.

Турция также активно приступила к представительству тюркских республик в разных международных организациях, способствуя их членству в ООН, СБСЕ (с 1995 г. – ОБСЕ), Организации исламской конференции (ОИК) и Организации экономического сотрудничества. Для более эффективного налаживания работы с тюркскими республиками, при Министерстве иностранных дел Турции было создано специальное управление, в задачу которого входило развитие отношений с бывшими тюркоязычными республиками СССР.⁶³

Для укрепления торгово-экономических связей активную деятельность развернуло турецкое Агентство по сотрудничеству и развитию при (ТИКА) премьер-министре Турции. В сфере экономики основным направлением деятельности ТИКА является оказание экономической помощи тюркским государствам и национальным тюркским меньшинствам в постсоветских государствах, развертывание совместных проектов и программ, быстрая интеграция государств и мест компактного проживания тюрков в мировое хозяйство, обеспечение обмена информацией между банками Турции и тюркских республик и т. д.⁶⁴

Таким образом, постсоветский экономический и идеологический вакуум, а также период неопределенности и отсутствие четкой внешнеполитической стратегии у России непосредственно способствовали политическому, экономическому и культурно-образовательному проникновению Турции в постсоветский Кавказ и Центральную Азию.

Параллельно с развертыванием в постсоветском регионе, Анкара стремилась избежать ассоциирования с пантюркистскими стремлениями, которые могли существенно навредить ее статусу региональной и европейской державы.⁶⁵ «У Турции нет скрытых пантюркистских намерений в отношении мусульманских республик бывшего Советского Союза – заявил официальный представитель МИД Турции Филиз Динчмен, – все объясняется естественными связями Турции с нашими братьями из этих регионов, а не националистической идеологией или религией».⁶⁶

И хотя по итогам первого тюркского саммита в Анкаре в конце 1992 г., все ее надежды на этот счет улетучились, все же и в последующие годы Турция неоднократно выступала с предложениями по организации некоего союза тюркоязычных государств, явно не считаясь с реальной ситуацией и переменах в балансе сил в международной политике и, что самое важное, с резким изменением внешнеполитических стратегий и приоритетов самих тюркоязычных государств.

Анкара вскоре осознала, что ее пантюркистским планам не суждено сбыться. Внутренние разногласия между республиками Центральной Азии, соперничество между Узбекистаном и Казахстаном за лидерство в центральноазиатском регионе, нейтральная позиция Туркменистана в региональных и международных вопросах, а также разногласия между некоторыми центральноазиатскими республиками и Азербайджаном, а впоследствии и Турцией, сыграли предопределяющую роль в кардинальном пересмотре первоначальных установок в «тюркском» направлении турецкой внешнеполитической линии Анкары.

Особняком в турецкой внешней политике стоял вопрос выработки позиции в отношении Таджикистана – республики с преобладающим ираноязычным населением, но треть жителей которой составляли тюркоязычные узбеки. Исходя из важности последнего обстоятельства, Анкара проявила заинтересованность и к этому государству.

Стоит отметить, что во внутривнутриполитическом спектре Турции были и серьезные оппоненты эйфорическому настрою по отношению к тюркским государствам, которые по разным идеологическим соображениям выступали против такого подхода. Это в первую очередь касается исламистов и их лидера Неджметтина Эрбакана, призывающего отказаться от прозападных планов и проектов и создать сообщество исламских государств под эгидой Турции. Вторую группу оппонентов представляли военные, а также часть секулярной прозападной элиты, которые опасались «возвращения» Турции на Восток, взамен давно намеченной евроинтеграции. В общественном мнении Турции не было консенсуса в отношении установ-

ления тесных политико-экономических связей с тюркскими государствами, поскольку считалось, что новые узы существенно помешают процессу евроинтеграции Турции.

На этом фоне вполне закономерной была резкая активизация деятельности Партии Националистического действия и ее лидера Альпарслана Тюркеша, который был даже включен в состав первой делегации турецкого премьера С. Демиреля в ходе турне по центральноазиатским республикам. Более того, одним из советников С. Демиреля по Центральной Азии стал бывший член «Серых волков» Намык Кемаль Зайбек.⁶⁷

Пантюркистские веяния, которые никогда не теряли актуальность в политическом пространстве Турции, нашли плодотворную почву и в тюркоязычных республиках, особенно в Азербайджане. Националистические настроения в этих странах, первоначально направленные против местного русскоязычного населения и армян – беженцев из Азербайджана, впоследствии нашли применение под знаменем пантюркизма.⁶⁸ В нагнетании антиармянских и антирусских настроений в центральноазиатском регионе в 1989–1992 гг. существенную роль сыграли функционеры Народного фронта Азербайджана.

В январе 1992 г. конгресс Демократической партии Казахстана принял решение о создании Тюркского государства от Казани до Алматы, а лидер казахской партии «Желтоксан» Х. Кожахмедов выступил за создание «тюркского содружества» и образование «Великого Туркестана». Другое казахское движение, «Алаш», под девизом «Ислам, тюркизм, демократия» провозгласило цель превращения Казахстана в ядро «Великого Туркестана».⁶⁹ В Узбекистане носителем пантюркистских воззрений стала партия «Бирлик». Однако в связи с разногласиями с руководством республики ее деятельность была приостановлена, а лидеры партии нашли в Азербайджане убежище и покровительство его президента А. Эльчибея. Основная причина противодействия местных властей политическим и общественным движениям с пантюркистскими идеями заключалась в том, что эти организации порой сочетали пантюркистские идеи с исламистскими, что не устраивало власти, опасавшиеся усиления радикального исламизма внутри государства.

Следует отметить, что тюркская идентичность в Советском Азербайджане пребывала в латентном состоянии из-за целенаправленной политики советских властей по «азербайджанизации» мусульманского населения этой советской республики. В результате разные этнические группы мусульман Юго-Восточного Кавказа получили собирательное этническое название «азербайджанцы». Вместе с процессом ослабления Со-

ветского государства в республиках стали придавать особое значение отношениям с соседними государствами, с которыми имелись культурно-исторические связи. Для Азербайджана и его тюркоязычного населения таковыми стали отношения с Ираном и Турцией, которые должны были явиться альтернативой России и российскому влиянию.⁷⁰

На заре становления общественно-политических организаций в Азербайджане один из лидеров Народного фронта Азербайджана Абульфаз Эльчибей в своем интервью арабской газете «аль-Байан» привел следующую стратегию действий азербайджанского национального движения: «Мы стремимся снова подтвердить наш суверенитет и независимость и провозгласить турецкую демократическую республику Азербайджана. Это стремление восьми миллионов азербайджанских тюрков... Мы поставили перед собой три цели: 1. Возвращение к нашей турецкой национальной идентичности; 2. Возвращение к нашим мусульманским культурным ценностям; 3. Обновление... Однако наша цель – создание Великой Турции или объединение всех турок за рубежом под эгидой Турции».⁷¹

Зарождающиеся в начале 1990-х новые политические элиты в Советском Азербайджане в свою очередь возлагали большие надежды на Турцию в вопросе приобретения независимости и даже высказывались в пользу объединения с Турцией в течение ближайших 20–30 лет в форме конфедерации.⁷² Во время первых собраний с участием делегатов из центральноазиатских тюркских государств высказывались идеи об установлении тесных связей «с последним независимым турецким государством».⁷³

Пантюркистские круги внутри советского государства активизировались не без помощи турецкой агентурной разведки. Главную роль в реализации своих неопантюркистских начинаний Анкара отводила Азербайджану, столица которого превратилась в один из центров пантюркистской пропаганды.

Рассматривая Азербайджан как удобный плацдарм для продвижения политического и экономического влияния Турции на Кавказе, одновременно Анкара в тесном сотрудничестве с Баку видела средство для усиления турецкого политического влияния в странах Центральной Азии, Татарии, Башкирии и вообще среди тюркоязычного населения России, с возможностью выхода на рынки этих регионов, богатых запасами углеводородных ресурсов.⁷⁴

Как замечает российский исследователь В. Надеин-Раевский, в случае Азербайджана протурецкая ориентация имела не только исторические корни, но и отражала существующую текущую политическую ситуацию, прежде всего поиск союзников в подавлении национально-освободитель-

ного движения армянского населения Нагорного Карабаха.⁷⁵

Протурецкая ориентация была доминирующей в общественном и политическом сознании азербайджанского общества, и эти настроения были сформулированы под девизом «одна нация – два государства». Этот лозунг на долгое время стал генеральной линией внешней политики Азербайджанской Республики и занял прочное место во внешнеполитической риторике обеих стран.⁷⁶

После приобретения независимости своим главным стратегическим партнером Азербайджан видел именно Турцию, с самого начала отдавая предпочтение турецкой модели государственного строительства и развития. Одним из ярых сторонников протурецкой линии в Азербайджане был президент Абульфаз Эльчибей, заявивший: «Турция будет занимать главное место в политике Азербайджана».⁷⁷ В свою очередь премьер-министр Азербайджана Гасан Гасанов отметил: «Мы хотим, чтобы Азербайджан стал воротами для Турции в тюркские республики бывшего Союза, а Турция стала для Азербайджана воротами на Запад».⁷⁸

Заяв летом 1992 г. пост президента Азербайджана, А. Эльчибей одним из приоритетов в политике нового Азербайджана назвал «тюркизацию», сделав несколько резких антииранских заявлений с очевидной целью показать миру «прозападность Азербайджана».⁷⁹ Параллельно с пантюркистскими воззрениями, официальные лица в Баку неоднократно выступали с заявлениями в пользу «воссоединения» Азербайджанской Республики с северными территориями Ирана, где проживает несколько миллионов азербайджанцев. Идеи паназеризма, выступающие как неотъемлемая часть пантюркистской идеологии, сильно беспокоили Тегеран. Очевидно, что азербайджанцы, проживающие в Азербайджане, отличаются от своих собратьев из иранской провинции Азербайджан в первую очередь не этнической характеристикой, а своей социально-политической ментальностью. Это видно и по реакции азербайджанских ученых, совершивших визит в иранский Азербайджан. Так, к примеру, Зия Буниятов в одном из своих интервью от 21 октября 1989 г. недвусмысленно заявил следующее: «Меня очень удивило, что азербайджанцы на той стороне очень равнодушно относятся к нашей борьбе, связанной с Нагорным Карабахом. О многих вопросах они вообще не имеют понятия... Еще раз почувствовал, что единство языка – это еще не значит единство народа».⁸⁰

Если в программах некоторых политических партий Азербайджана вопрос иранских азербайджанцев затрагивается более-менее осторожными формулировками, то в программе Партии национального спасения (осн. в 1989 г.) одним из приоритетов было указано «воссоединение Республики

Азербайджан с Южным Азербайджаном».⁸¹

Следует отметить, что в эпоху зарождения политических партий и движений в Азербайджане заметно было и дублирование некоторыми из них названий и политических программ турецких организаций. Такими являются политические партии и движения «Bozkurt Dunyasi» (филиал турецких «Серых волков»), партия «Отечество» («Anavatan partasi») и Партия верного пути («Dogru Yol»).⁸²

В первые годы независимости в Азербайджане преобладали антииранские настроения, вызванные подчеркиванием прозападного курса, а также нейтральной позицией Тегерана в Карабахском вопросе. По этому поводу Вафа Гулузаде, советник президента Азербайджана А. Муталибова, заявил: «Мы не хотим, чтобы здесь всем заправлял Иран, Иран возвратил бы нас в средние века».⁸³

В условиях распространения агрессивного национализма в Турции доктрина тюркизма приобретала все больше расистский характер, даже во внутритюркском дискурсе. По мнению некоторых азербайджанских интеллектуалов, «тюркистская линия начала распространяться в условиях Азербайджана под лозунгом «у тюрка нет друга, кроме тюрка», который был выдвинут в другое время в другом месте для другого государства».⁸⁴

Идеология пантюркизма была не чуждым явлением для азербайджанской общественно-политической элиты, но в советские годы находилась в латентном состоянии. По этому поводу азербайджанский исследователь А. Юнусов считает, что в азербайджанском обществе идеи панисламизма и пантюркизма никогда не забывались и, пусть негласно, но всегда имели сторонников. При этом, по мере укрепления национальной идентичности азербайджанцев, роль пантюркизма заметно возрастала и даже отношение к исламу в Азербайджане во многом определялось через его призму.⁸⁵

Языковая и культурная близость, исторические связи, а также разнотипная поддержка Турции стали той базой, на которой основывается протурецкая ориентация Азербайджана. Вместе с тем, в Азербайджане при наличии рьяных сторонников пантюркизма и на фоне девиза «одна нация – два государства» находится все больше оппонентов идеи связывания азербайджанской национальной, культурной и политической идентичности с понятием пантюркизма и турецких начал национального самосознания. По их мнению, идея пантюркизма для азербайджанцев имела по меньшей мере два существенных недостатка. Во-первых, эта идеология основана на геополитической расстановке сил на определенном этапе истории и, получается, привязывает национальные идеалы азербайджанцев к динамике событий в соседних странах и регионах. Это предполагает,

что национальная идентичность азербайджанского народа должна иметь вневременной, перманентный характер. Вторым недостатком пантюркизма как идеологии для азербайджанцев видится то, что, как и любая другая идеология с этно-религиозной основой, она со временем приходит в резкое противоречие с необходимостью ведения государством эффективной внешней политики. Этим и объясняются неудачи во внешней политике Азербайджана в период правления протурецки настроенного президента А. Эльчибея.⁸⁶

В конце 1993 г. Азербайджан вынужден был ратифицировать документы по вступлению в СНГ. Такое решение было вызвано безвыходным положением Баку в Карабахском вопросе, неудачами в стремлении разрешить проблему военным путем, а также надеждами на посредничество России. Новоизбранный президент Гейдар Алиев пошел на этот шаг, рассчитывая на помощь России в укреплении своей власти и на ее содействие в Карабахском вопросе. В итоге турецкий вектор азербайджанской внешней политики на время ослабел.

Однако даже это не помешало Азербайджану остаться самым близким по политическим, экономическим и культурным связям с Турцией государством среди других тюркоязычных стран, а частые визиты азербайджанских лидеров в Турцию создали определенное понимание внутренних и внешних проблем Азербайджана в общественном мнении Турции.⁸⁷

Своеобразным символическим водоразделом первого, так называемого «эйфорического», периода турецкой внешней политики по установлению двусторонних отношений с бывшими советскими республиками Южного Кавказа и Центральной Азии стал первый тюркский саммит, прошедший в конце октября 1992 г. в Анкаре. По итогам этого саммита Турция не добилась согласия «родственных» республик (кроме Азербайджана) по существенным вопросам своей внешнеполитической стратегии. Турецкий сценарий саммита потерпел полное фиаско, заставив Анкару серьезно пересмотреть свои подходы к этим странам, тем более, что в этот момент среди тюркоязычных республик, а также в отношениях Турции с ними назревали разногласия и конфликты.⁸⁸

Дипломатическая деморализация Анкары еще больше усилилась с падением власти протурецкого президента Азербайджана Абульфаза Эльчибея и удачным контрнаступлением армянских сил самообороны в Карабахе.

С ослаблением и распадом СССР в западных кругах началось серьез-

ное лоббирование турецкой модели будущего развития и устройства для бывших советских мусульманских республик.⁸⁹ Слабость экономического и политического развития и всеобщий кризис в бывших советских республиках создали у турецкой стороны убеждение, что страна может выступить моделью развития для новосуверенных государств.

Идеи турецкой модели развития и турецкого культурно-образовательного присутствия в мусульманских республиках и автономиях бывшего Советского Союза стали интенсивно преподноситься в качестве альтернативы, а в некоторых случаях как проводники секулярного западного образа демократической политической системы в среду тюркоязычных стран и народов СНГ. Хотя демократические и западные ценности далеки от реального состояния в самой Турции, вместе с тем западные политические круги, пребывавшие в эйфории после распада СССР, такая интерпретация вполне устраивала для определения новой роли Турции в обширном геополитическом регионе Большого Ближнего Востока.

Турецкая модель была представлена как идеальный образец мусульманской демократии в противовес иранской модели. Анкара, подыгрывая «страхам» Запада перед возможным распространением исламского фундаментализма и иранского влияния в этих республиках, также предлагала свою модель, избранную инструментом внешней политики западных стран в регионе. Именно эти факторы сыграли главенствующую роль в превращении турецкой модели в популярную парадигму первых постсоветских лет.⁹⁰

Главными компонентами турецкой модели развития выделялись политическое обустройство мусульманского секулярного государства, ориентированного на Запад, с либеральной экономикой и демократическим устройством.

О приемлемости турецкой модели развития высказались также лидеры тюркских республик, для которых наиболее значительным был секулярный принцип государственного строительства. На первых порах открытым сторонником турецкой модели выступал президент Узбекистана И. Каримов, заявивший о том, что «политика Турции всегда была образцом для Узбекистана и других центральноазиатских государств».⁹¹

Поддержка Вашингтоном турецкой модели развития для мусульманских тюркоязычных стран Центральной Азии и Азербайджана была обусловлена стремлением ограничить распространение влияния Ирана и избежать создания в этих странах исламистских правительств. По мнению Вигена Четеряна, такой подход имел два недостатка. Во-первых, он предполагал уход России из региона, но этот расчет оказался неверным. Во-

вторых, считалось, что страны Центральной Азии стремятся внедрить у себя какую-либо готовую зарубежную модель развития, что вовсе не соответствовало действительности.⁹²

Таким образом, «турецкая модель», как состоявшийся пример мусульманской парламентской демократии с рыночной экономикой, предлагался постсоветским государствам в качестве некоей «дорожной карты» государственного строительства.

Как пишет турецкий автор Шиле Кут, после распада СССР турецкая внешняя политика нуждалась в новой стратегии, идентичности и конкретных целях. Учитывая этнические проблемы страны, усиление политического ислама, экономические трудности и дефекты в строительстве собственной демократии, следует признать, что турецкая модель не работала и в самой Турции.⁹³

В свою очередь известный американский исследователь Грэхам Фуллер считает, что на Западе классический образ Турции долгое время был ошибочным: секулярное, демократическое государство, незыблемый друг США, страна, чье стратегическое видение соответствует интересам США в регионе... Последние 50 лет большинство из этих характеристик не соответствовали реальности, представляя собой главным образом «устраивающие (comforting), но не проверенные мифы (unexamined myth)».⁹⁴

В Анкаре со временем осознали, что лидеры независимых тюркских республик не были заинтересованы в завязывании своих интересов лишь в одном, турецком направлении. По справедливому замечанию О. Резниковой, это вовсе не было следствием слабости идеологии пантюркизма и оппозиции в реализации пантюркистских проектов, но исходило из той принципиальной аксиомы, что и исламизм иранской модели, и пантюркизм в турецкой редакции слабо соответствовали базовым социокультурным и даже религиозным характеристикам государств Центральной Азии.⁹⁵

Обострение курдского национального движения в 1990-х гг. и экономический кризис 1994 г. не позволили Анкаре развернуть свои возможности на полную мощь. С приходом к власти правительства Тансу Чиллер пантюркистские заявления турецких лидеров по инерции преобладали в официальной риторике Анкары, теперь уже стремившейся стать основным участником «Большой игры» за добычу и транспортировку углеводородных ресурсов Каспия.

«Прагматичный» период в неоосманской стратегии

После неудачного для Турции Анкарского саммита и, особенно, после

смерти президента Турции Т. Озала, в отношениях Турции с тюркскими республиками начинается так называемый период прагматичной политики по выстраиванию и дальнейшему углублению двусторонних отношений. Характерная для этого периода официальная риторика турецких политиков в начальном этапе установления двусторонних взаимоотношений анализировала и оценивала не совсем точные исходные политические расчеты и ожидания.

Анкара уже не сомневалась, что лидеры тюркских республик всячески избегали появления нового покровителя в лице Турции и, кроме того, крайне скептически относились к потенциалу Турции в плане возможности оказания более или менее весомой экономической помощи для развития этих стран.

В итоге многие амбициозные планы Анкары пришлось свертывать. Первоначальные рассуждения турецких лидеров о возможном вхождении Центральной Азии в зону турецкого влияния были забыты, а на смену им пришли более или менее реалистичные подходы. Вместе с тем Центральная Азия и Кавказ продолжали занимать основное место в повестке турецкой внешней политики. Одновременно признавались сложности, с которыми сталкивалась Турция в попытке распространить свое влияние в этих регионах.⁹⁶

По словам турецкого исследователя Догана Тилича, турецкая политика в регионе потерпела крах, и в этом вина не столько официально сформулированной политики, столько нереалистически высоких с самого начала ожиданий.⁹⁷ Другой турецкий автор, Идрис Бал, считает, что Турция формировала внешнеполитический курс, не принимая во внимание внутреннюю политику этих стран и их желание усилить свою независимость.⁹⁸

По этому поводу весьма метко высказался президент Казахстана Н. Назарбаев, отметив следующее: «... Должен сказать, что и у нас бытовали такие идеи. Многим казалось, что Турция сможет решить все наши проблемы. Конечно, если не знать практику жизни нашей в прежних условиях, можно было поддаться такой эйфории. Но что это означало на деле? Это значило – отказаться от только что обретенной независимости, разорвать традиционные отношения с соседями, вместо одного «старшего брата» посадить себе на шею другого... Я предложил восстанавливать утраченные связи цивилизованно, только что приобретенную независимость, суверенитет каждого государства... Мою позицию поддержал и президент Узбекистана И. Каримов. Газеты много писали о том, что Н. Назарбаев дал резкую отповедь пантюркистским устремлениям. Надо отдать должное Т. Озалу. Мудрый политик, он понял и принял мои доводы, и наши дружес-

ские отношения сохранились. Турция и Казахстан стали сотрудничать как равноправные партнеры. Т. Озал понял, что нам нужен был именно такой тип отношений – равенство, дружба, взаимовыгодные экономические связи».⁹⁹

Таким образом, после смерти Т. Озала в марте 1993 г. и отречения от власти А. Эльчибея в Азербайджане (апрель 1993 г.) политика Турции в отношении постсоветских тюркских государств стала более сбалансированной и прагматичной. Основные причины этой эволюции следующие. Во-первых, не вполне оправдались ожидания этих государств в отношении объемов и характера помощи Турции, а во-вторых, никто из них явно не хотел последовательной конфронтации с Россией. Фактор возможного противодействия со стороны Российской Федерации учитывала и Турция. Немалую роль в этом сыграл и тот факт, что суммарный экономический результат, который Турция получала и могла получить от сотрудничества с тюркскими государствами, был значительно ниже того, что давали торговоэкономические связи с Россией.¹⁰⁰ Таким образом, политическая составляющая двусторонних взаимоотношений и судьба дальнейшего их углубления в целом зависели от ожиданий экономической помощи.

Политическая линия Турции в регионах Кавказа и Центральной Азии во многом обуславливается ее стремлением укрепить свой международный имидж, наглядно показать Западу целесообразность своей посреднической роли в Центральной Азии и доказать необходимость своего включения в западные структуры, в первую очередь – ЕС.¹⁰¹ На основе этого в официальной риторике Анкары появилась новая парадигма выстраивания двусторонних взаимоотношений и роли в них Турции. Подчеркивая географическое положение Турции, основной акцент делался на ее соединяющей роли моста, находящегося на стыке Востока и Запада.

В январе 1994 г., во время саммита НАТО в Брюсселе, Тансу Чиллер заявила: «Турция – мост мира, мост для независимых государств, которые отделились от России, и мост для западных ценностей на Ближний Восток».¹⁰²

В целом же за период с января 1995 г. по февраль 1996 г. наблюдалась резкая активизация турецкой политики в сопредельных с ее границами регионах. В 1995 г. турецкие армейские подразделения вторглись в Северный Ирак, были близки к развертыванию военной операции против Ирана, заключили с Израилем соглашение о военно-стратегическом сотрудничестве, а с Грецией отношения накалились до такой степени, что все предвещало начало широкомасштабной войны.¹⁰³

На этом фоне Анкара придавала особую важность обеспечению ста-

бильности внутри страны, особенно перед угрозой новой эскалации курдского вооруженного сопротивления в восточных районах.

Анкара всячески стремилась обеспечить весомую долю участия турецких компаний в добыче и транспортировке азербайджанской нефти. По этой причине вопрос карабахского урегулирования рассматривался ею как чрезвычайно важный и с экономической точки зрения, из соображений безопасной прокладки нефтепроводов до турецких терминалов. А политически приемлемое для Азербайджана разрешение Карабахского конфликта, тем более при непосредственном участии Турции, представлялось значительным фактором усиления турецкого влияния в Азербайджане.

Официальный визит президента Гейдара Алиева в Турцию в феврале 1994 г. ознаменовался подписанием сроком на десять лет «Договора о дружбе и сотрудничестве», который, кроме прочего, предполагал взаимную помощь в случае «агрессии третьей стороны».¹⁰⁴ В Стамбуле азербайджанская и турецкая стороны договорились о признании «бесспорного» права Турции в прокладке стратегически важного нефтепровода по ее территории.¹⁰⁵

В течение первого десятилетия после распада СССР между Турцией и Азербайджаном было подписано 200 межгосударственных протоколов и соглашений, на территории Азербайджана было зарегистрировано 1250 турецких фирм, из которых действовало 800. В объеме импорта Азербайджана турецкая составляющая достигла 15 %, в экспорте – 3 %. В общей сложности Азербайджан занимал 21 место в турецком экспорте.¹⁰⁶ В начале 2000 г. Турция списала долги Азербайджана в размере 48 млн долларов.¹⁰⁷

В конце XX века уже сформировалась единая системная турецко-азербайджанская внешняя политика, и начиная с мая 1999 г. Турция практически осуществляла прямое воздействие на внутреннюю политику Азербайджана, оказывая влияние на ход президентских и парламентских выборов, а также на расстановку кадров в аппарате правительства, в силовых структурах и в спецслужбах. Анкара проявляла активность и в регулировании внутривнутриполитических вопросов Азербайджана, являлась серьезным фактором генерирования оппозиционных сил, их отношений с правящим кланом Г. Алиева и массовой пропаганды.¹⁰⁸

Фактически Азербайджан превратился в форпост Турции на Южном Кавказе, являясь надежным и незаменимым партнером Анкары, а также проводником ее интересов в регионе. Оба государства выработали общую стратегию действий как в региональном измерении, так и в глобальной

международной политике. Это касается и вопроса урегулирования Карабахского конфликта, в котором Турция, выступая на стороне Азербайджана, выдвигает Армении предусловия для установления двусторонних отношений.

Турция целенаправленно налаживала связи на уровне силовых структур (армия, спецслужбы) со спецслужбами тюркоязычных республик СНГ и в первую очередь – Азербайджана, надеясь тем самым в будущем обеспечить лояльные и протурецкие военно-политические элиты на местах. Турецкой стороной форсировалась проработка и подписание соответствующих протоколов о сотрудничестве, в которых в обязательном порядке предусматривается обмен разведывательной информацией по так называемым «общим целям». К таковым турки относят доступ к госсекретам России и ее союзников по СНГ, в частности Армении.¹⁰⁹

Для удержания инициативы в кавказском регионе Турция выступила с предложением о создании «Пакта стабильности и безопасности» с участием Азербайджана, Грузии и Турции. В начале февраля 2000 г. турецкая газета «Миллиет» прямо писала о том, что этот пакт направлен против «агрессивной и все более пугающей политики России на Кавказе».¹¹⁰

Совершенно иной характер приобрели отношения Турции со странами региона в период правительства исламистов (Партия благоденствия в коалиции с Партией верного пути) во главе с Неджметтином Эрбаканом (июнь 1996 г. – июнь 1997 г.). Будучи в оппозиции в начале 1990-х гг., Н. Эрбакан, обращаясь к этим республикам, заявлял, что со стороны Турции для них исходит опасность втягивания в проамериканскую политику и мондиалистские планы США.¹¹¹

Приход к власти Партии благоденствия имел непосредственное влияние на дальнейшую девальвацию восприятия Турции и турецкой модели развития и государственностроения в тюркских государствах. По этому поводу президент Узбекистана И. Каримов заявил: «Непонятно, как Турция, основанная Ататюрком, допустила приход к власти клерикалов. Мы считали Вашу светскую страну примером. Вы нас шокировали».¹¹²

В этот период официальные визиты из Турции в республики Центральной Азии и ответные посещения прекратились, а визит Гейдара Алиева в Турцию состоялся лишь после того, как президент Сулейман Демирель дважды пригласил его посетить Анкару.¹¹³

В программе нового правительства, возглавляемого премьер-министром Месутом Йылмазом (1997-1999 гг.), были отвергнуты догматические подходы к решению некоторых вопросов внешней политики. В ней указывалась необходимость утверждения роли Турции как регионального лидера

в регионах Балкан, Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока.¹¹⁴

После выборов в феврале 1999 г. к власти пришли Бюлент Эджевит и правые националисты в лице организации «Серые волки» и Партии националистического движения (ПНД). Это пробудило новые надежды у сторонников тюркского вектора турецкой внешней политики. Спикером турецкого парламента стал лидер ПНД Девлет Бахчели.

На рубеже тысячелетий турецкие официальные лица все еще надеются на геополитический реванш в отношении России и отнюдь не скрывают свои угрозы в адрес соседних государств. «Россия слишком слаба, чтобы противостоять нам», – с таким заявлением о создании содружества тюркских государств выступил министр Турции по связям с тюркоязычными республиками бывшего СССР Абдулхалук Чай в ноябре 2000 г., добавив, что «Турецкая республика – преемница великой Османской империи – может и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном, даже если ценой тому станет резкое усиление турецко-российской конфронтации».¹¹⁵

Через короткое время мысль турецкого министра повторил Вафа Гулузаде, бывший госсветник Г. Алиева в интервью турецким телеканалам, предложив вступление Азербайджана в состав Турции, аргументируя эту инициативу следующим образом: «Объединившись, мы, так же, как и весь народ Турции, автоматически станем членом НАТО, кандидатом в Евросоюз, потеряет смысл 907-я статья, а оккупация Карабаха станет вопросом территориальной целостности Турции».¹¹⁶

В турецкой политической риторике все больше акцентируются возрастающие энергетические потребности страны в будущем и стратегическая значимость эксплуатации нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. За этим стоит стремление турецких политиков не только обеспечить страну энергетическими ресурсами, но и существенно усилить ее политическое влияние в регионе.¹¹⁷

В сентябре 1998 г. представители 14 государств, в том числе Армении, Польши и Монголии, подписали проект транспортного коридора из Европы в Азию через Кавказ (ТРАСЕКА), нацеленный на реанимацию идеи «Великого шелкового пути». Турция сыграла активную роль в подготовке этого проекта. Несмотря на ограниченность его потенциала, в силу ряда причин реализация программы ТРАСЕКА в будущем может обеспечить дополнительные организационно-правовые предпосылки для выполнения внешнеполитических установок и распространения экономического и политического влияния Турции в регионе.¹¹⁸

18 ноября 1999 г. в Стамбуле президенты Турции, Грузии и Азербай-

джана подписали межправительственное соглашение о транспортировке каспийской нефти по маршруту Баку – Тбилиси – Джейхан.

19 октября 2000 г. в Турции были заключены четыре соглашения по проекту строительства и дальнейшей эксплуатации нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Активизация усилий по продвижению проекта вылилась в подписание отдельного соглашения на Стамбульском саммите ОБСЕ. Кроме того, для транспортировки газа из каспийский месторождений президентами Азербайджана, Грузии, Туркменистана, Турции в присутствии президента США была подписана Межправительственная декларация «О принципах реализации транскаспийского трубопровода».¹¹⁹

Межправительственные соглашения предполагают сотрудничество в военной и военно-технической областях, а также содержат договоренности о приобретении турецкой техники и переподготовке офицерских кадров в Турции.¹²⁰

В 2000 г., накануне истечения своих президентских полномочий, С. Демирель заявил, что возникший после распада СССР тюркский конгломерат – не что иное, как «исторический шанс, которым необходимо воспользоваться», и что «локомотивом тюркского сообщества готова стать Турция».

В докладе специальной комиссии по связям Турции с тюркскими республиками и странами региона, подготовленном в 2001 г. в связи с разработкой 8-го пятилетнего плана развития Турции, ее отношение к ситуации, возникшей после распада СССР, было охарактеризовано следующим образом: «В отличие от других стран, в том числе союзников Турции по западному блоку, она ощутила последствия распада Советского Союза в двух формах. Как и на другие страны, он оказал на нее военно-политическое, экономическое и идеологическое влияние, но кроме того, в отличие от других, он дал Турции шанс и создал благоприятные возможности в связи с образованием пяти независимых тюркских государств в Центральной Азии и на Кавказе, а также наличием в Российской Федерации и других странах региона групп и объединений народов, имеющих с Турцией общие исторические корни, языки и религию. Это дает ей преимущество перед другими странами, которые хотят установить связи с тюркскими республиками. Этого достаточно также для того, чтобы тюрки, не обращая внимания на обвинения в пантюркизме и пантуризме, без каких-либо комплексов могли использовать присущую им общность для создания тюркского союза, наподобие объединений, существовавших в прошлом и действующих в настоящее время... Потенциал, которым они располагают, позволит им по праву занять достойное и прочное место в семье народов

мира».¹²¹

Резюмируя, можно констатировать, что, воспользовавшись резкими геополитическими изменениями в конце XX века и не считаясь с ограниченностью своих ресурсов, Турция взяла на вооружение неопантюркистскую доктрину, с целью обеспечить свое политическое и экономическое влияние в тюркских государствах бывшего СССР. Несмотря на амбициозные планы и колоссальные организационные усилия, приложенные турецкой стороной на протяжении 1990-х гг., а также интенсивные государственные и частные капиталовложения, Анкара осознала неспособность удержать тюркские государства СНГ в сфере своего доминирующего экономического и, тем более, политического влияния.

Динамика установления двусторонних отношений была осложнена как внешними, так и внутренними факторами в самой Турецкой Республике. Турецкая экономика, находящаяся в хроническом кризисном состоянии, оказалась не в состоянии обеспечить потребности развития экономик новых независимых государств. К середине 1990-х гг. стало очевидно, что ограниченные финансовые возможности Турецкой Республики являются непреодолимым барьером для расширения сотрудничества с тюркскими государствами.

Кризис прежних идентичностей и поиски новых национальных идей, проблемы государственного строительства во внешней и внутренней политике, а также зарождающийся национализм тесно переплетались с внешней политикой тюркских государств, и порой история, а точнее, ее субъективная интерпретация в этих республиках, становилась одним из поводов для претензий на региональное лидерство, используя при том фактор культурно-исторической общности во внешней политике.¹²² В этом контексте акценты на общие с Турцией исторические и лингвистические связи стали рассматриваться не как доминантная парадигма, а как всего лишь второстепенные факторы.

На этом этапе Анкара стремится разработать долгосрочные планы путем обеспечения своего присутствия в образовательной сфере тюркских государств с явной целью подготовить протурецки настроенные элиты. Интенсивное проникновение турецкого культурно-образовательного и экономического влияния в российские регионы непосредственно затрагивает национальные интересы России и тюркских республик, которые порой резко реагируют на неприкрытые турецкие планы.

Ограничителем турецкого влияния стал и новый внешнеполитический курс Российской Федерации. Начиная с 1993 г. Москва активизировала свою деятельность на постсоветском пространстве, рассматривая его как

«ближнее зарубежье». В то же время прагматизм лидеров тюркских республик, а также неоправданные ожидания объемов и характера помощи со стороны Турции сильно маргинализировали турецкие устремления и планы в евразийском пространстве.

В деятельности Анкары в регионе Кавказа просматривается план создания нового стратегического союза Турция – Грузия – Азербайджан, действующего в противовес существующему российско-армянскому партнерству.

Глава 2. Армяно-турецкие взаимоотношения и Карабахский конфликт

Поворотным пунктом в истории армяно-турецких отношений явилось обретение Арменией независимости, ее превращение в субъект международного права и геополитического актора. После распада СССР и образования СНГ вопрос о выработке определенного *modus vivendi* в дальнейших взаимоотношениях приобрел для Армении и Турции первостепенную важность.

Армяно-турецкие отношения, а точнее их фактическое отсутствие, могут служить наглядным примером «неконвенциональной дипломатии», т. е. двусторонних отношений между государствами в условиях отсутствия дипломатических связей.¹

Вопрос урегулирования армяно-турецких межгосударственных отношений представляется одним из главных вызовов для внешней политики Армении и имеет фундаментальное значение для геополитического и геоэкономического обустройства Южного Кавказа.

После распада СССР у Турции и Армении существовали определенные опасения в отношении друг друга. В армянской среде эти опасения выражались в виде боязни оказаться лицом к лицу с мощным соседом, который являлся правопреемником Османской империи, виновной в совершении Геноцида армян, и в то же время отрицающим сам факт этого преступления. Страхи Турции касались факта появления независимой армянской государственности, которая могла бы инициировать процесс международного признания Геноцида армян и тем самым удвоить усилия армянской Диаспоры в этом направлении. Еще больше Анкару беспокоила перспектива возможных требований и компенсаций армянской стороне, в особенности территориальных уступок, в случае интернационализации вопроса признания геноцида.

Дополнительной трудностью для турецкой стороны в контексте стремления европейских стран всячески преградить путь Турции в Европу виделось включение Армянского вопроса в повестку дня международных отношений. Эти опасения особенно усилились после того, как Европейский парламент 18 июня 1987 г. большинством голосов одобрил резолюцию «О политическом решении Армянского вопроса». Наиболее важным положением этого документа являлся пункт, гласящий, что «...Трагические события, имевшие место в 1915-1917 гг. в отношении армянского

населения Османской империи, являются геноцидом в соответствии с конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г.»²

Вместе с тем турецкий «прагматизм» в вопросе установления торгово-экономических отношений с Арменией базировался на желании предстать перед западными партнерами хоть и не дружественным, но миролюбивым и готовым идти на компромиссы государством.

С первых дней распада СССР Турция, не скрывая свои интересы в Азербайджане и республиках Центральной Азии, придавала большое значение выработке стратегии своих отношений с Республикой Армения, географическое положение которой могло стать серьезным препятствием на пути реализации экспансионистских, неопантюркистских планов Анкары.

Таким образом, разработка стратегии взаимоотношений с Республикой Армения являлась для Турции приоритетом также с точки зрения налаживания непосредственной связи с Азербайджаном и центральноазиатским регионом.³

В политической риторике армянских лидеров на раннем этапе развития государства наметилась определенная ревизия традиционного представления Армении как заграждающего фактора на пути реализации пантюркистских программ, а также произошел пересмотр проблемы вовлечения Армянского вопроса в сферу сложной международной дипломатии, чреватого непредсказуемыми последствиями. По словам первого президента Армении Левона Тер-Петросяна в бытность его одним из лидеров Карабахского движения, пантюркизм потерял свое содержание как политический фактор и всякие призывы к «крестовым походам» способны лишь превратить его вновь в таковой, сделав Армению мишенью для пантюркизма и панисламизма.⁴

Пришедшие к власти в Республике Армения новые политические силы в лице Армянского общенационального движения (АОД) выступали с новой парадигмой выстраивания отношений с Турцией, основанной на том утверждении, что самой надежной гарантией для существования любого государства является установление добрососедских отношений с непосредственными соседями. Так, первый президент Республики Армения Л. Тер-Петросян полагал, что в отношениях с Турцией следует учесть и то обстоятельство, что общественное мнение Турции реагирует на Карабахский вопрос, который превратился в инструмент внутривнутриполитической борьбы.⁵

Таким образом, затрагивание в тот момент вопросов пантюркизма и захваченных Турцией вследствие геноцида армянских территорий, по мне-

нию лидеров АОД (Л. Тер-Петросян, Вазген Манукян и др.), могло придать Армении образ реваншистски настроенного государства, дискредитировать справедливые требования в Карабахском вопросе и лишит помощи союзников, сделав при этом армян орудием для достижения целей других государств.⁶ При этом оговаривалось, что установление политических и экономических отношений с Турцией не означает предания забвению Геноцида и претензий по поводу возврата исторических армянских территорий.⁷

Большая часть политических сил Армении в начале 1990-х была склонна считать, что установление отношений с Турцией является в какой-то мере неизбежностью, но в вопросах примирения и условий, при которых оно должно происходить, они имели существенные разногласия.⁸ В инаугурационной речи первого президента Армении Левона Тер-Петросяна была отмечена необходимость установления стабильных торгово-экономических отношений с непосредственными соседями Республики Армения – Ираном и Турцией, – «с целью превращения Армении из тупика в оживленный международный перекресток».⁹

В посвященных Армении публикациях турецкой печати конца 1991 г. приводились следующие доводы в пользу развития двусторонних контактов. Во-первых, учитывая напряженные отношения Турции с большинством ее соседей, установление добрососедских связей с Арменией позволило бы удерживать последнюю от сближения с группой государств, занимающих антитурецкую позицию. Во-вторых, установление подобных отношений с независимой Арменией благоприятствовало бы ослаблению давления на Турцию со стороны западных государств, послужив удобным поводом к снятию с рассмотрения в международных структурах вопроса мирового признания Геноцида армян 1915–23 гг. в Османской империи и приостановления дальнейшего развития обусловленных признанием Геноцида нежелательных для Турции процессов. В-третьих, установление дружественных армяно-турецких отношений позволило бы увеличить экономический и политический вес Турции на Южном Кавказе, одновременно сводя к минимуму возможности России по распространению своего влияния в этом регионе.

Турция воспринималась Арменией как окно на Запад, а нормализация отношений с ней, даже несмотря на наличие множества нерешенных проблем вековой давности, рассматривалась как возможность ослабить свою зависимость от России. Это было очень актуально в период с 1990 по 1991 год, однако война в Нагорном Карабахе не оставила Республике Армения иного выбора, кроме как искать поддержку у России, поскольку Турция

встала в этом конфликте на сторону Азербайджана и оказывала Баку военную и дипломатическую помощь.¹⁰

Турецкий историк Т. Акчам выделил четыре элемента в армяно-турецких отношениях: 1. отношения между Турцией и Арменией как отдельными суверенными государствами; 2. отношения турецкого государства с армянским населением Турции; 3. отношения армянской Диаспоры с Турцией и Арменией; и наконец, 4. отношения находящейся на стадии формирования турецкой диаспоры с Турцией и армянской Диаспорой.¹¹

В апреле 1991 г. Ереван посетил посол Турции в СССР Волкан Вурал. В ходе двусторонних встреч с ним армянские лидеры указывали на отсутствие каких-либо территориальных претензий к Турции со стороны Армении, и это было с удовлетворением воспринято Анкарой. Однако впоследствии в доброжелательной позиции обеих сторон появились трещины. Причиной тому стало интервью Председателя Верховного Совета Армянской ССР Л. Тер-Петросяна газете «Аргументы и факты», в котором среди прочих высказываний было отмечено, что «после провала идеи перманентной революции в Европе в 1920-1921 гг., Советская Россия обратила свой взор на Восток, стремясь обрести симпатии мусульманских народов и прежде всего Турции. Для достижения этой цели Армения была расчленена. Карсскую область Россия уступила Турции, а Нагорный Карабах – Азербайджану. В Карсской области и Нахичеване была осуществлена насильственная депортация армян».¹² Такая интерпретация исторических событий явно не устраивала турецкую сторону, и ее реакция не заставила себя ждать.

Турецкое посольство в Москве выступило с нотой протеста, в которой говорилось: «Ни одно государственное образование, соседствующее с Арменией, не может и не должно уступить Республике Армения ни пяди земли... апеллировать к историческим фактам и тем более фальсифицировать их недопустимо. В случае, если Республика Армения выдвинет какие-либо территориальные притязания к Турции, в первую очередь страдают интересы армянского народа».¹³ В ответ на предъявленную ноту в российской «Независимой газете» был опубликован ответ помощника председателя Верховного Совета РА Александра Арзуманяна. В нем, в частности, говорилось, что «подобная реакция посольства Турции на элементарную констатацию исторического факта вызывает недоумение. Новые власти Армении неоднократно заявляли, что не имеют к Турции территориальных претензий. Недавно президент Турции Тургут Озал сделал заявление о том, что Ирак исторически входил в состав Османской империи. Но ведь никому в голову не пришло расценить данное заявле-

ние как территориальную претензию».¹⁴

Таким образом, процесс установления предварительных межгосударственных связей между Арменией и Турцией был отложен, а последующее развитие событий в Нагорном Карабахе еще более ужесточило непримиримую позицию Турции в вопросе налаживания двусторонних контактов.

Новую попытку нормализации отношений стороны предприняли в августе 1992 г., когда в Ереван с официальным визитом прибыла турецкая дипломатическая делегация во главе с заместителем министра иностранных дел Билялом Уналом. Последний называл целью поездки улучшение отношений между странами во всех направлениях, а в перспективе – создание базы для установления дипломатических связей, дружбы и сотрудничества. В состав делегации входил также директор департамента Кавказа Министерства иностранных дел Турции. В ходе двусторонних встреч армянская сторона заявила, что готова в любой момент установить дипломатические отношения с Анкарой. Во встречном заявлении Б. Унал отметил, что и Анкара выступает за нормализацию двусторонних отношений, однако полагает, что первый шаг в этом направлении должна сделать Армения, официально заявив о неизменности своих государственных границ как с Азербайджаном, так и с Турцией. Армянская сторона расценила данное требование как излишнее, на том основании, что, вступив в ООН, Армения уже обязалась уважать принцип территориальной целостности.¹⁵

В этом контексте позиция армянских властей и фигура Левона Тер-Петросяна в определенных турецких кругах рассматривались как наиболее приемлемые с точки зрения начала политического диалога по проблематичным, по мнению Турции, вопросам. Так, известный турецкий журналист Мехмет Али Биранд в одной из своих публикаций в конце 1991 г. выступал за скорейшее установление политико-экономических отношений с Ереваном, мотивируя это следующими соображениями: 1. в Армении и в Диаспоре могут победить силы, которые находятся в оппозиции к Левону Тер-Петросяну и стремятся к продолжению конфронтации с Турцией; 2. если Турция первая не отворит двери Запада перед Арменией, то это за нее сделают другие (в частности, США и Франция), возможно, даже вынудив Анкару открыть перевалочный пункт на турецкой территории.¹⁶

Одной из первых признав в декабре 1991 г. независимость Армении, Турция одновременно выдвинула три предусловия установления дипломатических отношений. С точки зрения Анкары, Ереван должен был официально отказаться от:

- территориальных претензий к Турции,

- обвинений в адрес Османской Турции в осуществлении геноцида и требований его международного признания,

- «агрессивной политики» против Азербайджана.

Таким образом, в подходах Турции изначально наметилось определенное противоречие. Турция не только выдвинула предварительные условия для установления дипломатических связей с Арменией, но и вовлекла в них отношения Армении с третьей стороной – Азербайджаном. Армения же настаивала на установлении и развитии двусторонних отношений без каких-либо предусловий.

С самого начала определяющим и одним из основных воздействующих на дальнейшую динамику армяно-турецких взаимоотношений факторов стал Карабахский конфликт. Непримируемая позиция Турции в этом пункте процесса установления двусторонних отношений превратила Армению и Карабах в препятствующие обстоятельства на пути реализации турецких внешнеполитических программ на Кавказе и в Центральной Азии. В каком-то смысле бесперспективность стремлений Анкары закрепиться в центральноазиатском регионе и создать «Тюркский союз» под верховенством Турции в немалой степени можно увязать именно с армянским фактором.¹⁷

Для Турции важно было подтверждение своего имиджа страны, ответственной за тюркские государства и общины, и некоторые инициативы Анкары, в том числе лоббирование на международной арене интересов этих государств, в первую очередь Азербайджана, были призваны обеспечить ей статус страны-покровителя.

В этой связи проазербайджанская позиция Турции в Карабахском вопросе должна была стать наглядным примером еще и проявления тюркской солидарности.

В феврале 1992 г. во время встречи между премьер-министром Турции Сулейманом Демирелем и президентом США Джорджем Бушем-старшим в Вашингтоне, в ходе обсуждения тем, касающихся противодействия распространению иранского влияния на бывшие советские территории, турецкий премьер призвал американскую сторону воздержаться от поддержки Армении в вопросе Нагорного Карабаха. Позже, возвращаясь к этому заявлению, Демирель указывал на то, что «поддержка Армении в споре с Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха чревата региональной войной, в случае развязывания которой Турция не сможет соблюдать нейтралитет».¹⁸

Воскрешенные после развала СССР общетюркские идеи и заявления о создании «Тюркского союза» сформировали, по справедливому замеча-

нию турецкого ученого Танера Акчама, атмосферу «отсутствия безопасности в Армении».¹⁹

Было очевидно, что любые проявления поддержки или симпатии Запада по отношению к Армении, и тем более в Карабахском вопросе, не устраивали Анкару, поскольку порождали у Турции страх возможных в будущем территориальных уступок. С армянской стороны утверждалось, что любое ослабление напряженности в армяно-турецких отношениях положительно отразится и на урегулировании Карабахского конфликта.

На фоне широко пропагандирующихся Анкарой неопантюркистских устремлений Москва и Ереван, интересы которых во многом совпадали, были заинтересованы в выработке общих подходов для нейтрализации турецких инициатив на южных рубежах СНГ.

В начале 1992 г., на Пражском саммите СБСЕ, турецкая сторона предприняла попытку воспрепятствовать членству Армении в этой организации. Этот шаг мотивировался якобы наличием у армянской стороны территориальных претензий к Турции. Исходя из этого, турецкие представители требовали от армянской стороны ратифицировать Карсский договор, не оказывать содействия тем организациям, которые выступают с территориальными притязаниями, и подписать правовые акты, запрещающие расовую, религиозную и этническую враждебность в отношении стран – членов СБСЕ. В противном случае турецкие представители угрожали применением своего права вето. В ответ армянская сторона отметила, что между Арменией и Турцией существуют вопросы, нуждающиеся в урегулировании, и что те претензии, которые были предъявлены турецкими делегатами к Армении, с тем же успехом могут быть предъявлены и к Турции.²⁰

Турецкие попытки давления на армянскую делегацию и угрозы наложить вето на членство Армении в СБСЕ выражались в безапелляционных требованиях к Армении выступить с более конкретным заявлением об отсутствии территориальных претензий к Турции. Анкару не устраивали условия, предусмотренные стандартной процедурой принятия новых членов СБСЕ. Но вероятность ответного вето со стороны третьих государств в вопросе членства Азербайджана заставила Турцию отступить со своих первоначальных позиций.²¹

19 марта 1992 г., через месяц после Пражского саммита, министр иностранных дел РА Раффи Ованнисян выступил с критикой амбициозной региональной политики Турции, одновременно предостерегая о возможности развязывания полномасштабной войны, в случае если «Турция не захочет вернуться к исходной позиции, во всяком случае, подчеркнутого

нейтралитета».²²

Довольно резким было также выступление Ованнисяна на стамбульской встрече Совета Европы в сентябре 1992 г. В тексте его речи, в частности, отмечалось следующее: «...Турция отказывается установить дипломатические отношения и открыть границу с Арменией, всячески препятствует доставке гуманитарных грузов». Далее говорилось о неконструктивной роли Турции в рамках СБСЕ. Фактически Р. Ованнисян обвинил Турцию в вовлеченности в Карабахскую войну, указывая на присутствие в зоне конфликта турецких офицеров и военных советников, а также на факты доставки оружия из Турции в Азербайджан. Касаясь турецкого противодействия членству Армении в СБСЕ, он назвал турецкие попытки в этом направлении «смехотворными», отметив также, что «несмотря на то, что Турция является старожилом в Совете Европы, ей все же следует демонстрировать свою приверженность европейским ценностям», и «...несмотря на то, что некоторые считают Турцию моделью для новых государств Центральной Азии, Турция пока не может претендовать на то, чтобы быть моделью европейских ценностей и культурной идентичности».²³

Столь резкие акценты в выступлении главы внешнеполитического ведомства Армении были раскритикованы со стороны армянского руководства, в том числе президента Л. Тер-Петросяна. Рубен Шугарян, пресс-секретарь президента РА, назвал выступление министра иностранных дел «эмоциональным и очень жестким».²⁴

Несмотря на наличие столь серьезных расхождений между позициями обеих сторон, примечательно и то, что определенные шаги первого президента Армении Л. Тер-Петросяна, продиктованные логикой внутри- и внешнеполитического развития республики, нашли положительные отклики в Анкаре и были восприняты как готовность Еревана установить с турецкой стороной качественно новые отношения. В этом ключе трактовались, в частности, снятие с должности министра иностранных дел РА Р. Ованнисяна после его выступления в Стамбуле, запрет на деятельность в республике Армянской революционной федерации «Дашнакцутюн» в 1994 г., некоторые интерпретации вопроса признания Геноцида и т. п.²⁵

Следует отметить, что Турция тоже отнюдь не старалась «сжигать мосты» во взаимоотношениях с Арменией, всячески демонстрируя свою готовность наладить добрососедские отношения в случае уступок с армянской стороны. Наглядным проявлением такой противоречивости стала инициатива Анкары по приглашению Армении к участию в учредительной конференции Организации Черноморского Экономического Сотруд-

ничества (ОЧЭС). По замыслу она была призвана, с одной стороны, вовлечь Армению в фарватер региональной политики Турции, с другой – опосредованно ввести ее в сферу политического влияния Запада.²⁶ Вместе с тем было очевидно, что в налаживании двусторонних взаимоотношений приоритетными для Анкары были не экономические, а в первую очередь политические вопросы, что и проявилось в подчеркнуто проазербайджанской позиции Турции в Карабахском вопросе.

Во время учредительного саммита глав государств – членов ОЧЭС в июне 1992 г. в Стамбуле состоялась также и первая встреча президента Армении Л. Тер-Петросяна с премьер-министром Турции С. Демирелем. Главной темой обсуждения был вопрос урегулирования Нагорно-карабахского конфликта. Турецкая сторона выступила с требованием вывода войск из Шуши и Лачина, используя характерную риторику и мотивируя необходимость подобного шага интересами самих армян. В свою очередь армянская сторона выступала за решение проблемы в рамках СБСЕ. Выдвинутое в ходе встречи С. Демирелем предложение организовать в Анкаре двустороннюю встречу президентов Армении и Азербайджана не нашло отклика у азербайджанского президента А. Эльчибея. Позиция последнего объясняется тем, что летом 1992 г. азербайджанские войска перешли в полномасштабное наступление и первоначально имели определенный успех.²⁷

Но дальнейшие события показали, что эти успехи азербайджанских сил были временными, и к концу года армянские силы самообороны перешли в контрнаступление, полностью восстановив контроль над потерянными ранее позициями и вызвав тем самым разочарование в Анкаре.

Следует обратить особое внимание на то, что в ходе этой встречи Турция одновременно подчеркнула особую важность для себя Нахиджевана²⁸ и, апеллируя к Карсскому договору 1921 г., по существу предъявила Республике Армения ультиматум. Приводя некоторые положения этого договора, официальная Анкара утверждала, что именно она является гарантом безопасности и неприкосновенности границ Нахиджевана.

Другим пунктом претензий турецкой стороны в адрес Армении, предъявляемых для получения дополнительного рычага давления на армянскую сторону, были необоснованные обвинения в покровительстве, якобы оказываемом Ереваном курдскому национально-освободительному движению. Для нагнетания обстановки турецкие газеты периодически печатали материалы о существовании в курдских селах на территории Республики Армения баз РПК и о нахождении Абдуллы Оджалана в Армении для оказания содействия армянам в Карабахе и разработки совместного плана

действий против Турции.²⁹

Обострение ситуации на нахиджеванском участке турецко-армяно-азербайджанской границы в мае 1992 г., предпринятое Вооруженными силами Азербайджана, явно преследовало цель втягивания Армении в военные действия вдали от Нагорного Карабаха и создания почвы для вовлечения турецких вооруженных сил в зону конфликта. С этой целью азербайджанская сторона преднамеренно инициировала военные стычки на этом участке, одновременно обвинив Армению в агрессивных действиях. По этому поводу президент Армении Л. Тер-Петросян выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось, что нагнетание ситуации на нахиджеванском участке границы «происходит под диктовку третьей стороны и преследует цель создать почву для прямого вмешательства».³⁰

С нарастанием напряженности вокруг Нагорного Карабаха, под предлогом военных учений к армяно-турецкой границе были стянуты крупные войсковые подразделения ВС Турции, развернутые до штатов военного времени. Весной 1992 г., когда на нахиджеванском участке ситуация осложнилась, аналитики указывали на вероятность турецкой военной интервенции.

Надо полагать, что турецкие военно-политические круги в Анкаре с помощью эскалации ситуации на нахиджеванском участке старались прощупать состояние дел на южных границах СНГ и таким образом выявить реальный потенциал и жизнеспособность подписанного в мае 1992 г. в Ташкенте Договора о коллективной безопасности (ДКБ) СНГ³¹, а также отвлечь часть армянских сил от НКР. Параллельно с односторонним толкованием подписанных в 1921 г. Московского и Карсского договоров о статусе Нахиджевана, Турция попыталась включить в сферу своей компетенции и Нагорный Карабах, настаивая на невозможности разрешения проблемы без учета интересов Турции. Впоследствии станет ясно, что ДКБ стал своего рода смиренной рубашкой для Турции в ее попытках с помощью провокаций и разыгрывания «нахиджеванской карты» вовлечь Армению в широкомасштабные военные действия и под этим предлогом ввести в зону конфликта турецкие вооруженные силы.

В течение всего 1992 г. и в последующем главным и решающим фактором в дальнейшей динамике армяно-турецких отношений стал Нагорно-карабахский конфликт. Во все еще не состоявшихся армяно-турецких отношениях любое проявление напряженности было результатом военных успехов армянских сил в Нагорном Карабахе. Турция мгновенно реагировала на это заявлениями о собственной готовности осуществить вооруженную интервенцию. Хотя эти заявления в большей мере предназна-

лись для «внутреннего пользования» и преследовали цель оказания моральной поддержки Азербайджану, тем не менее они делались параллельно с предоставлением военной помощи Азербайджану в нарушение международных договоренностей.

Следует также отметить, что в руководящих кругах Турции не было единого отношения к возможной реакции на события на Южном Кавказе, и это отражалось на внутренних противоречиях между различными политическими группировками Турции. Осторожная и взвешенная линия премьер-министра С. Демиреля сталкивалась с более жесткой позицией президента Т. Озала.

Возникает вопрос: почему Турция с самого начала придерживалась агрессивной позиции в отношении Армении? Было очевидно, что военные действия в Карабахе не могли иметь никаких последствий для национальной безопасности Турции. Скорее всего, поведение Анкары можно объяснить феноменом весьма амбициозной пантюркистской политики, и в этом ключе требования армян Карабаха виделись ни больше ни меньше как угроза национальной безопасности Турции в свете вероятности правового разрешения устранения последствий геноцида армян в будущем.

Объявляя Азербайджан своим стратегическим партнером, Турция претворяла в жизнь идею общетюркской солидарности и старалась подкрепить ее серией антиармянских акций. Так, с марта 1992 г. турецкая сторона начала осуществлять инспекцию самолетов, перевозящих через ее воздушное пространство гуманитарную помощь Армении, игнорируя протесты западных государств. Этот шаг официальная Анкара оправдывала ссылками на решение Пражской сессии СБСЕ от 28 февраля 1992 г. «О введении странами – членами СБСЕ и государствами региона эмбарго на поставку оружия и военного снаряжения сторонам, участвующим в карабахском конфликте», хотя сама Турция неоднократно нарушала условия этого соглашения.

17 августа 1992 г. посол США в Анкаре потребовал от турецкого МИД объяснений по поводу действий Турции в отношении воздушно-транспортных средств, направляющихся в Армению. В заявлении же турецкой стороны говорилось, что «Турция не намерена под чьим-либо давлением менять свою политику в отношении контроля всех самолетов, летящих в регион Карабахского конфликта».³² В заявлении МИД РА по этому поводу сообщалось, что турецкая сторона «проявляет дискриминацию в отношении армянских авиарейсов». Эти действия и причины, оправдывающие их, «несостоятельны как с юридической, так и с политической точек зрения. Трактовка Турцией решения СБСЕ относительно эмбарго на ввоз ору-

жия в районы, охваченные Карабахским конфликтом, носит явно тенденциозный и дискриминационный характер».³³ Следующим шагом стало присоединение Турции к экономической блокаде Армении, осуществляемой Азербайджаном, что выразилось в запрещении транспортировки по ее территории любых грузов, направляемых в Армению.

В ноябре 1992 г. под давлением мощнейшей волны протеста со стороны Азербайджана было аннулировано соглашение о поставках в Армению из Турции 300 миллионов кВт-ч электроэнергии.³⁴ Это соглашение турецкой стороны расценивалось азербайджанским министром иностранных дел Тофиком Гасимовым как «удар в спину Азербайджана».³⁵

По заявлению министра иностранных дел Турции Хикмета Четина, «подписание протокола о поставках электроэнергии было нацелено на то, чтобы подтолкнуть Армению к мирному разрешению Карабахского вопроса».³⁶

Таким образом, Турция оказалась как бы меж двух огней. С одной стороны – давление Запада, направленное на ослабление недружественных выпадов против Армении, с другой – призывы оппозиционных сил и широких слоев турецкой общественности не предавать «азербайджанских братьев».

Лишь под нажимом Запада Турция пропустила через свою территорию партию гуманитарного груза ЕС, в первую очередь пшеницу (35 тыс. тонн), причем взыскала оплату за эти услуги по высоким коммерческим ценам. Вторую партию груза Анкара пропустить отказалась.³⁷

Можно констатировать, что в азербайджано-турецких отношениях присутствовала определенная доза взаимного разочарования, на фоне которого, уже после заключения соглашения о прекращении огня в мае 1994 г. в Бишкеке с участием армянской, азербайджанской и карабахской сторон, наблюдается некоторое ослабление жесткой позиции Турции в отношении Армении, что выразилось в открытии воздушного коридора между Стамбулом и Ереваном. Но в вопросе открытия границ Турция все же ни на шаг не отступила. Более того, Стамбул отказал даже Европейскому парламенту в просьбе предоставить транзит для доставки Армении гуманитарной помощи. Отказ турецкой стороны был мотивирован позицией, занятой Арменией в Карабахском вопросе.³⁸

Хотя в Анкаре ясно осознавали, что «пассивность» в Карабахском вопросе может очень дорого обойтись в дальнейших взаимоотношениях с Азербайджаном, искушение повторения «кипрского варианта» уступило место относительно трезвым и реалистическим политическим расчетам. Однако необходимо подчеркнуть, что Анкара, предпринимая любые, даже

самые незначительные попытки вступления в диалог с Ереваном, вынуждена была считаться с явно выраженной негативной реакцией Баку, оказавшись, таким образом, своеобразным заложником своей неопантиоркистской политики.

В этой связи турецкий исследователь Бюлент Арас замечает, что в восприятии южнокавказских народов турецкая политика на Южном Кавказе трансформировалась из модели развития в источник нестабильности, превратив турецкий внешний курс в заложника отношений Азербайджана с Арменией, Россией и, в меньшей степени, с Ираном.³⁹

Пересмотру турецкой политики в отношении Армении в определенной мере способствовала «нефтяная лихорадка» первой половины 1990-х гг. В частности, в 1995 г. высказывались мнения о том, что блокада Армении наносит вред в первую очередь самой Турции, и что необходимо вести с ней приграничную торговлю. Кроме того, министр иностранных дел Турции Мурад Караялчын заявил, что Турция не против прокладки каспийского нефтепровода по территории Армении. Подобные заявления были обусловлены временным ослаблением на Южном Кавказе позиций России, занятой чеченской проблемой, и турецкая сторона стремилась упрочить собственное положение за счет ослабления российского влияния в регионе.⁴⁰

Анкара откровенно проявляла недовольство стратегическим сотрудничеством между РА и РФ, а также резко негативно реагировала на углубление двустороннего политического, торгово-экономического и военного сотрудничества Армении с Грецией и Ираном. Подписанный летом 1997 г. двусторонний договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» между Арменией и Россией, предполагающий, в числе прочего, предоставление помощи в случае агрессии третьей стороны, развеял все надежды Анкары на установление собственного стратегического господства в регионе Южного Кавказа.

Турция для Армении является потенциальным военным вызовом, и как минимум это обстоятельство подталкивает Республику Армения на углубление стратегических отношений с Российской Федерацией.⁴¹

Оказавшись зажатой между Турцией и Азербайджаном, Республика Армения повысила свои союзнические отношения с Россией до уровня стратегического партнерства. В августе 1997 г. между Российской Федерацией и Республикой Армения были подписаны «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» и Декларация «О союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век»; между двумя странами установилось стра-

тегическое партнерство. Подписанные документы и тесное сотрудничество двух стран в оборонной сфере, в том числе в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, для системы безопасности Республики Армения являются базальтернативными, учитывая существующую угрозу со стороны Турции и Азербайджана.

Официальный Ереван неоднократно предлагал Анкаре дифференцировать проблемы установления двусторонних отношений и Нагорного Карабаха. Так, советник президента Л. Тер-Петросяна Ж. Липаридян предлагал строить турецко-армянские отношения по турецко-греческой модели, которая доказала свою жизнеспособность, несмотря на серьезные проблемы между двумя странами в вопросах разделения материкового шельфа в Эгейском море и Кипра.⁴²

Однако более популярным среди турецких кругов было мнение, высказанное газетой «Milliyet» в номере от 9 сентября 1997 г. в статье под заголовком «Братство, конечно, но...», согласно которому «учитывать болезненные для Баку вопросы и принять его политику на Кавказе – для Турции вопрос не только солидарности, основанной на братстве, но и необходимость в плане соблюдения своих же интересов. Возрастающая важность каспийской нефти способна принести Турции существенную выгоду в сфере производства и транспортировки; в этом контексте Турция не может рисковать отношениями с Азербайджаном».⁴³

С. Демирель высказался об установлении торговых отношений с Арменией в том же духе, но более категорично. Он отметил, что «Турция не может позволить себе риск вызвать недовольство своих азербайджанских братьев ради того, чтобы некоторые из нас получили выгоду».⁴⁴

И все же, несмотря на отсутствие дипломатических отношений и закрытую границу, общая сумма товарооборота между Арменией и Турцией в первой половине 1990-х доходила, по разным подсчетам, до 300 млн. долларов в год. В середине 1997 г. был создан Турецко-Армянский совет по развитию бизнеса.⁴⁵

Хотя вопрос приграничной торговли с Арменией по-прежнему находится в стадии обсуждения, однако некоторые шаги турецкого руководства свидетельствуют о том, что оно нацелено на активизацию экономических процессов в отсталых восточных вилайетах, непосредственно примыкающих к Армении, и на приостановление процесса миграции населения из этих районов, используя в том числе вариант опосредованной торговли через Грузию. В целом же следует констатировать, что с момента распада СССР армянский вектор турецкой внешней политики не сумел дифференцировать стратегические интересы и мелкие тактические пропагандист-

ские выпады, которые по большей части делались из соображений внутривластной конъюнктуры.

В условиях отсутствия дипломатических отношений другим, не менее интересным полем взаимодействия между двумя государствами является культурно-гуманитарная область. Для ослабления антагонизма в некоторых случаях предпринимаются попытки установления диалога неправительственных организаций, имеют место посещения музыкальных групп и подписание соглашений о взаимодействии между армянскими и турецкими высшими учебными заведениями.⁴⁶

Обе стороны выступили с намерением оказать взаимную гуманитарную помощь в ликвидации последствий природных катаклизмов. После декабрьского землетрясения в Армении в 1988 г. турецкая сторона через дипломатические каналы изъявила готовность оказать помощь жертвам стихии и направила гуманитарные грузы в зону бедствия.⁴⁷

В ноябре 1999 г. армянские спасатели принимали участие в оказании помощи пострадавшим от землетрясения в Турции. Ранее, после разрушительного землетрясения в районе Стамбула в августе 1999 г. правительство Армении выразило готовность отправить гуманитарную помощь Турции и адресовало соответствующий запрос в МИД Турции. Однако посол Турции в Москве заявил, что нет необходимости привлечения армянских спасателей в зону бедствия ввиду достаточного количества уже задействованных в пострадавших районах специалистов.⁴⁸ На самом деле в зоне землетрясения ощущалась острая необходимость в дополнительной гуманитарной помощи пострадавшим, и этот отказ, скорее всего, был политически мотивирован.

12 ноября 1999 г., после второго землетрясения в Дюздже, 25 армянских спасателей и врачей участвовали в спасательных операциях и оказывали безотлагательную помощь потерпевшим.⁴⁹ На этот раз турецкая сторона не препятствовала армянской инициативе, и такое решение, по всей видимости, было обусловлено предстоящим саммитом ОБСЕ в Стамбуле.

Тем не менее, эти факторы оказались второстепенными и не могли оказать существенного влияния на исходные установки политики предшественников турецкой стороны в установлении двусторонних отношений. Армянская сторона неоднократно указывала, что нормальные взаимоотношения могут сложиться лишь после установления двусторонних дипломатических отношений.

При отсутствии официальных взаимоотношений обе стороны напрямую или опосредованно вели также дипломатическую корреспонденцию, делегации из Армении и Турции участвовали в торжественных и траур-

ных церемониях. К примеру, президент РА Левон Тер-Петросян участвовал в церемонии похорон президента Турции Тургута Озала в апреле 1993 г., а после террористического нападения на армянский парламент, в результате которого были убиты спикер парламента, премьер-министр и депутаты Национального Собрания РА, на траурную церемонию в конце октября 1999 г. от имени правительства Турецкой Республики и Великого Национального Собрания в Ереван прибыла официальная делегация из Анкары во главе с государственным министром Турции Мехметом Али Иртмечеликом.

Вопрос признания Геноцида армян

Тесно переплетенным с армяно-турецким конфликтным дискурсом является вопрос официального признания сегодняшней Турцией Геноцида армян, а также включение этого вопроса во внешнеполитическую повестку Республики Армения с момента независимости и, в особенности, после прихода к власти президента Р. Кочаряна в 1998 г. Интересно отметить, что турецкая сторона первой затронула этот вопрос еще до развала СССР, считая необходимым воздействие официального Еревана на инициативы армянской диаспоры по международному признанию Геноцида армян.

Младотурецкое наследие, все еще сильно влияющее на турецкую политическую культуру, наглядно проявляется на примере продолжающего отказа от признания исторического факта Геноцида армян. Турецкое государство выработало свою официальную версию и ее интерпретацию, стараясь таким образом предать забвению это преступление и стереть его из коллективной памяти своего народа.⁵⁰

В официальных турецких кругах серьезное беспокойство вызвала резолюция Европарламента от 18 июня 1987 г. о политическом решении Армянского вопроса, которая призывала турецкую сторону признать исторический факт Геноцида. Президент Турции генерал Кенан Эврен, конувший этой резолюции в одном из своих выступлений, заметил: «...после этого будет много требований. Я вам скажу, какого типа требований: они будут говорить, что в свое время на территории Восточной Турции была Армения, и теперь отдайте эти земли армянам. Эта резолюция была первым шагом, а требование будет вторым. Если они так сильны сейчас, пусть придут и попробуют взять. Тогда они получают свой ответ».⁵¹

В принятой Верховным Советом Армянской ССР «Декларации о независимости» от 23 августа 1990 г. подчеркивалась решимость содейство-

вать международному признанию Геноцида 1915 г. Пункт 11 Декларации гласит: «Республика Армения выступает за международное признание Геноцида армян 1915 г. в Османской Турции и Западной Армении».⁵²

Турция, в одностороннем порядке осуществляя экономическую блокаду и держа границу с Арменией на замке, нередко ужесточала визовый режим для граждан РА в зависимости от новых актов признания Геноцида армян со стороны третьих государств.⁵³

Для Армении вопрос официального признания и осуждения Геноцида, помимо морально-психологического, имеет и политическое значение в том смысле, что признание Турцией этого преступления станет гарантией его неповторения в будущем. Именно поэтому в признании и осуждении Геноцида Армения видит залог своей безопасности. С другой стороны, армянская позиция в вопросе признания Геноцида является как бы рычагом давления на Анкару в ответ на бескомпромиссную позицию Турции по отношению к Армении в целом и в Карабахском вопросе в частности.⁵⁴ Турецкая сторона в свою очередь опасается последствий такого признания, считая, что это повлечет за собой требования материальной компенсации потомкам пострадавших, а также возможные территориальные потери.

Официальную позицию Турции в вопросе признания Геноцида армян еще в 1991 г. огласил посол Турецкой республики в СССР Волкан Вурал, заявив, что факт геноцида «не доказан турецкой историей».⁵⁵

В начале 1990-х политика Турции привела к противоположному эффекту, а именно – к резкой активизации усилий армянских организаций Диаспоры в лоббировании международного признания Геноцида армян. Достаточно сказать, что в период с 1991 по 2005 год исторический факт совершения Геноцида армян в Османской империи признали более 15-ти государств, в том числе члены Европейского Союза – Бельгия, Швеция, Италия, Кипр, Греция, Франция, Словакия, Голландия, Польша, Литва и др., – а также Ватикан и Швейцария.⁵⁶ Признание факта Геноцида Францией, закрепленное отдельным законом, привело к мощной волне протеста в Турции и отказу от двусторонних экономических соглашений. К турецким протестам присоединился и Азербайджан. Одновременно бойкот французских товаров и угрозы применения экономических санкций против Франции еще более углубили кризисную ситуацию внутри самой Турции.

В армянской официальной риторике преобладал тезис о том, что ни под каким предлогом невозможно предать забвению память о совершенном Геноциде, но параллельно с этим отмечалось, что Республика Армения не ставит признание Геноцида в качестве пред условия установления двусто-

ронных отношений. Турецкая же официальная риторика придерживалась двух основных постулатов: Геноцид по определению не мог быть совершен турецким народом и Турцией; и вопросы прошлого следует оставить историкам.

Таким образом, армянские и турецкие стороны придерживались противоположных стратегий в вопросе нормализации взаимоотношений.⁵⁷

В риторике европейских политиков и в некоторых принятых ЕС официальных документах в достаточно сдержанной форме содержатся призывы к Турции «признать исторический факт» Геноцида армян и «примириться со своим прошлым». Вопрос признания Геноцида армян, по всей вероятности, служит еще и мощным рычагом для преграждения или же торможения процесса вхождения Турции в ЕС.⁵⁸

Турция ведет интенсивную политику отрицания факта Геноцида армян и предпринимает активные шаги для противодействия процессу его международного признания. Осенью 2000 г. Совет национальной безопасности Турции принял решение, согласно которому вопросы, связанные с Геноцидом армян, были возведены в ранг относящихся к проблемам национальной безопасности Турции. В этой связи на турецкое внешнеполитическое ведомство возлагалась задача любыми средствами препятствовать обсуждению этой темы в Конгрессе США.⁵⁹

26 мая 2001 г. по инициативе турецкого правительства был создан «Координационный совет по борьбе против утверждений о геноциде».⁶⁰ Для противодействия международному признанию Геноцида армян турецкая сторона активно привлекает еврейское лобби США, стараясь таким образом нейтрализовать возможное обсуждение или же принятие резолюций по Геноциду армян в Конгрессе США. Эти усилия находят поддержку со стороны руководства Израиля, в русле стратегического партнерства между Тель-Авивом и Анкарой, однако иногда встречают и противодействие со стороны общественных, научных кругов, и даже официальных лиц Израиля и еврейской диаспоры.⁶¹

Новой турецкой инициативой, нацеленной на частичную нейтрализацию международного признания Геноцида армян, стало учреждение летом 2001 г. Армяно-турецкой комиссии по примирению (далее АТКП) с участием нескольких бывших дипломатов и ученых с турецкой и армянской сторон. В Азербайджане создание армяно-турецкой комиссии вызвало весьма негативные, если не сказать явно панические, настроения. Спикер Милли Меджлиса Азербайджана Муртуз Алескеров расценил это как предательство Азербайджана и высказался против установления или улучшения культурно-экономических связей между Арменией и Турцией.⁶²

По заявлению Ильтера Туркмена, бывшего министра иностранных дел Турции и одного из членов АТКП, «это была первая попытка установления структурного диалога между гражданскими обществами Турции, Армении, а также армянской Диаспорой».⁶³ Пожалуй, наиболее откровенными были заявления сделанные в Баку одним из турецких членов комиссии о том, что «основная задача комиссии — помешать тому, чтобы вопрос о Геноциде армян постоянно находился в повестке дня западных стран».⁶⁴

Во время третьей встречи члены комиссии приняли решение обратиться в Международный центр переходного правосудия с просьбой исследовать этот вопрос и вынести решение о том, попадают ли массовые убийства и депортация армян в Османской империи под определение геноцида согласно Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г.⁶⁵

Турецкая Республика, являясь прямым результатом геноцида, совершенного младотурками против христианского населения Османской империи, продолжила традицию истребления народов и окончательно закрепила результаты младотурецкой политики этнических чисток и геноцида. Более того, Турция всячески стремится сорвать процесс реализации установленной мировым сообществом международной ответственности турецкого государства за совершенное преступление. Признание и осуждение Геноцида армян самой Турцией имеет значение не только в морально-психологическом, но и в международно-правовом плане, в первую очередь для будущих отношений между Арменией и Турцией.⁶⁶

Основной причиной бескомпромиссного отрицания Турцией факта совершенного геноцида всегда был и остается страх правовых последствий этого преступления, которые отчетливо представляют себе турецкие руководители.⁶⁷

Кроме того, тема Геноцида армян и ее интернационализация существенным образом отрицательно влияют на турецкую национальную идентичность и самосознание, а также на имидж самого турецкого государства, стремящегося выступать с новыми региональными инициативами. Более того, признание самой Турцией Геноцида армян как свершившегося исторического факта, означает также переписывание турецкой истории — опаснейший процесс, который грозит морально-психологическим и идеологическим коллапсом турецкого общества.

Противодействие, а точнее говоря, попытки отрицания Анкарой исторического факта Геноцида не привели к заметному результату. В своем выступлении на Саммите тысячелетия ООН в сентябре 2000 г. президент РА Роберт Кочарян отметил, что «продолжающееся отрицание Геноцида армян в Османской империи современной Турцией только усиливает

наше стремление к достижению исторической справедливости». ⁶⁸

Официальная турецкая позиция в этом вопросе основывается на формуле «историю следует оставить историкам». Вместе с тем турецкая сторона не перестает прилагать усилия по фальсификации исторических данных и лоббированию протурецких позиций в западных исследовательских институтах, СМИ и учебных заведениях. На поддержку «индустрии отрицания» выделяются колоссальные суммы, но в некоторых случаях эти шаги принимают такой оголтелый характер, что вызывают протест и возмущение со стороны добросовестных и неподкупных представителей ученых кругов. ⁶⁹

Очевидно, что с признанием исторического факта Геноцида армян рушится вся конструкция турецкой официальной историографии последних десятилетий. А это в свою очередь ведет к увеличению доли моральной ответственности перед собственными гражданами, от которых скрывалась одна из самых кровавых страниц турецкой истории, которая, кроме уничтожения армянского населения, включала также и факты присвоения их имущества со стороны новых республиканских элит. Международное признание Геноцида армян стало мощным стимулом и для внутритурецкого дискурса вокруг этой проблемы, до того строго табуированной и находящейся под плотным контролем государственной цензуры.

Как указывают турецкие исследователи Бюлент Араз и Хавва Каракаш-Келеш, для кемалистской системы, базирующейся на приоритете «наднационального», признание факта Геноцида армян невозможно «из-за страха потерять свое длительное господство. Следовательно, отрицание факта Геноцида армян имеет под собой и исторические, и социальные основы, связанные с националистическим восприятием Турцией своего государственного истеблишмента... и отказ Турции признавать Геноцид армян — результат ультра национализма, все еще живущего наследия кемалистской идеологии. Такое положение существует со дня провозглашения Турецкой республики. В каком-то смысле именно груз ее почти вековой истории определяет внешнюю политику сегодняшней Турции». ⁷⁰

Учитывая стремительный рост числа стран, официально признавших Геноцид армян, избранная властями Турецкой Республики позиция отрицания признанного международным сообществом и получившего соответствующую международно-правовую оценку факта является бесперспективной. Не приходится сомневаться в том, что властям Турецкой Республики придется согласиться с решениями и рекомендациями международного сообщества о публичном признании геноцида и об ответственности за это чудовищное преступление. ⁷¹ Это утверждение особо ак-

туально в контексте турецких стремлений стать полноправным членом Европейского Союза и возможного включения вопроса официального признания Геноцида армян со стороны Турции в качестве предусловия к членству в ЕС.

Только посредством осуждения и выражения готовности взять на себя бремя ответственности за максимально возможное смягчение последствий геноцида и создание цивилизованных предпосылок для установления двусторонних отношений между соседними народами.

Проблема Нагорного Карабаха по-прежнему рассматривается в качестве наиболее реального препятствия на пути реализации геополитических и геоэкономических планов Турции, а де-факто вошедшее в повестку дня турецкой внешней политики — возрождение пантюркистских и экспансионистских устремлений может стать серьезным вызовом балансу сил, сложившемуся на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

С приходом к власти в Турции кабинета Бюлента Эджевита весной 1999 г. позиция Анкары в отношении Армении еще больше ужесточилась. На этот раз для установления дипломатических отношений Анкара выдвинула Армении дополнительное требование в виде предоставления стратегически важного Мегринского коридора, непосредственно соединяющего Турцию с Азербайджаном. Вашингтон постарался приложить максимум усилий для нормализации отношений между Ереваном и Анкарой, а на переговорах с С. Демирелем во время Стамбульского саммита ОБСЕ в ноябре 1999 г. президент США Билл Клинтон призвал турецкого президента активизировать контакты с Ереваном. Но С. Демирель снова увязал вопрос улучшения армяно-турецких отношений с урегулированием Карабахского конфликта. ⁷²

После Стамбульского саммита ОБСЕ в январе 2000 г. президент Турции С. Демирель выступил с идеей подписания «Кавказского пакта стабильности», призванного, по мнению турецкой стороны, содействовать установлению сотрудничества и безопасности и разрешению конфликтов. Ереван четко выразил свою позицию в отношении этой турецкой инициативы, подчеркнув, что она будет дееспособна только после установления дипломатических отношений между Арменией и Турцией. Более того, президент Армении Р. Кочарян в свою очередь выступил со встречной инициативой создания «Пакта безопасности Кавказа» с включением в него также Турции и Ирана.

Вместе с тем, несмотря на пацифистскую риторику и стремление выступить в качестве посредника в Карабахском вопросе, Турция совместно с Азербайджаном продолжает политику транспортной блокады Армении и всячески стремится изолировать ее от региональных транспортно-экономических проектов, таких как ТРАСЕКА, ИНОГЕЙТ, Шелковый путь и др.

Вопрос открытия границ и безопасность Республики Армения

Еще до трагических событий 11 сентября 2001 г. Анкара активизировала свои политические инициативы на южных границах СНГ. Эта активность на Южном Кавказе в наибольшей степени проявилась в Грузии и Азербайджане и преследовала цель дальнейшей изоляции Армении в регионе и, заодно, ослабления позиций России. На этом фоне было бы ошибкой трактовать турецкую напористость только лишь стремлением Анкары осуществить успешную реализацию проекта нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. На самом деле эти инициативы являются проявлением внутреннего и внешнего кризиса турецкого государства, которое в течение последних 10-15 лет не добилося сколь-нибудь значимых успехов как на внутривосточном (если не считать временную нейтрализацию РПК) и экономическом, так и на внешнеполитическом уровнях (продолжаются тщетные попытки вступления в ЕС, идет на спад эйфория в вопросе возможного создания «Тюркского союза» и т. д.). Дело в том, что турецкий истеблишмент старается решить существующие и ожидаемые в будущем внутренние структурные кризисы за счет активных внешних инициатив. Это особенно четко проявилось в позиции Анкары относительно военных операций в Афганистане: изначальное отрицательное отношение к проведению широкомасштабных операций в короткий срок сменилось прямой поддержкой антиталибской коалиции. Непосредственное военное присутствие в зоне боевых действий говорит о том, что Турция рассчитывает получить «карт-бланш» от Запада в проведении своей неокспансионистской политики не только в странах Центральной Азии, но и на Южном Кавказе.⁷³ Вместе с тем можно с уверенностью отметить, что такие инициативы не будут результативными, если окажутся направленными против региональных интересов Армении и России.

Бесспорным является и то утверждение, что без установления более-менее нормальных двусторонних отношений с Республикой Армения Турция не добьется никаких преимуществ в южнокавказском регионе. На фоне нарастающего военно-политического сотрудничества с Грузией

и Азербайджаном, в Турции все чаще говорят о необходимости частичной «разрядки» напряженности в армяно-турецких отношениях⁷⁴, в частности выдвигается предложение об открытии торгового представительства Турции в Армении. При этом, однако, позиция Анкары относительно установления дипломатических отношений по-прежнему строится на отмеченных ранее предварительных условиях.

И хотя итоги встречи министров иностранных дел Армении, Турции и Азербайджана в мае 2002 г. в Рейкьявике, так же как и в июне 2002 г. в Стамбуле, являются еще одним свидетельством того, что не следует питать особых иллюзий относительно возможности установления дипломатических отношений между Арменией и Турцией в ближайшей перспективе, тем не менее следует проанализировать плюсы и минусы открытия армяно-турецкой границы для самой Армении, и исходить в этом анализе из необходимости обеспечения национальной безопасности РА.

Поскольку по территории Турции проходят железнодорожные дороги и автомагистрали, имеющие стратегическое значение, особенно для выхода Армении на внешний рынок, открытие турецкой границы является неотъемлемой частью вопроса о том, может ли Армения эффективно развивать торгово-экономические отношения в условиях неразрешенной проблемы Нагорного Карабаха. В определенных кругах армянского истеблишмента бытовала и до сих пор существует следующая точка зрения: открытие армяно-турецкой границы приведет к нормализации отношений с Турцией, постепенно ослабит восприятие Турции в качестве угрозы безопасности Армении и тем самым снизит уровень зависимости Армении от других государств в сферах экономики и безопасности.⁷⁵

Не отрицая возможных положительных сдвигов, следует одновременно обратить внимание и на все те вероятные негативные последствия и развития ситуации, которые будут непосредственно затрагивать интересы национальной безопасности Армении. Эти проблемы, имеющие экономическую, политическую и другие составляющие, носят общий взаимосвязанный характер, вытекающий из требований полноценного обеспечения национальной безопасности. Считаем необходимым остановиться на следующих положениях:

1. **Промышленная безопасность.** Открытие таможенных пунктов на армяно-турецкой границе и увеличение потока армянских частных предпринимателей в Турцию приведет к широкомасштабному ввозу дешевых турецких промышленных товаров и предметов первой необходимости в Армению, что может поставить под удар формирующуюся национальную промышленность, полностью прекратив или затормозив

развитие некоторых ее отраслей. Турецкий «экономический удар» будет чувствительным, в частности для армянских компаний, производящих продовольственную, текстильную и санитарно-гигиеническую продукцию.

2. **Финансово-денежная безопасность.** Известно, что именно эта сфера является «ахиллесовой пятой» экономической системы Турции. Проведенная в 1980-х – 90-х годах бывшим премьер-министром, а позже – президентом Турции Т. Озалом политика либерализации турецкой экономики не привела к ликвидации хронического обесценивания турецкой национальной валюты, лиры, и это обстоятельство наряду с другими системными проблемами является одной из причин регулярно повторяющихся в стране экономических кризисов. В этих условиях установление с Турцией широкомасштабных экономических связей будет негативно влиять непосредственно на экономическую ситуацию в Республике Армения, в том числе и на показатели стабильности армянской национальной валюты – драма. Посредством валютных инъекций в армянский рынок капитала или просто направлением денежных потоков в Армению и установлением контроля над ними Турция сможет за короткое время обеспечить свое влияние на финансовые потоки в Армении и вследствие этого при желании контролировать обменный курс армянской национальной валюты.
3. **Экспорт и импорт.** Частичная или полная замена действующих транзитных путей армянского экспорта и импорта проходящими по территории Турции новыми маршрутами может привести к нежелательной зависимости от них, что учитывая потенциальную возможность новых витков напряженности в армяно-турецких взаимоотношениях, рискованно. Такая зависимость может стать чрезвычайно опасной в случае превращения Армении в транзитную страну между Турцией и Азербайджаном. В этом случае многократно возрастет вероятность совместных диверсионно-разведывательных операций турецких и азербайджанских спецслужб.
4. **Наркотрафик.** В результате открытия границ для интенсивных перевозок и двусторонних коммерческих связей повысится вероятность использования территории Республики Армения для перевозки и транспортировки наркотиков и других контрабандных товаров из Центральной Азии, Ирана, Грузии, вероятно, и Азербайджана.
5. **Эмиграция.** Открытие армяно-турецкой границы может стать толчком для новой волны исхода населения из Республики Армения. Представляя далеко не полный перечень возможных отрицательных

последствий, армянской стороне следует учитывать, что в процессе установления двусторонних армяно-турецких отношений в будущем следует руководствоваться реалистичным и трезвым расчетом, придавая важнейшее значение полноценному обеспечению безопасности Армении и Нагорного Карабаха.

Азербайджано-турецкая инициатива по блокированию коммуникативных путей Армении является наиболее ярким проявлением практического осуществления идеи тюркской солидарности. Менее известной, но не менее значимой является военно-экономическая помощь Турции Азербайджану, хотя она и оказалась с практической точки зрения малорезультативной. После обретения Азербайджаном независимости был подписан целый ряд турецко-азербайджанских соглашений, касающихся сотрудничества в экономической, военной и политической областях. Очевидно, что турецко-азербайджанское сотрудничество идет в противовес армяно-российскому стратегическому партнерству в регионе.

Турция, в одностороннем порядке закрывая границу с Арменией и не соглашаясь установить с ней дипломатические отношения, оказывая к тому же всяческое содействие Азербайджану против РА и НКР, продолжает восприниматься армянской стороной частью проблемы и стороной конфликта, а не участником его разрешения.⁷⁶ Турецкая блокада, хотя и рассматривается как действие, направленное на поддержку своего стратегического союзника – Азербайджана, – по замечанию Ричарда Гиригоса сама по себе уже представляет угрозу национальной безопасности Армении и выходит за рамки конфликта в Нагорном Карабахе или же взаимоотношений Турции с Азербайджаном. По мнению автора, турецкая роль в совместной блокаде Армении мотивирована скорее стремлением выглядеть региональной державой, нежели поддержкой Азербайджана.⁷⁷

Стратегическая цель Турции – завести армяно-турецкие отношения в тупик, заблокировать Армению, ослабить темпы экономического развития РА и способствовать исходу населения из страны. Анкара рассчитывает, что в Армении обнаружатся такие политические силы, которые, воспользовавшись возникшими в результате этого трудностями, резко изменят официальную позицию Армении в отношении Турции и примут те условия, которые она ставит перед армянской стороной. Ни в политическом, ни в экономическом плане Турция не заинтересована в нормализации отношений с Республикой Армения до тех пор, пока эти условия не будут приняты.⁷⁸

С момента распада СССР поведение Турции в отношении Армении нельзя охарактеризовать иначе как враждебное. В то же время участвовали

нападения на турецких граждан армянского происхождения и угрозы в их адрес. Так, в 1992 г. было совершено нападение на армянских спортсменов, возвращающихся с Паниранских игр в Армению через Турцию. Имели место попытки поджога церквей, школ и осквернения кладбищ в Стамбуле.⁷⁹ После признания Францией Геноцида армян в начале 2000 г. бывший премьер-министр Турции Тансу Чиллер призвала выдворить из Турции несколько десятков тысяч армян – граждан Армении, работающих в Турции, – а из Карса была выслана армянская делегация, находящаяся там по приглашению мэра города.⁸⁰

В целом, несостоявшийся армяно-турецкий диалог стал проявлением неуступчивой и открыто враждебной политики Турции, которая путем политического, экономического и военного давления стремилась добиться от Армении уступок в Карабахском вопросе, а также отказа от поддержки процесса международного признания Геноцида армян, в том числе путем оказания влияния на организации армянской Диаспоры.

Вопрос признания факта Геноцида армян и взятие на себя обязательств по устранению его последствий станут главными доказательствами Анкары в решимости к дальнейшей демократизации турецкого общества, уважении прав человека в стране и ее искренней приверженности европейским ценностям. По меткому замечанию Т. Акчама, общество, которое накладывает табу на обсуждение исторических событий и устанавливает вокруг них запреты, не может иметь демократического будущего.⁸¹

Пока же итоги совершённого Геноцида и этнических чисток Турция превратила в удобный инструмент давления на Армению. Факт отсутствия на территории Западной Армении армянского населения вследствие преступления содеянного Турцией, используется последней в выставлении политики принуждения по отношению к Республике Армения.

Рассматривая Армению как государство-противника и выступая во внешней политике с амбициозными неоимперскими установками, Турция тем самым резко ограничила свои геополитические возможности не только в южнокавказском регионе, но и по всей южной периферии бывшего Советского Союза.

Другой региональной проблемой является статус Нахиджевана, точнее, фактическое игнорирование прав Армении, предоставленных ей согласно положению Карсского договора в определении анклавной автономной республики. Усиливая свое влияние и присутствие в бывшем армянонаселенном регионе, Анкара одновременно озабочена перспективой изменения правового положения Нахиджевана, с учетом того, что Азербайджан и Турция в одностороннем порядке нарушили Карсский дого-

вор, установивший для этой области особый статус, в отношении которого Армения и Турция имеют равноправные обязательства. Нахиджеван, согласно этому договору, передан Азербайджану как автономная территория под его протекторатом, а не как часть унитарного государства для включения в его состав.

Попытки установления двусторонних отношений предпринимались как посредниками, так и во время неоднократных встреч министров иностранных дел Турции и Армении. Однако Анкара, не заинтересованная в ухудшении отношений с Азербайджаном и старавшаяся сохранить свою долю в энергетических региональных проектах, действовала по сценарию, устраивающему азербайджанскую сторону, и в каком-то смысле была скована в своих действиях азербайджанской реакцией.

В попытке блокировать процесс установления армяно-турецких отношений Баку добился принятия специального протокола, который был подписан 28 апреля 1999 г., во время формирования 57-го коалиционного правительства в Турции во главе с Бюлентом Эджевитом. В документе указывалось, что «основным условием для установления отношений с Арменией должно стать освобождение оккупированных районов и отказ западного армянского лобби от вражеской кампании против Турции на международной арене».⁸²

В 2003 г. состоялись две встречи между В. Осканяном и А. Гюлем, в ходе которых был обсужден вопрос открытия границы. Высказывалось мнение относительно того, что хоть вопрос предусловия не сняты, но их значение не так сильно, как прежде.⁸³

В 2003 г. в Ереване на учениях НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» приняла участие рота турецких военнослужащих.

20 декабря 2007 г. в Национальном Собрании РА состоялись инициированные Постоянной комиссией НС по внешним сношениям двухдневные слушания на тему «Армяно-турецкие отношения: проблемы и перспективы». Приглашенные из Турции депутаты не приняли участие в этом мероприятии.

Националистическая и агрессивная риторика в сочетании с проазербайджанской пропагандой официальных властей Турции, по справедливому замечанию турецкого историка О. Коджамана, подрывала роль турецкого МИД в качестве медиатора, вследствие чего Армения перестала воспринимать Турцию как беспристрастного посредника.⁸⁴ Другой турецкий автор, Айбарс Горгулу, замечает, что если Турция, в соответствии со своими стратегическими приоритетами, желает стать посредником в урегулировании Карабахского конфликта, то этому никак не способствуют

ни отсутствие дипломатических отношений с одной из сторон конфликта, ни наличие «братских» отношений с другой. Международное сообщество воспримет нормализацию отношений с Арменией как признак готовности Турции играть по-настоящему конструктивную роль в урегулировании Карабахского конфликта, а также как сигнал о равноудаленности Турции от Армении и Азербайджана.⁸⁵

Резюмируя сказанное, следует отметить, что во внешнеполитической повестке Турции главной целью является не урегулирование отношений с Арменией, а нейтрализация армянского фактора как серьезной угрозы для реализации турецких планов, в том числе и навязывание Армении односторонних уступок в вопросе карабахского урегулирования и признания Геноцида армян. И это обстоятельство напрямую связано с проблемой обеспечения безопасности армянского государства и всего армянства.

Этот тезис приобретает особое значение с учетом того обстоятельства, что после восстановления независимости в 1991 г. Республика Армения получила возможность отстаивать свои национальные вопросы на межгосударственном уровне. Отрицание преступления геноцида, совершенного младотурками, закрепление его последствий и выстраивание в отношении Армении турецко-азербайджанской политики с позиции силы являются неоспоримыми доказательствами наличия неприкрытой угрозы безопасности Республики Армения.

Глава 3. Неоосманизм во внешней политике Турции на постсоветском пространстве и Карабахский вопрос

Напряженная ситуация в армяно-азербайджанских отношениях конца 1980-х гг. не могла оставить равнодушным ни руководство, ни общественность Турции. Занятую турецкой стороной начальную позицию в целом можно охарактеризовать как сдержанную, а точнее осторожную, обусловленную в первую очередь нежеланием Анкары спровоцировать негативную реакцию со стороны СССР.

Турецкие СМИ также заняли выжидательную позицию, передавая в основном скудную информацию из советских информационных источников. Это, конечно, не касается ультраправых изданий, для которых пантюркистская тематика и публикации о судьбе «зарубежных тюрок» не были новым явлением.

После армянских погромов в Сумгаите и распространения в западных СМИ негативного образа Азербайджана и азербайджанцев, турецкая пресса и телевидение призывали руководителей страны более активно интересоваться судьбой «советских тюрок». В этом контексте Турция обеспокоилась симпатиями мирового сообщества, в частности, западной прессы по отношению к армянскому национальному движению, и эти опасения турецкой стороны проявились и на страницах турецких периодических изданий.

К примеру, московский корреспондент турецкой газеты «Hürriyet» расценивал армянские погромы следующим образом: «То, что произошло в Сумгаите, объясняется возмущением народа и является понятной реакцией на территориальные требования армян».¹

Следует отметить, что турецкая внешняя разведка активизировала свои действия в Азербайджане и в лице Народного фронта нашла надежную опору для своей резидентуры. Любопытно, что первые погромы армян в Сумгаите проходили под лозунгами «Турция нам поможет», а турецкие флаги стали неотъемлемым атрибутом демонстраций в Азербайджане. Появились и сторонники турецкой ультранациональной террористической организации «Серые волки», а лидеры азербайджанского Народного фронта оказались в центре внимания турецкой внешней разведки.²

Карабахское движение было воспринято в Турции в контексте армянских требований возмещения последствий геноцида, поэтому в турецком

общественно-политическом дискурсе возможный успех армян в решении Карабахского вопроса рассматривался как первый шаг на пути воскрешения «севрского призрака»³, чего более всего опасались турецкие политики. В целом интерес к событиям по ту сторону границы развивался в Турции по нарастающей. Демонстрации в Армении и Азербайджане, по словам газеты «Milliyet», «стали причиной того, что общественное внимание в Турции было сориентировано в сторону советских тюрок».⁴

Если в первые дни Карабахского движения турецкие националистическо-исламистские издания рассматривали активизацию Карабахского вопроса как «начало крестового похода Советов против турецкой нации», то другие, как например «Hürriyet», приводили заявление руководителя службы информации МИД Турции И. Бату о том, что «Турция имеет право слова в вопросе Нахиджевана» и что «распространяется это право также и на НКАО и Зангезур» («Hürriyet», 18 апреля 1988 г.).⁵ А газета «Milliyet» в номере от 02.04.1988 писала, что «по мнению ряда турецких наблюдателей, если Нагорный Карабах будет присоединен к Армянской ССР, то в качестве следующего шага армяне выдвинут территориальные требования в отношении Турции».⁶

В турецкой прессе регулярно приводились также аргументы об исторической принадлежности Нахиджевана и Нагорного Карабаха «тюркскому народу Азербайджана». Также в унисон с официальными кругами выражалось недовольство точкой зрения западных СМИ, которые, по мнению турецкой стороны, выступали с проармянских позиций.

В то же время сотрудник МИД Турции Хасан Кони, выступая по турецкому телевидению в дискуссии по карабахской тематике, отметил, что у турецкого внешнеполитического ведомства были «непрямые» контакты с советской стороной, на предмет недопустимости «передачи являющегося азербайджанской территорией Нагорного Карабаха армянам».⁷

У турецкой стороны (как у официальных властей, так и у общественности) существовал определенный консенсус в симпатиях к азербайджанскому видению проблемы. Порой из общего хора раздавались даже голоса в поддержку военного вмешательства в конфликт. Однако в этом вопросе правительство Турции заняло более-менее сбалансированную позицию, осознавая, что такое вторжение может оставить негативный отпечаток на отношениях Турции с Россией и США, и хотя со стороны отдельных официальных лиц также звучали милитаристские заявления, однако Анкара не рискнула идти на поводу призывов к прямому военному вмешательству, предпочитая ему интенсивную работу по мобилизации настроений мировой общественности против Республики Армения.⁸

С точки зрения первоначальной позиции Турции в Карабахском вопросе интересной представляется публикация Ильнура Джевика – главного редактора англоязычной газеты «Turkish Daily News», – который отмечал, что Турция не имеет никаких дел с Азербайджаном и что Запад старается втянуть Турцию в разборки между Арменией и Азербайджаном. Указывая на схожие моменты в противоречиях между Турцией и Болгарией, автор недвусмысленно давал понять, что Запад стремится создать новую ситуацию, где армяно-азербайджанские противоречия будут изображаться частью «исторического» противостояния между турками и армянами. Продолжая свою мысль, И. Джевик отмечает, что западные СМИ чрезмерно эксплуатируют тему наличия турецких флагов на демонстрациях в Баку и тем самым стараются толкнуть Турцию на вмешательство во внутренние дела Советского Союза. «Мы сочувствуем их (азербайджанским – Г. Д.) проблемам, но у нас нет никакого желания вмешиваться во внутренние дела какого-либо соседнего государства. Пусть такое желание ни у кого не возникнет», – резюмировал автор.⁹

Некоторые круги в Турции считали затрагивание карабахской темы даже опасным, справедливо опасаясь вероятности возникновения напряженности в советско-турецких отношениях.

Отголоски карабахских событий в турецких СМИ и в обществе на начальном этапе проявились в первую очередь озабоченностью вокруг возможных изменений правового положения Нахиджевана без учета мнения Турции. Любые разговоры о возможном изменении статуса НКАО и, тем более, о передаче области Армянской ССР вызывали определенный дискомфорт в Турции, где следующим требованием армянской стороны виделось поднятие нахиджеванского вопроса. Опасения, вызванные перспективами потенциальных территориальных изменений по инициативе советского руководства, вскоре дали о себе знать, и турецкая сторона по разным поводам, хоть и осторожно, но начала делать весьма спорные с точки зрения международных договоренностей заявления о статусе Турции как гаранта безопасности Нахиджевана. По словам директора Института внешней политики Сейфи Ташана, для Турции были нежелательны любые односторонние шаги в этом вопросе.¹⁰

Решение Верховного Совета Армянской ССР от 1 декабря 1989 г. о вхождении НКАО в состав Советской Армении оказалось для Турции неожиданным и, согласно газете «Milliyet», заставило «обратить взоры турецкого правительства в сторону Армении». А бывший министр иностранных дел Турции В. Халефоглу подчеркнул, что «у Советской Армении нет ни права, ни полномочий, ни силы, чтобы принимать такое решение.

Это в высшей степени несостоятельное решение». ¹¹ В свою очередь, профессор Стамбульского факультета Т. Атеш сравнил принятое парламентом Армении решение с действиями «ребенка, который настаивает на не принадлежащем ему мяче». ¹²

Позиция Турции в отношении Азербайджана кардинально изменилась в январе 1990 г., после армянских погромов в Баку и ввода советских войск в столицу республики. Министр иностранных дел Турции Месут Йылмаз, раскритикованный за «недостаточную реакцию» на случившееся, ссылаясь на «естественное право пристально следить за положением в Азербайджане», заявил, что «за происходящими в Азербайджане процессами Турция наблюдает с особой чувствительностью, поскольку с азербайджанцами имеются общие культурные и языковые связи». ¹³ Великий Национальный Совет Турции (ВНСТ) по итогам обсуждений событий в Баку вне повестки дня осудил решение Москвы о вводе войск в азербайджанскую столицу и потребовал их немедленного вывода. ¹⁴

После вступления советских войск в Баку для подавления антисоветского мятежа и пресечения дальнейших погромов армянского населения города советская сторона, в частности, ТАСС, комментируя некоторые высказывания турецких депутатов ВНСТ по поводу событий в Азербайджане, заметила, что они «не соответствуют требованиям нормального развития советско-турецких отношений». ¹⁵

В общественно-политических кругах Азербайджана все чаще стали обсуждаться идеи обращения за помощью к Турции и создания единого государства, которые порой перерастали из слов в конкретные акции. Беспрецедентным в истории Советского Союза стало уничтожение советских пограничных сооружений и коммуникаций по всей длине советско-иранской границы и на нахиджеванском участке советско-турецкой границы в январе 1990 г. В этот ряд вписывается также и факт провозглашения выхода из состава СССР Нахичеванской АССР, Верховный Совет которой на своей внеочередной сессии 20 января принял решение о присоединении к Турции. ¹⁶

Решение Верховного Совета Нахичеванской АССР поставило турецкие власти, все еще опасавшиеся серьезных осложнений в двусторонних отношениях с СССР, в затруднительное положение. Вместе с тем, после заседания Совета национальной безопасности с участием президента, премьер-министра, министра иностранных дел и начальника Генерального штаба Турции было заявлено, что Турция «намеревается использовать все законные права в случае возможных непредвиденных развитий». ¹⁷

Реакция турецкого МИД на эти события не заставила себя ждать. Ми-

нистр иностранных дел Турции заявил, что он удовлетворен тем, «что Азербайджан пытается открыться внешнему миру». ¹⁸

Сразу после ввода советских войск в Баку президент Турции Тургут Озал, находившийся на лечении в США, сделал сенсационное заявление о том, что «азербайджанцы по вере шииты и более близки к Ирану». Параллельно Т. Озал отмежевался и от Карабахского вопроса, указывая, что армяно-азербайджанская проблема не выдерживает никаких параллелей с турецко-армянским историческим вопросом. ¹⁹

Позднее, в интервью французскому журналу «Politique étrangère», Тургут Озал заявил следующее: «По-моему, сепаратизм, аналогичный литовскому, набирает силу. А столкновения между Арменией и Азербайджаном, возникшие из-за неприемлемых притязаний Республики Армения на исторические азербайджанские земли, не должны использоваться для подавления сепаратистских движений». ²⁰

Первое заявление турецкого президента породило резкое негодование в широких кругах турецких общественно-политических организаций, а также вызвало недоумение и критику со стороны бывшего президента Турции Кенана Эврена, депутатов ВНСТ и проживающих в Турции этнических азербайджанцев. Председатель действующего в Анкаре «Азербайджанского общества» Фейзи Акюзюм по этому поводу заметил, что происходящее в Азербайджане – не религиозное, а национальное возрождение, и что тюркизм Азербайджана без содействия и покровительства Турции потерпит крах. Одновременно он выразил сожаление, что люди, подобные Озалу, избранные на пост президента страны, могут делать такие заявления от имени Турции. ²¹

Несмотря на то, что в исследовательской литературе существует определенный консенсус по поводу заявления Т. Озала и его интерпретации как способа отмежевания Турции от событий в Азербайджане, оно в то же время имело вполне конкретную цель. Во-первых, Озал подчеркнул религиозную составляющую конфликта, что было свойственно западной интерпретации его истоков, во-вторых, он таким образом завуалировал истинную причину турецкого внимания к Азербайджану, постаравшись сместить акценты в сторону Ирана и тем самым обеспечить свое, если можно так выразиться, геополитическое алиби в вопросе пантюркистских устремлений, а заодно настроить Иран против Армении.

Спустя неделю после бакинских событий, на заседании Совета НАТО постоянный представитель Турции в этой организации Унал Унсал выступил с докладом о положении в Азербайджане и указал на три основных момента. Во-первых, Турция ожидала от стран – членов НАТО проявления

такого же внимания к событиям в Азербайджане, которое они уделяют «националистическим движениям» в республиках советской Прибалтики, и тем самым подтверждения, что блок не проводит политику «двойных стандартов». Во-вторых, указывалось, что в СМИ Запада отражается только армянская точка зрения и, по мнению Турции, позиция азербайджанской стороны тоже имеет большое значение: Запад не сможет сделать правильные выводы, основываясь лишь на односторонней информации. И, наконец, турецкий представитель оговорился, что считает все это внутренним делом СССР.²² Представители стран – членов Североатлантического блока оставили заявление У. Унсала без внимания.

С ослаблением Советского Союза интерес Турции к Карабахскому вопросу заметно усилился. В этой связи примечателен и тот факт, что визиту президента Казахстана Н. Назарбаева в Турцию сразу же после подписания Железноводских соглашений придавалось особое значение из-за возможности получения информации о происходящих событиях, так сказать, из первых рук. Н. Назарбаев, таким образом, выступал посредником не только между сторонами конфликта, но еще и между Турцией, обеспечивая ее косвенное воздействие на процессы.²³

После принятия Акта о суверенитете Азербайджана в сентябре 1991 г. турецкий МИД выступил со специальным заявлением о том, что «Турция с одобрением и пониманием встретила решение об объявлении независимости братского азербайджанского народа, с которым нас связывают общие исторические и культурные ценности. Мы верим, что это решение будет осуществлено в соответствии с желанием и волей самого народа в рамках процессов перестройки, начатых нашим северным соседом, путем мирных переговоров между сторонами».²⁴

7 сентября 1991 г. программа «Вести» российского телевидения сообщила, что председатель Верховного Совета Азербайджана Э. Кафарова встретила с послом Турции в СССР и просила пока не заявлять о признании Турцией Азербайджана, иначе, как она выразилась, «Нагорный Карабах у Азербайджана отнимут».²⁵ Спустя некоторое время по азербайджанскому телевидению было передано сообщение, опровергающее эту информацию со ссылкой на провокации «армянского лобби».²⁶

Было ли это случайным? Скорее всего, азербайджанская сторона опасалась, что после признания Турцией независимости Азербайджана Нагорный Карабах на основе действующих советских законов мог отделиться от республики законным путем, что впоследствии и произошло.

Одной из первых признав независимость Азербайджана (9 ноября 1991 г.) и центральноазиатских республик, турецкая сторона одновре-

менно выразила готовность выступить с посреднической миссией в Карабахском вопросе. Таким образом, с признанием независимости Азербайджана Турция «перешла Рубикон» между предыдущей, более осторожной политикой и новой, откровенно проазербайджанской позицией.

По мнению турецкого исследователя М. Айдына, Турция осознала преимущество своего геостратегического положения и необходимость безотлагательной реализации новых возможностей в области внешней политики и обороны. Отношение Турции к конфликтам в Аджарии, Осетии и Абхазии, а также Карабахскому конфликту в основном было обусловлено явно просматривающимся в ее внешней политике нежеланием видеть какие-либо изменения существующих границ независимых государств.²⁷

После распада СССР активные усилия Турции в Карабахском вопросе призваны были засвидетельствовать готовность Анкары оказать всяческое содействие своим сородичам не только словом, но и конкретными делами, а также извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации, используя войну в Нагорном Карабахе для усиления своего влияния в регионе.²⁸ Бесспорно, Южный Кавказ с геополитической точки зрения занимал стратегически важную позицию в плане установления прямой связи между северокавказским, поволжским, центральноазиатским тюркоязычными ареалами и Турцией. Для последней наиболее важным представлялось географическое расположение Азербайджана, поскольку, как замечает Збигнев Бжезинский, «независимость государств Центральной Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю».²⁹

Исходя из этой парадигмы, Турцией признавались приоритетными следующие задачи в отношении Азербайджана:

- содействие независимости Азербайджана;
- поддержка в обеспечении контроля Азербайджана над Нагорным Карабахом;
- стремление пресечь усиление позиций России в регионе;
- участие в добыче азербайджанской нефти и ее транспортировка через Турцию;
- сохранение в Азербайджане дружественного протурецкого правительства.³⁰

В 1992 г. иранская газета «Ресалат», цитируя слова заместителя министра иностранных дел Ирана Вайези, писала, что «в Карабахском вопросе Турция преследует три основные цели: во-первых, повысить свой авторитет в Азербайджане и проложить дорогу в Центральную Азию, во-вторых, предать забвению армяно-турецкую вражду и, наконец, в-третьих,

выполнять в регионе обязательства, возложенные на нее Европой и США...».³¹

Безусловно, Турция не была заинтересована в появлении очага военной напряженности около своих северо-восточных границ в условиях продолжавшегося курдского вооруженного сопротивления в восточных вилайетах. Одним из проявлений таких настроений может служить обращение премьер-министра Турции С. Демиреля к своему азербайджанскому коллеге Г. Гасанову после упразднения в ноябре 1991 г. автономного статуса НКАО, в котором С. Демирель призывал азербайджанскую сторону воздерживаться от резких шагов, «не поддаваться провокациям» и «не усугублять положения принятием решений, которые в будущем могут привести к нежелательным последствиям».³² В ответном письме Г. Гасанов приветствовал турецкое посредничество в урегулировании Карабахского вопроса.³³

Следует отметить, что это послание С. Демиреля вызвало в Азербайджане определенное недовольство. От Турции ожидали безоговорочной и четкой проазербайджанской позиции в Карабахском вопросе. На этом фоне турецкие официальные круги не теряли ни одного удобного повода для критики Запада и выражения своего недовольства «проармянской» позицией последнего.³⁴

И все же было ясно, что Анкара вовсе не собиралась играть роль «честного маклера» в Карабахском вопросе. Как руководящие круги, так и общественность Турции в этом вопросе были настроены в пользу Азербайджана. Турецкие лидеры очень часто в агрессивных заявлениях в адрес Армении ссылались на давление общественного мнения, но такая риторика была лишь надежным прикрытием для оправдания экспансионистской и амбициозной внешнеполитической линии.³⁵ Стоит заметить, что Турция всячески стремилась замаскировать свою вовлеченность в конфликтные зоны на Балканах и Кавказе удобной официальной риторикой, ссылаясь на наличие турецких граждан того или иного происхождения, которые, дескать, с сочувствием относятся к судьбам своих соотечественников.

Весной 1992 г. Т. Озал, касаясь военных действий в Карабахе, отметил, что Турция займет нейтральную позицию, если не произойдет расширения театра войны, в противном случае это будет сложно сделать, поскольку в Турции проживает 2-3 млн. азербайджанцев.³⁶ Митинги и демонстрации в знак солидарности с азербайджанцами были особенно активны в Анкаре, Стамбуле и Карсе. Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что в Карсе и его окрестностях в 1918-1925 гг. обосновались тюрко-

язычные выходцы из Армении, которые именовали себя азербайджанцами.³⁷

Довольно многозначителен и тот факт, что опрос общественного мнения в Турции в июле 1992 г. выявил 51 % противников и 38 % сторонников военного вмешательства турецкого правительства и помощи Азербайджану в Карабахском конфликте.³⁸

Разрешение конфликта в пользу Азербайджана, несомненно, принесло бы немало политических дивидендов Турции, тем более что турецкие внешнеполитические инициативы были поддержаны Баку, а часть азербайджанской политической элиты неоднократно выражала свою готовность вступить в межгосударственный союз с Турцией на основе этноязыковой и культурной общности. Пантюркистские настроения получили яркое проявление в особенности во время президентства лидера Народного фронта Азербайджана Абульфазы Эльчибея, хотя следует отметить, что протурецкая ориентация Азербайджана во внешней политике всегда имела сильные позиции, поскольку все более или менее влиятельные политические силы страны были настроены именно протурецки.³⁹

В начале 1992 г. турецкий премьер С. Демирель заявил, что Турция сможет способствовать урегулированию конфликта, если Армения и Азербайджан будут доверять ей.⁴⁰ С другой стороны, возрастало давление турецкой общественности на власти в вопросе оказания всесторонней и «действенной» помощи азербайджанцам. Эти настроения особенно усилились после того, как армянские формирования заняли поселок Ходжалу и город Шуши. В начале марта 1992 г. председатель действующего в Измире Общества культуры, искусства и дружбы с Азербайджаном Намык Кемаль Бабекар и офицер запаса Зия Кесеоглу выразили готовность сражаться против армян в качестве добровольцев. Митинги солидарности с Азербайджаном были организованы также студентами университетов Стамбула и Анкары.⁴¹

В свою очередь лидер ультранационалистической турецкой Партии Националистического действия и «Серых волков» Альпарслан Тюркеш не упускал шанса выступить с заявлением о пантюркистской солидарности.⁴² Требуя от турецкого парламента принятия решения, осуждающего Армению и санкционирующего вооруженное вмешательство, он подчеркнул, что «Турция не может бездействовать, когда захватываются территории Азербайджана».⁴³ Обращаясь к спикеру ВНСТ Хюсаметтину Джиндоруку, он предложил созвать в Анкаре ассамблею с участием парламентариев Турции и тюркоязычных государств для выработки общетюркской позиции вокруг Карабахской проблемы.⁴⁴ На этом заседании

звучали предложения дислоцировать турецкие военные соединения вдоль армяно-турецкой границы.⁴⁵

Для повышения эффективности пропаганды и выработки общей позиции по этому вопросу среди тюркоязычных стран и народов, Анкара использовала также возможности спутникового телевидения и «Союза тюркских агентств всемирных новостей».⁴⁶

В это же время президент Турции Тургут Озал в унисон с политическими оппонентами выступил с резкой критикой позиции правительства Демиреля в Карабахском вопросе, призывая его к более решительным действиям. Председатель Партии Отечества (Anavatan) Месут Йылмаз в свою очередь заявил, что «в вопросе статуса Карабаха Турция имеет обязательства, исходящие из международных соглашений, и без согласия Турции невозможно изменить статус Карабаха».⁴⁷

После освобождения армянскими силами самообороны города Шуши С. Демирель, выступая на экстренном заседании кабинета министров, созванном для обсуждения ситуации, сложившейся вокруг Нагорного Карабаха, заявил, что произошедшее в Шуши есть «очередной террор армян в отношении азербайджанцев». То, что не удалось пресечь «взятие Шуши», С. Демирель назвал «настоящей катастрофой». Продолжая свою мысль, турецкий премьер подчеркнул, что впредь Турция не может оставаться в роли стороннего наблюдателя, «когда очевидна попытка решить Карабахский конфликт силовым путем».⁴⁸

Эскалация военных действий в Нагорном Карабахе в значительной степени способствовала усилению националистических настроений внутри турецкого общества. А для некоторых оппозиционных деятелей, таких как Бюлент Эджевит, Неджметтин Эрбакан и Альпарслан Тюркеш, эти события послужили удобным поводом во внутривластной борьбе для критики в адрес властей, хотя каждый из них имел собственное видение роли Турции в Карабахском вопросе.⁴⁹

Оппозиция, воспользовавшись удобным случаем для того, чтобы раскритиковать правительство, обвиняла власти в «предательстве азербайджанских братьев». Среди сторонников агрессивных действий в отношении Армении выделялся лидер Демократической левой партии Б. Эджевит, который выступал за введение турецких войск в Нахиджеван «для отпора армянским силам».⁵⁰ И это не случайность, ведь непосредственным решением именно Б. Эджевита в 1974 г. турецкие войска высадились на Северном Кипре, и до сих пор на территории острова расположен турецкий военный контингент. Выступая в Великом Национальном Собрании Турции, он предложил приостановить отправку гуманитарных грузов

в Армению через воздушный коридор Турции. «При желании правительства Турции, — заявил Б. Эджевит, — без вовлечения в военные действия можно оказать помощь Азербайджану, одновременно содействуя военной подготовке азербайджанских вооруженных сил».⁵¹ По мнению Эджевита, промедление или воздержание от решительных действий в конечном итоге могли привести к потере как авторитета Турции в Азербайджане и Центральной Азии, так и доверия к турецкой политической модели.⁵²

Уже в 1992 г. стало ясно, что роль и авторитет Турции в Центральной Азии в будущем зависят от конечного исхода карабахского противостояния.

Стараясь компенсировать ограниченность возможности военного вмешательства в Карабахскую войну, Турция направила свои усилия на лоббирование проазербайджанской позиции в Карабахском вопросе в международных организациях. Ее активность в этом отношении наглядно проявилась в различных инициативах в рамках ООН, СБСЕ, Организации Исламская конференция и т. д.

Во время саммита СБСЕ в Праге именно благодаря турецкой активности Карабах был признан частью Азербайджана, а после военных удач армянских сил в ходе контрнаступлений в 1993 г. Анкара усиленно добивалась принятия в Совете Безопасности ООН резолюции, осуждающей Армению.

В октябре 1993 г. премьер-министр Турции Тансу Чиллер направила послание Генеральному Секретарю ООН Бутросу Бутрос-Гали и главам государств — членам Совета безопасности, призывая остановить «армянскую агрессию», которая является «угрозой миру и безопасности в регионе».⁵³ В это же время Т. Чиллер совершила визит в США, целью которого было добиться от Соединенных Штатов противодействия контрнаступлению армянских сил — с той основной аргументацией, что в случае успехов армян регион снова окажется под влиянием России.⁵⁴

В тот же период турецкие лидеры неоднократно выступали с агрессивными и воинствующими заявлениями. После освобождения Шуши в мае 1992 г., находясь в Хьюстоне, Т. Озал намекнул на необходимость введения войск в Нахиджеван. В противном случае, по его мнению, «там могли повториться события, имевшие место в Нагорном Карабахе». Одновременно с этим С. Демирель не замедлил сравнить «действия Армении» с иракской агрессией в Кувейте.⁵⁵

После нейтрализации огневых точек в Кельбаджарском районе и установления контроля над его райцентром Кельбаджаром в апреле 1993 г. президент Турции Тургут Озал выступил с идеей возможности «немнож-

ко припугнуть армян» или же «бросить несколько бомб на армянскую территорию – для устрашения».⁵⁶ Свое предложение Т. Озал обосновал тем, что без вмешательства извне невозможно добиться прекращения огня.

Кроме угроз в адрес Армении, Т. Озал не раз выступал с требованиями прекратить поставки иностранных грузов в Армению через Турцию. Скорее всего, именно эти заявления воодушевили грузчиков турецкого порта Мерсин, отказавшихся разгружать адресованные Армении грузы.⁵⁷

Самонадеянность или, правильнее сказать, чувство безнаказанности турецкого президента дошло до того, что, подразумевая Геноцид армян в Османской империи в 1915-1922 гг., он в открытую заявил, что «армяне не извлекли урока из произошедшего в Анатолии».⁵⁸ Продолжая свою мысль, турецкий президент добавил: «если они попробуют то же самое здесь (в Азербайджане – Г. Д.), полагаясь на помощь той или иной страны (откровенный намек на Россию – Г. Д.), то их кое-что ожидает».⁵⁹

Глава внешнеполитического ведомства Турции Хикмет Четин отметил, что Турция не допустит изменения статуса Нагорного Карабаха силовым путем, и что Армения будет нести ответственность за подобные шаги.⁶⁰ «Челночная дипломатия» Хикмета Четина была нацелена на включение Карабахского вопроса в повестку обсуждений СБСЕ. В этой связи очень точны определения аргентинской газеты «La Prensa», писавшей, что «Турция ищет предлог для того, чтобы совершить военное вмешательство на стороне Азербайджана и, таким образом, занять лидирующие позиции в бывших советских мусульманских республиках».⁶¹

Параллельно с попытками добиться обсуждения Карабахской проблемы в международных организациях и обеспечения преобладания в них проазербайджанской позиции турецкие официальные лица лоббировали также возможность территориального обмена как вариант разрешения проблемы. В 1992 г. президент Т. Озал и министр иностранных дел Турции Хикмет Четин выдвинули так называемую «двойную формулу», первоначально разработанную сотрудником Госдепартамента США Полом Гоблом. Согласно этому предложению, предусматривался обмен территориями: взамен населенной преимущественно армянами горной части территории бывшего НКАО, которая присоединялась к Армении, Азербайджан получал мегринский коридор, в результате чего Нахиджеван напрямую связывался с остальной частью Азербайджана. Это предложение давало серьезные геополитические преимущества Турции, которая в случае реализации данного проекта беспрепятственно соединялась бы с остальным тюркским миром, а Армения оказалась бы в геополитическом тупике практически полностью зависимой от Азербайджана и Турции. Дополни-

тельно план обмена территориями обеспечивал безопасный и экономный маршрут для прокладки нефтепроводов и экспорта нефти из Каспийских месторождений.⁶²

Это предложение, а также модифицированный его вариант позже были отвергнуты армянской стороной, которая ни под каким предлогом не желала обсуждать идею обмена территориями, в том числе по причине исходящих от Турции угроз.

Внутриполитические разногласия в Турции и борьба за власть имели также определенный «карабахский след». Это в первую очередь относится к противостоянию Озал – Демирель. Более осторожный и взвешенный подход С. Демиреля отличался от амбициозных выступлений президента Т. Озала. В своем интервью французской газете «Le Figaro» Демирель, раскритиковав заявления Озала о необходимости «немножко припугнуть армян», напрямую связал подобную «самодеятельность» с нарушением полномочий президента, данных ему турецкой конституцией. «Для того, чтобы узнать, кто управляет страной, обращайтесь свой взор не на тех, кто говорит (намек на Т. Озала – Г. Д.), а на тех, кто действует», – заявил С. Демирель.⁶³ В другом месте, вновь обращаясь к указанному заявлению Озала, Демирель охарактеризовал его как «чрезвычайно ошибочное».⁶⁴

Всячески избегая давления политических оппонентов, в особенности воинственных правых, С. Демирель объяснял неправомерность и опасность турецкого военного вмешательства тем, что «принимая политические решения, недопустимо идти на поводу у уличных эмоций».⁶⁵

Разные подходы к Карабахскому конфликту в среде турецкой политической элиты, кроме идеологической несовместимости, были также проявлением внутриполитического кризиса, который стал очевиден после поражения Партии Отечества Тургута Озала на парламентских выборах в 1991 г.

Анализируя позицию Турции в Карабахском вопросе, можно сделать вывод, что амбициозный антиармянский курс Анкары оказался скорее проигрышным. Ведь очевидно, что более гибкая политика в отношении Армении, и тем более в Карабахском вопросе сулила бы Турции конкретные преимущества в плане усиления позиций не только на Южном Кавказе, но и в Центральной Азии. Впору согласиться с утверждением Сванте Корнелла о том, что в какой-то мере Нагорно-карабахский конфликт можно рассматривать в качестве теста на способность Турции в начале 1990-х действовать как независимая региональная держава в Центральной Азии и на Кавказе. Более того, по мнению некоторых исследователей, в Ташкенте и Алматы внимательно следили за действиями Турции именно в

контексте Карабахского конфликта. Очевидно, что эти действия в конечном итоге и развенчали иллюзии, которые, возможно, существовали на счет восприятия Турции как регионального лидера.⁶⁶

По мнению турецкого профессора Зии Ониша, в случае проведения более дальновидной внешней политики и установления добрососедских отношений с Арменией Турция приобрела бы больше политических дивидендов, нежели от прокладки нефтегазовых трубопроводов и удачной реализации энергетических программ.⁶⁷

Ведя активную внешнюю политику, в частности в Карабахском вопросе, турецкое руководство переоценило свои возможности в плане реализации внешнеполитических программ. Более того, выступая с агрессивными, воинствующими заявлениями, но не будучи в силах претворить их в жизнь, Анкара оказалась в своеобразном тупике собственных амбиций, впоследствии довольствуясь ролью всего лишь поставщика оружия и военного снаряжения Азербайджану.

Карабахский конфликт и региональная геополитика

Среди очагов межнациональных противостояний на постсоветском пространстве Карабахский конфликт выделяется своей интенсивностью и продолжительностью. На эскалацию конфликтной динамики в Нагорном Карабахе и ее негативную трансформацию непосредственное или же опосредованное влияние оказало вовлечение в зону конфликта третьих сторон. Одной из таких сторон стала Турция, выступающая в этом вопросе с позиций этноязыковой и историко-культурной солидарности с Азербайджаном. Таким образом, вновь стало очевидно, что попытки реализации пантюркистских планов «были и остаются трагическими для армян и других нетюркских общин Турции и Закавказья».⁶⁸ Как правило, интервенция на стороне соотечественников или этнически родственных народов, проживающих в других государствах, происходит в случае всеобщего консенсуса в том, что государство имеет сильные побудительные причины проведения «реальной политики» вмешательства за пределами своих границ.⁶⁹

Ослабление российского влияния на начальном этапе послесоветской реальности обусловило активное политико-экономическое и культурное проникновение других региональных держав на постсоветское пространство, что преследовало цель удержать новосозданные республики в орбите своего влияния. Среди этих государств Турция выделялась своей активной и последовательной политикой, в особенности в тюркоязычных

государствах. Подчеркивая языковую, культурную и этническую общность, Анкара стремилась взять на себя роль нового «большого брата» для этих стран, параллельно раздавая обещания весомой экономической помощи и инвестиций.

Распространение влияния Турции в южные регионы бывшего СССР рассматривалось Западом также как способ противостояния иранскому влиянию в мусульманских ареалах и пресечения возможности «возвращения» России в эти регионы.

Таким образом, в начале 1990-х с одобрения Запада Анкара в качестве идеологической базы взяла на вооружение факторы цивилизационной, историко-культурной и этно-конфессиональной солидарности с тюркоязычными республиками бывшего СССР в политике реализации новых и весьма амбициозных внешнеполитических инициатив. Настойчивое подчеркивание этноязыковой, культурной и исторической общности Турции с тюркоязычными государствами Южного Кавказа и Центральной Азии получило особый размах.

Призывы к единству тюрков на основании общности языка, культуры, истории, религиозной и этнической близости сочетались на современном этапе с воинственными устремлениями пантюркизма, которые проявились в форме прямого вмешательства в вооруженные конфликты на территории Кавказа (Карабах, Абхазия, Чечня).⁷⁰ Аналогичной политики Турция придерживалась и на Балканах, оказывая существенную военнополитическую помощь «родственным» народам в этом регионе.

Следует отметить, что правящим кругам Турции пантюркистская доктрина не казалась полностью изжитой, более того, по мере изменения геополитической ситуации она периодически активизировалась. Аннексия Александретского санджака в 1938 г., ревитализация пантюркистских планов в период Второй мировой войны и активное сотрудничество с Вермахтом, военная оккупация Северного Кипра в 1974 г. и последующая пантюркистская риторика начала 1990-х вновь и вновь доказывали, что в этом вопросе турецкие лидеры республиканского периода вовсе не отошли от внешнеполитической линии младотурок. И действительно, кемалисты не создали новой идеологии и программы. Их стратегия являлась, по сути, продолжением младотурецкой политики, адаптированной к новым реалиям.⁷¹

С момента начала Холодной войны, в геополитической конъюнктуре международных отношений Запада Турции придавалось особое значение — как стране со стратегическим географическим положением, также способной оказывать влияние на «советских тюрков» по ту сторону «желез-

ного занавеса». Это обстоятельство отлично понимали в Анкаре, всячески стараясь разыграть карту «особой роли» с целью получения новых политических и экономических дивидендов. Неслучайно «архитектор турецкой либерализации» Тургут Озал еще в 1980 г. недвусмысленно указывал, что 87 миллионов населения Советского Союза, половина населения Ирана, 15 миллионов человек в Китае являются турками, «и если Турция захочет, то может изменить баланс сил в мире... в том случае если наши союзники будут осознавать важность роли Турции».⁷²

В целом можно констатировать, что идеология пантюркизма в республиканской Турции вовсе не исчезла, а с 1960-х получила еще и политическое оформление, институционализируя свое присутствие на политическом поле Турции Партией Националистического движения во главе с Альпарсланом Тюркешем.

Зарождающиеся в начале 1990-х новые политические элиты в Советского Азербайджана в свою очередь возлагали большие надежды на Турцию в вопросе приобретения независимости и даже высказывались в пользу объединения с Турцией в форме конфедерации.⁷³ К примеру, лидеры Народного фронта Азербайджана считали, что «Турция для всех тюркских народов в Азии и кавказских регионах – это окно, которое смотрит на Запад... Наша цель – создание «Великой Турции» или объединение турок за рубежом под эгидой Турции».⁷⁴

Еще до распада СССР пантюркистские круги внутри советского государства активизировали свои действия – не без помощи турецкой агентурной разведки. Столица Азербайджана превратилась в один из центров пантюркистской пропаганды. Неслучайно на первых встречах с участием делегатов из центральноазиатских тюркских государств высказывались идеи об установлении тесных связей «с последним независимым тюркским государством».⁷⁵

Первоначальная эйфория после распада СССР, периодические визиты и встречи лидеров тюркоязычных стран и общин и кажущиеся успехи турецкой дипломатии создали иллюзию, что «XXI век будет веком турок» и в скором времени можно будет говорить о «появлении тюркского мира от Адриатики до Великой китайской стены».⁷⁶ Пантюркистская риторика турецких политиков в точности повторяла ту, что была на вооружении младотурецких лидеров в начале XX века.

Чем очевиднее становилась неизбежность распада Советского Союза, тем откровеннее доносились из Анкары пантюркистские заявления.

Еще весной 1991 г. Тургут Озал стал первым из турецких президентов, нанесшим визит в Баку, а 9 ноября 1991 г. Турция первой признала неза-

висимость Азербайджана, после чего были предприняты серьезные шаги по установлению двусторонних политических, экономических, культурных, а также военных связей.

Эти изменения дали мощный импульс к усилению националистических настроений внутри турецкого общества.⁷⁷ Были вновь возрождены пантюркистские идеи и программы, а Карабахский вопрос в этом контексте рассматривался в качестве препятствия для их реализации. По мнению российского исследователя В. Н. Надеина-Раевского, пантюркистские идеи получили новые развития в ходе Карабахского конфликта и развала Советского Союза.⁷⁸ Это особенно четко проявилось в изначальной позиции Турции в отношении Армении в целом и Карабахского вопроса в частности.

Учитывая опыт безнаказанного вторжения на Кипр в 1974 г., турецкие власти предприняли попытку повторения кипрского сценария в зоне Карабахского конфликта, воспользовавшись, главным образом, временным ослаблением России и уступчивой политикой Москвы в отношении бывших советских окраин.

Как отмечалось ранее, геополитические амбиции современной Турции распространяются на довольно широкий ареал Евразии, включающий территории от Балкан до Якутии, Крым, Кавказ, китайскую провинцию Синьцзян, Монголию, Центральную Азию, а также Северный Ирак и Кипр.

Таким образом, доктрина пантюркизма представляет собой систему концепций и политических взглядов на сущность и цели внутренней и внешней политики Турции и направлена на укрепление политических основ, территориальной целостности, экономики и вооруженных сил государства, обеспечение моноэтничности и монокультурности внутри страны, а также распространения турецкого влияния на тюркоязычные ареалы Евразии.⁷⁹ Главная цель пантюркистской доктрины на современном этапе – обеспечить сохранение за Турцией статуса региональной державы, гарантировать приобретение новых энергоресурсов для будущего развития страны, а также ослабить российское влияние в регионах Кавказа и Центральной Азии.

С изменением геополитического и геоэкономического ландшафта на рубеже тысячелетий Кавказ приобрел большое геополитическое значение для реализации пантюркистских замыслов Турции, превратившись в один из приоритетных регионов внешнеполитических и разведывательных устремлений и полигон для подрывной деятельности турецких спецслужб и пантюркистских организаций.⁸⁰

Роль проводника пантюркистских устремлений Турции на Кавказе

отводилась Азербайджану, поскольку именно он в своих нынешних границах во многом является результатом турецких экспансионистских планов по установлению контроля над кавказским регионом.

В этом смысле в контексте экспансионистских устремлений и военных программ Турции Азербайджан исторически рассматривался как «опорный пункт» для объединения всех тюрок Кавказа и даже Центральной Азии с Османской империей.⁸¹

После поднятия вопроса о присоединении Нагорно-Карабахской автономной области к Армянской ССР, турецкая пресса не замедлила представить проблему в контексте пантюркистских воззрений. Еще весной 1988 г. турецкая газета «*Nütiyet*», указывая на важность тюркского фактора в Карабахском вопросе, писала: «...Советские армяне, по сравнению с советскими азербайджанцами, с большей готовностью жертвуют собой во имя коммунизма. Но Кремль, анализируя события, которые имеют место между армянами и азербайджанцами, считает с весом не только азербайджанских тюрок, но и всех тюрок: а их в СССР пятьдесят миллионов. Против этой громадной массы армяне, несмотря на их ценность в расчетах Кремля, не будут важнее тюрок».⁸²

Если в период Холодной войны Турция представлялась в качестве южного бастиона НАТО и умело использовала свое стратегически важное географическое положение, то по окончании противостояния двух блоков и последующего развала СССР Анкара оказалась перед дилеммой определения новой геополитической роли. Геополитические пертурбации обернулись изменением внешних и внутренних угроз и пересмотром кажущихся базисными внешних ориентиров. Война в Персидском заливе и, особенно, резкое ослабление СССР способствовали тому, что Турция получила возможность превратиться из южного фланга НАТО в потенциальную региональную державу и проводника западных интересов в постсоветских регионах. Западные державы рассматривали неопантюркистскую доктрину как удобную идеологическую платформу для заполнения вакуума на постсоветском пространстве, имеющей западную ориентацию Турцией.

В этом отношении неслучайно Самюэль Хантингтон, автор шумевшей теории «столкновения цивилизаций», указывал, что, будучи «отвергнутой Меккой и Брюсселем», Турция стремилась воспользоваться преимуществом, предоставленным распадом СССР, ориентируясь на Кавказ и Центральную Азию и одновременно противодействуя распространению иранского влияния и усилению влияния России. Вместе с тем, выступая в роли страны, противостоящей российскому воздействию и расп-

ространению радикального ислама, Турция ожидала определенных уступок в вопросе получения полноправного членства в ЕС.⁸³

В этой связи С. Хантингтон недвусмысленно указывает на целесообразность для Турции придерживания исторического амплуа исламской страны, вместо того, чтобы терпеть унижительную роль просительницы полноправного членства в Европейском Союзе.⁸⁴

Турция выступала в образе страны, стоящей на позиции объединителя этнически родственных государств и народов, и путем неопантюркистской политики стремилась обеспечить для себя роль региональной державы в новом геополитическом пространстве. Неопантюркистская доктрина должна была зарезервировать за Турцией роль государства-лидера в регионе Большого Ближнего Востока.

Как было отмечено выше, неопантюркизм вовсе не означал пересмотра кемалистской доктрины, а являлся лишь ее частью. Новый геополитический дисбаланс представлялся турецким лидерам шансом обрести новый геополитический перевес в свете поражения Ирака и развала СССР. И неслучайно турецкий президент Тургут Озал заявил, что с окончанием Холодной войны «процесс отступления, начатый от стен Вены, обратился для Турции вспять».⁸⁵

Запад, в первую очередь США, первоначально предопределил новую роль Турции в продвижении своего влияния в южной периферии бывшего Советского Союза, основываясь также на турецкой риторике о культурно-исторической однородности населения этих регионов с Турцией. Вошедшее в научную литературу понятие «неоосманизма» или «неопантюркизма» характеризовало «обновленный» интерес Турции в отношении Азербайджана, тюркских государств Центральной Азии и других тюркоязычных ареалов. Новые геополитические претензии Турции характеризовались переоцененными амбициями и их явным несоответствием реальным возможностям.⁸⁶

Следует также учесть, что пантюркизм не представлялся чуждым явлением для азербайджанской общественно-политической элиты. Более того, можно предположить, что отдельные элементы этой идеологии продолжали существовать – конечно, в латентном виде – даже в советские годы. По этому поводу азербайджанский исследователь А. Юнусов считает, что в азербайджанском обществе XX века идеи панисламизма и пантюркизма никогда не забывались и, пусть негласно, но всегда имели сторонников. При этом, по мере укрепления национальной идентичности азербайджанцев, роль пантюркизма заметно возрастала. По утверждению автора, даже отношение к исламу в Азербайджане во многом определя-

лось через призму пантюркизма.⁸⁷

Еще до обретения независимости и в первые постсоветские годы лидеры Азербайджана своим главным стратегическим партнером видели именно Турцию, с самого начала отдав предпочтение турецкой модели государственного устройства и развития. А лозунг «одна нация – два государства» занял прочное место во внешнеполитической риторике обеих стран.⁸⁸

Как отмечает профессор Бассам Тиби, «...«неоосманизм», то есть воскрешение наследия Османской империи, не обязательно означает возрождение стародавнего имперского экспансионизма Турции, поскольку для этого у страны недостает средств любого рода. Вместе с тем, такое развитие может привести к тому, что в отношениях между тюркскими народами возникнет определенное органичное состояние в области геополитики, культуры и экономики, при которой эти народы «найдут себя». К этому добавляется открыто пропагандируемое самовосприятие, в соответствии с которым турки являют собой «центр мира». Эта неоосманская самооценка, отмеченная печатью мании величия, вызывает страхи и неприятие не только на Западе, но и среди исламских соседей, будь то арабы или иранцы. Для будущей перспективы «исламской оси» во всемирной политике под гегемонией Турции, то есть для превращения Турции в «государство-ядро» исламской цивилизации, не существует никаких оснований».⁸⁹

Современный пантюркизм выступает в новой ипостаси. Если в начале XX века младотурки с помощью военной агрессии старались под лозунгом пантюркизма собрать все тюркоязычные народы и племена под флаг Османской империи, то в современной мировой политике пантюркистская идеология претерпела значительную трансформацию и представляется необходимостью распространения влияния секулярной и приверженной западным демократическим ценностям Турции в тюркоязычных регионах и странах посредством так называемой «турецкой модели» развития.

Неопантюркистская доктрина отличалась от первоначальной еще и тем, что была нацелена на создание не тесно связанного тюркского политического союза, а группы тюркских государств, внутри которой Турция будет играть руководящую экономическую и политическую роль.⁹⁰

После распада СССР, потерпев неудачу в стремлении создать политический союз под своим доминированием, Анкара целеустремленно продолжает реализацию разнообразных инициатив в сфере образовательного и экономического сотрудничества. Десятки тысяч молодых людей из тюр-

коязычных стран получают образование в вузах Турции или же в турецких учебных заведениях, открытых практически во всех тюркоязычных странах и регионах. По убеждению турецкой стороны, в будущем они станут надежной опорой Турции в деле создания громадного тюркоязычного политического содружества.

На современном этапе в зарубежной, в том числе и российской, историографии существуют тенденции по смягчению или же оправданию неопантюркистских настроений и к рассмотрению их с точки зрения двустороннего взаимовыгодного сотрудничества. Данная же работа во многом идет вразрез с этими настроениями, поскольку в ней выявляются конкретные факты агрессивной политики по отношению к армянам и Армении, рассматриваемым пантюркистами Азербайджана и Турции как препятствующие факторы на пути реализации их совместных планов.

После обретения двумя армянскими государствами независимости, война, развязанная Азербайджаном против НКР и Республики Армения, стала для армянского народа новым испытанием. Летописи тех бурных лет еще раз доказывают, что в условиях борьбы против исторической несправедливости армянский народ способен доказать право на существование на своих исторических землях и готов отстоять их, защищая от любых посягательств.

Следует отметить, что еще до приобретения Арменией независимости Турция на пути реализации своих геополитических амбиций предпринимала активные шаги по проникновению в южнокавказский и центральноазиатские регионы, не скрывая своего негативного настроения против Армении и Нагорного Карабаха, рассматривая их в качестве основного препятствия своему курсу.

В случае возможной турецкой интервенции в конфликтную зону ясно проявилась бы классическая схема вовлечения третьей страны в противостояние за пределами собственной территории, основанное на аргументе этнического родства, геополитических интересах и ожидаемом новом балансе сил.⁹¹ Как правило, такие интервенции приводят лишь к эскалации конфликтов.

Такое вовлечение стало одним из компонентов в карабахском векторе турецкой внешней политики в последней декаде XX века и особо проявилось в период активной военной фазы Карабахского конфликта.

Военно-политическая помощь Турции Азербайджану во время Карабахской войны содержала компоненты политического лоббирования азербайджанских интересов на Западе и в мусульманских странах, предоставление ограниченного количества вооружений (легкое стрелковое ору-

жие, минометы, боевые машины и т. д.). Логика и сущность карабахского вектора турецкой внешней политики опирались на стремление обеспечить свободный и безопасный территориальный коридор для перекачки каспийской нефти по территории Азербайджана и Турции, а также организовать прямое сообщение для экспансии в тюркоязычные ареалы Центральной Азии и Поволжья.

Борьба карабахских армян за самоопределение и выживание часто рассматривалась как обыкновенное и не поощряемое со стороны мирового сообщества стремление к сецессии, в то время как армянское население Нагорного Карабаха было вынуждено бороться не только с регулярными частями азербайджанской армии, стремившимися любой ценой изгнать армян с их исторической родины, но и с внушительным количеством иностранных наемников из разных стран, вовлеченных азербайджанскими властями в боевые действия.

Поддержанная Турцией агрессивная политика Азербайджана в отношении НКР и Республики Армения не получила должной оценки со стороны мирового сообщества, став классическим примером приверженности двойным стандартам в мировой политике.

Характерно, что в первые дни независимости Азербайджана Госсекретарь США Джеймс Бейкер предостерег Баку в его стремлении наращивать военную мощь для разрешения Нагорно-карабахского вопроса именно военным путем. Он, в частности, отметил: «...Внутренняя гонка вооружений между бывшими советскими республиками представляет серьезную потенциальную угрозу европейской безопасности. Мы уже видим признаки того, что некоторые республиканские правительства, а именно – Азербайджан, вооружаются для войны против других республик. Те, кто преследует эту ошибочную и анахронистскую политику, должны знать, что они не получают ни признания, ни поддержки от Запада...».⁹²

Принятая в октябре 1992 г. 907-я поправка к «Акту поддержки свободы» Конгресса США, к сожалению, тоже не удержала Азербайджан от решимости прибегнуть к военному решению Карабахской проблемы. А ведь в этом документе четко указывалось, что Азербайджан не сможет рассчитывать на предоставление помощи со стороны США «до тех пор, пока правительство Азербайджана не предпримет демонстративных шагов в приостановлении всех видов блокад и другого агрессивного применения силы против Армении и Нагорного Карабаха».⁹³

По мнению вице-спикера Палаты Лордов Великобритании Кэралайн Кокс, по крайней мере согласно нижеперечисленным причинам, истин-

ным агрессором в Карабахской войне являлась именно азербайджанская сторона:

1. Азербайджан впервые предпринял систематическую и одностороннюю депортацию армянского населения с помощью советских войск из армянонаселенных деревень Нагорного Карабаха и сопредельных районов в ходе совместной операции «Кольцо».
2. В ноябре 1991 г. Верховный Совет Азербайджанской ССР аннулировал автономный статус НКАО, выражая тем самым свою бескомпромиссную позицию в разрешении Карабахского вопроса.
3. Именно Азербайджан первым начал использовать против гражданского населения ракетные установки залпового огня «Град», запрещенные международными конвенциями.
4. Только азербайджанская сторона осуществляла воздушные бомбардировки гражданских объектов, намеренно рассчитанные на поражение прежде всего женщин и детей.
5. Только азербайджанские ВС использовали ракеты типа «земля-воздух», предназначенные для уничтожения гражданского населения.
6. Азербайджан вместе с Турцией предпринял и продолжает блокаду Армении и Нагорного Карабаха.⁹⁴

Стоит особо отметить, что в Карабахском вопросе Турция придерживается позиции, противоречащей своим принципам и подходам в вопросе о правах турок Кипра, самоопределения Кашмира и палестинцев. Это уже явный признак политики двойных стандартов, которая свойственна не только турецкой внешней политике.

В то же время проблемы эксплуатации и транспортировки каспийских энергоресурсов являются источником противоречий более широкого международного масштаба, ибо они непосредственно касаются национальных интересов региональных (Россия, Турция, Иран) и внерегиональных (США, Европейский Союз) держав.⁹⁵

В турецкой политической риторике все больше акцентируется тема возрастающих энергетических потребностей страны и значимость эксплуатации нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. За этим стоит стремление турецких политиков не только обеспечить страну энергетическими ресурсами, но и существенно усилить ее политическое влияние в регионе.⁹⁶ После ввода в эксплуатацию нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан Анкара нацелилась на проведение железнодорожной ветки Карс – Ахалкалаки – Тбилиси, в обход Армении, в условиях существующей ветки Карс – Гюмри.

Именно в этих инициативах Анкара видит будущую цель усиления

своего геополитического веса в кавказском регионе, заключающуюся в установлении стратегического партнерства с Грузией и Азербайджаном и дальнейших попытках изоляции и маргинализации Армении.

Глава 4. Попытки создания тюркского альянса и ограниченность идеи тюркской солидарности в Карабахском вопросе. Обсуждение Карабахского вопроса на тюркских саммитах

На начальной стадии Карабахского конфликта западная пресса в основном представляла его как противостояние между христианами-армянами и мусульманами-азербайджанцами, в то время как турецкая пресса большей частью оценивала события в Нагорном Карабахе как конфронтацию между армянами и «азербайджанскими турками». Для турецких общественно-политических кругов Азербайджан имел особое значение, в том числе – в силу фактора исторических отношений с Азербайджаном как детищем самой Турции. Вовсе не случайно, что наиболее тесные отношения в кругу тюркоязычных государств сложились именно между Турцией и Азербайджаном.¹

После январских событий 1990 г. в Баку Б. Эджевит раскритиковал позицию турецких властей, указав на необходимость оказания всяческой помощи Азербайджану, поскольку в будущем «Армения может стать серьезной проблемой для Турции».²

Бакинские погромы армян в январе 1990 г. стали мощным толчком для активизации пантюркистских настроений и проявлений тюркской солидарности. Упомянутое в предыдущих главах заявление госминистра Турции Эрджумента Конукмана о возможности создания тюркского союза «под флагом Турции» поставило в затруднительное положение внешнеполитическое ведомство этой страны, всячески старавшееся отмежеваться от пантюркистских планов и замыслов. Одновременно оно ознаменовало кардинальный пересмотр политики Турции в отношении к СССР в целом и к «советским тюркам» в частности.

Подобные настроения в общественно-политических кругах Турции не могли не отразиться на позиции страны в Карабахском конфликте и в вопросе о будущем Азербайджана. Неслучайно идеологическим базисом в развитии двусторонних отношений между Турцией и Азербайджаном впоследствии стал лозунг «одна нация – два государства», хорошо вписывающийся в неопантюркистскую доктрину Анкары.

Как было сказано выше, события в Карабахе существенно тормозили процесс дальнейшего закрепления позиций Турции в Азербайджане и в Центральной Азии. Что касается этнической солидарности, то со стороны

тюркоязычных республик бывшего СССР существенных ее проявлений в тот период зафиксировано не было. И понятно почему: в условиях тотального советского контроля говорить о наличии некой солидарности между бывшими советскими шиитскими или суннитскими общинами было бы ошибкой. Вместе с тем следует отметить, что даже в таких условиях слабые проявления солидарности были, конечно же, в пользу единого Азербайджана, а не Армении.³

Слабое проявление солидарности, к примеру, может иллюстрировать отсутствие каких-либо симпатий к армянскому национальному движению в крымско-татарской печати. Например, в газете «Ватан» в 1988 г. было опубликовано известное «Открытое письмо» А. Д. Сахарова, обращавшегося к М. Горбачеву по двум вопросам: «О возвращении крымских татар и о воссоединении Карабаха с Арменией». Из этого письма был оставлен только один крымско-татарский вопрос, а все, относящееся к Нагорному Карабаху, было заменено многоточием.⁴

С первых же лет Карабахского движения из Баку в разные уголки Советского Союза делегировались эмиссары для возбуждения антиармянских настроений и создания проазербайджанского общественного мнения.

Бакинские агитаторы особенно старались в Таджикистане и Туркменистане, где после кровавых погромов в Баку временно обосновались армянские беженцы. География разжигания антиармянских настроений среди мусульман Советского Союза охватывала советскую Среднюю Азию, Северный Кавказ и даже Якутию. На этом поприще особо отличались активисты Народного фронта Азербайджана, которые на местах распространяли прокламации, вырезки из азербайджанских газет с антиармянским содержанием и другие материалы.⁵

Азербайджанская пропаганда совпала с процессом формирования и становления национальных движений в этих регионах, поэтому первоначально антиармянские настроения рассматривались как средство мобилизации антирусских и антихристианских сил на основе этнической и конфессиональной солидарности и одновременно как катализатор процессов суверенизации и децентрализации на местах.⁶ Как правило, антиармянские настроения имели бытовое проявление, обусловленное тяжелым социально-экономическим положением в этих республиках, чем и пользовались бакинские эмиссары, распространяя слухи о выделении беженцам-армянам квартир в столицах центральноазиатских республик.

Весной 1989 г. в столице Туркменистана Ашхабаде и в городе Небит-Даге поднялась волна антиармянских выступлений, которые усилились после появления первых армянских беженцев из Баку, временно посе-

лившихся в порту Красноводск. На этот раз, благодаря прагматизму и своевременным действиям Первого Секретаря ЦК Компартии Туркменской ССР Сапармурата Ниязова, удалось приостановить непредвиденное развитие событий.⁷

После распада СССР проявления этнической солидарности в Турции и тюркоязычных регионах в основном отмечались в контексте неопантюркистских программ. Так, в середине января 1992 г. в Махачкале прошло выездное заседание Ассоциации тюркоязычных народов (АТН) СНГ, в ходе которого была принята резолюция по Карабахскому вопросу. В ней, в частности, говорилось, что «попытка отторгнуть неотъемлемую часть независимого Азербайджана является преступным актом официальных кругов Армении и ее властных структур». Конгресс также осудил президента Азербайджана А. Муталибова «за соглашательскую политику по отношению к провокационным действиям Армянской республики и ее правительства».⁸ В то же время резолюцией митинга в г. Хасавюрте заявлялось, что «конфликт в Карабахе является крупным заговором и вызовом тюркскому миру», и что «кумыки и другие тюркские народы должны оказать посильную помощь Азербайджанской республике, находящейся перед лицом грозной опасности».⁹

Карабахский вопрос рассматривался Турцией, Азербайджаном, а также пантюркистски настроенными национальными движениями центральноазиатского региона как фактор, сводящий на нет реализацию широко рекламируемых Турцией пантюркистских замыслов, которые зиждутся на принадлежности к сообществу тюркоязычных народов, исламской религии и общности языкового, культурного, исторического характера и восточного менталитета.¹⁰

Как уже отмечалось, на первом этапе процесса определения внешнеполитических приоритетов тюркоязычные государства Центральной Азии с симпатией и воодушевлением восприняли турецкие инициативы, рассматривая Турцию в качестве надежного проводника партнерских отношений с Западом. Кроме того, изначально такое расположение во многом предопределяли ожидания крупных финансовых инвестиций и гуманитарной помощи от Турции.

О серьезности подобных расчетов говорит и тот факт, что узбекская сторона отодвинула сроки намеченного на весну 1992 г. визита президента Армении Левона Тер-Петросяна в Ташкент, оправдывая это решение в специальном послании тем, что «на данный момент в силу обстоятельств, не готова принять столь высокого гостя на должном уровне».¹¹ Однако скорее всего, такое поведение узбекской стороны было обусловлено тем,

что именно на этот период намечалось поездка турецкого премьер-министра С. Демиреля по центральноазиатскому региону, и совпадающий по срокам визит лидера Армении мог стать причиной негативных сигналов в Анкару.

Вполне закономерными выглядят в этой ситуации попытки Баку активизировать создание всетюркского альянса вокруг проблемы Нагорного Карабаха с целью изоляции Армении. В феврале 1992 г. бакинское радио «Азадлыг» передавало, что «единственным городом, оказывающим сопротивление армянам в Карабахе, остается Шуши и в случае отсутствия помощи он также падет. Мы ожидаем помощи в виде оружия и боеприпасов со стороны всех тюркских республик».¹²

Для подтверждения своего статуса региональной державы и повышения авторитета среди тюркоязычных государств Турция старалась всячески афишировать собственные усилия по оказанию помощи Азербайджану (исключая, естественно, факты оказания военной и военно-технической помощи). Примечательно, что старший советник министра иностранных дел Турции Оздем Санберк называл свою страну «покровителем Азербайджана».¹³

Стремления Анкары к созданию «тюркского фронта» против Армении и Нагорного Карабаха проявились и в попытках придания антиармянских оттенков предоставляемой Западом гуманитарной помощи региону. Турецкая пресса, критикуя Запад, указывала на то обстоятельство, что Армении с населением в три с половиной миллиона человек выделено 540 тыс. тонн гуманитарного груза, в то время как «шести тюркским государствам с населением 70 миллионов человек предоставлено всего 303 тыс. тонн груза».¹⁴

Единая позиция тюркоязычных республик относительно событий в Нагорном Карабахе впервые была озвучена на саммите в Ашхабаде в мае 1992 г., когда по инициативе турецкого премьера С. Демиреля лидеры этих стран выступили с совместным заявлением, указывавшим на необходимость «вывода армянских формирований из Шуши и решения карабахского вопроса на основе международных принципов».¹⁵ В это же время в турецкой прессе появились материалы, подчеркивающие, что какие бы преимущества не имела Армения, нанести поражение Турции и всему тюркскому миру невозможно, а факт захвата такого важного города, как Шуши, непростителен.¹⁶

Следует отметить, что необходимо разграничить позицию в Карабахском вопросе официальных кругов тюркоязычных государств Центральной Азии, которые придерживались более прагматичных взглядов и выс-

казывались за мирное разрешение конфликта, и оппозиционных сил этих стран в лице националистических партий и движений, выступавших с заявлениями и инициативами в поддержку конкретных пантюркистских программ. Именно эти силы предприняли попытки формирования и отправки отрядов волонтеров в зону вооруженного конфликта в Карабахе для участия в боевых действиях на стороне Азербайджана. В целом с подобными инициативами выступали силы с явно антироссийским и пантюркистским уклоном, однако эти мероприятия не получили широкого размаха и оставались весьма локальными.

В марте 1992 г. делегация казахской Народно-демократической партии «Желтоксан» во главе с ее лидером Хасаном Кожаммедовым участвовала в конгрессе сторонников идеи единого Туркестана в Ташкенте, где было предложено сформировать «Мусульманскую бригаду» для развертывания ее деятельности от Казахстана до Карабаха. Этот конгресс выступил за объединение центральноазиатских республик в единое государство под названием «Туркестан».¹⁷

В апреле 1992 г. партия «Желтоксан» выступила с воззванием к народу Казахстана о помощи «азербайджанским братьям в борьбе против армянских боевиков». На этот призыв откликнулось около 300 человек, но из-за нехватки средств только 20 из них смогли доехать до Ташкента для объединения с узбекскими добровольцами и отправки в Баку. Кроме этого, по инициативе «Желтоксана» для этих целей были собраны и денежные средства.¹⁸ Сам Х. Кожаммедов в одном из своих интервью заявил, что намеревался встретиться с президентом Н. Назарбаевым для обсуждения вопроса финансирования закупок обмундирования и оружия. Заявлялось также, что в случае отказа властей казахские националисты рассчитывали на частные пожертвования.¹⁹

В факте вербовки добровольческих отрядов для этой же цели другой казахской партией, «Алаш», некоторые авторы склонны видеть проявление не тюркской, а скорее, исламской солидарности, что послужило причиной противодействия со стороны властей Казахстана.²⁰

В тот же период времени в столице Узбекистана был создан «Комитет помощи Карабаху» для содействия азербайджанской стороне в Карабахском вопросе. Комитет включал в себя также представителей узбекских партий «Туркестан» и «Бирлик».²¹

По поводу деятельности этого комитета свою озабоченность выразил «Армянский культурный центр» Ташкента, справедливо указывая на то, что она может стать источником конфликта между проживающими в узбекской столице армянами и азербайджанцами. Вполне возможно, что

именно этим было обусловлено решение президента Узбекистана Ислама Каримова о роспуске этого комитета. Одновременно несколько активистов другой узбекской партии, «Эрк», были привлечены к уголовной ответственности за разжигание антиармянских настроений публикацией в одноименном печатном органе партии антирусских и анти-армянских материалов, где в числе прочих звучали призывы к поддержке «справедливой борьбы» азербайджанских братьев.²²

В любом случае, ожидаемой помощи и содействия в развязанной против армянского населения Нагорного Карабаха жестокой войне Азербайджан от тюркских республик в нужном объеме не получил, и тем более — на официальном уровне. Не помогли также ни наставления, ни давление турецкой стороны. Было ясно, что активное вовлечение Турции в военные действия в карабахской зоне «могло спровоцировать русско-турецкий конфликт, чего центральноазиатские республики всячески избегали».²³

Не остались вне сферы внимания бакинских властей также и азербайджанцы, проживающие в Иране. Предпринимались шаги по «освежению» у местного населения тюркской идентичности с использованием в качестве главного аргумента идеи этнической и конфессиональной солидарности. Таким образом азербайджанская сторона пыталась давить на иранские власти, вынуждая их занять более или менее проазербайджанскую позицию в Карабахском вопросе. И в этом контексте отнюдь не случайно заявление представителя Азербайджана в Москве Хикмета Гаджи-заде, согласно которому в Карабахском вопросе Азербайджан больше рассчитывает на помощь иранских азербайджанцев, нежели Ирана.²⁴

После того, как армянские войска нейтрализовали соединения азербайджанских ВС в Кельбаджарском районе и вошли в райцентр Кельбаджар, студенты-азербайджанцы Тегеранского университета организовали митинг протеста перед зданием армянского посольства, одновременно призывая власти Ирана предоставить военную помощь Азербайджану.²⁵

Всплески антиармянской истерии в Турции наблюдались после каждого успеха армянских отрядов самообороны в Нагорном Карабахе. Митинги и демонстрации в знак солидарности с азербайджанцами активизировались в Анкаре, Измире, Кайсери, Кырыккале, Сивасе, Трабзоне, а также на территории самопровозглашенной Турецкой республики Северного Кипра.²⁶

В то же время националистически настроенное студенчество университетов Стамбула организовало шествие протеста, в ходе которого, однако, в ответ на антиармянские возгласы некоторые студенты выкрикивали проармянские лозунги. Скорее всего, скандировали проармянские

лозунги студенты курдского происхождения. В результате завязавшей драки несколько человек было ранено.²⁷

В проазербайджанскую деятельность были вовлечены также турецкая пресса и действующие за рубежом турецкие организации. Так, газета «Milliyet» опубликовала английский текст обращения к президентам Франции, США и России с их почтовыми адресами. Редакция намеревалась при участии своих читателей «разбомбить» эти адреса корреспонденцией и добиться осуждения действий армян. В указанном тексте, в частности, говорилось: «Уважаемый господин.... Прошу Вас приостановить беспощадную резню азербайджанских тюрков со стороны армян. Надеемся, что Вы и другие мировые лидеры мира будете действовать быстро и решительно».²⁸

Действующая в Базеле организация «Турецко-исламский общественно-культурный союз» в апреле 1993 г. выступила с обращением к мусульманам мира, в котором говорилось: «Получивший независимость после распада СССР наш родной брат Азербайджан подвергается атакам со стороны потерявших всякую меру взбесившихся армян... В Азербайджане проливается кровь. По телевизору вы видите, что Россия, Франция и другие страны мира в открытую всячески помогают армянам, а Азербайджану никто, кроме Турции, не протягивает руку помощи. Весь христианский мир помогает армянам, но не имеющий друзей, кроме мусульманина-тюрка, не ожидающий поддержки ни от какой-либо страны наш родной брат Азербайджан призывает Вас к помощи...».²⁹

Можно констатировать, что в плане «тюркской солидарности» Азербайджан, за исключением турецкого участия, в развязанной против армян Нагорного Карабаха войне не получил более или менее серьезной помощи. Не поддаваясь на провокации, облеченные в лозунги «тюркской солидарности и братства», и невзирая на давление со стороны Турции и Азербайджана, лидеры центральноазиатских республик заняли более прагматичную позицию в отношении Карабахского конфликта, стараясь, таким образом, не портить свои отношения с Арменией и, тем более, с Российской Федерацией, с которыми они делили членство в СНГ. В этом контексте в первой половине 1990-х роли России в противостоянии распространению исламского фундаментализма из Таджикистана и Афганистана в Центральную Азию придавалось особое значение.

Рассчитывая на сочувствие «внешних тюрков» к своим глобальным планам, Турция все же вынуждена была констатировать, что отношения между бывшими «советскими тюрками» были отнюдь не гладкими. Отсутствие единой тюркской идентичности среди тюркоязычных народов

Советского Союза было объективным явлением, поскольку любые националистические настроения, тем более на основе этнической однородности, всячески пресекались со стороны советских властей.

Свидетельством отсутствия каких-либо консолидирующих настроений среди тюркоязычного населения СССР явились кровавые столкновения между узбеками и турками-месхетинцами в Фергане летом 1989 г., а также между киргизами и узбеками в Оше летом 1990 г., жертвами которых стали сотни людей.

Несмотря на торжественное вхождение Турции в центральноазиатский регион, были зарегистрированы вовсе не соответствующие этой помпезности факты. Так, в 1992 г. в Кыргызстане обокрали полномочного посла Турции в этой республике Метина Гокера.³⁰ Аналогичные случаи происходили и с аккредитованными в этих государствах турецкими журналистами.

В Анкаре с досадой отмечали, что отношения между Азербайджаном и тюркоязычными странами Центральной Азии далеки от того, чтобы считаться «братскими». Внутритюркские разногласия особенно остро проявились в азербайджано-узбекских отношениях. В ответ на решение узбекского президента Ислама Каримова о роспуске узбекского «Комитета помощи Карабаху» азербайджанский президент А. Эльчибей осудил роспуск узбекской оппозиционной партии «Бирлик», активисты которой нашли прибежище в Баку.³¹ После победы на президентских выборах, в интервью «Независимой газете» Эльчибей очень жестко прокомментировал этот шаг Каримова, отметив, что «...этот человек настолько утратил чувство меры, что осмелился направить в Азербайджан «коммандос», чтобы арестовать здесь активистов узбекской оппозиции. И такого антидемократического человека пресса не хочет разоблачать. Не потому ли, что Каримов стал игрушкой в руках армянского лобби?!».³²

На этом фоне интересен и тот факт, что пятый съезд узбекской партии «Бирлик» осудил президента И. Каримова «за косвенное содействие агрессивной политике Армении, за отказ в помощи Азербайджану и подписание Ташкентского договора о коллективной безопасности».³³

Следует отметить, что изначальный менторский тон Анкары и позиционирование себя в роли старшего брата на фоне ее недостаточной политической и экономической активности в оказании деятельного содействия тюркским государствам вызывали нескрываемое недовольство и негативные реакции со стороны лидеров центральноазиатских республик.³⁴

Официальные лица Казахстана были недовольны и действиями Баку

— за предоставление последним политического убежища казахскому диссиденту, основателю партии «Алаш» Арону Нутушеву, который находился в розыске и скрывался в посольстве Азербайджана в Москве.³⁵

Периодические попытки прямой и косвенной вербовки обучающихся в Турции узбекских военнослужащих и студентов и, наконец, публичные антикаримовские выступления узбекских оппозиционных сил, в первую очередь лидера партии «Эрк» М. Салиха, находящего в 1993 г. в Турции, послужили причиной того, что в мае 1994 г. Ташкент отозвал обвиненного в связях с М. Салихом узбекского посла У. Абдураззакова. Двусторонние отношения отчасти нормализовались лишь после отъезда М. Салиха из Турции в Германию осенью 1994 г.³⁶

После своего турне по центральноазиатским республикам один из лидеров турецкой оппозиции Бюлент Эджевит в интервью газете «Cumhuriyet» на вопрос корреспондента о том, почему тюркоязычные республики Центральной Азии равнодушны к Азербайджану в Карабахском вопросе, ответил, что после визита в регион у него сложилось впечатление, что эти республики стараются дистанцироваться от Азербайджана и установить добрососедские отношения с Ираном.³⁷

Другим источником напряженности между азербайджанцами и представителями центральноазиатских республик было растущее количество азербайджанских торговцев на рынках региона. Это особенно ярко проявилось на примере Казахстана и Кыргызстана, где власти на начальном этапе независимости не предпринимали протекционистских мер в сфере торговли в своих странах.³⁸

Любое проявление диалога Анкары с Ереваном или намек на возможность снятия блокады Армении вызывали непереносимую реакцию Баку. Так, 26 ноября 1992 г. МИД Азербайджана направил ноту протеста Турции по поводу решения Анкары о поставке Армении с 1993 г. 2 млрд кВт·ч электроэнергии. Согласно тексту протеста, такое решение «не будет способствовать развитию турецко-азербайджанских отношений» и наносит «опасный удар по взаимоотношениям братских стран».³⁹ По этому поводу посол Азербайджана в Турции Новрузоглы Алиев заявил, что «брат не оказывает помощи врагу брата. Оказание помощи Армении равносильно содействию Рабочей партии Курдистана и сербам»,⁴⁰ и что в случае оказания помощи Армении «Азербайджан повернется в сторону Ирана».⁴¹ Спустя определенное время Анкара отменяла свое первоначальное решение о поставке электроэнергии в Армению.

Усилия президента Турции Тургута Озала по созданию единого «тюркского фронта» в вопросе Нагорного Карабаха, предпринятые им незадол-

го до смерти, в ходе последнего визита в регион в апреле 1993 г., также не увенчались успехом. Более того, во время нахождения турецкого президента в Ашхабаде один из сотрудников туркменского МИД заявил турецкой прессе, что «мы не будем вмешиваться в решение вопросов между армянами и азербайджанцами».⁴²

В азербайджано-турецких взаимоотношениях разногласия усилились в первые месяцы после прихода к власти Гейдара Алиева. В это же время власти Азербайджана установили цензуру над пантюркистскими изданиями. К примеру, издание «Бозгурд» было закрыто, а «Менлик» под давлением властей перестал выпускаться из-за связей с турецкой ультранационалистической Партией Националистического движения А. Тюркеша.⁴³

Подспудно между Азербайджаном и Турцией назревал конфликт и вокруг так называемого курдского фактора в Азербайджане. Неоднократно во время своих визитов в Баку турецкие официальные лица указывали на наличие баз РПК на территории союзника и на покровительство им со стороны влиятельных лиц из числа руководителей Азербайджана.⁴⁴

В 1994 г. серьезные разногласия существовали и в турецко-узбекских отношениях. Летом того же года из Анкары был отозван посол Узбекистана в Турции, после того, как турецкая сторона предоставила политическое убежище лидеру узбекской оппозиционной партии «Эрк» Мухамеду Салиху.⁴⁵ Кроме того, турецкие спецслужбы обвинялись в организации покушения на президента Узбекистана Ислама Каримова.⁴⁶ Примечательно, что до попытки покушения на И. Каримова в феврале 1999 г., согласно некоторым источникам – за десять дней до взрывов в Ташкенте, – группа узбекских силовиков во главе с заместителем председателя Службы национальной безопасности Узбекистана прибыла в Турцию и попросила у турецкой стороны разрешения арестовать узбекских террористов.⁴⁷

В 2002 г. была предпринята также неудачная попытка покушения на президента Туркменистана Сапармурата Ниязова, к которой оказались причастны шестеро граждан Турции.⁴⁸

Еще одним серьезным основанием для внутритюркских разногласий стал вопрос принадлежности нефтяных месторождений. В частности, Туркменистан настаивал на принципе деления Каспия на национальные секторы, а Азербайджан этому противился. Эти разногласия приняли острый и конфликтно-генный характер. Словесная перепалка президентов С. Ниязова и Г. Алиева достигла уровня взаимных угроз применения военной силы. Министр иностранных дел Туркменистана по этому поводу недвусмысленно заявил: «Нужен ли Азербайджану еще один Карабах на Каспии?»⁴⁹ По причине туркмено-азербайджанских разногласий

Сапармурат Ниязов не присутствовал на очередном саммите глав тюркоязычных государств, прошедшем в Баку в начале апреля 2000 г.⁵⁰ В 2001 г. Туркменистан в числе других стран ввел в отношении Азербайджана визовый режим. 4 июня 2001 г. МИД Туркменистана распространил заявление о временном переносе в Ашхабад резиденции посла Туркменистана в Азербайджанской Республике. Официально этот шаг мотивировался финансовыми трудностями. Вскоре после провала очередного раунда двусторонних переговоров по Каспию в апреле 2001 г. МИД Туркменистана вручил азербайджанской стороне резкую ноту протеста, обвинив Баку в неконструктивной позиции.⁵¹

Кроме того, посещения лидерами тюркских республик в ходе визитов в Армению Мемориального комплекса жертвам Геноцида армян тоже становились причиной появления определенного похолодания во взаимоотношениях с Анкарой. В 1997 г. президент Кыргызстана Аскар Акаев возложил венок к мемориалу в Цицернакаберде, после чего на пресс-конференции в Ереване оценил совершенное в Османской империей преступление как геноцид.⁵² В апреле 2001 г., во время седьмого тюркского саммита в Стамбуле, вопрос турецких журналистов о совместимости тюркской солидарности и участия в тюркских саммитах с возложением венка в память жертв Геноцида армян он оставил без ответа.⁵³

Надо заметить, что тюркские республики Центральной Азии очень хорошо понимали роль России в пресечении возможного проникновения исламского фундаментализма в регион. Кроме того, наличие русскоязычной общины не предоставляло широких возможностей для проявления тюркской солидарности. Российская Федерация в определенной мере рассматривалась в качестве гаранта стабильности в регионе, особенно учитывая события в Таджикистане и роль России в урегулировании внутритаджикского конфликта.

Помимо тюркских государств Анкара придавала большое значение и вовлечению в антиармянский фронт христианской Грузии: по словам директора Института внешней политики Турции Сейфи Ташана, «на региональном уровне Турция нуждается в поддержке Грузии против Армении».⁵⁴

Таким образом, в политике Анкары в южнокавказском регионе явно вырисовывается откровенное стремление не только изолировать Армению от региональных процессов, но и выстроить стратегическую ось Турция – Грузия – Азербайджан в противовес стратегическому сотрудничеству Армении и России.

Можно утверждать, что наличие политических и экономических разно-

гласий внутри тюркского мира во многом предопределило провал работы общей «тюркской позиции» и синхронизации действий в Карабахском вопросе. Бесспорно, что каждая из этих республик стремилась проводить собственную внешнеполитическую линию и имела собственные политические расчеты, всячески избегая действовать под диктовку извне и оберегая себя от возможных негативных реакций, появления которых были бы вполне закономерными в силу сомнительности солидаризирующей риторики.

Другим выражением уязвимости неопантюркистских планов Турции стали неудачные попытки Анкары добиться «всетюркского согласия» на саммитах с участием глав тюркоязычных государств, что особенно ярко проявлялось во время обсуждений Карабахского вопроса. Несмотря на все усилия Турции и Азербайджана, в заключительном, Анкарском заявлении, подписанном по итогам первого тюркского саммита в начале ноября 1992 г., никакого упоминания о Карабахском конфликте не было. Лидеры центральноазиатских республик отказались наотрез от идеи принятия отдельного документа по Карабахскому вопросу и от применения односторонних мер в отношении Армении. Во время итоговой пресс-конференции президент Казахстана Н. Назарбаев недвусмысленно заявил, что «тюркским государствам нельзя поддерживать в этом конфликте одну из сторон».⁵⁵ Назарбаев выступил и против идеи применения экономического эмбарго по отношению к Армении, считая, что такой шаг может еще больше осложнить ситуацию в регионе. Он также исключил возможность какого-либо заявления по кипрскому или же боснийскому вопросам.

В целом этот саммит обернулся для Турции большим разочарованием, хотя в последующие годы Анкара активно предпринимала новые инициативы в этом направлении.⁵⁶ По итогам саммита азербайджанскому президенту А. Эльчибею оставалось только заявить, что в случае принятия отдельной резолюции по Карабахскому вопросу «нас могли бы обвинить в том, что мы выступаем единым фронтом против Армении, которая является христианской страной».⁵⁷

Было очевидно, что принятые центральноазиатскими республиками (кроме Туркменистана) обязательства в рамках подписанного в Ташкенте Договора о коллективной безопасности оказались в тот момент более весомыми и определяющими, чем перспективы создания пантюркистского союза. Ташкентский договор фактически предопределил частичное «возвращение» России в бывшие регионы СССР в форме размещения

военных баз на территории Армении и Таджикистана. Позиция России к тюркским саммитам была однозначна: Москва открыто выражала свое недовольство участием в этих саммитах тюркских республик – членов СНГ.

Следует также отметить, что обязательства, взятые по Ташкентскому договору, не получили однозначной интерпретации со стороны центральноазиатских стран в отношении, например, вероятной войны Армении с Азербайджаном. Ведь в этом случае, согласно договору, Армения могла рассчитывать на поддержку не только РФ, но и Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана.

Так, председатель государственного комитета Кыргызстана Джанибек Умелдиев, комментируя заявление Левона Тер-Петросяна о том, что в случае угрозы территориальной целостности Армении вступит в силу Договор о коллективной безопасности, а вооруженные силы СНГ будут исполнять союзнические обязательства, отметил, что «приверженность к подписанным обязательствам не означает автоматического участия Кыргызстана в боевых действиях».⁵⁸

В свою очередь, президент Узбекистана Ислам Каримов в интервью турецкой газете «Türkiye», призывая Турцию избегать прямого вовлечения в зону Карабахского конфликта, заметил, что «проблему должны решать они сами (имеются в виду армяне и азербайджанцы – Г. Д.), а размещение сил СНГ будет малорезультативным. Проблема должна получить свое разрешение в рамках ООН. Некоторые страны (в числе этих стран И. Каримов имел в виду и Турцию – Г. Д.), желая приобрести авторитет, хотя и вмешаться, но всякое вмешательство третьей стороны может привести к большой трагедии. Мы как мусульмане и турки заодно с нашими братьями-азербайджанцами, но на данный момент мы должны оставаться в стороне».⁵⁹

Провал турецких усилий по созданию единого «тюркского фронта» против Армении во время Анкарского саммита глав тюркских государств, а также неспособность сохранить протурецкий режим Абульфаза Эльчибея в Азербайджане лишний раз доказали несоответствие реальных возможностей Анкары ее региональным амбициям. Устранение от власти режима А. Эльчибея фактически показало, что турецкие претензии на региональное лидерство на Южном Кавказе слишком уязвимы и нереальны.⁶⁰ Более того, согласно бытующему в некоторых интеллектуальных кругах Турции мнению, устранение А. Эльчибея вызвало скорее «разочарование, нежели чувство поражения». Это событие имело и символическое значение в плане выявления неподготовленности Турции для роли регионального лидера, к которой она стремилась, что впоследствии обер-

нулось полным пересмотром возможностей страны по оказанию сколь-нибудь серьезного влияния на развитие событий в регионе.⁶¹

Таким образом, итоги первого тюркского саммита ясно показали, что связи Центральной Азии с Российской Федерацией возобладали над культурно-этническими связями с Турцией.⁶²

Даже в азербайджанских кругах хорошо понимали опасность и бесперспективность пантюркистских программ для будущего республики и в некоторых случаях сравнивали такие идеи с замыслами Гитлера, предвещая им ту же участь, что и фашистским планам.⁶³ Более того, тесные взаимоотношения лидера турецких «Серых волков» Алпарслана Тюркеша с его азербайджанским коллегой, лидером Партии национальной независимости Азербайджана (ПННА) Этибаром Мамедовым, воспринимались в Азербайджане неоднозначно.⁶⁴

Кроме того, в русскоязычной интеллектуальной среде Баку довольно пессимистично относились к переходу доминирующего влияния от русской культуры к турецкой, а всевозможные акценты на тюркскую идентичность азербайджанцев и потребность в распространении турецкого влияния считали неприемлемыми. Это наглядно проявилось, в частности, в реакции бакинской интеллигенции на принятый азербайджанским парламентом закон, гласящий, что государственным языком Азербайджана является тюркский.

И, хотя Турция со временем обеспечила свое осязаемое присутствие в культурно-образовательном поле в тюркоязычных регионах бывшего Советского Союза, все же позиции русского культурного и образовательного влияния продолжают оставаться достаточно сильными.

Во время первого тюркского саммита было принято решение о проведении следующего саммита в конце 1993 г. в Баку, но российская сторона устами первых лиц всячески выражала свое недовольство созывом его в столице Азербайджана. На состоявшемся в декабре 1992 г. очередном саммите СНГ в Ашхабаде Б. Ельцин высказался против намеченной встречи в Баку и оказал определенное давление по этому поводу на президента Узбекистана И. Каримова.⁶⁵

Очевидно, что проведение такого саммита в столице Азербайджана с участием в нем лидеров центральноазиатских республик оказало бы определенное негативное воздействие на их взаимоотношения не только с Арменией, но и с РФ.

Стараясь всячески добиться проведения второго тюркского саммита в Баку, азербайджанские официальные лица неоднократно указывали на прошлые визиты лидеров тюркских стран в столицу Азербайджана.⁶⁶

Тем не менее, идея проведения саммита в Баку потерпела полное фиаско. Сначала даты были передвинуты на январь 1994 г., а впоследствии встреча и вовсе была отменена. Кроме прямого давления российского руководства на участников тюркских саммитов, отмену бакинской встречи можно объяснить и таким следующим важным обстоятельством, как привлечение сотен афганских моджахедов к боевым действиям в Карабахе, что не могло не беспокоить республики Центральной Азии, которые в свою очередь всячески старались остановить проникновение исламского фундаментализма в Таджикистан и на территорию собственных стран.⁶⁷ Несомненно, планы президента Азербайджана Г. Алиева по привлечению афганских наемников в зону Карабахского конфликта серьезным образом ставили под удар безопасность всего евразийского региона.

С середины 1993 г. возникли существенные разногласия и в турецко-азербайджанских взаимоотношениях. Они были обусловлены первыми шагами Г. Алиева на посту президента Азербайджана, которые Анкара рассматривала как попытки вернуть Азербайджан в лоно СНГ и таким образом решить вопрос Карабаха. Официальный Баку особо не скрывал причины такой политики. В августе 1993 г. Г. Алиев открыто заявил, что он обращался к России за помощью, чтобы «остановить армян», и что «ему все равно, если некоторых людей это беспокоит».⁶⁸

С первых же дней после прихода к власти Г. Алиев предпринял беспрецедентные шаги в отношении граждан Турции. В первую очередь из республики были выдворены находившиеся там турецкие граждане. Затем последовал ввод визового режима между двумя странами. В числе выдворенных из Азербайджана турецких граждан было около полутора тысяч военных инструкторов и солдат, принимавших участие в боевых действиях в Карабахе и в становлении азербайджанской армии.⁶⁹ Западные журналисты зафиксировали факты, свидетельствующие о том, что не имеющие визы турецкие граждане отлавливались на улицах азербайджанской столицы и депортировались на родину.⁷⁰

Турецкое военное вмешательство в зону конфликта и большая вероятность поднятия вопроса об экономической и политической блокаде Армении теперь уже на бакинском саммите также служили не второстепенными причинами незаинтересованности центральноазиатских лидеров в этом собрании.

Баку и Анкара, не раз заявляя, что проведение саммита не направлено против какой-либо страны, одновременно с этим не скрывали своего желания выступить с осуждающим Армению совместным заявлением. Центральноазиатские республики критиковались также за экономическое

сотрудничество с Арменией. К примеру, посол Азербайджана в Турции Мехмет Новрузоглы Алиев подверг критике Туркменистан – за поставки в Армению газа, которые, по его словам, имели стратегическое значение, и этот шаг «не соответствовало принципам братства». ⁷¹ По словам одного турецкого дипломата, бакинский саммит был перенесен из-за опасений некоторых лидеров тюркских республик, что их присутствие в Баку будет расценено как присоединение к «антиармянскому фронту». Эта отсрочка, по мнению других, лишь указывала на изоляцию Азербайджана от тюркских республик, ставшую заметной в особенности в период президентства А. Эльчибея. ⁷²

Вопреки уверениям в том, что бакинский саммит не будет направлен против какой-либо страны, Гейдар Алиев все же заявил по этому поводу, что «дело совести каждого предпринимать что-нибудь, когда режут их брата». ⁷³

В конце концов лидеры центральноазиатских республик во время встречи в рамках Всемирного экономического форума в Давосе в начале 1994 г. приняли решение о проведении второго тюркского саммита в октябре 1994 г. в Стамбуле. ⁷⁴ В повестку саммита было включено также обсуждение конфликта в Нагорном Карабахе с намерением добиться солидарности с позицией Азербайджана в этом вопросе. Еще до начала работы саммита министр иностранных дел Турции Мумтаз Сойсал заявил, что «война на Кавказе является серьезной преградой во взаимоотношениях Турции с Центральной Азией, а также для отношений Центральной Азии и Европы». ⁷⁵ Цель этого заявления была ясна: склонить центральноазиатских лидеров к принятию более конкретных формулировок в отношении Карабахского конфликта для их включения в итоговый документ саммита.

На Стамбульском саммите впервые Карабахский конфликт был упомянут отдельным пунктом в итоговой декларации. В ней было отмечено следующее: «Главы государств выразили глубокую озабоченность конфликтами в регионе, которые являются следствием открытого нарушения принципов ООН и СБСЕ, и призвали все стороны соблюдать вышеупомянутые принципы. Главы государств подчеркнули необходимость мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН». ⁷⁶

В итоговый документ Бишкекского саммита, принятый 28 августа 1995 г., а также в декларацию Ташкентского саммита 1996 г. были также включены отдельные статьи, относящиеся к Карабахскому конфликту. В Ташкентскую декларацию этот пункт был внесен в следующей редакции:

«...Главы государств подтвердили необходимость мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и отметили, что неурегулированность этого конфликта наносит ущерб мирному процессу укрепления доверия и безопасности в регионе». ⁷⁷

В декларациях последующих саммитов эта формулировка в отношении Карабахского конфликта не претерпела каких-либо серьезных изменений, хотя и Азербайджан, и Турция не отказывались от планов добиться согласия центральноазиатских лидеров на использование более жестких формулировок в отношении Армении.

На первый взгляд такая редакция должна была устраивать азербайджанскую сторону, поскольку в резолюциях ООН по Карабахскому вопросу говорилось о необходимости вывода армянских войск с занятых территорий. Но одновременно эти резолюции включали также требования и к азербайджанской стороне, от выполнения которых официальный Баку всячески открещивался.

И все же ограниченность тюркской солидарности с очевидностью проявилась и во время второго тюркского саммита. Турция и Азербайджан, как и во время первого собрания, старались воздействовать на остальных участников для занятия последними более жесткой позиции в отношении Армении и выражения поддержки Азербайджану в Карабахском вопросе. Но Н. Назарбаев выступил однозначно против определения Армении в качестве агрессора, и Гейдар Алиев выразил свое недовольство позицией центральноазиатских лидеров, отметив, что отношения между Центральной Азией и Азербайджаном находятся не на желаемом уровне. ⁷⁸

Было очевидно, что антиармянская позиция не принесла бы центральноазиатским странам сколь-либо серьезных внешнеполитических дивидендов. Наоборот, в этом случае было бы возможно испортить свои отношения с Арменией и, тем более, с Россией, которая могла бы в этом случае занять непримиримую позицию по отношению к странам – членам СНГ, а этого лидеры республик Центральной Азии не хотели. В случае с Туркменистаном такая формулировка была нежелательна еще и с учетом того, что Армения являлась важным потребителем туркменского газа.

Азербайджан оставался недовольным нейтральной позицией тюркских республик Центральной Азии в Карабахском вопросе. В 1995 г., на Бишкекском саммите С. Демирель вновь призвал тюркские государства «оказать Азербайджану содействие в прекращении оккупации азербайджанских земель Арменией». ⁷⁹ Но каких-либо серьезных изменений не произошло ни в первоначальной формулировке итоговой декларации в от-

ношении Карабахского конфликта, ни в исходной позиции лидеров тюркоязычных стран.

Как и в период президентства А. Эльчибея, так и во время правления Гейдара Алиева в отношениях Азербайджана с центральноазиатскими республиками не случилось резкого потепления. Это обстоятельство было обусловлено также геоэкономическими факторами, в частности такими, как вопрос экспорта нефтегазовых ресурсов и права на некоторые месторождения в акватории Каспийского моря.

Это имело конкретные последствия и для турецко-азербайджанских взаимоотношений. Анкара понимала, что в условиях неокрепшего турецкого присутствия в Азербайджане Россия постепенно «возвращается» в регион, поэтому предприняла несколько попыток по свержению режима Г. Алиева, вплоть до организации покушений на азербайджанского лидера.⁸⁰ В марте 1995 г. азербайджанская сторона обвинила турецкие спецслужбы в организации покушения на президента страны. Этот инцидент начинался с вооруженного мятежа отряда полиции особого назначения под руководством Ровшана Джавадова, который впоследствии перерос в бунт с политическими требованиями. Однако Алиеву тогда удалось подавить мятеж, а его лидер был убит.

В организации покушения подозревались известный турецкий ультра-националист Абдуллах Чатлы (А. Чатлы участвовал в попытке покушения на лидера АСАЛА Акопа Акопяна – Г. Д.) и турецкий профессор, сотрудник азербайджанского парламента и советник Г. Алиева Ферман Демиркол. Позже Демиркола по просьбе Анкары выдали Турции с условием, что с его стороны не будет никаких публичных заявлений. Однако в турецкие СМИ таковые все же просочились и были охарактеризованы официальными лицами в Баку как «лживые». Именно на Ф. Демиркола намекал Г. Алиев, когда во время визита в Турцию вспоминал про лиц, «причастных к попыткам государственных переворотов» в Азербайджане.⁸¹

Через месяц, в апреле 1995 г., в ходе своего визита в Азербайджан премьер-министр Тансу Чиллер, исключая участие официальной Анкары в этих событиях, все же принесла свои извинения Г. Алиеву «за деятельность неуправляемых правых».⁸² О турецком следе в попытке переворота говорил и Г. Алиев в одном из своих выступлений в декабре 1996 г.⁸³

По словам одного из лидеров турецкой оппозиции, Догу Перинчека, некоторые круги в турецком руководстве решили, что пришедший после Эльчибея к власти в Азербайджане Гейдар Алиев не устраивает Анкару. Более того, тот факт, что Г. Алиев был генералом КГБ и в свое время курировал турецкое направление во внешней разведке, вызывал серьезные

опасения в Анкаре. Азербайджанские спецслужбы установили, что А. Чатлы еще до попытки путча 1994 г. общался с Эльчибеем. Однако тогдашний президент Турции С. Демирель, узнав о планах путчистов, всего за несколько часов до покушения предупредил об этом Алиева, находившегося с официальным визитом в Европе.⁸⁴

Уже к концу 1990-х Турция осуществляет прямое воздействие на внешнюю и внутреннюю политику Азербайджана, оказывая влияние и на ход парламентских и президентских выборов, и на расстановку кадров в аппарате правительства, в том числе в силовых структурах и в спецслужбах. Анкара также активно генерирует оппозиционные силы, регулирует их отношение к действующим властям, ведет массовую пропаганду.⁸⁵ Явно прослеживаются попытки Анкары по примеру турецкой гегемонии, установленной по отношению к первой азербайджанской республике, обеспечить свой контроль над политическими процессами в «братском государстве» и напрямую участвовать в ротации политических элит в Азербайджане.

Очередная попытка турецких спецслужб устранить Гейдара Алиева была раскрыта в 1996 г. В числе арестованных по подозрению в организации покушения числились сотрудники турецкой военной разведки и члены «Культурной ассоциации Азербайджана».⁸⁶

В начале мая 1997 г. президент Азербайджана Г. Алиев во время визита в Турцию сделал неожиданное заявление. Выступая в Анкаре перед турецкими парламентариями, он потребовал от Турции выдать лиц, причастных к попыткам государственных переворотов.⁸⁷

Тюркские саммиты, а точнее, неудачи Анкары и Баку на этих встречах, выявили явные пробелы в амбициозной неопантюркистской доктрине внешней политики Турции. Первоначальная эйфория по поводу возможности организации «Тюркского союза» постепенно угасла. По словам старшего советника по внешней политике Турции Хасана Кони, «горькая правда состоит в том, что в итоге все громкие разговоры о создании Содружества тюркских государств и имидже Турции в этих странах оказались простой болтовней».⁸⁸

Последующие тюркские саммиты прошли в Астане (1998 г.), Баку (2000 г.) и Стамбуле (2001 г.).

В ходе саммита в Стамбуле в апреле 2001 г. азербайджанская сторона вновь постаралась внести Карабахскую проблему в повестку дня в выгодной для себя интерпретации. По инициативе Турции и Азербайджана сторон в первоначальный текст итоговой декларации был внесен пункт «об оккупированных территориях Азербайджана». До начала работы саммита

президент Азербайджана Г. Алиев отметил, что «если не будет возражений, этот вопрос найдет свое отражение в Стамбульской декларации». ⁸⁹

Однако лидеры тюркских стран еще раз подтвердили свою приверженность разрешению конфликта на основе соответствующих резолюций ООН и ОБСЕ. Таким образом, старания Баку не увенчались успехом, поскольку предложенная им формулировка была изменена, и, скорее всего, это произошло под давлением представителей центральноазиатских республик.

В начале октября 2009 г. очередной, девятый по счету, саммит глав тюркоязычных государств прошел в Нахиджеване, по его итогам было подписано Нахиджванское соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных стран. С такой инициативой выступил президент Казахстана Н. Назарбаев, ⁹⁰ который мотивировал свое предложение необходимостью создания действенного механизма принятия и исполнения совместных решений. Свои подписи под документом поставили президенты Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции. ⁹¹

Другим форматом встреч для выработки общих позиций, в том числе и по Карабахскому вопросу, являются съезды (или курултай) дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и общин. Впервые собрание в таком формате имело место в 1993 г. по инициативе известного лидера пантюркистов и главы Партии Националистического движения Турции А. Тюркеша. Как правило, такие съезды созываются параллельно с тюркскими саммитами или предшествуют им. В них иногда принимают участие также руководители тюркских республик.

Азербайджанская сторона при поддержке Анкары использует любой формат встреч для антиармянских выпадов. К примеру, выступая на десятом по счету Съезде дружбы, братства и сотрудничества тюркских государств и общин, состоявшемся в сентябре 2006 г. в турецком городе Анталье, президент Азербайджана И. Алиев в своей речи сделал следующие акценты: «... Мы должны объединить наши усилия в этом направлении и разгромить эту пропаганду. Уже настало время для перехода в наступление. По мере объединения усилий и перехода в наступление тюркских стран мы сможем, действуя сообща, пресечь распространение такой агитации. Мы не допустим создания на территории Азербайджана второго армянского государства. Мы помешаем этому путем мобилизации всех наших усилий в политической, дипломатической, правовой и военной областях». Далее И. Алиев заявил, что «для освобождения азербайджанских земель необходимо сотрудничество Турции и Азербайджана. Мы должны, в первую очередь, сотрудничать в области диаспор. Мы

должны объединить наши усилия против деятельности армян не только в Турции и Азербайджане, но и во всем мире». ⁹²

На повестке этих встреч в числе основных задач стоит также вопрос мобилизации и синхронизации сил и средств турецкой и азербайджанской диаспор в разработке мер антиармянской пропаганды в Карабахском вопросе и по эффективному противодействию процессу международного признания Геноцида армян.

В целом, говорить о существовании некоей устоявшейся солидарности и общих интересов тюркских стран было бы ошибочно. То, что тюркоязычные государства преследуют собственные цели, ясно из того, что в Карабахском вопросе не было сделано никаких солидаризирующих шагов, кроме декларативных заявлений и протокольных речей. Турецкий автор Умут Узер справедливо считает, что, несмотря на активную внешнюю политику Турции, ее пассивность в Карабахском вопросе, которая привела к разочарованию среди азербайджанцев, была обусловлена взвешенным анализом потенциальных рисков и дивидендов. ⁹³

Со временем стало очевидно, что в будущем поляризация интересов тюркоязычных государств станет основной преградой в деле создания на основе этнорелигиозной солидарности межгосударственного союза, пусть и эфемерного.

Глава 5. Посреднические инициативы Турции и тюркских государств в Карабахском вопросе

Как было отмечено, правительство С. Демиреля вело более или менее осторожную политику в Карабахском вопросе, стараясь в основном выступать в роли миротворца-посредника и при помощи этого статуса укрепить позиции Турции на Южном Кавказе. На Западе также не замедлили заявить о том, что, «будучи долгое время ужасом Кавказа, Турция может стать здесь великим миротворцем».¹ Турецкие официальные лица в свою очередь прилагали усилия по ограничению возможной проармянской симпатии со стороны Запада. Не случайно 11 февраля 1992 г., во время встречи с президентом США, премьер-министр Турции С. Демирель, обсуждая вопрос необходимости противодействия проникновению в центральноазиатский регион иранского влияния, призывал правительство США воздержаться от поддержки Армении в Карабахском вопросе.²

Кроме попыток непосредственно выступить в роли посредника в Карабахском конфликте, Турция стремилась быть вовлеченной в этот процесс и в рамках НАТО. 11 марта 1992 г. министр иностранных дел Турции Хикмет Четин на саммите НАТО в Брюсселе представил турецкий вариант разрешения конфликта, которым предусматривалось отправить в зону противостояния войска Североатлантического блока, в том числе и подразделения турецких солдат. Но этот план не нашел поддержки у руководства НАТО: Генеральный секретарь Манфред Уорнер заявил, что организация не может отправить войска в зону конфликта.³

Несомненно, этим шагом Анкара преследовала цель закрепления по ту сторону Аракса и обеспечения там собственного военного присутствия под прикрытием Североатлантического альянса.

Используя фактор близости зоны конфликта к Турции, США старались ограничить влияние России на процесс посредничества и миротворчества в зоне конфликта.

1 марта 1992 г. министр иностранных дел РФ А. Козырев принял в Москве своего турецкого коллегу Х. Четина. Турецкая сторона предложила Москве сотрудничество в урегулировании конфликтов в Боснии и Нагорном Карабахе, а также призвала создать формат взаимодействия, указывая на особую ответственность обеих стран за безопасность в этих регионах.⁴

В 1992 г. Турция была включена в число стран – участников Минской

группы, однако ее деятельность в этой посреднической инициативе, тем более с учетом турецкого военного присутствия на стороне Азербайджана, не могла привести к каким-либо серьезным положительным результатам. Более того, усилия Анкары, направленные на обеспечение международного вовлечения Турции в процесс карабахского урегулирования, практически во всех случаях были призваны гарантировать принятие устраивающих Азербайджан решений.

В марте 1992 г. МИД Турции разработал план мирного урегулирования проблемы Нагорного Карабаха:

1. Председатель Совета Безопасности ООН призывает к немедленному прекращению огня и политическому разрешению конфликта.
2. Объявляется о прекращении огня и приглашении сторон на заседание СБСЕ для выработки решения о формировании спецкомиссии по контролю за мирным урегулированием в Нагорном Карабахе.
3. Все эмбарго, наложенные сторонами друг на друга, соответственно снимаются с введением в действие режима прекращения огня. Не чинятся препятствия для доставки гуманитарной помощи.
4. Правительства и парламенты обеих стран заявляют о разрешении конфликта в Нагорном Карабахе, а также других споров и разногласий исключительно мирными средствами, путем переговоров.
5. В целях наиболее полного выполнения решений СБСЕ и Соглашения, достигнутого в Москве 20 февраля 1992 г. министрами иностранных дел России, Армении и Азербайджана, стороны начинают непрерывные переговоры.
6. В случае достижения соглашения обе стороны могут прибегнуть ко всем мирным средствам урегулирования, включая не указанные в решении СБСЕ.⁵

Совместная российско-турецкая инициатива по прекращению огня, предпринятая в начале 1992 г. (февраль-март), была провалена турецкой стороной, которая нарушила предварительные договоренности. Неконструктивный подход Анкары к процессу карабахского урегулирования проявился в одностороннем требовании об уходе армянских сил из зоны лачинского коридора в обмен на обещание пропускать через коридор гуманитарную помощь из Армении под наблюдением СБСЕ.⁶

Одновременно турецкая сторона выступала с предложениями о территориальных обменах и создании коридоров. Такая идея, в частности, прозвучала во время саммита министров иностранных дел в Хельсинки.⁷ План территориального обмена, выдвинутый американским аналитиком Полом Гоблом и предусматривающий обмен зангезурским и лачинским

коридорами, впрочем, больше устраивал Анкару. Это предоставило бы дополнительные серьезные возможности для дальнейшего проталкивания пантюркистских инициатив Турции не только в кавказском, но и центральноазиатском регионах. Сторонниками идеи обмена территориями и установления таким образом прямого сообщения с Азербайджаном были президент Т. Озал и глава внешнеполитического ведомства Хикмет Четин. Понятно, что после реализации этого проекта Турция получала не только беспрепятственное проникновение в Азербайджан и Центральную Азию, но также и колоссальные преимущества в прокладке нефтепровода через азербайджано-турецкий коридор.⁸

Наряду с официальными встречами, имела место еще и конспиративная встреча лидера «Серых волков» А. Тюркеша и президента РА Л. Тер-Петросяна 12 марта 1993 г. в Париже. Армянской стороной были представлены документы о принципах урегулирования конфликта, состоявшие из шести пунктов, но они были отвергнуты президентом Азербайджана А. Эльчибеєм.⁹

18 мая 1993 г. были представлены новые предложения, выработанные совместными усилиями США, России и Турции с участием СБСЕ. Формально указанная трехсторонняя инициатива преследовала цель посреднической миссии по исполнению резолюции Совета безопасности ООН. Факт участия Турции в роли посредника в Карабахском вопросе вызвал недовольство армянской стороны.¹⁰

Анкара всячески стремилась обеспечить турецкое военное присутствие в зоне конфликта, в том числе путем отправки в нее миротворческого контингента. 26 июля 1993 г. Турция выступила с предложением ввести в зону конфликта миротворческие силы, с включением в их состав турецких подразделений. По мнению С. Бланка, эта инициатива Анкары, скорее всего, была попыткой спасти Баку и режим Эльчибея, находившийся в обреченном состоянии после похода С. Гусейнова на Баку летом 1993 г.¹¹

С последующей эскалацией военных действий в зоне Карабахского конфликта миротворческая риторика Анкары все больше уступала место воинствующим заявлениям и демаршам.

Активные шаги Анкары в рамках СБСЕ предусматривали в первую очередь обеспечение выгодных для Азербайджана решений и позиций, а в случае их отклонения Арменией, турецкие официальные лица шантажировали бы Ереван наступающими зимними холодами и полным запретом на транзит западной гуманитарной помощи через территорию Турции.¹²

Новое предложение по урегулированию конфликта с участием Турции было подготовлено весной 1993 г. Этот документ разработан по итогам

состоявшейся 29-30 апреля 1993 г. в Москве встречи полномочного представителя президента России В. Казимирова и представителей посольств: США – Джона Марески, и Турции – В. Вурала. Детали этого документа, опубликованные в российской прессе, сводились к следующим договоренностям: вывод армянских сил из Кельбаджарского района, прекращение огня и передвижений войск, а также возобновление переговорного процесса в рамках Минской группы СБСЕ между Арменией и Азербайджаном под эгидой России, Турции и США.¹³ Следует оговориться, что турецкие посреднические инициативы в первую очередь были направлены если не на исключение, то на ограничение роли России в переговорном процессе.

Что касается дислокации миротворческих сил с включением в их состав турецких подразделений, то карабахская сторона неоднократно объявляла, что никогда не согласится на присутствие в зоне конфликта турецких войск в качестве разъединительных сил. По этому поводу тогдашний министр иностранных дел НКР А. Гукасян заявил, что «в стремлении Турции активизировать свою роль в урегулировании конфликта просматривается попытка под благовидным предлогом увеличить количество турецких войск в Азербайджане. Государство, которое продолжает блокаду Армении, засылает своих военных инструкторов и поставляет оружие Азербайджану, не может выступить в роли миротворца...»¹⁴

После установления перемирия в мае 1994 г., Турция вновь выступила с предложением отправить в зону конфликта совместные миротворческие войска под эгидой НАТО. Премьер-министр Тансу Чиллер предложила создать для этой цели тыловой центр поддержки (Logistic Supply Center) в районе Эрзурума для дальнейшего мониторинга ситуации на Кавказе со стороны СБСЕ, и по этому поводу запросила парламентский мандат на отправку турецкого войскового контингента в составе международной миротворческой миссии. Однако это предложение было отклонено армянской стороной, считавшей, что отправка турецких войск в зону Карабахского конфликта дестабилизирует обстановку в регионе.¹⁵

В мае 1995 г. очередная турецкая посредническая инициатива была предпринята спикером ВНСТ Хюсаметтином Джиндоруком, который безуспешно старался использовать для этой цели Организацию черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).¹⁶

В 1995 г., стремясь усилить роль Анкары в Минском процессе, министр иностранных дел Турции назначил своего бывшего посла в Москве Айхана Кямала послом по особым поручениям на переговорах по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта.¹⁷ Наряду с этим прези-

дент Турции С. Демирель во время своего визита в Вашингтон в 1995 г. вновь не исключил, что роль посредника в армяно-азербайджанском конфликте, возможно, будет отведена Турции, которая должна быть готова к этой миссии.¹⁸

Лидеры центральноазиатских государств также были вовлечены в посредническую деятельность в Карабахском конфликте и даже становились инициаторами миротворческих процессов.

После провала августовского путча ГКЧП, по инициативе президента РФ Бориса Ельцина и президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Железноводске состоялась встреча между президентами Армении и Азербайджана. В итоге было подписано Железноводское коммюнике, предусматривающее постепенное ослабление напряженности и установление перемирия между сторонами. Однако стремительный процесс развала СССР отодвинул на второй план заинтересованность России и Казахстана в разрешении Карабахского вопроса. Таким образом, железнородская встреча может служить примером декларативных действий, когда в разрешении конфликта вовлекаются влиятельные политические фигуры, однако непосредственные акторы в самом процессе урегулирования сложных вопросов оказываются как бы «вне игры». В результате получается широко разрекламированная акция, к которой посредники и сам процесс посредничества оказываются слабо подготовленными.¹⁹

Несомненно, дальнейшая эскалация военных действий в зоне Карабахского конфликта представляла собой серьезную угрозу становлению СНГ, и именно этим были обусловлены различные посреднические инициативы в рамках Содружества. Особую активность в этом направлении проявлял президент Казахстана Н. Назарбаев.

Еще в марте 1992 г. Н. Назарбаев выступил с официальным заявлением в связи с событиями вокруг Нагорного Карабаха. В нем, в частности, говорилось, что кризисная ситуация вокруг Нагорного Карабаха приобретает угрожающий характер и ведет практически к прямому военному конфликту. Безрезультатность посреднических миссий Российской Федерации, Казахстана и других стран, как отмечалось в заявлении, стала причиной военных действий, что привело к жертвам среди мирного населения и материальному ущербу.

С целью приостановления дальнейшего кровопролития и локализации конфликта, президент Н. Назарбаев провел переговоры с президентами РА и АР, а также с начальником генерального штаба Вооруженных сил СНГ Виктором Самсоновым.

Далее в заявлении говорилось о необходимости предпринять следующие

действия:

первое – на Совете глав государств Содружества принять решение о незамедлительном прекращении огня и снятии блокады с дорог и коммуникаций;

второе – с целью демонстрации доброй воли и мирных устремлений временно приостановить процесс создания собственных Вооруженных Сил во всех государствах СНГ;

третье – незамедлительно приступить к созданию специальных сил по поддержанию мира в кризисных регионах СНГ, подчиненных Совету глав государств Содружества. Республика Казахстан предложит проект создания этих сил;

четвертое – поддержать миротворческие усилия Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) и направить членам Содружества своих представителей для участия в деятельности посреднических групп по урегулированию конфликтов.²⁰

В июне 1992 г. МИД Казахстана выступил с аналогичным заявлением, выражая обеспокоенность по поводу «дальнейшего развертывания насилия между Арменией и Азербайджаном», одновременно призывая проявить «добрую волю и стойкость» и «создать условия для политического урегулирования конфликта». Кроме этого, МИД Казахстана предлагал свое содействие усилиям ООН и СБСЕ в деле мирного урегулирования спорных территориальных вопросов.²¹

В августе того же года Н. Назарбаев выступил с новой посреднической инициативой, которая получила позитивные отклики как из Баку, так и из Еревана. Такая позиция Баку в целом объясняется и тем, что азербайджанская сторона была не против подобного шага мусульманской и, к тому же, тюркской страны в лице Казахстана, которая при этом не будет предпринимать ничего против интересов Азербайджана. В пользу этой версии говорит и тот факт, что за несколько дней до этого посредническая инициатива министра иностранных дел РФ Андрея Козырева была оставлена Баку без ответа.²²

27 августа 1992 г. в Алматы состоялась встреча министров иностранных дел Армении и Азербайджана. В ходе этой встречи сторонами была достигнута договоренность о 60-дневном перемирии, начиная с 1 сентября, которое должно было инспектироваться представителями президента Казахстана – Гани Касымовым в Азербайджане и Хасаном Кажомовым в Армении.²³

Выражалась надежда, что конфликт будет урегулирован на основе принципов СБСЕ, и, по мнению азербайджанской стороны, гарантами

соглашения должны были быть международные наблюдатели СБСЕ, на первом этапе их представлял Казахстан.²⁴

В первый же день перемирия представитель казахского президента в Армении заявил о нарушении Азербайджаном условий перемирия. С аналогичными обвинениями в адрес Армении выступила и азербайджанская сторона.²⁵

Интересно, что директор информационно-аналитического центра Министерства обороны Азербайджана Лейла Юнусова заявила, что Министерство иностранных дел Азербайджана превысило свои полномочия, подписав документ о прекращении огня и не согласовав свои действия с Министерством обороны республики. В свою очередь, пресс-секретарь президента Азербайджана отметил, что подписанное соглашение должно было действовать вдоль границы между Арменией и Азербайджаном, а что касается Нагорного Карабаха, то это внутреннее дело республики (т. е. Азербайджана – Г. Д.).²⁶ С аналогичным заявлением выступил также президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей в ходе поездки в Гянджу.²⁷

Позиция Баку была вполне объяснимой, поскольку именно в это время азербайджанская армия развернула с определенным успехом широкомасштабные военные действия против Нагорного Карабаха.

После нарушения перемирия Республика Армения в одностороннем порядке обратилась к Казахстану, Российской Федерации, Украине, Организации Исламская конференция и странам – членам Арабской лиги с просьбой отправить наблюдателей в зону конфликта.²⁸ Другое послание президента Армении, адресованное странам СНГ, с просьбой оказать воздействие на Азербайджан, получило отклик со стороны Аскара Акаева, который безрезультатно обращался к президентам Азербайджана и Турции.²⁹ В то же время президент Туркменистана С. Ниязов, выступая по поводу эскалации конфликта в Нагорном Карабахе, заявил, что «армяне и азербайджанцы должны сами найти приемлемое решение безо всяких посредников».³⁰

Впрочем, позиция центральноазиатских республик понятна, поскольку проблема Нагорного Карабаха в тяжелых социально-экономических условиях первых постсоветских лет не воспринималась вопросом первоочередной важности в процессе государственного строительства и определения этими республиками своих внешних приоритетов.

В апреле 1993 г. Н. Назарбаев вновь выступил с предложением посредничества, предварительно побеседовав с Б. Ельциным, Л. Тер-Петросяном и А. Эльчибеєм.³¹ В декабре того же года министр иностранных дел Казахстана Тулеутай Сулейменов на встрече с послом Армении заявил, что

в сложившихся условиях его страна не может поддерживать какую-либо из сторон конфликта, и что Казахстан не возражает против участия Карабаха в переговорах в качестве стороны конфликта.³²

Было ясно, однако, что и эта инициатива обречена была пополнить ряд неудавшихся попыток приостановки военных действий в Нагорном Карабахе.

В начале марта 1993 г. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан выступили с совместным заявлением в поддержку азербайджанской позиции в Карабахском вопросе.³³ Это с одобрением было воспринято в Баку, в то время как в Ереване заявление оставили без ответа.

В конце 1993 – начале 1994 г. Кыргызстаном была предпринята чрезвычайно важная попытка в направлении прекращения огня в Карабахе, когда в рамках Межпарламентской ассамблеи СНГ была создана группа по Карабахскому вопросу, активное участие в которой принимал бывший спикер парламента Кыргызстана Медеткан Шеримкулов. После декабрьской встречи парламентских делегаций Армении и Азербайджана на Аландских островах, М. Шеримкулов предложил продолжить армяно-азербайджанский диалог в Бишкеке. В начале мая 1994 г. такая встреча, наконец, состоялась, и на ней был подписан Бишкекский протокол. Этот документ был ратифицирован министрами обороны Армении, Азербайджана и НКР 12 мая 1994 г. и положил начало установлению долгосрочного режима перемирия по всей линии противостояния.³⁴

Периодически турецкие и азербайджанские высокопоставленные лидеры выступают – как в формате тюркских саммитов, так и вне их – с конкретными указаниями и призывами относительно позиции центральноазиатских республик в Карабахском вопросе, однако резких изменений в позиции последних не произошло даже в рамках официальных мероприятий.³⁵

Таким образом можно констатировать, что посреднические инициативы государств Центральной Азии, в отличие от турецких, не исходили из пантюркистских устремлений, а являлись шагами, направленными на установление в регионе мира.

РАЗДЕЛ III

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ФАКТОРЫ ТУРЕЦКОЙ ПОЛИТИКИ В КАРАБАХСКОМ
ВОПРОСЕГлава 1. Фактор исламской солидарности во
внешней политике Турции на примере Карабах-
ского конфликта

Новая внешнеполитическая доктрина Турции отличалась определенной долей «конфессионализации» стратегических программ и интересов страны, а именно: выдвижением на передний план постулата исламской солидарности во внешней политике, в особенности в конфликтных зонах, где противоборствующими сторонами выступали сопредельные с Турцией христианские и исламские страны и общины.

Как турецкие, так и западные исследователи указывают на второстепенность фактора религиозной общности во внешнеполитических приоритетах Анкары. Однако риторика исламской солидарности была взята на вооружение первыми лицами Турции, которые, стремясь озвучить свою озабоченность и претензии, в конкретных случаях апеллировали к турецким интересам, общей истории и ценностям, в том числе религиозным.¹

Стоит отметить, что после военного переворота 1980 г. военные власти предоставили религии определенную свободу с целью использовать ислам для обеспечения социальной стабильности. Это, в свою очередь, стало причиной внушительной политической мобилизации внутри страны.²

Особенность пантюркистской идеологии состоит еще и в том, что для ее реализации в качестве дополнительного довода усиленно используется также панисламистская риторика. Это дает возможность апологетам пантюркизма играть на религиозных чувствах мусульман, в особенности тюркоязычных, оказывая тем самым конкретное пресекающее воздействие на возникновение ирредентистских движений среди других мусульманских народов – арабов, курдов и др.

По мнению Иосифа Боданского, очевидный крен в сторону пантюркистских настроений, распространенный среди силовых ведомств совре-

менной Турции, отображает всеобщий общественный тренд по возрождению как исламского, так и пантюркистского самосознания. Даже если основные мотивы и движущие силы в использованной Анкарой пантюркистской риторике нужно искать в националистических и экономических проектах, Турция вынуждено прибегает к фактору исламского возрождения с целью реализации своей политики на территории бывшего СССР, в частности в Чечне, а также на Балканах.³

Как отмечает российский исследователь И. Добаев, «современный пантюркизм как социально-политическое явление – идеология и политическая практика – представляет собою синкретическое объединение этнического и конфессионального компонентов, которые на протяжении новейшей истории Турции пребывали как бы в различных пропорциях (тюркизм-пантюркизм-пантуранизм), но в любом случае национальное и конфессиональное в этом феномене находятся в неразрывном единстве, образуя некий тюрко-исламский синтез».⁴ Очевидно, что исламская риторика была взята на вооружение исходя из тактических соображений. Религиозный фактор для пантюркистов – это всего лишь дополнительное средство для усиления своих амбициозных постулатов, предназначенных для внутри- и внешнеполитического использования.

Во внутриполитической борьбе, как и во внешней политике, ссылки на религию в официальной турецкой риторике преследовали дополнительную цель нейтрализации иранского влияния в центральноазиатском регионе, хотя и так было ясно, что политические элиты на местах предпочитали скорее турецкую секулярную модель государственного устройства, нежели иранскую.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха по сути своей был национально-освободительным движением армянского населения края, «доведенного до черты физического выживания, экономической блокады, депортации и убийств»⁵, против политики этнических чисток и государственного террора. Конфликт был также обусловлен серьезными ошибками в советской национальной политике и нарастающей этнической нетерпимостью. Пройдя несколько этапов, конфликт превратился в широкомасштабную войну, в ходе которой стороны были готовы использовать любые методы с целью привлечь на свою сторону мировую общественность и тем самым заполучить симпатии и поддержку своей позиции.

Таким образом, для азербайджанской стороны идеи исламского единства и соответствующие заявления становились удобным поводом для привлечения в вопросе Нагорного Карабаха на свою сторону внимания и симпатий исламских государств. Следует отметить и то обстоятельство,

что в мусульманских республиках бывшего СССР идея исламского единения как таковая практически отсутствовала и на начальном этапе конфликта никак не проявлялась.

Можно констатировать, что конфликты между христианскими и мусульманскими элементами бывшего СССР не имели ярко выраженной религиозной окраски, что объясняется светскостью массового сознания и скорее националистическим характером этих движений.⁶ К примеру, внешняя политика центральноазиатских республик отличалась практически полным отсутствием исламской риторики. По мнению некоторых исследователей, именно отсутствие феномена исламской солидарности в центральноазиатских республиках в вопросе Карабахского конфликта в немалой степени способствовало определенному дистанцированию президента Азербайджана А. Муталибова от бывших исламских республик СССР.⁷

Еще в начале 1990-х турецкая газета «Milliyet» писала, что «остальные исламские республики могут воспринять острые армяно-азербайджанские споры как войну между мусульманством и христианством, и в этом случае события могут распространиться также и в среднеазиатских областях. В подобной ситуации советское руководство может столкнуться с непрогнозируемыми последствиями и серьезными проблемами».⁸

Следует заметить, что в своих истоках Карабахский конфликт имел и некоторые религиозные оттенки. Об этом свидетельствует хотя бы решение РКП (б) Кавказского бюро от 5 июля 1921 г. о включении Нагорного Карабаха в состав Азербайджана, «исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами».⁹

В 1988 г., на начальном этапе конфликта вокруг Нагорного Карабаха религиозная нетерпимость была слабо выражена. Правда на митингах в Баку некоторые участники наряду с флагами, символизирующими ислам, поднимали также и портреты аятоллы Хомейни, но подобные проявления не смогли направить конфликт в русло религиозного противостояния, хотя полностью отвергать существование последнего было бы неправильно, тем более что армянские погромы в Сумгаите (февраль 1988 г.) и Баку (январь 1990 г.) проходили под аккомпанемент антихристианской и протурецкой риторики.¹⁰

В этот же период в связи с наступлением священного месяца Мухаррам духовный лидер кавказских мусульман аятолла Ала Шукур Пашазаде выступил с осуждением «врагов ислама» и призывал «верующих к единству».¹¹ Наряду с усилением военных действий, в Баку начали все больше апеллировать к религиозной стороне конфликта, выдвигая на передний

план радикальные исламские лозунги.

После провозглашения советскими республиками независимости, Турция выступила инициатором вступления тюркских республик в международные организации, в том числе в Организацию Исламская конференция (ОИК). На 6-й сессии глав государств – членов ОИК в Дакаре Анкара активно поддержала идею принятия Азербайджана в состав этой международной организации. А вскоре Азербайджан вошел и в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), созданную с участием Ирана, Пакистана и Турции.¹²

Турция и Азербайджан начали синхронно разрабатывать совместные действия для обеспечения антиармянской позиции среди мусульманских государств, используя исламскую солидаризирующую риторику.

В июне 1992 г., в канун широкомасштабного азербайджанского наступления, по бакинскому радио звучали призывы азербайджанского руководства объявить священную войну (джихад) против «армян-иноверцев».¹³ Кроме того, в международных инстанциях, особенно в тех структурах, в которых участвовали мусульманские страны, Азербайджан не упускал возможности использования религиозного фактора с надеждой на усиление проазербайджанской позиции этих стран в Карабахском вопросе.

Несмотря на политическую раздробленность исламского мира, у мусульман в сравнении с адептами других конфессий более ярко выражено чувство религиозного единства.¹⁴ В этом смысле некоторые исламские страны, как, например, Пакистан, были склонны придавать конфликту вокруг Карабаха именно религиозный оттенок и поддерживать азербайджанскую (мусульманскую) сторону, хотя одновременно Исламабад отвергал насильственные методы.¹⁵

Очевидно, что в контексте использования идеи мусульманского единства некоторые страны, выступая в роли его проводника, желают распространить свое влияние.¹⁶ Подобная позиция применялась для повышения международного авторитета конкретной страны.

Как это ни парадоксально, в случае Карабахского конфликта с такой миссией выступила светская Турция, сочетая пантюркистскую риторику с панисламистской.

Еще в 70-80-е годы XX века турецкая внешняя политика начала уделять особое внимание так называемой идее «исламского единения», используя ее в качестве важного фактора для получения поддержки мусульманских стран в кипрском вопросе.¹⁷ Подобную политику использовала Анкара и в деле защиты прав турецкого населения Болгарии.

Весной 1988 г. турецкое Управление по делам религии организовало

встречу духовных лидеров из исламских регионов СССР, на которой они не обошли вниманием текущие события вокруг Нагорного Карабаха. На этой встрече делегаты из Советского Союза были осторожны в своих высказываниях и не делали никаких солидаризирующих заявлений на религиозной почве.¹⁸

Интересен и тот факт, что в январе 1990 г., после ввода советских войск в Баку и появления жертв среди горожан, первые отзывы турецкой стороны носили религиозный характер. Президент Турции Т. Озал во время пребывания в США отметил, что «азербайджанцы – шииты, а турки – сунниты, поэтому этот вопрос должен больше волновать Иран, а не Турцию». ¹⁹ Как уже было отмечено, это заявление свидетельствует скорее об осторожности турецкой стороны, которая старалась завуалировать свою заинтересованность судьбой азербайджанских тюрок.

После распада СССР Турция активно стремилась использовать против Армении идею тюркского единства, открыто проявляя проазербайджанскую позицию в Карабахском конфликте. В контексте неопантюркистских планов Анкара считала важным выработать единую позицию тюркских стран в вопросе Нагорного Карабаха, используя в числе прочего и исламскую риторику.²⁰

Стоит отметить, что наряду с усилиями в направлении достижения тюркского единства, турецкая сторона также активно участвовала в строительстве мечетей, в обучении и переквалификации духовенства в независимых мусульманских республиках, придавая особое значение роли исламского фактора в процессе государственного строительства.

Лидер турецкой исламистской Партии благоденствия Н. Эрбакан, указывая на проармянскую позицию Запада, призывал «обратиться к поддержке исламского мира в вопросе защиты ущемленных прав Азербайджана». ²¹ Весь «букет» усиливающих из года в год процессов исламизации турецкого общества и углубления исламского самосознания проявился в демонстрациях в поддержку единоверцев-азербайджанцев, в ходе которых антиармянские и антирусские лозунги соседствовали с призывами, направленными против республиканских и светских порядков.²²

Расширение военных действий в зоне Карабахского конфликта пробуждало беспокойство у турецких лидеров, которые опасались, что межэтнические конфликты в сопредельных с Турцией регионах будут еще интенсивнее углублять процессы исламизации внутри республики и, таким образом, станут серьезным вызовом светскому устройству турецкого государства.

Посол Турции в Москве Волкан Вурал заявил, что «продолжение конф-

ликта в Нагорном Карабахе могло приобрести религиозные оттенки, превратиться в противостояние между мусульманами и христианами». ²³ В свою очередь азербайджанская сторона, манипулируя религиозным фактором в своих отношениях с Западом, призывала его всячески поддерживать Азербайджан для нейтрализации иранского влияния и возможного всплеска в республике исламского фундаментализма, а в вопросе Карабахского конфликта – не занимать односторонней позиции, поддерживая христиан. Советник президента Г. Алиева Вафа Гулузаде отмечал, что поддержка Армении со стороны Вашингтона может вынудить Азербайджан повернуться лицом к Ирану, что, по его мнению, является единственно возможным способом распространения фундаментализма в Азербайджане. ²⁴ А премьер-министр Турции С. Демирель, исключая турецкое военное вмешательство в Карабахский вопрос, связывал это также и с религиозной составляющей проблемы, отмечая, что подобные шаги могут вовлечь Турцию в такие бедствия, из которых будет невозможно выбраться и в течение 20 лет, а проблема трансформируется в мусульмано-христианский конфликт.²⁵

Турецкие, как и азербайджанские, политики использовали риторику столкновения цивилизаций для предостережения Запада от односторонней поддержки Армении в Карабахском вопросе. В интервью российской «Независимой газете» С. Демирель заявил следующее: «Мы предупреждали руководителей европейских стран, что если западные страны публично и в открытую будут поддерживать Армению, а исламские страны придут на помощь Азербайджану, то тогда на Кавказе начнется мусульмано-христианская война». ²⁶ В акцентах риторики турецкого лидера был свой расчет: они были нацелены на предостережение европейским странам от содействия армянам-христианам, намекая на возможную «балканизацию» ситуации на Южном Кавказе.

В период военной фазы конфликта, как было уже сказано, азербайджанская сторона вовлекла в боевые действия внушительное количество наемников, в том числе и из исламских стран – Чечни, Афганистана, Ирана, Пакистана и других стран. ²⁷ Газета «Christian Science Monitor», указывая на факт привлечения афганских наемников в армяно-азербайджанский конфликт, подчеркивала вероятность трансформации его этнической сущности и усиления религиозной составляющей противостояния, а также особенности его международного характера, что могло бы привести к расширению войны, подтолкнув Турцию и Иран к активным действиям.²⁸

Бесспорно, что акцентирование религиозного подтекста любого этни-

ческого конфликта и усиление на этом фоне религиозной нетерпимости могут послужить дополнительными факторами его последующей эскалации. Использование иностранных наемников, в основном из мусульманских стран – яркое тому свидетельство. В войне против карабахских армян на стороне Азербайджана воевали чеченцы, афганцы, пакистанцы, иранцы, арабы, турки и представители других народов.

Карабахский конфликт на заседаниях ОИК и Турция

Организация Исламская конференция была основана в 1969 г. при участии нескольких десятков мусульманских стран с основной целью обсуждения текущих проблем исламского мира и содействия исламскому единству, в частности в вопросах защиты прав мусульманских меньшинств и в существующих проблемах между мусульманскими и немусульманскими государствами.²⁹

Турция, являясь одним из действующих членов этой международной организации, не упускала возможностей для того, чтобы расширить список антиармянски настроенных в Карабахском вопросе стран и таким образом приобрести новых союзников для Азербайджана, тем более, что еще в конце 1980-х годов Турции удалось заполучить определенную поддержку от ОИК в кипрском вопросе.

Уже в декабре 1991 г. во время 6-го саммита ОИК в столице Сенегала Дакаре Азербайджан стал ее полноправным членом, а президент Турции Т. Озал призвал остальных стран-участниц признать его независимость.³⁰ Следует также отметить, что по отношению к конкретным вопросам позиции этой организации носят характер применения двойных стандартов. Так, считая неоспоримым право палестинцев на самоопределение, ОИК, с другой стороны, в своих документах отвергает такое же право армян Нагорного Карабаха.

Однако понятно, что заинтересованность исламских стран в судьбе своих единоверцев обусловлена не столько озабоченностью их проблемами, сколько возможностью достижения определенных политических целей и желанием приобрести международный авторитет путем использования этих проблем как фактора для давления и политического торга. Вместе с тем обращение к подобным проблемам имеет часто и внутренние пропагандистские цели.³¹

Во второй половине июня 1992 г., в канун заседания министров иностранных дел стран – членов ОИК в Стамбуле, исполняющий обязанности президента Азербайджана Иса Гамбар, принимая в Баку посла Пакистана

в России Джахангира Кази, уговаривал последнего поддержать предложение азербайджанской стороны включить вопрос об «агрессии Армении против Азербайджана» в повестку дня стамбульской встречи. Азербайджанская сторона была последовательна и в вопросе применения экономических и политических санкций в отношении Армении. Министр иностранных дел Турции Хикмет Четин 14 июня выступил с заявлением, в котором поддержал предложение включить вопрос о Карабахском конфликте в повестку дня заседания ОИК в Стамбуле.³²

Министр иностранных дел Азербайджана Тофик Гасымов, выступая перед участниками стамбульского форума, призвал ОИК «использовать весь свой авторитет для того, чтобы остановить агрессию Армении и заставить ее вывести свои вооруженные силы с территории Азербайджана».³³ В своей речи он выразил мнение, что после успеха армянских вооруженных сил в противостоянии с азербайджанской армией характер конфликта в корне изменился. Говорилось и о потерях азербайджанской стороны в ходе войны, о положении азербайджанских беженцев и «необходимости их возвращения к своим родным очагам».³⁴ Естественно, при этом азербайджанский министр умалчивал о наличии сотен тысяч армянских беженцев, насильно изгнанных с родных земель, и об агрессивной политике Азербайджана в отношении армянского населения.

Несмотря на то, что во время стамбульской встречи отдельной резолюции по Карабаху принято не было, в 14-м разделе итогового документа содержался призыв к Армении «отказаться от агрессивной политики в регионе», а международному сообществу предлагалось поддержать территориальную целостность Азербайджана и оказать давление на Армению.³⁵ Фактически участники стамбульской встречи, заявляя о намерении расширить усилия, направленные на мирное урегулирование конфликта, одновременно подчеркивали свою приверженность интересам «единоверного Азербайджана», исходя из принципов территориальной целостности и нерушимости границ, а не из принципа самоопределения национальностей, которого организация придерживалась в вопросе защиты интересов мусульман.

После стамбульского заседания, в разных форматах всех официальных встреч в рамках ОИК Турция и Азербайджан стремились добиться более жестких формулировок в отношении Армении. В следующем, 1993 г. антиармянская деятельность среди мусульманских стран была продолжена в рамках действующего при ООН постоянного представительства стран – членов ОИК. В целом в принятых им документах позиция армянской стороны осуждалась и характеризовалась как «агрессивная». По

инициативе представителя Ирана была создана мониторинговая группа для отслеживания ситуации в регионе.³⁶

В июле 1993 г. Хикмет Четин принял участие в особом совещании министров иностранных дел стран – членов ОИК по вопросу о Боснии и Герцеговине, состоявшемся в Карачи, где добился включения в совместное коммюнике и Карабахского вопроса. Документ требовал от армянской стороны «немедленно вывести войска с азербайджанских территорий».³⁷

Следует отметить, что Турция активно использовала фактор исламской солидарности в обеспечении собственных интересов и в другом, балканском, конфликте. В частности, при поддержке исламских стран Турции удалось провести через Совет Безопасности ООН резолюцию, которая требовала от сербской стороны до 15 января 1993 г. приостановить военные действия, угрожая в противном случае применением военных средств. Турция получала ожидаемую помощь от стран – членов ОИК, а Х. Четин недвусмысленно заявил, что исламский мир может использовать нефть как средство против бездействия Запада в этом вопросе.³⁸

Параллельно азербайджанская сторона целенаправленно использовала дипломатию «нефтяного шантажа», в том числе против Турции. Министр иностранных дел Азербайджана Гасан Гасанов в начале декабря 1993 г. заявил на встрече в рамках СБСЕ, что азербайджанская нефть потечет на международные рынки через ту страну, которая окажет большее содействие Азербайджану в вопросе Нагорного Карабаха. Было очевидно, что это заявление было в первую очередь адресовано Турции, поскольку, по словам Гасанова, его страна могла и не придерживаться условий подписанного с Турцией протокола, который предусматривал строительство нефтепровода из Баку до турецкого средиземноморского терминала Джейхан. Турецкая газета дословно цитировала следующее высказывание азербайджанского министра: «Для нас вовсе не обязательно, чтобы нефтепровод был проложен через Турцию. Наш парламент не считает возможным принимать решение по нефтепроводу до тех пор, пока не будет разрешена проблема Нагорного Карабаха. А для этого нам нужны солдаты. Каждая страна, которая может отправить солдат, должна сделать это для нас».³⁹ Примечательно, что это заявление было сделано в начале новой широкомасштабной наступательной операции азербайджанских войск по всем фронтам.

Вместе с тем следует отметить, что на прошедшей в 1997 г. в Тегеране 7-й встрече глав государств – членов ОИК при воздействии иранской стороны жесткая формулировка против Армении в заключительной декларации была нейтрализована.⁴⁰ Можно сказать, что Иран выступал на сам-

митах ОИК с позиции защиты интересов скорее Армении, нежели Азербайджана, настроенного в отношении Ирана далеко не дружелюбно. Стоит отметить, что антииранская риторика бывшего президента Азербайджана А. Эльчибея не прекращалась. В одном из своих заявлений А. Эльчибей указывал, что в будущем Иран будет расчленен на несколько независимых государственных образований, а на очередном съезде Народного фронта Азербайджана в январе 1998 г. представители Турции предложили Эльчибею провозгласить Тебриз столицей «Объединенного Азербайджана» мотивируя тем, что «если нам не удастся решить проблему Тебриза, то не удастся и вернуть Нагорный Карабах».⁴¹

Резолюции ОИК в целом носили декларативный характер и, как правильно замечает турецкий исследователь Умут Узер, по большому счету не имеют той политической ценности и того значения, на которое возлагали свои надежды Азербайджан и Турция.⁴²

Фактор исламской солидарности в Карабахском вопросе был задействован и в рамках другой межгосударственной структуры – Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Однако на первом саммите глав государств – членов ОЭС в Тегеране, несмотря на старания Анкары и принятого в ряды ОЭС Азербайджана, была утверждена резолюция, которая признавала права народа Кашмира и «восстановление неотчуждаемых прав палестинского народа».⁴³

В принятую на втором саммите ОЭС резолюцию все же был включен и Карабахский вопрос. В нем осуждались «атаки армянских оккупационных сил на Агдамский, Физулинский, Джабраилский, Кубатлинский районы Азербайджана».⁴⁴ При этом, конечно, ни единым словом не было упомянуто об участии на стороне Азербайджана в войне интернациональной армии наемников из исламских стран.

Еще одним проявлением турецких инициатив в области использования фактора исламской солидарности в международной политике стала встреча аккредитованных в Анкаре послов исламских стран с президентом Турции С. Демирелем, в ходе которой турецкий лидер заявил, что «... в мире усиливаются антиисламские настроения, а в Боснии и в Азербайджане совершается настоящий геноцид».⁴⁵

Официальный Баку в свою очередь придает особое значение открытию дипломатических представительств в исламских странах для лоббирования приемлемых для себя решений Карабахского вопроса и противодействия инициативам армянской диаспоры. Особенно активно действуют азербайджанские структуры в ближневосточных странах, где существуют традиционные армянские диаспоры.⁴⁶

В целом, однако, религиозный фактор в конфликтном дискурсе вокруг карабахской проблемы не сыграл роль определяющего в развязанной Азербайджаном против армянского населения войне, а был призван стать лишь дополнительным, вспомогательным инструментом обеспечения успеха на международной арене.

Глава 2. Военная помощь Турции Азербайджану в ходе Карабахской войны (1991-1994 гг.)

После распада СССР геополитические трансформации привели к пересмотру Турцией прежних военных доктрин и их приспособлению к новым, неопантюркистским задачам в южных регионах бывшего СССР и на Балканах. После аннексии Северного Кипра турецкие вооруженные силы активно привлекались к организации боевых операций, а ограниченный контингент турецких ВС напрямую был вовлечен в боевые действия в конфликтных зонах. В контексте новой военной доктрины локального, но эффективного присутствия турецкие генералы после Балкан придавали важное значение и карабахскому театру военных действий, от исхода которых существенно зависела реализация неопантюркистских внешнеполитических планов Анкары по отношению к южной периферии бывшего СССР.

Если на начальном этапе карабахского противостояния официальная Анкара занимала нейтральную позицию, считая Карабахский вопрос внутренним делом Советского Союза, то уже в начале 1990-х политические круги и общественность Турции резко активизировали свои действия в направлении обеспечения проазербайджанской позиции в этом вопросе. Для достижения своих целей и в первую очередь – обеспечения своего влияния в Азербайджане, Анкара оказывала этой стране всестороннюю дипломатическую, экономическую, а также военную и военнотехническую помощь.

Таким образом, проявление тюркской солидарности в Карабахском вопросе в первой половине 1990-х не обошло стороной и военную сферу. Развитие событий в зоне Карабахского конфликта в очередной раз свидетельствует о непосредственной вовлеченности Турции в конфликт на стороне Азербайджана, в том числе – путем оказания последнему ощутимой военной помощи.

Первые официальные сведения о предоставлении Азербайджану военной помощи со стороны Турции появились в сообщении ТАСС от 24 января 1990 г. В нем турецкой стороне было объявлено предупреждение за поставку вооружений и боеприпасов в Нахиджеван.¹ Официальная Москва отвергла также предложения турецкой стороны, в частности турецкого Красного Полумесяца, об оказании гуманитарной помощи Азербайджану, указывая на то, что не может принять помощь, осуществляемую «с поли-

тическими намерениями».²

К этому времени, по сообщениям азербайджанских источников, в первых столкновениях с армянскими нерегулярными частями уже принимали участие турецкие граждане – более десятка боевиков из экстремистской организации «Серые волки», перебравшихся через разрушенный азербайджанской толпой в конце 1989 – начале 1990 года нахиджеванский участок советско-турецкой границы.³

Еще в середине 1991 г. турецкая газета «Milliyet» писала, что «если армяне попытаются осуществить массированное нападение на Карабах, Турция должна будет вмешаться. Турецкое правительство поставило об этом в известность Москву». Любое другое правительство, по словам газеты, «поступило бы так же».⁴

Всесторонний интерес Турции к Азербайджану в последние месяцы существования Советского Союза охватывал и сферу военного сотрудничества. Еще в октябре 1991 г. Баку посетил Главнокомандующий сухопутными силами, начальник Генштаба ВС Турции армейский генерал Доган Гюреш.⁵

Уже в первые месяцы 1992 г. стало очевидно, что перспектива обеспечения турецкого влияния в Центральной Азии существенным образом зависела от исхода карабахского противостояния. Не случайно Б. Эджевит, будучи тогда в оппозиции, заявил, что «нерешительность турецкого правительства в вопросе предоставления помощи Азербайджану в конечном итоге может привести к потере доверия Азербайджана и Центральной Азии к турецкой политической модели».⁶

Тщетность попыток Анкары выступить с посреднической миссией в урегулировании Карабахского конфликта непосредственно предопределили решение турецких властей способствовать военной победе Баку над Степанакертом путем оказания военной поддержки. Следует отметить, что такая поддержка и помощь были предоставлены Азербайджану еще до формирования азербайджанских вооруженных сил. Уже в 1991-1992 гг. турецкой стороной были осуществлены секретные операции по переброске в Азербайджан оружия и военного обмундирования. В частности, за это время в результате двух воздушных поставок в Нахиджеван было завезено около 5 тысяч автоматов, большое количество обмундирования и минометов.⁷

Еще в 1991 г. по инициативе А. Тюркеша на территории Азербайджана турецкими националистами был организован лагерь для подготовки боевиков и диверсантов. Созданный на стыке границ Армении, Грузии и Азербайджана лагерь носил имя «отца турецких националистов» А. Тюр-

кеша – «Ками». Здесь, помимо теоретических занятий, получали и практические навыки диверсионного дела и владения оружием. Основатель лагеря Атилла Кайя достаточно долго находился в Азербайджане и организовал против Армении несколько диверсионных операций. Согласно турецким источникам, к тому времени в Азербайджан было командировано около 200 офицеров разведки для усиления силовых структур, в том числе – Министерства национальной безопасности Азербайджана.⁸

Параллельно с поставками вооружения и обмундирования турецкая сторона приступила также к организации обучения азербайджанских офицеров и солдат в военных училищах как Турции, так и Азербайджана. Примечательно, что в конце января 1992 г., во время официального визита в Турцию президента Азербайджана Аяза Муталибова была достигнута договоренность о переквалификации азербайджанских офицеров в турецких военных училищах. По словам азербайджанского президента, в деле создания собственной армии Баку надеялся на поддержку Турции.⁹ Говоря о роли Турции в Карабахском вопросе, Муталибов отметил, что ее нейтральная позиция в этом вопросе в период существования СССР была правильной, но «сегодня Азербайджан – независимое государство... и в сложившихся условиях Турция должна понимать, что вопрос имеет международный характер и должна нам помочь».¹⁰

Таким образом, с этого момента Турция приняла на себя главную роль в военном строительстве Азербайджана. Основу турецко-азербайджанского сотрудничества в военной сфере заложил договор, подписанный в августе 1992 г., и ряд последующих соглашений.

Как было отмечено, в руководящих кругах Турции считалось, что без внешнего давления невозможно добиться прекращения огня в зоне конфликта.¹¹

В марте 1992 г. премьер-министр Азербайджана Г. Гасанов обратился с официальным посланием к президенту Турции Т. Озалу и премьеру С. Демирелю, «рассчитывая на неотложную помощь со стороны братьев и друзей».¹² В это же время турецкие военные инспекторы приступили к обучению около 450 азербайджанских призывников на территории Габалинской радиолокационной станции в Азербайджане.¹³

Важно отметить, что в вопросе снабжения азербайджанских сил оружием и боеприпасами турецкая сторона проявляла определенную осторожность, опасаясь возможных разоблачений, если в Азербайджан попадет оружие либо турецкого производства, либо доставленное со складов НАТО. По этой причине Анкара в основном поставляла в Азербайджан оружие иракской армии советского производства, в большом количестве

имевшееся у турецких военных после завершения войны в Персидском заливе, а также трофейные боеприпасы, изъятые у курдских партизан. Более того, начиная с 1990 г. Турция импортировала оружие советского образца из арсеналов армии бывшей ГДР. Прямым подтверждением поставок «немецкого оружия» в Азербайджан со стороны Турции является письмо-протест немецкой организации «Союз поработенных народов», в котором, в частности, утверждалось, что Турция, «приобретая оружие у Германии, поставляет его азербайджанцам».¹⁴

Показательно, что 20 февраля 1992 г. в российском парламенте прошли слушания с участием Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ маршала Е. Шапошникова и министра иностранных дел РФ А. Козырева, где, в частности, обсуждался и характер учений Третьей полевой армии Турции близ армяно-турецкой границы. В этих учениях было задействовано семь тысяч военнослужащих турецкой армии, которые были дислоцированы по линии Карс – Сарыкамыш – Игдыр в полном штате военного времени. Как правило, в случае участия турецких военнослужащих в таком объеме в учениях близ границы турецкая сторона не обязывалась заранее оповещать соседей. Вместе с тем было отмечено, что «действия турецких военных вызваны обстановкой, сложившейся в Нагорном Карабахе, и что учения турецких войск не похожи на те, что проводились раньше».¹⁵

Кроме непосредственного участия отдельных турецких отрядов в боевых действиях на карабахских фронтах, около 150 высокопоставленных офицеров турецкой армии, в том числе 10 генералов в отставке, в начале 1992 г. принимали активное участие в разработке боевых операций и обучении штурмовых и диверсионных подразделений азербайджанской армии.¹⁶ По сообщению российской прессы, эти офицеры, будучи отставниками, все же были опытными и профессиональными военными, отобранными специальной комиссией генштаба турецкой армии.¹⁷ На этом фоне неудивительно, что военным советником нового президента Азербайджана А. Эльчибея был назначен турецкий генерал Яшар Демирбулак, впоследствии ставший членом Совета безопасности Азербайджана.¹⁸

По сообщениям турецкой прессы, наряду с делегированием турецких офицеров в Азербайджан, Анкара предоставила кредит в размере 30 млн долларов США для приобретения турецкого оружия.¹⁹

Параллельно с военными структурами активизировала свою деятельность также турецкая Национальная разведывательная организация (тур. аббр. – МИТ), тесно сотрудничающая с пантюркистскими организациями, в особенности – с азербайджанским отделением ультранационалистиче-

ской турецкой организации «Серые волки», являющейся радикальным крылом турецкой Партии Националистического движения (ПНД) под руководством А. Тюркеша. Националистические взгляды ПНД отличались ярко выраженным пантюркистским и пантуранистским характером.²⁰ «Серые волки» в Азербайджане действовали на легальном положении. В этой организации насчитывалось около 15 тыс. членов, причем все они находились под ружьем, состоя на службе в Национальной армии и МВД, а также в независимых вооруженных формированиях.²¹

Деятельность «Серых волков» на территории Азербайджана не ограничивалась только участием в боевых действиях, а была также направлена на укрепление позиций этой организации в стране. Не случайно лидер азербайджанских «Серых волков» Искандер Гамидов считал азербайджанский «Бозкурт» (турецкое название организации) гарантом безопасности народа Азербайджана и его территориальной целостности.²² Согласно сообщениям турецкой прессы, по инициативе лидера турецких «Серых волков» Алпарслана Тюркеша в Азербайджан были отправлены около 300 боевиков «Бозкурта», расходы которых покрывал МИТ.²³

Стоит отметить тот факт, что деятельность МИТ всегда синхронизировалась с планами турецкого Генерального штаба.²⁴ Из этого следует, что обе силовые структуры Турции действовали на территории Азербайджана в тесном сотрудничестве.

Кроме разведдеятельности и предоставления оперативной информации азербайджанской стороне, неподалеку от Баку, на станции «Насосная», МИТ организовал учебный центр для подготовки диверсионно-разведывательных групп.²⁵ А близ армяно-турецкой границы, в вилаетах Карс и Игдыр, на территории специальных частей Третьей полевой армии Турции организация «Серые волки» начала вербовку и обучение турецких добровольцев для дальнейшей их переброски в Азербайджан. Для полноты картины отметим, что, к примеру, только в сборный пункт турецкого города Сендишехир явились 237 добровольцев, изъявивших желание воевать против армян.²⁶

В ходе вербовки турецких граждан и военных турецкая сторона отдавала предпочтение выходцам из восточных илов, диалект которых был близок к азербайджанскому, которые имели происламские воззрения и сочувствовали организации «Серые волки».²⁷

На территории Турции вербовку турецких наемников проводили и азербайджанские офицеры. Один из турецких военнопленных, уроженец города Сиваса А. Юмах признался, что группа офицеров Министерства обороны Азербайджана набирала турецких наемников для участия в воен-

ных действиях в Карабахе в основном среди бедных слоев населения Трабзона, Анкары, Карса и т. д.²⁸

«Литературная газета», со ссылкой на собственную информацию, в сентябре 1992 г. писала о фактах закрытия со стороны турецких властей воздушного пространства на подступах к Азербайджану и отказа в пролетах над большой территорией гражданским авиалайнерам. Это объяснялось тем, что с весны 1992 г. из Эрзурума в Азербайджан на самолетах турецких ВВС переправлялись турецкие офицеры-«резервисты», отслужившие в национальной армии Турции. По сообщению газеты, их возраст – 30-35 лет, что явно рано для увольнения в запас.²⁹

По данным на 1992 г., в Нахиджеване и в других районах Азербайджана было дислоцировано около трех тысяч турецких наемников и добровольцев.³⁰ Будущие кадры для азербайджанской армии готовились и на военных базах Турции, в частности, в Горном гарнизоне Сарыкамыша. По словам турецких солдат, финансовые расходы азербайджанских военнослужащих покрывала Саудовская Аравия.³¹

По данным источников российской прессы, к концу 1992 г. из Турции в Азербайджан было переправлено от 5 до 6 тысяч (!) турецких офицеров и солдат.³²

Оказание турецкой военной и военно-технической помощи Азербайджану по официальным и неофициальным каналам, несомненно, представляло серьезную угрозу с точки зрения расширения и дальнейшей эскалации конфликта. Но последнее обстоятельство явно не беспокоило турецкие власти, которые стремились увеличить объем поставок и таким образом повысить шансы азербайджанской армии на военную победу.

Согласно данным турецкого еженедельника «Gerçek», под видом медикаментов и продовольствия к июню 1992 г. из Турции в Азербайджан было доставлено пять тысяч ракет «Стингер», ракетные установки, мины и минометы, в том числе противотанковые. Тот же источник указывает, что правительство старалось не включать в поставки оружие турецкого производства, дабы избежать случайной огласки; переправлявшееся легкое стрелковое оружие, ранее отобранное в качестве трофеев у курдских повстанцев во время карательных операций турецкой армии на территории Западной Армении и Курдистана, имело советское или восточноевропейское происхождение.³³

С нарастанием напряженности в армяно-турецких отношениях, под предлогом военных учений с турецкой стороны к границе с Арменией периодически подтягивались крупные войсковые, в том числе бронетанковые, подразделения, развернутые до штатов военного времени. Эти ме-

роприятия, своеобразные «игры мускулами», безусловно, преследовали цель запугивания и шантажирования армянской стороны возможностью турецкого военного вмешательства в конфликт.

Весной 1992 г., в период осложнения ситуации на нахиджеванском участке армяно-азербайджанской границы, высказывались предположения относительно вероятности подобного вмешательства. В это же время главнокомандующий сухопутными силами Турции Мухиттин Фисуноглу заявил, что «все необходимые приготовления сделаны, и армия ждет приказа из Анкары для того, чтобы выступить».³⁴ Было очевидно, что «против Нахиджевана не было никакой широкомасштабной агрессии и захватнических планов со стороны Армении. Случившееся можно расценить как преднамеренное раздувание антиармянской истерии со стороны определенных политических кругов Турции».³⁵ Надо полагать, турецкие власти таким образом прощупывали положение дел на южных границах СНГ, стараясь выявить потенциал и жизнеспособность подписанного в мае 1992 г. в Ташкенте Договора о коллективной безопасности СНГ. Под надуманным предлогом об «агрессии» с армянской стороны правительство Турции, по существу, предъявило ультиматум Армении, апеллируя при этом к Карсскому договору от 1921 г. Ссылаясь на некоторые положения этого договора, Анкара утверждала, что является гарантом безопасности и неприкосновенности границ Нахиджевана. Тем не менее было очевидно, что это делалось «с целью подготовить почву для прямого вмешательства».³⁶

Исходя из сложившейся беспрецедентной ситуации, 20 мая 1992 г., на пресс-конференции, Главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами СНГ маршал авиации Е. Шапошников предупредил турецкую сторону, заявив, что «если туда добавится еще одна сторона, то мы можем оказаться на грани третьей мировой войны».³⁷ В свою очередь посол Российской Федерации в Турции Альберт Чернышев, касаясь возможной реакции Москвы на вмешательство Турции в конфликт, отметил, что «Карсский договор от 1921 года ни Турции, ни России не дает права на военное вмешательство».³⁸

Эти заявления оказали существенное воздействие на дальнейшее поведение турецких военных и политических кругов в отношении Армении и Карабахской проблемы.

Предупреждение Москвы против возможной военной акции со стороны Турции в зоне карабахского противостояния исходило из желания российского руководства не допустить резкого изменения баланса сил на Южном Кавказе и появления новых угроз национальной безопасности РФ. Более того, в случае России и Ирана турецкое вмешательство расце-

нивалось бы ими как прямая угроза своей территориальной целостности ввиду довольно значительной доли тюркоязычных народов в составе их населения.

Следует добавить, что в вопросе Карабаха Турция чувствовала себя скованной, так как международное сообщество не признавало непосредственного участия Армении в конфликте. Именно по этой причине Анкара стремилась разыграть «карту Нахиджевана».

Возможное военное вмешательство Турции в конфликт на Кавказе создало бы опасный прецедент вооруженного противостояния между Россией и Турцией в новой геополитической среде, сложившейся после окончания Холодной войны. Такое вмешательство могло повлечь за собой также нежелательные осложнения и для самой Турции, в частности, серьезным образом осложнив процесс ее вступления в Европейский Союз и вызвав недовольство союзников по НАТО.³⁹ Военное вмешательство Турции в Карабахский конфликт не устраивало также и Соединенные Штаты, и об этом было заявлено представителем Госдепартамента Маргарет Татуайлер.⁴⁰

Турецкое руководство, возможно, в самый последний момент осознало, что непосредственное вмешательство в конфликт за рекой Аракс еще больше обострит взаимоотношения Турции с Россией и Ираном, а также вызовет серьезное недовольство мирового сообщества. Другим немаловажным фактором, непосредственно повлиявшим на решение турецких властей, явился вопрос Геноцида армян и его последствия: совершив военную акцию, Анкара тем самым доказала бы свою агрессивную позицию по отношению к армянам и Армении. Не случайно премьер-министр Турции С. Демирель заявил, что «хотя турки не могут быть равнодушны к страданиям азербайджанцев, но один неверный шаг Турции способен привести к тому, что весь мир поддержит Армению».⁴¹

Несмотря на предупреждение маршала Е. Шапошникова, Турция продолжала оказывать военную и военно-техническую помощь Азербайджану. По мнению западных военных аналитиков, успехи азербайджанской армии в ходе крупномасштабного наступления летом 1992 г. были обусловлены участием в военных действиях турецких добровольцев.⁴² В начале наступления азербайджанским войскам помогали также 40 старших офицеров турецкой армии, незадолго до этого отправленных в раннюю оставку, чтобы иметь возможность поддержать азербайджанских собратьев.⁴³

Эти успехи были обусловлены также наступательными военными операциями азербайджанской армии, разработанными и реализованными генерал-майором турецкой армии Халилом Калайчи. Еще в мае 1992 г.,

во время визита турецкого вице-премьера Хюсаметтина Джиндорука в Баку, генерал Калайчи был назначен на «очень важную» должность военного атташе.⁴⁴ Согласно российским СМИ, турецкие военные специалисты принимали деятельное участие в операции по ликвидации лачинского гуманитарного коридора между Арменией и Нагорно-Карабахской Республикой в августе 1992 г.⁴⁵ На этом фоне не случайно, что в марте 1993 г. министр обороны РФ Павел Грачев назвал прекращение военной и военно-технической помощи Турции Азербайджану одним из предварительных условий развития российско-турецкого сотрудничества в военной сфере.⁴⁶ Позднее, во время официального визита в Турцию в мае 1993 г., П. Грачев выразил сожаление, что некоторые страны снабжают Азербайджан оружием и боеприпасами,⁴⁷ явно намекая именно на турецкие военные поставки.

Надо отметить, что в период военных действий Баку неоднократно обращался к Анкаре с просьбой о непосредственном военном вмешательстве. После занятия города Шуши армянскими формированиями и нейтрализации азербайджанских огневых точек в начале мая 1992 г., вице-спикер азербайджанского парламента Тамерлан Караев заявил, что в случае дальнейшего развития событий в подобном русле руководство Азербайджана оставляет за собой право обратиться к Турции с просьбой «остановить агрессию Армении».⁴⁸ Однако в этом не было необходимости, поскольку Турция и так предоставляла существенную военную помощь. Кроме того, официальный Баку высоко ценил лоббирование Турцией своих интересов на международной арене, имевшее целью склонить международное сообщество к принятию азербайджанской точки зрения в отношении Карабахской проблемы.⁴⁹

Официальная Анкара стремилась при каждом удобном случае отмежеваться от фактов собственного военного присутствия в Азербайджане. В одном из интервью министр обороны Турции Невзат Аяз, касаясь вопроса присутствия высокопоставленных турецких отставных офицеров в Азербайджане, отметил, что это не имеет никакого отношения к правительству Турции, поскольку является личным делом каждого, и что «турецкое правительство не имеет возможности поощрять или же запрещать их деятельность».⁵⁰ Вместе с тем известно, что турецкое правительство непосредственно участвовало в этих инициативах, и по сообщению турецкого еженедельника «İkibine doğru», набор турецких офицеров для последующей их отправки в Азербайджан производился за счет «секретных фондов» государства, причем каждому офицеру ежемесячно выплачивалась зарплата в размере 7500 долларов США.⁵¹

Непосредственное турецкое военное присутствие в начале 1990-х было заметно не только в Азербайджане, но и в конфликтных зонах Кавказа и Балкан. Существует множество фактов передачи Турцией оружия, боеприпасов и финансовых средств чеченским формированиям и боснийским мусульманам. Косвенным доказательством причастности турецкого правительства к военным поставкам в конфликтные зоны является критика в адрес правительства со стороны оппозиционных сил. Так, в июле 1996 г. главный секретарь турецкой Рабочей левой партии Догу Перинчек обвинил премьер-министра страны Тансу Чиллер в покупке и передаче оружия чеченским и другим «секретным группам» за счет особых секретных фондов.⁵²

В том же 1996 г., в бытность Тансу Чиллер премьер-министром Турции, в турецком парламенте разгорелся грандиозный политический скандал, крупнейший за всю историю Турецкой Республики. Его причиной стала автомобильная авария, произошедшая в ноябре 1996 г. недалеко от Стамбула, в местечке Сусурлук. В машине были найдены тела депутата турецкого парламента от Партии верного пути (партия Т. Чиллер), а также Абдуллаха Чатлы, одного из главарей турецкой мафии и лидеров турецких «Серых волков». В это же время А. Чатлы разыскивался Интерполом по делу о контрабанде наркотиков, и одновременно поддерживал связи с представителями высшей власти. Оппозиция тут же обвинила Чиллер в коррупции, содействии наркотрафику и сотрудничестве с организованной преступностью.⁵³

Несмотря на требования оппозиции, Т. Чиллер категорически отказывалась обнародовать данные о расходах правительства, поскольку, по ее словам, это могло привести к резкому ухудшению отношений с Россией. По мнению турецких наблюдателей, правительство Турции перечисляло значительные суммы (миллионы долларов) организациям северокавказских мухаджиров (выходцев из Северного Кавказа, осевших в Турции в прошлом веке), которые в свою очередь снабжали этими деньгами Чечню и Абхазию. Правительство Турции пыталось скрыть этот факт.⁵⁴ Мало сомнений в том, что значительная часть этих средств шла и на военные расходы азербайджанской армии.

Перевалочным пунктом для турецких военных грузов в Азербайджан стал анклав Нахиджеван, откуда велась дальнейшая их переброска вглубь страны. К тому времени Нахиджеван фактически превратился в удобный плацдарм для турецкого военного вмешательства, в частности, для нападения на Армению. Стратегическую важность Нахиджевана для реализации амбициозных внешнеполитических целей Анкары хорошо понимали и

азербайджанские политики. Недаром в марте 1992 г. в Карсе тогдашний глава автономной республики Г. Алиев отметил, что «Нахиджеван, где проживают 350 тыс. граждан тюркской национальности, — открытая дверь для Турции в Центральную Азию».⁵⁵ В свою очередь турецкий премьер С. Демирель, выступая по поводу открытия моста через Аракс, заметил: «Дорогие азербайджанские тюрки, дорогие нахиджеванские тюрки. Мы находимся здесь, чтобы сообщить вам, что вы не одни! Мост надежды через реку разлуки Аракс, который мы открываем сегодня — это первый шаг к открытию дороги от Эгейского моря до Китая».⁵⁶

С другой стороны, турецкая оппозиция в лице Бюлента Эджевита раскритиковала руководство страны за то, что оно «не пользуется своим статусом гаранта Нахиджевана и не предоставляет военно-технической помощи родственному Азербайджану, что добавило храбрости Армении».⁵⁷ На деле, кроме военных поставок Турции в Нахиджеван, отдельные войсковые подразделения и офицеры из Нахиджевана проходили обучение в Турции, а раненые солдаты лечились в военных госпиталях Карса и Эрзурума.⁵⁸ Примечательно, что в сентябре 1992 г. армейское руководство Девятого корпуса турецкой армии, обсуждая обращение Нахиджеванской Автономной Республики о предоставлении военной помощи, решило удовлетворить эту просьбу.⁵⁹

Во время операции по нейтрализации огневых точек азербайджанской армии на территории Кельбаджарского района Т. Озал заявил, что Турция будет наращивать военное сотрудничество с Азербайджаном и отправит оружие в эту страну.⁶⁰ В этом смысле весьма красноречив тот факт, что в ходе последнего визита Т. Озала в Азербайджан в середине апреля 1993 г., в состав турецкой делегации был включен также генерал-лейтенант турецкой армии Эрдоган Озал, глава Отделения по ведению специальных боевых операций турецкого Генштаба.⁶¹

В апреле 1993 г., во время кельбаджарской операции сил самообороны НКР, с турецкой стороны в Нахиджеван ежедневно проходило около 30 грузовиков с турецкими добровольцами, которые впоследствии перебрасывались в Гянджу через воздушное пространство Республики Армения. Исходя из этого, армянская сторона была вынуждена выступить с предупредительным заявлением о том, что в случае прекращения этих полетов «Армения вынуждена будет предпринять адекватные меры по защите своих границ».⁶²

После кельбаджарской операции президент Турции Т. Озал вновь решительно выступил за применение турецкой военной силы против Армении. Однако на этот раз Озал, стараясь завуалировать свои агрессивные

намерения, будучи в апреле 1993 г. в Баку, заявил: «Азербайджанцы наши друзья, я бы сказал – родственники... На международной арене мы защищаем наших азербайджанских братьев, но никто не должен рассчитывать на большее». ⁶³ А представитель Турции в ООН Мустафа Акшин в свою очередь публично подтвердил готовность Анкары принять меры по защите Азербайджана. «Турция не допустит атаки на Азербайджан и в случае необходимости мы будем действовать», – заявил он, не исключая при этом возможность военной акции. ⁶⁴

После того, как турецкие усилия по введению санкций в отношении Армении не дали результата, в МИД Турции были приглашены послы США, Великобритании, Китая, России и Франции, которым в резкой форме было заявлено следующее: «Вы должны сделать все, чтобы остановить захват Арменией территории Азербайджана. В 1974 г. Совет Безопасности никак не отреагировал на захват Грецией Кипра, никак тогда не слушал Турцию. В конце концов, чтобы восстановить мир на острове, мы послали туда войска. Обратите внимание на то, что сегодня события в Азербайджане напоминают Кипр». ⁶⁵ После такого заявления приграничные войсковые подразделения, входящие в состав Третьей армии ВС Турции, были приведены в состояние боевой готовности, а генштаб сообщил, что все приграничные войска уже проводят маневры, чтобы по первому приказу перейти армянскую границу. ⁶⁶

В апреле 1993 г. между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение, по которому турецкая сторона обязывалась предоставить Азербайджану легкое вооружение и подготовить военных специалистов. За этим последовала переброска новой партии оружия в зону конфликта. ⁶⁷ Подписав подобное соглашение, Турция таким образом грубо нарушила решение Пражского саммита СБСЕ от 28 февраля 1992 года, согласно которому запрещались всякие военные поставки в зону Карабахского конфликта.

По словам бывшего помощника А. Эльчибея Ульви Хакимова, в 1992–93 гг. Азербайджан получал всяческую поддержку от Турции в Карабахском вопросе. Помощь в первую очередь была оказана в процессе становления национальной армии и в том, в чем Азербайджан «очень нуждался». На фронтах у турецких военных были дублирующие функции. Турецкие офицеры дублировали азербайджанских, и во избежание пленения и случайных разоблачений непосредственно не командовали частями и подразделениями, а выступали в качестве советников. ⁶⁸

В апреле 1993 г. на базе BBC Турции близ города Эскишехира четыре самолета «Фантом» перешли на 24-часовое военное дежурство, готовые

в случае приказа в течение пятнадцати минут совершить боевой вылет. ⁶⁹ А Бюлент Эджевит вновь выступил с предложением нанести воздушные удары по южным территориям Армении для открытия коридора между Азербайджаном и Нахиджеваном. Для этого, по мнению Эджевита, достаточно было согласия президента Азербайджана А. Эльчибея. ⁷⁰

Параллельно с предоставлением военной и военно-технической помощи турецкое руководство и армейские круги приступили к созданию механизмов содействия процессу формирования азербайджанской армии. В Турции была разработана программа ее модернизации до 1995 г. Предусматривалась командировка в Азербайджан порядка трех тысяч военных специалистов из числа офицеров запаса турецких вооруженных сил. Для модернизации азербайджанской армии Анкара планировала выделить около 300 млн долларов. ⁷¹

Ожидания расширения турецкой военной помощи в Азербайджане возрастали пропорционально неудачам и поражениям азербайджанских вооруженных сил на карабахских фронтах. Одновременно официальный Баку интенсивно разыгрывал «нефтяную карту» для получения военной помощи в Карабахе. Премьер-министр Азербайджана Гасан Гасанов заявил, что нефтепровод будет проложен по территории той страны, которая окажет содействие Азербайджану в разрешении Карабахской проблемы. ⁷² В свою очередь президент Г. Алиев призвал Анкару отправить военное снаряжение и солдат в обмен на получение права экспорта азербайджанской нефти по территории Турции. ⁷³

По большому счету, в ходе Карабахского конфликта Азербайджан в переговорах с Турцией в качестве козыря использовал вопрос маршрута транспортировки энергоресурсов на мировые рынки. Бакинский расчет в этом смысле был прост: в обмен на поддержку Азербайджаном проекта нефтепровода Баку – Джейхан Турция должна была стать гарантом его безопасности и оказать всяческое содействие в случае новой эскалации и возобновления военных действий.

И турецкая помощь не заставила себя ждать. В июле 1993 г. силы самообороны НКР обнаружили склад с еще не использованными пулеметами и минометами турецкого производства близ села Шахбулах Агдамского района. Этот арсенал в качестве вещественного доказательства турецкой военной помощи Азербайджану был предъявлен председателю Минской группы СБСЕ Марио Рафаэли, находившемуся в это время в Степанакерте. ⁷⁴

Офицеры, которых Гейдар Алиев после своего прихода к власти, желая найти содействие в Москве, экстрадировал в Турцию, вернулись в Азер-

байджан после того, как Баку окончательно утратил надежду на помощь России. Турецкие офицеры вновь оказались на важнейших должностях и активно участвовали в разработке военных операций на карабахских фронтах.

В сентябре 1993 г. в очередной раз были зафиксированы скопление и активизация турецких военных формирований на армяно-турецкой границе. Бронетехника и артиллерия 220-й механизированной и 9-й артиллерийской группировок 9-й Сарыкамышской дивизии турецкой армии были размещены в штатном распорядке военного времени в приграничном с Арменией селе Байрактаран.⁷⁵ Новоизбранный премьер-министр Турции Тансу Чиллер, обеспокоенная успехами армянских сил в Карабахе, пригрозила, что в случае дальнейшего продвижения армян «Турция не собирается сидеть сложа руки».⁷⁶ После экстренного совещания Совета безопасности Турции с участием премьер-министра, официальная Анкара выступила с заявлением, в котором, в частности, говорилось, что если армяне безо всяких условий не оставят оккупированные территории, то конфликт может повлиять на страны региона и международное сообщество.⁷⁷ Таким образом турецкая сторона фактически намекала на возможность собственного вмешательства в конфликт.

В воспоминаниях посла Греции в Армении тех лет Леонидаса Хризантопулоса говорится, что в начале октября 1993 г. турецкая сторона стремилась использовать парламентский кризис в России для нанесения ударов по Армении под предлогом борьбы против вооруженных отрядов РПК, а также по Грузии – под предлогом защиты Абхазии. 5 октября вооруженные силы Армении были приведены в состояние повышенной боеготовности для отражения возможной атаки со стороны Турции в случае вывода российского контингента погранвойск (десять тысяч солдат) из республики.⁷⁸

Согласно информации французских спецслужб, позднее получившей подтверждение и со стороны посла США в Армении, существовала устная договоренность между Русланом Хасбулатовым и турецким премьером Тансу Чиллер, согласно которой в случае успеха антиельцинских сил турецкая армия собиралась нанести по Армении удары локального характера. Именно такое решение было принято на Совете национальной безопасности Турции. Для этой цели турецкие войсковые подразделения, помимо сосредоточения вдоль линии армяно-турецкой границы, были дислоцированы также и на территории Нахиджевана в составе двух бригад и пятнадцати вертолетов.⁷⁹ Одновременно участвовалась стрельба со стороны Турции по российским и армянским пограничным заставам.

Трудно даже представить последствия турецкого вторжения в Армению для всего южнокавказского региона в случае поражения проельцинских сил в Москве. Без сомнения, это могло стать причиной крупномасштабной дестабилизации системы безопасности не только в кавказском регионе, но и за его пределами.

В сентябре 1993 г., в преддверии широкомасштабного наступления азербайджанской армии, Азербайджан посетила делегация турецких парламентариев во главе с Аюбом Ашиком и министром иностранных дел Турции Х. Четином. Подводя итоги этого визита, Г. Алиев заявил, что турецко-азербайджанские отношения вступили в новую стадию «с подтверждением согласия Турции оказать всестороннюю помощь Азербайджану».⁸⁰

В турецкой прессе участились публикации о поставках в Азербайджан ракет, аммуниции и легкого стрелкового оружия. В то же время Турция ратифицировала двусторонний договор «О солидарности и сотрудничестве», подписанный в конце 1992 г. и предоставлявший «легальную основу для оказания помощи Азербайджану». В сентябрьском наступлении азербайджанских войск по восточному направлению, согласно западным источникам, участвовало около 200 боевиков из турецкой организации «Серые волки», прибывших сюда в качестве составляющей военной помощи Турции Азербайджану.⁸¹

Параллельно с этим на армяно-турецкой границе происходило усиление турецких войсковых соединений. Эти меры, по мнению турецкой стороны, предпринимались для обеспечения безопасности Турции и защиты независимости и территориальной целостности Азербайджана.

В ноябре 1993 г. Баку выступил с обращением к нескольким странам, в том числе и к Турции, с просьбой направить войска в Азербайджан, а 2 и 12 ноября Анкару посетил министр иностранных дел Азербайджана Г. Гасанов, который встретился с начальником Генштаба Турции Доганом Гюрешем. По сообщению турецких СМИ, он передал для президента С. Демиреля личное послание Г. Алиева, в котором, как утверждалось, содержалась просьба об оказании Азербайджану непосредственной военной помощи.⁸²

Нет никаких сомнений в том, что эти встречи стали прелюдией к новой широкомасштабной военной операции против армянских сил самообороны и что тем самым в Баку хотели убедиться в возможности содействия Анкары во время подготовки и проведения этой кампании. Необходимо отметить, что после прихода к власти Г. Алиева отношения между Анкарой и Баку определенно охладели, что временно отразилось и на сфере

военного сотрудничества. Многие соглашения, подписанные еще А. Эльчибеем, были заморожены, а для турецких граждан был введен визовый режим при въезде в Азербайджан. Как было уже отмечено, Г. Алиев выдворил из страны более 1600 (!) находившихся на территории Азербайджана турецких военных экспертов и добровольцев.⁸³

Впрочем, большинство турецких офицеров, работающих в азербайджанской армии, в том числе и генерал Демирбулак, после «похода на Баку» полковника С. Гусейнова вернулись в Турцию по своей воле. Однако вскоре, перед зимней наступательной кампанией азербайджанской армии в конце декабря 1993 г., большая их часть возвратилась обратно в Азербайджан.⁸⁴ Сенсационной можно считать публикацию турецкой газеты «Айдынлык» в конце 1993 г., согласно которой турецкая сторона предоставила в распоряжение Генштаба Азербайджана пять тысяч (!) солдат турецкой армии. Журналист, опубликовавший этот материал, был арестован турецкими властями.⁸⁵ По всей видимости, после вступления Азербайджана в СНГ Анкара решила использовать все возможности, чтобы не допустить усиления в стране российского влияния.

В середине декабря 1993 г. азербайджанская армия предприняла новую попытку овладеть инициативой путем широкомасштабного наступления на карабахских фронтах по всем направлениям. В начале этой кампании ценой огромных людских и материальных потерь азербайджанским силам удалось вернуть некоторые ранее утерянные позиции. Корреспондент турецкой газеты «Milliyet» Тунджа Бенгин связывал военные успехи зимней кампании азербайджанских сил с успешной деятельностью турецких военных инструкторов и советников.⁸⁶ В свою очередь другая влиятельная турецкая газета, «Hürriyet», приводила конкретное число высокопоставленных турецких военных в Азербайджане – 256.⁸⁷

К февралю 1994 года, когда стало очевидно, что очередное азербайджанское наступление находится под угрозой срыва, президент Азербайджана Г. Алиев во время официального визита в Анкару обратился к президенту С. Демирелю и премьеру Т. Чиллер с просьбой отправить большой контингент турецких офицеров для обучения азербайджанской армии. Турецкая сторона обещала всяческую помощь.⁸⁸ Выступая в Великом Национальном Собрании Турции, Г. Алиев не обошел молчанием и важность турецкой помощи в деле становления национальной армии Азербайджана.⁸⁹ По итогам этой встречи был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между двумя странами, сроком действия на десять лет, предусматривающий оказание взаимного содействия в случае агрессии со стороны третьего государства.⁹⁰

Вскоре часть обещанных турецких военных поставок была обнаружена на севере Карабаха, где в ходе операции по освобождению Омарского перевала армянскими силами самообороны НКР был найден крупный склад с боеприпасами турецкого производства, включающими противотанковые мины и артиллерийские снаряды.⁹¹

В связи с этим впечатляет диалог, состоявшийся между С. Демирелем и лидером крымско-татарского движения Мустафой Джемилевым (Джемилоглу) в мае 1994 г., во время официального визита турецкого президента на Украину. Демирель, в частности, отметил: «...Азербайджанцы тоже должны слагать свою героическую эпопею. Мы в Азербайджане сделали все, что возможно. Есть мероприятия, о которых я не могу говорить, но мы не можем позволить столкновения христианства и ислама в Азербайджане. Я не авантюрист и не позволю своей стране ввязаться в авантюру. Это было бы на руку тем силам, которые требовали вмешаться, но я отвечал им – если пойдем, то столкнемся с Россией».⁹²

Для вербовки турецких и иностранных специалистов была также использована территория самопровозглашенной Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК).⁹³ После переговоров с азербайджанскими властями, по инициативе английского лорда Эрскина и турецкого бизнесмена Мустафы Мутлу были организованы чартерные рейсы, посредством которых британские наемники и партии оружия перевозились российскими самолетами с Северного Кипра в Азербайджан. В эту сделку были вовлечены также высокопоставленные турецкие политики и британские дельцы в сфере торговли оружием. Согласно данным турецкой и британской прессы, в обмен на эту услугу азербайджанская сторона обязывалась платить около 150 миллионов фунтов стерлингов ежегодно, главным образом – в виде поставок нефти.⁹⁴ Был в курсе сделки и британский Форин-офис. Северный Кипр был выбран не случайно: на территории непризнанной республики не действовали международные договоренности, запрещающие продажу или передачу оружия конфликтующим сторонам.

Баронесса Кэролайн Кокс, вице-спикер Палаты лордов Великобритании, неоднократно посещавшая Нагорный Карабах с группой международных наблюдателей и зафиксировавшая использование азербайджанской армией запрещенных международными конвенциями видов оружия массового поражения, в том числе турецкого производства, в номере газеты «The Independent» от 24 января 1994 г. приводит отрывок разговора с высокопоставленным чиновником британского МИД, который на запрос баронессы о наличии британских наемников в Карабахе отметил, что «ни одна страна не интересуется судьбой другой страны, каждая имеет

лишь интересы. Мы имеем нефтяные интересы в Азербайджане». Вице-спикер Палаты лордов завершила письмо следующими словами: «Мне никогда еще не было так стыдно быть британкой». ⁹⁵ В своем письме в редакцию газеты К. Кокс указывала: «Если так будет продолжаться, мне будет совестно, когда мои внуки и правнуки узнают, что наше государство предпочитало торговые интересы правам человека и способствовало унижению армян на их исторической родине – в Нагорном Карабахе». ⁹⁶

В ответ на письмо посла Армении в Великобритании А. Саркисяна по поводу публикации в газете «The Independent», МИД Великобритании заявил, что английское правительство не допустит оказания военной помощи Азербайджану. Тем не менее, буквально через несколько дней, 25 февраля 1994 г., радиостанция «Свобода» сообщила о заявлении министра иностранных дел Англии Дугласа Херта о том, что ряд английских обществ и организаций поставляют в Азербайджан оружие и наемников для ведения войны в Нагорном Карабахе. ⁹⁷

Конкретная военная помощь была оказана Азербайджану и из США. В октябре 1993 г. на основании соглашения о подготовке командного состава для азербайджанских вооруженных сил и при содействии американской нефтяной компании «MEGA Oil» инструкторы из числа офицеров запаса ВС США осуществляли подготовку подразделений спецназа в двух азербайджанских гарнизонах (Хаджикабул и Перекешкюль). ⁹⁸

После подписания в мае 1994 г. Бишкекского протокола о перемирии, турецкая сторона не отказывалась от планов собственного военного присутствия на юге Кавказа под предлогом миротворческой миссии.

На этот раз воинственные заявления турецких «ястребов» были обусловлены напряженностью в российско-турецких отношениях, возникшей в связи с пересмотром режима прохода черноморских проливов. В частности, турецкие лидеры неоднократно выступали против размещения российских солдат в граничащих с Турцией республиках Кавказа, а также против идеи размещения российских солдат в Нагорном Карабахе в качестве миротворческих сил и, несмотря на возражения армянской стороны, настаивали на своем в них участии. В конце мая 1994 г. начальник генерального штаба Турции армейский генерал Д. Гюреш заявил, что «Россия стала весьма серьезной угрозой для Турции», и связывал это с отношениями между Россией и бывшими советскими республиками – с тем, что российские войска находились в Армении, а также с давлением на Грузию и Азербайджан. ⁹⁹

«Мы готовы отправить в регион Карабахского конфликта столько солдат, сколько запросит азербайджанское правительство», – с таким заявле-

нием выступил в июле 1994 г. начальник Генштаба турецких ВС Доган Гюреш во время визита в Баку. Касаясь заявления армянской стороны о том, что ни Ереван, ни Степанакерт не согласятся на турецкое военное присутствие в Карабахе, Гюреш недвусмысленно заявил, что «сербы тоже были против турецкого присутствия, но сейчас в Боснии находятся 1500 турецких солдат». ¹⁰⁰ В ответ на это из Москвы вновь последовало отрезвляющее заявление. На этот раз довольно жестко отреагировал на слова турецкого генерала министр обороны РФ Павел Грачев, заявив, что «мы не позволим вмешаться турецкой армии», и добавив, что «Россия имеет свои интересы в Азербайджане». ¹⁰¹ Позднее, находясь в Ереване, П. Грачев недвусмысленно дал понять, что его визит в Армению заставит турецкую сторону мыслить более трезво. ¹⁰²

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие основные выводы.

Во-первых, не следует преувеличивать значение турецкой военной и военно-технической помощи Азербайджану в период интенсивных военных действий в Карабахе, хотя один только факт широкомасштабных турецких военных поставок в Азербайджан говорит уже о многом. То обстоятельство, что Конгресс США выразил свое беспокойство по поводу турецкой военной помощи Азербайджану, свидетельствует о ее угрожающем объеме и характере. ¹⁰³ Правда, Турция напрямую не вмешивалась в конфликт, но, как правильно заметил американский аналитик Майкл Коллинз Данн, «угроза турецкого вторжения вполне могла быть реальной, если бы Турция переживала период политической неопределенности». ¹⁰⁴

Во-вторых, между Азербайджаном и Турцией за этот период не было подписано соглашений стратегического характера. В 1992 г. стороны подписали Пакт о военном сотрудничестве, который обязывал их приходить на помощь друг другу в случае агрессии со стороны третьего государства. Однако это соглашение содержало существенную оговорку: оно регулировалось принципами ООН и международными договорами. Это обстоятельство фактически исключало прямое вмешательство Турции в ход Карабахского конфликта, так как для этого потребовалось бы не только официальное признание Армении агрессором в Совете Безопасности ООН, но и согласие союзников Турции по НАТО. ¹⁰⁵ В Анкаре отдавали себе отчет в том, что подписание подобного документа и прямые действия на его основании в южнокавказском регионе могли быть расценены как явный вызов не только России, но и другим странам региона, которые не оставили бы без ответа первые же шаги по реализации турецко-азербайджанского военного соглашения. Несомненно, успехи карабахских

сил в корне меняли геополитическую ситуацию в регионе, но в Анкаре, тем не менее, осознавали, что прямое вмешательство в конфликт не оставит равнодушным и соседние государства, и прежде всего – Россию и Иран. А это в свою очередь могло вызвать военный кризис мирового масштаба.

В-третьих, прямое и широкомасштабное вмешательство в Карабахский конфликт не входило в планы Анкары в силу специфики внешнеполитических интересов Турции.¹⁰⁶ В этом вопросе турецкая сторона старалась действовать осторожно. Одним из проявлений этой осторожности был отказ замминистра иностранных дел Турции Оздема Санберка подписать договор о коллективной безопасности, предложенный Баку летом 1992 г.¹⁰⁷

«Эйфорический» период внешней политики Турции первых лет постсоветской реальности очень скоро изжил себя, и Анкара начала проявлять сравнительно трезвые подходы как в отношении Кавказа, так и в Центральной Азии, скорректировав свою региональную политику в более прагматичном русле. Очевидно, что, несмотря на большое желание, Турция в своих отношениях с Азербайджаном старалась избегать шагов, которые сделали бы турецкую политику зависимой от действий азербайджанской стороны.

В-четвертых, расширению турецких поставок в Азербайджан помешали факты попадания в руки армянских сил трофейного оружия турецкого производства, что было подтверждено международными наблюдателями. Между тем в самой Анкаре росло разочарование действиями азербайджанских политиков и военных. И на то были веские причины. Большинство азербайджанских солдат, прошедших военную подготовку в Турции, по возвращении домой уклонялись от участия в военных действиях. Так, летом 1993 г., во время контрнаступления армянских сил, турецкая «*Nüfûyet*» писала: «...Азербайджанские офицеры и солдаты, прошедшие подготовку в военных частях Третьей армии, по возвращении на родину либо убегали с фронта, либо начинали заниматься делами, не имеющими никакого отношения к военному делу».¹⁰⁸ Та же газета: «Турция дала оружие азербайджанцам для того, чтобы воевать против армян, а они это оружие направляют друг против друга (речь идет о внутривнутриполитических «разборках» в Азербайджане и о «походе» Сурета Гусейнова на Баку летом 1993 г. – Г. Д.). Далее газета резюмирует: «Турция не несет ответственности за поражения превосходящих армянские силы в неслыханно раз азербайджанских формированиях».¹⁰⁹

По сообщениям турецкой прессы, в период зимнего наступления азербайджанских сил в 1993–94 гг. военные чины из турецкого Генштаба были

настроены скептически и всерьез опасались за исход наступившей кампании. Турецкие офицеры, находящиеся на территории Азербайджана и готовившие азербайджанские силы к военным операциям, в своих докладах указывали, что предпринятое по приказу Гейдара Алиева наступление изначально было не только несвоевременным, но и плохо спланированным и осуществленным.¹¹⁰

По сообщению турецкой газеты «*Turkish Daily News*», не только турецкие советники, но и личный военный советник азербайджанского президента генерал Н. Садыков тоже всячески уговаривал Гейдара Алиева отложить сроки начала военных операций до наступления благоприятных погодных условий и завершения подготовки и обучения азербайджанских сил. Далее газета указывала, что генерал Садыков, находившийся в тесном контакте с Генштабом ВС Турции, пригрозил даже подать в отставку, если его рекомендации не будут учтены.¹¹¹ Очевидно, что, действуя в унисон с турецким Генштабом, генерал Садыков попросту следовал указаниям и рекомендациям турецких военных, которые, отслеживая развитие событий на карабахских фронтах, были против поспешных и малорезультативных операций. С другой стороны, пришедший к власти за несколько месяцев до этого Гейдар Алиев стремился добиться военных успехов – пусть даже ценой многочисленных потерь – и таким образом укрепить свою власть.

В этот период турецкая сторона даже указывала Баку на имевшие место факты нецелевого использования турецкой военной помощи и предупреждала о недопустимости подобных прецедентов в будущем.¹¹²

Так или иначе, устранение А. Эльчибея и неспособность Анкары удерживать власть в Азербайджане за протурецки настроенным президентом выявили ограниченность внешнеполитических возможностей Турции даже в наиболее ориентированной на нее стране. В целом же война в Карабахе, по словам Стефана Бланка, показала слабость стратегии и политики Турции.¹¹³

В период Карабахской войны Анкара не сумела дифференцировать стратегические интересы и мелкие тактические пропагандистские выпады, которые делались, исходя в основном из внутривнутриполитической конъюнктуры, и в конечном итоге заняла позицию пассивного наблюдателя за происходящим на театрах Карабахской войны. Хотя в Анкаре ясно признавали, что «пассивность» в Карабахском вопросе может очень дорого обойтись в дальнейших взаимоотношениях с Азербайджаном, тем не менее искушение повторить «кипрский вариант» уступило место более трезвым

и реалистическим расчетам. Однако это вовсе не означало завершения турецких военных поставок в Азербайджан и замораживания турецко-азербайджанского военного сотрудничества.

После подписания в мае 1994 г. соглашения о прекращении огня, в этой сфере произошли качественные изменения. В турецких военно-учебных заведениях обучаются сотни азербайджанских военнослужащих по более чем 20-ти военным специальностям. Турецкие военные осуществляют подготовку военнослужащих срочной службы согласно принципам, принятым в турецкой армии.¹¹⁴ Взаимодействие сторон в этой области происходит на всех уровнях, включая обучение и консультирование азербайджанских солдат и офицеров в Турции и в прифронтовой зоне, а также поставки новейших вооружений, амуниции и военной аппаратуры.¹¹⁵

По инициативе турецких специалистов офицерские кадры азербайджанской армии готовятся по натовской системе. Одновременно группы азербайджанских офицеров на постоянной основе проходят курсы повышения квалификации в Турции. Кроме того, турецкие военные принимают активное участие в модернизации военных городков в Азербайджане.¹¹⁶

Особенно активно турецкие вооруженные силы внедряются в Нахиджеван, где на постоянной основе работают десятки турецких офицеров, а все расходы на довольствие 11-тысячного азербайджанского контингента, в том числе и медицинское обеспечение, взяла на себя турецкие вооруженные силы. В Нахиджеване имеется также военный представитель Турции на правах военного атташе.¹¹⁷

В современной азербайджанской армии лидерство постепенно переходит к офицерскому составу, получившему образование в турецких военных вузах по натовскому стандарту. Азербайджанские курсанты проходят обучение в Турции, можно сказать, в режиме военного времени, практикуясь в боевых действиях против курдов в восточных регионах Турции.¹¹⁸

Во второй половине 1990-х между Турцией и Азербайджаном был подписан ряд важнейших соглашений о двустороннем военном сотрудничестве, содержащих компоненты стратегического договора. Двустороннее соглашение от 11 июня 1996 г. предполагает сотрудничество в области боевой подготовки личного состава, оборонной промышленности и военных технологий, а также проведение совместных учений.¹¹⁹

Одновременно с азербайджанской стороны периодически делались заявления о намерении разместить турецкие базы на территории Азербай-

джана, придавая тем самым турецко-азербайджанскому военному сотрудничеству функцию противовеса российско-армянскому военному альянсу.

Российско-армянское военное сотрудничество представляет с точки зрения азербайджанского руководства серьезную угрозу безопасности страны и требует адекватных ответных мер, цель которых, по мнению азербайджанской стороны, заключается в восстановлении «якобы нарушенного Арменией военно-стратегического баланса».¹²⁰

В июне 1996 г. между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение о военном сотрудничестве, включающее пункты о техническом содействии, обучении и других программах. По словам министра обороны Турции Олтана Сунгурлу, этот договор мог способствовать стабилизации ситуации в Закавказье.¹²¹

Анкара интенсивно приступила к модернизации азербайджанской армии и реализации разнородных программ для подготовки личного состава азербайджанских вооруженных сил по турецким стандартам. В 1996 г. премьер-министр Турции Месут Йылмаз после переговоров с президентом Г. Алиевым в Баку заявил, что «Турция готова оказать многостороннее содействие модернизации азербайджанской армии для ее соответствия международным стандартам».¹²²

5 мая 1997 г., в ходе официального визита Г. Алиева в Турцию, была подписана двусторонняя декларация об углублении стратегического сотрудничества между Турцией и Азербайджаном, которая предусматривала предоставление друг другу необходимой помощи в рамках подписанного между сторонами стратегического партнерства «для содействия в интересах защиты независимости, суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ». Попытки президента Азербайджана Г. Алиева склонить турецкую сторону к подписанию договора стратегического партнерства не имели успеха. Это было обусловлено тем, что турецкие военные, в соответствии с внешнеполитической линией Анкары, не были подготовлены к обязательствам военного характера на Кавказе.¹²³ В ходе визита Гейдар Алиев выразил свое разочарование в связи со смягчением позиции Турции в отношении Армении и неадекватностью экономической и военной поддержки Азербайджану. Были также озвучены обвинения в адрес Турции по поводу участия турецких граждан в нескольких попытках переворотов в Азербайджане.¹²⁴

Но эти обстоятельства особо не повлияли на базисные контуры сотрудничества между Азербайджаном и Турцией, которые оформились в виде стратегического взаимодействия. Азербайджан рассматривал неизбежность военного решения проблемы, заявляя об этом устами первых лиц и

получая одобрение официальной Анкары.

В феврале 1999 г. министр обороны Азербайджана Сафар Абиев высказался о возможности размещения на азербайджанской территории военной базы Турции, США или НАТО. Азербайджанская сторона оправдывала свое намерение, ссылаясь на необходимость восстановления военно-стратегического баланса в регионе, якобы нарушенного Арменией после подписания с Российской Федерацией в 1997 г. договора о стратегическом сотрудничестве. Сообщения о заключении военного союза между Баку и Анкарой, аналогичного российско-армянскому военному договору, совпали также с заявлением официального Баку о выходе из Договора о коллективной безопасности стран СНГ.¹²⁵

Весной 1999 г. между Турцией и Азербайджаном был подписан принципиальный Договор о стратегическом сотрудничестве, который предполагал, что, во-первых, Азербайджан не может без согласия Турции принимать решения о начале военных действий, и во вторых – Турция гарантирует безопасность Азербайджана в случае любой агрессии против него, оказывая военную и политическую помощь.¹²⁶

Приход к власти в Турции в начале 1999 г. радикально настроенного правительства во главе с Бюлентом Эджевитом ознаменовался более непримиримой позицией в отношении к Армении с выдвиганием нового требования о предоставлении Нахиджевану территориального коридора для соединения с остальной частью Азербайджана.

Более того, находящийся в апреле 2000 г. в Турции бывший президент Азербайджана А. Эльчибей, после короткого разговора с премьер-министром Турции Эджевитом, во время пресс-конференции указал на необходимость решения Карабахского вопроса военным путем.¹²⁷

Фактически под патронажем НАТО вырисовываются контуры турецко-азербайджанского военного альянса, что было подтверждено начальником турецкого Генерального штаба, армейским генералом И. Карадаи на одной из встреч с Г. Алиевым.¹²⁸

Учитывая военный потенциал и возможности Турции, помощь, предоставленную Азербайджану в период военной фазы Карабахского конфликта, можно считать ограниченной. Естественно, это не означает, что, предоставляя такую помощь, Турция не стремилась в определенной степени повлиять на дальнейший ход военных действий. Однако этого было недостаточно для коренного перелома в ходе боевых действий. Тем не менее для конфликта такого масштаба, как Карабахский, с учетом количества задействованных с обеих сторон людских ресурсов и военной техники, объем известной нам из открытых источников турецкой помощи

недооценивать все же не следует.

Таким образом, не будет преувеличением и утверждение, что Турция имеет свою долю в поражении от армянских формирований во время Карабахской войны. Учитывая это обстоятельство, с уверенностью можно констатировать, что в случае нового витка напряженности ситуации вокруг Карабаха, Турция, как и в начале 1990-х, не останется в стороне.

Подведем итоги оценки действий Турции на основе «Корреляций войн», согласно которым существует 14 типов военных действий (military acts), сгруппированных в три категории. Первая категория – это угроза применения силы, вторая – демонстрация силы, и, наконец, третья – использование силы.¹²⁹

По первой категории Турция применила три вида военных действий: угроза использования силы, угроза применения блокады и угроза объявления войны.

По второй категории с турецкой стороны была зарегистрирована частичная активизация готовности ВС к действиям против другого государства и, конечно, демонстрация военной силы в виде дислокаций войск по линии армяно-турецкой границы.

Наконец, по третьей категории Турция использовала блокаду против Армении – действие, которое находится в одной группе с непосредственным объявлением войны и оккупацией территории.¹³⁰

Таким образом, по меньшей мере шесть видов военных действий были применены Турцией против Республики Армения и ее территории.

Можно согласиться с утверждением, что расширение военно-политического сотрудничества между Турцией и Азербайджаном в ближайшем будущем может серьезным образом расшатать архитектуру безопасности Кавказско-Каспийского региона. Обе страны взаимодействуют в сфере обмена информацией между разведывательными службами, а Анкара с каждым годом предоставляет все больше финансовых средств для развития военного сотрудничества и совместных действий в этой области.¹³¹

Министр обороны Азербайджана Сафар Абиев не скрывает направленность военной помощи Турции в деле развития и укрепления азербайджанской армии, указывая, что «имеется множество факторов, объединяющих Турцию и Азербайджан, в том числе необходимость возвращения оккупированных Арменией территорий Азербайджана».¹³²

При этом защита и безопасность нефтепровода и обеспечение транспортировки нефти видятся основной ширмой для развертывания турецко-азербайджанского военного сотрудничества.¹³³

Стоит отметить, что Азербайджан числится среди 18 стран, образу-

щих рынок сбыта для турецкого оружия. Турция производит военные и гражданские корабли, авиационную электронику, ракеты, а также малое вооружение, и надеется значительно расширить свою военную индустрию. В Азербайджане налаживается также совместное производство нескольких видов оружия и вооружений, в том числе наступательного вида.

Глава 3. Исламские наемники в Карабахской войне: к истокам проникновения сети международного терроризма в Азербайджан и Турцию

События 11 сентября 2001 г. в США наглядным образом выявили уязвимость мирового сообщества перед вызовом, брошенным ему радикальными религиозными группировками и сетью международного терроризма. Для полного понимания процессов становления и координации действий современных экстремистских и террористических группировок, действующих во многих регионах евразийского пространства, очень важно проследить историю их возникновения, а также вовлеченность в события, происходящие в конфликтных зонах. Несомненно, налаживанию тесных связей между радикальными исламскими группировками, функционирующими в разных странах, определенным образом способствовали «горячие точки», возникшие на территории бывших СССР и Югославии. Конфликты в Нагорном Карабахе, Таджикистане, Чечне и Боснии стали ареалами взаимодействия и сотрудничества как непосредственно между радикальными исламистскими группировками, так и между ними и властными структурами стран, покровительствующих им или же направляющих их действия.

В этой связи затяжной конфликт вокруг Нагорного Карабаха представляется интересным с точки зрения изучения предпосылок для возникновения сети международных террористических группировок на Кавказе, в частности в Азербайджане, где в лице властных структур эти силы находили надежную опору и покровительство в разворачивании своей деятельности.

Кроме того, появление турецких националистов в Азербайджане и на Северном Кавказе, по мнению Н. Киреева, во многом способствовало возникновению политической нестабильности, а также совершению террористических акций.¹

Даже сегодня, в условиях хрупкого перемирия, в конфликтных зонах все чаще проявляется моджахедский фактор - один из разновидностей военизированной исламистской идеологии. Это явно прослеживается на примере послевоенной Боснии. Это явно прослеживается на примере послевоенной Боснии. Часть арабских волонтеров - «воинов Аллаха», прибывших сюда воевать против сербов в 1992-1995 гг., осела в стране, институционализируя свое присутствие смешанными браками. Другая

часть приняла участие в чеченской войне, а третья присоединилась к формирующимся структурам «Аль-Каиды» в Афганистане.²

Аналогичные процессы протекали в Азербайджане после подписания Бишкекского протокола и установления режима прекращения огня в Карабахе. На территории бывшего СССР именно в Азербайджане появились первые ячейки «Аль-Каиды», когда эта организация основала свое представительство в Баку и начала оказывать поддержку азербайджанским силам в войне за контроль над Нагорным Карабахом.³

Особую роль в распространении террористических действий по всему миру стали играть исламские радикалы, которые после выхода советских войск из Афганистана развернули свою деятельность в «горячих точках» евразийского пространства в поисках новых «джихадистских войн». В первой половине 1990-х годов бывшие арабские моджахеды или, как их еще называют, «арабские афганцы», воевавшие в свое время против советских войск в Афганистане, совершили «конфликт-круизы» по «горячим точкам» – Таджикистану, Карабаху, Чечне, Боснии и т. д.⁴ К 1992 г., получая финансирование от пакистанских спецслужб, вооруженное исламское движение начало финансировать и обучать исламских террористов и боевиков в своих лагерях в Афганистане и Пакистане для ведения джихада по всему миру.

Кавказский регион, расположенный между «горячими точками» на Балканах и в Центральной Азии, стал перевалочной территорией. Азербайджан, Чечня и северные районы Грузии превратились в хорошо оснащенные военные базы для разнообразных радикальных группировок, развернувших свою террористическую деятельность против РФ, Республики Армения и НКР.

В недавно рассекреченных документах (датированных 1998 г.) Агентства оборонной разведки США относительно планов «Аль-Каиды» на Северном Кавказе и в центральноазиатских республиках, раскрывающих цели, контакты, методы, а также источники финансирования и тренировочные базы этой организации, содержалась информация о наличии «прямого маршрута в Чечню из Пакистана и Афганистана через Турцию и Азербайджан».⁵

Развертыванию террористической деятельности различных радикальных исламистских группировок как в Азербайджане, так и в Чечне в немалой степени способствовала турецкая сторона, точнее, турецкие спецслужбы, стремящиеся таким образом добиться основных своих целей: ослабления российского влияния в регионе и увеличения уязвимости безопасности Республики Армения и НКР.

В начале 1990-х президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия Дж. Дудаев совершил визиты в Турцию, в непризнанную Турецкую Республику Северного Кипра, а также в ряд мусульманских стран Ближнего Востока. В ходе этих посещений ему удалось договориться о налаживании поставок оружия в Чечню. Уже к осени 1994 г. транспортные самолеты национальной чеченской авиакомпании выполняли челночные рейсы с необозначенным грузом по маршруту Хартум – Баку. Оружие советского производства, закупленное Турцией в Восточной Германии, переправлялось авиатранспортом через турецкий город Битлис на азербайджанский военный аэродром «Насосная», расположенный недалеко от Баку.⁶ Одновременно активизировали свои действия в Чечне боевики турецкого и азербайджанского филиалов ультранационалистической организации «Серые волки», часть которых проходила обучение в лагерях подготовки турецких спецслужб.

Главные геополитические цели чеченских лидеров в кавказском регионе были обрисованы Джохаром Дудаевым в интервью турецкой газете «Заман» в марте 1994 г. Они сводились к следующему: «Мой план предполагает создание союза кавказских стран, знаменующего объединенный Кавказ, направленный против русского империализма. Нашей главной целью стало достижение независимости и свободы совместно с кавказскими республиками, которые в течение 300 лет были под гнетом России. После этого мы предложим вместе эксплуатировать богатые природные ресурсы и нефть Кавказа и транспортировать их через Турцию на мировые рынки».⁷

В свою очередь Азербайджан предпринял попытки привлечь наемников из исламских стран к участию в военных действиях в развязанной против мирного армянского населения НКР и Республики Армения войне.

Надо сказать, что террористические группировки и радикальные исламистские течения обосновались в Азербайджане еще до провозглашения страной независимости. Однако принято считать, что благодатная почва для деятельности таких организаций в Азербайджане возникла с приходом к власти Гейдара Алиева, который начал привлекать наемников из Афганистана, Пакистана, Турции и других стран к борьбе против карабахских армян.⁸ В этом вопросе Г. Алиев продолжил традицию своих предшественников, которая заключалась в использовании иностранной военной силы для разрешения Карабахского конфликта. Президенты Азербайджана и раньше пытались разрешить Карабахскую проблему и повысить боеспособность армии путем использования советских вооруженных сил или же иностранных наемников и военных инструкторов.

Так, А. Муталибов удачно воспользовался советскими войсками для претворения в жизнь политики этнической чистки в армянонаселенных северных районах Карабаха. В период правления президента А. Эльчибея азербайджанскую армию инструктировали военные советники из Турции, России, Пакистана и США.

Азербайджан также стремился применить свои связи с мусульманскими странами и радикальными исламскими организациями для дипломатической изоляции Армении и получения финансовой и военной помощи с целью продолжения военной кампании в Нагорном Карабахе.

Одним из действенных способов подавления сопротивления армян Нагорного Карабаха азербайджанские власти считали привлечение чеченских боевиков и афганских моджахедов в военные действия на карабахских фронтах в период с 1992 по 1994 год.

Чеченские наемники в Карабахе

В осуществлении политики отделения от России чеченские власти придавали большое значение действиям, направленным на приобретение союзников, в особенности в кавказском регионе. В этом отношении Грозный рассматривал Баку в качестве одного из основных опорных пунктов на Южном Кавказе. Учитывалось и то обстоятельство, что Азербайджан вплоть до конца 1993 г. не входил в состав СНГ. Эта солидарность жила также и на идее всеобщего Кавказского дома, которая была призвана консолидировать народы и страны Кавказа в борьбе против влияния России.

Уже в начале 1990-х годов лидер «Народного фронта» Азербайджана Абульфаз Эльчибей посетил Грозный и наладил дружественные отношения с генералом Джохаром Дудаевым.⁹

В середине весны 1992 г. Чечню посетила делегация мусульманских лидеров Азербайджана, которая встретила с генералом Дж. Дудаевым. По утверждению некоторых источников, в состав этой делегации инкогнито входили также и представители Министерства обороны Азербайджана. Кроме обсуждения вопросов протокольного характера (налаживание связей между двумя странами и народами, объединение усилий по возрождению ислама и т. д.), во время двусторонних встреч поднималась тема и военного сотрудничества. В частности, была рассмотрена возможность участия солдат вооруженных сил Чечни в боевых действиях в Нагорном Карабахе, причем оснащение последних бронетехникой и боеприпасами азербайджанская сторона брала на себя.¹⁰

Однако Дж. Дудаев, по всей видимости, не был заинтересован в открытом вовлечении Чечни в армяно-азербайджанский конфликт, и было принято решение за соответствующую плату привлекать к боевым действиям только чеченских добровольцев. По разным источникам, размеры гонораров чеченских наемников составляли от 600 до 1000 рублей в день.¹¹

Вербовка наемников происходила на территории бывшей воинской части на улице Бутырина в Грозном. Подогреваемые идеями исламской и кавказской солидарности, чеченские боевики прибывали в Азербайджан под предводительством небезызвестного полевого командира Шамиля Басаева. Бакинское руководство надеялось с помощью чеченских отрядов окончательно сломить боевой напор карабахских армян. В начале июля 1992 г. в Карабахе уже насчитывалось около 300 чеченских наемников. В ходе первых же столкновений с армянскими подразделениями чеченцы понесли серьезные потери, и среди убитых азербайджанских солдат армяне нередко находили граждан России из Чечни.¹²

По признанию самих чеченских наемников, основным фактором, повлиявшим на решение участвовать в боевых действиях в Карабахе, стала идея кавказской и исламской солидарности, а также близость района конфликта к Чечне.¹³ Учитывая отвагу и дисциплинированность чеченцев, азербайджанское армейское руководство назначало их командирами взводов и рот, также с их участием нередко формировались заградительные отряды для расстрела дезертиров и отступающих азербайджанских солдат.

В июле 1993 г. «Чечен-пресс» сообщило об участии чеченцев в боевых действиях в Нагорном Карабахе, что подтверждалось первыми жертвами среди них.¹⁴

В отличие от боевых действий против грузинских войск в Абхазии, дела у Ш. Басаева в Карабахе шли не столь благополучно и, понеся ощутимые потери, чеченские отряды очень скоро оставили карабахский театр военных действий, что также в немалой степени было связано и с внутричеченскими и российско-чеченскими проблемами.

В ходе боевых действий армянскими силами самообороны было взято в плен несколько чеченцев. Для их освобождения в Степанакерт прибыл представитель официальных чеченских властей, и выдача пленных была согласована в ходе переговоров с армянскими властями НКР. В результате были отозваны также и чеченцы, состоящие в личной охране азербайджанского президента. По странному стечению обстоятельств, это случилось накануне вооруженного выступления мятежного азербайджанского полковника Сурета Гусейнова в Гяндже и последующего марша мятежников на Баку в июне 1993 г. Следует отметить, что среди солдат С. Гу-

сейнова тоже были солдаты-чеченцы.¹⁵

Учитывая это, не будет преувеличением утверждение, что чеченские наемники сыграли определенную роль во внутривнутриполитических перестановках в Азербайджане.

После подписания в мае 1994 года Бишкекского протокола о прекращении огня¹⁶ чеченские лидеры не раз выступали с обещаниями прийти на помощь единоверцам-азербайджанцам и «освободить» Карабах от армян, после того как разберутся со своими «домашними делами».¹⁷

Участие чеченцев в боевых действиях в Карабахе было вызвано желанием приобрести военные навыки для их последующего применения в ожидаемом военном конфликте у себя на родине. С другой стороны, привлечение чеченцев к боевым действиям явилось попыткой Баку в какой-то мере компенсировать неэффективность азербайджанской армии.

Малоэффективность же чеченских отрядов была обусловлена характером ведения военных действий в Карабахе, по многим параметрам отличавшихся от войны в Абхазии. «Чеченский опыт», в частности, не мог пригодиться в боевых действиях на открытой местности с использованием тактики наступления и контр наступления при наличии более или менее четких фронтовых линий и коммуникаций. Сущность и преимущество «чеченского опыта» заключались в разработанной тактике уличных боев и сражений в гористой местности.¹⁸

Тут уместно задаться вопросом: а что на самом деле влекло чеченцев в пекло Карабахской войны? Материальная заинтересованность или религиозная солидарность? Скорее всего, ни то, ни другое. По утверждению газеты «Ичкерия», согласно договоренности с азербайджанской стороной, на широкую ногу была поставлена переброска оружия из Азербайджана в Чечню. По всей видимости, это был хорошим стимулом для азербайджано-чеченского сотрудничества. Таким образом Грозный хотел пополнить свой арсенал вооружений.

В начале июля 1992 г. началась отправка в Чечню большого количества боеприпасов и оружия, ранее использовавшегося в боевых действиях в Нагорном Карабахе. Перемещение оружия в Чечню происходило по маршруту Самур (Азербайджан) – Касумкент – Дулбуг – Хаджалмахи – Глох – перевал Харамы (Дагестан). Учитывая привлечение национальной гвардии Чечни к вербовке наемников – а это происходило на территории расположения ее части, – официальные круги в Грозном были задействованы или по крайней мере осведомлены о проводимых операциях по вербовке наемников и переброске оружия.¹⁹ Таким образом, с одной стороны, в Карабахе набирались боевого опыта чеченцы-наемники, а с дру-

гой – Грозный в лице Азербайджана имел довольно солидное тыловое обеспечение в своем противостоянии с Россией.²⁰

Чеченские наемники во главе с Ш. Басаевым принимали участие в боевых действиях в Шуши в мае 1992 г., в Агдаме летом 1993 г. и были в числе последних, оставивших боевые позиции под давлением армянских сил.²¹

Отряды во главе с Ш. Басаевым, Русланом Гелаевым и др., по словам азербайджанских военных и экспертов, «из-за больших потерь вынуждены были покинуть поле боя и уйти».²² Карабахский опыт эти полевые командиры использовали в последующих чеченских войнах. В то же время сотни чеченских наемников остались в Азербайджане до самого окончания Карабахской войны.

Надо полагать, что приобретенное чеченцами в ходе краткосрочной карабахской кампании оружие было использовано в боевых действиях против федеральных сил в первые же дни Чеченской войны. Российские военные источники не раз сообщали об использовании вышеуказанного маршрута снабжения чеченских сил оружием из Азербайджана и Турции в ходе первой чеченской кампании. Более того, в период Первой чеченской войны была зафиксирована и воздушная переброска оружия из Азербайджана в Чечню.²³ Также был налажен транзит оружия через территорию Дагестана морским путем. Активную роль в снабжении чеченских сил вооружением и добровольцами из Азербайджана сыграло азербайджанское крыло турецкой ультранационалистической организации «Серые волки» и ее лидер Искандер Гамидов, а руководство Азербайджана, по большому счету, не создавало препятствий для участия азербайджанских «серых волков» в военных действиях на стороне чеченцев.²⁴ Достаточно привести интервью И. Гамидова радиостанции Би-Би-Си в декабре 1994 г., в котором он заявил об отправке 270 членов его партии в Чечню для участия в войне против России.²⁵

Обвинения в адрес Азербайджана, на официальном уровне способствующего снабжению оружием и переправке моджахедов в Чечню, были озвучены директором ФСБ России Сергеем Степашиным во время его визита в Баку в 1995 г., а также опальным азербайджанским премьер-министром Суретом Гусейновым, заявившим, что «азербайджанское правительство снабдило оружием дудаевцев и позволяло моджахедам проникать в Россию через Азербайджан».²⁶

Более того, в декабре 1994 г., по совету Турции, из Карабаха в Чечню через Азербайджан были направлены два спецподразделения.²⁷

Действия религиозных экстремистов, действующих в Дагестане и Чечне, получали солидную поддержку со стороны официального Баку.

Так, советник президента Гейдара Алиева Вафа Гулузаде сразу же после нападения боевиков Басаева и Хаттаба на Дагестан в августе 1999 г., заявил, что «борьба чеченцев и дагестанцев под руководством Хаттаба и Басаева не является, как утверждают официальные органы России, терроризмом, ее следует квалифицировать как национально-освободительную войну».²⁸

По свидетельству азербайджанского военного эксперта А. Юнусова, наиболее тесные связи между азербайджанской и чеченской сторонами были налажены в сфере оружейного бизнеса: через Азербайджан из Турции и стран мусульманского Востока шла поставка оружия в Чечню.³⁰ Имеющиеся данные свидетельствуют, что каналы транзита значительных финансовых средств и снаряжения с территории Турции в Чечню продолжают функционировать. Все это иллюстрирует широкие возможности для использования террористами территории Турции и расположенных здесь инфраструктур. Газета «Московские новости» в числе спонсоров чеченских боевиков называет и турецкие организации «Средневосточный тюркский союз», «Фонд дружбы Турции с Саудовской Аравией» и др.³⁰

По этому поводу еще в самом начале Первой чеченской войны, 5 января 1995 г., руководство Российской Федерации обратилось к правительству Турции с требованием принять необходимые меры и не допускать участия турецких добровольцев в событиях на Северном Кавказе на стороне Дж. Дудаева.³¹ Резкое недовольство Москвы вызвали также два визита Дж. Дудаева в Турцию, где он был принят официальными лицами, в частности премьер-министром С. Демирелем в октябре 1993 г.³² Солидаризирующиеся на основе исламского вероисповедания настроения руководства Турции резко усилились, в особенности после прихода к власти исламистского правительства Н. Эрбакана.

При активном участии Н. Эрбакана, на должность государственного министра и пресс-секретаря правительства Республики Ичкерия был назначен гражданин Турции и чеченец по происхождению Б. Яшар, которого на это место рекомендовала Т. Чиллер. Б. Яшар был членом стамбульского комитета Партии Верного пути. Одновременно Яшар был назначен чрезвычайным и полномочным послом Республики Ичкерия в Турции.³³ Чеченские силы, по словам шведского аналитика Сванте Корнелла, обеспечили дальнейшее использование Азербайджана в качестве базы для своей деятельности, а турецкая сторона поддерживала практически ежедневный контакт с Дж. Дудаевым вплоть до его убийства в 1995 г.³⁴

В вербовке турецких добровольцев большую роль сыграли так называемые «Очаги исламского порядка», созданные представленной в пар-

ламенте Партией Большого единства. Добровольцы предварительно проходили военную подготовку в специальных лагерях на территории Турции, близ Трабзона, а также на территории оккупированного турецкими войсками Северного Кипра. Само турецкое руководство такие инициативы приписывало чеченской диаспоре.³⁵ Для официальной турецкой риторики характерно было оправдывать присутствие турецких следов в Чечне активностью турецких граждан чеченского происхождения, а также наличием сочувствия и интереса к судьбам своих соотечественников в Чечне. Однако не раз в руки российской стороны попадали доказательства, свидетельствующие о фактах поддержки чеченских сил официальными кругами Турции.

Геополитические расчеты Турции и Азербайджана были более чем ясны. Как указывает американская исследовательница Ширин Хантер, для этих стран чеченский конфликт создавал возможности ослабления позиций России на Южном Кавказе.³⁶ По некоторым данным турецкой прессы, на стороне Дудаева сражалось до 2000 турецких граждан, в числе которых были добровольцы из турецких и азербайджанских «Серых волков».³⁷ Учитывая размах боевых действий и количество потерь с обеих сторон, это число не кажется слишком завышенным.

Как уже было сказано, поддержка чеченских сил с территории Азербайджана велась также и в период Второй чеченской войны. Равно как во время первой кампании, через азербайджанскую территорию проходил один из основных маршрутов переброски оружия, боеприпасов и наемников в Чечню из Турции и других стран Ближнего Востока.

В турецких больницах лечились раненые чеченские военные, в стране действовало несколько организаций, финансирующих закупку и доставку оружия в Чечню. В Турции некоторое время находился сервер, на котором был размещен интернет-сайт Мовлади Удугова «Кавказ-Центр».³⁸ И это все находилось под бдительным контролем турецких военных и спецслужб. Более того, сотрудники турецкой разведки нередко попадались и среди убитых после операций федеральных сил боевиков³⁹, а чеченские добровольцы, в свое время воевавшие в Карабахе на стороне азербайджанцев, вскоре примкнули к террористическим структурам, получая из Турции солидную поддержку.⁴⁰

Афганские моджахеды в Карабахе

Первоначально из Афганистана было выражено свое отношение к событиям в Нагорном Карабахе и Азербайджане в форме предупреждения

руководству СССР и Индии, озвученного оппозиционной группировкой «Исламская партия Афганистана». Ее лидер Гульбеддин Хекматияр в начале 1990 г. выступил с заявлением по поводу событий в Азербайджане и индийском штате Джамму и Кашмире. В нем, в частности, говорилось, что «Моджахеды Афганистана не могут оставаться безразличными к жгучим исламским проблемам. Мы подтверждаем, что афганские моджахеды будут оказывать гуманитарную помощь нашим братьям». ⁴¹ Однако эта «гуманитарная помощь» оказалась вовсе не гуманитарной, и через несколько лет при содействии азербайджанских руководителей из Афганистана была налажена поставка в Азербайджан живой силы и оружия.

Одним из факторов, повлиявших на усиление деятельности радикально-террористических организаций в сегодняшнем Азербайджане, является также и сотрудничество официального Баку с афганскими моджахедами в период Карабахской войны. Именно с его началом в Азербайджане обосновались представительства различных радикальных исламских организаций, располагавших широкими связями с международными террористическими организациями, а позднее наладивших контакты и с бенладенской «Аль-Каидой». Для последней Азербайджан стал одним из опорных пунктов ведения террористической деятельности. По утверждению американского исследователя Питера Скотта, иностранное исламистское присутствие в Баку было поддержано финансовыми структурами бен Ладена. Под предводительством последнего и при содействии саудовской стороны Баку превратился в настоящую базу для джихадистских операций в Дагестане и Чечне. ⁴²

Предыстория появления афганских моджахедов на территории Азербайджана такова.

Летом 1993 г., когда азербайджанские войска терпели неудачи на карабахских фронтах, официальный Баку обратился за помощью к руководству Афганистана для привлечения афганских моджахедов к боевым действиям против армянских сил самообороны Нагорного Карабаха.

В июле 1993 г. в столицу Афганистана Кабул прибыл заместитель министра внутренних дел Азербайджана Ровшан Джавадов, который встретился с премьер-министром Афганистана, лидером афганской партии «Хезб-и-Ислами» (Исламская партия) Г. Хекматияром для переговоров об отправке афганских боевиков в Азербайджан. ⁴³ А в середине декабря Баку посетили зять премьер-министра Афганистана вместе с представителем союзника Хекматияра — генерала Рашида Дустума.

«Хезб-и-Ислами» являлась «одним из стержней «афганского филиала», осуществлявшего организацию тренировок алжирских и египетских мод-

жахедов» в Афганистане. ⁴⁴ Г. Хекматияр, будучи прежде основным получателем иностранной помощи, к середине 1990-х столкнулся с финансовыми трудностями в связи с уходом советских войск из Афганистана и значительным сокращением финансирования со стороны зарубежных доноров, которые стали искать новых, более действенных проводников своих интересов в Афганистане. ⁴⁵ Скорее всего, это обстоятельство сыграло не последнюю роль в согласии афганских лидеров на сотрудничество с официальными кругами Азербайджана в деле поставки живой силы для терпящей полное фиаско азербайджанской армии. Следует полагать, все это совершалось отнюдь не из соображений исламской солидарности, а имело под собой определенную финансовую заинтересованность. Однако в вербовке афганцев все же был использован религиозный фактор, точнее, пропагандистское клише о борьбе «между христианской Арменией, которой помогает Россия, и мусульманским Азербайджаном». ⁴⁶

По справедливому замечанию некоторых авторов, привлечение Азербайджаном афганских моджахедов в зону Карабахского конфликта могло стать импульсом для нового витка напряженности в Карабахе. Собственно говоря, никакого существенного изменения в последующее развитие ситуации афганцы внести не смогли, разве что своим присутствием всего лишь засвидетельствовали безысходность положения официального Баку, который «был поставлен на колени и цеплялся за все, что можно». ⁴⁷

Афганские моджахеды, прибывшие в Карабах, в основном были из хекматияровской группировки «Хезб-и-Ислами». В роли посредника между азербайджанской стороной и моджахедами выступал некий Вайдаллах, который организовал и координировал работу по привлечению и размещению наемников в Азербайджане. ⁴⁸ По словам американского журналиста Томаса Гольца, в процессе переброски афганских наемников в Азербайджан участвовали американские военные, в прошлом состоявшие в спецвойсках США и вовлеченные в известную сделку Иран-Контрас. ⁴⁹ В то же время азербайджанские летчики проходили обучение в Техасе, а некоторые американские военные инструкторы принимали действенное участие в обучении азербайджанских армейских подразделений. ⁵⁰

Для прикрытия этой беспрецедентной операции была создана фиктивная организация под названием «MEGA Oil». Ее «возглавили» американские офицеры Ричард Секорд, Харри Адерхольд и Гарри Бест. По словам американцев, еще в 1992 г. представители администрации президента Азербайджана А. Муталибова попросили их организовать работу по вербовке контингента афганцев и тренировке азербайджанских новобранцев, а также наладить поставки оружия по известным им каналам. ⁵¹

Впрочем, американским нефтяным компаниям инкриминировалась трата миллионов долларов, предназначенных не только для дачи взяток азербайджанскому правительству, но и для организации смены последнего. По источникам турецких спецслужб, нефтяные компании «Еххон» и «Mobil» «стояли за переворотом» 1993 г., в результате которого к власти пришел Г. Алиев. Этот же источник информировал о состоявшейся в Баку встрече с участием «ключевых лиц» от «British Petroleum», «Еххон», «Амосо», «Mobil» и «Турецкой нефтяной кампании», на которой, по настоянию азербайджанской стороны, был обсужден вопрос снабжения Азербайджана оружием.⁵²

Афганцы, прибывшие в Азербайджан, были дислоцированы на территории бывших советских военных частей. Тренировки афганских моджахедов проходили под наблюдением американских и турецких инструкторов и, по словам афганцев, оказались очень тяжелыми, так как инструкторы были чрезвычайно требовательны, и один из афганцев даже был застрелен во время спора с турецким инструктором.⁵³

Фактически афганские наемники стали первой иностранной вооруженной группировкой, появившейся в зонах межнациональных и внутригосударственных конфликтов на территории бывшего СССР. Афганские боевики воевали в Таджикистане и в Нагорном Карабахе. Стоит отметить, что если в первом случае моджахеды солидаризировались с таджикской оппозицией на этнической и идеологической основе, то в Карабахе на первом месте выступала материальная заинтересованность. Одним из первых, кто откликнулся на призыв повоевать против армян в Карабахе, был тогда еще малоизвестный арабский моджахед Хаттаб. Он попал в Афганистан в середине 1980-х в числе множества арабов, прибывших сюда для участия в сопротивлении советским войскам. Их стали называть «арабскими афганцами».⁵⁴

Арабских ветеранов афганской войны насчитывалось около 15 тыс. человек. «Афганцы» зарекомендовали себя как наиболее экстремистская часть радикальных исламистов, отдающая приоритет террористическим методам борьбы и действующая с особой жестокостью. Их роль была значительной в кровавой гражданской войне в Алжире. Присутствие арабских религиозных фанатиков в Боснии в некоторых случаях служило причиной недовольства и разногласий со светскими боснийцами.⁵⁵ Большинство арабов, оставшихся в Афганистане, поддерживали Хекматияра. Только «арабских афганцев» в хекматияровской «Хезб-и-Ислами» насчитывалось около 3500 человек.⁵⁶

Мало сомнений в том, что большое число арабских ветеранов афган-

ской войны попало в ряды моджахедов, прибывших в Азербайджан, тем более, что в тот период большинство из них собиралось покинуть Афганистан в надежде найти новые регионы для реализации боевого опыта «во имя исламской солидарности».

Азербайджан подготовился к приему афганских моджахедов на должном уровне. В действующую армию были призваны переводчики, знатоки дари и пушту. Из попавших в руки армянских сил документов и донесений азербайджанских офицеров становится ясно, что афганцы со временем превратились в обузу для азербайджанцев, поскольку большинство из них было очень требовательно к пище и медицинскому обслуживанию. Любопытен один из азербайджанских военных документов, содержащий слова азербайджанского подполковника Д. Ляtifова о том, что сложилось такое ощущение, будто «они (моджахеды – Г. Д.) пришли к нам лечиться, а не воевать».⁵⁷ Кроме всего прочего, в руки армянской стороны попали документы, свидетельствующие об «афганском присутствии» в Азербайджане: фотографии, исламская литература, изданная в Афганистане и Пакистане, записи и неотправленные письма на дари и пушту, а также военные карты и инструкции для организации артиллерийских расчетов и боевых стрельб. По фотографиям, сделанным в городе Гяндже, удалось установить, что часть афганских моджахедов была дислоцирована на территории учебного центра 104-й гянджинской воздушно-десантной дивизии бывшей советской армии.⁵⁸

Уже к концу августа 1993 г. на физиулинском и зангеланском направлениях карабахского фронта на поле боя были обнаружены трупы афганских моджахедов в традиционных национальных костюмах. В справках-докладах азербайджанских командиров афганские подразделения обозначались как «спецконтингент». Любопытно, что армейское руководство Азербайджана следило за действиями моджахедов с целью пресечения попыток агитации против властей республики.⁵⁹

По признанию карабахцев, моджахеды воевали упорно, но ничем существенным не могли помочь отступающим азербайджанским частям. Несмотря на попытки официального Баку опровергнуть наличие в республике афганцев, информированные источники указывали на присутствие там от полутора до двух тысяч моджахедов.⁶⁰ Причем на фронте одновременно их находилось не более двух-трех сотен. Воевали афганцы по установленному расписанию: один день в неделю находились на позициях, а в остальные дни отдыхали. Во время отдыха им было разрешено уезжать в Баку, Мингечаур и другие города Азербайджана, а некоторых даже специальными авиарейсами увозили в Афганистан.⁶¹

Приход афганских моджахедов обеспечил не только пополнение поредевших рядов азербайджанской армии, но и создал новый канал переброски партий оружия в Азербайджан из афганских арсеналов.⁶²

Основная масса моджахедов была дислоцирована на южном направлении карабахского фронта, близко к иранской границе. Один из афганских военнопленных, Бахтиор Вербаллах Баберзаи (племя рашиддустан) из города Мазари-Шарифа, принимал участие в военных действиях на физиулинском направлении карабахского фронта. По его словам, азербайджанское командование обещало по окончании контракта каждому из афганских наемников вознаграждение до пяти тысяч долларов США. В первые месяцы пребывания в Азербайджане наемники получали гонорар в тысячу манатов (чуть больше одного доллара США). В зависимости от того, как они себя зарекомендовали и от успехов на фронтах афганцы получали в дальнейшем право на заработки в валюте.⁶³

В основном афганские наемники служили в пехоте, используя в штурмовых отрядах свои навыки ведения военных действий в горных условиях. Владение различными видами стрелкового оружия, в основном советского производства, а также боевой опыт ведения борьбы против бронетанковых войск советского типа, приобретенный еще в период афганской войны, на начальном этапе их участия в боевых действиях заставляли армянские силы врасплох, в особенности на южном направлении фронта. «Афганский опыт» борьбы против танков заключался в следующем: если с помощью одного гранатомета невозможно вывести из строя боевую машину пехоты (БМП) или же обычный танк, то одновременный залп из нескольких гранатометов приводил к детонированию боекомплекта танка, и машина взрывалась.⁶⁴

Тем не менее, было очевидно, что опыт ведения боевых действий, накопленный афганскими моджахедами у себя на родине, не годился в условиях Карабаха.⁶⁵

Следует отметить, что уровень содержания афганских наемников по сравнению с азербайджанскими частями был на порядок выше. Афганцы жили в отдельных секторах и редко контактировали с азербайджанскими солдатами. На то было несколько причин.

Во-первых, азербайджанские солдаты не соблюдали требований шариата относительно воздержания от употребления спиртных напитков. Афганцы же следовали предписанным Кораном бытовым ритуалам. По этой причине питались они отдельно и пищу готовили самостоятельно.⁶⁶ Интересно, что винный завод недалеко от азербайджанского города Агдама был взорван самими афганцами из-за чрезмерного употребления

вина азербайджанскими солдатами, в результате которого азербайджанские силы несли потери. Довольно частым явлением были стычки между афганцами и местным азербайджанским населением на почве соблюдения исламских ритуалов и традиций. Так, к примеру, имело место несколько случаев избиения азербайджанок афганцами из-за того, что женщины ходили с непокрытыми головами.⁶⁷

Во-вторых, в составе азербайджанских сил воевали также наемники-славяне, которых афганцы называли «шурави», и с которыми на почве взаимной неприязни нередко возникали конфликты, с потерями обеих сторон. Известны также и случаи, когда этнические русские призывники или же азербайджанцы со светлыми волосами переводились из секторов, где доминировали афганцы, дабы не провоцировать столкновения между ними.⁶⁸ Нередки были и внутриафганские стычки, в частности между группировками наемников, принадлежавших к различным политическим течениям и партиям.

И наконец, в-третьих, азербайджанское военное руководство избегало излишнего афиширования участия афганцев в боевых действиях и старалось изолировать их от основного контингента азербайджанской армии. Во избежание скандалов и не желая навлечь на себя возмущение родственников убитых моджахедов, азербайджанские власти тщательно скрывали реальное количество потерь среди «афганского контингента», и по этой причине тела не всех погибших афганцев были отправлены на родину.⁶⁹

Вместе с тем, некоторые азербайджанцы все же входили в контакт с афганцами. В основном это были лица, заинтересованные в установлении связей для приобретения наркотиков из Афганистана и дальнейшего их распространения.⁷⁰ Наркобизнес сулил азербайджанским военным и властным структурам большие прибыли, и они незамедлительно приступили к налаживанию тесных связей с афганцами для организации надежных путей наркотрафика.

Хотя Баку до сих пор отрицает факт участия афганских боевиков в Карабахской войне, официальный Степанакерт располагает достаточным материалом для того, чтобы рассеять всякие сомнения на сей счет.

Ввиду опасности развертывания и дальнейшей эскалации и интернационализации конфликта президент Республики Армения Левон Тер-Петросян был вынужден направить письмо президенту Исламской республики Афганистан Бурхануддину Раббани и премьер-министру страны Гульбеддину Хекматияру, в котором выразил озабоченность участием в Карабахском конфликте афганских моджахедов в рядах азербайджанской армии. Кроме того, советник президента РА Жирайр Липаритян прибыл

с визитом в Кабул для обсуждения вопроса участия афганских наемников в зоне карабахского противостояния, выразив озабоченность армянской стороны.

В ответном письме, адресованном президенту Республики Армения Л. Тер-Петросяну, руководство Афганистана в лице президента страны Бурхануддина Раббани осуждало участие афганских граждан в вооруженных действиях в Нагорном Карабахе и выступало за разрешение конфликта мирным путем. В своем послании Раббани писал: «...Афганская сторона осознает переживания армянского руководства. Я хочу с большим сожалением сообщить Вам и в Вашем лице и народу Армении, что, действительно, некоторые группы авантюристов, подрывающие общественную и политическую стабильность в Афганистане для финансового обеспечения своих целей... ухудшают отношения между Арменией и Азербайджаном... Участие некоторых наемников под именем моджахедов не может ухудшить отношения между Афганистаном и Арменией. Афганская сторона всячески стремится препятствовать такому бесчеловечному бизнесу, который ведут экстремисты, использующие свои доходы от него для усиления нестабильности в Афганистане. В ближайшее время Афганистан постарается прекратить этот бизнес...»⁷¹

Это письмо, несомненно, можно считать наглядным примером дипломатического лавирования. Вовлечение руководства Афганистана в экспорт наемников за тысячи километров от собственной страны получило огласку в западных СМИ, и по этой причине афганские власти всячески старались откrestиться от этих фактов.

Участие афганских наемников в Карабахской войне в некоторых случаях было неоднозначно воспринято и в мусульманском мире. Так, к примеру, мусульмане Канады в письме, направленном в адрес руководства Афганистана, выражали свое возмущение и призывали приостановить вербовку моджахедов.⁷²

В боевых операциях на стороне азербайджанских сил в Нагорном Карабахе афганские наемники принимали участие вплоть до 1994 г. В боях с армянскими вооруженными силами «Афганская бригада» понесла тяжелые потери и в 1994 г. была расформирована. Оставшиеся в живых ее бойцы были направлены на диверсионно-подрывную работу и террористическую деятельность.⁷³

После подписания трехстороннего соглашения о прекращении огня в мае 1994 г. определенная их часть осела в Азербайджане⁷⁴, создав почву для развертывания широкой террористическо-подрывной деятельности под вывеской различных мусульманских религиозных и благотворитель-

ных организаций. Их роль была более чем значимой во время военной кампании федеральных сил РФ в Чечне, в особенности в организации военных и финансовых поставок из Турции в Азербайджан, а оттуда – в Чечню.

По ходу карабахской кампании наладились контакты между разными группировками и представителями афганских моджахедов и других исламистских организаций. За время их пребывания на территории Азербайджана чартерными рейсами из Кабула в Баку летали афганские наемники, а обратно в Афганистан на базы военной подготовки вблизи Кундуза и Толукана – чеченские боевики. Здесь располагались базы таджикской оппозиции, отряды которой к этому времени были вытеснены в Афганистан. Тут и произошло знакомство чеченцев с Хаттабом. Вернувшись к этому времени из Нагорного Карабаха, он влился в ряды таджикской оппозиции, а весной 1994 г. с группой «афганских арабов» в составе афганотаджикского отряда (20 человек) участвовал в нападении на российскую 12-ю заставу Пянджского погранотряда.⁷⁵

Позднее Хаттаб, используя чеченские связи, налаженные еще в Нагорном Карабахе, пробрался в Чечню, где возглавлял чеченские отряды в противостоянии с федеральными силами вплоть до своей смерти в 2002 г. За это время вполне легально, под видом паломников из Саудовской Аравии, через территории Иордании, Сирии, Турции, Азербайджана в отряды Хаттаба проникали боевики различных международных исламских экстремистских организаций, в основном – через КПП «Яраг-Казмалар» на российско-азербайджанской границе.⁷⁶

О связях между Хаттабом и международным террористом Усамой бен Ладеном говорится в рассекреченных документах Агентства оборонной разведки США. В них отмечается, что тесное сотрудничество чеченских лидеров с бен Ладеном и подготовка террористов проходили под надзором военных инструкторов из Афганистана, Турции, Азербайджана, Пакистана и Саудовской Аравии, которые попадали в Чечню через существующий коридор из Азербайджана и Турции.⁷⁷

Причем все это время Турция способствовала перемещению арабских и других исламских моджахедов из одной конфликтной зоны в другую. В первой половине 1990-х годов эта поддержка базировалась, в первую очередь, на стремлении Анкары «вернуться» на Балканы и «восстановить былое величие Османской империи». Заинтересованность турецких спецслужб и военных в сотрудничестве с разными радикальными исламистскими группировками, действующими в странах Ближнего Востока, Боснии и Герцеговине, исходила именно из желания Турции закрепиться

на Балканах, а также завербовать исламских наемников в качестве проводников турецких внешнеполитических интересов как на Балканах, так и на Кавказе.⁷⁸

Не обошли турецкие спецслужбы вниманием и моджахедов, действовавших на территории бывшей Югославии. В Карабахе воевали моджахеды из фракции Хекматияра – преимущественно пуштуны, которые принимали участие и в боевых действиях против сербских сил в бывшей Югославии.⁷⁹ После вступления моджахедов в Кабул в начале 1992 г., около 2 тыс. из них прибыли в Боснию и действовали в составе воинских формирований боснийских мусульман. После подписания Дейтонских соглашений, согласно одному из условий которых иностранные добровольцы должны были оставить территорию Боснии и Герцеговины, в марте 1996 г. более 300 моджахедов вылетели из Сараево в Стамбул, где после теплого приема, устроенного им турецкой исламистской партией «Рефах», лучшие 100 из них были отобраны турецкой МИТ и отправлены в тренировочный лагерь на территории Северного Кипра, а 200 джихадистов вернулись в Джалалабад, в лагерь, контролировавшийся Хекматияром, в ожидании возможной переброски в Чечню.⁸⁰

Турцией они использовались в карательных операциях против курдских повстанцев. Часть этого контингента была задействована также на территории Северного Ирака.⁸¹

Следует отметить, что опыт заигрывания турецких властей с разными террористическими группировками имеет давнюю традицию. Примером тому может служить сотрудничество с ультрарадикально-фашистской организацией «Серые волки» и проведение членами этой организации террористических актов против неугодных лиц. Другую террористическую группировку – «Хезболла» – турецкое правительство использовало в борьбе против курдских националистов.⁸² Впоследствии организация вышла из-под контроля турецких силовых ведомств и превратилась в серьезную угрозу национальной безопасности и внутренней стабильности самой Турции.

По замечанию турецких авторов, многие турецкие исламские радикалы, принимавшие участие в джихадистских войнах в Афганистане и Чечне, по возвращении на родину продолжали сохранять контакты с моджахедскими группировками.⁸³ Не исключено, что многие из них были впоследствии завербованы турецкими спецслужбами для проведения военно-террористических операций как внутри Турции, так и за ее пределами.

Как уже было сказано выше, покровительство террористическим груп-

пировкам со стороны турецких официальных лиц проявилось также во время двух чеченских войн. Захват паромы «Аврасия» в начале 1996 г. при непосредственном участии турецких спецслужб, а также угон российского самолета, следовавшего по маршруту Стамбул – Москва, участие турецких боевиков и агентов спецслужб в боевых действиях в Чечне позволяли российским спецслужбам говорить об открытой поддержке террористических и радикальных группировок со стороны официальной Анкары.

Анкара была вовлечена в политическую и пропагандистскую деятельность, обеспечивая лечение раненых чеченских боевиков в турецких лазаретах, а также в организацию на своей земле и на территории Турецкой Республики Северного Кипра чеченских баз по обучению военному делу. Таким образом, Турция превратилась в своего рода коридор для передислокации различных военизированных исламистских сил с одного фронта на другой, в частности с Северного Кавказа в Афганистан.⁸⁴

Согласно данным российских военных, офицеры турецкого Генштаба были не только активно вовлечены в разведывательные операции, но и помогали чеченским повстанцам в проведении специфических боевых акций против российских войск в Чечне.⁸⁵ Более того, турецкие источники указывают, что чеченцы, принимавшие участие в боевых действиях и проходившие лечение в Турции, устраивались на работу в турецкие строительные фирмы, имеющие договоры с коммерческими структурами России. По данным российских спецслужб, в составе строительных бригад они проникали в Россию и вели разведку для подготовки специальных операций.⁸⁶

С уходом из Карабаха чеченские главари неоднократно обещали «вернуться» туда для оказания помощи Азербайджану в случае возобновления боевых действий. Такие заявления были обусловлены желанием чеченских лидеров в дальнейшем заполучить поддержку Азербайджана в войне против федеральных сил, а в отдельных случаях таким образом выражалась благодарность за уже оказанную помощь. Так, к примеру, о вкладе Азербайджана в военные успехи чеченских формирований в Первой чеченской войне открыто выразился в Баку вице-президент Чеченской Республики Ваха Арсанов. По сообщению агентства «Туран» 27 августа 1997 г., он назвал Азербайджан братской страной, которая оказала солидную помощь Чечне, отметив при этом следующее: «Мы не забываем ни хорошее, ни плохое. Если Карабахский конфликт не будет разрешен мирным путем, мы готовы оказать Азербайджану любую помощь и поставить на колени кого надо».⁸⁷

Другой известный лидер чеченских сил, амир Высшего военного

Маджлиса Шамиль Басаев, в обращении к президенту Азербайджана писал: «...Видит Аллах, у нас есть серьезные намерения помочь мусульманскому народу Азербайджана, после того как нанесем поражение российским агрессорам. И мы не сомневаемся, что этот день недалек».⁸⁸

Источники в российских спецслужбах считали, что действия просепаратистских сил пользовались открытой поддержкой некоторых турецких официальных лиц. Установлены также факты участия турецких граждан в боевых действиях в Чечне на стороне вооруженных формирований. Имеющиеся данные свидетельствовали о том, что продолжали функционировать каналы транзита значительных финансовых средств и снаряжения с территории Турции в Чечню, а также лечение в Турции. Эти события показали всему миру широкие возможности для использования террористами территории Турции.⁸⁹

Привлечение чеченцев и афганцев в боевые действия в Карабахе и обоснование их на территории Азербайджана со временем обернулось серьезной проблемой для самого Азербайджана. Часть из них, вместо того чтобы участвовать в боевых действиях, вовлекались в криминальные отношения или же требовали высокие гонорары за свою работу. Кроме того, чеченский фактор в Азербайджане оказывал большое влияние на процесс ваххабитизации северных районов республики, где он протекал по нарастающей, и это вызывало серьезные опасения в плане появления новых очагов напряженности.

Более того, армянская сторона располагает фактами, что азербайджанское руководство намеренно расселяет чеченских беженцев на территориях бывшего армянонаселенного Шаумяновского района для последующего их вовлечения по необходимости в боевые действия.

Конфликт и наркотрафик

О существовании взаимосвязи между наркобизнесом и вооруженными конфликтами известно лишь из немногочисленной литературы по этой теме. Вместе с тем конфликт и наркотрафик, являясь разными явлениями и имея различную природу, вступают в определенное взаимодействие. Наркобизнес стал одним из «внутренних» источников финансирования «экономики войны», которую можно определить как производство, мобилизацию и распределение экономических ресурсов, необходимых для поддержания вооруженной борьбы. Средства, полученные от реализации наркотиков, используются также для финансирования транснациональных террористических сетей в условиях глобализации.⁹⁰

В случае Карабахского конфликта мы наблюдаем ситуацию, при которой конфликт становится мощным импульсом для наркобизнеса как в ходе вооруженного столкновения, так и на последующем этапе противостояния.

Главным источником наркотрафика в Азербайджан и основным фактором превращения Азербайджана в транзитную страну для перевозки наркотиков в Европу и в Россию стало привлечение в конфликтную зону сотен афганских моджахедов, с которыми азербайджанцы налаживали деловые связи для организации переброски наркогрузов, в частности опиума и героина из Афганистана. В конфликтных зонах торговля наркотиками была весьма прибыльным делом, и порой сумма, полученная за военные услуги, не выдерживала никакого сравнения с выручкой от реализации наркотиков.

Согласно некоторым данным, расходы на транспортировку и участие «арабских афганцев» в боевых действиях против армянских сил самообороны были покрыты за счет афганского героина.⁹¹

Следует заметить, что Г. Хекматияр, во многом в силу внешней поддержки (в основном от ЦРУ и пакистанской разведки), стал основным поставщиком героина на мировой рынок. В тесном сотрудничестве с пакистанской разведкой он контролировал шесть лабораторий по производству героина в Кох-и-Султане в провинции Балуджистан.⁹² Заметим, что только за период с 1992 по 1995 год в Афганистане производилось от 2200 до 2400 тонн наркотиков ежегодно. Начиная с 1991 г. группировка Хекматияра в поисках новых источников финансирования и средств стала специализироваться на производстве героина и контролировала более 86 полевых лабораторий.⁹³

Вскоре был организован слаженно действующий маршрут наркотрафика по странам так называемого «Золотого полумесяца», включающего Афганистан, Пакистан, Иран, Турцию и Азербайджан. В наркотрафик в Европу были вовлечены политические лидеры причастных государств вплоть до уровня первых лиц.

Среди этих стран Турция остается ключевым государством, обеспечивающим транзит в Европу и Америку героина, производимого в странах «Золотого полумесяца». Сам процесс наркотрафика контролируется силовыми структурами Турции, в частности сотрудниками службы национальной безопасности – МІТ, вплотную вовлеченными в наркотрафик вследствие антитеррористической кампании против курдов на востоке страны.⁹⁴ В турецкой прессе появлялись разоблачающие публикации о взаимных обвинениях двух силовых ведомств – МІТ и Главного управ-

ления жандармских войск Министерства внутренних дел Турции – в участии сотрудников обоих органов в международном наркобизнесе. В частности, в одном докладе МИТ говорилось, что конкурирующее ведомство «изготовило фальшивые документы для полицейских и дипломатические паспорта членам конкретных групп для обеспечения их работы в Германии, Голландии, Бельгии, Венгрии и Азербайджане по организации наркобизнеса под видом антитеррористической деятельности».⁹⁵ В свою очередь руководитель Главного управления жандармских войск МВД Турции Ханефи Авджи предъявил список вовлеченных в наркобизнес сотрудников МИТ.⁹⁶

Согласно оценкам западных экспертов, война в Курдистане ежегодно обходилась государству в 10 млрд долл., что составляло 12 % ВВП и 45 % госбюджета. В некоторых источниках отмечается, что единственной подлинной причиной соблюдения прекращения огня между отрядами РПК и правительственными войсками была необходимость обеспечить беспрепятственное прохождение караванов с товаром через так называемый «героинный треугольник» (Юксекова, Ван, Хаккяри).⁹⁷

Турецкие военные, участвовавшие в карательных операциях против РПК, тоже были вовлечены в наркобизнес, который стал даже причиной выяснения отношений между турецкими военными вплоть до устранения конкурентов в среде армейских чинов. Так, после убийства Джема Эрсевера, майора контрразведки турецкой армии, ответственного за специальные операции турецкой разведки, Совет безопасности Турции и высшие военные чины были озабочены тем, как бы «эти вовлечения, как следствие акций в Анатолии и на тюркоязычных территориях (Кавказ, Центральная Азия, Балканы), не заразили турецких военных вирусом коррупции».⁹⁸ В западных источниках говорилось о прямой связи между участием турецких военных «в кавказских войнах» в качестве военных советников и приобретенным опытом в наркобизнесе.⁹⁹

По мнению французского исследователя М. Жего, война в восточных регионах Турции способствовала расцвету теневой экономики вообще и наркобизнеса в частности. Если в 1970-х годах Турция рассматривалась лишь как перевалочный пункт для наркотранзита, то к концу тысячелетия она приобрела статус производителя и экспортера героина. Повсюду на территории Турецкого Курдистана возникли подпольные лаборатории по его переработке. По оценкам «American Drug Enforcement Agency», ежегодно через Турцию проходят партии наркотиков на сумму около 50 млрд долларов.¹⁰⁰

Как было отмечено выше, ключевую роль в организации и переправке

афганских моджахедов в западном направлении играл Пакистан, точнее, пакистанская Межведомственная разведка, уже с весны 1994 г. непосредственно вовлеченная в активное содействие джихаду в Чечне.¹⁰¹ Именно в это время поддерживаемые пакистанцами талибы начали мощное наступление против Северного альянса, чтобы обезопасить каналы переправки героина с территории Афганистана, что впоследствии позволило финансировать чеченских боевиков. Одновременно Исламабад предпринял шаги с целью гарантировать продвижение потока наркотиков и укрепить отношения между чеченцами и афганцами, поддерживаемыми Пакистаном. Для расширения прямых контактов между пакистанскими спецслужбами и чеченским руководством к этому процессу были подключены структуры «Хезб-и-Ислами» Г. Хекматияра.¹⁰²

Лаборатории по производству морфина и героина действовали на севере Афганистана вдоль границ со странами Центральной Азии на территориях, контролируемых Северным альянсом, хотя наиболее значительный объем переработки афганского опиума приходился в основном на Пакистан и Турцию. Одна из веток наркобизнеса из Центральной Азии в Турцию проходила через Южный Кавказ.¹⁰³

Еще во время Карабахской войны связи азербайджанских военных с афганскими наемниками позволяли получать наркотики, привезенные из Афганистана.¹⁰⁴ Бывший канадский дипломат Питер Дейл Скотт не отрицал возможное участие в наркотранзите американских инструкторов и вербовщиков афганских моджахедов для войны в Карабахе, в результате чего героин уже начал «протекать» в Чечню через Баку, Россию и даже Северную Америку. Более того, П. Д. Скотт считает, что операция по переброске афганских моджахедов в Азербайджан частично покрывалась доходами, вырученными от продажи афганского героина.¹⁰⁵

По утверждению П. Скотта, содействие Соединенных Штатов элементам, близкостоящим к «Аль-Каиде», особенно в Азербайджане и Косово, резко увеличило поток героина в Западную Европу и США.¹⁰⁶

Использование наркодоходов в экономике войны не было новшеством для Азербайджана. Еще в конце 1992 г. в Москве были обнаружены 184 лаборатории для получения героина, их владельцами оказались азербайджанцы, которые на вырученные от продажи наркотика деньги покупали оружие для доставки в Азербайджан и последующего использования в войне в Карабахе.¹⁰⁷

К середине 1990-х территория Азербайджана стала одним из основных транзитных путей международного наркобизнеса. Республика оказалась стратегическим коридором на пути наркотранзита из Афганистана в Рос-

сию и затем – в Европу. Следует отметить, что территория Азербайджана использовалась для этой цели еще в советские времена, пропуская наркострумы из Центральной Азии.

Случай Азербайджана как страны, используемой для наркотранзита, отличается от других по нескольким параметрам. Во-первых, наркобизнес в этой стране был налажен на уровне государственных лиц республики, и одним из главных следствий этого стало привлечение афганских наемников в зону карабахского противостояния. В результате были установлены конкретные бизнес-связи между афганскими и азербайджанскими лидерами, в том числе в кругу государственных чиновников. Во-вторых, вследствие чеченского конфликта и налаживания наркострановозов в Чечню, Азербайджан оказался страной-донором, одновременно пропуская наркострумы через свою территорию. Этому в немалой степени способствовали и вовлечение чеченских лидеров в наркобизнес, и наркотранзит через Чечню вследствие налаженных связей чеченских лидеров с афганскими исламскими радикалами, а также получение «гуманитарной помощи» в виде наркотиков.¹⁰⁸ В-третьих, наркобизнес и наркотрафик получили новые импульсы после появления в Азербайджане крупных нефтяных компаний, занимающихся транспортировкой азербайджанской нефти.¹⁰⁹ Немалую роль в развертывании наркотранзита через Азербайджан сыграли также турецкие спецслужбы и армейские круги, вплотную замешанные в наркотрафике в Европу. Достаточно сказать, что заместитель министра внутренних дел Азербайджана Р. Джавадов – главный переговорщик с афганским руководством в вопросе привлечения моджахедов в зону карабахского противостояния – являлся владельцем нарколабораторий в Сумгаите и других районах Азербайджана, а также контролировал наркотрафик из Афганистана. Именно в Сумгаите афганский опиум перерабатывался в героин перед транспортировкой в Турцию членами азербайджанских «Серых волков».

Абдуллах Чатлы, который был вовлечен в международный наркотрафик и не раз осужден за подобную деятельность в Европе, пользуясь покровительством властей Турции, тесно сотрудничал и с азербайджанскими политиками не только в сфере наркобизнеса, но и в попытке покушения на Г. Алиева с целью захвата власти более протурецки настроенной политической группировкой.¹¹⁰ В центре внимания после этого покушения оказались турецкие «правые», главным образом – организация «Серые волки», активно занимающаяся наркобизнесом. Сам А. Чатлы имел тесные связи с этой организацией и одновременно являлся действующим агентом турецких спецслужб. Именно он наладил сеть произ-

водства героина в Азербайджане, в частности в Нахиджеване, для его последующей транспортировки в европейские страны. Нахиджеван превратился в перевалочную базу на пути переправки опиума в турецкие лаборатории. Не исключено, что именно этот тандем турецких спецслужб и «Серых волков» был заинтересован в устранении Г. Алиева, а часть выреченных от наркотрафика денег правительство Турции направило на приобретение оружия и боеприпасов для чеченских и боснийских группировок.

Таким образом, наркобизнес занял устойчивое место в экономике Карабахской войны и являлся весомым фактором в попытках турецкой стороны установить в Азербайджане приемлемый для себя режим.

Впрочем, другой известный военный деятель современной истории Азербайджана, бывший премьер-министр Сурет Гусейнов, тоже был вовлечен в наркотрафик и владел так называемым «гянджинским картелем». Гянджинские нарколаборатории были плотно «прикрыты» благодаря родственными связями их владельцев с властями республики, в том числе и в силовых министерствах. Примечательно, что еще во время войны в Карабахе по настоянию С. Гусейнова из тюрем были освобождены более 700 осужденных за особо тяжкие преступления под тем предлогом, что они должны принимать участие в боевых действиях. Эти люди, имевшие склонность к употреблению наркотиков, были распределены мелкими группами среди воюющих частей. Группы наркодельцов, связанные с окружением полковника С. Гусейнова, организовали массовую продажу наркотических веществ в национальной армии Азербайджана.¹¹¹

Азербайджан в паутине международного терроризма

После подписания Бишкекского протокола и прекращения огня в Нагорном Карабахе в мае 1994 г., часть моджахедов покинули Азербайджан в поисках новых территорий для «священного джихада» на Северном Кавказе и Балканах. Однако созданные ими ячейки и «благотворительные организации» продолжили свою активную деятельность на территории, подконтрольной азербайджанским властям.

Азербайджан превратился в удобную инфраструктуру для поддержания устойчивой эскалации конфликтов как на Кавказе, так и на южных рубежах Российской Федерации. Этому способствовало наличие определенного консенсуса между азербайджанскими властями и лидерами радикальных исламистских группировок, действующих в Чечне, Пакистане и Афганистане. «Джентльменское соглашение» между президентом

Г. Алиевым и исламистами имело место в 1997 г., когда стороны пришли к взаимоустраивающей договоренности, согласно которой взамен на обещание не включаться в попытки переворота и вооруженного выступления против азербайджанских властей исламисты получили право на свободное перемещение наемников и оружия по территории Азербайджана. Более того, исламские радикалы пообещали также участие моджахедов в проведении операций против Армении и Нагорного Карабаха.¹¹²

По словам И. Боданского, эта инфраструктура имела многопрофильное значение и была призвана стать перевалочной базой для прибывших на Кавказ моджахедов с дальнейшей их переброской в Чечню, а также быть задействованной в разработке операций против России и Армении (включая Нагорный Карабах). С другой стороны, террористическая инфраструктура в Азербайджане выполняла функцию сосредоточения, получения боевых навыков, а также первоначальной акклиматизации и идеологической обработки иностранных добровольцев и наемников, в большинстве своем арабов, пакистанцев, афганцев и выходцев из центрально-азиатских республик, перед их отправкой на совершение террористических актов и военного обучения на базах, расположенных в Чечне, в частности, в районе Урус-Мартана, и курируемых Хаттабом. Хаттаб создал также учебную структуру, известную под названием Исламский институт «Кавказ», выпускники которого направлялись для продолжения обучения в Пакистан и Турцию.¹¹³

Среди обучающихся в расположенных в Азербайджане учебных центрах были и будущие шахиды-смертники, которые проходили первоначальную подготовку на базах бен Ладена в Афганистане. В этом отношении небезынтересно и то, что исламистская инфраструктура в Азербайджане была призвана не только привлекать ветеранов афганской войны, но и способствовать их дальнейшей консолидации в довольно сплоченный элитный корпус. Эти мероприятия получили весомую финансовую подпитку со стороны исламских благотворительных или же действующих под этим прикрытием организаций. Среди них можно назвать «Фонд Аль-Ибрагим», «Международную организацию исламского спасения» и «Всемирную ассамблею исламской молодежи», расположенную в пригороде Баку – Гянджлик. Некоторые организаторы и главари созданных на севере Азербайджана, поблизости от чеченской и дагестанской границ, военных тренировочных баз являлись подручными (proxies) бен Ладена.¹¹⁴ Эти факты не могли остаться без последствий и способствовали налаживанию связей с другими террористическими группировками и организациями, действующими за рубежом. Так, террористическая организация «Джей-

шуллах», имеющая связи с Хаттабом и Басеевым, вступила в 1998 г. на территории Чечни в контакт с международной подпольной организацией «Фидаи ислам». По инициативе и при поддержке именно этой организации азербайджанские боевики «Джейшуллах» в июне 1999 г. пытались угнать из аэропорта Забрат, около столицы Азербайджана, вертолет «Ми-8» для осуществления террористических атак против посольств США и Израиля в Баку.¹¹⁵

Столица Азербайджана стала настоящим перевалочным пунктом для террористов и террористической деятельности, а также их субсидирования. Среди исламских благотворительных организаций выделялась «Аль-Харамейн», офис которой располагался в Баку. Только в 1999 г. объем денежной помощи чеченским боевикам со стороны этой организации составил один миллион долларов.¹¹⁶

Связи азербайджанских и других исламских радикально-экстремистских организаций, действующих в Азербайджане, с бенладеновской «Аль-Каидой» уже не вызывают никаких сомнений. Более того, еще до событий 11 сентября 2001 г. в американских СМИ муссировалась версия об «азербайджанском следе» во взрывах американских посольств в Кении и Танзании в 1998 г. Как стало очевидно впоследствии, оба взрыва были скоординированы и направлены из Баку. 7 августа 1998 г. исламские террористы практически одновременно взорвали американские дипломатические представительства в Найроби и Дар-эс-Саламе. В результате терактов погибли 250 человек и несколько тысяч были ранены, многие здания в центрах столиц двух африканских государств были разрушены. Фактически эти террористические акции стали в то время одними из крупнейших за всю историю мирового терроризма.¹¹⁷

Согласно отчетам ФБР, у исполнителей терактов были тесные контакты с Баку. После террористических атак на американские посольства в африканских государствах ФБР зафиксировало около 60 звонков бен Ладена своим единомышленникам из азербайджанского отделения «Исламского джихада» в Баку, а также звонков из Баку другим его сообщникам, действующим в Африке и в Лондоне. Получается, что в августе 1998 г. азербайджанское отделение организации «Исламский джихад», которое было связано с бенладеновской «Аль-Каидой», координировало взрывы американских посольств в Африке.¹¹⁸ По сообщению азербайджанской прессы, за час до взрывов в африканских столицах из Баку в Лондон был отправлен факс на арабском языке, в котором террористы взяли на себя ответственность за преступление и указали причины его совершения.¹¹⁹

В обвинении американского суда в Нью-Йорке по делу о террористических актах, буквально за несколько дней до атак 11 сентября 2001 г. указывалось, что организация «Аль-Каида» действовала под разными названиями, например «Исламская группа», «Египетский исламский джихад», «Палестинский исламский джихад» и др. в разных странах, в том числе и в Азербайджане.¹²⁰ Об этом на суде по делу о взрывах в американских посольствах признавался Джамал Ахмед эль-Фадл, член организации «Аль-Каида», выполнявший для нее множество поручений с 1989 по 1992 год, часто заезжая при этом в Египет, Пакистан, Сомали, Азербайджан и еще ряд стран. Главной его задачей было обеспечение членов «Аль-Каиды» финансовыми средствами.¹²¹

Таким образом, становится очевидным, что международные террористические организации дислоцируют свои командные пункты там, где для их деятельности существуют благоприятные условия, и одним из таких мест является Азербайджан.¹²² На территории этой республики функционирует не одна организация с террористическими целями. Главари азербайджанских центров подготовки боевиков не ограничивают свои устремления лишь территорией России и СНГ. По заявлениям руководителей этих структур, «технологии, которые будут обкатываться в Дагестане, планируется использовать и против законных правительств в арабских странах, в частности, королевского дома Саудовской Аравии».¹²³

Через месяц после сентябрьских событий 2001 г., под давлением США азербайджанские власти начали настоящую охоту на действующие в республике исламские миссионерские организации по подозрению их в связях с «Аль-Каидой». Сразу после этого в Баку были арестованы несколько граждан Иордании, Катара и Саудовской Аравии. Облавы на исламских радикалов в Азербайджане проводились с сентября 1998 г., когда из страны был выслан Ахмед Салам Мабрук, помощник доктора Аймана аль-Завахири, руководителя военной организации «Джихад» и соратника бен Ладена.¹²⁴ Известно, что «Египетский джихад» Аймана аль-Завахири и «Аль-Каида» объединились в феврале 1998 г. и утвердили фетву о создании «Всемирного исламского фронта борьбы с иудеями и крестоносцами», получившего известность как «Мировой фронт джихада». Фетва призывала мусульман уничтожать американцев и евреев, в том числе гражданских лиц, в любом месте, где их встретят.¹²⁵

По словам Иосифа Боданского, директора оперативной группы по исследованию терроризма и нетрадиционных методов войны Палаты представителей Конгресса США, со временем Азербайджан превратился в опорный пункт не только для чеченских боевиков, но и для различных

исламских экстремистских групп, действующих на территории России и других стран СНГ.¹²⁶

В основном в силу присутствия «арабских афганцев» и других радикальных исламских группировок и организаций Азербайджан, подобно послевоенной Боснии, превратился в «новый центр» исламских радикалов, которые основали здесь разветвленные сети тренировочных лагерей и действующим рядом с мечетями благотворительных организаций и подпольных ячеек. Египтянин Ибрагим Эйдаруз, обвиняемый по делу о терактах против посольств Соединенных Штатов, по данным госдепартамента США, с 1995 г. руководил азербайджанским отделением «Египетского исламского джихада» и вступил в непосредственный контакт с бен Ладеном в 1998 г., т. е. после объединения «Джихада» с «Аль-Каидой».¹²⁷

Кроме того, под эгидой «Всемирной ассамблеи исламской молодежи» в микрорайоне Гянджлик в Баку был открыт учебный лагерь «ваххабитов». Преподававшие там саудовец Мухаммед Салем Абдель Хамид, сомалиец Мохаммед Али Хороко, йеменцы Ареф Абдалла и Хаурузи Каид Абдар-Рахман осуществляли подготовку исламистов и распространение религиозной литературы и видеокассет на Северном Кавказе, в том числе в Чечне.¹²⁸ По сообщениям азербайджанской прессы, в мечетях Баку, где задавали тон исламские радикалы, организовывались террористические ячейки. В них участвовали и сотрудники администрации президента Г. Алиева.¹²⁹

Существуют данные о том, что после вооруженного вторжения чеченских сил в Дагестан летом 1999 г., на территории Азербайджана резко активизировали свою деятельность ряд экстремистских исламистских организаций, нацеленных на организацию опорных баз для чеченских боевиков. К этому подключились также эмиссары из «Исламского джихада». Российская пресса сообщала о создании по меньшей мере тремя известными фундаменталистскими исламскими организациями полувоенных лагерей на территории Азербайджана. Речь шла об организациях «Фонд Аль-Ибрагим», «Всемирная ассамблея исламской молодежи» и «Международная организация исламского спасения». Все они в свое время открыли в Баку свои региональные штаб-квартиры и создали несколько лагерей, где, по официальной версии, в «спокойной обстановке предполагалось изучать Коран». Этими структурами руководили граждане Саудовской Аравии, Судана, Йемена и Афганистана.¹³⁰

Деятельность функционирующих в Баку филиалов и отделений международных исламских организаций была ориентирована на развитие исламистских идей в республиках Северного Кавказа, что в свою очередь

свидетельствовало об использовании Азербайджаном религиозного фактора в ослаблении позиций России в северокавказском регионе.¹³¹

Следует отметить, что местные исламские радикалы в Баку также готовили террористическую атаку против американского посольства в Азербайджане, но в последний момент, по сообщению азербайджанских источников, отказались от этого намерения, «не желая портить хорошие отношения в Азербайджане».¹³² Однако по сообщениям американской прессы, именно американские сотрудники спецслужб сорвали планы бен Ладена взорвать посольство США в Баку.¹³³

Как было указано выше, после обнародования указанных фактов, давление администрации США на власти Азербайджана с требованием пресечь на его территории деятельность террористических организаций усилилось. Тем не менее Азербайджан отказывался выдавать США обвинявшихся в терроризме лиц, высылая их в третьи, в основном мусульманские, страны (Пакистан, Саудовская Аравия, Афганистан и др.). В числе высланных террористов был Ахмед Салам Мабрук, который в свое время возглавлял азербайджанский филиал «Аль-Каиды» и был задержан при попытке приобрести химическое и биологическое оружие в Азербайджане.¹³⁴

В 1999 г. в Баку были арестованы 14 членов международной террористической организации «Джейшуллах», а в 2001 г. – 6 членов террористической группировки «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». В судебном порядке было доказано, что члены этих группировок готовили взрыв американского посольства в Баку, а в будущем рассчитывали превратить Азербайджан в исламское государство.¹³⁵ В то же время по подозрению в связях с международными террористическими организациями в Азербайджане было закрыто шесть благотворительных фондов, среди них «Аль-Харамейн», «Международный благотворительный призыв», «Возрождение наследия ислама», «Благотворительный международный фонд»; двое сотрудников этих организаций, граждане Египта, были выданы Каиру, 22 сотрудника – высланы из Азербайджана.¹³⁶

Интересным представляется заключение известного специалиста по вопросам безопасности Ширин Хантер о последствиях турецких инициатив религиозного характера в Азербайджане. По ее мнению, фактически происходит своеобразный эффект рикошета, поскольку Турция, невольно способствуя проникновению экстремистских идей в Азербайджан и создавая угрозу для традиционной религии азербайджанцев, тем самым усиливает восприимчивость населения этой страны к ваххабитским и другим исламистским идеологиям. Это и стало дополнительным стимулом для

создания возможностей проникновения и обоснования в Азербайджане последователей «Хизб ут-Тахрира» и Усамы бен Ладена. Впоследствии созданные в Азербайджане террористические ячейки стали источниками финансирования и центрами поддержки для сил боевиков в Чечне.¹³⁷

С целью легитимизации своего присутствия на территории Азербайджана эти организации, как правило, выступали в поддержку официальной позиции Баку в Карабахском вопросе.¹³⁸

И, наконец, в «Заключительном отчете» Национальной комиссии по террористическим атакам против США говорилось, что террористы, участвовавшие в атаках на Нью-Йорк 11 сентября 2001 г., первоначально предприняли попытку попасть в Чечню, но, потерпев неудачу, оказались в Афганистане, где примкнули к «Аль-Каиде».¹³⁹ В докладе фигурируют также Азербайджан и его столица Баку как места сосредоточения известных террористов и их организаций.

Резюмируя, считаем необходимым сделать следующие выводы. Разрешение Карабахского конфликта азербайджанская сторона видела либо в полном изгнании армянского населения из Карабаха, либо в ограничении его культурно-административных прав с последующим выдавливанием армян с исторической родины. Для реализации этой политической линии азербайджанские власти прибегали к силовым методам, рассчитывая с помощью иностранной военной силы сломить сопротивление карабахских армян.

Однако большое количество потерь среди чеченских и афганских наемников основательно подорвало их решительность и боевой напор, ослабив тем самым их позиции и лишив надежды на укрепление в самом Карабахе и, отчасти, в Азербайджане. Можно констатировать, что непризнанная НКР стала первым государством, вставшим на пути распространения по всему миру ядовитых щупалец международного терроризма.

Не будет преувеличением и утверждение о том, что военный успех карабахских армян во многом способствовал ослаблению масштабов экспорта и распространения религиозного экстремизма и террористических организаций. В этой связи нетрудно предугадать, к каким последствиям могло привести устранение «карабахского заслона» в случае иного результата боевых действий в зоне конфликта.

Фактически, привлечение наемников из числа радикальных исламистских группировок в зону Карабахского конфликта в дальнейшем обернулось «импортом» военизированного религиозного экстремизма, последствия которого в Азербайджане наблюдаются и в наши дни. Как для Турции, так и для Азербайджана террористические вызовы стали серьезной

проблемой. Однако причиной этого явились отнюдь не внешние угрозы, а в первую очередь – целенаправленное сотрудничество с подобными структурами на государственном уровне, способствующее дальнейшей их инсталляции на территории этих государств и выхода их деятельности из-под контроля.¹⁴⁰

По мнению некоторых авторов, Турция служит воротами для «Аль-Каиды» в рекрутировании и обеспечении финансовыми потоками для террористических операций за рубежом. Об этом свидетельствует растущее количество турецких граждан на театрах террористических действий в Афганистане и Пакистане.¹⁴¹

Усиливающиеся антиамериканские и антиизраильские настроения среди турецкого населения, в особенности молодежи, проявляются возрастающим количеством джихадистских вебсайтов и склонностью к активному участию в террористической деятельности. После израильской атаки на Газу в 2008 г., резко увеличилось число турецких граждан, желающих примкнуть к «Аль-Каиде». Граждане Турции, пополнявшие ряды этой террористической сети в Афганистане и Пакистане, принадлежали к одной группе. Их лидер Сердар Эрбаши, известный под псевдонимом Эбузер, был ветераном Второй чеченской войны и руководил ячейками «Аль-Каиды» в Анкаре.¹⁴²

В соответствии с международным правом, обязывающим государства не использовать вооруженную силу в целях лишения народов их права на самоопределение, свободу и независимость, на основе вышеперечисленных фактов, предпринятые действия Турции и Азербайджана в отношении законно провозгласившей свою независимость НКР и Республики Армения являлись действиями, которые попадают под определение «агрессия». Речь идет о резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года «Об определении агрессии», седьмой пункт третьей статьи которой в числе прочего квалифицирует акт агрессии следующим образом: «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них».¹⁴³

Другой документ, «Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников» ООН от 4 декабря 1989 г., тоже содержит правовые определения о вербовке, использовании, финансировании и обучении наемников для деятельности, нарушающей такие принципы международного права, как суверенное ра-

венство, политическая независимость, территориальная целостность государств и самоопределение народов. В частности, второй пункт пятой статьи этого документа гласит: «Государства-участники не вербуют, не используют, не финансируют и не обучают наемников для цели противодействия законному осуществлению неотъемлемого права народов на самоопределение, признанного международным правом, и принимают в соответствии с международным правом надлежащие меры по предотвращению вербовки, использования, финансирования или обучения наемников для этой цели».¹⁴⁴

Как видно из вышеприведенных фактов, агрессивная политика Турции и Азербайджана в отношении НКР и Республики Армения идет вразрез с международными обязательствами и является конкретным проявлением экспансионистской и агрессивной политики.

РАЗДЕЛ IV

АРМЕНИЯ-ТУРЦИЯ: ПОПЫТКИ УСТАНОВЛЕНИЯ
ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ И КАРАБАХСКАЯ
ПРОБЛЕМАГлава 1. Процесс армяно-турецкого урегулиро-
вания в 2008-2010 гг.: «футбольная дипломтия»

На рубеже третьего тысячелетия армяно-турецкие отношения не претерпели существенных изменений. Турция придерживается традиционной политики предъявления Армении предусловий. Анкара продолжает увязывать вопрос установления двухсторонних отношений с урегулированием Карабахского конфликта. Последний стал серьезным фактором в определении двухсторонних связей и стратегического союзничества Азербайджана и Турции, нацеленного в первую очередь на изоляцию и ослабление Республики Армения.

Новая стратегическая парадигма Анкары, разработанная правительством Партии справедливости и развития, предполагает превращение Турции в региональный «центр силы». Глобальные трансформации в международной политике повлияли на процесс выстраивания турецкой внешнеполитической стратегии, которая приобретает все более многовекторный характер. Ключевым обстоятельством, мешающим эффективной реализации этой политики, а также формированию новой стратегической модели, является и может оставаться в дальнейшем армянский фактор, а именно – отсутствие дипломатических отношений и закрытая граница с Арменией.

Активное вовлечение Анкары и ее попытки выступить с посредническими инициативами в ближневосточных конфликтах, в частности в сирийско-израильском и палестинско-израильском диалогах, ознаменовали собой активизацию турецкой внешней политики в ближневосточном регионе. В этих условиях разработчики турецкой внешнеполитической стратегии желали подчеркнуть конструктивную роль страны во внутригосударственных и межгосударственных конфликтах на Кавказе, в первую очередь, конечно, в Карабахском конфликте.¹

Проактивная внешняя политика, или «ритмичная дипломатия» Анкары с лозунгом «ноль проблем с соседями» призвана обеспечить турецкому

государству новый имидж на внешней арене и умеренному исламистскому правительству внутри страны.

Желание обеспечить непосредственную связь с тюркоязычными странами и безопасную транспортировку углеводородного сырья Каспийского бассейна для собственных потребностей и реэкспорта в Европу заставляет Анкару искать альтернативные пути обеспечения энергетической безопасности Турции. Это обстоятельство является одной из причин стремления турецких лидеров начать процесс по установлению дипломатических отношений с РА. Стремление Анкары инициировать активную внешнеполитическую стратегию, в том числе и в армянском направлении, исходило также из необходимости застраховать страну от геополитического цугцванга и разработать новые внешнеполитические начинания с целью придать Турции новые геополитические роли.

Содержание и направленность внешнеполитического курса Турции предполагают сохранение членства страны в блоке НАТО, развитие и углубление всесторонних связей с США, дальнейшую евроинтеграцию и обеспечение полноправного членства Турции в ЕС, а также усиление роли Турции в регионах Ближнего и Среднего Востока, на Балканах и в государствах Южного Кавказа и Центральной Азии.

Анкара стремится принять активное участие в формировании новой конфигурации безопасности на Южном Кавказе. Провозгласив одной из своих стратегических целей европейскую интеграцию, Турция пытается также сыграть роль «форпоста ЕС» в сопредельном проблемном регионе.²

Для Анкары важным является придание Турции особой роли серьезного регионального игрока, в первую очередь в решении ряда региональных проблем Юго-Восточной Европы, Средиземноморья, Ближнего Востока и Центральной Азии. Внешнеполитический курс Турции в начале XXI века, в котором отчетливо проявляется определенная дистанцированность от США, предполагает ведение активной и в то же время – сбалансированной политической линии в международных отношениях.

В октябре 2005 г. на заседании Совета национальной безопасности Турции под председательством президента Ахмета Неджета Сезера был принят текст «Политического документа о национальной безопасности», в котором определялась новейшая турецкая доктрина национальной безопасности. Основной акцент в этом документе был сделан на обеспечении энергетической безопасности Турции как одной из важнейших функций государства. Главной стратегической задачей Турции рассматривалось создание сети нефте- и газопроводов, проходящих через так называемый кавказский транзитный регион и территорию Турции, для

транспортировки каспийской нефти на мировые рынки в обход России.³

Отступление от существующих страхов и ограничений стало основным лейтмотивом для разработки новой турецкой внешнеполитической стратегии. В конце 2009 г. премьер-министр Турции Реджеп Эрдоган по этому поводу заявил: «Сложилось впечатление, что все против нас, все хотят отобрать у нас земли, кругом враги и многие годы мы были скованы этими понятиями, пришло время отойти от старых стереотипов... Мы тоже будем идти выбранной нами дорогой, и на страхе не построим счастья. Мы должны создать новую Турцию, без страха и с верой в будущее, где все люди будут счастливы. Мы сейчас создаем историю, Турция стала одним из акторов мировой политики, и эту политику мы будем продолжать во благо нашей страны».⁴

Архитектор новой внешнеполитической парадигмы Турции А. Давутоглу формулирует видение внешнего курса страны следующим образом: «В силу прочных связей с различными этническими и религиозными группами, в особенности с тюркоязычными группами в балканских странах, на Кавказе, в России, на Кипре и Ближнем Востоке, мы готовы взять на себя роль посредника в решении конфликтов, возникших между различными государствами».⁵

Турецкий автор Ибрагим Калын считает, что внутренние трансформации в Турции создали возможность для ведения эффективной внешней политики, жидущейся не только на геополитическом факторе, но и на геокультурной и исторической основе. Согласно этой парадигме, Турция несет ответственность и за тех людей, которые проживают за ее пределами, но имеют с ней историческую или культурную общность, и в целях выполнения своего перед ними долга она вынуждена проводить активную региональную политику.⁶

Сербский ученый Андрей Едёмский полагает, что неоосманизм – это «некая цивилизационная парадигма и мировоззрение, свойственное турецкой интеллектуальной элите и большинству турок – сторонников современных представлений о турецкой нации. Такое мировоззрение несет в себе историческую ностальгию по большой имперской нации, которая сегодня недовольна своим положением и ролью в мире. И это – экзистенциальная константа внешней политики Турции, сохраняющаяся вопреки всем действительным и мнимым идейным и политическим разрывам исторического времени».⁷

Турецкая политика в начале XXI века носит также определенную антикризисную направленность, пытаясь найти эффективные решения для внешних и внутренних вызовов. Вопросом номер один на повестке дня

Анкары является максимально быстрое обретение полноправного членства в Евросоюзе – шаг, который поможет урегулировать многие серьезные проблемы, стоящие перед Турцией. Нарастающий кризис идентичности, радикализация курдского вопроса и турецкого национализма могут стать основными факторами в определении будущей национальной и государственной идентичности и, быть может, дальнейшего существования Турции.

События последних лет внесли серьезные изменения во внешнеполитические приоритеты Турции, особенно в турецко-американские отношения. В результате принятую властями Турции позицию по вопросу Ирака, а именно отказ безоговорочно примкнуть к главному союзнику по НАТО и предоставить ему посильную помощь, в Вашингтоне оценили как первые признаки выхода Турции из орбиты американского влияния.

Довольно туманной остается также перспектива полноправного членства Турции в Европейском союзе. Несмотря на начатые 3 октября 2005 г. переговоры о вступлении страны в эту организацию, отношения Турция–ЕС оставляют скорее впечатление несостоявшегося диалога. Косвенным свидетельством этого стало предъявление Турции 150-ти предварительных условий на пути к членству в ЕС, по отношению ко многим из которых Анкара вряд ли займет какую-либо иную позицию, кроме бескомпромиссной. Кризисные явления в турецких государственных, общественно-политических и экономических сферах создают ситуацию, которая, будучи взрывоопасной, оставляет очень мало возможностей для стабилизации страны традиционными рецептами – такими, как, например, военный переворот.

Сложившаяся ситуация непосредственно отражается на процессах пересмотра основополагающих принципов турецких внешнеполитических приоритетов, государственной и национальной идеологии, а также переоценки национального самосознания, свидетельством чего является большой размах исламизации общественной структуры страны. Исламизм, хоть и умеренный, уже обеспечил себе сильные и надежные позиции в турецком политическом поле. К этому можно прибавить и антиамериканские и антизападные настроения, утвердившиеся среди большинства населения Турции.

Общественные настроения относительно перспективы евроинтеграции приняли резко негативные оттенки по причине отказа Турции в полноправном членстве и предъявления предусловий, что стало дополнительным фактором для усиления в турецком обществе антизападных веяний в целом. Анкара начала обращать серьезное внимание на разработку

альтернативных внешнеполитических направлений и перспектив региональной интеграции, имеющих стратегическое значение для страны. В этом контексте ведется и усиленный поиск новых формул для внешней политики. Это проявилось в отступлении от межцивилизационной концепции позиционирования Турции как «моста между Западом и Востоком» к более претенциозной и одиозной неоосманской доктрине «стратегической глубины», нацеленной на превращение Турции в некий региональный центр.

Для Анкары одним из таких альтернативных стратегических направлений является дальнейшее сближение с Россией и Ираном, что полностью уместается в контекст так называемой турецкой идеологии «евразийства». Активные отношения Турции с Ираном направлены на усиление ее стратегической позиции и на создание резервных возможностей на случай выпадения из процесса евроинтеграции, а также перспективы охлаждения отношений с США. Однако кроме доступа к источникам энергии, в частности поставок газа, дальнейшее углубление отношений с этими странами представляется маловероятным и менее предпочтительным, так как исторически эти государства, как правило, рассматривают Турцию через призму стереотипа векового противника. Членство Турции в НАТО оставляет мало шансов для углубления двусторонних связей.

В постсоветские годы политика Турции в отношении «родственных стран и народов» не оправдала себя. Стратегические планы Анкары в евразийском направлении провалились из-за ограниченности соответствующих ресурсов и возможностей, а также отсутствия непосредственной географической связи с регионом. В связи с этим надежной транзитной страной для обеспечения транспортной связи с тюркоязычными республиками рассматривается Грузия. По всей вероятности, роль такой смычки призвана выполнить железная дорога Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку⁸, вокруг которой Анкара (с помощью Азербайджана и с вовлечением грузинской стороны) ведет комплексную информационно-пропагандистскую деятельность.

Если в 1990-х годах препятствующим фактором для политической и экономической экспансии Турции в евразийском направлении стал Нагорный Карабах и противостояние вокруг него, то для новых турецких притязаний роль такого препятствия сегодня может сыграть также и армянонаселенный Джавахк. В этом аспекте очевидно смещение Анкарой акцентов на подчеркивание важности указанной магистрали для социально-экономического развития края.⁹

Турецкие инициативы по строительству этой железной дороги преследуют несколько целей, из которых следует выделить информационно-агитационное воздействие и политику, которая будет проводиться уже после того, как железнодорожная линия станет реальностью. При этом:

1. Для Анкары железная дорога станет серьезным рычагом воздействия на армяно-грузинские отношения;
2. В Джавахке будет создан серьезный и постоянный очаг напряженности, который в будущем может возрастать, учитывая перспективу возвращения в него турок-месхетинцев. Все это непосредственно должно привести к эмиграции армянского населения края, хотя в пропагандистских целях говорится об улучшении их социально-экономического положения;
3. Проект напрямую будет способствовать усилению центробежных настроений в Джавахке, одновременно предоставляя местному армянскому населению возможность принятия решений идущих вразрез с центру. Это может подвинуть Тбилиси к репрессивным шагам, в результате чего серьезно пострадают армяно-грузинские отношения.

Очевидно, что осуществление столь дорогостоящего проекта направлено в первую очередь на дальнейшую изоляцию Республики Армения и превращение ее в регионального аутсайдера.

Новый лозунг внешней политики Турции «ноль проблем с соседями» был включен в турецкую официальную риторику на фоне острых конфликтов с Сирией и Грецией – со странами, с которыми в конце XX века Турция оказалась на грани войны. Отношения с Ираном также периодически оказывались в кризисной ситуации из-за обвинений в адрес Тегерана в поддержке турецких исламистов.

Альтернативой евроинтеграции и роли проводника Запада на Ближнем Востоке стала новая концепция регионального «стратегического центра», разработанная советником президента Турции по внешней политике Ахметом Давутоглу. Эта концепция, нацеленная на создание для Турции лидирующих позиций в ближневосточном регионе, предусматривает деление стран на центральные и периферийные государства. В ближневосточном и в евразийском регионах именно Турции отводится роль центрального государства. Видение А. Давутоглу подразумевает не выход Турции из одной региональной системы и подключение к другой, а некое «подстраивание» региона к Турции. Это предполагает также отказ от идеи связующего звена Востока и Запада с придачей политического веса

важности геополитического расположения страны.¹⁰

Примечательно, что в своей известной работе «Стратегическая глубина. Позиция и роль Турции в международных отношениях» А. Давутоглу называет провал азербайджанской стороны в Карабахском конфликте «одним из самых больших стратегических поражений Турции после окончания Холодной войны».¹¹

Главным мотивирующим фактором для активной внешней политики и определения ее неоосманского видения стало убеждение, что Турция как наследница Османской империи несет определенную ответственность за международные отношения на бывших оттоманских территориях.¹²

Интегральным с концепцией «стратегической глубины» является преподнесение османского прошлого страны и *Pax ottomanica* как некоего «рая народов», эталона толерантности и идеальной модели сосуществования. Именно в этом аспекте понятно раздражение Анкары процессами международного признания и осуждения Геноцида армян и других христианских народов в Османской империи, серьезным образом дискредитирующими преподносимую Анкарой концепцию неоосманизма.

С момента установления относительного перемирия на карабахских фронтах неудача совместной азербайджано-турецкой политики принуждения Армении к уступкам в вопросе карабахского урегулирования, по мнению турецкого исследователя А. Горгулу, с одной стороны, негативно отражается на перспективе налаживания межгосударственных связей, а с другой – сводит на нет попытки заставить Армению «уйти» из Карабаха.¹³

Несмотря на то, что между Арменией и Турцией отсутствуют дипломатические отношения, и Анкара держит межгосударственную границу закрытой, обе стороны взаимодействуют в формате Организации черноморского экономического сотрудничества. Наличие противоречий в двусторонних отношениях не мешает сторонам иметь частые контакты на уровне министров иностранных дел, а также официальные и неофициальные связи в иных форматах.

Азербайджанская сторона очень резко и чувствительно реагирует на любое проявление возможной «разрядки» в армяно-турецких взаимоотношениях и, как правило, ожидает заверений из уст официальных турецких лиц о приверженности Турции проазербайджанской линии в армянском векторе внешней политики. К примеру, было раскритиковано даже поздравительное письмо президента Турции Ахмета Неждета Сезера своему армянскому коллеге Роберту Кочаряну в связи со вступлением во второй срок президентства после весенних выборов 2003 г.

Фактор третьих сторон в армяно-турецком конфликтном дискурсе про-

является также интересами США, России и ЕС, которые применяют разные подходы к обеим сторонам. Заметные осложнения в турецко-американских взаимоотношениях, а также вероятное противодействие некоторых стран – членов ЕС вступлению Турции в эту организацию, в будущем могут превратить Армянский вопрос в его современной редакции в эффективный инструмент воздействия на Турцию для смягчения ее позиций с целью получения приемлемых уступок. Учитывая нарастающую оппозиционность в европейских политических и общественных кругах по вопросу турецкого членства в ЕС, вероятность такого сценария представляется более чем возможной.

За указанный период широко обсуждались преимущества открытия армяно-турецкой границы как для Республики Армения, так и для развития экономически отсталых восточных районов Турции. Вместе с тем эти исследования не покрывают весь спектр проблем, оставляя в стороне анализ возможных негативных последствий и угроз для армянской экономики и коммуникационного сообщения при открытии границы.

Республика Армения и Нагорно-Карабахская Республика стоят перед новыми вызовами, непосредственно затрагивающими интересы национальной безопасности и их жизнедеятельности. Вопрос статуса НКР и ее защищенности для Республики Армения является основополагающей задачей, неразрывной с обеспечением безопасности страны. В Стратегии национальной безопасности РА среди прочих внешних угроз отмечается и угроза применения вооруженной силы.¹⁴

Угрозы и риски, исходящие из реваншистских намерений Азербайджана и Турции, нашли свое отображение также в Военной доктрине РА, принятой в декабре 2007 г. В ней, в частности, отмечается: «Армения и Турция не имеют дипломатических отношений. Препятствием к этому является ряд оговорок, предъявляемых Турцией Армении. Армения выступает за установление с Турцией дипломатических отношений без каких-либо предварительных условий, и будет продолжать предпринимать соответствующие шаги по преодолению препятствий, улучшению двусторонних отношений. Добиваясь всеобщего признания и осуждения Геноцида армян, в том числе Турцией, Армения рассматривает этот вопрос не только в аспекте восстановления исторической справедливости, но и в контексте улучшения атмосферы взаимного доверия в регионе и недопущения повторения подобных трагедий в будущем. Неурегулированный характер армяно-турецких отношений, в частности закрытая граница, создает угрозы национальной безопасности Армении, и препятствует процессу ее стабильного развития».¹⁵

В Доктрине также указывается, что создание, упрочение и расширение союзов, направленных против Республики Армения, в частности стратегический союз Турецкой Республики и Азербайджанской Республики, нацеленный против Армении, а также шаги по блокаде Республики Армения рассматриваются как применение силы.¹⁶

Далее в документе отмечается, что «Неурегулированность этих отношений оказывает свое непосредственное негативное влияние и на укрепление региональной стабильности и развитие регионального сотрудничества. В результате урегулирования взаимоотношений снизится угроза возникновения в регионе разделительных линий, будет создана благоприятная атмосфера и для окончательного урегулирования Карабахского конфликта.

Республика Армения внимательно следит за ходом ведущихся с Турцией переговоров, которые связаны с ее желанием вступить в ЕС. Армения придаст важность недопущению применения двойных стандартов в ходе этого процесса и считает, что важным условием проведения переговоров должно стать снятие блокады Республики Армения Турецкой Республикой, что особенно актуально в контексте включения Армении в «политику Европейского соседства».¹⁷

Таким образом, в этих двух основополагающих документах, касающихся национальной безопасности Республики Армения, было зафиксировано, что вопрос установления двусторонних отношений не снимается с ее внешнеполитической повестки, но вместе с тем в них четко указывалось, что армянская сторона не приемлет политики угроз и предусловий.

Новая попытка по установления двусторонних отношений была принята уже после ряда событий регионального и международного значения. Речь идет в первую очередь о смене власти в Республике Армения в результате президентских выборов в начале 2008 г. и Пятидневной войне в Южной Осетии в августе 2008 г., происходивших на фоне мирового экономического кризиса.

«Футбольная дипломатия»

После прихода к власти в Турции по итогам парламентских выборов в начале 2002 г. Партии справедливости и развития из Анкары стали поступать позитивные знаки к возможному установлению двусторонних отношений. Но, несмотря на первоначальные положительные сигналы, исламистские лидеры Турции все же продолжают придерживаться линии прежних властей, увязывая вопрос установления двусторонних отноше-

ний с разрешением Карабахского конфликта. При этом проблема Нагорного Карабаха по-прежнему рассматривается в качестве наиболее реального препятствия на пути реализации геополитических и геоэкономических планов Турции.

19-20 декабря 2006 г. в Национальном собрании Армении прошли слушания «Армяно-турецкие отношения: проблемы и перспективы» по вопросу возможности установления двусторонних отношений. Как уже было отмечено, среди приглашенных были и турецкие парламентарии, которые, однако, отказались принимать участие в этом мероприятии.

В своем выступлении на слушаниях министр иностранных дел Армении Вардан Осканян отметил: «Официальная Анкара ставит перед нами три предусловия для налаживания отношений – признание Арменией границ Турции, урегулирование Карабахского конфликта в пользу Азербайджана и отказ от международного признания Геноцида армян 1915 г... Анкара, заявляя о своем стремлении урегулировать Карабахский конфликт мирными средствами, в то же время закрывает границы с Арменией, что является нонсенсом, поскольку в международных отношениях подобный подход неприемлем».¹⁸ Далее В. Осканян отметил: «Турция не смогла противопоставить своим этнополитическим интересам стратегические интересы региона. Во второй раз – в 2003 году, когда начались переговоры о вступлении Турции в Европейский союз, Турция должна была объяснить своему народу, что для вступления в ЕС необходимо наладить отношения с соседями и открыть границы, чего не произошло».¹⁹

Новая веха в попытках налаживания двусторонних отношений началась в 2008 г., после президентских выборов в Армении. Новоизбранный президент Серж Саргсян получил поздравления от своего турецкого коллеги Абдуллы Гюля и премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. Поздравление турецкого президента в адрес своего армянского коллеги не было исключительным событием, учитывая и то обстоятельство, что армянская сторона поступила таким же образом после избрания нового президента Турции.

Избрание нового президента Республики Армения и осознание неэффективности блокады Армении со стороны Турции создавали предпосылки для начала очередного этапа усилий по нормализации двусторонних отношений. Поздравляя С. Саргсяна с избранием, турецкие лидеры подчеркивали, что ответственность за решение имеющихся проблем в духе добрососедства и диалога лежит на обеих странах, выражая также надежду, что в период правления С. Саргсяна отношения Турции и Армении войдут в новую фазу, «способствуя миру, стабильности и про-

цветанию региона».²⁰ В своем ответном послании президент С. Саргсян подтвердил готовность армянской стороны к конструктивному диалогу для установления двусторонних отношений без всяких предусловий.²¹ Однако турецкая сторона дальше протокольных поздравлений идти не желала, и основная инициатива по налаживанию двусторонних отношений была проявлена летом 2008 г. именно армянской стороной. Другое событие, предшествовавшее этому – убийство в январе 2007 г., редактора стамбульской газеты «Акос», армянского журналиста Гранта Динка – стало мощным импульсом для активизации обсуждений вопросов армяно-турецких отношений и проблемы признания геноцида в национальном самосознании современного турецкого общества.²²

До начала самого процесса по установлению двусторонних отношений при посредничестве швейцарской стороны велись армяно-турецкие секретные переговоры, на которых в Женеве армянскую сторону представлял заместитель министра иностранных дел Республики Армения Арман Киракосян. Именно по их итогам, как предполагается, были разработаны основные элементы и принципы армяно-турецких протоколов, оглашенных 31 августа 2009 г.

Главной причиной недовольства армянских кругов и в первую очередь – политических и общественных организаций Диаспоры, – являлось параллельное с этой деятельностью обсуждение Карабахского конфликта, а также вероятность включения Турции в переговорный процесс. С этим же были связаны опасения армянской стороны насчет возможной стагнации процесса международного признания Геноцида армян. Другим проблемным моментом стало турецкое предложение о комиссии историков, против создания которой в среде армянских ученых существует консенсус, отрицающий всякую возможность обсуждения исторического факта Геноцида армян.

По мнению А. Горгулу, Турция рассматривала вопрос нормализации отношений с Арменией как способ блокирования процесса международного признания Геноцида армян, которое, как он считает, наносит ущерб репутации страны и создает антитурецкие настроения во всем мире.²³

С самого начала процесса стороны декларировали свои намерения по установлению двусторонних отношений. Указывая на политическую волю, необходимую для разрешения существующих проблем, вместе обе стороны имели свои конкретные цели и ожидания от самого процесса и его итогов. Внутренние и внешние вызовы раскрывали всю палитру сопутствующих проблем.

Следует учесть, что процесс установления двусторонних отношений

был инициирован в отсутствие солидного багажа взаимного доверия и на фоне непрекращающихся угроз с турецкой стороны. Параллельно с этим были предприняты попытки обеспечить Турции статус сопредседателя Минской группы ОБСЕ.²⁴

Таким образом, Турция стояла перед дилеммой: как улучшить отношения с Арменией, не ухудшая их с Азербайджаном. В то же время, по мнению Анкары, международное сообщество рассматривало бы усилия Турции по нормализации отношений с Арменией как позитивный знак, что дало бы ей возможность активно вмешаться в процесс разрешения Карабахского конфликта, одновременно пытаясь дистанцироваться в этом вопросе и от Армении, и от Азербайджана.²⁵

Для армянской стороны первостепенными стратегическими задачами виделись удаление Анкары от Карабахской проблемы и процесса ее урегулирования, а также разрешение экономических проблем и минимизация уязвимости армянской экономики, ставшей очевидной после августовской войны 2008 г. в Южной Осетии. Армянская сторона считала, что экономика страны после открытия границы получит новые экспортные и импортные возможности. Но главной тактической целью Еревана стало намерение пресечь все попытки Турции вмешаться в процесс урегулирования Нагорно-карабахского конфликта, и тем самым спровоцировать раскол в отношениях между Анкарой и Баку.

Одновременно официальный Ереван стоял перед задачей устранения или же минимизации вызовов, исходящих от этого процесса. Это касается разногласий между РА и Диаспорой, где в большинстве своем резко негативно отреагировали на начатый между Ереваном и Анкарой диалог. Ухудшение отношений Диаспоры и РА по целому ряду причин могло иметь отрицательное влияние и на экономические отношения. Другая опасность заключалась в возможной приостановке процесса международного признания Геноцида армян и в турецкой уловке по продвижению своего проекта создания комиссии историков для обсуждения вопросов, связанных с Геноцидом армян, к которому Анкара последовательно шла, начиная с 2005 г.

Новым импульсом для начала армяно-турецкого процесса стало официальное приглашение президента РА С. Саргсяна 5 июля 2008 г., в ходе своего рабочего визита в Москву своего турецкого коллеги посетить Ереван для совместного просмотра футбольного матча с участием национальных сборных. Таким образом начавшийся этап установления двусторонних отношений был назван «футбольной дипломатией».

В статье, опубликованной в Wall Street Journal от 9 июля 2008 г., прези-

дент С. Саргсян отметил: «Настало время новых усилий по выходу из этого тупика, от которого никто не выигрывает, и страдают многие. Как президент Республики Армения, пользуясь случаем, предлагаю новое начало, новый этап диалога с правительством и народом Турции, преследуя цель улучшить отношения и открыть общую границу. Я предлагаю установить между нашими странами нормальные политические и экономические отношения... Установлению нормальных отношений между нашими странами реальной альтернативы нет. Надеюсь, что для создания таких отношений наши правительства могут перешагнуть через порог новой открытой двери. Нормализация политических отношений даст нам возможность сформировать комиссию, обсудить все сложные вопросы, касающиеся Армении и Турции. Мы не можем констатировать ощутимые результаты без подобного рода отношений. Только на их основе мы можем установить эффективный диалог, коснуться даже самых чувствительных исторических вопросов».²⁶

Начало и итоги Пятидневной войны в Южной Осетии значительно активизировали кавказский вектор турецкой внешней политики. Война, ее последствия, а также нажим со стороны Вашингтона в определенной мере сыграли ключевую роль в принятии политического решения о беспрецедентном визите президента Турции Абдуллы Гюля в Ереван. По мнению некоторых исследователей, в ходе событий августа-сентября 2008 г. вновь подтвердилось, что в общем формате армяно-турецких отношений карабахская проблематика имеет лишь инструментальное значение и в политических приоритетах Анкары значительно уступает по актуальности вопросу признания Геноцида или же налаживанию отношений с Арменией в контексте амбиций Турции на членство в Европейском Союзе.²⁷

Стремительное продвижение российских войск по территории Грузии выявило уязвимость турецких политических интересов на Кавказе. В Анкаре были серьезно обеспокоены перспективой экономических и политических интересов Турции в регионе, в том числе и судьбой проектов по транспортировке газа и нефти из каспийских месторождений. Война в Южной Осетии резко трансформировала архитектуру безопасности и установившийся баланс сил на Южном Кавказе. Признание Российской Федерацией независимости Абхазии и Южной Осетии лишь усилили опасения Анкары относительно возможности окончательной потери влияния в регионе.

На фоне эскалации ситуации на Кавказе Турция не поддержала инициативу лидеров нескольких государств Восточной Европы, выразивших свою солидарность с Грузией после начала конфликта в Южной Осетии

и сочувствующих политике грузинского президента М. Саакашвили. Анкара не примкнула к антироссийской позиции Запада, а попыталась дистанцироваться от обеих сторон и вести самостоятельную политику в этом вопросе. Такое поведение Турции вызвало новый всплеск подозрений Запада относительно ее неуправляемости.

На этом фоне Анкара выступила с новой инициативой регионального сотрудничества. После войны в Южной Осетии, 13 августа 2008 г. премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган совершил визит в Москву, где предложил сформировать «Платформу сотрудничества и стабильности на Кавказе» для упрочения экономических связей между странами региона и способствования мирному разрешению конфликтов. В новых условиях геополитического расклада сил эта турецкая инициатива изначально представлялась мертворожденной идеей, тем более что аналогичное предложение уже было сделано Анкарой в 2000 г. В сложившихся реалиях каждая страна располагала собственным видением данной Платформы и имела в ней собственные интересы, а также резко отличающиеся подходы к проблеме разрешения существующих конфликтов и установления безопасности в регионе Южного Кавказа.

Эта идея была лишена всякого содержания, и реанимация уже апробированного плана стала для Анкары попыткой воспользоваться создавшейся ситуацией и получить конкретные дивиденды в условиях изменения баланса сил в регионе. Иницируя предложения по созданию такой Платформы, Турция стремилась, во-первых, заявить о себе в качестве весьма серьезного игрока в регионе, во-вторых, разыграв эту карту, задать тон политической игре, и в-третьих, выявить позиции и подходы основных игроков и соседей по региону.²⁸

По мнению И. Охрименко, турецкий план подразумевал первым этапом создание Азербайджаном, Грузией и Арменией под гарантией Российской Федерации и Турции «Платформы по развитию сотрудничества». Очевидный региональный характер турецкого предложения отражал ярко выраженное политическое притязание Турции именно на региональное лидерство. Пакт предусматривал не объединение пяти стран, а фактически взаимное решение проблем двумя относительно сформировавшимися союзами: Россией и Арменией с одной стороны, Турцией, Азербайджаном и Грузией — с другой.²⁹

События в Южной Осетии оказали также существенное влияние на настроения турецкой общественности. В своем выступлении на саммите средиземноморских стран премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган заявил: «Нам следует четко определить роль и место Турции в урегулировании

межрегиональных конфликтов таким образом, чтобы оказать заметное влияние и внести посильный вклад в разрешение кавказского кризиса».³⁰

6 сентября 2008 г. состоялся визит президента Турции Абдуллы Гюля в Ереван, на футбольный матч между сборными Армении и Турции. 7 сентября, после завершения визита президента Турции Абдуллы Гюля, министры иностранных дел Армении и Турции провели переговоры относительно предложений Анкары по формированию нового регионального форума на Кавказе.

29 сентября 2008 г., после трехсторонней встречи министров иностранных дел Армении, Турции и Азербайджана, состоявшейся в Нью-Йорке в рамках работы Генассамблеи ООН, президент Республики Армения Серж Саргсян откровенно заявил: «Особенно сильных ожиданий от этой встречи не было. Было проведено несколько подобных встреч, но какого-то конкретного результата нет».³¹

В начале декабря 2008 г. в Хельсинки состоялась встреча министра иностранных дел Турции Али Бабаджана с министром иностранных дел РА Э. Налбандяном и министром иностранных дел Азербайджана Э. Мамедьяровым, в ходе которой обсуждался и вопрос карабахского урегулирования.

Перспектива урегулирования армяно-турецких взаимоотношений и визит президента А. Гюля в Ереван вызвали шоковую реакцию у азербайджанской стороны. И это несмотря на то, что турецкие лидеры permanently ставили в известность азербайджанскую сторону о развитии ситуации в армяно-турецком урегулировании.

29 января 2009 г. президент Армении С. Саргсян встретился с премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоганом в Давосе, но эта встреча не привела ни к каким результатам. Кроме того, 8 апреля Р. Т. Эрдоган заявил, что трудно преодолеть сложности в армяно-турецких взаимоотношениях, пока не урегулированы отношения между Арменией и Азербайджаном, и лишь после этого могут быть решены проблемы между Турцией и Арменией.³²

Однако даже такие жесткие заявления с турецкой стороны не успокоили азербайджанскую сторону. В начале апреля 2009 г. президент Азербайджана И. Алиев демонстративно отказался участвовать в стамбульском саммите Альянса цивилизаций. Президент Азербайджана не согласился приехать в Стамбул даже после звонков Хиллари Клинтон и обещания организовать его встречу с президентом США Б. Обамой.³³

Более того, И. Алиев одобрил предложение о ежегодном экспорте в Россию 500 млн кубометров газа, которые были необходимы Турции для

запуска нового газопроводного проекта Nabucco.

Президент США Барак Обама, выступая 7 апреля в парламенте Турции, коснулся и вопроса армяно-турецкого урегулирования. «Каждая страна должна работать, исходя из своего прошлого, и, рассчитавшись с прошлым, мы можем лучше ухватиться за будущее», – заявил он.³⁴ Затронув проблему признания Геноцида армян в Османской Турции, американский президент отметил: «Я знаю, в этом зале есть твердая позиция относительно этих ужасных событий 1915 года. Мы уже видели исторические и мужественные шаги турецких и армянских лидеров. Эти контакты содержат обещание нового дня. Открытая граница вернет армянский и турецкий народы к мирному и процветающему сосуществованию, что будет служить обоим вашим нациям. Вот почему Соединенные Штаты решительно поддерживают полную нормализацию отношений между Турцией и Арменией».³⁵

Попытки давления со стороны США возымели определенное воздействие на Анкару, и после нескольких раундов секретных переговоров и дипломатического маневрирования, неожиданно для всех 22 апреля 2009 г. армянская и турецкая стороны распространили совместное заявление – некую «дорожную карту» дальнейших действий. Оглашение «дорожной карты» вызвало резкую реакцию как среди армян Диаспоры, так и внутри Республики Армения. В знак несогласия с проводимой политикой, 27 апреля 2009 г. Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн» вышла из правящей коалиции.

Резко негативную реакцию на перспективы установления армяно-турецких отношений выразили и радикально настроенные турецкие националисты в лице Партии Националистического движения. Вице-председатель ПНД Мехмед Шандыр, критикуя присоединение турецких властей к процессу нормализации отношений с Арменией, заявил, что этой инициативой США хотят «создать в Турции Армению и Курдистан».³⁶ Лидер партии Девлет Бахчели утверждал, что Турцию хотят разделить на части. За этими заявлениями последовал отказ ПНД участвовать в обсуждении парафированных армяно-турецких протоколов и даже встречаться с министром иностранных дел Турции Ахмедом Давутоглу.³⁷

Таким образом, процесс, в котором ведущую роль посредника стали играть Соединенные Штаты и Швейцария при довольно инертной позиции Кремля, взял старт, но без особых предпосылок к позитивным итогам.

В процессе армяно-турецкого урегулирования произошло некое разделение ролей между США и Россией, и это стало ключевым элементом их диалога по Южному Кавказу после августовской войны. По мнению

некоторых аналитиков, координация усилий по разрешению армяно-турецкой проблемы оказалась одним из немногочисленных практических пунктов плана так называемой «перезагрузки» американо-российских отношений.³⁸

После оглашения плана действий по урегулированию, турецкая сторона незамедлительно заявила о своей позиции относительно процесса и его привязке к Карабахской проблеме. В ходе своего визита в Баку, турецкий премьер министр Р. Т. Эрдоган заявил, что Турция не откроет границу с Арменией до разрешения Карабахского конфликта. «Карабахский конфликт и оккупация азербайджанских территорий – причина, а закрытие границ Турции с Арменией – следствие. Пока не будет ликвидирована причина, последствия не будут устранены», – отметил Эрдоган.³⁹

Армяно-турецкий политический процесс по установлению дипломатических отношений и открытию границ между государствами, несомненно, оказывал существенное влияние на всю архитектуру безопасности кавказско-ближневосточного региона, катализируя новые региональные перестановки с определенным воздействием на ситуацию вокруг Карабахского конфликта.

Армяно-турецкие протоколы

31 августа 2009 г. были оглашены тексты двух документов, озаглавленных как «Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя странами» и «Протокол о развитии двусторонних отношений».⁴⁰ Тексты обоих Протоколов были подготовлены дипломатическими представителями Армении и Турции в ходе секретных переговоров при посредничестве швейцарской стороны. Согласно пунктам Протоколов, обе стороны договаривались начать политические консультации вокруг указанных документов и завершить их в течение шести недель. После консультаций предусматривалось их подписание и передача на утверждение парламентам обоих государств.

В Протоколах были названы конкретные сроки для реализации согласованных инициатив. Согласно тексту «Протокола о развитии двусторонних отношений», стороны договаривались открыть общую границу в течение двух месяцев после ратификации обоих документов. «Протоколом об установлении дипломатических отношений» стороны «договаривались установить дипломатические отношения со дня подписания данного Протокола в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических отношениях от 1961 г., обменяться дипломатическими предста-

вительствами».

В текстах обоих Протоколов отсутствовало упоминание Карсского договора и лишь указывалось на признание существующей пограничной линии. Не упоминался также Карабахский конфликт, что было принципиальным моментом для армянской стороны.

Второй пункт «Протокола об установлении дипломатических отношений» предполагал регулярные консультации между МИД двух стран по широкому спектру вопросов. Среди включенных в текст документа особенно широкий резонанс получил пункт, предусматривающий создание межправительственной подкомиссии для начала диалога «в исторической плоскости между двумя народами, направленного на восстановление взаимного доверия, в том числе с помощью научного беспристрастного изучения исторических документов и архивов для уточнения имеющихся проблем и формулирования предложений».

Этот пункт стал причиной резкой критики в разных кругах армянского общества. Острые споры развернулись также вокруг следующих положений двух документов: обеспечение принципа территориальной целостности, установление и утверждение пограничной линии между РА и Турцией. Первый пункт увязывался с карабахской проблемой, а в случае со вторым опасения были связаны с возможной легитимизацией границы между Арменией и Турцией, установленной Московской и Карским договорами.

Сразу же после оглашения текста обоих Протоколов турецкая сторона неоднократно заявляла, что без каких-либо подвижек в Карабахском вопросе невозможно установление двусторонних отношений. И хотя в тексте документов не было никаких апелляций к Карабахскому конфликту, все же этот вопрос вызвал жаркие дебаты в армянской среде. Довольно остро отреагировала и армянская Диаспора, что проявилось резко негативной критикой в адрес армянской делегации во главе с президентом Армении С. Саргсяном в ходе его поездки в Бейрут, Париж и Лос-Анджелес.

Учитывая всевозможные маневры турецкой стороны в вопросе дальнейшего установления двусторонних отношений, президент Армении, принимая ответное приглашение своего турецкого коллеги, заявил, что не поедет в Бурсу для совместного просмотра футбольного матча между сборными Армении и Турции (намеченного на 14 октября 2009 г.), если к тому времени не будет никаких признаков прогресса в деле подписания и ратификации Протоколов и последующего открытия границы. Вашингтон со своей стороны предпринял попытки давления на Анкару для того, чтобы сдвинуть процесс с мертвой точки.

В итоге после согласования даты подписания армяно-турецких протоколов было решено организовать соответствующую церемонию в Цюрихе. Перед подписанием протоколов Президент С. Саргсян выступил с обращением к населению Республики Армения. В послании отмечалось, что «Никакие отношения с Турцией не могут ставить под вопрос факт Геноцида и лишения армянского народа его Родины. Это известный факт, и он должен быть признан и осужден всем передовым человечеством. Соответствующая подкомиссия межправительственной комиссии не является комиссией историков».⁴¹ В другом месте обращения указывалось, что «Задержка ратификации Протоколов со стороны Турции или выдвижение при ратификации новых условий породит адекватную позицию армянской стороны. Этими Протоколами Армения не принимает каких-либо односторонних обязательств и не делает каких-либо утверждений. Армения подписывает эти Протоколы с целью создания основ для установления нормальных взаимоотношений между двумя странами. Следовательно, если Турция не ратифицирует эти Протоколы в разумные сроки и после этого в установленные сроки не выполнит все их положения, или нарушит их впоследствии, то Армения без промедления предпримет адекватные шаги, предусмотренные соответствующим международным правом».⁴²

10 октября 2009 г. в Цюрихе министры иностранных дел Армении и Турции Эдуард Налбандян и Ахмет Давутоглу подписали «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений». На церемонии подписания присутствовали министр иностранных дел Швейцарии Мишлин Кальми-Рей, Генеральный секретарь Совета Европейского Союза Хавьер Солана, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, Госсекретарь США Хиллари Клинтон и министр иностранных дел Франции Бернард Кушнер. Такое представительное присутствие, несомненно, указывало на существующий интерес международного сообщества и великих держав к судьбе процесса.⁴³

Согласно договоренностям, для вступления в силу Протоколы должны были ратифицироваться парламентами Армении и Турции.

Подписание армяно-турецких Протоколов и последующее развитие событий вызвали бурю негодования в Баку. Перед началом футбольного матча в Бурсе сотрудники спецслужб Турции выбросили на помойку азербайджанские флаги. Это вызвало резко негативную реакцию в Баку, где были сняты турецкие флаги перед представительствами турецких компаний и перед мемориалом турецким солдатам, погибшим при захвате Баку в сентябре 1918 г. В ответ турецкая сторона направила ноту протеста, и после двусторонних визитов стороны попытались уладить инци-

дент между обоими государствами. Наступил беспрецедентный с момента установления двусторонних связей кризис в азербайджано-турецких отношениях.⁴⁴

Однако подписание Протоколов вовсе не изменило расстановку акцентов в официальной риторике Анкары по вопросу карабахского урегулирования. После визита Р. Т. Эрдогана в Вашингтон в начале декабря 2009 г., турецкий премьер вновь публично увязал процесс нормализации армяно-турецких отношений с Карабахским конфликтом.

Для армянской стороны приоритетным была быстрая ратификация обоих Протоколов и нормализация двусторонних отношений безо всяких предусловий. В свою очередь Анкара неоднократно заявляла, что условием для ратификации Протоколов в турецком парламенте является прогресс в карабахском урегулировании, тогда как Армения считала недопустимым обуславливать решение одного вопроса другим и тем самым проваливать и одно, и другое.

Ратификация обоих документов парламентами двух стран стала следующим камнем преткновения. Вопрос о реальных гарантиях имел особое значение для армянской стороны, особенно с учетом вероятности утверждения Протоколов одной из сторон при последующей задержке с другой стороны.

Для создания приемлемого для себя информационного фона турецкая сторона периодически выступала с заявлениями о позитивном направлении процесса. Так, министр иностранных дел Турции Давутоглу заявил, что «холодная война» в отношениях с Арменией закончена.⁴⁵ Создание видимости продолжающегося процесса было крайне важно для Анкары, которая стремилась избавиться от имиджа главного виновника его провала.

Особое значение для всего процесса имело решение Конституционного суда (КС) Республики Армения, в котором было зафиксировано конституционное положение о соответствии содержания Протоколов и последующих шагов армянской стороны основному закону армянского государства.

Решение КС Армении вызвало негативную реакцию у турецкой стороны. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в ходе визита в Саудовскую Аравию, по этому поводу заявил: «В том случае, если Конституционный суд Армении не изменит своего решения, процесс урегулирования армяно-турецких отношений может быть заморожен». Турецкая сторона утверждает, что при рассмотрении Цюрихских протоколов Конституционный суд Армении признал, что «приоритетным положе-

нием Протоколов является открытие фактической армяно-турецкой границы, и все иные обязательства приобретают правовую силу только в случае наличия открытых границ».⁴⁶

18 января 2010 г. турецкое Министерство иностранных дел в своем пресс-релизе относительно заключения КС Республики Армения сообщало, что «это решение содержит предусловия и ограничивающие условия (restrictive provisions), которые не соответствуют букве и духу Протоколов».⁴⁷ Как отмечает турецкий исследователь Семи Идис, проблема правительства Эрдогана состояла в его неумении убедить Запад в том, что это решение вредит подписанным Протоколам. На самом деле турецкая сторона искала причину для выхода из процесса с наименьшими дипломатическими потерями.⁴⁸

Позиция Еревана основывалась на реальном желании наладить отношения с Анкарой без каких-либо предусловий. Утверждать, что в позиции Турции изначально был заложен сценарий, по которому следовало спустить все на тормозах или же попытаться выяснить точку зрения или степень оппозиционности Азербайджана по отношению к этому процессу трудно, но ясно одно, что у Анкары было несколько вариантов последующих действий. В ходе процесса турецкая сторона взвешивала плюсы и минусы, что очень хорошо отображалось в борьбе несогласованных интересов различных сил в турецком политическом поле. Это, прежде всего, интересы военных, исламистов, националистов, секуляристов и ультра националистов. Во внутренней и внешней политике Турции роль первой скрипки до сих пор играют военные, у которых есть некоторые опасения за сохранность своих позиций, учитывая, что вмешивающийся в политику генералитет – изживший себя институт, по своей ценностной системе и ориентировке уже не соответствующий нормам международного права XXI века.⁴⁹

В случае открытия границы психологический эффект, оказываемый на общественность Азербайджана, был бы огромным, что, впрочем, справедливо и для большей части турецкого общества.

Усилия Турции по оттягиванию процесса установления двусторонних отношений с Арменией и выдвижение предусловий не противоречили логике внешней политики Анкары: на кону оказалась дальнейшая судьба отношений с основным союзником на Кавказе – Азербайджаном. Одновременно можно предполагать, что ожидаемые и прогнозируемые вызовы и угрозы в будущем заставят Анкару пойти навстречу Еревану без оглядки на Баку.

Трудно представить, что Анкара сможет в течение долгого времени

держат армяно-турецкую границу закрытой и не установит дипломатические отношения с Ереваном. На данном этапе вопрос не столько в том, насколько трудно для Анкары открыть границу с Арменией, а в том, насколько рискованно для нее потерять Азербайджан.

Провал процесса

С момента оглашения «дорожной карты» 23 апреля 2009 г. и после подписания Протоколов в Цюрихе, турецкая сторона активно инициировала разные информационные акции, нацеленные на дезориентацию мировой общественности и способствующие ухудшению отношений между РА и армянской Диаспорой. Параллельно с этим турецкие лидеры, в первую очередь премьер-министр Р. Т. Эрдоган, акцентировали турецкие предусловия в вопросе урегулирования армяно-турецких взаимоотношений, ссылаясь на то, что очень трудно преодолеть препятствия в отношениях между Турцией и Арменией без разрешения проблем между Арменией и Азербайджаном. В официальной турецкой риторике нашлось место тезису о необходимости маленького шажка в вопросе карабахского урегулирования для продолжения начатого процесса без негативных откликов из Баку.

По ходу дальнейших событий стало очевидно, что турецкая сторона всячески старалась добиться совмещения процессов Карабахского урегулирования и установления армяно-турецких взаимоотношений. Так, в ходе двусторонних встреч с президентом США Бараком Обамой и премьер-министром РФ Владимиром Путиным (соответственно 7 декабря 2009 г. и 13 января 2010 г.) глава правительства Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган заявил о необходимости совмещения двух процессов.⁵⁰

В свою очередь армянская сторона указывала на реальную угрозу провала обоих процессов в случае их совмещения.

По мнению американского эксперта Д. Филиппса, Анкара рассчитывала посредством армяно-турецкого процесса по примирению активизировать Минскую группу ОБСЕ для поиска решений Карабахского конфликта.⁵¹

В ходе процесса по установлению двусторонних отношений турецкая сторона не брезговала и откровенно шовинистическими заявлениями. В марте 2010 года Р. Т. Эрдоган выступил с угрозой изгнать «100000 нелегальных армянских мигрантов из Турции».⁵² Это заявление Эрдогана вызвало критику в мировой прессе, а также в некоторых кругах турецкого общества. В свою очередь министр обороны Турции Веджди Гёнул заявил: «Если бы греки продолжали жить на Эгейском побережье, а армяне

– в разных районах Турции, я сомневаюсь, что тогда было бы сегодняшнее турецкое государство». ⁵³ Это откровенно расистское заявление турецкого министра вызвало немалый резонанс и внутри самой Турции.

11-13 апреля 2010 г. президент РА С. Саргсян по приглашению президента США принял участие в работе Глобального саммита по ядерной безопасности в Нью-Йорке. В ходе конференции состоялась его встреча с Баракком Обамой. На этой встрече были обсуждены перспективы процесса урегулирования отношений между Арменией и Турцией и мирного решения проблемы Нагорного Карабаха.

В рамках визита в Вашингтон президент Армении С. Саргсян встретился также с премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоганом, ⁵⁴ но сразу же после этой встречи Эрдоган вновь выступил с заявлением о недопустимости установления двусторонних отношений и открытия границ с Арменией до разрешения Карабахского конфликта.

Подытожив вышеперечисленные события и сопутствующие им развития, следует указать, что несмотря на негативные аспекты процесса, в первую очередь фактор внезапности оглашения текста «дорожной карты» и Протоколов по установлению двусторонних отношений, а также определенную неподготовленность армянской дипломатии к такому процессу, официальный Ереван смог заявить о себе как о предсказуемом игроке в мировой политике и заставить турецкую сторону оказаться в роли реактивной стороны. В итоге виновницей провала процесса армяно-турецкого урегулирования была признана именно Турция.

Таким образом, в ходе переговоров по армяно-турецкому урегулированию карабахский фактор не перестал быть ключевым, определив дальнейшую судьбу процесса установления двусторонних отношений.

Учитывая неконструктивную позицию Турции и бесперспективность всяких переговоров на фоне заявлений турецких лидеров, не отвечающих духу и букве подписанных в Цюрихе Протоколов, 22 апреля 2010 г. президент РА Серж Саргсян приостановил процедуру ратификации в парламенте Армении «Протокола об установлении дипотношений» и «Протокола о развитии двусторонних отношений», а министру иностранных дел Республики Армения было поручено проинформировать Турцию об этом решении. ⁵⁵

В своем телевизионном обращении президент С. Саргсян, касаясь этого своего решения, отметил: «Армения постоянно демонстрировала последовательную приверженность процессу нормализации отношений, вплоть до этапа включения Протоколов в повестку дня Национального Собрания. Мы продемонстрировали всему миру нашу принципиальную

позицию в этом вопросе, выступая исключительно с конструктивных позиций. Мы также заявили, что, в случае ратификации Протоколов Турцией согласно достигнутой договоренности без предварительных условий и в разумные сроки, срыв их ратификации в парламенте Армении исключен». ⁵⁶

Позиция Армении была поддержана основными заинтересованными сторонами процесса – Россией, Францией, США и Швейцарией, а также ОБСЕ, ЕС и ООН.

Приостановление ратификации Протоколов было вынужденным шагом армянской стороны в ответ на официальную риторику и позицию турецких высокопоставленных лиц, придерживающихся неизменной позиции предъявления предварительных условий в вопросе установления двусторонних отношений.

Основные выводы армянской стороны, а также мотивы решения главы армянского государства подчеркивались в следующих постулатах: первое – Турция не готова продолжать начатый процесс и продвигаться вперед без предварительных условий, в соответствии с буквой Протоколов; второе – с истечением разумных сроков турецкая практика любой ценой «проскочить» дату 24 апреля представляется неприемлемой; и наконец, третье – для армянской стороны видится бессмысленным превращение диалога Армения-Турция в самоцель без каких-либо ощутимых результатов. ⁵⁷

Из уважения к усилиям заинтересованных в улучшении армяно-турецких отношений стран и к их лидерам, президент Армении решил не выходить из процесса и лишь приостановить процедуру ратификации Протоколов армянским парламентом. Армения оставила свою подпись под Протоколами, тем самым показывая, что политические цели нормализации армяно-турецких отношений остаются в силе. «Мы рассмотрим возможность продвижения вперед, когда убедимся, что в Турции наличествует соответствующая атмосфера, когда мы увидим в Анкаре руководство, вновь готовое к нормализации взаимоотношений», – говорилось в обращении президента Сержа Саргсяна. ⁵⁸

После решения армянской стороны произошли два знаковых события. Это подписание Протокола о внесении изменений в российско-армянский Договор о российской военной базе на территории Республики Армения с продлением срока действия Договора на 45 лет. В ответ на это Турция и Азербайджан подписали Договор о стратегическом партнерстве и взаимной помощи. Президент Турции А. Гюль, назвав подписанный с Азербайджаном Договор «показателем высокого уровня политических отношений между двумя странами», при этом добавил, что Нагорно-карабах-

ский конфликт должен быть урегулирован в рамках территориальной целостности Азербайджана.⁵⁹

И хотя подписанные – один между Республикой Армения и РФ и второй между Турцией и Азербайджаном – документы с большой натяжкой можно считать симметричными, все же в южнокавказском регионе обрисовывается новая ось противоборства, которая пока сдерживается механизмами балансирования. Но в определенный момент сформированные дуэты Россия-Армения и Турция-Азербайджан в будущем могут создать в регионе конфронтационный потенциал. Этот сценарий наиболее вероятен в случае ухудшения российско-турецких отношений.

Параллельно с армяно-турецким процессом Анкара стремилась достичь определенной ясности в перспективах евроинтеграции. В этом ключе находится и желание Турции проявить себя в качестве субъекта, а не объекта большой политики, принимать действенное участие в процессах разрешения региональных конфликтов и выступить в роли посредника.⁶⁰

Углубляя формат двусторонних отношений с Азербайджаном, 17 мая 2010 г. в рамках встречи премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана и президента Азербайджана И. Алиева было достигнуто соглашение о создании Совета стратегического сотрудничества на высшем уровне между Азербайджаном и Турцией. Создаваемый Совет, по мнению некоторых исследователей, можно расценить как модель межгосударственного союза на уровне стратегического партнерства.⁶¹

Таким образом, отсутствие изменений в начальной позиции Анкары в вопросе урегулирования отношений с армянской стороной превратило Турцию в некую заложницу Азербайджана, что в определенной степени лишило ее возможности играть сколь-нибудь самостоятельную роль на армянском направлении. К тому же любое новое проявление армяно-турецкого диалога может привести к новому обострению азербайджано-турецких взаимоотношений.⁶² В этом смысле не случайно, что в азербайджанских официальных кругах блокирование армяно-турецкого процесса Анкарой было расценено как победа азербайджанской дипломатии.⁶³

Интересный анализ событий вокруг армяно-турецкого процесса был представлен известным аналитическим центром «Stratfor». «Пусть возобновление отношений с Арменией и является смелым шагом, этому процессу был дан толчок благодаря поддержке России. Россия в последние годы непосредственно наблюдала за процессами, идущими в Турции, и намеревалась использовать официальную Анкару в двух направлениях: во-первых, построить с усиливающейся Турцией более близкие отношения, во-вторых, воспользовавшись этими отношениями, сильнее привя-

зать к себе Армению и Азербайджан. Это не значит, что происходившее в прошлом году было устроено Россией, однако некоторые сделанные Москвой ходы завершились абсолютным успехом русских».⁶⁴

Конечно, было бы наивно полагать, что после открытия армяно-турецкой границы и установления дипломатических отношений Турция перестанет выстраивать свою политику в отношении Армении на основе силы и не вернется к прежней жесткой позиции, получив к тому же дополнительные рычаги давления.

В самом начале армяно-турецкого процесса Анкара сильно переоценила возможности своей внешней политики на кавказском векторе. В результате не совсем удачных расчетов, Турция на определенное время навредила своим отношениям с Азербайджаном и вместе с тем фактически провалила возможность восстановления двусторонних отношений с Республикой Армения.

По мнению некоторых экспертов, Турция не была серьезно настроена на ратификацию Протоколов и не предприняла никаких шагов в этом направлении. Основной причиной стало то, что по большому счету Анкара ничего и не получала взамен.⁶⁵

Такое мнение отчасти верно, поскольку сам процесс не только выявил уязвимые места Турции, но и дезавуировал блеф в турецкой политической риторике, адресованный в первую очередь на внешнюю аудиторию. Это касается турецких обвинений в адрес Армении о так называемых территориальных претензиях и ее отказе обсуждать темы, затрагивающие сложные периоды совместной истории, в частности тему Геноцида армян. Отказ Турции ратифицировать Протоколы лишь оголил турецкие пропагандистские маневры, применяемые ею в течение многих лет.

В то же время непоследовательность США и ЕС в отношении урегулирования армяно-турецких противоречий привела к тому, что Турция, создавая видимость заинтересованного участия в переговорном процессе с Арменией, фактически стремилась обеспечить благоприятный фон для своих внешнеполитических инициатив.

В ходе процесса с турецкой стороны было предпринято несколько инициатив пропагандистского характера. Письмо турецких интеллектуалов с просьбой о прощении, распространенное в конце 2008 г., было ничем иным как информационной операцией, разработанной с целью получения конкретных дивидендов для турецкой внешней политики в отношении Республики Армения и для формирования симпатий среди иностранной аудитории в отношении Турции.

В самом начале процесса как у армянской, так и у турецкой стороны

были определенные ожидания и расчеты на получение конкретной внешнеполитической выгоды. Если Армения старалась обеспечить дополнительный выход к внешнему миру и вбить клин между Азербайджаном и Турцией в случае позитивного исхода процесса, то Анкара надеялась, что начатый с Арменией процесс приостановит международное признание Геноцида армян и желала непосредственно вмешаться в процесс урегулирования Карабахского конфликта.

Одна из причин просчета Турции, по мнению Т. де Ваала, заключалась в том, что в Анкаре ошибочно верили, что прогресс в переговорах между Арменией и Азербайджаном по урегулированию Карабахского конфликта был более существенным, нежели это было на самом деле. Если бы Анкара представляла себе истинное состояние дел, она бы поступила иначе.⁶⁶

Без последствий не остались и азербайджано-турецкие отношения. Возник негативный осадок и в общественном сознании двух стран. Причем кризис в отношениях между Анкарой и Баку случился не только на уровне политических элит или властных структур: турецкое «предательство» намного острее проявилось в азербайджанском обществе.⁶⁷ По замечанию С. Корнелла, поведение Анкары усилило до опасных пределов существующие опасения Азербайджана в связи с изменением позиции Турции, а армяно-турецкий процесс создал среди азербайджанских политиков ощущение изолированности.⁶⁸

Другим последствием армяно-турецкого процесса стало определенное изменение комплекса Карабахского конфликта, что проявилось во временном отступлении переговорного процесса на второй план и ослаблении интереса к нему мировых держав.⁶⁹

Таким образом в армяно-турецком конфликтном дискурсе вновь акцентировался азербайджанский фактор. И хотя ресурсы и возможности Баку несопоставимы с турецкими в региональной и международной политике, все же можно говорить об укоровившемся во внешней и внутренней политике Турции азербайджанском факторе, определяющем механизмы принятия решений в ее внешнем курсе, не исключая банальный лоббизинг интересов Баку в обмен на финансовые вливания.

«Нормализация отношений между Арменией и Турцией до решения Карабахского конфликта противоречит национальным интересам Азербайджана и бросает тень на братские отношения между Турцией и Азербайджаном», – заявил в октябре 2009 г. МИД Азербайджана.⁷⁰

На фоне происходящего было очевидно, что в предвыборный период турецкие власти старались особо не рисковать и в официальную риторику в обязательном порядке включали ссылки на Карабахский конфликт,

исходя из конъюнктуры внутриполитической борьбы.⁷¹

Но в условиях закрытых границ и отсутствия дипломатических отношений с Ереваном связывание Анкарой дальнейших шагов по нормализации двусторонних отношений с Карабахским конфликтом значительно ограничило возможности турецкой дипломатии в реализации ее политики на Южном Кавказе. К тому же, как отмечают турецкие авторы, даже иницируя региональные мирные инициативы, Турция будет оставаться объектом критики за закрытую с Арменией границу.⁷²

С другой стороны, реакция армянской Диаспоры заставила Ереван тоже пересмотреть некоторые детали исходных позиций в армяно-турецком процессе. Само понятие урегулирования – а не примирения – с Турцией, открытие армяно-турецкой границы и налаживание дипломатических отношений между Ереваном и Анкарой еще могло устроить Диаспору, но при условии воздержания Турции от вмешательства в Карабахскую проблему и предложений по обсуждению факта Геноцида армян.

Выводы:

1. В ходе процесса армяно-турецкого урегулирования армянская сторона смогла сузить поле пропагандистского маневрирования турецкой стороны. Оставив свою подпись под Протоколами, Ереван фактически лишил турецкую сторону возможности дальнейших манипулятивных и имитационных действий. Параллельно с этим были обесценены турецкие утверждения о якобы существующих территориальных претензиях к Турции со стороны Республики Армения, а также обвинения в адрес армянской стороны в неконструктивности при обсуждении проблемных вопросов;
2. Республика Армения в ходе процесса проявила себя как предсказуемый партнер с четкими позициями, в то время как Турция исчерпала свой ресурс оправдания и подстраивания процесса под себя;
3. Армяно-турецкие протоколы, подписанные в октябре 2008 г., можно считать девальвированными по вине турецкой стороны, и для будущих аналогичных инициатив они не могут стать основой. При иницировании или же участии в новом процессе вовсе нет необходимости в поэтапных действиях. Армянская сторона должна настаивать на открытии границ без каких-либо условий и на установлении дипотношений между Арменией и Турцией;
4. Процесс также показал, что возможное открытие армяно-турецкой границы может привести к внутриполитическому напряжению в Азербай-

- джане, значительным образом девальвируя курс внешней политики существующего в Баку политического режима;
5. Армяно-турецкий процесс 2008-2010 гг. в определенной мере, хоть и временно, превратил Армению в серьезного участника большой политики, обеспечив ей заметное место в мировых информационных потоках. Процесс также в немалой степени синхронизировал внешнеполитические ожидания Республики Армения с ожиданиями и целями мировых игроков.

Глава 2. Перспективы турецкой внешней политики и рекомендации по выстраиванию турецкого вектора внешней политики Республики Армения

Эволюция международных отношений на рубеже третьего тысячелетия внесла серьезные изменения во внешнеполитические приоритеты Турции, особенно – в турецко-американские отношения. Провал армяно-турецкой инициативы, поддерживаемой Вашингтоном, стал знаковым событием наряду с прочими турецкими действиями, идущими вразрез с американской стратегией. В ответ Вашингтон начал применять по отношению к Турции, которая к тому же стала занимать явно выраженную антиизраильскую позицию, политику давления. На кон был поставлен вопрос дальнейшего тесного сотрудничества между США и Турцией, одновременно серьезным испытаниям подвергаются и турецко-израильские отношения.

Внутренние перестановки и перемены внешнего курса Турции, а также динамика развития международных отношений создают для Анкары дополнительные вызовы. Парадигмы внешней политики Турции меняются в зависимости от лидера внешнеполитического ведомства, его видения дальнейшего пути и определения цивилизационной, региональной и географической идентичности турецкого государства.

На фоне кардинальных изменений, происходящих в турецких общественно-политической и социальной структурах, дальнейшая маргинализация роли турецкого генералитета в деле принятия решений в различных сферах жизни Турции и вероятность установления над ним гражданского контроля в условиях укрепления позиции исламистов, являются новыми вызовами в определении будущего государственного имиджа страны и дальнейших приоритетов в ее региональной и мировой политике.

С другой стороны, новый постмодернистский переворот в Турции, аналогичный тому, который имел место в 1997 г., когда от власти был отстранен исламистский премьер Неджметтин Эрбакан, вряд ли возможен в сегодняшних реалиях, но если он и состоится, то такой шаг не получит должной поддержки ни внутри страны, ни за ее пределами, и окончательно превратит армию в некий архаичный и давно утративший смысл кемалистский инструмент защиты государственных интересов, что повле-

чет за собой далеко идущие последствия.

В долгосрочной перспективе Турция стоит перед дилеммой поиска альтернативных европейской интеграции путей и, не исключено также, новой системы безопасности взамен НАТО. На этой стезе Анкаре следует преодолеть многочисленные внешние и внутренние трудности, заново пересмотреть традиционные концепции государственной идентичности и приоритетов в ценностной системе турецкого государства.

Одним из возможных приоритетов евразийского направления турецкой внешнеполитической ориентации может стать реактивизация тюркского вектора. Однако этот путь не сулит Анкаре серьезных приобретений в предполагаемых предпочтениях тюркских республик в пользу Турции, тем более что центральноазиатские страны сами стремятся стать региональными центрами, не говоря уже о том, что чрезмерное турецкое экономическое и культурно-образовательное присутствие на местах и вовсе не приветствуется.

После распада СССР далеко идущие, но не совсем верно рассчитанные, планы Анкары провалились из-за ограниченности соответствующих ресурсов и возможностей Турции, а также отсутствия непосредственной географической связи с тюркскими регионами. Этому в определенной мере способствовали отсутствие дипломатических отношений с Республикой Армения, закрытая армяно-турецкая граница и односторонняя проазербайджанская позиция Анкары, занятая ею в Карабахском вопросе.

Переоформление внешней политики Турции происходит на фоне подстраивания национальных приоритетов под региональные интеграционные проекты, в первую очередь в сфере энергетической безопасности и транспортировки энергоресурсов Каспийского бассейна в Европу. Для этой цели были предложены такие программы, как «Платформа сотрудничества и стабильности Кавказа» и неоосманская инициатива «стратегической глубины» министра иностранных дел Турции (с конца 2009 г.) Ахмета Давутоглу. Эти проекты – не что иное как шаги, предпринятые для прикрытия и нейтрализации будущих кризисных явлений в самой Турции и во внешней политике страны.

На этом фоне даже при наличии азербайджанского фактора в турецкой внутривнешней жизни понятно желание Анкары урегулировать армяно-турецкие отношения. Ведь основные вызовы для успешной реализации новой турецкой стратегической инициативы исходят также и от армянской стороны и возникают из неурегулированности армяно-турецких отношений. Исходя из этого, можно обрисовать логику и перспективы установления армяно-турецких взаимоотношений в контексте будущей

стратегической уязвимости Турции во внешней и внутренней политике страны.

Какие угрозы существуют в будущем для Турции в контексте армяно-турецкого конфликтного дискурса, и какие могут быть возможные геополитические уступки в региональной политике?

Энергетическая безопасность Турции и поиски новых безопасных источников энергии. Расчеты показывают, что для полноценной жизнедеятельности и развития турецкой экономики в ближайшем будущем необходимы новые источники энергии и безопасные пути их поставки. В этом плане Республика Армения является хотя и небольшим, но альтернативным источником энергии, а установление двусторонних отношений с Арменией в определенной мере может служить гарантией безопасной транспортировки энергии и энергоносителей. В ближайшие 15-20 лет потребность турецкой экономики в энергоносителях повысится во много раз. Для развивающейся турецкой экономики поиск новых источников энергии является жизненно важным, а турецкие планы по строительству атомных электростанций могут оказаться под угрозой на фоне катастрофы 2011 года в японской Фукусиме.

Курдский вопрос. Разрешение курдского вопроса представляется нереальным как минимум в ближайшей перспективе. Анкаре необходимо предпринять конкретные шаги по нейтрализации дальнейшей эскалации ситуации на курдском фронте. Тем более, что, согласно данным турецких источников, через 30-40 лет этнические турки уже не будут составлять большинство населения страны.¹

Радикализация курдского вопроса и репрессии против курдов в Турции ставят Анкару перед необходимостью разрешения осложнений связанных с непосредственными соседями. Думается, что именно здесь кроются корни пресловутой идеологемы «ноль проблем с соседями». Ведь Турция попросту обречена на установление более или менее сносных отношений с ближайшими соседями, чтобы таким образом свести на нет возможные вызовы извне, которые могут стать серьезной угрозой в виде вероятной поддержки курдского сепаратизма.

Курдский вопрос для Турции – «ахиллесова пята», которая со временем сделает страну более уязвимой изнутри. Очевидно, что в ближайшей перспективе Анкаре вряд ли удастся добиться хоть каких-либо положительных сдвигов в разрешении курдского вопроса, а радикальное решение в виде апробированной турецкой политики широкомасштабной депортации и геноцида сегодня маловероятно. Таким образом, в ближайшие десятилетия Турцию ждут радикальные структурные изменения, и это

должно восприниматься Арменией как возможный вызов безопасности страны и региональной безопасности в целом.

Исламизация Турции и кризис национальной и государственной идентичности страны. Аресты и судебные разбирательства по делу «Эргенекон» – над представителями так называемого «глубинного государства», планирующими свергнуть нынешние власти – всего лишь знамение нового витка кризисных явлений внутри Турции, чреватого дальнейшими внутривнутриполитическими пертурбациями. Это проверка сил в ожидаемом жестком столкновении между турецкими исламистами и секуляристами-кемалистами. Дальнейшая маргинализация турецкой армии и генералитета вследствие навязанных на пути евроинтеграции реформ создает тот запал, который не раз воспламенял социально-политическое поле Турции. Сложившаяся ситуация напрямую сказывается на процессах пересмотра основополагающих принципов турецкой государственности, внешнеполитических приоритетов и масштабной переоценки национального самосознания, свидетельством чего является интенсивная исламизация всего общества, включая и армию. Политический ислам уже обеспечил себе надежные и сильные позиции в общественно-политической жизни Турции. К этому можно добавить и ужесточение существующих у большинства населения Турции антиамериканских и антиизраильских настроений.

Дальнейшая девальвация идеологической основы и кризис национальной и государственной идентичности Турции с возможными катастрофическими последствиями для дальнейшей судьбы турецкой государственности показывают, что Турецкая Республика и во внутри- и во внешнеполитических сферах переживает, возможно, один из самых судьбоносных периодов своей истории. Турецкая внешняя и внутренняя политика в настоящее время носит антикризисную направленность, пытается найти эффективные решения для нейтрализации новых вызовов. Вопрос номер один в повестке дня Анкары является максимально быстрое обретение полноправного членства в Евросоюзе – шаг, который поможет разрешить многие серьезные проблемы, стоящие перед Турцией. Однако и на пути евроинтеграции существуют сложности в виде ожидаемого от Анкары пакета реформ, которые также могут расшатать всю общественно-политическую и ценностную систему Турции, загнав страну в идеологический тупик. Одной из серьезных преград на этом направлении может стать вопрос признания и осуждения Геноцида армян, который, вероятно, будет предъявлен Турции в качестве предусловия.

Сегодняшнее состояние турецкого общества сравнимо с тем, что пе-

реживали советские граждане на закате СССР, когда происходил интенсивный пересмотр ценностей, героев, исторического наследия и государствообразующего мифа в целом. А это всегда очень опасный процесс, чреватый далеко идущими последствиями. Тайные страницы турецкой истории, правда об истоках Турецкой Республики становятся достоянием все большего числа людей. Многие турецкие граждане убеждаются, что вся военно-политическая элита, говоря другими словами – «отцы-основатели» Турецкой республики, так или иначе были вовлечены в совершение преступления Геноцида армян и других коренных христианских народов на территории Османской империи.

Международное признание Геноцида армян. Процесс международного признания Геноцида армян и угроза принуждения Турции к некоторым уступкам в зависимости от геополитического расклада сил являются эффективными инструментами для давления на Анкару со стороны ЕС и США. Армянская тематика также является очевидным катализатором дальнейшей девальвации ценностной системы внутри Турции. К этому следует добавить существенный расход ресурсов и средств для нейтрализации процесса международного признания Геноцида армян.

Одних только фактов целенаправленного и умышленного уничтожения армянского раннехристианского культурного наследия на территории Турции вполне достаточно для привлечения турецкого государства к суду за нарушение международных обязательств, в частности Лозаннского договора.

Вопрос международного признания Геноцида армян продолжает оставаться одним из главных действенных факторов в армяно-турецком конфликтном дискурсе. Если в интерпретации официального Еревана признание исторического факта Геноцида воспринимается как залог безопасности и гарантия его неповторения в будущем, то Анкара видит в нем угрозу для имиджа турецкой государственности и нации, стремящейся занять свое место среди мировых держав, а также опасность возможных территориальных потерь, которая может стать вполне реальной в условиях новых геополитических перестановок.

Вопрос Геноцида и его признания в турецкой политике уже превратился в некий синдром, и если раньше он имел лишь внешнюю направленность, то сегодня новым вызовом является и широкое обсуждение этого вопроса турецкой общественностью. Это вызывает большую озабоченность и беспокойство у политической элиты Турции, поскольку данный процесс ставит под сомнение существующее до сих пор преподнесение официальной турецкой истории, и исходящую из него полити-

ческую риторику. Официальная политика отрицания Турцией исторического факта Геноцида армян не претерпела изменений. Если что-то и видоизменялось в этой области, то такие перемены можно охарактеризовать как поиск новых путей искажения фактов и попыток представить собственное видение и интерпретацию этой части истории Турции.

С назначением Ахмета Давутоглу на пост министра иностранных дел Турции во внешнеполитической повестке страны появились новые задачи и императивы. Его видение дальнейшего пути предполагает превращение Турции из регионального игрока в активного участника международной политики.

Выступая в январе 2010 г. в Анкаре на конференции турецких послов, организованной МИД Турции с целью проведения консультаций по актуальным внешнеполитическим вопросам и для постановки задач на 2010 г., А. Давутоглу заявил, что Турция нуждается в новой и более мощной внешней политике, исходя из того, что «в новом мире рождаются новые требования. Мы должны развивать стратегическое видение, которое будет соответствовать всем этим притязаниям».²

Стратегическую цель Турции глава турецкого внешнеполитического ведомства видит в придании стране статуса не региональной, а мировой державы. Выступать в такой ипостаси Турции, по его мнению, позволяет уникальное географическое положение, а также исторический и дипломатический опыт турецкого государства. А. Давутоглу обрисовал следующее видение новой роли Турции в 2023 г., к столетней годовщине образования Турецкой Республики: «Турция – член Европейского Союза; состоит в интеграционных объединениях в сфере экономики и безопасности с соседними странами; является ключевой страной в поддержании регионального порядка и активным игроком на мировой арене; играет определяющую роль в международных организациях; входит в десятку ведущих экономик мира».³

Цели и задачи турецкой внешней политики были оформлены в виде активной региональной политики и установлении лидерства, а также участия в решении вопросов международной политики. «Мы должны отправить наше послание всему миру. Мы находимся в выигрышной позиции для обеспечения справедливости в этом регионе. Во всем мире нет страны с подобным расположением, какое мы имеем. Мы должны быть активны в пяти-шести регионах одновременно. Турецкая дипломатия должна быть сравнима с дипломатией пяти-шести стран мира. Любой кризис может стать для Турции возможностью для поднятия своей международной репутации. Страна не боится кризиса, если имеет ясное видение».⁴ А. Даву-

тоглу считает, что мощь Турции не ограничивается военным измерением, Турция может проявить себя и с позиции «мягкой силы» и способна принять участие в формировании нового мирового порядка и занять в нем видное место.⁵

Анкара расценивает как некоторую альтернативу евроинтеграции дальнейшее сближение с Россией и Ираном, что полностью вписывается в контекст так называемой «евразийской» стратегии Турции. Однако кроме экономического сотрудничества и поисков источников энергии, в частности поставок газа, дальнейшее углубление отношений с этими странами представляется маловероятным, так как они рассматривают Турцию сквозь призму стереотипов исторического и геополитического противника.⁶

Основные приоритетные направления внешней политики Турции на ближайшее десятилетие можно обрисовать следующим образом:

- Дальнейшие усилия по сближению с тюркскими республиками Центральной Азии с приданием им доминантного значения во внешней политике Турции. Создание Совета сотрудничества тюркоязычных государств, который начал функционировать в 2010 г., будет определенно способствовать укреплению солидарности тюркских стран и регионального сотрудничества. Вместе с тем маловероятно, что этот институт сможет воздействовать на формирование единой позиции по карабахскому урегулированию, следовательно, ожидать от него какой-либо серьезной угрозы для армянской стороны не следует.

- Стремление Турции улучшить свои отношения с арабскими странами, добиться расширения своего политического и экономического присутствия в ближневосточном регионе с параллельными попытками ослабления политико-экономического влияния армянской Диаспоры в арабских странах Ближнего Востока.

- Дальнейшее углубление стратегических отношений с Азербайджаном и Грузией нацелено на усиление роли Турции в кавказском регионе. Позиции Турции серьезно ослабли после Второй чеченской войны и новой вооруженной эскалации конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Следовательно, Турция попытается найти новые возможности для обеспечения своего военно-политического и экономического присутствия в кавказском регионе. В этой стратегии Грузии будет отведена роль буфера и связующего звена между Турцией и Азербайджаном для ужесточения кольца блокады вокруг Армении.

- В ближайшей перспективе Турция не прекратит выстраивать свои отношения с Республикой Армения с позиции силы и давления, в особен-

ности в условиях неурегулированности Карабахского конфликта, и попытается предпринять контрмеры в ответ на армянские инициативы, связанные со столетней годовщиной Геноцида армян. В турецкой стратегии ясно проявляется стремление противопоставить проблему Нагорного Карабаха международному признанию Геноцида армян.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Ниже сформулировано несколько концептуальных предложений для эффективной разработки внешнеполитической стратегии Республики Армения в отношении Турции на ближайшее десятилетие.

- Определить в отношении Турции четкую позицию, нацеленную на пресечение любого притязания Анкары на вовлечение в Карабахское урегулирование и какое-либо участие в процессе разрешения конфликта.
- Вести четко сформулированную политику по нейтрализации информационных вызовов со стороны Турции, а также информационно-пропагандистских операций, разработанных ею совместно с Азербайджаном.
- Добиться открытия армяно-турецкой границы без каких-либо предусловий и мобилизовать всю систему государственной безопасности, спрогнозировать плюсы и минусы для армянской экономики и искать альтернативные транспортные коммуникации.
- Представить международному сообществу поведение и позицию турецкой стороны в армяно-турецком процессе, характеризуя их как неконструктивные, агрессивные и, следовательно, неприемлемые для армянской стороны.
- Для установления двусторонних отношений с Турцией необходимо разработать отдельное рамочное соглашение об открытии границ с гарантиями невмешательства в Карабахский конфликт и подписать это соглашение при поручительстве мировых держав или же постоянных членов Совета Безопасности ООН.
- Учитывать фактор и позицию армянской Диаспоры в вопросах общенационального значения и, исходя из необходимости улучшения и укрепления двусторонних отношений, создать формат и условия для вовлечения структур Диаспоры в процесс принятия решений в вопросах, касающихся национальной безопасности армянского государства.
- При наличии единого координационного центра разработать совмест-

ную с диаспоральными организациями схему действий и общую повестку по продвижению интересов РА на международной арене.

- Вопрос международного признания и осуждения Геноцида армян и проблема неурегулированности армяно-турецких отношений, а также закрытая граница существенно ослабляют и делают позицию Турции уязвимой для внешнего давления со стороны США и ЕС. В вопросе международного признания Геноцида армян важными представляются разработка единой стратегии действий в этом направлении и концептуальная разработка понятия устранения последствий на основе международного права. С этой целью необходимо сформировать международную научную и экспертную организацию исследователей Геноцида армян для генерации и претворения в жизнь новых идей, изучения исторического, правового, морально-психологического и других аспектов проблемы, с целью разработки новых концепций, формулировок и представлений историко-правовых аспектов Геноцида. В этом контексте важно выработать концептуальную формулировку понятия устранения последствий Геноцида, а также всеармянской интерпретации и пониманию этой проблемы на основе действующих международных договоренностей. Это, прежде всего: а) уважение международных обязательств и прекращение уничтожения армянского культурного наследия, с последующей передачей его законному владельцу – Армянской Апостольской Церкви; б) завершение всякого притеснения, в том числе по отношению к открытым проявлениям национальной идентичности у потомков переживших Геноцид и живущих на территории Турции; в) и, наконец, третьим, но не последним этапом процесса ликвидации последствий должно стать право на возмещение собственности и восстановление прав на имущество тем, кто сумеет на основании конкретных фактов доказать их в международных или местных судах. Неотъемлемой частью процесса ликвидации последствий Геноцида является обеспечение права потомков переживших Геноцид армян вернуться на родину своих предков и восстановление их имущественных прав на местах. Для достижения этой цели следует должным образом исследовать вопрос, а кроме того получить международную юридическую экспертизу о легитимности некоторых международных договоров и решений касательно турецко-армянской границы, а также по теме устранения последствий геноцида, в том числе насчет Арбитражного решения Президента США Вудро Вильсона о границах Республики Армения. С этой целью создать рабочую группу юристов-международников для вынесения экспертного оценки и мнения о целесообразности апелляции ар-

- мянской стороны в соответствующие международные инстанции.
- Вопрос о статусе Нахиджевана, точнее, о грубом нарушении Карсского договора, может стать дополнительным аргументом против турецко-азербайджанского пропагандистского тандема в рамках пересмотра этого более чем уязвимого с точки зрения международного права документа. В конституции Азербайджана указано, что страна является унитарным государством, в то время, как, согласно Карсскому договору, Нахиджеван – автономное образование под покровительством Азербайджана, а не его часть. Тот факт, что Армения является одной из сторон, подписавших Карсский договор и определяющих статус Нахиджевана, дает ей право заявить о нарушении своих законных прав и поднять вопрос о статусе армянского населения Нахиджеванской Автономной Республики, которое в результате целенаправленной политики азербайджанских властей было вытеснено из края.
 - Учитывая ситуацию, сложившуюся после первой попытки урегулировать армяно-турецкие межгосударственные отношения, для Республики Армения жизненно важными являются разработка альтернативных транспортных путей для экспорта и импорта товаров и обеспечение производства продуктов первой необходимости.
 - Наиболее приемлемым асимметричным ответом турецко-азербайджанской блокаде видится динамичное развитие экономики РА, а также обеспечение ее внутренней политической стабильности и развитие институтов гражданского общества. Внутренняя уязвимость, коррупция и слабость государственных институтов и общественного контроля лишь усугубляют внешние вызовы.
 - В течение ближайшего десятилетия определить главные стратегические и тактические цели и подходы армянского государства и всего армянства к вопросам нейтрализации вызовов, исходящих от Турции и Азербайджана. Для этой цели разработать целостную повестку по пакетному решению Армянского вопроса с представлением ее различных элементов в соответствующие международные инстанции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проблем эскалации межнациональных конфликтов на территории бывшего Советского Союза и в посткоммунистическом пространстве заставляет более внимательно относиться к проблеме участия в них третьих сторон. Как правило, вовлечение третьих сторон в конфликт происходит при наличии внешнеполитических, геополитических интересов конкретной страны и нередко прикрывается риторикой этнонациональной или этноконфессиональной солидарности.

С этой точки зрения Карабахский конфликт не стал исключением. В конфликтную динамику были вовлечены как непосредственно соседствующие с регионом государства, так и далекие от него страны, этнические группы и диаспоры.

Неопантюркистский вектор внешней политики Турции с ярко выраженными внешнеполитическими амбициями, взятый на вооружение после развала СССР, в качестве одной из главных задач рассматривал вовлечение в зону Карабахского конфликта с целью обеспечения его проазербайджанского разрешения. В этом просматривалась и определенная надежда на успешную реализацию внешнеполитических целей Турции в южных регионах бывшего СССР.

На начальном этапе конфликта, опасаясь возможной негативной реакции советских властей, Турция занимала сдержанную, скорее выжидательную, позицию. Более активно интересоваться событиями в Азербайджане Анкара начала в последние годы существования СССР. За месяц до распада Советского Союза Турция первой признала независимость Азербайджана.

Интенсивно используя пантюркистскую риторику, Анкара стремилась выступать в роли покровителя и защитника интересов новосозданных тюркоязычных республик и таким образом распространить свое влияние на регионы Южного Кавказа и Центральной Азии. На этом фоне турецкие усилия по разрешению Карабахского конфликта в пользу Азербайджана должны были стать весомым доказательством соответствия Анкары этой роли при параллельном подчеркивании своего геополитического веса на пути создания политического объединения тюркоязычных стран под эгидой Турции.

С другой стороны, именно Карабахский конфликт выявил скромные возможности Турции на фоне геополитических амбиций на постсовет-

ском пространстве. Конфликт в Нагорном Карабахе рассматривался Турцией в качестве одной из основных преград на пути закрепления в Азербайджане и дальнейшего проникновения в центральноазиатский регион. В то же время этот конфликт выявил несоответствие между реальным внешнеполитическим потенциалом Турции и ее амбициозными планами после окончания Холодной войны. Как замечает шведский исследователь Сванте Корнелл, Карабахский конфликт стал одним из факторов, нанесших удар по иллюзиям турецких правителей относительно собственной способности влиять на процессы, происходящие на территории бывшего Советского Союза.¹ Аналогичного мнения придерживается и известный знаток пантюркизма Я. Ландау, считающий, что «отказ от прямой интервенции в зону Карабахского конфликта привел к ослаблению популярности Турции в Азербайджане».²

Для получения конкретных дипломатических и военных преимуществ, а также материальной поддержки извне, в частности из Турции, Пакистана, Афганистана и других стран, политическая элита Азербайджана попыталась разыграть карту этнической и конфессиональной солидарности.

Внешнее вмешательство в зону конфликтов может иметь несколько проявлений. Оно начинается с того момента, когда третья сторона содействует одному из участников конфликта или же препятствует предоставлению помощи другому. Такое содействие может принять форму поощрения продолжения борьбы или же проявляться в виде изменения стратегии конфликтующей стороны. Кроме того, третья сторона может стремиться разрешить конфликт самостоятельно в качестве посредника или же предпринять санкции.³

Учитывая роль Турции в зоне карабахского противостояния, следует констатировать, что, во-первых, Турция стояла у истоков возникновения самой Карабахской проблемы, и во-вторых, Турция в одностороннем порядке вмешалась в Карабахский конфликт, примкнув к Азербайджану, путем непосредственного и косвенного участия в эскалации конфликта.

На вооруженном этапе Карабахского конфликта Турция и Азербайджан пытались представить его как противостояние между «тюркскими братьями» и армянами, стараясь таким образом заручиться поддержкой центральноазиатских республик. Турция присоединилась к экономической блокаде Республики Армения, а для установления дипломатических отношений выдвинула ряд предусловий, в том числе и касательно Карабахской проблемы.

Турецкий фактор в Карабахской войне проявился как в виде предоставления вооружений и боеприпасов, так и в непосредственном участии

турецких военных в боевых действиях и их планировании. Успешные контрнаступления армянских сил в Нагорном Карабахе не устраивали турецкие военно-политические круги и, как следствие, в адрес Армении все чаще звучали агрессивно-милитаристские заявления. На повестке дня турецких политических лидеров стоял также и вопрос возможной военной интервенции в зону конфликта на стороне Азербайджана. Однако резкое заявление маршала Е. Шапошникова в мае 1992 г. о возможности начала широкомасштабной войны в случае вовлечения в военные действия других сторон вынудили Турцию отказаться от идеи прямого вмешательства. Вместе с тем Турция начала оказывать хоть и ограниченную, но все же ощутимую в условиях Карабахской войны военную помощь Азербайджану.

Как правило, эта помощь предоставлялась не открыто, а по каналам неправительственных организаций и спецслужб. Сотни турецких высокопоставленных офицеров, отряды «коммандос» и тысячи солдат и добровольцев принимали участие в военных действиях на стороне Азербайджана. Западные авторы приводят также данные о поставках оружия в Азербайджан из переданного Турции арсенала бывшей ГДР. Как нам представляется, проблема «турецкого присутствия», в особенности военного, в зоне Карабахского конфликта по мере появления новых фактов и источников потребует дальнейшего анализа.

Некоторые турецкие инициативы, нацеленные против Республики Армения, принимали откровенно агрессивно-милитаристский характер. Среди них можно выделить угрозу применения военной силы, демонстрацию силы в виде дислокаций воинских соединений вдоль армяно-турецкой границы, нарушение воздушного пространства Республики Армения, а также использование методов давления, как это видно из продолжающейся до сих пор блокады Республики Армения, обстрелов в сторону ее территории и т. д.

Хотя Турция продолжала поставлять Азербайджану партии оружия, военных специалистов и добровольцев, однако в конечном итоге Анкара воздержалась от прямого и полномасштабного вовлечения в зону конфликта. Можно назвать несколько причин такой позиции. Во-первых, Турция является членом НАТО, и этим обстоятельством можно объяснить чрезмерную осторожность в вопросе военной интервенции: любое произвольное продвижение турецких ВС вне границ Турции не сошло бы Анкаре с рук. Во-вторых, против такой акции выступали США и Российская Федерация. В случае с Соединенными Штатами это могло обернуться и применением конкретных санкций, в частности эмбарго на пос-

тавки вооружений и предоставление финансовой помощи, как это случилось после турецкого вторжения и аннексии Северного Кипра в 1974 г., что в свою очередь негативно отразилось на экономической ситуации в Турции. Более того, под угрозой могли оказаться широкомасштабные планы турецких военных по модернизации ВС страны.

Что касается позиции Российской Федерации, то официальная Москва неоднократно и в очень резкой форме высказывалась против турецкого военного вмешательства в Карабахский конфликт. Позиции Москвы хоть и были слабы в начале 1990-х, однако резкого изменения военно-политического баланса сил на постсоветском пространстве, включая и появление новых региональных игроков в зоне конфликта, Кремль допустить явно не желал. Кроме того, с мая 1992 г. РА и РФ являются участниками Договора о коллективной безопасности, предполагающего содействие в случае иностранной агрессии со стороны третьих государств.

Одним из императивов турецкой внешней политики после Второй мировой войны является стремление Турции в Европейский Союз. В этом плане в случае военной интервенции против РА Турция серьезным образом рисковала навсегда провалить свою прозападную политику.

Не менее важным сдерживающим элементом стал и курдский фактор. Турецко-курдское противостояние, обострившееся в период с 1993 по 1995 год, привело к мобилизации турецких ВС, действующих в восточных районах страны против курдских вооруженных отрядов РПК. В случае военной агрессии против Армении турецкая армия была бы вынуждена вести боевые действия на двух фронтах.

Учитывая множественные факты турецкого вмешательства в зону Карабахского конфликта, можно считать, что сама Турция стала стороной, открыто поддерживающей эскалацию конфликта, выступая на стороне Азербайджана. Турецкое участие в конфликте выражалось следующими основными компонентами:

- угроза военного вторжения;
- транспортная и энергетическая блокада Армении;
- предоставление военной помощи Азербайджану;
- действия, направленные на создание антиармянской коалиции государств и информационной изоляции Армении;
- лоббирование проазербайджанских позиций в международных организациях.

По этим параметрам Турция напрямую нарушила ряд международных договоренностей, в том числе и условия «Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», подписанного в Хель-

синки в 1975 г.⁴

Невзирая на все усилия азербайджанской и турецкой сторон, на первом саммите глав тюркоязычных государств в Анкаре лидеры центрально-азиатских стран отказались от предложенного плана экономической блокады Армении и осуждения действий армянской стороны. Из-за внутри-тюркских разногласий запланированный второй тюркский саммит в Баку не состоялся. В дальнейшем на тюркских саммитах продолжалось обсуждение Карабахского вопроса, однако в итоговых резолюциях неизменно закреплялась формулировка, не вполне устраивающая официальный Баку. Следует отметить, что несмотря на все усилия Турции, Азербайджан так и не получил ожидаемой помощи от республик Центральной Азии, вовсе не желавших портить отношения с Арменией и Россией, с которыми состояли в совместном членстве в СНГ, а Казахстан и Кыргызстан — еще и в Договоре о коллективной безопасности, подписанном в мае 1992 г. в Ташкенте.

Лидеры тюркоязычных республик Центральной Азии заняли более гибкую позицию и не поддались чрезмерно политизированным планам использования идей «тюркского единства».

С 1992 г. Турция неоднократно заявляла о готовности выступить с миротворческой или же посреднической инициативой в вопросе урегулирования Карабахского конфликта, однако, учитывая ее чрезмерно агрессивную и одностороннюю проазербайджанскую позицию, армянская сторона, в частности политическое руководство Нагорно-Карабахской Республики, отказывала Турции в этой роли.

В попытках распространения антиармянской позиции среди мусульманских стран Турция также использовала фактор исламской солидарности, что, в частности, проявилось в инспирировании выработки общей проазербайджанской позиции на сессиях Организации Исламская конференция, а также в лоббировании принятия антиармянских резолюций на встречах Организации экономического сотрудничества.

Привлечение наемников в боевые действия в конфликтных зонах на территории бывшего СССР широко практиковалось в Таджикистане, в грузино-абхазском конфликте, в Боснии, в Нагорном Карабахе и т. д. В случае Карабахской войны присутствовали, с одной стороны, материальная заинтересованность рекрутируемых, а с другой — разыгрывание нанимателями идеологическо-религиозной карты.

Турецкая военно-политическая поддержка Азербайджану и участие наемников из разных стран в Карабахской войне в немалой степени способствовали дальнейшей эскалации и интернационализации Карабах-

ского конфликта. Для Азербайджана это впоследствии обернулось появлением в стране разного рода образований, имеющих прямые связи с международными террористическими организациями. Именно на территории Азербайджана и в Нагорном Карабахе прошли солидную боевую подготовку различные милитаризованные группировки, впоследствии примкнувшие к глобальной сети международного терроризма.

Как и в случае Карабахского конфликта, Турция предпринимала аналогичные скрытые военные поставки и помощь в разработке военных операций с участием турецких военных и на Балканах, на стороне боснийских мусульман.

К. М. Алексеевский, председатель Комитета российской интеллигенции «Карабах», отмечал, что «карабахский кризис помогает Турции, позволяя ей продемонстрировать пантюркистскую солидарность и роль «защитника тюркских народов», теснее привязать к своей колеснице... Все действия Турции показывают, что она не заинтересована в мирном решении карабахского кризиса, даже такого, которое может устраивать Азербайджан, Армению и НКР, но идет вразрез с пантюркистскими устремлениями самой Турции.⁵

Не следует пренебрегать также тем фактом, что турецкое правительство использовало свои инициативы на Южном Кавказе и в Центральной Азии для того, чтобы отвлечь общественное мнение от напряженной социальной ситуации внутри страны и внимание международной общественности от протестов против репрессий в турецком Курдистане.⁶ Это утверждение имеет реальную основу, тем более что в начале 1990-х турецкая экономика испытывала очередной кризис, обернувшийся полным коллапсом экономической системы страны в 1994 г.

Отношение Турции к Карабахскому конфликту, а также политика давления в отношении Республики Армения четко показали, что Турция не удовлетворяет стандартам демократического государства с европейскими ценностями, а лишь демонстрирует неоимперскую внешнюю политику, реализуя ее в обход международных обязательств и договоренностей. Такая позиция идет вразрез со многими международными обязательствами Турции и является грубым нарушением международного права. Среди этих основополагающих документов можно указать «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», принятую 24 октября 1970 г. Согласно одному из принципов межгосударственных отношений, провозглашенных этим документом, государства воздерживаются в своих между-

народных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, не совместимым с целями ООН. В документе также говорится: «Ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер любого иного характера с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от него каких бы то ни было преимуществ. Ни одно государство не должно также организовывать, помогать, разжигать, финансировать, поощрять или допускать вооруженную, подрывную или террористическую деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом государстве».⁷

«Турецкий след» в Карабахском конфликте – как исторически, так и с современных позиций – ясно показывает, что Турция, даже будучи региональной державой, не имеет никакого морального, юридического и другого права стремиться быть задействованной в процессах его разрешения.

Дополнительным аргументом в пользу этого утверждения стал процесс по установлению армяно-турецких двусторонних отношений, который протекал под покровительством США, Европы, при посредничестве Швейцарии. Турция хоть и подписала армяно-турецкие протоколы в Цюрихе, но в течение всего процесса выдвигала неприемлемые для армянской стороны предусловия именно в Карабахском вопросе, тем самым грубо нарушая предварительные договоренности.

На данном этапе активное участие Турции в мировой политике преследует цель реализации национальных интересов стратегического характера, главным из которых является превращение страны в регионального и мирового военно-политического лидера – «центр силы».

Принимая во внимание жесткую установку Анкары по кипрскому вопросу, не стоит ожидать резких перемен в начальной позиции Турции в деле установления армяно-турецких отношений и деблокирования границ. Турецкий вектор внешней политики РА должен быть выработан с учетом дальнейшего ужесточения позиции Турции и интенсификации ее совместных с Азербайджаном попыток по дальнейшей изоляции Республики Армения в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. Сборник документов и материалов. Отв. ред. В. Микаелян. Ереван, Изд-во Академии наук Армении, 1992.
- ² Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Сост. и отв. редактор Ю. Г. Барсегов, тт. 1 2. М., «Гардарики», 2002 2005. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Под ред. Ю. Барсегова. Т. 1. Документы и комментарий. М., «КРУГЪ», 2008, Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 2. М., «Мелихово», 2010.
- ³ Нахиджеван-Шарур 1918-1921 гг. Документы и материалы // Вестник архивов Армении, No. 1-2, Ереван. 1993; Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918-1920 гг. Сборник документов и материалов, отв. ред. А. Вирабян, сост. С. Мирзоян, А. Казиян. Ереван, 2003.
- ⁴ Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов, Т. II, часть II, под ред. Ашота Иоаннисяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1967.
- ⁵ Документы внешней политики СССР. М., «Госполитиздат», 1957, Борьба за победу советской власти в Азербайджане 1918-1920, Документы и материалы. Баку, Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1967, Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. Документы и материалы, сост. Х. А. Бадалян. Ереван, Изд-во ЕГУ, 1970.
- ⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. VII. United States Government Printing Office, Washington, 1946.
- ⁷ Бондаревский Г. Л. Трагедия Кавказа: факты истории (на основе документов Public Record Office, Лондон) // Новая Евразия: Отношения России со странами Ближнего Зарубежья. Сб. статей. Выпуск 2. М., 1994.
- ⁸ Документы об армянском вопросе историко-дипломатического архива Министерства иностранных дел Италии. Т. 2. Сост. А. Балоян. Ереван, Музей-институт Геноцида армян, 2010 (на арм. яз.).
- ⁹ The Karabagh File. Documents and Facts on the Region of Mountainous Karabagh 1918-1988. Zoryan Institute for Contemporary Armenian Research. Cambridge, Toronto, 1988.
- ¹⁰ Вращан С. Республика Армения. Париж, 1928 (на арм. яз.).
- ¹¹ Хатисян Ал. Рождение и развитие Республики Армения. Афины, «Нор ор», 1930 (на арм. яз.).
- ¹² Хачатрян А. Восточноармянские и турецкие дипломатические отношения. Ереван, Национальный архив Армении, 2010 (на арм. яз.).
- ¹³ Ишханян Е. Нагорный Карабах 1917-1920 гг., Ереван. «Айастан», 1999. С. 205 (на арм. аз.).
- ¹⁴ Тумян А. События в Нагорном Карабахе в 1917-1920 гг. Исторический очерк. Ереван, «Антарес», 2008 (на арм. яз.).

- ¹⁵ Вот, к примеру, некоторые из них: Квяткевич П. Азербайджан: формирование независимого государства, Варшава, 2009; Rau Johannes. Der Berg-Karabach-Konflikt zwischen Armenien und Aserbaidschan. Ein kurzer Blick in die Geschichte. Verlag Dr. Köster, Berlin 2007.
- ¹⁶ Ступишин В. Карабахский конфликт. М., 1998; его же Моя миссия в Армении. 1992-1994 гг. Воспоминания первого посла России. М., «Academy», 2001.
- ¹⁷ Chrysanthopoulos T. Leonidas. Caucasus Chronicles. Nation Building and Diplomacy in Armenia, 1993-1994, Princeton and London, Gomidas Institute Books, 2002.
- ¹⁸ Казимиров В. Мир Карабаху. М., «Международные отношения», 2008.
- ¹⁹ Goltz Thomas. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic, М. Е. Sharpe, Armonk, New York, London, 1998.
- ²⁰ de Waal Thomas. Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New York and London, New York Press, 2003.
- ²¹ Тер-Петросян Левон. Антология. Ереван, 2007 (на арм. яз); его же Армяно-турецкие отношения. Ереван, 2009 (на арм. яз).
- ²² Осканян Вардан. Незавершенная декада. Ереван, «Фонд Сивилитас», 2009 (на арм. яз).
- ²³ Манукян Вазген. Армянская мечта в тупиках выживания. Ереван, 2002 (на арм. яз).
- ²⁴ Саркисян Е. Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв., Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1972.
- ²⁵ Хуршудян Л. А. Истина – единственный критерий исторической науки. Ереван, Изд-во ЕГУ, 1989.
- ²⁶ Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум, Ереван, 1994; его же К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях // Этнические и региональные конфликты в Евразии, Кн. 1., Центральная Азия и Кавказ, М., «Весь Мир», 1997.
- ²⁷ Погосян С. Пантюркизм вчера и сегодня. Ереван, 1990 (на арм. яз).
- ²⁸ Симонян Г. Из истории армяно-турецких взаимоотношений. Ереван, «Айастан», 1991 (на арм. яз).
- ²⁹ Зограбян Эдик. Нахиджеванская проблема и «союзники» Армении (декабрь 1918 г. – апрель 1920 г.). Ереван, 2002 (на арм. яз.).
- ³⁰ Арутюнян А. Кавказский фронт, 1914-1917. Ереван, «Айастан», 1971.
- ³¹ Князян Д. Кавказская политика Азербайджанской демократической республики в 1918-1920. Ереван, 2008 (на арм. яз.)
- ³² Геноцид армян в Османской империи, Сборник документов и материалов, под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, «Айастан», 1983.
- ³³ Hovannisian G. Richard. The Republic of Armenia: The First Year, 1918 1919, Vol. I. Berkeley: University of California Press. 1971; его же The Republic of Armenia, Vol. II, From Versailles to London. 1919-1920, University of California Press. 1982.
- ³⁴ Чакрян А. Карабахская проблема в контексте армяно-турецких взаимоотношений. Ереван, АЦСНИ, 1998 (на арм. яз.).

- ³⁵ Сафрастян Р. Невозможно в 21-м веке создавать барьеры между соседями... Армения и Турция в региональных процессах. Ереван, 2003 (на арм. яз); его же Османская империя: Генезис программы геноцида (1876-1920 гг.), Ер. «Лусаки», 2009 (на арм. яз); его же Армяно-турецкие отношения: попытка теоретической интерпретации с позиции реалистической школы (вводные замечания) // Ориентиры внешней политики Армении. Под ред. Г. Новиковой. Ереван, Центр стратегического анализа «Спектр», 2002; его же Значение изучения армяно-турецких отношений для современной теории международных отношений: предварительные замечания // Страны и Народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 21. Ереван, 2002.
- ³⁶ Novhannisyanyan N. The Foreign Policy of Armenia. Yerevan, «Noyan Tapan», 1998; его же Армения как фактор закавказского, ближневосточного геополитического региона // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 18. Ереван, 1999 (на арм. языке); его же The Karabakh Problem. Factors, Criteria, Variants of Solution, Yerevan, 1999; его же The Karabakh Problem. The Thorny Road to Freedom and Independence, Yerevan, «Zangak – 97», 2004.
- ³⁷ Мурадян И. Политика США и проблемы безопасности региона Южного Кавказа. Ереван, «Антарес», 2000; его же Система разведывательных служб Турции и пантюркистские организации // IRAN& CAUCASUS, vol. III-IV, Research Papers From the Caucasian Centre for Iranian Studies. Yerevan, 2000, Leiden, 1999-2000.
- ³⁸ Манасян А. Карабахский конфликт. Ключевые понятия и хроника. Ереван, «Нораванк», 2005; его же Карабахский вопрос. Факты и документы. Ереван, 2005.
- ³⁹ Aivazian A. The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal, Center for Policy Analysis. Yerevan, American University of Armenia. 1997; его же Основные элементы к доктрине национальной безопасности Армении, часть первая, Ереван, 2003 (на арм. языке).
- ⁴⁰ Искандарян А., Минасян С. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс // Аналитические доклады Института Кавказа. Ереван. No. 1, январь 2010.
- ⁴¹ Аршакян Г. Политика Турции в Южном Кавказе в 1991-2001 гг. Ереван, «Гитутюн», 2009 (на арм. яз.).
- ⁴² Манасян А. С. Карабахский конфликт. Ключевые понятия и хроника. Ереван, «Нораванк», 2004.
- ⁴³ Novhannisyanyan N. The Foreign Policy of Armenia. P. 15-16.
- ⁴⁴ История Азербайджана в 3-х томах, под ред. академиков И. А. Гусейнова и А. С. Сумбатзаде. Т. 1, Баку, Изд-во АН Аз. ССР, 1958.
- ⁴⁵ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг., Баку, ЕЛМ, 1998; его же Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). М., «Флинта», 2009.
- ⁴⁶ Гаджиев А. Демократические республики юго-западного Кавказа (Карсская и Араз-Тюркская республики). Баку, «Нурлан», 2004.
- ⁴⁷ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской демократической республики (1918-1920), Т. 1. М. «Флинта», 2010.
- ⁴⁸ Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-

1922 гг. М., МИК, 2006.

- ⁴⁹ Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. Тула, «Гриф и К», 2006.
- ⁵⁰ См. Имранлы К. Создание Армянского государства на Кавказе: Истоки и последствия, М., «Ладомир», 2006, Азербайджанская демократическая республика 90. М., «Salam press», 2008, Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд. М., «Европа», 2006.
- ⁵¹ Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. М., 1992. No. 12, 1993, No. 1, No. 2.
- ⁵² Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, «Заман», 2004.
- ⁵³ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., «Европа», 2007.
- ⁵⁴ Исхаков С. Русские мусульмане и революция, (весна 1917 г. – 1918 г.). Москва, Изд-во Социально-политическая мысль, 2004. С. 468.
- ⁵⁵ Помпеев Ю. Карабахский дневник. М., «Канон+», 2010, Горянин А., Севастьянов А. Русскому об Азербайджане и азербайджанцах. М., 2009.
- ⁵⁶ Барсегов Ю. Геополитическая угроза России с Юга. М., 1996; его же Геноцид армян – преступление по международному праву. М., «XXI век Согласие», 2000.
- ⁵⁷ Сваранц А. А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., «Гуманитарий», 2002.
- ⁵⁸ Там же. С. 9.
- ⁵⁹ Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий, Т. 2, часть 2. С. 556.
- ⁶⁰ Уразова Е. И. К характеристике турецкого национализма // Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003.
- ⁶¹ Киреев Н. Г. История Турции век XX. М., «Крафт+ ИВ РАН», 2007.
- ⁶² Шорохов В. Политика Турции в Закавказье и национальные интересы России // Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или в Евразию? Вып. 14, М., Центр Карнеги, 1997.
- ⁶³ Надеин-Раевский В. Пантюркизм: миф или реальность (Исследование идеологии и политики современного пантюркизма). М., Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 1995; его же Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // Мировая экономика и международные отношения. М., 1994, No. 4, Nadein-Raevsky Viktor. Turkophone Peoples in the Historic Path of Russia // The Southeast European Yearbook, 1992. Athens, 1993.
- ⁶⁴ См. Киреев Н. Г. Турция: поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм, 2002. No. 1.
- ⁶⁵ См. Уразова Е. И. К характеристике турецкого национализма. С. 351.
- ⁶⁶ Надеин-Раевский В. Пантюркизм: миф или реальность. С. 179.
- ⁶⁷ Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории. // Отечественные записки. М., No. 5, 2003.
- ⁶⁸ См. Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или в Евразию? М., Центр Карнеги, вып. 14, 1997, Армения: проблемы независимого сотрудничества,

- под ред. Е. М. Кожокина. М., РИСИ, 1998, Независимый Азербайджан: новые ориентиры. Под ред. Е. М. Кожокина. Т. 2. М., РИСИ, 2000, Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XXI века. М., «Крафт+ ИВ», 2001.
- ⁶⁹ Swietochowski Tadeusz. Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of a National Identity in a Muslim Community; Cambridge University Press, 1985; его же Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition; New York: Columbia University Press, 1995; его же Historical dictionary of Azerbaijan; Scarecrow Press, 1999; его же Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан-Россия: общества и государства. Под ред. Д. Е. Фурмана. М., «Летний сад», 2001.
- ⁷⁰ Altstadt L. Audrey. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, California: Hoover Institution Press, Stanford University, 1992.
- ⁷¹ См. Swietochowski Tadeusz. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 143.
- ⁷² Shaffer Brenda. Borders and Brethren. Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity, Cambridge, Massachusetts, London, MIT Press, 2002.
- ⁷³ Cornell E. Svante. Small Nations and Great Powers. A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus, Curzon Caucasus World, Richmond, 2001; его же Religion as a Factor in Caucasian Conflict // Civil Wars, vol. 1, No. 3, 1998; его же Turkey and the Conflict in Nagorno-Karabakh: A Delicate Balance // Middle Eastern Studies, Vol. 34, No. 1, January 1998; его же Turkey's Prospects in the Nagorno-Karabakh Conflict and Its Regional Implications // Marco Polo, No. 4-5, 1998.
- ⁷⁴ Poulton Hugh. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Republic. London, Hurst&Company, 1997.
- ⁷⁵ Cohen Ariel. Ethnic Conflicts Threaten U.S. interests in the Caucasus, The Heritage Foundation Backgrounder, No. 1222, Washington, September 25, 1998.
- ⁷⁶ Migdalovitz Carol. Armenia-Azerbaijan conflict CRS Issue Brief, Congressional Research Service, The Library of Congress, updated August 17, 1995.
- ⁷⁷ Fuller Elizabeth. Azerbaijan at the Crossroads, London, A Joint Publication by the Russian and CIS Programme of the Royal Institute of International Affairs and RFE/RL Research Institute, 1994.
- ⁷⁸ Fuller E. Graham. Turkey Faces East. New Orientations Toward the Middle east And the Old Soviet Union, RAND, 1992, Fuller E. Graham. Lesser O. Ian. Turkey's New Geopolitics, From the Balkans to Western China. Boulder, San Francisco, Oxford, Westview Press, 1993.
- ⁷⁹ Henze B. Paul. Turkey and Armenia. Post problems and future prospects // Eurasian Studies. Ankara, Vol. 3, Spring, No. 1, 1996.
- ⁸⁰ Winrow Gareth. Turkey and the Caucasus. Domestic Interests and Security Concerns, London, The Royal Institute of International Affairs, 2000; его же Turkey and the Former Soviet South, London, RIIA, 1995.
- ⁸¹ Hunter T. Shireen. Azerbaijan: Searching for New Neighbors // New States, New Politics: Building the Post-Soviet States, by Ian Bremmer and Roy Taras, London, 1997; ее же Greater Azerbaijan: Myth or Reality? // Le Caucasic postsovietique: la transition dans le conflict, Bruylant-Bruxelles, L. G. D. J. - Paris, 1995; ее же The

- Transcaucasus in Transition. Nation-Building and Conflict, CSIS, 1994.
- ⁸² Пау Фредди де. Политика Турции на Кавказе // Спорные границы на Кавказе. М., «Весь мир», 1996.
- ⁸³ Robins Philip. Suits and Uniforms Turkish Foreign Policy since the Cold War. London, Hurst&Company, 2003.
- ⁸⁴ Более подробно об этом см. Demoyan Hayk. Western Media Coverage of Nagorno-Karabakh Conflict 1988-1990, Yerevan, AGMI, 2008.
- ⁸⁵ Landau Jacob. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation, London, Hurst&company, 1995. P. 214.
- ⁸⁶ См. Cornell E. Svante. Turkey and Nagorno-Karabagh: A Delicate Balance // Middle East Studies, 1998, Vol. 34, No. 1. P. 51.
- ⁸⁷ См. Lieven Dominic and McGarry John. Ethnic conflict in the Soviet Union and its successor states, in The Politics of ethnic conflict regulation: case studies of protracted ethnic conflict, edited by John McGarry and Brendan O'Leary. London, Routledge, 1993. P. 78.
- ⁸⁸ Mango Andrew. The Turks Today, London, John Murray, 2004.
- ⁸⁹ Bhatti Robin, Bronson Rachel. NATO's Mixed Signals in the Caucasus and Central Asia // Survival, Vol. 42, No. 3, Autumn, Oxford, IISS, 2000.
- ⁹⁰ Hunter T. Shireen with Jeffrey L. Thomas and Melikishvili Alexander. Islam in Russia. The Politics of Identity and Security. Armonk, New York, London, M. E. Sharpe, 2004.
- ⁹¹ Bodansky Yossef. Chechnia. The Mujahedin Factor, at http://www.freeman.org/m_online/bodansky/chechnya.htm, его же. The New Azerbaijan Hub: How Islamist operations are targeting Russia, Armenia and Nagorno-Karabagh, Defense and Foreign Affairs' Strategic Policy, October, 1999. in http://www.anca.org/action_alerts/action_docs.php?docid=38; его же Some Call It Peace Waiting For in the Balkans, at http://members.tripod.com/Balkania/resources/geostrategy/bodansky_peace/index.html, Архив автора.
- ⁹² Scott Dale Peter. Drugs, Oil, and War. The United States in Afghanistan, Colombia, and Indochina, Rowman & Littlefield Publishers, INC. Lanham, Boulder, New York, Oxford, 2003; его же. The Road to 9/11. Wealth, Empire, and the Future of America. Berkeley, University of California Press, 2008.
- ⁹³ Reynolds Michael. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918. Cambridge University Press, 2011.
- ⁹⁴ Zürcher Erik J. The Young Turk Legacy and Nation Building. From the Ottoman Empire to Atatürk's Turkey. London-New York, I. B. Tauris, 2010, P. 196.
- ⁹⁵ Айбнер Дж., Кокс К. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе. Ереван, «Гитутюн», 1998.
- ⁹⁶ Walker J. Christopher. Armenia and Karabagh: Struggle for unity. London, Minority Rights Publications, 1991.
- ⁹⁷ Там же. С. 134-135.
- ⁹⁸ Араз Б., Каракеш-Келеш Х. Армяно-турецкие отношения: критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. No. 4. Стокгольм, 2002.
- ⁹⁹ Kirisci Kemal. Turkey's foreign policy in turbulent times, Challiot paper, Institute

for Security Studies. No. 92. Paris, September, 2006.

¹⁰⁰ Mustafa Aydın. Turkey and Central Asia: challenges of change // Central Asian Survey, Vol. 15, No. 2, 1996, Мустафа А. Турецкая политика в отношении Кавказа в 2007 г. // Кавказ. Ежегодник института Кавказа. Ереван. Кавказский институт, 2009.

¹⁰¹ Коджаман Омер. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. Пер. с англ. И. Самойловой, предисловие и ред. В. А. Надеина Раевского. М., «Русская панорама», 2004.

¹⁰² Горгулу А. Армяно-турецкие отношения: вечный тупик? // Кавказское соседство. Турция и Южный Кавказ. Ереван. Кавказский институт, 2008.

¹⁰³ Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War // The Turks, Vol. 4. Ankara, 2002.

¹⁰⁴ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 9.

¹⁰⁵ Uzer Umut. Identity and Turkish Foreign Policy. The Kemalist Influence in Cyprus and the Caucasus. London - New York, I. B. Tauris, 2011. P. XI.

¹⁰⁶ См. Горгулу А. Армяно-турецкие отношения: вечный тупик? С. 148.

¹⁰⁷ Kirisci Kemal. Turkey's foreign policy in turbulent times. P. 8.

¹⁰⁸ Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War, // The Turks, Vol. 4, Ankara, 2002. PP. 439-448.

¹⁰⁹ Амирбемян С. Проблемы армяно-турецких политических отношений и перспективы их нормализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006; Алексеев С. А. Политика Турции на Кавказе и ее влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003.

РАЗДЕЛ I

Глава I

¹ Нагорный Карабах с географической точки зрения представляет с собой горный край, который охватывает хребты, нагорья и предгорья системы гор Малого Кавказа, замыкающего с востока Армянское нагорье и протянувшегося с северо-запада на юго-восток, до границы с Ираном. В восточной своей части Нагорный Карабах постепенно переходит в равнину, расположенную в междуречье двух наиболее полноводных рек Южного Кавказа — Куры и Аракса. Эту местность называют также «Равнинным Карабахом», однако это имя не получило столь широкого распространения, как понятие «Нагорный Карабах», упоминаемое в источниках еще с начала XVIII в.

² О вхождении карабахской области в состав армянского государства свидетельствуют многие античные и средневековые авторы. Об этом упоминается в том числе в работе средневекового немецкого путешественника Иоганна Шильтбер-

гера, который пишет: «Я также провел много времени в Армении. По смерти Тамерлана, попал я к сыну его, владевшему двумя королевствами в Армении. Этот сын, по имени Шах Рох, имел обыкновение зимовать на большой равнине, именуемой Карабаг и отличающейся хорошими пастбищами. Ее орошает река Кур, называемая Тигр, и возле берегов сей реки собирается самый лучший шелк. Хотя эта равнина лежит в Армении, тем не менее, она принадлежит язычникам, которым армянские селения принуждены платить дань. Армяне всегда обходились со мною хорошо, потому что я был немец, а они вообще очень расположены в пользу немцев (нимиц), как они нас называют. Они обучали меня своему языку и передали мне свой «Патерностер». См. Мурадян П. История — память поколений. Проблема истории Нагорного Карабаха. Ереван, 1990. С. 126. В азербайджанском издании этого источника, подготовленном академиком Зией Бунятовым, этот абзац, доказывающий армянское присутствие в карабахской области в средние века, просто-напросто отсутствует. См. Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984.

³ Турецкие источники об Армении, армянах и других народах Закавказья. Т. I, сост. А. Сафрастьян. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1961. С. 34, Kortepeter Carl Max. Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus. New York, New York University Press, 1972. P. 40.

⁴ История Азербайджана в трех томах, под редакцией академиков И. А. Гусейнова и А. С. Сумбатзаде. Т. I. Баку. Изд-во АН Аз. ССР, 1958. С. 236.

⁵ Иоаннисян А. Историческое введение. Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Том II, часть I, под ред. Ашота Иоаннисяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1964. С. XL, LV.

⁶ Там же. С. LXVI-LXVIII.

⁷ Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Т. II, часть II, под ред. Ашота Иоаннисяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1967. Док. 233, см. также Док. 235, 240.

⁸ Просьба гянджинских и карабахских жителей Петру I об оказании содействия в деле прекращения военных действий турецкой армии, см. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. II, часть II. С. 108, Док. 245.

⁹ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Том II, часть I. Док. 269-275.

¹⁰ Иоаннисян А. Историческое введение. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Т. II, часть I. С. LXXV.

¹¹ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Т. II, часть II. Док. 309.

¹² Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Под ред. А. Иоаннисяна. Ереван, 1967. Док. 315. С. 248-250. См. Иоаннисян А. Историческое введение. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. С. LXXV-LXXVI. Для сравнения см. также ссылку No. 75 следующей главы, где приводятся слова младотурецкого идеолога Геноцида армян Бежаддина Шакира,

- обращенные к армянской делегации в Ереване.
- ¹³ См. Aivazian A. The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal Center for Policy Analysis, American University of Armenia. Yerevan, 1997. P. 39-43. Любопытно, что после того, как султан Ахмед III издал приказ о массовом уничтожении армян в Карабахских сыгнахах, армянское население Стамбула и сам Патриарх опасались гнева османских правителей, которые называли их «не лояльными». Там же. С. 29.
- ¹⁴ Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века. Сборник документов. Том II, часть II. Док. 324.
- ¹⁵ Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы, СПб, 1898. С. 430.
- ¹⁶ Иоаннисян А. Историческое введение. С. LXXXIX.
- ¹⁷ Там же. С. LXXXIX. Турецкие источники об Армении и армянах и других народах Закавказья, Изд-во АН Арм. ССР. Т. 1. Ереван, 1961. С. 158, Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Том II, часть II. Док. 346. С. 286.
- ¹⁸ Фирман турецкого султана управляющему шекинской провинцией Али-паше о планах наступления на армянские сыгнахи, см. Армяно-русские отношения в XVIII веке, сборник документов. Т. II, часть II. С. 322. Док. 379.
- ¹⁹ Донесение вардапета Минаса графу С. А. Салтыкову, март 1736 года, см. Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Док. 305. С. 458-459.
- ²⁰ Там же. С. 459.
- ²¹ Bournoutian A. George. The 1823 Russian Survey of the Karabakh Province: A Primary Source on the Demography and Economy of Karabagh in the Early 19th Century, Mazda publishers, Inc., Costa Mesa California 2011. P. 6-9.
- ²² История Азербайджана. Т. 1. С. 337.
- ²³ Армяно-русские отношения в XVIII веке. Сборник документов. Т. II, часть II. Док. 222, Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. IV, под ред. акад. М. Г. Нерсисяна, Док. 113, 114.
- ²⁴ См. Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики, М., Изд-во Европа. 2007. С. 19.
- ²⁵ См. Балаев А. Азербайджанское национальное движение. Баку, «ЕЛМ», 1998. С. 49, 51-52.
- ²⁶ См. Эрцбергер М. Германия и Антанта, М.-Л., 1923. С. 80, цитата по Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. Документы и материалы. Ереван, Изд-во ЕГУ, 1970. С. 205.
- ²⁷ См. Toynbee A. Turkey: A Past and a Future. New York, George H. Doran Co, 1917. P. 32-33.
- ²⁸ Симонян Г. Идеология и политика турецкой национальной буржуазии. Ереван, «Айастан», 1986. С. 178 (на арм. яз.), Варданян Т. Проявления татарского национализма в Закавказье // Вестник Ереванского университета. No. 3, 2000. С. 91-92 (на арм. яз.). Московская пресса. Вести из Тегерана // Русское слово, М., 1908, 9 (22) окт. Тегеран, 9 (22) X, 1908, цитата по Варданян Т. Азербайджанцы. История одного незавершенного этнопроекта. Историко-этнологический очерк. М., «Русская панорама», 2012. С. 28.
- ²⁹ См. Kuran A. B. *Inkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki*, Istanbul, 1948, S. 214-215, цитата по Казарян А. Турок – совершитель Геноцида. Бейрут, 1968. С. 353-354. (на арм. яз.). См. также Hanioglu M. *Şükrü. Preparation for a Revolution. The Young Turks, 1902-1908*, Oxford University Press, 2001. P. 158, 422-423. См. также Reynolds Michael. *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918*. Cambridge University Press, 2011. P. 84.
- ³⁰ Édith Ybert-Chabrier. *Enjeux locaux, nationaux, impériaux et representations dans la sud du Caucase (début du XXe siècle) // Cahiers du monde russe, janvier-mars 2011, No. 52/1. P. 95.*
- ³¹ Алиев Г. Турция в период правления младотурок. М., «Наука», 1972. С. 87-88. О младотурецкой агитации среди кавказских тюрок см. также Volker Adam. *Auf der Suche nach Turan: Panislamismus und Panturkismus in der aserbajdschanischen Vorkriegsperiode, Caucasia Between the Ottoman Empire and Iran, 1555-1914*, ed. by Raoul Motika and Michael Ursinus, Reichert Verlag Wiesbaden, 2000. PP. 189-205, Алиев Г. З. К вопросу о помощи азербайджанской демократии младотурецкому движению, Тюркологический сборник, М., «Наука», 1975. С. 187-191.
- ³² См. Croissant Michael. *The Armenia-Azerbaijan Conflict. Causes and Implications*, Westport, Connecticut, London, Praeger, 1998. P. 8.
- ³³ По меткому замечанию А. Асланяна, «младотурки торжественно вступали на турецкую политическую арену в роли либерал-реформаторов и после 10-летнего правления позорно сошли с этой арены как политические авантюристы». См. Асланян А. Младотурки перед национальной проблемой. Ереван, «Ван Арьян», 2010. С. 121.
- ³⁴ Mostashari Firouzeh. *On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus*. London-New York, I. B. Tauris. 2006. P. 143.
- ³⁵ Reynolds Michael. *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918*. P. 86-87.
- ³⁶ Landau J. *Pan-Turkism in Turkey a Study in Irresistentism*, C. Hurst & Co. Ltd. London, 1981. P. 49, 59. См. также Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914-1917 гг. Ереван, Айастан, 1971. С. 44.
- ³⁷ Зареванд. Турция и Пантуранизм. Париж, 1930. С. 108. Впрочем, один из лидеров мусаватистов, М. Э. Расулзаде, отрицал свое участие в этом совещании, см. Расулзаде М. Э. О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой, с предисловием Н. Жордания. Париж, Издание К. Н. К. 1930. С. 25-26.
- ³⁸ Köroğlu Erol. *Ottoman Propaganda and Turkish Identity. Literature in Turkey During World War I*, London-New York, Tauris Academic Studies, 2007. P. 69.
- ³⁹ Там же. С. 74.
- ⁴⁰ Rifat Mevlan Zade. *Türkiye inkilabının iç yüzü*, Halep, 1929. S. 89-93, цитата по изданию Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов, под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, «Айастан», 1983. С. 408-412.
- ⁴¹ Shissler A. Holly. *Between Two Empires. Ahmet Ağaoğlu and the New Turkey*, London-New York, I. B. Tauris, 2003. P. 161.

Глава 2

- ¹ Reynolds Michael. *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires*. P. 111.
- ² Лудшувейт Е. Турция в годы Первой мировой войны. М., Изд-во МУ, 1966. С. 32-33, см. также Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях, в *Этнические и региональные конфликты в Евразии*, Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. М., «Весь Мир», 1997. С. 132-133, Reynolds Michael. *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires*. P. 111.
- ³ Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. М., «Наука», 1978. С. 48.
- ⁴ См. Aydemir S. Suyu Arayan Adam. Istanbul, 1967. S. 160, цитата по изданию Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 134.
- ⁵ История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960. С. 742.
- ⁶ В одной из таких листовок призывалось начать священную войну «против неверных и противников веры», см. Архив Музея-института Геноцида армян, отдел 31, п. 14, ед. фондового хранения No. 26.
- ⁷ См. Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 133.
- ⁸ Kazemzadeh F. *The Struggle for Transcaucasus (1917-1921)*, New York, 1951. P. 116.
- ⁹ Kazemzadeh F. *The Struggle for Transcaucasus*. P. 96, Gasimov M. *Russian Struggle Against Islamism and Turkism During the First World War // The Turks*, Vol. 5. Ankara, «Yeni Türkiye Publications». P. 802, 804. В 1916 г. Наместник Кавказа докладывал о создании групп, «поддерживающих турок в войне против России» и настраивающих мусульманское население края к волнениям и беспорядкам. См. Mostashari Firouzeh. *On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus*. P. 144.
- ¹⁰ См. Swietochowski T. *Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community*. London-New York, Cambridge University Press, 1985. P. 79.
- ¹¹ См. Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме». С. 134.
- ¹² Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 45.
- ¹³ Kuran A. H. *Inkılâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki*. Istanbul, 1948. См. также Петросян Ю. Младотурецкое движение. М., «Наука», 1971. С. 233.
- ¹⁴ Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа, Московский центр Карнеги. М., «Гендельф», 2001. С. 39.
- ¹⁵ Swietochowski T. *Russian Azerbaijan, 1905-1920*. P. 80. Премьер-министр Республики Армения Симон Врацян позднее пишет, что «с иттихадистами в Эрзерум прибыли и кавказские турки, которые заверяли, что идут на Кавказ для организации волнений и разложения тыла русской армии». См. Врацян С. Республика Армения. Париж, 1928. С. 8. (на арм. яз.)
- ¹⁶ См. Churchill W. *The World Crisis: The Aftermath*. London, Thornton Butterworth 1929. P. 405.

- ¹⁷ См. Pomiankowski, Joseph. *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches: Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges*. Zurich-Leipzig-Wien, Amalthea Verlag 1928. С. 333, 361.
- ¹⁸ Reynolds A. Michael. *Buffers, not Brethren: Young Turk Military Policy in the First World War and the Myth of Panturanism // Past and Present*. No. 203, May, 2000. P. 139, 171.
- ¹⁹ Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917-1920 гг.). Архив русской революции, тт. 9-10. М., «Терра». 1991. С. 193-194.
- ²⁰ Там же. С. 194.
- ²¹ Kazemzadeh F. *The Struggle for Transcaucasus*. P. 115. Об этом заявил также один из лидеров кавказских тюрок Насиб-бек Усубеков, см. Swietochowski T. *Russian Azerbaijan, 1905-1920*. P. 121.
- ²² Наши действия на Северном Кавказе в мировой войне и боевые действия 15-ой дивизии, полковник И. Беркук, Askeri mecmua 1 Eylul 1934, Коллекция переводов Национального архива Армении.
- ²³ 5-ая кавказская пехотная дивизия на путях к Баку во время мировой войны, начальник штаба 5 ой дивизии Рюшту, Askeri mecmua 1 haziran, 1934, No. 34, Коллекция переводов НАА.
- ²⁴ Swietochowski T. *Russian Azerbaijan, 1905-1920*. P. 119-120.
- ²⁵ Документы внешней политики СССР. М., «Политиздат», 1957. С. 121. См. текст договора НАА, ф. 200, оп. 1, д. 23, л. 5.
- ²⁶ Ellis H. A. *The Transcaspian Episode, 1918-1919*, Hutchinson of London, 1963. P. 39, Allen William Edward David and Muratoff Paul. *Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border, 1828-1921*. Cambridge University Press, 1953. P. 469.
- ²⁷ Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и материалы. Т. 2, часть 2. С. 205.
- ²⁸ Там же. С. 206.
- ²⁹ Там же. С. 208.
- ³⁰ Хачатрян А. Турецко-восточноармянские дипломатические отношения. С. 9, Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. С. 101.
- ³¹ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 93-94.
- ³² Halil Paşa. *İttihat ve Terakki'den Cumhuriyet'e: Bitmeyen Savaş*. Istanbul. M. Taylan Sorgun, 1972. S. 241, цитата по изданию Барсегов Ю. Г. Геноцид армян – преступление по международному праву. М., XXI век-Согласие, 2000. С. 220.
- ³³ См. Хатисян Ал. Возникновение и развитие Республики Армения. Афины, 1930. С. 60-61 (на арм. яз.)
- ³⁴ Kazemzadeh F. *The Struggle for Transcaucasus*. P. 110.
- ³⁵ Lepsius J. *Deutschland und Armenien (1914-1918)*. Potsdam, 1919. Док. 426, цитата по Из истории иностранной интервенции в Армении. С. 214-215. См. также доклад посла Австро-Венгрии в Константинополе опубликованный в Ohandjanian A. 1915. *Irrefutable Evidence. Austrian Documents on the Armenian Genocide*. Yerevan,

AGMI, 2004. P. 170-171.

³⁶ Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и материалы. Т. 2, часть 2. С. 213. Хатисян Ал. Возникновение и развитие Республики Армения. С. 81, 89.

³⁷ Хатисян Ал. указ. работа. С. 72.

³⁸ Хачатрян А. Турецко-восточноармянские дипломатические отношения. Ереван, Национальный архив Армении, 2010. С. 129.

³⁹ Keykurun Naki (Seykhzamanli). The Memoirs of the National Liberation Movement in Azerbaijan, by Tomris Azeri. New York, 1998. Электронный адрес: <http://www.azerbaijan.com/azeri/tomrisbook2.htm>. Попытка формирования вооруженных частей азербайджанских тюрок за счет арсенала отступающих сил русской армии привела к катастрофе. В январе у станции Шамхор за отказ разоружиться были расстреляны отступающие русские войска. Жертвами известного под названием «Шамхорская бойня» события стали несколько тысяч русских солдат. См. Сеф С. Правда о Шамхоре. 7-12 января 1918 г. Тифлис, Акц. О-во Заккнига. 1927.

⁴⁰ Золян С. Нагорный Карабах: проблема и конфликт. Ереван, «Лингва», 2001. С. 19.

⁴¹ Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York, Colombia University Press, 1995, P. 76.

⁴² Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 75, 80, Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., Военное изд-во Минобороны СССР, 1960. С. 63.

⁴³ Reynolds Michael. Shattering Empires. P. 201.

⁴⁴ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 39, 74.

⁴⁵ Там же. С. 107.

⁴⁶ Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 143.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Цитата по Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 107.

⁴⁹ Там же. Вехиб-паша, можно сказать, руководствовался военными соображениями. После сражения под Караглисом он предупреждал штаб турецкой армии: «У нас нет достаточной силы для того, чтобы разбить армян». См. Reynolds A. Michael. Buffers, not Brethren: Young Turk Military Policy in the First World War and the Myth of Panturanism. P. 166.

⁵⁰ Любопытно, что название «Азербайджан» для новосозданного государства на Южном Кавказе придумали члены Центрального комитета младотурецкой партии, в то время как некоторые представители интеллигенции кавказских тюрок противились такому решению. Иранская сторона официально заявила, что не признает существования самостоятельного государства под названием Азербайджан. Кроме прочего, после провозглашения АДР посол Персии в Турции напавил официальный протест в МИД Османской империи, где говорилось, что

«Азербайджан – это область на северо-западе Персии. Присвоение новообразованному соседнему государству названия «Азербайджан» является большой ошибкой». См. Wien, HHStA PA X, 156. Wien, 12. Juli 1918, Nr. 3320 (AO, VOL. IX, p. 6331) в Ohandjanian A. 1915. Irrefutable Evidence. The Austrian Documents on the Armenian Genocide. Yerevan, AGMI, P. 157. Английские дипломатические источники указывают, что младотурки и мусависты взяли географическое название для территорий Восточного Кавказа «в надежде присоединить (в тексте attracting) к новой республике сопредельную персидскую провинцию Азербайджан». Ohandjanian A. указ. работа. С. 15. см. Outline of Events in Transcaucasia from the beginning of the Russian Revolution in the Summer of 1917 to April 1921, May 31 в Аджария и Британская империя в 1918-1921 (в сборнике британских архивных материалов) гл. ред. А. Абашидзе, 2003/8, См. также Лудшувейт Е. Турция в годы Первой мировой войны. С. 75.

Лидер Белого движения генерал А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» писал: «Все в Азербайджанской республике было искусственным, «не настоящим», начиная с названия, взятого взаимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимающая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елисаветпольскую губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе. Искусственная государственность. Наконец, искусственно держалось и азербайджанское правительство: первоначально – волею Нури-паши, потом – генерала Томсона и в дальнейшем – просто по инерции». См. Деникин А. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Воспоминания. Мемуары. Минск, Харвест 2002. С. 297-298. В британских архивах содержится секретный документ, согласно которому британские военно-политические круги придерживались того мнения, что «Если Азербайджан каким то образом и в какой то форме останется [как государство], то было бы предпочтительно поменять его название», см. Inter-Departmental conference on Middle Eastern Affairs, March 1919. The future of Batoum 1919-1920. P. 11, 311.

Основоположник историографии Азербайджана Е. А. Пахомов по этому поводу отметил следующее: «Этому государству провизорно дано было название Азербайджан. Идею эту осуществить не удалось, и в состав новой Азербайджанской республики вошло только Восточное Закавказье, но название пришлось оставить, за неимением лучшего». См. Пахомов Е. А. Краткий курс истории Азербайджана, Бакинский отдел народного образования. Баку, 1923. С. 11, см. также Сысоев В. М. Краткий очерк истории Азербайджана (Северного) Баку, 1925. С. V. см. также Hunter T. Shireen. The Transcaucasus in Transition. Nation-Building and Conflict, CSIS, 1994. P. 15, ee же, Hunter T. Shireen. Greater Azerbaijan: Myth or Reality? «Le Caucasic postsoviétique: la transition dans le conflit», Bruylant-Bruxelles, L. G. D. J. – Paris, 1995. P. 125-126, Berkok Ismail. Tarihte Kafkasya, Istanbul, 1957, цитата по Авагян А. Турция-Азербайджан. Стратегия «одна нация – два государства» с точки зрения национальной безопасности Армении. С. 95,

(на арм. яз.). Командующий британскими войсками на Балканах генерал Дж. Мильн в начале 1919 года писал в Лондон, что название Азербайджан было свойственно северо-западному региону Ирана, и это название республике было дано по предложению турок...». См. Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 232.

⁵¹ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 98. Любопытно, что лидеры М. Э. Расулзаде и А. М. Топчибаши в переписке под собирательным названием «азербайджанцы» понимали армян и мусульман – жителей Азербайджана. См. А. М. Топчибаши и М. Э. Расулзаде. Переписка, 1923-1926 гг. Москва, Изд-во Социально-политическая мысль, 2004. С. 84.

⁵² После ухода турецких войск, 9 ноября 1918 г. правительство АДР принимает постановление о замене государственного флага на новый, состоявший из зеленого, красного и голубого цветов с белым полумесяцем и восьмиконечной звездой. Три цвета государственного флага Азербайджанской Республики «символизировали тюркскую национальную культуру, современную европейскую демократию и исламскую цивилизацию». Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Баку, «Эльм», 1998. С. 45.

⁵³ Государственный архив Венгрии, OLFT W 1110, 98/2, л. 30, цитата по Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 141.

⁵⁴ Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 140.

⁵⁵ См. Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой мировой войны. С. 75.

⁵⁶ Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан-Россия: общества и государства, ред. Д. Е. Фурмана. М., «Летний сад», 2001. С. 26, см. также Historical Dictionary of Azerbaijan. P. 25.

⁵⁷ Roshwald Aviel. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914-1923. New York, Routledge. 2001. P. 100.

⁵⁸ См. Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 142.

⁵⁹ Landau J. Pan-Turkism in Turkey: a study in irredentism. London, C. Hurst & Company, 1981. P. 69-70.

⁶⁰ См. Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. Ереван, «Спюрк», 1994. С. 46-47.

⁶¹ Walker J. Ch. Armenia and Karabag. The Struggle for Unity. London, Minority Rights Publications, 1991. P. 87.

⁶² Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. 1905-1920. P. 155.

⁶³ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 306-307.

⁶⁴ См. Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 184, См. также Переписка с Азербайджаном по вопросу о Борчалинском уезде, в Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919. С. 436-437.

⁶⁵ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 140.

⁶⁶ См. Марджанлы Муса. Армянство. Россия. Кавказ, М., «Флинта», 2010. С. 50. Гасанлы Дж. Азербайджанская Демократическая Республика. С. 143. В тот момент как раз у азербайджанских властей были серьезные проблемы в плане доказательств того, что Баку является не русским, а азербайджанским городом, которому суждено стать столицей провозглашенной в Тифлисе Азербайджанской Демократической Республики. Узнав о том, что Германия согласилась уступить Баку большевикам, в подготовленной ноте М. Расулзаде перечислял множество исторических, географических, этнографических и экономических аргументов, подтверждающих неразрывное единство Баку с Азербайджаном, и подчеркивал: «С точки зрения культуры и цивилизации Баку точно так же принадлежит Азербайджану. Вся политическая, экономическая и общественная организация, духовные учреждения, школы и благотворительные учреждения, культурные центры, мусульманские типографии – все сконцентрировано в Баку, который представляет в то же самое время центр объединения всей нашей интеллигенции. По всем этим причинам азербайджанский народ, который никогда не покидал мысли снова вернуть независимость своей страны, не может отказаться и от своего желания получить обратно Баку. Этот вопрос является для Азербайджана вопросом не только территориального увеличения, но и условием жизнеспособности». См. Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 172.

⁶⁷ Вехиб-паша в этом случае имел в виду, как тяжело досталась победа под Караклисом, где турецкие войска потеряли тысячи офицеров и аскеров, см. НАА, ф. 200, оп. 1, д. 23, л. 56.

⁶⁸ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 23, лл. 10-11.

⁶⁹ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 23, л. 79.

⁷⁰ Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. С. 157, Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 108.

⁷¹ Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War // The Turks, Vol. 4. Ankara, 2002. P. 439, Мустафа-заде Рахман. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 36.

⁷² Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. P. 69.

⁷³ Аветисян Г. Брест-Литовск: как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. С. 120.

⁷⁴ Обращение турецкого командования к Армянскому национальному совету, см. Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. С. 197.

⁷⁵ Хатисян А. Возникновение и развитие Республики Армения. С. 70, цитата по Погосян А. М., Карсская область в составе России. С. 264. См. также Walker J. Ch. Armenia Karabakh Struggle for Unity. P. 87.

⁷⁶ Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 113.

⁷⁷ Outline of Events in Transcaucasia from the beginning of the Russian Revolution in the Summer of 1917 to April 1921, May 31 в Аджария и Британская империя 1918

1921. Р. 17.

⁷⁸ Волхонский К., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 94-95.

⁷⁹ Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 77. Токарежский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, Изд-во АН Азерб. ССР. 1957. С. 87.

⁸⁰ 5 апреля 1918 г. Энвер-паша подписал специальную директиву, в которой обрисовал основную миссию Кавказской армии. В ней указывалось, что армия должна комплектоваться кавказцами и готовить их «к установлению на Кавказе интересов ислама и военно-политических связей с Османским государством и халифатом». См. Mehman Süleymanov. Qafqaz İslam Ordusu və Azərbaycan. Baku: Hərbi, Nəşriyyat, 1999. P. 104. Цитата по Reynolds Michael. Shattering Empires. P. 222.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 439. оп. 1. Д. 35. Л. 2., цитата по Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия 1917-1919. М., «Центрполиграф», 2011. С. 62.

⁸² Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War. P. 442. См. также Токарежский Е. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. С. 89. Один из офицеров османской армии позже отмечал в своем докладе: «В то время как мы ожидали, что 30000 молодых возьмется за оружие, на деле только 37 оказалось». См. Reynolds A. Michael. Buffers, not Brethren: Young Turk Military Policy in the First World War and the Myth of Panturanism. P. 171.

⁸³ Дарабади П. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала XX века. Баку, 1991. С. 132, Mirza Bala Mehmet-Zade. Milli Azərbaycan Hareketi, Istanbul, 1938. S. 169, Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War. P. 442.

⁸⁴ Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War. С. 440-441, Байкара. Hüseyn Azərbaycan isticlal mübarizəsi tarixi, Azərbaycan dövlət nəşriyyatı, 1992. S. 238-242, (на азерб. яз.) Нәсибзаде Нәсиб. Azərbaycan демократик республикасы. Баку, «Елм», 1990. С. 10-11 (на азерб. яз.)

⁸⁵ Документ и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 192, Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 57-58.

⁸⁶ Более подробно об этом см. Ишханян Б. Великие ужасы в городе Баку. Тифлис, 1920.

⁸⁷ Документ и материалы по внешней политике СССР. Т. 1. М., 1957. С. 491.

⁸⁸ Там же. С. 515.

⁸⁹ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 196, 198. Уместно отметить, что во время встречи в г. Энзели с представителями Азербайджана в начале ноября 1918 года, главнокомандующий британскими войсками в Иране генерал В. М. Томсон выступил с резким заявлением, в котором отметил, что «не существует республики, родившейся согласно всеобщему желанию азербайджанского народа, имеется только правительство, ор-

ганизованное интригой турецкого командования». См. Балаев А. Создание Азербайджанской Демократической Республики – первый опыт по внедрению европейской модели национального государства на Востоке // Азербайджанская Демократическая Республика – 90. М., «Salam press», 2008. С. 27. См. также Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 216.

⁹⁰ Нота Народного комиссара иностранных дел РСФСР министерству иностранных дел Турции от 20 сентября 1918 г., см. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 491-492.

⁹¹ Документ и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. С. 192, Документы внешней политики СССР. Т. 1, С. 240-241.

⁹² Протокол Совещания у Рейхсканцлера Германии относительно стремления Турции захватить кавказскую часть Армении и уничтожить ее армянское население. См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике С. 223-224. О решимости турок окончательно истребить армянское население Кавказа говорится в официальных донесениях немецких союзников. Так, военный атташе Германии в Турции генерал-майор Отто фон Лоссов телеграфировал: «Турки приступили к полному уничтожению армян в Закавказье», там же. С. 221. «Полностью игнорируя свои обещания, турки добиваются своей цели – уничтожая армян на Кавказе, либо своим пассивным одобрением позволяя, чтобы это произошло», – говорится в телеграмме министра иностранных дел Германии Рихарда фон Кюльмана послу в Турции, там же. С. 224. «Судя по всем сообщениям и информации, поступающим ко мне в Тифлис (Грузия), вряд ли может возникнуть какое-либо сомнение в том, что турки систематически нацеливаются на... уничтожение тех нескольких сотен тысяч армян, которых они оставили пока в живых». См. Телеграмма главы Германской военной миссии на Кавказе генерал-майора Кресса фон Крессенштейна о турецкой политике уничтожения армян на Кавказе, там же. С. 226. См. также Dadrian N. Vahakn. History of the Armenian Genocide. P. 349-350.

⁹³ Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. С. 327.

⁹⁴ Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 219-220. Признавая решающее значение турецкой армии в боях за Баку, лидеры кавказских тюрок указывали на то, что вмешательство турецких военных во внутренние дела может иметь отрицательные последствия: 31 августа 1918 г. Хан-Хойский писал Мамеду Эмину Расулзаде: «Самое главное — надо окончательно выяснить наши взаимоотношения с Турцией, а то получается совершенно губящее всякое дело и управление двоевластие и многовластие. Я полагал бы, что все управление должно быть сосредоточено в руках азербайджанского правительства, а турецкие воинские части все свои желания и требования должны обратиться к правительству и через него проводить, а не вмешиваться непосредственно в дела управления, как это происходит сейчас». См. Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 164-165, Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). С. 47.

⁹⁵ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 93-94, Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 156.

⁹⁶ Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 113-114.

⁹⁷ Кавказское слово, 17.06.1918, см. Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 142.

⁹⁸ Аветисян Г. Брест-Литовск: Как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. С. 124.

⁹⁹ Кавказское слово, 27.07.1918, цитата по Казанчян Р. К предистории самоопределения Нагорного Карабаха. М., 1997. С. 9.

¹⁰⁰ Турецкие военные коменданты, назначенные для обеспечения «порядка», сеяли настоящий террор и насилие в армянских селах, См. также Тумян А. События в Нагорном Карабахе в 1917-1920 гг. исторический очерк. Ереван, «Анта-рес», 2008. С. 113 (на арм. яз.)

¹⁰¹ Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 141-142.

¹⁰² Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой мировой войны. С. 259-260.

¹⁰³ Беркук И., Рюшту. указ. работа.

¹⁰⁴ См. газета Азербайджан, Баку, 19.09.1918, цитата по Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 411.

¹⁰⁵ Ишханян Е. Нагорный Карабах 1917-1920 гг. Ереван, «Айастан», 1999. С. 205, (на арм. аз.), Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War. P. 444.

¹⁰⁶ Ишханян Е. Нагорный Карабах 1917-1920 гг. С. 239.

¹⁰⁷ FO 371/3388, file 1396, no. 173495, the Director of Military intelligence's no. B. I/565 (M.I.2), secret to the Under Secretary of State for Foreign Affairs, dated 18 Oct. 1918. Цитата по Landau Jacob. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. P. 55.

¹⁰⁸ Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. Сборник документов и материалов. С. 28-29.

¹⁰⁹ Золян С. Нагорный Карабах: проблема и конфликт. С. 25.

¹¹⁰ Борьба за победу советской власти в Азербайджане 1918-1920 гг., Документы и материалы. Баку, Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР. 1967. С. 13.

¹¹¹ Хатисян Ал. Возникновение и развитие Республики Армения. С. 91. Osmanli belgelerinde Karabağ. Istanbul, T. C. Başbakanlık devlet arşivleri genel müdürlüğü, 2009. S. 240.

¹¹² См. Тумян А. События в Нагорном Карабахе в 1917-1920 гг. Исторический очерк. С. 177-178, Ишханян Е. Нагорный Карабах 1917-1920 гг. С. 267-268.

¹¹³ Мудросское перемирие 1918 года было заключено 30 октября в порту Мудрос (остров Лемнос) представителями Антанты и Турции. В статьях, которые непосредственно затрагивали интересы Армении, говорилось, что все военнопленные и интернированные армяне должны быть собраны в Константинополе, чтобы без всяких условий их передали союзникам.

По ст. 2 и 3 Турция должна была указать места расположения мин в турецких водах, оказать содействие в их тралении, а также сообщить союзникам все сведения о минах, находившихся в Черном море.

Ст. 11 предусматривала эвакуацию турецких войск из Закавказья, причем оставшиеся войска должны были быть удалены, «если союзники потребуют того при изучении положения на местах».

Ст. 16 предусматривала уход турецких войск из Киликии.

Ст. 24 имела следующее содержание: «В случае беспорядков в одном из армянских вилайетов союзники сохраняют за собой право занять часть его». Английский адмирал С. Кальторп без согласования с другими членами Антанты продиктовал условия Мудросского перемирия Турции от имени союзников. В конце января 1919 г. Верховный Совет Антанты принял решение, согласно которому Армения, Сирия, Палестина, Аравия и Месопотамия отделялись от Османской империи. Текст договора см. Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828-1923 гг.). Под ред. Дж. Киракосяна, «Айастан», Ереван, 1972. (на арм. яз.) С. 537-539.

¹¹⁴ Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 156, Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasus. P. 148, Алиев Г. Турция в период правления младотурок. С. 321.

¹¹⁵ Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War. P. 444.

¹¹⁶ Борьба за победу советской власти в Азербайджане 1918-1920. Документы и материалы. С. 37.

¹¹⁷ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 210-211.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ О нежизнеспособности Азербайджанской Демократической Республики в своих мемуарах свидетельствует и вице-консул Великобритании в Баку Рональд МакДонелл. Описывая ситуацию в Баку после ухода турок, МакДонелл пишет: «The Turks had established a Tartar Government in Baku, under the name of the Republic of Azerbaijan; now left without the guiding hand of the Turk, this government was in a chaotic state». (Турки установили в Баку татарское правительство под названием «Азербайджан». Теперь же, оставшись без руководящей руки турок, это правительство оказалось в хаотичном состоянии) См. Ronald MacDonell. «... and Nothing Long», Constable & Co. Ltd. London, 1938. P. 280.

¹²⁰ Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 141. См. также Hovannisian G. Richard. The Republic of Armenia, Vol. 1, University of California Press, 1972. P. 158, Keykurun Naki. Azerbaycan Istiklal Mücadelesinin Hatıraları (1905-1920). Ankara, İlke kitabevi yayınları, 1998. S. 115.

¹²¹ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Баку, «Эльм», 1998. С. 49.

¹²² Кавказское слово, 20.12.1918. Цитата по Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918-1920 гг. С. 169-170. См. также Байков Б. Воспо-

- минания о революции в Закавказье (1917-1920 гг.). С. 113-114.
- ¹²³ Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 161.
- ¹²⁴ Swietochowski T. Russia and Azerbaijan: a borderland in transition. P. 74. См. Landau J. Pan-Turkism in Turkey: a study in irredentism. P. 55, Hovannisian R. The Republic of Armenia, Vol. 1. P. 57-58.
- ¹²⁵ Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 145.
- ¹²⁶ См. Reynolds Michael. Shattering Empires. P. 249-250.
- ¹²⁷ Нәсибзаде Нәсиб. Азәрбајҹан демократик республикасы. Бақы, «Елм», 1990. С. 15.
- ¹²⁸ Азербайджан, 16.10.1918, см. Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях. С. 145.
- ¹²⁹ Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. P. 85.
- ¹³⁰ Hovannisian Richard. The Republic of Armenia, Vol. 2. From Versailles to London. 1919-1920, University of California Press. 1982. P. 177.
- ¹³¹ Балаев А. Азербайджанское национальное движение. С. 217.
- ¹³² Азербайджан, 12.02.1919, цитата по Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. С. 207.
- ¹³³ Балаев А. Азербайджанские турки. Процессы формирования нации и национальной идентичности на рубеже XIX-XX вв. Баку, «Qanun», 2010. С. 273.
- ¹³⁴ См. Свободная мысль. No. 16, М., 1991. С. 41.
- ¹³⁵ Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 1, часть 1. С. 35.
- ¹³⁶ Outline of Events in Transcaucasia from the beginning of the Russian Revolution in the Summer of 1917 to April 1921, May 31 в Аджария и Британская империя 1918-1921. С. 29-30.
- ¹³⁷ Исмаилов Эльдар. Очерки по истории Азербайджана. М., «Флинта», 2010. С. 247. Gökdemir A Ender. Cenûb-I Garbî Kafkas Hükûmet. Ankara, Yükseköğretim Kurulu Basımevi, 1998. S. 45-62.
- ¹³⁸ Alstadt Audrey. Azerbaijani Turks. P. 104.
- ¹³⁹ Alstadt Audrey. Azerbaijani Turks. P. 86. Врацян С. Республика Армения. Париж, 1928. С. 264 (на арм. яз.).
- ¹⁴⁰ Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 170.
- ¹⁴¹ Гаджиев А. Демократические республики Юго-Западного Кавказа (Карсская и Араз-Тюркская республики). Баку, «Нурлан», 2004. С. 60, Hovannisian Richard. The Republic of Armenia. Vol. I, University of California Press, 1971. P. 201.
- ¹⁴² См. Кавказское слово, 17.06.1919. Цитата по Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 257.
- ¹⁴³ Заявление министра-председателя Республики Армения на Парижской мирной конференции, см. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. Док. 217. С. 332-334.
- ¹⁴⁴ Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 139.
- ¹⁴⁵ Постановление 5-го съезда армян Карабаха, принятое в Шуши 24 апреля 1919 г., см. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 162-163.

- ¹⁴⁶ Военно-политический обзор положения Дагестана и Северного Кавказа, составленный начальником генерального штаба военного министерства азербайджанского Мусаватистского правительства, Документ по. 425, см. Борьба за установление советской власти в Дагестане, 1917-1921 гг. Сборник материалов и документов. М., 1958. С. 362-364.
- ¹⁴⁷ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 388.
- ¹⁴⁸ Гасанлы Дж. Азербайджанская делегация на Парижской мирной конференции // Азербайджанская Демократическая Республика — 90. М., «Salam press», 2008. С. 43.
- ¹⁴⁹ Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 274-275.
- ¹⁵⁰ Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Баку, «Эльм», 1998. С. 100.
- ¹⁵¹ Papers relating to the Foreign Relations of the United States, 1919. Vol. II. Washington, 1934. P. 836-837. См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1. С. 548. 23 июля 1919 г. майор Джозеф Грин, распределяющий американскую гуманитарную помощь из Тифлиса, сообщил: «Имел длинную беседу с армянским президентом сегодня. Хорошо оснащенная турецкая армия, и татары продвигаются с трех сторон. В случае если военная протекция не будет предоставлена Армении немедленно, катастрофа будет еще более ужасной, нежели избития в 1915 г., и Армения будет разбита, к вечному стыду Союзников». The Literary Digest for September 13, 1919. P. 17.
- ¹⁵² См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 2. С. 81.
- ¹⁵³ Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 324.
- ¹⁵⁴ Махмурия Г. Шуши 1919-1920 гг. В документах Госдепартамента США и Национального архива Армении, в Государственный терроризм Азербайджана и политика этнических чисток против Нагорного Карабаха, «Качар», No. 4, (47-58). Шуши, 2010. С. 62-64.
- ¹⁵⁵ Соглашение между Арменией и Азербайджаном // Республика Армения в 1918-1920 гг. (политическая история). Сборник документов и материалов. Ереван, 2000. С. 140-141 (на арм. яз.).
- ¹⁵⁶ Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1. С. 560. См. также Hille Charlotte. State Building and Conflict Resolution in the Caucasus. Brill Academic Publishers, 2010. P. 191.
- ¹⁵⁷ Documents on British Foreign Policy 1919-1939, Edited by E. L. Woodward and Rohan Butler, First series, Vol. III, 1919, Document No. 613, London, His majesty's Stationery office. London, 1949. P. 700-701.
- ¹⁵⁸ См. Hovannisian Richard. Republic of Armenia. From Versailles to London, 1919-1920. Vol. II. P. 173.

Глава 3

- ¹ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. М., Т. 1, Литиздат Н.К.И.Д., 1929. С. 381. Профессор Юрий Барсегов обозначил следующие пункты политической функции кемалистского режима: 1) довершить Геноцид армянского народа; 2) освободить организаторов и исполнителей Геноцида армян от международной уголовной ответственности; 3) закрепить создавшееся в результате преступления положение — оставить за собой территорию коренного народа, не допустив реализации политической ответственности турецкого государства за совершенное преступление; 4) стереть с политической карты мира возрожденное на территории бывшей Российской империи армянское государство и аннексировать его территории. См. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий, Т. 2, часть 2. С. 307. К этому следует добавить и стремление Турции к обеспечению новых территориальных приобретений в пользу Азербайджана. Иными словами, мотивы кемалистов были одни и те же, что и младотурок.
- ² Акчам Танер. Турецкое национальное «я» и Армянский вопрос. М., АО Арионикс, 1995. С. 141, 144, Akçam T. Dialogue Across an International Divide: Essays Towards a Turkish-Armenian Dialogue. Toronto, Zorian Institute, 2001. P. 92-94. См. Также Akçam Taner. A Shameful Act: The Armenian Genocide and the Question of Turkish Responsibility, Metropolitan Books, 2006.
- ³ НАА, ф. 200, оп. 1, д. 44, л. 107. копия, машинопись С. 186-187, цитата по Нахиджеван-Шарур 1918-1921 гг. документы и материалы // Вестник архивов Армении, No. 1-2, Ереван, 1993.
- ⁴ Нахиджеван-Шарур 1918-1921 гг. документы и материалы. С. 108, Ал. Хатисян. Возникновение и развитие Республики Армения. С. 130-131. См. также Зограбян Э. Нахиджеванская проблема и «союзники» Армении (декабрь 1918 г. — апрель 1920 г.). Ереван, «Тигран Мец», 2002. С. 43. (на арм. яз.) Novannisian Richard. The Republic of Armenian, Vol. 1. P. 236, 428, Communist Takeover and Occupation of Armenia, Special Report No. 5 of the Select Committee on Communist Aggression. House of representatives, eighty-third congress, Second session under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438, Washington, 1955.
- ⁵ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. VII. P. 858. Цитата по Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики. С. 389-390. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1. С. 546.
- ⁶ НАА, ф. 66. д. 318. л. 76, цитата по Саркисян Е. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1962. С. 435, Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 121.
- ⁷ Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 164.
- ⁸ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 47. См. также Novannisian G. Richard The Republic of Armenia, Vol. 2.

Р. 158.

⁹ Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 162.

¹⁰ Бондаревский Г. Л. Трагедия Кавказа: факты истории (на основе документов Public Record Office, Лондон) // Новая Евразия: Отношения России со странами Ближнего Зарубежья, Вып. 2. М., 1994. С. 11.

¹¹ Там же. С. 11.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Бондаревский Г. Л. Трагедия Кавказа: факты истории. С. 12. См. также Ишханян Е. Нагорный Карабах в 1917-1920. С. 361.

¹⁴ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 56.

¹⁵ Врация С. Республика Армения. С. 401.

¹⁶ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. 3. М., 1934. С. 304. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. С. 425-426, Мустафа-заде Рахман. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 132-133.

¹⁷ В решениях Эрзерумского и Сивасского конгрессов говорилось о том, что Турция «не уступит ни клочка земли Армении», см. Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. 2. М., Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. С. 120.

¹⁸ Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 131.

¹⁹ См. Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 162-163.

²⁰ Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920. P. 179-180, Gökay Bülent. Turkish Settlement and the Caucasus // Middle Eastern Studies. Vol. 32, No. 2, April 1996. London. P. 66.

²¹ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 52.

²² Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955). С. 205. См. также Historical dictionary of Azerbaijan. С. 59.

²³ Keykurun Naki. указ. работа.

²⁴ Большевицкое руководство. Переписка 1912-1927. М., РОССПЭН. 1996. С. 122.

²⁵ Мустафа-заде Рахман. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 135.

²⁶ См. Расулзаде М. Э. Сиявуш нашего века, «Хазар», 1990, No. 1. С. 60, Цитата по Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, «Заман», 2004. С. 142.

²⁷ См. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян — преступление по международному праву. С. 221, Dadrian N. Vahakn. The History of The Armenian Genocide. P. 366.

²⁸ Dadrian N. Vahakn. The History of The Armenian Genocide. P. 366.

²⁹ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 217.

³⁰ См. Novannisian R. Republic of Armenia. Vol. 1. P. 444.

³¹ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский пе-

риод. С. 48.

³² Мустафа-заде Р. Две республики. С. 336-337.

³³ Чернявский С. Новый путь Азербайджана. С. 14.

³⁴ См. Жизнь национальностей, No. 13 (70), 29 апреля. 1920 // Мирсайд Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. М., 1990. С. 140-142.

³⁵ Вот характеристика генерал-губернатора Хосров-бека Султанова из архива генерального штаба британских войск в Индии: «Подданный Азербайджана. Когда была провозглашена независимость Азербайджана, он занял пост военного министра. Ненавидит армян и всех христиан... Разъезжал по стране в 1918-м и призывал народ просить турок занять Шушу, обещая в качестве приманки грабеж имущества армян... Был в Баку во время резни армян в сентябре 1918 г. Абсолютно беспринципен и невероятно вспыльчив. Обожает вино и женщин. Хитер и жесток...», см. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 2. С. 92.

³⁶ См. Сихлинский А. Мои воспоминания. Баку, «Азернешр», 1984. С. 199.

³⁷ См. Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. 3. С. 293.

³⁸ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 53.

³⁹ См. Аветисян Г. Брест-Литовск. С. 130.

⁴⁰ Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1. С. 483-484.

⁴¹ АВПР, ф. 04, оп. 51, п. 321а, д. 54875, л. 33. Копия. См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1. С. 492.

⁴² Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1. С. 496. В Тифлисе шли переговоры между представителем Советской России Лиграном и армянской делегацией, возглавляемой Левонем Шантом. Переговоры закончились подписанием договора, по которому Карабах, Зангезур и Нахиджеван переходили во временное подчинение советской администрации. Было также открыто железнодорожное сообщение Гюмри – Шахтала для перевозки гражданских и гуманитарных грузов. См. Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 54.

⁴³ Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 583.

⁴⁴ Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Aksin, The University of Utah Press, 2010. P. 91-93, Gökaý Bülent. Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920-1991. P. 18-19, 29.

⁴⁵ Переписка Энвера и Кемалья-паши, см. перевод на русский в НАА.

⁴⁶ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. 3. М., 1934. С. 108, 117.

⁴⁷ Радиogramма И. Сталина по прямому проводу В. Ленину 23 ноября 1920 г. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. С. 538.

⁴⁸ ЦГАКА, ф. 109, оп. 3. д. 298, л. 28, цитата по Саркисян Е. К. Великая октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба в Турции. Ереван, 1958. С. 59.

⁴⁹ Зейналов Р. Э. Военное строительство в Азербайджанской ССР. Баку, Элм, 1990. С. 21, Карапетян С. Армяно-турецкая война 1920 г. и Советская Россия. Ереван, 1965. С. 19, Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. С. 205.

⁵⁰ Swietochowski T. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. P. 105. ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 28 оп. 1, д. 129, лл. 106-112, цитата по Багиров Э. А. Из истории советско-турецких отношений, (1920-1922 гг.). Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1965. С. 87.

⁵¹ Документы историко-дипломатического архива министерства иностранных дел Италии об Армянском вопросе. Т. 2. Док. 132. С. 145 (перевод с итальянского на армянский).

⁵² Там же. С. 147.

⁵³ Нахиджеван-Шарур 1918-1921 гг. Документы и материалы. С. 113.

⁵⁴ Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 2. С. 157.

⁵⁵ Там же. С. 157-158.

⁵⁶ Communist takeover and occupation of Armenia, Special Report No. 5 of the Select committee on Communist aggression. House of representatives, eighty-third congress, Second session under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438, Washington, 1955. P. 7

⁵⁷ Письмо написано во Владикавказе, 16 ноября 1920 г., Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1. С. 538.

⁵⁸ См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1. С. 623.

⁵⁹ Авагян А. Северокавказская политическая эмиграция в контексте внешней политики Турции (1920-1971). С. 41. (на арм. яз).

⁶⁰ Переписка Энвера и Кемалья-паши. См. коллекция переводов Национального архива Армении.

⁶¹ См. Cebesoy A. F. Milli mücadafe hatıraları. Istanbul, 1953. S. 139-140, цитата по Саркисян Е. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. С. 437.

⁶² См. Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. С. 313, см. также С. 117.

⁶³ Outline of Events in Transcaucasia from the beginning of the Russian Revolution in the Summer of 1917 to April 1921, May 31. С. 27, см. Аджария и Британская империя 1918-1921 гг. Под. ред. Аслана Абашидзе.

⁶⁴ Кемаль М. Путь новой Турции. Т. 3. С. 102, 313. Мустафа Кемаль-паша в своем приказе Кязиму Карабекиру о начале военных действий против армянского государства был предельно краток: «Уничтожай Армению». См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1. См. Док. 314.

⁶⁵ См. Приложение, Документ no. 1.

⁶⁶ Об этом подробнее см. Сафрастьян Р. Османская империя: Генезис политики геноцида. (1876-1920). С. 191.

⁶⁷ Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 2, Часть 2. С. 125 Vahakn N. Dadrian. The History of The Armenian Genocide. P. 366. См. также Karabkir K. Istiklal Harbimiz, Istanbul.

1969. S. 844-45. См. также Документ по. 1.
- ⁶⁸ Kazim Karabekir. *Istiklal Harbimiz*, p. 845, см. Dadrian N. Vahakn. *History of the Armenian genocide*. P. 359.
- ⁶⁹ Сафрахян Р. Османская империя: Генезис политики геноцида. (1876-1920). С. 207.
- ⁷⁰ Пирумян Р. Армения в сфере отношений АРФ «Дашнакцутюн» – большевик (1917-1921). Ер., Эдит Принт, 2002. С. 136.
- ⁷¹ Письмо членов Кавбюро РКП(б), ЦК АЗКП и членов Реввоенсовета 11-ой Красной армии в ЦК РКП(б) о необходимости передачи Карабаха и Зангезура Азербайджану, было адресовано 10 июля 1920 г. См. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг., С. 530-531.
- ⁷² ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 4, д. 496, л. 142., цитата по Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 524.
- ⁷³ См. Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи. М. 1939. С. 95.
- ⁷⁴ См. Киров С. М. Статьи, речи, документы. Т. 1, М., 1936. С. 231.
- ⁷⁵ Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М., Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 145.
- ⁷⁶ См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий. Т. 1. С. 606.
- ⁷⁷ С. Текст декларации АзРевкома в газете Коммунист, Баку, 02.12.1920. См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий, Т. 1. С. 600.
- ⁷⁸ Там же. С. 605.
- ⁷⁹ Там же. С. 616.
- ⁸⁰ Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 2, часть 2. С. 424.
- ⁸¹ Пряхин Вл. «Черный сад» международного сообщества. С. 17-18.
- ⁸² Письмо Лиграна от 22 декабря 1920 г. См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. С. 606.
- ⁸³ Завриев Д. С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси. Изд. ТБГУ, 1946. С. 96-97.
- ⁸⁴ Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 614-616.
- ⁸⁵ См. Luchterhandt Otto. *Nagorny Karabakh's Right to State Independence According to International Law*. Boston, 1993.
- ⁸⁶ Киреев Н. Г. Секуляризм и национализм – два идеологических кита модернизации Турции // *Турция: современные проблемы экономики и политики*. М., ИВ РАН, 1997. С. 7.
- ⁸⁷ Karabekir K. *Istiklal harbimiz*. S. 756. Впервые русский перевод опубликован А. Шамсутдиновым, см. Шамсутдинов А. М. К вопросу об установлении дипломатических отношений между правительством РСФСР и ВНСТ, в Турция: история и экономика. М., «Наука», 1978. С. 12.
- ⁸⁸ «Заклучение президиума Совета пропаганды и действия народов Востока» о политике России на Востоке, представленное Президиуму Исполкома Коминтерна и ЦК РКП(б), Баку, 17 сентября 1920 г. См. Геноцид армян: ответственность

- Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 2, часть 1. Док. 825. С. 171.
- ⁸⁹ Spector Ivar. General Ali Fuat Cebesoy and the Kronstadt Revolt (1921): A Footnote to History // *International Journal of Middle East Studies*, No. 3, 1972. P. 492.
- ⁹⁰ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 28, оп. 1, д. 129, лл. 17-21, цитата по Багиров Э. А. Из истории советско-турецких отношений. С. 99.
- ⁹¹ Spector Ivar. General Ali Fuat Cebesoy and the Kronstadt Revolt. P. 492.
- ⁹² См. Cebesoy Ali Fuad. *Moskva hatıraları* (21.11.1920 – 02.06.1922). Istanbul 1955. S. 140.
- ⁹³ См. Авагян А. Позиция Турции – как покровителя мусульман в ходе Московской конференции, в «Проблема Нахиджевана в русско-турецком договоре 16 марта 1921 г.», (материалы конференции), Ереван, 2001. С. 49 (на арм. яз.)
- ⁹⁴ Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. С. 620.
- ⁹⁵ Отдельный пункт в Московском договоре гласил: «Нахичевань образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству». По Карсскому договору словосочетание «под протекторат» было заменено на «под покровительство». См. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 598-599, там же, Т. 4. М., 1960. С. 423. Вскоре же, аннексировав его и введя в статусе автономной республики в состав Советского Азербайджана, власти планомерно и целенаправленно выживали армянское население из Нахиджеванского края: в результате этнической чистки к моменту постановки Карабахского вопроса армяны там практически не остались.
- ⁹⁶ Goldenberg Suzanne. *The Pride of Small Nations. The Caucasus and Post-Soviet Disorder*. London and New Jersey. Zed Books Ltd, 1994. P. 38. В преддверии подписания Карсского договора Азербайджан скорее руководствовался указаниями из Анкары, нежели из Москвы. Архивные документы подтверждают, что в весенние и летние месяцы 1921 г. между Анкарой и Баку действовала секретная телеграфная связь. См. Акопян А. Советская Армения в Московском и Карсском договорах. Ереван, Изд-во НАН РА, 2010. С. 228. (на арм. яз.)
- ⁹⁷ МИД СССР. Документы внешней политики СССР. Госполитиздат. Т. 3. С. 597-602. См. также Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. С. 621. Московский договор стал прообразом печально известного советско-германского договора 1939 г., известного также как пакт Молотова – Риббентропа. По этому договору СССР и нацистская Германия договаривались о разделе территорий малых и слабых государств. В нем нарушены все основные условия действительности международных договоров, а именно: 1) условия, относящиеся к субъектам договора; 2) условия, относящиеся к свободному волеизъявлению сторон договора – субъектов международного права; 3) условия, относящиеся к правомерности объекта и цели договора. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирного сообщества. Т. 2, Часть 2. С. 432.
- ⁹⁸ Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-русские отношения в 1918-1922 гг. С. 226.

⁹⁹ Об экономическом факторе Карабахской проблемы и о вопросе кочевки разных племен региона на летние пастбища в Карабах, см. Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 226.

¹⁰⁰ Протокол заседания Пленума Кавбюро ЦК РКП (б) см. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 650. Обращает на себя внимание фраза «между армянами и мусульманами», так как к тому времени окончательно сформированной азербайджанской идентичности не существовало, и лишь с 1930-х годов в итоге политики коренизации мусульманские племена и народы стали называться собирательным этнонимом «азербайджанцы». Следует отметить, что Верховный совет Армянской ССР принял постановление «О признании незаконным решения Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 5-го июля 1921 года», в котором говорится: «Решение Кавказского бюро ЦК РКП(б) от 5 июля 1921 года по Нагорному Карабаху, в результате которого нарушено право армян Нагорного Карабаха на самоопределение, аннексирована часть территории Армянской ССР и армянский народ разделен на две части, – считать лишенным правовой силы правомочий, противоречащим международному праву и незаконным». Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарии. Т. 1. С. 681.

¹⁰¹ См. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе 1998-1994 // Спорные границы на Кавказе. М., «Весь мир», 1996. С. 17.

¹⁰² Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 80.

¹⁰³ Мустафа-заде Рахман. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. С. 315-316.

¹⁰⁴ Провозглашение Нагорно-Карабахской Республики произошло на основе Закона СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», гласящего, что «За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». См. «Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР», 1990, No. 15. С. 252, цитата по Манасян А. С. Карабахский конфликт. Международно-признанные основания проблемы. Открытая папка правовых документов. Ереван, Фонд против правового произвола, 2004. С. 28-30.

¹⁰⁵ По этому поводу азербайджанский автор Эльдар Исмаилов пишет: «Антитурецкий настрой большевиков выкристаллизовался в желании приписать тюркомусульманскому населению Советского Азербайджана новый этноним. Азербайджанские источники сообщают, что в январе 1936 г., во время встречи с делегацией представителей трудящихся Азербайджана с руководителями ВКП(б) и Советского правительства в Кремле Сталин произнес следующее: «Я не понимаю, почему в Грузии живут грузины, в Армении – армяне, а в Азербайджане тюрки». См. Исмаилов Э. Очерки по истории Азербайджана. Москва. «Флинта», 2010. С. 307.

¹⁰⁶ Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в

1918-1922 гг. С. 63.

¹⁰⁷ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 108.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде. С. 113.

¹¹⁰ Arnakis George. Turanism. An Aspect of Turkish Nationalism // *Balkan Studies*, Vol. 1, No. 1, 1960. P. 31. Yurtsever Vahap. Atatürk ve dış türkler // *Azerbaycan*, yıl 1, sayı 8, Kasım, 1952. S. 3-5.

¹¹¹ См. Независимое военное обозрение, 25.09.2003.

¹¹² Hostler W. Charles. *Turkism and the Soviets: the Turks and Their Political Objectives*, London, George Allen&Unwin, 1957. P. 169.

¹¹³ См. Reese William. Turkish Claims to Say in the Status of Nakhichevan, RFE/RL Research Institute, RL 136/88, March 28, 1988. P. 3, KRASNIY ARKHIV, Armenia, Open Society Archives (далее HU-OSA), Budapest, Hungary, 300/80/1/49.

¹¹⁴ Mufti Malik. Daring and Caution in Turkish Foreign Policy // *Middle East Journal*, Vol. 52, No. 1, Winter, 1998. P. 33.

¹¹⁵ Karaörs Metin. Atatürk ve Bütün Türklük // *Doğu Türkistan'ın Sesi*, No. 29, 1991. S. 13-15. Цитата по Оганнисян А. Развал СССР, идея «тюркского единства» и Карабахский вопрос (в свете турецких публикаций 1990-95-х годов) // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 20. Ереван, 2001. С. 75 (на арм. яз.).

¹¹⁶ См. также Речь Атагюрка, обращенная к армии, процитированная в «Yeni İstambul», 03.06.1967. S. 3. См. также *Dış türkler ve gerçekler*, Milliyet, 03.09.1970.

¹¹⁷ Энгин Арын. Атагюркизм и борьба между москалями и тюркским миром, Стамбул, 1953, коллекция переводов НАА.

¹¹⁸ Речь идет об аннексии Александретского санджака, принадлежавшего Сирии, в пользу Турции в результате франко-турецкого соглашения 1938 г.

¹¹⁹ Энгин Арын. указ. работа.

¹²⁰ Saray Mehmet. *Azerbaycan Turkleri Tarihi*, Istanbul: Nesil 1993, s. 38-39, цитата по Uzer Umut. *Identity and Turkish Foreign Policy. The Kemalist Influence in Cyprus and the Caucasus*. 2011. P. 168.

¹²¹ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. С. 48.

¹²² Можно привести также пример провозглашения Турецкой республики Северного Кипра в 1983 г., после оккупации 40 процентов острова турецкими войсками в 1974 г.

¹²³ Киреев Н. Г. История Турции. Век XX. С. 242. Современники писали о ликование и поздравлении друг друга турецкими лидерами с военными удачами Вермахта в первые месяцы военных действий после нападения на СССР. Там же. С. 242.

¹²⁴ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. С. 49.

¹²⁵ Документы МИД Германии: Германская политика в Турции (1941-1943) // Архивное управление МИД СССР. М., 1946, вып. 2. С. 11-12. цитата по Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., Изд-во Гуманитарий, 2002. С. 346. См. также Корхмязян Р. Турецко-германские отношения в годы Второй

мировой войны. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1977.

¹²⁶ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. С. 253.

¹²⁷ Hostler W. Charles. Turkism and the Soviets. P. 152.

¹²⁸ Huddle Frank. Jr. Azerbaidzhan and the Azerbaidzhanis // Handbook of Major Soviet Nationalities. Ed. By Zev. Katz, Rosemarie Rogers, Frederic Harnol. New York, London, The Free Press, 1975. P. 196. В этой связи примечательно, что во время официальных визитов турецких высокопоставленных лиц в Советский Союз, как правило, посещение Баку включалось в их программу. См. Гасымлы М. СССР-Турция: от нормализации отношений до новой холодной войны. М., «Инсан», 2008.

¹²⁹ См. Aivazian A. The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal Reprisal. P. 21.

РАЗДЕЛ II

Глава 1

¹ Onis Ziya. Turkey and Post-Soviet States: Potential and Limits of Regional Power Influence // Middle East Review of International Affairs, Vol. 5, No. 2, Summer, 2001. P. 66.

² Tür Özdem, Han K. Ahmet. A Framework for Understanding the Changing Turkish Foreign Policy of the 2000s // Turkey in the 21st Century Quest for a New Foreign Policy, Edited by Özden Zeynep Oktav, Ashgate, 2011. P. 7, 11, Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Aksin, The University of Utah Press, 2010. P. 5.

³ Об этом подробнее см. Bezanis Lowell. Soviet Muslim emigrés in the Republic of Turkey // Central Asian Survey, Vol. 13, No. 1, Winter 1994. PP. 117-41.

⁴ См. The Independent, 31.10.1990.

⁵ Уразова Е. Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. М., ИИИиБВ, 2003. С. 41.

⁶ См. Turkish Review. Quarterly Digest, Ankara. Vol. 6. No. 28. 1993. P. 14.

⁷ Michael Croissant. The Armenia-Azerbaijan Conflict. Causes and Implications. P. 57-58.

⁸ Hunter Shireen. Turkey, Central Asia, and the Caucasus: Ten Years after Independence // Southeast European and Black Sea Studies. Vol. 1, No. 2, May 2001. P. 7. Тургут Озал был премьер-министром Турции в 1983-1989 гг. и президентом страны с 1989 по 1993 гг.

⁹ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 86-87.

¹⁰ Саяры С. Внешняя политика Турции после окончания «холодной войны»: проблемы мультирегионализма // Турция. Сборник обзоров. Институт научной информации по общественным наукам. М., 2002. С.112, 115.

¹¹ Dietrich Jung, Wolfango Piccoli. Turkey at the crossroads: Ottoman legacies and a greater Middle East. London-New York, Zed Books. 2001. P. 179.

¹² Milliyet, 10. 12. 1991, Mango Anrew. Reflections on the Atatürkist Origins of FP and Domestic Linkages. P. 15.

¹³ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. С. 258-259.

¹⁴ Kirisci Kemal. New Patterns of Turkish Foreign Policy Behaviour // Turkey: Political, Social and Economic Challenges in the 1990s. Leiden, New York, E. J. Brill, 1995. P. 4.

¹⁵ Larabee Stephan. Turkish foreign policy in an Age of Uncertainty. Santa Monica, RAND, 2003. P. XIV.

¹⁶ См. Uzer Umut. Identity and Turkish Foreign Policy. P. 184.

¹⁷ Ergil D. Identity crises and political instability in Turkey // Journal of International affairs. N. Y. 2000. –Vol. 54, No. 1. P. 43-62, Киреев Н. Г. История Турции XX век. М., Крафт+ ИВ РАН, 2007. С.. 28.

¹⁸ Tunander Ola. A New Ottoman Empire? The Choice for Turkey: Euro-Asian Centre vs National Fortress // Security Dialogue, Vol. 26, No. 4, 1995. P. 414.

¹⁹ Pipes Daniel. Moscow's next Worry: Ethnic Turks // New York Times, 13.02.1990, НАА, ф. 1. оп. 127. д. 784. л. 117.

²⁰ Pope Hugh. Turks Identify with Azerbaijanis' Flight // Wall Street Journal, 31.01.1990, Nicole and Hugh Pope. Turkey Unveiled. Ataturk and After, London, John Murray, 1997. P. 280-281.

²¹ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 85.

²² Россия и Закавказье. Реалии независимости и новое партнерство, под редакцией Р. М. Авакова и А. Г. Лисова. М., 2000, ФИНСТАТИНФОРМ. С. 64-65.

²³ См. Фадеев И. Демократия в мусульманском мире: реальность и перспективы // Россия и мусульманский мир, Бюллетень реферативно-аналитической информации, No. 10 (112). М., 2001. С. 149.

²⁴ Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., Международные отношения. 2001. С. 347.

²⁵ Fuller E. Graham. Turkey Face East. New Orientations Toward the Middle East and the Old Soviet Union, Santa Monica, RAND, 1992. P. 41, 61.

²⁶ Глава «тюркского» департамента МИД Турции Биалал Самир выразил свое отношение к идее неопантюркизма следующим образом: она может привести к возникновению «некоего подобия Скандинавского Союза, Лиги арабских стран или Организации американских государств... Что может быть более естественным, чем ведущая роль Турции в создании подобного образования? Было бы неверно толковать это как пантюркизм или экспансионизм... Скандинавы, арабы, представители романских и других народов уже имеют такие союзы. Почему же тюркским народам нельзя?», См. Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 87.

²⁷ Aydin Mustafa. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and Caucasus // Turkish

Studies. Vol. 5, No. 2, Summer 2004. P. 1, 6.

²⁸ Kramer Heinz. Will Central Asia Become Turkey's Sphere of Influence // *Perceptions*, March-May 1996. P. 115.

²⁹ Harris S. George. Regional Power Rivalries, in *New Eurasia*. Russia, Turkey, and Iran, edited by Alvin Z. Rubinstein and Oles M. Smolansky. Armonk, New York, London, England, M. E. Sharpe, 1995. P. 16.

³⁰ См. Winrow M. Gareth. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London, The Royal Institute of International Affairs, 1995.

³¹ Winrow M. Gareth. Turkey in Post-Soviet Central Asia. P. 1.

³² Bal Idris. The Turkish model: the place of the Alawites // *Central Asian Survey*, (1997) 16 (1). P. 97, Bal Idris. The Turkish Model and the Turkic Republics // *Perceptions*. Journal of International Affairs September - November 1998 Vol. III - No. 3, <http://www.mfa.gov.tr/NR/rdonlyres/E784DD34-AD4E-4FDC-8A7FBE21B3113EFF/0/bal.PDF>

³³ Азг, 08.01.1992, Азг, No. 8, 1992, Независимая газета, 24.04.1992.

³⁴ Известия (московское вечернее издание), 07.02.1992.

³⁵ На рубежах родины, 19-26 декабря, 1991, Kramer Heinz. Will Central Asia Become Turkey's Sphere of Influence // *Perceptions*, March-May, 1996. P. 118.

³⁶ См. Turkish Daily News, 24.12.1991.

³⁷ Московские новости, 07.06.1992.

³⁸ Известия (московское вечернее издание), 05.03.1992, Dannreuther Ronald. Creating New States in Central Asia // *Adelphy Paper*, No. 288. London, The Institute for Strategic Studies, 1994. P. 58, По другим источникам, аналогичное заявление сделал министр иностранных дел Турции Хикмет Четин, см. Bagci Huseyin. Turkey, Central Asia and Islam // *Turkish Daily News*, 29 June 2000.

³⁹ Халмухамедов А. М. Узбекистанско-турецкие отношения // *Узбекистан: обретение нового облика*, под ред. Е. М. Кожокина, Т. 2. М., РИСИ, 1998. С. 370.

⁴⁰ Kirisci Kemal. New Patterns of Turkish Foreign Policy. P. 2.

⁴¹ См. Aydin Mustafa. Between Euphoria and Realpolitik: Turkish Policy towards Central Asia and the Caucasus, in *Turkey's Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in the World Politics*, ed. By Tareq Y. Ismael, Ashgate, 2003. P. 142.

⁴² Известия (московское вечернее издание), 24.04.1992.

⁴³ Tunander O. A new Ottoman empire? The choice for Turkey. P. 414.

⁴⁴ Гумпель Вернер. На стыке Европы и Азии: Посредническая роль Турции как региональной власти // *Internationale Politik*, 1998, No. 1. Бонн-Москва. С. 32.

⁴⁵ Okman Cengiz. An Approach to Turkey's policies vis-à-vis Central Asian States // *The Southeast European Yearbook*. Athens, 1993. P. 23, 31.

⁴⁶ Атлас, 15.06.1992, No. 24. (1822). С. 53-54.

⁴⁷ См. Добаев И. П. Геополитика Турции на Кавказе // *Известия ВУЗов. Северокавказский регион, общественные науки*, 1999, No. 1. С. 10.

⁴⁸ также Киреев Н. Г. Турция – экономический партнер и политический соперник России в Евразии // *Россия на Ближнем Востоке: цели задачи возможности*. М., ИИИиБВ, 2001. С. 101, Mufti Malik. Daring

and Coution in Turkish Foreign Policy // *The Middle East Journal*, vol. 52, No. 1, Winter, 1998. P. 33, Piron-Yakaciklic Lebriz. L'Asie Central dans la strategie Turquie // *Revue Francaise de Geoeconomie*, No. 9, Printemps, Paris, 1999. P. 71.

⁴⁹ См. Quotidien de Paris, 14.03.1992.

⁵⁰ The Economist, 17.06.1995.

⁵¹ Ataöv Türkkaya. Turkey, the CIS and Eastern Europe, in *Turkey and Europe*, ed. by Canan Balkir and Allan M. Williams. London and New York, Pinter Publishers Ltd., 1993. P. 192.

⁵² Rapport d'information No:1851 de la commission des affaires etrangeres de l'Assemblée nationale, decembre, 1992 // *Rapport annuel mondial sur la systeme economique et les strategies*. Paris 1995. P. 94.

⁵³ Киреев Н. Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций. С. 247.

⁵⁴ Там же. С. 250. Киреев Н. Турция: Поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ*. Стокгольм, 2002, No. 1. С. 21.

⁵⁵ Киреев Н. Турция: Поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества. С. 21.

⁵⁶ Халмухамедов А. М. Узбекистанско-турецкие отношения. С. 372.

⁵⁷ Winrow M. Gareth. Turkey in Post-Soviet Central Asia. P. 13, Киреев Н. Г. Турецкая деловая элита о турецко-российских отношениях. С. 72-73.

⁵⁸ В частности, с таким призывом следовать турецкому примеру, а не иранскому, выступил Дж. Бейкер к президенту Туркменистана. См. Aydin Mustafa. Between Euphoria and Realpolitik: Turkish Policy towards Central Asia and the Caucasus. P. 157, Hale William. Turkish Foreign Policy, 1774-2000. London-Portland, Frank Cass, 2000. P. 291.

⁵⁹ Olcott Brill Martha. Central Asia's Second Chance. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, D.C. 2005. P. 53.

⁶⁰ Wall Street Journal, 06.05.1992. см. АТЛАС, 25.05.1992, No. 21 (1819), С. 13.

⁶¹ Kirisci Kemal. New Patterns of Turkish Foreign Policy // *Turkey: Political, Social and Economic Challenges in the 1990s*. New York, Köln, Leiden, E. J. Brill, 1995. P. 14.

⁶² Shaping an Environment for Peace, Stability & Confidence in South Caucasus – The Role of International Organizations & Regional Security Organizations, Proceedings of an international Conference by the Institute for Civil Society & Regional Developments (Yerevan) July 2002, ed. by A. C. Aldis, Conflict Studies Research Centre, Defence Academy of the United Kingdom. P. 42.

⁶³ Гаджиев. Геополитика Кавказа. С. 348.

⁶⁴ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. С. 451-452.

⁶⁵ La recomposition du flanc sud de l'ex URSS: Turquie, Iran, Afgahanistan, «Bulletin du centre d'analyse et de prevision», No. 51, Paris, Hiver, 1992. P. 3.

⁶⁶ Атлас – еженедельный вестник иностранной информации. Москва, 17.02.1992. С. 54.

⁶⁷ Fire, Fury and Nationalism, «US News&World Report», 06.07.1992, Vol. 113, Issue 1.

- ⁶⁸ В центральноазиатском регионе националистические и ксенофобистские настроения порой затмевали идею общетюркской солидарности. Одним из ярких проявлений этого стали погромы турок-месхетинцев в Ферганской долине и узбекско-киргызские столкновения в Оше в 1989-1990 гг.
- ⁶⁹ Наедин-Раевский В. А. Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // *Мировая экономика и международные отношения*. М., 1994, No. 4. С. 4.
- ⁷⁰ См. Swietochowski Tadeusz. *Russia and Azerbaijan*. P. 193-220.
- ⁷¹ См. Аль-байан, 17 сентября, 1989.
- ⁷² Winrow Gareth. *Turkey and the Caucasus. Domestic Interests and Security Concerns*. London, Royal Institute of International Affairs, 2000. P. 9.
- ⁷³ Pipes Daniel. *Moscow's next Worry: Ethnic Turks* // *The New York Times*, 13.02.1990.
- ⁷⁴ См. Чернявский С. И. Новый путь Азербайджана. С. 235.
- ⁷⁵ Наедин-Раевский В. Пантюркизм: миф или реальность. С. 179.
- ⁷⁶ Чернявский С. И. Новый путь Азербайджана. С. 227. *The Independent*, 31.10.1990, Муталибов А. Мы предпочитаем турецкую модель // *За рубежом*, No. 44, 1991. С. 3.
- ⁷⁷ Известия, 25. 02. 1993, цитата по Малащенко А. В. Мусульманский мир СНГ. М., 1996. С. 113-114.
- ⁷⁸ Атлас, 16.03.1992, No. 11, (1809). С. 48.
- ⁷⁹ Искандарян А. Национальные интересы и ожидания Армении за пределами регионального конфликта // *Страны бывшего СССР и европейская безопасность*. Материалы международной конференции. М., «Международные отношения», 1994. С. 92.
- ⁸⁰ Асатрян Г. Этюды иранской этнологии, Кавказский центр иранистики. Ереван, 1998. С. 29.
- ⁸¹ *Political organization in Central Asia and Azerbaijan. Sources and Documents*. P. 61.
- ⁸² Hunter Shireen. *Turkey, Central Asia, and the Caucasus: Ten Years after Independence*. P. 78.
- ⁸³ Атлас, 17.02.1992, No. 7 (1805). С. 16.
- ⁸⁴ Мехтиев Р. Э. Межнациональные отношения на исходе XX столетия: проблемы теории и политики. Баку, Азербайджанское государственное издательство, 1995. С. 145.
- ⁸⁵ См. Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, «Заман», 2004. С. 179.
- ⁸⁶ Эхо, Баку, 11.04.2001.
- ⁸⁷ Hüseyin Bağcı. *Turkey's support for Aliyev*, *Turkish Daily News*, 19.03.2001.
- ⁸⁸ О тюркских саммитах более подробно см. Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в Карабахском вопросе // *Нораванк*. Бюллетень научно-образовательного фонда, 10 (16). Ереван, 2005. С. 33-54.
- ⁸⁹ См. Critchlow James. *Ties with Turkey: A Lifeline for the Central Asians?* // *RFE/RL Report on the USSR*, 08.02.1991, Kramer Heinz. *Will Central Asia Become Turkey's Sphere of Influence* // *Perceptions*, March-May, 1996. Ankara, 1996. P. 13.
- ⁹⁰ Bal Idris. *The Turkish Model and the Turkic Republics* // *Perceptions*. *Journal of International Affairs*, September - November 1998 Volume III - Number 3, <http://www.mfa.gov.tr/NR/rdonlyres/E784DD34-AD4E-4FDC-8A7F-BE21B3113EFF/0/bal.PDF>

- ⁹¹ См. Также Olcott Martha Brill. *Central Asia's Catapult to Independence* // *Foreign affairs*, Summer, 1992. P. 127, Халмухамедов А. М. Узбекистанско-турецкие отношения. С. 370, Kubicek Paul. *Nation, State, and Economy in Central Asia: Does Ataturk Provide Model?* // *The Donald W. Treadgold Papers*, University of Washington, No. 14, August, 1997.
- ⁹² Четерян В. Малые войны и большая игра. Ереван, КИСМИ, 2003. С. 12.
- ⁹³ Kut Şule. *The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s* // *Turkey in World Politics, An Emerging Multiregional Power*, Editors: Barry Rubin and Kemal Kirişçi, Lynne Reinner Publishers, Boulder, 2001. P. 9.
- ⁹⁴ Fuller E. Graham. *Turkey's Strategic Model: Myths and Realities* // *The Washington Quarterly*, Vol. 27, No. 3, Summer, 2004. P. 51.
- ⁹⁵ Резникова О. Россия, Турция и Иран в Центральной Азии // *Мировая экономика и международные отношения*, No. 1, 1997. С. 56.
- ⁹⁶ См. *Turkish foreign policy in an Age of Uncertainty*. P. 100.
- ⁹⁷ Tiliç Doğan. *Turkey and North Caucaia – from High Expectations down to Reality*, in *Contrasts and Solutions in the Caucasus*, edited by Ole Høris and Sefa Martin Yürükel, Aarhus University Press 1998. P. 443. См. также Aras Bülent. *Turkey and Greater Middle East*. Istanbul, TASAM publications, 2004. P. 128.
- ⁹⁸ Bal Idris. *The Process of Forming Nations in the Turkish Republics and the Implications of it for Domestic and Foreign Policy* // *Eurasian Studies*. Special Issue on the 10th of the Turkish Republics, Summer. Ankara, 2001. С. 33.
- ⁹⁹ Турция между Европой и Азией. С. 404.
- ¹⁰⁰ Российско-турецкие отношения. С. 188.
- ¹⁰¹ Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии – внешние факторы // *Центральная Азия и Кавказ*, No. 1(7) 2000. С. 161.
- ¹⁰² Bozdaglioglu Yucel. *Identity Crisis and the Struggle for Recognition in Turkey* // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, Vol. XXIII, No. 2, Winter, 2000. P. 31.
- ¹⁰³ Mufti Malik. *Daring and Caution in Turkish Strategic Culture*. P. 87.
- ¹⁰⁴ Michael Croissant. *The Armenia-Azerbaijan Conflict. Causes and Implications*. P. 109.
- ¹⁰⁵ Известия, 05.10.1994.
- ¹⁰⁶ Зеркало, 15.01.2002.
- ¹⁰⁷ Зеркало, 28.10.2000.
- ¹⁰⁸ Мурадян И. Политика США и проблемы безопасности региона Южного Кавказа, Ер., Антарес, 2000. С. 13.
- ¹⁰⁹ Взаимодействие турецких силовых структур с Министерством национальной безопасности и ГРУ Азербайджана переведено на плановую основу, см. Независимое военное обозрение, 25.09.2003.
- ¹¹⁰ Егоров В. К. Россия и Турция: линия противоречий. С. 327.
- ¹¹¹ Данилов В. И. Исламское движение и политический кризис в Турции 90-х годов, в Мусульманские станы у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и

Турция - современное состояние, история и перспективы) / Ред. Г. В. Миронова. М., ИВРАН, 2001. С. 171.

¹¹² Халмухамедов А. М. Узбекистанско-турецкие отношения. С. 382.

¹¹³ Gareth Winrow. Turkey and the Caucasus. Domestic Interests and Security Concerns. P. 22.

¹¹⁴ Bağcı Hüseyin. Turkey's Foreign Policy in a Changing Strategic and Regional Environment, in Foreign Policy Issues in the 55th Government Program under Mesut Yilmaz" http://www.bundesheer.at/pdf_pool/publikationen/01_tue_03_tfp.pdf

¹¹⁵ Reuter, 19.01.2000, Независимая газета, 21.01.2000.

¹¹⁶ Независимая газета, 23.06.2000.

¹¹⁷ Khalizad Zalmay, Lesser O. Ian, Larrabee F. Stephen. The Future of Turkish-Western Relations. Toward a Strategic Plan. Santa Monica, RAND, 2000. P. 26.

¹¹⁸ Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии – внешние факторы // Центральная Азия и Кавказ, No. 1(7). С. 161.

¹¹⁹ Жильцов С. С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. С. 229.

¹²⁰ Уразова Е. И. Состояние и перспективы экономических отношений между Турцией и новыми тюркскими государствами, в Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., Институт востоковедения РАН, 2003. С. 32. Бывший премьер-министр Азербайджана Расул Гулиев обвинил С. Демиреля в том, что в итоге его внешнеполитической стратегии «между тюркскими государствами образовалась пропасть», см. Зеркало, 20.06.2001.

¹²¹ Уразова Е. К характеристике турецкого национализма. С. 352.

¹²² Об этой проблематике см. Петрова С. Н. Культурно-историческое наследие как ресурс внешней политики республики // Восток, No. 3, 1998. С. 79-88, Luong Pauline Jones. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia. Power, Perceptions, and Pacts, Cambridge University Press, 2002, Olcott Martha Brill. Central Asia's Catapult to Independence // Foreign affairs, Summer 1992, Olcott Martha Brill. Central Asia: The Calculus of Independence // Current History, October, 1995. P. 337-342, Graham E. Fuller. Central Asia: The Quest for Identity // Current History, April 1994. P. 145-149.

Глава 2

¹ Более подробно об этом см. Сафрастян Р. Значение изучения армяно-турецких отношений для современной теории международных отношений: предварительные замечания // Страны и Народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 21. Ереван, 2002. С. 147.

² The Official Journal of the European Communities, No. (190/119), Droshak, English Supplement, January, Athens, 1988. P. 18-19.

³ Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Internal Conflict Becomes International // RFE/RL Research Report, 13 March 1992. P. 2, Нагорный Карабах, HU-OSA,

300/80/1/15.

⁴ Заседание Верховного Совета Арм. ССР, 23.06.1989, см. Дрошак, Афины, 05.07.1989, Манукян В. Армянская мечта в тупиках выживания. Ереван, 2002. С. 7-8, (на арм. яз.).

⁵ Тер-Петросян Л. Избранное. Выступления. Статьи. Интервью. Ереван. 2006. С. 273, 279 (на арм. яз.).

⁶ Armenia at the Crossroads. Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era, edited by Gerard J. Libaridian, Blue Crane Books, Watertown, 1991. P. 2, 156, Hunter T. Shireen. The Transcaucasus in Transition. Nation-Building and Conflict. P. 24, 44.

⁷ Libaridian J. Gerard. Armenia at the Crossroads. Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era Watertown, Blue Crane Books, 1991. P. 43, 73.

⁸ Hunter T. Shireen. The Transcaucasus in Transition. P. 44.

⁹ Республика Армения, 12.11.1991.

¹⁰ Четерян В. Малые войны и большая игра. Ереван, Кавказский институт СМИ, 2003. С. 22.

¹¹ Akcam Taner. Turkish-Armenian Relations: Problems, Obstacles and Possibilities. A Proposal for a Turkish-Armenian Dialogue Project. P. 31.

¹² Аргументы и факты, 11.05.1991, цитата по Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XXI века. С.366.

¹³ Независимая газета, 14.05.1991, Hürriyet, 14.05.1991.

¹⁴ Независимая газета, 16.05.1991.

¹⁵ См. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XXI века. С. 366, Куртов А., Халмухамедов А. Армения-Турция: противостояние или сотрудничество? // Армения: проблемы независимого развития. М., РИСИ, 1998. С. 451-452.

¹⁶ Зеркало мировой прессы, No. 46, 27 ноября – 03 декабря, 1991.

¹⁷ Ованнисян Н. Армения как фактор закавказского, ближневосточного геополитического региона // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 18. Ереван, 1999. С. 26 (на арм. языке).

¹⁸ Hovhannisyan N. The Karabakh Problem. Factors, Criteria, Variants of Solution. Yerevan, 1999. P. 53-54.

¹⁹ L'interview de Taner Akcam a "Milliyet" // Les Nouvelles d'Armenie. Paris, Novembre, No. 7, 1995. P. 23.

²⁰ См. Азг, 12.02.1992.

²¹ Золян С. Нагорный Карабах. Проблема и конфликт. С. 180-181.

²² Elizabeth Fuller. Nagorno Karabakh: Can Turkey Remain Neutral? // RFE/RL Research Report, April 3, 1992. P. 38, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.

²³ Goldenberg Suzanne. Pride of Small Nations. С. 149.

²⁴ Дрошак, No. 11, 23.09.1992. С. 27.

²⁵ Henze B. Paul. Turkey and Armenia. Post problems and future prospects // Eurasian studies. Ankara, Vol. 3, 1996, Spring, No. 1. P. 48.

²⁶ Чакрян А. Карабахская проблема в контексте армяно-турецких взаимоотношений. С. 29.

- ²⁷ Куртов А., Халмухамедов А. Армения-Турция: противостояние или сотрудничество? С. 451.
- ²⁸ Hürriyet, 16.06.1992.
- ²⁹ См. Hürriyet, 25.10.1993, Türkiye, 20.02.1994, Terrorist leader Abdullah Ocalan reported to be in Lachin, Turkish Daily News, 17.03.1994. См. также Armenien eine "unheilige Allianz mit PKK" // Neue Zürcher Zeitung, 21.04.1994.
- ³⁰ Республика Армения, 21.05.1992.
- ³¹ С 2002 г. - Организация договора о коллективной безопасности СНГ.
- ³² Независимая газета, 23.06.1992.
- ³³ Республика Армения, 22.04.1992. В письме (от 16 июля 1993 г.) МИД РА, адресованном турецкому МИД, говорилось, что запрет армянских авиарейсов через воздушное пространство Турции «...не способствует укреплению добрососедских взаимоотношений и дает повод для формирования неуместного общественного настроения к армяно-турецким отношениям». См. Письмо Министерства иностранных дел РА МИД Турции, 10/2/96, Архив МИД РА, дело 291, л. 17.
- ³⁴ Dawisha Karen, Parrott Bruce. Russia and the New States of Eurasia. The Politics of Upheaval, Cambridge University Press, 1995. P. 192.
- ³⁵ Там же. С. 192.
- ³⁶ Fuller Elizabeth. The Thorny Path to an Armenian-Turkish Rapprochement // RFE/RL, Research Report, Vol. 2, No. 12, 19 March, 1993, Slavic, Baltic&Eurasian Archive, Турция, HU-OSA, 300/80/1/15.
- ³⁷ Suzanne Goldenberg. Pride of Small Nations. P. 54-55, de Waal Thomas. Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New York and London, New York University Press, 2003. P. 213.
- ³⁸ Turkey Rejected EU Request to Open Border With Armenia, 11.11.1994, Slavic, Baltic&Eurasian Archive HU-OSA, 300/80/3 box II.
- ³⁹ См. Aras Bulent. Turkey and Greater Middle East. Istanbul, TASAM publications, 2004. P. 125, 139.
- ⁴⁰ Независимая газета, 18.02.1995.
- ⁴¹ Oskanian Vardan. A New Security Agenda for Armenia // Transitions, Prague, September, 1997. P. 59.
- ⁴² См. Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 141.
- ⁴³ Гюлтекин Б. Пограничное сотрудничество между Турцией и Южным Кавказом: перспективы субрегиональной интеграции, в От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе. Лондон, Международная Тревога, 2004. С. 79.
- ⁴⁴ См. The Stakes of the Opening of Turkish-Armenian Borders. TABDC. Istanbul, 2004.
- ⁴⁵ Куртов А., Халмухамедов А. Армения-Турция: противостояние или сотрудничество? С. 459-460. См также официальный Интернет-сайт Турецко-армянского совета по развитию бизнеса, www.tabdc.org.
- ⁴⁶ К примеру, концерт президентского квартета «Анкара» в Ереване или идеи о совместном восстановлении армянских исторических памятников на территории

- Турции, см. Armenpress, 18.10.2001, Turkish Daily News, 18.05.2002.
- ⁴⁷ НАА, фонд 1, оп. 127, д. 700, лл. 83-84.
- ⁴⁸ См телефонный разговор между заместителем министра иностранных дел РА Арменом Байбурдяном и послом Турции в РФ Наби Шансоем, см. Архив МИД РА, дело 243, оп. 5.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Akçam Taner. Dialogue Across an International Divide: Essays Towards a Turkish-Armenian Dialogue. Toronto, The Zoryan Institute, 2001. P. VI.
- ⁵¹ Droshak, English Supplement January 1988. P. 18.
- ⁵² Текст Декларации о независимости, см. Libaridian J. Gerard. Armenia at the Crossroads. P. 107-110.
- ⁵³ Сафрастьян Р. Значение изучения армяно-турецких отношений. С. 147.
- ⁵⁴ Ghugassian Der Khachik. The Genocide on Armenia's Foreign Policy Agenda // Armenian Forum. Vol. 2, No. 3. P. 63-73.
- ⁵⁵ Республика Армения, 26.12.1991.
- ⁵⁶ Бундестаг принял особую декларацию о Геноциде армян в 2005 г., но термин «Геноцид» не был использован в основном тексте документа, а лишь в приложении.
- ⁵⁷ См. Torbakov Igor. Turkish-Armenian Relations become strained again, <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav101600.shtml>.
- ⁵⁸ В принятой саммитом Европейского Союза (декабрь, 2004 г.) итоговой декларации, определившей повестку переговоров о вступлении Турции в ЕС, не нашлось места пункту о необходимости нормализации отношений с Арменией. Мало сомнений в том, что фактор Геноцида армян, закрытия армяно-турецкой границы будет использоваться общеевропейскими структурами как средство политического воздействия на Турцию в ходе переговорного процесса, с целью приобретения уступок в сферах, напрямую не связанных с нормализацией армяно-турецких отношений.
- ⁵⁹ Сафрастьян Р. Невозможно в 21-м веке создавать барьеры между соседями... Армения и Турция в региональных процессах. Ереван, 2003. С. 41 (на арм. яз.), Giragosian Richard. Turkish-US Relations: The Role of the Armenian Issue // Turkish Policy Quarterly. Vol. 4, No. 1. P. 133.
- ⁶⁰ Тернон Ив. Геноцид армян и армяно-турецкие отношения // Вестник. Армянский институт международного права и политологии. Vol. 1, Москва, 2004. С. 72-73.
- ⁶¹ Ambrosio Thomas. Entangling Alliances: The Turkish-Israeli Lobbying Partnership and Its Unintended Consequences, in Ethnic Identity Groups and U.S. Foreign Policy, Ed. by Thomas Ambrosio, Westport, Connecticut. London, Praeger, 2002. P. 143-167.
- ⁶² Kasim Kamer. Turkish Armenian Reconciliation Commission: A Missed Opportunity // Armenian Studies. Ankara Issue 4, December 2001 – January-February, 2002. P. 265, Независимая газета, 18.07.2001. О деятельности АТКП см также Mooradian Moorad. A new Look at TARC. Watertown, Sierra Press, 2005.
- ⁶³ Kamer Kasim. Turkish Armenian Reconciliation Commission: A Missed Opportunity. С. 257.

⁶⁴ Тернон Ив. Геноцид армян и армяно-турецкие отношения. С. 70-71.

⁶⁵ В заключении анализа Международного центра правосудия переходного периода по вопросу о правомерности применения конвенции ООН по геноциду 1948 г. к событиям 1915 г., говорится: «...События, рассматриваемые в целостности, позволяют утверждать, что они включают все элементы преступления геноцида, как это определено в Конвенции, и таким образом, юристы-ученые, так же как историки, политики, журналисты и другие вправе описывать их впрямь таким образом». См. The Applicability of the United Nations Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide to Events which Occurred During the Early Twentieth Century, См. <http://groong.com/ICTJ-analysis.html> См. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 2, часть 2. С. 548. Следует также отметить, что исключили возможность возникновения ответственности Турции и турок за геноцид на основании Конвенции, мотивируя это тем, что она была принята в 1948 г. и вступила в силу в 1951 г.

⁶⁶ Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 2, часть 2. С. 553-554.

⁶⁷ Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Т. 2, часть 2. С. 536.

⁶⁸ Текст речи см. в www.president.am

⁶⁹ По данным Танера Акчама, ежегодно для этих нужд выделяется 10 миллионов долларов, см. Akcam Taner. Dialogue Across an International Divide. P. 14. См. также Rubin Amy Magaro. Critics Accuse Turkish Government of Manipulating Scholarship // The Chronicle of Higher Education, October 27, 1995. Более подробно об отрицании и фальсификации исторического факта Геноцида армян см. Dadrian N. Vahakn. The Key Elements in the Turkish Denial of the Armenian Genocide: A Case Study of Distortion and Falsification. Toronto, The Zoryan Institute, 1999.

⁷⁰ Араз Бюлент, Каракаш-Келеш Хавва. Армяно-турецкие отношения: критический анализ // Центральная Азия и Кавказ, No. 4 (22), 2002. С. 125, 129.

⁷¹ См. Независимая газета, 21.04.2001.

⁷² См. Независимая газета, 20.11.1999.

⁷³ См. Соголовский М. Турки хотят научить американцев и англичан защищать свободу // Евразия сегодня, No. 6, апрель 2002. С. 54.

⁷⁴ Заметим, что после ноябрьских парламентских выборов 2002 г. министр иностранных дел Турции Яшар Якыш заявил, что «мы будем считаться с озабоченностью Азербайджана по поводу турецко-армянского сотрудничества. Но если наши экономические интересы потребуют установить отношения с Арменией, мы это сделаем». См. Turkish Daily News, 17.12.2002. Это заявление официальный Ереван воспринял с подчеркнутым удовлетворением. Однако Турция продолжала избегать возможного улучшения отношений с Арменией, всячески оглядываясь на реакцию Азербайджана.

⁷⁵ Libaridian Gerard. Вызовет ли Challenge of Statehood: Armenian Political Thinking Since the Independence, Blue Crane Books, Cambridge, 1999. P. 113.

⁷⁶ Libaridian Gerard. Modern Armenia: People, Nation, State. New Brunswick (USA) and London, Transaction Publishers, 2004. P. 195.

⁷⁷ Giragosian Richard. Turkish-US Relations. С. 128.

⁷⁸ Интервью Директора института Востоковедения НАН РА Р. Сафрастяна www.regnum.ru/news/938642.html, 13:38, 28.12.2007.

⁷⁹ Hofmann Tessa. Armenians in Turkey Today. A Critical Assessment of the Situation of the Armenian Minority in the Turkish Republic. Uppsala, FAAE, 2003. P. 2, Независимая газета, 19.03.1992, Armenians in Turkey Receive Threatening Letters, Reuter, 28.10.1994, Slavic, Baltic & Eurasian Archive, HU-OSA, 300/80/3 box II.

⁸⁰ Hofmann Tessa. Armenians in Turkey Today. P. 16, Akcam Taner. Dialogue Across an International Divide. P. 3.

⁸¹ Akcam Taner. Dialogue Across an International Divide. P. 29.

⁸² С. Тапасов. Закавказье – общая игра Москвы и Анкары <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1322466.html#ixzz0w7XsVNYz>

⁸³ Осканян В. Незавершенная декада. Ереван, «Фонд Сивилитас», 2009. С. 294-295. (на арм. яз.)

⁸⁴ Коджаман О. Политика Турции и России на Кавказе. С. 142.

⁸⁵ Горгулу А. Армяно-турецкие отношения: вечный тупик? Кавказское соседство, в Турция и Южный Кавказ. Ереван, Кавказский институт, 2008. С. 155.

Глава 3

¹ НАА, ф. 1, оп. 127, д. 537, л. 39.

² В частности, один из лидеров Народного фронта Азербайджана Неймат Панахов регулярно встречался с резидентом турецкой разведки. Об этом заявил Евгений Примаков во время визита в Баку летом 2004 г. См. Эхо, Баку, 27.07.2004.

³ Речь идет о Севрском договоре, подписанном 10 августа 1920 г., согласно которому после определения Соединенными Штатами границы между Турцией и Арменией, предусматривалось полностью или частично передать Армении территории Эрзерумского, Трапезундского, Ванского и Битлисского вилайетов и обеспечить выход Армении к морю (ст. 89 и 90). См. Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828-1923 гг.). Под ред. Джона Киракосяна. Ереван, «Айастан», 1972 (на арм. яз.).

⁴ См. Milliyet, 25.03.1988.

⁵ НАА, ф. 1, оп. 127, д. 536, лл. 13-14.

⁶ Там же, л. 14.

⁷ Turkey has nothing to do with Azerbaijan, Munich, December 21, 1988, (RLIMU/Erkin Alptekin), F575, RL Research, Red Archive, HU-OSA, 300/80/1/944.

⁸ Aydin Mustafa. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and the Caucasus // Turkish Studies, Vol. 5, No. 2, Summer 2004. P. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Reese William. Turkish Claims to Say in the Status of Nakhichevan // RFE/RL Research institute, RL 136/88, March 28, 1988. P. 1, Krasny Arkhiv, Armenia, HU-OSA,

- 300/80/1/49.
- ¹¹ НАА, ф. 1, оп. 127, д. 784, л. 7.
- ¹² Там же, см. также НАА, ф. 1, оп. 127, д. 784, лл. 7-8.
- ¹³ Chipaux Françoise. Ankara a pris garde de ne pas compromettre ses relations avec Moscou // *Le Monde*, 03.02.1990, НАА, ф. 1, оп. 127, д. 784, л. 92.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См. *Milliyet*, 25.01.1990.
- ¹⁶ См. *Milliyet*, 21.01.1990.
- ¹⁷ Borovali Fuat. Azerbaijan: From Trauma to Transition, in *Nationalism and the Breakup of an Empire. Russia and Its Periphery*, ed. by Miron Rezun. London, Praeger, 1992, P. 116.
- ¹⁸ RFE/RL Reports on the USSR January 19, 1990. P. 29-28, HU-OSA, 300/8/38/box 1.
- ¹⁹ См. *Milliyet*, 19.01.1990.
- ²⁰ Зеркало мировой прессы, 27.11–04.12.1990.
- ²¹ См. *Азг*, 24.07.1991.
- ²² Заявление представителя Турции в НАТО, ТАСС, 28 января, см. НАА, ф. 1, оп. 127, д. 784, л. 67.
- ²³ См. *Hürriyet*, 26.09.1991, *Азг*, 05.10.1991, Золян С. Нагорный Карабах. Проблема и конфликт. С. 124, Ataöv Türkçaya. Turkey, the CIS and Eastern Europe, in *Turkey and Europe*, ed. By Canan Balkır and Allan M. Williams. London and New York, Pinter Publishers Ltd, 1993. P. 202.
- ²⁴ Бакинский рабочий, 05.09.1991.
- ²⁵ Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника, Часть 5, январь 1993 г. – июль 1995 г. Ереван, «Гитутюн», 1997. С. 75.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Мустафа А. Турецкая политика в отношении Кавказа 2007 г. С. 176.
- ²⁸ Данилин И. В. Турция и Иран в Закавказье – возрождение турко-персидского противостояния в регионе // *Кавказский сборник*. Т. 2. М., 2005. С. 332.
- ²⁹ Бжезинский Ж. Великая шахматная доска. М., «Международные отношения», 1998. С. 62.
- ³⁰ Suha Bolukbasi. Ankara's Baku-Centered Transcaucasia Policy: Has It Failed? // *The Middle East Journal*, Vol. 51, No. 1, Winter, 1997. P. 81.
- ³¹ См. *Азг*, 24.02.2001.
- ³² *Азг*, 11.12.1991, Республика Армения, 30.11.1991, Hale William. Turkey, the Black Sea and Transcaucasus, in *Transcaucasian Boundaries*. New York, St. Martin's Press, 1996. P. 62.
- ³³ Fuller Elizabeth. Nahorno-Karabakh: Internal Conflict Becomes International, 13.03.1992 // RFE/RL Research Report, HU-OSA, 300/80/1/15., См. также Budak Mustafa. Azerbaijan-Ermenistan İlişkilerinde Dağlık Karabağ Meselesi ve Türkiye'nin Politikası // *Kafkas Araştırmaları*, II, İstanbul, 1996. S. 133-134.
- ³⁴ Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Internal Conflict Becomes International // RFE/RL Research Report, 13 March 1992. P. 2, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.

- ³⁵ См. Aydin Mustafa. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // *Central Asian Survey*. Vol. 15, No. 2, 1996. P. 168.
- ³⁶ *Азг*, 25.04.1992.
- ³⁷ Bezanis Lowell. Soviet Muslim émigrés in the Republic of Turkey // *Central Asian Survey*. Vol. 13, No. 1, 1994. P. 63.
- ³⁸ *Азг*, 23.06.1992. По данным турецкой газеты *Turkish Daily News*, 51 процент опрошенных в Турции были против вовлечения Турции в зону армяно-азербайджанского противостояния, 38 процентов высказались за военное вмешательство. В то же время 70 процентов турецких респондентов турецкую политику в отношении Армении характеризовали как «чрезмерно мягкую». См. Республика Армения, 20.05.1992.
- ³⁹ Kovalskaya G. During Wartime Democracy Doesn't Fare Well // *New Time International*, No. 27, 1992. P. 7.
- ⁴⁰ *Азг*, 12.02.1992.
- ⁴¹ *Азг*, 07.03.1992.
- ⁴² Он, в частности, отметил: «Армяне не должны забывать, что они с трех сторон окружены тюрками и судьбой обречены жить по соседству с ними», см. Комсомольская правда, 10.07.1991.
- ⁴³ Scott A. Jones. Turkish Strategic Interests in the Transcaucasus, in *Crossroads and Conflict. Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*. New York-London, Routledge 2000. P. 61.
- ⁴⁴ *Азг*, 07.03.1992.
- ⁴⁵ Scott A. Jones. Turkish Strategic Interests in the Transcaucasus. P. 61.
- ⁴⁶ де Пау Фредди. Политика Турции на Кавказе // *Спорные границы на Кавказе*. М., «Весь мир», 1996. С. 203.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Независимая газета, 13.05.1992.
- ⁴⁹ Poulton Hugh. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Republic. London, Hurst&Company, 1997. P. 288.
- ⁵⁰ Независимая газета, 14.05.1992, *Milliyet*, 09.03.1992, *Milliyet*, 15.03.1992.
- ⁵¹ Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Can Turkey Remain Neutral? // RFE/RL Research Report, April 3. P. 38, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.
- ⁵² Cornell E. Svante. Turkey's Prospects in the Nagorno-Karabakh Conflict and Its Regional Implications // *Marco Polo*, No. 4-5, 1998. P. 2, Fuller Elizabeth. Nagorno Karabakh: Can Turkey Remain Neutral? P. 38, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15, Tercuman, 07.03.1992.
- ⁵³ *Turkish Daily News*, 29.10.1993, ТАСС, 28.10.1993.
- ⁵⁴ Aliyeva Leila. The Institutions, Orientations, and Conduct of Foreign Policy // *Post-Soviet Azerbaijan, Making of Foreign Policy in Russia and the New States of Eurasia*, editors Adeed Dawisha and Karen Dawisha. New York, M. E. Sharpe. 1995. P. 298.
- ⁵⁵ Независимая газета, 21.05.1992, *Hürriyet*, 23.05.1992.
- ⁵⁶ *Washington Times*, 04.09.1993, см. Hovhannisyan Nikolay. The Karabakh Problem. Factors, Criteria, Variants of Solution. P. 52, *Milliyet*, 07.03.1992, *Правда*, 09.03.1993.

См. также Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Aksin, University of Utah Press, 2010. P. 774, Budak Mustafa. Azerbaijan-Ermenistan İlişkilerinde Dağlık Karabağ Meselesi ve Türkiye'nin Politikası. С. 135.

⁵⁷ Fuller Elizabeth. Nagorno Karabakh: Can Turkey Remain Neutral? P. 37, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.

⁵⁸ См. Human Rights Advocates. Nagorno-Karabagh. Working Paper Submitted to the UN Economic and Social Council, Fiftieth Session 31 January to March 11, 1994. P. 22, Hovannisian G. Richard. Historical Memory and Foreign Relations. The Armenian Perspective // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia, Ed: S. Frederick Starr, M. E. Sharpe, Armonk, New York, London, 1994. P. 255.

⁵⁹ Türkiye, 16.04.1993, см. Tessa Hofmann. Armenians in Turkey. С. 20.

⁶⁰ Chorbajian Levon. Donabedian Patric, Mutaftian Claude. The Caucasian Knot. The History and Geopolitics of Nagorno – Karabagh. London-New Jersey, Zed Books, 1994. P. 33, Les nouvelles d'Arménie, numero 0, juin, 1992. P. 32.

⁶¹ См. New Times International, No. 16, 1993. P. 24.

⁶² См. Коджаман О. Политика Турции и России на Кавказе. С. 124.

⁶³ Атлас, 11.05.1992, No. 19.

⁶⁴ Hale William. Turkey, the Black Sea and Transcaucasia. P. 62, Mufti Malik. Daring and Caution in Turkish Strategic Culture. Republic at Sea. New York, Palgrave Macmillan, 2009. P. 112.

⁶⁵ Turkish Daily News, 14.04.1993.

⁶⁶ Cornell Svante. Great Powers and Small Nations. P. 313.

⁶⁷ Önis Ziya. Turkey and Post-Soviet States: Potential and Limits of Regional Power Influence // Middle East Review of International Affairs, Vol. 5, No. 2, Summer 2001. P. 71.

⁶⁸ Айбнер Дж., Кокс К. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе. С. 31.

⁶⁹ См. Carment David and James K. Patrick. Third Party States in Ethnic Conflict: Identifying the Domestic Determinants of Intervention, in Ethnic Conflict and International Politics: Explaining Diffusion and Escalation, Edited by Steven E. Lobell and Philip Mauceri, Palgrave Macmillan 2004. P. 23.

⁷⁰ Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ, 2003. С. 168-169.

⁷¹ Авагян А. Позиция Турции - как покровителя мусульман в ходе Московской конференции // Проблема Нахиджевана в русско-турецком договоре 16 марта 1921 г., (материалы конференции). Ереван, 2001. С. 47 (на арм. яз.).

⁷² Газета Ас Сафир, Бейрут, 10.06.1980, цитата по Симонян Г. Из истории армяно-турецких отношений. Ереван, Айастан, 1991. С. 554-555 (на арм. яз.).

⁷³ Winrow Gareth. Turkey and the Caucasus. Domestic Interests and Security Concerns. London, The Royal Institute of International Affairs, 2000. P. 9.

⁷⁴ Аль-Байан, Абу-Даби, 17.09.1989, цитата по Надеин-Раевский В. Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // Мировая экономика и меж-

дународные отношения, No. 4, 1994. С. 45.

⁷⁵ Pipes Daniel. Moscow's next Worry: Ethnic Turks // The New York Times, 13.02.1990.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Егоров В. К. Россия и Турция: линия противоречий // Ближний Восток и современность, Вып. 9. М., 2000. С. 325-326.

⁷⁸ Nadein-Raevsky Viktor. Turkophone Peoples in the Historic Path of Russia // The Southeast European Yearbook 1992. Athens, 1993. P. 22.

⁷⁹ Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., Академия гуманитарных исследований, 2002. С. 4.

⁸⁰ Там же. С. 12.

⁸¹ Historical Dictionary of Azerbaijan, by Swietochowski T. and Collins C. Brian, The Scarecrow Press, Inc, Lanham, Maryland, and London 1999. P. 131.

⁸² См. Оганесян Э. Век борьбы. Т. 2. Мюнхен-Москва, Феникс, 1991. С. 584.

⁸³ Huntington P. Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order, New York, Simon&Schuster, 1996. P. 146.

⁸⁴ Там же. С. 178.

⁸⁵ Der Spiegel, 23.12.1991, in Dietrich Jung, Piccoli Wolfango. Turkey at the Crossroads. Ottoman Legacies and a Greater Middle East. London – New York, Red Books, 2001. P. 176.

⁸⁶ Fuller E. Graham. Turkey Faces East. New Orientations Toward the Middle East and the Old Soviet Union, RAND, 1992, Fuller E. Graham, Lesser O. Ian. Turkey's New Geopolitics, From the Balkans to Western China. San Francisco, Oxford, Westview Press, Boulder, 1993, Winrow Gareth. Turkey and the Former Soviet South, RIIA, London 1995, еро же Turkey and the Caucasus, London, RIIA, 2000, Turkey's New World. Changing Dynamics in Turkish Foreign Policy, ed. by Alan Makovsky and Sabri Sayari, The Washington Institute for Near East Policy, 2000.

⁸⁷ См. Юнусов А. Ислам в Азербайджане, Баку, «Заман», 2004. С. 179.

⁸⁸ The Independent, 31.10.1990, Муталибов А. Мы предпочитаем турецкую модель // За рубежом, No. 44, 1991. С. 3, Чернявский С. И. Новый путь Азербайджана. С. 227.

⁸⁹ Тиби Бассам. Турция после Кемаля // International Politik, 1998, No. 1, см. <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/1998-01/article02.html>, Архив автора.

⁹⁰ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 87.

⁹¹ См. Horowitz Shale. Explaining Post-Soviet Ethnic Conflicts: Using Regime Type to Discern the Impact and Relative Importance of Objective Antecedents // Nationalities Papers, Vol. 29, No. 4. P. 633.

⁹² Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. М., 1993, No. 2. С. 6.

⁹³ См. Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act of 1992 (Freedom Support Act). US Public Law 102-511, 102d Cong. 3d session, 24 October 1992, Croissant P. Michael. The Armenia-Azerbaijan Conflict.

Causes and Implications. Westport, Connecticut, London, Praeger, 1998, Appendix K.
⁹⁴ Айбнер Дж., Кокс К. Война в Нагорном Карабахе. С. 7, 87.

⁹⁵ Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. С. 9.

⁹⁶ Khalizad Zalmay, Lesser O. Ian, Larrabee Stephen. The Future of Turkish-Western Relations. Toward a Strategic Plan. Santa Monica, RAND, 2000. P. 26.

Глава 4

¹ Erik Cornell. Türkiye Avrupa'nın Eşiginde. Istanbul, 1998. S. 171.

² Дрошак, Афины, март 1990 г., цитата по Погосян С. Пантюркизм вчера и сегодня. С. 73.

³ Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим // Общественные науки и современность. М., 1991, No. 6. С. 111.

⁴ Крымско-татарское национальное движение. Москва, ЦИМО 1992, том 1. С. 260-261.

⁵ Симонян Г. Из истории армяно-турецких взаимоотношений. С. 624 (на арм. яз).

⁶ Григорянц В. Е. Армяне Средней Азии. История, современное положение, перспективы. Ереван, 1994. С. 37-38.

⁷ Там же. С. 38-39.

⁸ Голос Армении, 21.01.1992.

⁹ Мухаммеддинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70 е гг. XIX в. — 90 е гг. XX в.). Казань, «Заман», 1996. С. 245.

¹⁰ Варданян А. А. Политика и мораль. М., «Гуманитарий», 1997. С. 259.

¹¹ Азг, 15.04.1992.

¹² Hürriyet, 25.02.1992.

¹³ Hürriyet, 28.02.1992.

¹⁴ Milliyet, 07.03.1992.

¹⁵ Независимая газета, 14.05.1992.

¹⁶ Hürriyet, 13.05.1992.

¹⁷ Hiro Dilip. Between Marx and Muhammad. The Changing Face of Central Asia. London, 1995. P. 122.

¹⁸ Азг, 04.04.1992.

¹⁹ Kazakhstan Muslims to Fight in Karabakh? // RFE/RL Records, HU-OSA, 300/80/1/15, Milliyet, 13.03.1992.

²⁰ Critchlow James. The Ethnic Factor in Central Asian Foreign Policy // National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia, Edited by Roman Szporluk, Armonk, New York, M. E. Sharpe, 1994, P. 277.

²¹ Азг, 25.03.1992.

²² Азг, 02.05.1992, Василева О. Средняя Азия: год после путча. Москва, 1993. С. 28.

²³ Turan Gül, Turan Ilter. Turkey's Emerging Relationship with Other Turkic Republics

// The Political Economy of Turkey in the Post-Soviet Era. Going West and Looking East? Ed. by Libby Rittenberg. Westport, 1998. P. 190.

²⁴ Азг, 22.04.1993.

²⁵ Shaffer Brenda. Borders and Brethren, Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity, MIT Press, Cambridge, Massachusetts. London, 2002. P. 195, Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. С. 343.

²⁶ Hürriyet, 09.03.1992.

²⁷ Tercuman, 04.03.1992.

²⁸ Milliyet, 08.03.1992.

²⁹ Архив автора.

³⁰ Азг, 25.07.1992.

³¹ Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. М., 1993, No. 1. С. 19-20.

³² См. интервью президента Азербайджана А. Эльчибея, Независимая газета, 17.06.1992.

³³ Hürriyet, 26.05.1992, Hale Henri. Islam, State-building and Uzbekistan Foreign Policy // The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands, edited by A. Banuazizi and M. Weiner, Bloomington, Indiana University Press, 1994. P. 167.

³⁴ См. Sokolski Richard, Charlick-Paley Tanya. Look before NATO Leaps into the Caspian // Orbis, vol. 43, No. 2, Spring 1999. P. 290.

³⁵ Экспресс-Daily, No. 32, 3-10.01.1992.

³⁶ Трофимов Д. А. Внешняя политика Ирана и Турции в Центральной Азии (на примере Узбекистана), // Ближний Восток и современность, Сборник статей, Вып. 12. М., ИИИиБВ, 2001. В 2000 г. Президент Узбекистана И. Каримов отозвал узбекских студентов, обучающихся в Турции, и даже отказался встретиться с президентом Турции А. Сезером в здании ООН. Встреча состоялась после того, как И. Каримов получил заверения турецкой стороны, что узбекские диссиденты покинут турецкую территорию. Узбекистан также приостановил выдачу виз турецким студентам, желающим получить образование в вузах Узбекистана. См. Economist, November 25, 2000, Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Aksin. P. 759.

³⁷ См. Cumhuriyet, 28.05.1992.

³⁸ Fuller E. Graham. New Geopolitical Order // The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands. P. 31-32.

³⁹ Независимая газета, 28.10.1992, Hürriyet, 28.11.1992.

⁴⁰ Hürriyet, 28.01.1993.

⁴¹ Milliyet, 09.02.1993.

⁴² Hürriyet, 13.04.1993.

⁴³ Behar Ersanli Busra. Turkism in Turkey and Azerbaijan in the 1990s // Eurasian Studies, Ankara, (1996), vol. 3, No. 3. P. 15.

⁴⁴ Независимая газета, 19.09.2003.

⁴⁵ Winrow M. Gareth. Turkey and the Former Soviet South. P. 24, Петров Н. И. Политическая стабильность в условиях командно-административного режима //

Постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения. М., «Восточная литература», 1998. С. 105-106.

⁴⁶ Уразова Е. И. Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. М., ИИИБВ, 2003. С. 111, Yalcin Rasul. The Rebirth of Uzbekistan. Politics, Economy and Society in the Post-Soviet Era, Durham Middle East Monograph Series, London, Ithaca Press. 2002. P. 252.

⁴⁷ Ali M. Koknar. Turkey's Security Relations in Central Asia // Eurasia in Balance. The US and the Regional Power Shift, ed. By Ariel Cohen, Ashgate, 2005. P. 104. В организации взрывов в Ташкенте и попытки переворота принимали участие лица, работавшие в Турецком агентстве по сотрудничеству и развитию. См. Aras Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // Turkish Studies, Vol. 1, No. 1, Spring, 2000. P. 44.

⁴⁸ Koknar Ali M. Turkey's Security Relations in Central Asia // Eurasia in Balance. The US and the Regional Power Shift, ed. By Ariel Cohen, Ashgate, 2005. P. 120.

⁴⁹ Джуварли Тогрул. Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей // Азербайджан и Россия: Общества и государства, М., 2001. С. 406, см. также Sabahli Farian. Oil Diplomacy in the Caspian: The Rift Between Iran and Azerbaijan in Summer 2001 // The OSCE and the Multiple Challenges of Transition. The Caucasus and Central Asia, edited by Farian Sabahli and Daniel Warner, Aldershot, Hants, England, Ashgate, 2004, P. 131-148.

⁵⁰ Независимая газета, 04.03.2000.

⁵¹ Гусейнов Вагиф. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М., «Олма-пресс». С. 219, Valiyev Anar Azerbaijan-Turkmen Relations: Quarreling Brothers // Central Asia Caucasus Analyst, July 31, 2002

⁵² Папазян А. Армянский вопрос и геноцид. Ереван 2000. С. 23 (на арм. яз.).

⁵³ Эхо, Баку, 28.04.2001.

⁵⁴ Независимая газета, 13.02.2001.

⁵⁵ Независимая газета, 03.11.1992.

⁵⁶ Goldenberg Suzanne. Pride of Small Nations. P. 51.

⁵⁷ Независимая газета, 03.11.1992.

⁵⁸ Азг, 02.07.1992.

⁵⁹ Türkiye, Istanbul, 09.04.1992, см. Hale Henry. Islam, State-building and Uzbekistan Foreign Policy. P. 148.

⁶⁰ Tütüncü Mehmet. Turkey's Foreign Policy in the Caucasus // Turkestan Newsletter, Vol. 97-1:14a, Special Analysis Issue, 23 June 1997.

⁶¹ См. Fuller Elizabeth. Azerbaijan at the Crossroads. P. 15.

⁶² Tunander Ola. A New Ottoman Empire? P. 419.

⁶³ Интервью с научной сотрудницей Института востоковедения Академии Наук Азербайджана Э. Гасановой, Cumhuriyet, 06.07.1992, см. Дрошак, 12.08.1992. С. 39.

⁶⁴ Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. М., 1992, No. 12. С. 9-10.

⁶⁵ Milliyet, 27.01.1994.

⁶⁶ Winrow M. Gareth. Turkey in Post-Soviet Central Asia. P. 20.

⁶⁷ См. Kechichian A. Joseph and Karasik W. Theodore. The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic // Middle East Policy, Vol. IV, No. 1-2, September 1995. P. 63, Об участии афганских наемников в Карабахской войне см. последнюю главу третьего раздела настоящей работы.

⁶⁸ Turkish Daily News, 30.08.1993.

⁶⁹ Kechichian A. Joseph and Karasik W. Theodore. The Crisis in Azerbaijan: How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic. P. 64.

⁷⁰ Elizabeth Fuller. Azerbaijan at the Crossroads. P. 15.

⁷¹ Turkish Daily News, 19.01.1994, Азг, 27.01.1994.

⁷² Turkish Daily News, 19.01.1994.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. С. 433-434.

⁷⁵ Ankara: Turkey has no Pan-Turkist Intentions with Summit // Deutsche Presse-Agentur, 18.10.1994.

⁷⁶ Documents d'actualité internationale, Paris, 1995, 15 janvier, No. 2. P. 68.

⁷⁷ Уразова Е. Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ, М., ИИИБВ, 2003. С. 22.

⁷⁸ Winrow M. Gareth. Turkey in Post-Soviet Central Asia. P. 30.

⁷⁹ Turkish Daily News, 29.08.1995.

⁸⁰ В 1993 г. в Азербайджане арестовали турецкого студента, который обвинялся в связях с турецкой организацией «Серые волки», готовящей покушение на президента Алиева. См. Эхо, 26.04.2001, см. также интервью с Г. Алиевым, Независимая газета 14.03.1993.

⁸¹ Независимое военное обозрение, 09.01.1998. По утверждению американского журналиста Томаса Гольца, Анкара сыграла определяющую роль в передаче власти от А. Эльчибея Г. Алиеву после оказания С. Демирелем решающего давления на Эльчибея в этом вопросе. См. Goltz Thomas. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic, M. E. Sharpe, Armonk, New York, London, 1998. P. 366-368.

⁸² Turkish Daily News, 14.04.1995, Historical Dictionary of Azerbaijan. P. 101. По обвинению в причастности к попытке мартовского переворота 1995 г. к уголовной ответственности был привлечен также гражданин Турции, президент азербайджано-турецкого СП Кянан Гюрель. В обвинительном заключении Верховного суда Азербайджана упомянут и заместитель главы Совета национальной безопасности Турции Ялчын Эркан. Ключевую роль в организации переворота сыграли также сотрудники посольства, в том числе и советник по религиозным делам Абдургадир Севгин. Имелись также данные о причастности к перевороту экс-посла Турции в Баку Алтана Караманоглу, вскоре после подавления переворота отозванного МИД Турции на родину. См. Независимое военное обозрение, 09.01.1998.

⁸³ Winrow M. Gareth. Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and

the Transcaucasus // *Middle East Review of International Affairs*, Volume 1, No. 2 – July 1997 <http://meria.idc.ac.il/journal/1997/issue2/jv1n2a5.html>, Hoffman I. David. Azerbaijan: The Politicization of Oil // *Energy and Conflict in Central Asia and the Caucasus*, ed by Robert Ebel and Rajan Menon, London, New York, Rowman&Lillefield Publishers, INC. P. 74.

⁸⁴ Независимое военное обозрение, 09.01.1998.

⁸⁵ Мурадян И. Политика США и проблемы безопасности региона Южного Кавказа. Ереван, «Антарес», 2000. С. 13.

⁸⁶ Cumhuriyet, 23.06.1996, цитата по Фейган М. Закавказский узел // *Новый мир*, 1998, No. 8. С. 147.

⁸⁷ Независимое военное обозрение, 09.01.1998.

⁸⁸ The Daily Telegraph, London, 08.09.1993, см. также Cornell Svante. *Small Nations, Great Powers*. P. 299-300.

⁸⁹ Эхо, 26.04.2001.

⁹⁰ Казахстанская правда, 06.10.2009, <http://news.day.az/politics/175148.html>

⁹¹ 16 сентября 2010 г. в Стамбуле прошел X саммит глав тюркоязычных стран, на котором было принято решение о преобразовании формата сотрудничества в региональную организацию. В организацию вошли Азербайджан, Турция, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан. Была также утверждена структура секретариата Совета сотрудничества тюркоязычных стран (ССТС) и избран его генеральный секретарь. Этот пост занял бывший посол Турции в России Халил Акынджи. Лидеры тюркских государств также решили отмечать 3 октября как День сотрудничества тюркоязычных государств (Turkish Speaking States Cooperation Day). Решение о создании ССТС было принято на саммите, прошедшем 3 октября 2009 г. в Нахиджеване. 29 сентября 2009 г. в столице Азербайджана прошло первое заседание Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ПАТС), завершившееся подписанием Бакинской декларации. См. Азербайджан, Турция, Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан создают региональную организацию. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174346/>, Зеркало, 17.09.2010.

⁹² Архив автора. В резолюции Антальянского съезда отмечается, что позиция всех тюркоязычных государств по карабахскому вопросу едина: «Армения без всяческих предусловий должна покинуть оккупированные азербайджанские территории». В документе говорилось также, что «Тюркоязычные государства приложат максимальные усилия для возвращения миллиона азербайджанских беженцев в свои дома». Далее отмечается, что в случае если «Армения не освободит оккупированные земли Азербайджана, весь тюркоязычный мир силлотит свои усилия в данном направлении». См. Форум тюркоязычных государств призвал Армению «немедленно покинуть оккупированные земли Азербайджана», <http://www.regnum.su/news/polit/709163.html>

⁹³ Uzer Umut. *Identity and Turkish Foreign Policy*. P. 159, 182.

Глава 5

¹ См. Quotidien de Paris, 29.07.1991, см. Азг, 11.09.1991.

² Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Internal Conflict Becomes International, March 13, 1992, RFE/RL Research Report, HU-OSA, 300/80/1/15.

³ Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника, часть IV. С. 124.

⁴ Казимиров В. Мир Карабаху. С. 68.

⁵ Известия (вечернее московское издание), 12.03.1992.

⁶ Казимиров В. Мир Карабаху. С. 87. См. также Ступишин В. Карабахский конфликт. М., 1998. С. 124,

⁷ Hürriyet, 25.03.1992.

⁸ Jones A. Scott. *Turkish Strategic Interests in the Transcaucasus // Crossroads and Conflict. Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*. New York-London, Routledge, 2000. P. 63.

⁹ Азг, 17.05.2005.

¹⁰ Казимиров В. Мир Карабаху. С. 118-119.

¹¹ Blank J. Stephen, Pelletiere C. Stephen, Johnsen T. William. Turkey's Strategic Position at the Crossroads of World Affairs, US Army War College, December 3, 1993, <http://www.carlisle.army.mil/ssi/pdf/PUB178.pdf>, Архив автора.

¹² BBC: World Broadcasts 10/ 20 // AGBU News attachment, October 15 – October 29, 1993. P. 10A.

¹³ См. Известия, 05.05.1993.

¹⁴ Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника. Часть 5, январь 1993 г. – июль 1995 г. Ереван. С. 267-268.

¹⁵ Turkey seeks Debate on Peacekeepers for Caucasus (Reuter) 27 June, 1994, Slavic, Baltic & Eurasian Archive, HU-OSA, 300/80/3 box II, Турецкий парламент разрешил направить войска в Азербайджан // Эхо, 14.02.2003.

¹⁶ Turkish Daily News, 19.05.1994, Winrow Gareth. Turkey in Central Asia. P. 12.

¹⁷ Зеркало, 17.06.1995.

¹⁸ Hale William. Turkey the Black Sea and Transcaucasus. P. 62.

¹⁹ Mooradian Moorad, Druckman Daniel. Hurting Stalemate or Mediation? The Conflict over Nagorno-Karabagh, 1990-1995 // *Journal of Peace Research*, Vol. 36, No. 6, 1999. P. 710, Рябцев В. Н., Сафарян С. М. «Карабахский узел»: этнонациональный конфликт в аспекте региональной геополитики. Ростов-на-Дону, 1996. С. 34.

²⁰ Казахстанская правда, 05.03.1992.

²¹ Азг, 25.06.1992.

²² Независимая газета, 27.08.1992.

²³ Азг, 01.09.1992.

²⁴ Там же.

²⁵ Независимая газета, 02.09.1992.

²⁶ Там же.

²⁷ Независимая газета, 03.09.1992.

²⁸ Азг, 10.09.1992.

²⁹ Айбнер Дж., Кокс К. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе. С. 11.

³⁰ Азг, 03.10.1992.

³¹ Азг, 13.04.1993.

³² Азг, 02.12.1993.

³³ Азг, 02.03.1992.

³⁴ Казимиров В. Гуманитарная катастрофа в зоне Карабаха была может быть больше, чем ныне вокруг Косово // *Международная жизнь*. М., 1997, No. 5. С. 9-12.

³⁵ В феврале 2010 г. министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу заявил, что Казахстан, как председатель ОБСЕ, должен предпринять важные шаги для урегулирования Нагорно-карабахского конфликта. По этому поводу А. Давутоглу отметил: «С Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым и казахстанским коллегой Канатом Саудабаевым мы подробно обсудили нагорно-карабахскую проблему. В ближайшие дни министр иностранных дел Казахстана в связи с этим посетит Баку и Ереван. Мы готовы совместно действовать с Казахстаном, и Турция ждет от Астаны принятия важных шагов для решения этой проблемы». См. Глава МИД Турции: «Казахстан как председатель ОБСЕ должен предпринять важные шаги для урегулирования нагорно-карабахского конфликта», www.day.az 13 февраля 2010 [20:58]

РАЗДЕЛ III

Глава I

¹ См. Bulut Esra. The Role of Religion in Turkish Reactions to Balkan Conflicts // *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 3, No. 1, Spring 2004. P. 71-83.

² См. History, Politics and Foreign Policy in Turkey, edited by Kılıç Bugra Kanat, Kadir Üstün, Nuh Yılmaz, SETA, Ankara, 2011.

³ Bodansky Yossef. Some call it peace. Waiting For War In The Balkans http://members.tripod.com/Balkania/resources/geostrategy/bodansky_peace/bp_part3.html

⁴ Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. С. 131-132.

⁵ Старовойтова Г. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. Санкт Петербург, «Лимбус Пресс», 1999. С. 113.

⁶ Азимова А., Кувалдин В. Советские мусульмане: поиски своего места в мире // *Независимая газета*. 15.05.1992.

⁷ Трофимов Д. А. Исламский фактор и проблемы внутренней стабильности в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // *Вестник Московского университета*. Серия 13, Востоковедение, 1996. С. 61.

⁸ Milliyet, 19.01.1990, цитата по Погосян С. Пантюркизм вчера и сегодня. С. 69.

⁹ См. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. С. 601-602.

¹⁰ Более подробно см. The Sumgait Tragedy: Pogroms against Armenians in Soviet Azerbaijan, Volume 1, Eyewitness Accounts, Edited by Samvel Shahmuration, New York & Cambridge, Aristide D. Caratzas & Zoryan Institute 1990.

¹¹ Cornell Svante. E. Religion as a Factor in Caucasian Conflict // *Civil Wars*. Vol. 1, No. 3, 1998. P. 12, см. также Tchilingirian H. Religious Discourse and the Church in Mountainous Karabagh 1988-1995 // *Revue du monde armenien modern et contemporain*. Paris, No. 3. 1997.

¹² Данилов В. Турецкий вектор Карабаха // *Правда*. 14.05.1993.

¹³ Независимая газета, 11.06.1992, Республика Армения, 09.07.1992, Fuller Elizabeth. Azerbaijan After the Presidential Elections, RFE/RL Research Report, Vol. 1, No. 26, June 26, 1992. P. 5, Azerbaijan, Slavic, Baltic & Eurasian Arhive, HU-OSA, 300/80/1/1.

¹⁴ Малащенко А. Русский национализм и ислам // Этнические и региональные конфликты в Евразии, кн. 2, Россия, Украина, Белоруссия. М., 1997. С. 19.

¹⁵ Новоселов Д. Реакция в Пакистане на события в Советской Средней Азии и Закавказье (по материалам пакистанской прессы) // *Специальный бюллетень*. No. 3. М., 1991. С. 146-151.

¹⁶ Жданов И. В., Игнатенко А. А. Ислам на пороге XXI века. М., Изд-во политической литературы, 1989. С. 203.

¹⁷ Иванова И. И. Роль Турции в мусульманском мире и политика Запада // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х). М., «Наука», 1987. С. 142.

¹⁸ См. Milliyet, 13.03.1988, цитата по Дрошак, Афины. 27.04.1988. С. 25.

¹⁹ Hunter T. Shireen. Azerbaijan: Searching for New Neighbors, in New States, New Politics: Building the Post-Soviet States, ed. by Ian Bremmer and Roy Taras. London, Cambridge University Press, 1997. P. 447.

²⁰ Демоян Г. Карабахский конфликт и взаимоотношения тюркоязычных государств // *Центральная Азия и Кавказ*, No. 4, 2000. Стокгольм. С. 196-204.

²¹ Азг, 07.03.1992.

²² Milliyet, 08.03.1992.

²³ Независимая газета, 14.03.1992.

²⁴ Атлас, No. 25, 18.06.1990.

²⁵ Kirisci Kemal. New Patterns of Turkish Foreign Policy Behavior // *Turkey: Political, Social and Economic Challenges in the 1990s*. New York, Leiden, E. J. Brill, 1995. P. 4, Коджаман О. Политика Турции на Кавказе. С. 119.

²⁶ Интервью с С. Демирелем, Независимая Газета, 11.03.1994.

²⁷ Об этом более подробно в следующей главе.

²⁸ The Christian Science Monitor, 16.11.1993.

²⁹ Организация Исламская конференция с центром в городе Джидда в Саудовской Аравии включает 57 исламских стран Евразии и Африки и является второй по величине международной организацией после ООН. С 2005 г. Генеральным секретарем ОИК является представитель Турции, профессор Экмеледин Ихсаноглу.

³⁰ Азг, 25.12.1991.

- ³¹ Прусакова Н. Г. Внешнеполитический аспект проблемы мусульманских меньшинств в международных отношениях. С. 152.
- ³² Независимая газета, 16.06.1992.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Независимая газета, 11.06.1992.
- ³⁶ Азг, 14.04.1993.
- ³⁷ Турецкое телевидение, 14.06.1993, см. также Tercuman, 01.12.1993
- ³⁸ The Christian Science Monitor, 12.01.1993.
- ³⁹ Azerbaijan Says Karabakh Issue is Key to Oil Deal // Turkish Daily News, 02.12.1993.
- ⁴⁰ Более подробно в Пашаян А. Организация исламская конференция: цели, деятельность, позиция в отношении Карабахского конфликта. Ереван, «Зангак 97», 2003 (на арм. яз.)
- ⁴¹ См. Байбурдян В. Иран-Азербайджан. Соседи или геополитические и геоэкономические соперники // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. 22. Ереван, 2003. С. 24 (на арм. яз.)
- ⁴² Uzer Umut. Identity and Turkish Foreign Policy. P. 176.
- ⁴³ Shaffer Brenda. Borders and Brethren. Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity, Cambridge, Massachusetts. London, MIT Press, 2002. P. 186.
- ⁴⁴ Азг, 09.07.1993.
- ⁴⁵ Азг, 03.03.1994.
- ⁴⁶ В ходе состоявшейся 24-26 мая 2010 г. в Дамаске 36-й сессии Совета МИД Организации Исламская конференция были приняты резолюции «Об агрессии Армении против Азербайджана», «Об оказании экономической помощи Азербайджану в связи с агрессией Армении против Азербайджана», «Об уничтожении памятников исламской культуры на оккупированных территориях Азербайджана». Принятые с подачи азербайджанской стороны, эти резолюции обошли вниманием факт варварского уничтожения сотен уцелевших от прежних вандалистских действий средневековых армянских надгробий-хачкаров на территории Нахиджеванской Автономной Республики в декабре 2005 г.

Глава 2

- ¹ См. Harris S. George. The Russian Federation and Turkey, in Regional Power Rivalries in the New Eurasia: Russia, Turkey and Iran, ed. Alvin Z. Rubinstein and Oles M. Smolansky. New York-London, M. E. Sharpe, 1995. P. 13.
- ² Asbarez, English edition 27.01.1990, Harris S. George. The Russian Federation and Turkey. P. 13.
- ³ См. Pope Hugh. Azerbaijan Looks to "Blood Brother" Turkey // The Independent. London, 31.10.1990.
- ⁴ Gresh Alain. Nouvelle donne au Prosh-Orient et en Union Sovietique // Le monde diplomatique, Juillet, 1991, P. 16-17, Бакинский рабочий, 06.08.1991, Красная звезда, 03.08.1991.

- ⁵ Азг, 02.11.1991.
- ⁶ Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Can Turkey Remain Neutral? RFE/RL Research Report, April 3. P. 38, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.
- ⁷ Bhatti Robin and Bronson Rachel. NATO's Mixed Signals in the Caucasus and Central Asia // Survival, Vol. 42, No. 3, Autumn, 2000. P. 134.
- ⁸ Necdet Pekmezci, Nurşen Büyükyıldız. Ülkücüler. Öteki Devletin Şehitler. İstanbul, Kaynak Yayınları, 1999. S. 182-187. О деятельности турецких националистов на территории Азербайджана см. также Arpacık Yusuf Ziya. Kan Fırtınası. İhteriş Yayınları. İstanbul, 2005. S. 161-168.
- ⁹ Независимая газета, 29.01.1992, Azerbaijan and Turkey to cooperate in Military Training, Krasniy Arkhiv, RFE/RL Records, HU-OSA, 300/80/1/13.
- ¹⁰ Азг, 29.01.1992.
- ¹¹ См. Известия, 09.03.1992. Следует отметить, что на границе с Арменией была развернута 3-я полевая армия турецких ВС. В ее вооружении находилось тогда свыше 1500 танков, около 2500 орудий и минометов, более 1100 БТР. Поддержку сухопутной группировке оказывало 2-е тактическое авиационное командование (до 270 боевых самолетов). Большое внимание уделялось вопросам возможного ведения психологической войны. В составе 3-й армии имелась специальная рота психологической войны. См. Независимая газета, 17.07.1994.
- ¹² Hürriyet, 20.03.1992.
- ¹³ Bhatti Robin and Bronson Rachel. NATO's Mixed Signals in the Caucasus and Central Asia. P. 134-135. Это соединение, известное под названием «Университетский батальон», было набрано из числа студентов Бакинского университета. Несмотря на протесты турецких инструкторов относительно того, что они не готовы к военным действиям, в мае 1992 г. батальон был переброшен для обороны города Шуши, но потерпел неудачу, понес тяжелые потери и вскоре был расформирован.
- ¹⁴ См. Азг, 29.02.1992, Литературная газета, 23.09.1992. Анкара приобрела у Германии военную технику советского производства на сумму более чем 800 млн долл. При этом истинная цена этого оружия была намного выше, что и послужило причиной крупного правительственного скандала, приведшего к отставке министра обороны ФРГ. Еще через два года, в 1994-м, Анкара закупила у России оружие на сумму 500 млн долл. Все это оружие, общая реальная цена которого превышает 3 млрд долл., было передано Турцией Азербайджану, поскольку турецкая армия, оснащенная по натовским стандартам, в подобных вооружениях совершенно не нуждалась. По данным армянского МИД, только в Нахиджеванской Автономной Республике, непосредственно граничащей с Турцией, к 1997 г. было сосредоточено до 500 единиц бронетехники восточногерманского происхождения. См. Независимая газета, 03.04.1997. Оружие восточногерманского производства использовалось также против курдов. См. Русская мысль, 03.04.1992.
- ¹⁵ Известия (московское вечернее издание), 21.02.1992, Правда, 19.02.1992.
- ¹⁶ Баусин Л. Почему Анкара поддерживает Баку // Азия и Африка сегодня. No. 3, 1993. С. 40-41, Milliyet, 09.07.1992, Daily Telegraph, 07.07.1992, в Fuller Elizabeth. Azerbaijan at the Crossroad. London, RIIA, 1994. P. 8.

- ¹⁷ Михайлов Ф. «Дикие гуси» в Карабахе // Куранты, 19.08.1992.
- ¹⁸ Hürriyet, 13.11.1993.
- ¹⁹ Migdalovitz Carol. Armenia-Azerbaijan conflict CRS Issue Brief, Congressional Research Service, The Library of Congress, updated August 17, 1995. P. 11.
- ²⁰ Arıkan Burak. Turkish Ultra-nationalists Under Review: A Study of the Nationalist Action Party // Nations and Nationalism, Vol. 8, No. 1, 2002. P. 368.
- ²¹ Сегодня, 06.04.1993.
- ²² Известия, 24.10.1992.
- ²³ Milliyet, 21.06.1993. Эта информация впоследствии была подтверждена западным журналистам турецкими официальными лицами. См. Daily Telegraph. London, 21.06.1993, см. также US News&World Report, July 6, 1992.
- ²⁴ Birand Ali Mehmet. Shirts and Steel. An Anatomy of the Turkish Armed Forces. London, New York, I. B. Tauris&Co Ltd, 1991. P. 208-209. Во время суда над бывшим министром обороны Азербайджана Рагимом Газиевым лидер Партии национальной независимости Азербайджана Этибар Мамедов отметил, что весной 1992 г. турецкие спецслужбы организовали через него доставку 500 тыс. американских долларов на оборонные нужды Азербайджана. Далее он сообщил, что в обороне города Шуши принимали участие турецкие офицеры, консультировавшие азербайджанских командиров. См. Зеркало, Баку, 06.09.2002. В других источниках сообщалось о потерях среди турецких офицеров, организовавших оборону города. См. Les nouvelles d'Arménie. No. 2, juin/juillet, 1993. P. 9.
- ²⁵ Мурадян И. Система разведывательных служб Турции и пантюркистские организации // IRAN & CAUCASUS, III-IV Research Papers From the Caucasian Centre for Iranian Studies, Yerevan, 2000, Leiden, 1999-2000. P. 341-342.
- ²⁶ Hürriyet, 19.03.1992.
- ²⁷ Об этом подробнее см. Авагян А. Турция-Азербайджан. Стратегия «Одна нация — два государства» с точки зрения национальной безопасности Армении // «Айкан банак», No. 6. Ереван, 2006 (на арм. яз.)
- ²⁸ Азг, 11.01.1994.
- ²⁹ Литературная газета, 23.09.1992.
- ³⁰ Чакрян А. Карабахский конфликт в контексте армяно-турецких отношений. С. 24-25.
- ³¹ Азг, 25.10.1992.
- ³² Литературная газета, 23.09.1992.
- ³³ Чакрян А. Карабахский конфликт в контексте армяно-турецких отношений. С. 24-25.
- ³⁴ Hale William. Turkey, the Black Sea and Transcaucasia. P. 64. С турецкой стороны, со ссылкой на Московский и Карсский договоры, делались заявления о праве Турции на военную интервенцию в вопросе о статусе Нахиджевана. См. Mustafa Budak. указ. работа. С. 117.
- ³⁵ Красная звезда, 27.05.1992.
- ³⁶ Заявление Президента Армении Левона Тер-Петросяна, 20.05.1992, см. также Республика Армения, 21.05.1992.

- ³⁷ Независимая газета, 22.05.1992, Hürriyet, 25.03.1992, Hürriyet, 22.05.1992, Financial Times. London, 22.05.1992. В это же время советник президента РФ Геннадий Бурбулис заявил, что «не может быть и речи о турецком вмешательстве в Нахичеване», см. Hürriyet, 23.05.1992.
- ³⁸ Независимая газета, 22.05.1992.
- ³⁹ Landau Jacob. Pan-Turkism. From Irredentism to Cooperation. P. 214, Перепелкин Л. С. Армения: современная социально-экономическая и политическая ситуация // Этнографическое обозрение, No. 5, 1992. С. 28.
- ⁴⁰ См. Красная звезда, 23.05.1992.
- ⁴¹ За рубежом, 1992, No. 22. С. 4.
- ⁴² Masih Joseph. Military Strategy in Nagorno Karabagh // Jane's Intelligence Review, October, 1993. P. 461. Об участии турецких военных советников в разработке наступательных операций азербайджанской армии см. Radio «Mayak», June 13, 1992. P. 7, в Fuller Elizabeth. Azerbaijan after the Presidential Elections, RF/RL Research Report, Vol. 1, No. 26, June 26, 1992, HU-OSA 300/80/1/13.
- ⁴³ Айбнер Дж., Кокс К. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе. С. 69.
- ⁴⁴ Hürriyet, 18.05.1992, Fuller Elizabeth. Azerbaijan After the Presidential Elections, RFE/RL Research Report, vol. 1, No. 26, 26 June 1992. P. 7, Slavonic, Baltic&Eurasian Archive, Azerbaidjan, HU-OSA, 300/80/1/13.
- ⁴⁵ Milliyet, 04.08.1992.
- ⁴⁶ Тренин Д. Интересы безопасности и политика России в кавказском регионе // Спорные границы на Кавказе. М., 1996. С. 109, Лакоба Станислав. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период, 1991-2000 гг.) Sapporo/ Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. С. 62.
- ⁴⁷ Известия, 14.05.1993.
- ⁴⁸ Независимая газета, 23.05.1992. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=178>
- ⁴⁹ Cornell E. Svante Turkey and the Conflict in Nagorno Karabakh: A Delicate Balance // Middle Eastern Studies, Vol. 34, No. 1, January, 1998. P. 60.
- ⁵⁰ Азг, 18.11.1992.
- ⁵¹ İkbine Dođru. Istanbul, 20.12.1992, цитата по Human Rights Advocates. Nagorno-Karabagh. Working Paper Submitted to the UN Economic and Social Council, Fiftieth Session 31 January to March 11 1994. P. 6.
- ⁵² Hürriyet, 10.06.1996. См. Также Umut Uzer. Identity and Turkish Foreign Policy. The Kemalist Influence in Cyprus and the Caucasus, London-New York, I. B. Tauris, 2011. PP. 9-10.
- ⁵³ Независимое военное обозрение, 09.01.1998. Подробнее об этом см. в следующей главе.
- ⁵⁴ Сафронов А. Терроризм в кавказском регионе // Независимое военное обозрение, 09.01.1998.
- ⁵⁵ Hürriyet, 25.03.1992.
- ⁵⁶ Goltz Thomas. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-

- Torn, Post-Soviet Republic, Armonk, New York London, M. E. Sharpe, 1998. P. 213.
- ⁵⁷ Hürriyet, 18.05.1992.
- ⁵⁸ Milliyet, 02.04.1992, Milliyet, 16.06.1992, Hürriyet, 26.05.1992.
- ⁵⁹ Turkey Providing Weapons to Nakhichevan? RFE/RL Reports, September 10, 1992, HU-OSA-300/80/1/1054, Азг, 10. 09. 1992, Независимая газета, 12 .09.1992.
- ⁶⁰ Cornell E. Svante. Small Nations and Great Powers. P. 297.
- ⁶¹ Russia and the Commonwealth of Independent States. Documents, Data, and Analysis, Zbigniew Brzezinski, Paige Sullivain (ed.), The Center for Strategic and International Studies, Armonk, New York, London, England, M. E. Sharpe, 1997. P. 605-606.
- ⁶² Независимая газета, 17.04.1993, Hürriyet, 17.04.1993. В мае 1993 г. российские СМИ сообщали, что Турция начала поставки оружия в Азербайджан, и что к этому времени там сражаются 800 турецких военнослужащих. См. Правда, 14.05.1993.
- ⁶³ Азг, 18.08.1993.
- ⁶⁴ Красная звезда, 27.04.1993, Budak Mustafa. указ. работа. С. 122.
- ⁶⁵ Известия, 10.04.1993.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Красная звезда, 17.04.1993.
- ⁶⁸ Эхо, Баку, 14.02.2003.
- ⁶⁹ Hürriyet, 11.04.1993.
- ⁷⁰ Hürriyet, 28.07.1993.
- ⁷¹ Республика Армения, 06.05.1993, Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника, Часть 5. С. 80.
- ⁷² Fuller Liz. Russia, Turkey, Iran and Karabakh Mediation Process RFE/RL Research Institute, February 16, 1994, HU-OSA, 300/80/6/2.
- ⁷³ Itar-Tass 03.12.1993, Human Rights Advocates. Nagorno-Karabagh. P. 8.
- ⁷⁴ Гасратян С. Карабахская война. Ереван, «Амарас», 2001. С. 112-113 (на арм. яз.).
- ⁷⁵ Hürriyet, 11.09.1993, Milliyet, 13.09.1993, Turkish Troops put on Alert on Armenian Border, RFE/RL Records, September 3, 1993, HU-OSA, 300/80/6/2.
- ⁷⁶ Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabagh, Human Rights Watch/Helsinki, New York, 1994. P. 37, The New York Times, 10.09.1993. 4 сентября 1993 г. Совет национальной безопасности решил направить к армяно-турецкой границе танки и войска, с целью оказания давления на Москву и Ереван, о чем последние были официально уведомлены. Кроме того, премьер-министр Тансу Чиллер под влиянием военных публично заявила о возможности войны с Арменией в случае если та предпримет наступление. См. Коджаман О. Политика Турции и России. С. 96.
- ⁷⁷ London Times, 03.09.1993.
- ⁷⁸ Chrysanthopoulos T. Leonidas. Caucasus Chronicles. Nation-Building and Diplomacy in Armenia, 1993-1994. Princeton and London, Gomidas Institute Books, 2002. P. 76-78.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Alieva Leila. The Institutions, Orientations, and Conduct of Foreign Policy in Post-Soviet Azerbaijan, Making of Foreign Policy, in Russia and the New States of Eurasia,

- editors Adeed Dawisha and Karen Dawisha, M. E. Sharpe, N. Y. 1995. P. 298, Turkish Daily News. 07.09.1993.
- ⁸¹ Russia and the Commonwealth of Independent States. Documents, Data, and Analysis. P. 605-606, 615-616.
- ⁸² Hürriyet, 01.11.1993, Hürriyet, 03.11.1993, Независимая газета, 04.11.1993, Сегодня, 18.11.1993, см.: Чернявский С. И. Азербайджан и Турция – стратегическое партнерство // Независимый Азербайджан: новые ориентиры, под ред. Е. М. Кожокина. Т. 2. М., РИСИ, 2000. С. 173-188, Azerbaijan Asks Turkey for more Military Training, RFE/RL Records, 30.12.1993, HU-OSA, 300/80/6/3.
- ⁸³ Газета Aydınlık, Istanbul, 05.09.1993, в «1640 Turkish Military Personal Dismissed», FBIS-SOV-93-72, September 8, 1993. P. 91, Цитата по Kechichian A. Joseph and Karasik W.Theodore. The Crisis in Azerbaijan; How Clans Influence the Politics of an Emerging Republic // Middle East Policy, Vol. IV, No. 1&2, September 1995. P. 64, Cornell E. Svante. Small Nations and Great Powers. P. 293, Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Aksin, The University of Utah Press, 2010. P. 770.
- ⁸⁴ Hürriyet. 13.10.1993.
- ⁸⁵ Азг, 28.01.1994.
- ⁸⁶ Milliyet, 19.01.1994.
- ⁸⁷ Hürriyet, 17.01.1994. Другие авторы указывают, что в определенные периоды в Азербайджане находилось до 450 турецких военных специалистов, большая часть из которых направлялась по линии национальной разведывательной службы Турции. См. Мещеряков В. Азербайджан-Россия: Параметры взаимозависимости // Азия и Африка сегодня. М., 1997, No. 8. С. 66.
- ⁸⁸ BBC: World Broadcasts, 2/14/1994; Согласно изданиям американского Офиса по иностранным военным исследованиям, турецкие офицеры, подготовленные к проведению спецопераций, были вовлечены в зимнюю кампанию азербайджанской армии в период 1993/94 гг. См. Sray E. John. Turkish SOF Trains Azerbaijani Forces // Foreign Military Studies Office, January 1994, в <http://fmso.leavenworth.army.mil/documents/turksof.htm>
- ⁸⁹ Turkish Daily News, 09.02.1994.
- ⁹⁰ Cornell E. Svante. Small Nations and Great Powers. P. 109. Поворотным пунктом в отношениях между новым руководством Баку и Турцией стал визит Г. Алиева в Анкару 9 февраля 1994 г. После того, как стало очевидно, что зимнее наступление азербайджанских войск потерпело неудачу, и что Азербайджан не в состоянии одержать решающей военной победы на карабахском фронте, Г. Алиев стремился заручиться поддержкой Анкары. См. Чернявский С. Новый путь Азербайджана. С. 232.
- ⁹¹ Stepanakert Claims Azeris Increasingly Use Turkish Weapons in Karabakh, INTERFAX, RFE/RL Records, 06. 04.1994, Slavonic, Baltic&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.
- ⁹² Азг, 14.06.1994, См. также Mufti Malik. Daring and Caution in Turkish Strategic Culture. Republic at Sea. New York, Palgrave Macmillan, 2009. P. 82-83.

- ⁹³ Самопровозглашенную в 1983 г. Турецкую Республику Северного Кипра официально признала только Турция.
- ⁹⁴ Milliyet, 26.01.1994, Kelsey Tim. Azeris Hire British Mercenaries // The Independent, 24.01.1994, Les mercenaires britannique recrute par l'Azerbaïdjan, Liberation, 25.01.1994.
- ⁹⁵ The Independent, 24.01.1994. Перевод на армянский в газете Камк, 27.01.1994. См также Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника. Часть 5, январь 1993 г. – июль 1995. Ереван, Гитутюн, 1997. С. 293.
- ⁹⁶ Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника. Часть 5, январь 1993 г. – июль 1995. С. 293.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Гусейнов Вагиф. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 81.
- ⁹⁹ Турция между Европой и Азией. С. 428-429.
- ¹⁰⁰ См. Независимая газета, 09.07.1994. Заметим, что эта группировка турецких войск находилась там под эгидой ООН. До этого близкие к турецкому Главному штабу информированные источники сообщали, что около 1000 солдат турецких ВС готовились для тайной переброски в Боснию для участия в военных действиях на стороне боснийских мусульман. См. Blank J. Stephen, Pelletiere C. Stephen, Johnsen T. William. Turkey's Strategic Position at the Crossroads of World Affairs, December 3, 1993. P. 75. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=178>
- ¹⁰¹ Pauw de Freddy. Turkey's Politics in Transcaucasia // Contested Borders in the Caucasus, ed. by Bruno Coppieters, Brussels, VUB Press, 1996. P. 185-186, Cornell E. Svante. Turkey and the Conflict in Nagorno Karabakh: A Delicate Balance // Middle Eastern Studies, Vol. 34, No. 1, January 1998. P. 66.
- ¹⁰² Ступишин В. Моя миссия в Армению (1992-1994). Воспоминания первого посла России. М., Academia, 2001. С. 276.
- ¹⁰³ CRS Issue Brief. Transcaucasus Newly Independent States: Political Developments and Implications for U.S. Interests. Updated August 17, 1995. By Jim Nichol. Foreign Affairs and National Defense Division. Congressional Research Service. The Library of Congress, Washington DC, 1995, см. Hovhannisyan Nikolay. The Karabakh Problem. The Thorny Road to Freedom and Independence, P. 77, Ованнисян Н. Армения как фактор закавказского, ближневосточного геополитического региона. С. 31.
- ¹⁰⁴ Dunn Collins Michael. Turkey Loses Ozal at a Crucial Moment // Washington Report on Middle East Affairs, June, 1993. P. 46.
- ¹⁰⁵ Известия, 17.04.1993.
- ¹⁰⁶ Интервью с Аязом Муталибовым, Независимая газета, 02.04.1992.
- ¹⁰⁷ Армения и ее ближайшие соседи. Ереван, 1992. С. 43 (на арм. яз.).
- ¹⁰⁸ См. Hürriyet, 24.06.1993, Azg, 09.07.1993. См. также Necdet Pekmezci, Nürşen Büyükyıldız. Ülkücüler. Öteki Devletin Şehitler. İstanbul, Kaynak Yayınları, 1999. S. 186-188.
- ¹⁰⁹ Hürriyet, 23.06.1993, Azg, 09.07.1993.

- ¹¹⁰ Turkish Daily News, 28.01.1994.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Hürriyet, 23.12.1993.
- ¹¹³ Blank J. Stephen, Pelletiere C. Stephen, Johnsen T. William. Turkey's Strategic Position at the Crossroads of World Affairs. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=178>
- ¹¹⁴ Чернявский С. И. Азербайджан и Турция – стратегическое партнерство. С. 186.
- ¹¹⁵ Так, 30 сентября 1996 г. немецкие СМИ сообщали о поставках в Азербайджан одной из турецких госфирм оружия, изготовленного по немецкой лицензии якобы для вооруженных сил НАТО. Пресса Турции неоднократно свидетельствовала о присутствии в азербайджанской армии турецких военных советников и поставках в Азербайджан стандартной натовской военной аппаратуры связи, произведенной турецкой компанией «Аселсан». См. Независимая газета, 08.04.1998.
- ¹¹⁶ Эхо, 01.09.2004.
- ¹¹⁷ Gültekin Burcu. Atteindre la Caspienne. Les relations économiques entre la Turquie et l'Azerbaïdjan, les dossiers de l'IFEA, série: la Turquie aujourd'hui, No. 14, Istanbul, juin, 2003. P. 38, Эхо, 01.09.2004, Чернявский С. И. Азербайджан и Турция – стратегическое партнерство. С. 187.
- ¹¹⁸ См. Winrow Gareth. Turkey in Caucasus and Central Asia, London, RIIA, 2000. P. 26. Азербайджанские офицеры проходят также обучение на секретных базах турецких ВС на территории оккупированного Кипра. Об этом признался азербайджанский офицер Рамиль Сафаров после совершения жестокого убийства армянского офицера Гургена Маргаряна на курсах английского языка в Будапеште в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира».
- ¹¹⁹ Шорохов В. Политика Турции в Закавказье и национальные интересы России // Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или в Евразию? М., Центр Карнеги, вып. 14, 1997. С. 49.
- ¹²⁰ Турецкая республика. Справочник, Отв. ред. Н. Ю. Ульянов, Е. И. Уразова, М., Институт востоковедения РАН, ИИИиБВ, 2000. С. 107-108.
- ¹²¹ Jamestown Monitor Monitor, Vol. 2, Issue 110, June 11, 1996.
- ¹²² Jamestown Foundation Monitor vol. 2, Issue 74, April 16, 1996. Турция оказала солидную помощь для модернизации грузинской армии и военной инфраструктуры, Модернизация и использование военно-воздушной базы в Марнеули. 15 апреля 1998 г. Генштаб вооруженных сил Турции подписал с Министерством обороны Грузии меморандум о взаимопонимании, предусматривающий турецкую финансовую и военно-техническую помощь грузинской стороне.
- ¹²³ Чернявский С. И. Новый путь Азербайджана. С. 234, Winrow Gareth. Turkey and the Caucasus. Domestic Interests and Security Concerns. London, The Royal Institute of International Affairs, 2000. P. 24.
- ¹²⁴ Херцинг Эдмунд. Внешняя политика Азербайджана, ее воздействие на региональное сотрудничество // Закавказье сегодня: перспективы региональной интеграции. Материалы международной конференции, 1997. Ереван, 1997. С. 31.
- ¹²⁵ См. Турецкая республика. Справочник, Отв. ред. Н. Ю. Ульянов, Е. И. Ура-

зова. М., ИИИиБВ, 2000.

¹²⁶ Мурадян И. Политика США и проблемы безопасности региона Южного Кавказа. С. 78. Через месяц после нарушения иранскими ВВС в июле 2001 года воздушного пространства Азербайджана в акватории Каспийского моря в ответ на азербайджанские притязания на некоторые нефтяные месторождения, асы турецких ВВС демонстративно выписывали фигуры высшего пилотажа в небе над Баку, показывая иранской стороне решимость Турции отстоять права своего младшего союзника. См. Эхо, 24.08.2001. Nasibli Nasib. Azerbaijan: Policy Priorities Towards the Caspian Sea // *The Caspian. Politics, Energy and Security*, Edited by Shirin Akiner, London and New York, RoutledgeCurzon, 2004. P. 175.

¹²⁷ См. Brown S. Cameron. Wanting to Have Their Cake and Their Neighbors Too: Azerbaijani Attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan // *Middle East Journal*, Vol. 58, No. 4, Autumn 2004. P. 582.

¹²⁸ Мещеряков В. Азербайджан-Россия: Параметры взаимозависимости. С. 67.

¹²⁹ См. Gochman S. Charles and Maoz Zeev. Militarized Inter-State Disputes 1816-1976: Procedures, Patterns and Insights // *Journal of Conflict Resolution*, 18 December 1984. P. 588-589, 606-15, в *International War. An Anthology*, by Melvin Small, J. David Singer. Chicago, Illinois The Dorsey Press, Second edition, 1989. P. 44-45.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ В ходе поездки в Азербайджан в 2005 г. министр обороны Турции Веджди Генул во время одной из встреч отметил, что выделенная Турцией военная помощь Азербайджану в целом составила более 170 млн долларов. На самом деле названная сумма не соответствует действительности, поскольку турецкое военное содействие достигает более крупных размеров. См. Овсепян Л. Тенденции турецко-азербайджанского военного сотрудничества в контексте безопасности Армении и Нагорного Карабаха, в *Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта* // Аналитические записки Института политических исследований, Выпуск 3. Ереван, 2009. С. 122

¹³² Там же. С. 124-125.

¹³³ В сентябре 2000 г. на заседании Военного совета НАТО по инициативе начальника Генерального штаба вооруженных сил Турции рассматривался вопрос о создании в Стамбуле штаба сил быстрого реагирования НАТО, с зоной ответственности регионов Средней Азии, Кавказа и Балкан. Основная задача этих сил видится в борьбе с исламским терроризмом, однако нет сомнений, что они призваны обеспечивать «беспрепятственный доступ» военно-политического союза государств Северной Атлантики к углеводородным ресурсам Каспийского бассейна. См. Гусейнов В. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. С. 79-80.

Глава 3

¹ Киреев Н. Турция: Поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ*, 2002, No. 1. С. 23-24.

² Trofimov Yaroslav. Mujahed Factor: Militant Islam Gains in Postwar Bosnia // *Wall*

Street Journal Europe, 19.03.2002. См. также Yossef Bodansky. Chechnia. The Mujahedin Factor, Online edition, Web Address: http://www.freeman.org/m_online/bodansky/chechnya.htm

³ Полковников П. «Аль-Каида» на Кавказе. Сотни ее боевиков сражались в Карабахе, Чечне и Средней Азии // *Независимое военное обозрение*, No. 2 (317), 24.01.2003, Эхо, Баку, 01.09.2001.

⁴ Rashid Ahmed. Bitter Afghanistan Struggle Helps Fuel Asian Conflicts // *The Daily Telegraph*, 10.11.1993.

⁵ Defense Intelligence Report Details Al Qaeda's Plans For Russia, Chechnya and WMD, November 16, 2004 Contact: Press Office, 202-646-5172, <http://www.judicial-watch.org/3883.shtml>, Архив автора.

⁶ См. Авьюцкий В. Северный Кавказ как «внутреннее зарубежье» России // *Центральная Азия и Кавказ*, No. 5 (23), 2002. С. 75.

⁷ См. Dunlop B. John. Russia Confronts Chechnia. Roots of a Separatist Conflict, Cambridge University Press, 1998. P. 140.

⁸ Congressional Research Service (CRS, 9/10/2001). См. <http://www.cilicia.com/Azeriterrorism.htm>, Архив автора. По некоторым данным, афганские моджахеды принимали участие в операции по свержению власти президента А. Эльчибея летом 1993 г. Задача состояла в обеспечении прихода к власти Гейдара Алиева и гарантировании транспортировки каспийской нефти через территории, неподконтрольные России. Scott Dale Peter. The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America, University of California Press, 2007. P. 163-165.

⁹ Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит // *Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри*, под. ред. А. Малашенко и Марты Брилла Олкотт, М., Московский Центр Карнеги, 2002. С. 221, Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // *Азия и Африка сегодня*. М., 1993, No. 1. С. 16.

¹⁰ Экспресс-хроника, No. 28. 1992.

¹¹ См. Справедливость, No. 16, 1992, Ичкерия, No. 8, 25.06.1992, Республика Армения, 01.08.1992.

¹² Экспресс-Хроника, No. 28. 1992, см. также Журналисты на войне в Карабахе. М., «Права человека», 2002. С. 63.

¹³ Республика Армения, 01.08.1992.

¹⁴ Чеченские наемники воюют в Закавказье // *Известия* (московский вечерний выпуск), 21.07.1992.

¹⁵ Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит. С. 221.

¹⁶ Бишкекский протокол был подписан 5 мая 1994 года министрами обороны Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении при посредничестве полномочного представителя президента РФ В. Казимирова и руководителя миротворческой группы Межпарламентской Ассамблеи по Нагорному Карабаху М. Шеримкулова. Первоначально Протокол подписали представители Армении и НКР. Азербайджан присоединился к Протоколу через три дня.

¹⁷ См. Общая газета, 28.10.1999.

¹⁸ Информация предоставлена директором Кавказского института, политологом

Александром Искандаряном.

²⁰ Экспресс-Хроника, No. 28, 1992, Республика Армения, 01.08.1992.

20. Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. М., 1993, No. 1. С. 16.

²¹ См. de Waal Thomas. Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War, New York University Press, New York and London, 2003. P. 179, 181.

²² Обозреватель, No. 1, Баку, 7-13.01.2005, Юнусов А. Краткая этнодемографическая характеристика Азербайджана // Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы (Опыт социологического анализа). Владикавказ, 2002. С. 12.

²³ Smith Sebastian. Allah's Mountains. Politics and War in Russian Caucasus. London-New York, I. B. Tauris Publishers, 1998. P. 186.

²⁴ Тодуа Зураб. Азербайджанский пасьянс. М., КОН-Лига Пресс, 2000. С. 45. Юнусов А. Краткая этнодемографическая характеристика Азербайджана. С. 12.

²⁵ Независимая газета, 27.12.1994. Правительство Чечни обратилось за помощью к Турции. МИД Чеченской Республики Шамседдин Юсеф в послании С. Демирелю отметил: «Российское руководство, используя банду предателей, перешло к открытой агрессии против Чеченской республики», Известия, 04.10. 1994.

²⁶ Stepashin: Azerbaijan a channel for arms to Chechnya // Jamestown Monitor. Vol. 1, Issue 26, June 6, 1995, Аргументы и факты 10.03.1995.

²⁷ Мурадян И. Система разведывательных служб Турции и пантюркистские организации // IRAN & CAUCASUS, III-IV Research Papers From the Caucasian Centre for Iranian Studies, Yerevan, 2000. Leiden 1999-2000, см. также Эхо, 23.09.2004.

²⁸ Время МН, 24.08.1999, см. Кровавый терроризм. М., ОЛМА ПИРЕСС, 2000. С. 67, Bodansky Yossef. The New Azerbaijan Hub: How Islamist Operations Are Targeting Russia, Armenia and Nagorno-Karabagh, Source in Internet: http://www.anca.org/-anca/action_docs.asp?docid=38. Архив автора.

²⁹ Юнусов А. Краткая этнодемографическая характеристика Азербайджана. С. 13.

³⁰ Киреев Н. Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М. ИВ РАН, 2003. С. 255, Кровавый терроризм. С. 261.

³¹ Гудиашвили Д. Турция и российско-чеченская война 1994-1996 гг. // Центральная Азия и Кавказ, No. 5 (23), 2002. С. 90.

³² Mufti Malik. Daring and Caution in Turkish Foreign Policy // The Middle East Journal, Vol. 52, No. 1, Winter, 1998. P. 33.

³³ См. Aktuel, 1995. No. 198, цитата по Гудиашвили Д. Турция и российско-чеченская война 1994-1996 гг. С. 93.

³⁴ См. Cornell Svante. Small Nations and Great Powers. P. 310-312.

³⁵ Гудиашвили Д. Турция и российско-чеченская война 1994-1996 гг. С. 93.

³⁶ Hunter T. Shireen with Thomas L. Jeffrey and Melikishvili Alexander. указ. работа. P. 348.

³⁷ Гудиашвили Д. Турция и российско-чеченская война 1994-1996 гг. С. 93, Shireen T. Hunter with Jeffrey L. Thomas and Alexander Melikishvili. указ. работа, С. 349.

³⁸ Турция среди государств, финансирующих терроризм // Известия, 17.04.2003.

³⁹ Министр обороны России Сергей Иванов во время визита в США в начале 2005 г. назвал главной проблемой российско-турецких отношений «двойные стандарты в борьбе против терроризма», отметив, что «Турция является рекордсменом среди стран, граждане которых были убиты в Чечне», См. Most of Foreign Mercenaries Killed in Chechnya Are Turks, RIA Novosti, January 13, 2005. См также Turkish Daily News, 25.12.2003, Наемники бегут из Чечни, см. www.vesti.ru, 05.11.2004, Известия, 02.09.2000.

⁴⁰ По заявлению министра юстиции Кипра Доруса Теодору в интервью греческой газете «Phileleftheros», чеченские боевики, принимавшие участие в нападении на школу в Беслане в сентябре 2004 г., проходили подготовку в турецкой части Кипра, готовясь «к атакам в России». См также. Cyprus Minister Says Chechens Being Trained In North To Strike Russia, <http://www.turkishpress.com/turkishpress/news.asp?ID=28590>, Agence France Presse, 26.09.2004, www.gazeta.ru/2004/09/27/oa_134678.shtml

⁴¹ НАА, ф. 1, оп. 127, д. 784, л. 36.

⁴² Scott Dale Peter. The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America. P. 164. По неподтвержденным другими источниками данным, один из приближенных бен Ладена утверждал, что сам лидер террористов во время войны в Карабахе находился в Азербайджане и дважды водил арабов-афганцев в атаку, см. Associated Press, 14.11.1999.

⁴³ Azerbaijan Enlists Afghan Mercenaries, RFE/RL Records, November 8, 1993, SB&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300-80-6-3; Kechichian A. Joseph, and Karasik W. Theodore. The Crisis in Azerbaijan, P. 63, Steve LeVine. Azerbaijan Throws Raw Recruits Into Battle: Desperate 'Human Wave' Tactics Reportedly Cost 4,000 Lives In Winter Offensive // The Washington Post, 21.04.1994. См. также интервью брата Ровшана Джавадова, Махира Джавадова: «Ровшана командировал в Афганистан я, чтобы просить Гульбетдина Хекматияра о помощи», www.vesti.az, 26.11.2010.

⁴⁴ Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. М., «Олма-Пресс», 2002. P. 196.

⁴⁵ Босин Ю. В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте, в сб. Афганистан: проблема войны и мира. Вып. 3. М., ИИИиБВ, ИВ РАН. М., 2000. С. 71-72.

⁴⁶ Filipov David. For Afghan everyman, war is in his body, soul // The Boston Globe, 19.12.2001.

⁴⁷ Alexis Rowell. US Army Veterans "Drill" Azeris Under Cover of Oil Firm // The Observer, October 28, 1993. Об афганских моджахедах, воевавших на стороне Азербайджана см. также Auerbach John. Azerbaijan Hires Afghan Troops to Bolster Army // The Boston Globe, 08.11.1993, Schneider Daniel. Afghan Fighters Join Azeri-Armenian War // The Christian Science Monitor, Boston, November 16, 1993. P. 3, Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabagh, Human Rights Watch/Helsinki. New York, 1994. P. 46.

⁴⁸ Up To 2500 Afghan May Be Fighting in Azeri Army, RFE/RL Records, April 27, 1994, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.

- ⁴⁹ Скандал по этому делу разразился в конце 1986 г. Выручка от продажи оружия Ирану должна была направиться на финансирование никарагуанских «Контрас». При этом, по договоренности, часть оружия Тегеран должен был направить шиитским боевикам в Афганистане для борьбы против советских войск. См. Hershberg G. James. The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair: Missing Links? // *The Cold War History*, Vol. 3, No. 3 (April 2003). P. 24. См. также Cooley K. John. *Unholy Wars: Afghanistan, America, and International Terrorism*. London, Pluto, 1999. P. 180.
- ⁵⁰ Goltz Thomas. *Azerbaijan Diary*. P. 270-279, Peter Dale Scott. *The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America*. P. 163-165.
- ⁵¹ Irkali Mark, Kodrarian Tengiz and Ruchala Cali. *God Save the Shah: American Guns, Oil and Spies in Azerbaijan* at <http://www.diacritica.com/sobaka/2003/shah.html>, Архив автора. Peter Dale Scott. *The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America*. P. 163-165.
- ⁵² The Sunday Times, London, 26.03.2000, Stratfor, 16.10.2003. См. Scott Dale Peter. *The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America*. P. 163-165.
- ⁵³ Mark Irkali, Tengiz Kodrarian and Cali Ruchala. указ. работа.
- ⁵⁴ Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит. С. 221, Кудрявцев В. Феномен «арабских афганцев» // *Ближний Восток и современность*. Вып. 17. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. С. 163.
- ⁵⁵ Bruce James. *Arab Veterans of the Afghan War* // *Jane's Intelligence Review*, April 1, 1995, Vol. 7, No. 4. С. 175.
- ⁵⁶ Shay Shaul and Schweitzer Yoram. The "Afghan Alumni" Terrorism Islamic Militants against the Rest of the World // *The International Policy Institute For Counter Terrorism*, November 6, 2000, www.ict.org.il, Кудрявцев А. В. Феномен «арабских афганцев». С. 169.
- ⁵⁷ Текст доклада подполковника Д. Ляtifова начальнику штаба вооруженных сил Азербайджанской Республики, см. Азг, 13.01.1994. Часть документов и фотоматериалов, имеющихся в распоряжении властей НКР, были опубликованы автором. См. Demoyan Hayk. *Karabakh Drama: Hidden Acts*. Yerevan, Caucasian Center for Iranian Studies, 2003.
- ⁵⁸ Shneider Daniel. *Afghan Fighters Join Azeri-Armenian War* // *The Christian Science Monitor*, 13.11.1993, LeVince Steve. *Afghan Fighters Aiding Azerbaijan in Civil War* // *The Washington Post*, November 8, 1993, Независимая газета, 29.01.1994.
- ⁵⁹ Независимая газета, 15.01.1994, *Conflict International*, April 1994, Shaul Shay and Yoram Schweitzer. указ. работа.
- ⁶⁰ Елизабет Фуллер указывает на 1500 моджахедов, см. Fuller Elizabeth. *Azerbaijan at the Crossroads*. P. 19.
- ⁶¹ По показаниям афганского военнопленного Бахтиора Вербаллаха Баберзая, см. *Голос Армении*, 26.05.1994.
- ⁶² Magnus H. Ralph, Naby Eden. *Afghanistan*. Mullah, Marx, and Mujahid, Westview Press, Boulder, 2002. P. 174.
- ⁶³ *Afghan Mujahid Ready To Fight For Nagorno-Karabakh*, RFE/RL Records, May 4, 1994, Slavic, Baltic&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.

- ⁶⁴ За предоставление этой информации автор благодарит Левона Мелик-Шахназаряна.
- ⁶⁵ Singh K. Gajendra. *Azerbaijan: An era Draws to a Close* // *Asia Times*, Hong Kong, 21.05.2003, См. также *Combat and Survival*, Volume 11, Issue 5, August 1999. P. 5-10.
- ⁶⁶ Ковальская Г. Война. И при Муталибове, и при Эльчибее, и при Алиеве // *Новое время*, No. 11, 1994. С. 20.
- ⁶⁷ Любопытно, что в Боснии моджахеды пытались заставить женщин носить черные платки, мужчин – бороды, громили кафе и практиковали «шариатские свадьбы» с боснийками. См. Кепель Жиль. *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. М., «Ладомир», 2004. С. 245.
- ⁶⁸ Goltz Thomas. *Azerbaijan Diary*. P. 276.
- ⁶⁹ *Голос Армении*, 26.05.1994.
- ⁷⁰ *Московские новости*, No. 23, 5-12 июня, 1994.
- ⁷¹ Республика Армения, 31.05.1994; *Московские новости*, No. 23, 5-12 июня, 1994, *Afghan Mujahideen Said To Be Involved in Karabakh Fighting*, RFE/RL Records, December 23, 1993, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.
- ⁷² Азг, 18.01.1994.
- ⁷³ John K. Cooley. *Unholy Wars: Afghanistan, America, and International Terrorism*. London, Pluto, 1999. P. 181. См. также Арабо-мусульманский мир на пороге XXI века. Реферативный сборник, М., 1999. С. 63.
- ⁷⁴ По данным азербайджанских СМИ, в республике проживали 6 тыс. афганцев, из коих 2-3 тыс. обосновались здесь в 1993-1999 гг., см. *Зеркало*, 07.09.2002. По заявлению главы миссии Верховного Комиссара ООН по делам беженцев в Азербайджане Дидье Лайе, большинство беженцев в Азербайджане – выходцы из Афганистана. См. Туран, 21.11.2000, Эхо, 02.05.2001.
- ⁷⁵ Шерматова С. указ. работа. С. 221, Shermatova Sanobar. *Khatib and Central Asia* // *Moscow News*, 13.09.2000, *The Financial Times*, 01.05.2002. См. также Примаков Евгений. Мир после 11 сентября. Москва, «Мысль», 2002. С. 24-25, Кепель Жиль. *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. С. 232.
- ⁷⁶ Поляков К. И. Арабские страны и ислам в России. М., ИИИБВ, 2001. С. 83.
- ⁷⁷ Копии указанных документов см. <http://www.judicialwatch.org/cases/102/dia.pdf>. Архив автора.
- ⁷⁸ Bodansky Yossef. *Some Call It Peace Waiting For in the Balkans*, http://members.tripod.com/Balkania/resources/geostrategy/bodansky_peace/index.html
- ⁷⁹ Jacquard Roland. *Fatwa contre l'occident*. Paris, Albin Michel, 1998. P. 134-135, 139.
- ⁸⁰ Кепель Жиль. *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. С. 401.
- ⁸¹ Bodansky Yossef. *Some call it peace...*
- ⁸² Kasaba R., Bozdogan S. *Turkey at the Crossroad* // *Journal of International Affairs*, 2000, Vol. 54, No. 1. P. 9.
- ⁸³ Aktan S. Gunduz and Koknar M Ali. *Turkey* // *Combating Terrorism. Strategies of Ten Countries*, edited by Yonah Alexander, Ann Arbor, University of Michigan Press, 2002. P. 289, см. также Williams Glyn Brian. *Turkey's al-Qaeda Blowback* // *Terrorism Monitor*, Jamestown Foundation, Vol. II, Issue 8, April 22, 2004. P. 4, см. <http://www.jamestown.org>

- jamestown.org. Turks trained in Osama bin Laden's Camp in Rishkhor // Turkish Daily News, 25.11.2003.
- ⁸⁴ Trenin Dmitrii, Lieven Anatol, Malashenko Aleksei. Russia's Restless Frontier. The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia Carnegie Endowment for International Peace Washington D. C. 2004. P. 183. См. также Hunter T. Shireen with Thomas L. Jeffrey and Melikishvili Alexander. Islam in Russia. P. 369.
- ⁸⁵ Там же. С. 183.
- ⁸⁶ Независимое военное обозрение, 09.01.1998.
- ⁸⁷ Shireen T. Hunter with Jeffrey L. Thomas and Alexander Melikishvili. Islam in Russia. P. 349, Григорян А. Альянс Баку – Грозный и интересы Армении // Взгляд из Еревана, Армянский центр стратегических и национальных исследований, No. 1, апрель, 1998 (на арм. яз.). С. 42–43.
- ⁸⁸ Кавказский вестник, 13.10.2000. Чеченцы не могут забыть свой позор // Общая газета, 1999, No. 43. В интервью бакинской телекомпании ANS 14 июля 2000 г. Ш. Басаев оправдывался: «Честно говоря, я сам вывел своих моджахедов из Азербайджана. Мы пришли туда (в Карабах – Г. Д.) не для грабежа, а для джихада». Арешев А. Г. Нагорный Карабах. Становление государственности и переговорный процесс. С. 41. Одним из примеров оказания поддержки Азербайджаном чеченским боевикам в боевых действиях против федеральных сил являются слова бывшего президента Ичкерии Аслана Масхадова. Во время визита в Баку в июле 1997 г., А. Масхадов поблагодарил Азербайджан за поддержку в ходе Первой чеченской войны и предложил свою помощь азербайджанской стороне в Карабахском вопросе. См. Hunter T. Shireen with Thomas L. Jeffrey and Melikishvili Alexander. Islam in Russia. The Politics of Identity and Security. С. 349.
- ⁸⁹ Киреев Н. Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций. С. 255.
- ⁹⁰ См. Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., Весь мир, 2005. С. 33, 55, 198.
- ⁹¹ Scott Dale Peter. The Road to 9/11: Wealth, Empire, and the Future of America. P. 163–165.
- ⁹² Scott Dale Peter. Drugs, Oil, and War. The United States in Afghanistan, Colombia, and Indochina, Rowman & Littlefield Publishers, INC. Lanham, Boulder, New York, Oxford, 2003. P. 46, 86.
- ⁹³ Ahmed Rashid. Taliban. Militant Islam, Oil and Fundamentalism, New Haven and London, Yale University Press, 2000. P. 119, Жаккар П. указ. работа. С. 263.
- ⁹⁴ Nezan Kendal. La Turquie, plaque tournante du trafic de drogue // Le monde diplomatique, juillet, 1998, <http://www.monde-diplomatique.fr/1998/07/NEZAN/10656>, Aktan S. Gunduz and Koknar M. Ali. Turkey, in Combating Terrorism. Strategies of Ten Countries, edited by Yonah Alexander, Ann Arbor, University of Michigan Press, 2002.
- ⁹⁵ Nezan Kendal. La Turquie, plaque tournante du trafic de drogue.
- ⁹⁶ Nezan Kendal. La Turquie, plaque tournante du trafic de drogue. В интервью газете «Sunday Times», 26 января 1997 г., замминистра внутренних дел Великобритании Том Саквил подтвердил, что 80 процентов героина в Великобритании имеет ту-

- рецкое происхождение и что «члены правительства Турции и сотрудники турецкой полиции вовлечены в наркотрафик». Nezan Kendal. указ. работа.
- ⁹⁷ Жеро М. Турция: Республика в кризисе // Турция. Сборник обзоров, М. РАН, 2002. С. 88.
- ⁹⁸ Conflict, Drugs and Mafia Activities. Contribution to the Preparatory Work for the Hague Peace Conference, May 11–16, 1999, MARCH 1999, <http://www.parl.gc.ca-Content/SEN/Committee/371/ille/presentation/labrousse2-e.htm>
- ⁹⁹ См. La Depeche internationale des Drogues, No. 40, fevrier 1995.
- ¹⁰⁰ Жеро М. Турция. Республика в кризисе // Турция. Сборник обзоров, М. РАН, 2002. С. 89.
- ¹⁰¹ Bodansky Yossef. Chechnya: The Mujahedin Factor, http://www.freeman.org/m_online/bodansky/chechnya.htm
- ¹⁰² Арухов З. С. Вооруженные конфликты на Северном Кавказе в свете теории и практики джихада // Южнороссийское обозрение, Вып. 1, 2001, CD версия. Е. А. Степанова. указ. работа. С. 13. Согласно израильской газете «Dvar Hashavua» (28.05.1993), во время Карабахской войны пакистанские пилоты обучали азербайджанских летчиков навыкам боевых вылетов. См. Russia and the Commonwealth of Independent States. Documents, data, and Analysis, Zbigniew Brzezinski, Paige Sullivan (ed.), The Center for Strategic and International Studies, Armonk, New York, London, М. Е. Sharpe, 1997. P. 226.
- ¹⁰³ Степанова Е. А. указ. работа. С. 68, 230. Турция продолжала вести активную разведывательную деятельность на территории Азербайджана, Грузии и северокавказских республик. 11 и 14 апреля 1997 г. турецкая газета «Миллиет» опубликовала признания известного террориста Абдуллаха Четина о его причастности к организации покушений на президентов Грузии Эдуарда Шеварднадзе и Азербайджана Гейдара Алиева. «В 1992 г. мы активно участвовали в подготовке попытки мятежа, направленного против Алиева. Занимались контрабандой наркотиков через Азербайджан, масштабы которой не поддаются описанию...». См. Независимое военное обозрение, 09.01.1998.
- ¹⁰⁴ Afghan 'Wild Goose' in a Karabakh Cage // Moscow News, June 5–12, 1994.
- ¹⁰⁵ Scott Peter Dale. The Road to 9/11. P. 163–165.
- ¹⁰⁶ Scott Peter Dale. 9/11 in Historical Perspective: Flawed Assumptions Deep Politics: Drugs, Oil, Covert Operations and Terrorism: A briefing for Congressional staff, July 22, 2005 в <http://ist-socrates.berkeley.edu/~pdscott/911Background.htm>. Архив автора.
- ¹⁰⁷ См. Viviano Frank. Drug Trade Feeds World's Rebellions // San Francisco Chronicle, 18.12.1992.
- ¹⁰⁸ Extremist Movements and Their Threat to the United States. Hearing Before the Subcommittee on Near Eastern and South Asian Affairs of the Committee on Foreign Relations United State Senate, One Hundred Sixth Congress, First Session, November 2, 1999, Washington, 2000. P. 27–30. Jacquard Roland. Fatwa contre l'occident, Albin Michel, Paris 1998. P. 166.
- ¹⁰⁹ Cooley K. John. Unholy Wars. P. 157, 159.
- ¹¹⁰ О турецком следе и версии взаимосвязи наркотранзита и попытки переворота

в Азербайджане в марте 1995 г. см. Эхо, 17.03.2001, 15.03.2001.

¹¹¹ См. Мурсалиев А. «Наркопереворот» // Зеркало недели, No. 7 (20), 18-24 февраля 1995 г., в <http://www.zerkalo-nedeli.com/ie/print/42599>. Архив автора.

¹¹² Bodansky Yossef, The New Azerbaijan Hub.

¹¹³ Там же, см. также Поляков К. Арабо-мусульманское влияние на ислам в России: проблемы и противоречия (90-е гг. XX века) // Угроза ислама или угроза исламу» (По итогам международной конференции). М., 2001. С. 177.

¹¹⁴ Bodansky Yossef. The New Azerbaijan Hub. См. также Юнусов А. Ислам в Азербайджане. С. 260.

¹¹⁵ Юнусов А. Ислам в Азербайджане. С. 263. Один из исламистов в Баку впоследствии признался, что атаки на посольства США и Израиля в Баку не были совершены, «чтобы не испортить хорошие отношения в Азербайджане». См. Bill of Indictment in U.S.A. vs. Bin Laden et. al., April 2001; Vernon Loeb, U.S. Prosecutor details Day of Bombings, Washington Post, 03.05.2001.

¹¹⁶ Wilhelmsen Julie. Between a Rock and a Hard Place: The Islamisation of the Chechen Separatist Movement // Europe-Asia Studies, Vol. 57, No. 1, January 2005. P. 35, Фонд «Аль-Харамейн» подозревался и в поставках оружия в Чечню через Азербайджан, см. А. Юнусов. Ислам в Азербайджане. С. 268.

¹¹⁷ Саканова М. Действия террористов направлялись с Апшерона? «Бакинский след» в деле о взрывах американских посольств // Независимая газета, 05.09.2001, The 9/11 Commission report. The Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States, Official Government Edition. P. 127, <http://www.gpoaccess.gov/911/>

¹¹⁸ The 9/11 Commission report. P. 70, Washington Post. 03.05.2001, Эхо. 28.08.2001.

¹¹⁹ См. The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States, W. W. Norton & Company; First edition (October 17, 2004). P. 69, Эхо, 18.08.2001, Эхо, 29.08.2001.

¹²⁰ Эхо, 01.09.2001.

¹²¹ Там же. Присутствие иностранных исламских радикальных организаций в Баку финансировалось через структуры бен Ладена. Об этом подробнее см. 9/11 Commission Report. P. 58. В отчете Национальной комиссии по атакам на США указывается также, что один из организаторов атак 11 сентября 2001 г., Халид шейх Мохаммед, был в Азербайджане. Там же. С. 149.

¹²² Независимая газета, 05.09.2001.

¹²³ Александр Альф, Родион Николаев. Пушечное мясо для «религиозных» войн готовят в Азербайджане // Независимая газета, 07.10.1999.

¹²⁴ Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена, С. 242, 302. Примечательно, что Айман аль-Завахири с 1985 г. принимал участие в войне против советских войск в Афганистане.

¹²⁵ Юнусов А. Ислам в Азербайджане. С. 264.

¹²⁶ Bodansky Yossef. The New Azerbaijan Hub: How Islamist operations are targeting Russia, Armenia and Nagorno-Karabagh, Defense and Foreign Affairs' Strategic Policy, October, 1999, см. также Sray E. John. Turkish SOF Trains Azerbaijani Forces // Foreign

Military Studies Office, January 1994, <http://fmso.leavenworth.army.mil/documents/turksof.htm>

¹²⁷ Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. С. 196, Razimov Samir. Bin Laden's Azeri Connection, IWPR, «Caucasus Reporting Service», No. 100 (5 October 2001), <http://iwpr.net/report-news/bin-ladens-azeri-connections>, Эхо, 01.09.2001.

¹²⁸ Независимое военное обозрение, 5-21 октября, 1999.

¹²⁹ См. Информационное агентство «Туран», Баку, 21.11.2000, Эхо, 02.05.2001.

¹³⁰ Арухов З. С. Вооруженные конфликты на Северном Кавказе в свете теории и практики джихада. Эл. издание. В годовом отчете Госдепартамента США по Глобальному терроризму за 1999 г. написано: «Хотя Азербайджан не стоит перед лицом серьезной угрозы со стороны международного терроризма, страна служила как логистический центр для международных моджахедов, связанных с террористическими группами, некоторые из которых поддерживали чеченских мятежников в России...». См. Patterns of Global Terrorism: 1999. Eurasia Overview, <http://www.state.gov/www/global/terrorism/1999report/eurasia.html#Azerbaijan>

¹³¹ Там же. Согласно обнародованному Государственным департаментом США докладу «Глобальный терроризм в 2003 году», с конца 2001 г. по середину 2004 г. Азербайджан выдал различным государствам мира «32 иностранных гражданина», подозреваемых в связях с терроризмом. Эхо, 01.05.2004.

¹³² Зеркало, 22.07.2000, Эхо, 28.08.2001, The Washington Post, 03.05.2001.

¹³³ Time, 21.12.1998, см. также Эхо, 30.06.2001.

¹³⁴ Agence France Presse, 18.03.1999, The Sunday Times, 18.07.1999, Зеркало, 22.07.2000, Эхо, 29.08.2001. Использованы подборки статей информационного агентства «Регнум», см. также Эхо, 01.09.2001, Trenin Dmitrii, Lieven Anatol, Malashenko Alesksei. указ. раб., С. 100. см. также Wright Lawrence. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11. London, Penguin books, 2006. P. 249.

¹³⁵ Эхо, 09.08.2003.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Hunter T. Shireen with Thomas L. Jeffrey and Melikishvili Alexander. Islam in Russia. The Politics of Identity and Security. Armonk, New York, London, M. E. Sharpe, 2004. P. 343, Об обосновании «Хизб ут-Тахрира» в Азербайджане см. Зеркало, 02.01.2002, Эхо, 29.11.2003, также Ваххабиты в Азербайджане, Зеркало, 04.01.2002, Соратник бен Ладена схвачен в Баку, Эхо, 07.10.2003. О турецких связях с Аль-Каидой см. Cevik Ilmur. Turkish Terrorists Interrogated at Centers in Kuwait and Pakistan, None Sent to Cuba: Al Qaeda Turks in US Custody // Turkish Daily News, 17.01.2002, Turks Trained in Osama bin Ladens Camp in Rashkhor // Turkish Daily News, 25.11.2003, Two Turk Al Qaeda Suspects Extradited, <http://www.dawn.com/2005/01/03/top8.htm>. The 9/11 Commission Report. P. 58, 233.

¹³⁸ Эхо, 01.09.2001, Congressional Research Service, (CRS, 9/10/2001).

¹³⁹ The 9/11 Commission report. P. 233.

¹⁴⁰ Издающаяся в Объединенных Арабских Эмиратах газета «Gulf News» писала, что Организация «Исламский фронт борцов Великого Востока», виновная в ряде терактов в Турции, в свое время занималась вербовкой «священных бор-

цов» для войны против армян в Нагорном Карабахе. Согласно источнику, «Исламский фронт воинов Великого Востока» посылал также боевиков в Чечню и Дагестан. См. Экстремистская организация, виновная в стамбульских терактах, вербовала боевиков для войны в Нагорном Карабахе, 28 ноября 2003, URL: <http://www.day.az/news/armenia/2323.html> Об участии турок в чеченском конфликте и вовлечении в сеть международного терроризма см. также Brian Glyn Williams, Feyza Altindag. El Kaide Turka: Tracing an Al-Qaeda Splinter Cell // Terrorism Monitor, The Jamestown Foundation, Vol. 2, Issue 22 (November 18, 2004), Brian Glyn Williams, Feyza Altindag. Turkish Volunteers in Chechnya // Terrorism Monitor, The Jamestown Foundation, <http://www.jamestown.org>. Vol. 3, Issue 7 (April 07, 2005), Архив автора.

¹⁴¹ Cameron-Moore Simon. Al-Qaida fishes for Turks seeking jihad <http://www.reuters.com/article/2010/10/27/us-turkey-security-idUSTRE69Q3EN20101027>

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года Об определении агрессии, см. <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/convres/r29-3314.pdf>

¹⁴⁴ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, см. <http://www.un.org/russian/documen/convents/r44-34.pdf>

РАЗДЕЛ IV

Глава 1

¹ См. Aras Bulent. A new era in Turkish-Armenian Relations, ISS Opinion Union européenne, European Union Institute for Security Studies, September 2009, http://www.iss.europa.eu/uploads/media/A_new_era_in_Turkish-Armenian_relations.pdf

² Маркедонов С. Турецкий марш на Кавказ. <http://www.polit.ru/article/2008/09/25/tur/>

³ Охрименко И. В. Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/19-10-08a.htm>

⁴ Эрдоган заявил о неприемлемости сохранения статус-кво во внешней и внутренней политике, 30.12.2009 <http://www.1news.az/region/Turkey/20091230105618908.html>

⁵ Кристиансен У. Новая внешняя политика Турции, Le monde diplomatique, март-апрель 2010, No. 55, перевод в газете Третья сила. Ереван, No. 25, 2010.

⁶ Kalin Ibrahim. Soft Power and Public diplomacy in Turkey // Perceptions. Journal of International Affairs. Ankara, Autumn, 2011, Vol. XVI, No. 3. P. 20, 36. См. также Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Istanbul, KURE Yayınları, 2001. P. 22

⁷ Едемский А. Неоосманизм как реальность современной геополитики, Рецензия

на книгу Д. Танасковича Неоосманизм: доктрина и внешнеполитическая практика, Белград, 2011 // Проблемы национальной стратегии. No. 2 (11), 2012. М. С. 206.

⁸ Еще в 1993 г. лидеры Турции высказывались о целесообразности строительства железной дороги Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку. О необходимости строительства этой магистрали для развития западной части тюркского мира также заявил президент Турции Сулейман Демирель в 1998 г., на пятом тюркском саммите в Астане. 25 мая 2005 г. в Баку была подписана декларация о создании международного транспортного коридора Карс – Тбилиси – Баку, в рамках которой и предусмотрено строительство железной дороги Карс – Ахалкалаки.

⁹ Демоян А. Евразийская политика Турции и железная дорога Карс – Ахалкалаки – Тбилиси – Баку, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2087&sphrase_id=18081, Архив автора.

¹⁰ См. Einar Wigen. Turkish Neo-Ottomanism: A turn to the Middle East? Security Policy Library 3-2009. <http://www.atlanterhavskomiteen.no/files/atlanterhavskomiteen.no/Documents/Publikasjoner/Sik.pol.bibliotek/2009/SPB%203-2009.pdf>

¹¹ См. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. S. 127.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Görgülü Aybars. Turkey – Armenia Relations: A Vicious Circle. TESEV Foreign Policy Analysis Series - 8. Istanbul. (November 2008). P. 14.

¹⁴ В Стратегии национальной безопасности Республики Армения зафиксировано: «Откровенные угрозы применения вооруженной силы против Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики озвучиваются Азербайджанской Республикой. Хотя существуют многочисленные факторы, предотвращающие подобное развитие, тем не менее воинственные заявления, звучащие на самом высоком уровне, дают основание расценивать их как непосредственную угрозу. При таком развитии Турецкая Республика, будучи стратегическим союзником Азербайджана, может создать аналогичную угрозу. Республика Армения, опираясь на общепризнанные нормы международного права, рассматривает блокаду со стороны Азербайджана и Турции как применение силы против себя». См. Приложение, документ 2.

¹⁵ См. Приложение, документ 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. Армяно-турецкие отношения: проблемы и перспективы. Сборник материалов парламентских слушаний. Ереван, «Воскан Ереванци», 2011. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Челикпала М. Турция и Южный Кавказ в 2009 г. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2011. С. 179.

²¹ См. www.president.am

²² Işeri Emre. Turkish-Armenian Impasse in the Caucasus Security Complex, in Turkey in the 21st Century Quest for a New Foreign Policy, Edited by Özden Zeynep Oktav, Ashgate, 2011. P. 117.

²³ Горгулу А. Турция и Южный Кавказ в 2010 г. // Кавказ в 2010 г. Ежегодник инс-

титута Кавказа. С. 146-147.

²⁴ Заведующий отделом международных отношений исполнительного аппарата президента Азербайджана Новруз Мамедов отметил, что Азербайджан хотел бы, чтобы Турция стала сопредседателем Минской группы ОБСЕ. Официальный Баку хочет видеть Турцию сопредседателем Минской группы ОБСЕ // Trend news. 2008, 25 сентября.

²⁵ Görgülü Aybars. Turkey – Armenia Relations: A Vicious Circle, TESEV Foreign Policy Analysis Series-8. Istanbul. (November 2008). P. 37.

²⁶ Wall Street Journal, 09.07.2008.

²⁷ См. Искандарян А., Минасян С. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс // Аналитические доклады Института Кавказа. Ереван. No. 1, январь 2010. С. 11.

²⁸ См. Майендорфская декларация 2 ноября 2008 г. С. 23.

²⁹ Охрименко И. Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/19-10-08a.htm>

³⁰ Там же.

³¹ Коммерсантъ, 01.10.2008.

³² «В первую очередь, должны быть разрешены армяно-азербайджанские взаимоотношения» – Эрдоган. <http://www.regnum.ru/news/1148715.html>, 09.04.2009.

³³ Cornell S. Azerbaijan Since Independence. P. 387.

³⁴ Там же.

³⁵ Барак Обама в парламенте Турции: «Расчет с прошлым поможет лучше ухватиться за будущее», <http://www.regnum.ru/news/1147103.html#ixzz1Q5wOaTKr> См. также The White House, Office of the Press Secretary, April 6, 2009 Remarks By President Obama To The Turkish Parliament at <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament>

³⁶ США хотят создать в Турции Армению и Курдистан, www.regnum.ru/news/1209276.html

³⁷ Там же.

³⁸ Акопян В. Россия перед лицом Карабаха, www.regnum.ru/news/1243210.html

³⁹ Давутоглу А. Южный Кавказ должен стать бесконфликтным регионом, май 27, 2009, 10:18. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/154658/>

⁴⁰ Полные тексты обоих протоколов представлены в Приложении данной работы. См. документ 6.

⁴¹ По поводу подкомиссии историков в интервью агентству РИА Новости президент Армении Серж Саргсян отметил: «Я много раз говорил: факт Геноцида не может быть темой обсуждения. Могут обсуждаться вопросы ликвидации последствий Геноцида, но никак не сам факт». Интервью президента Армении Сержа Саргсяна агентству РИА Новости, 24.04.2010 <http://www.president.am/events/press/rus/?year=2010&pn=1&id=49>

⁴² Послание Президента Республики Армения Сержа Саргсяна населению Армении, всему армянскому народу, 10.10.2009, <http://www.president.am/events/statements/rus/?year=2009&id=51>

⁴³ Во время подписания Протоколов случился казус, когда турецкая сторона в итоговое заявление включила пункт о Геноциде армян, формулировки которого не устраивали армянскую сторону. Из-за этого произошла задержка подписания документов, и в итоге было решено отказаться от итоговых заявлений.

⁴⁴ О войне флагов см. Kanca Elif. The “Single Nation, Two States” Idea: Turkey-Azerbaijan Relations in the Post-Soviet Period, http://www.ge.boell.org/downloads/History_Lessons_XX_Century.pdf

⁴⁵ Демоян А. Выявляется несколько степеней уязвимости в позиции Турции // Голос Армении, 21.03.2009.

⁴⁶ Тарасов С. Как выбраться Турции из цюрихского лабиринта, <http://www.regnum.ru/news/1244739.html>

⁴⁷ Gorgulu A., Iskandaryan A., Minasayan S. Assessing the Rapprochement Process. Ankara, TESEV publications, May 2010. P. 18.

⁴⁸ Idis Semih. The Turkish-Armenian Debacle // Insight Turkey, Vol. 12, No. 2, 2010. P. 15.

⁴⁹ Современная турецкая дипломатия в отношениях с Арменией строится на принципах средневековья и XIX века, Интервью директора Музея-института Геноцида армян Гайка Демояна агентству АрмИнфо, <http://yerkramas.do.am/news/2009-06-27-6530>

⁵⁰ Абдуллаев О. Азербайджан – 2009: основные тенденции общественно-политического и социально-экономического развития, в Кавказ – 2009. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2011. С. 23.

⁵¹ См. Hürriyet Daily News, 10.05.2010.

⁵² Премьер Турции пригрозил высылать 100 тысяч нелегальных мигрантов-армян, http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/03/16/n_1470642.shtml

⁵³ Азг, 13.06.2009.

⁵⁴ Рабочий визит президента Саргсяна в Соединенные Штаты Америки, <http://www.president.am/events/visits/rus/?visits=1&id=108>. Архив автора

⁵⁵ С. Саргсян приостановил процедуру ратификации армяно-турецких протоколов. РИА Новости, 22.04.2010.

⁵⁶ Телевизионное обращение президента Сержа Саргсяна относительно процесса нормализации отношений между Арменией и Турцией, 22.04.2010, см. www.president.am.

⁵⁷ Там же, см также Азг, 23.04.2010.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Ниязоглу Р. Между Азербайджаном и Турцией подписан Договор о стратегическом партнерстве и взаимной помощи http://www.kaspiy.az/articles.php?item_id=20100818124619869&sec_id=1, Архив автора

⁶⁰ Тарасов С. Как выбраться Турции из цюрихского лабиринта, <http://www.renum.ru/news/1244739.html>

⁶¹ Охрименко И. указ. работа.

⁶² Искандарян А., Минасян С., указ. работа. С. 33-34.

⁶³ Мехтиев Р. Современный Азербайджан как воплощение национальной идеи

<http://www.radioazadlyg.org/articleprintpreview/24198202.html> 25. 05. 2011. Архив автора.

⁶⁴ «Stratfor»: «Россия будет мешать повышению авторитета Турции в регионе», Day.Az, 14.01.2010.

⁶⁵ См. Hürriyet Daily News, 10.05.2010.

⁶⁶ de Waal Thomas. Remaking the Nagorno-Karabakh Peace Process // *Survival*, Vol. 52, No. 4, August-September 2010. P. 173.

⁶⁷ Искандарян А., Минасян С. указ. работа. С. 31-32.

⁶⁸ Cornell Svante. Azerbaijan Since Independence Sharpe 2010. P. 381-389.

⁶⁹ Minasyan Sergey. Nagorno-Karabakh after two decades of Conflict: in prolongation of the status quo inevitable? // *Caucasus Institute Research Papers*, No. 2, August 2010. Yerevan, 2010. P. 35.

⁷⁰ См. Абдулов О. Азербайджан-2009: основные тенденции общественно-политического и социально-экономического развития. С. 20.

⁷¹ Ильхам Алиев, судя по некоторым сообщениям, заявил, что если Турция пойдет на соглашение с Арменией и не будет учитывать интересы Азербайджана в Карабахском вопросе, то Азербайджан прекратит снабжение газом Турции, См. Jamestown Eurasia Daily Monitor, April 9, 2009.

⁷² Bulent Aras. A new Era in Turkish-Armenian Relations, ISS Opinion, European Union institute for security Studies, September 2009. См. http://www.iss.europa.eu/uploads/media/A_new_era_in_Turkish-Armenian_relations.pdf

Глава 2

¹ Milliyet, 18.12.1996.

² Давутоглу А. Турция нуждается в новой и более мощной внешней политике. PanArmenian.net 05.01.2010 15:11.

³ Свистунова И. Внешняя политика Турецкой Республики в 2010 году, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/24-01-10.htm>

⁴ Architect of 'strategic depth' concept unveils new foreign policy. Hürriyet Daily News, 04.01.2010.

⁵ A. Davutoglu Unveils New Foreign Policy Agenda // *Asbarez*, January 4th, 2010, И. Свистунова, указ. работа.

⁶ Демоян А. Турцию с позором вернули в переговорный процесс с Арменией. Arminfo 2009-09-07.

Заключение

¹ Cornell E.Svante. Turkey's Prospects in the Nagorno-Karabakh Conflict and Its Regional Implications // *Marco Polo*, No. 4-5, 1998. P. 3.

² Landau Jakob. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. P. 215.

³ Intervention of Ethnic Conflict. A Publication of the International Centre for Ethnic Studies, Ed. By K. M. de Silva a. R. J. May., London, 1991. P. 6.

⁴ В разделе VI «Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе», где говорится о невмешательстве во внутренние дела государств, отмечено: «Государства-участники будут воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений. Они будут, соответственно, воздерживаться от любой формы вооруженного вмешательства или угрозы такого вмешательства против другого государства-участника. Они будут точно так же при всех обстоятельствах воздерживаться от любого другого акта военного или политического, экономического или другого принуждения, направленного на то, чтобы подчинить своим собственным интересам осуществление другим государством-участником прав, присущих его суверенитету, и таким образом обеспечить себе преимущества любого рода. Соответственно они будут, в том числе, воздерживаться от оказания прямой или косвенной помощи террористической деятельности или подрывной или другой деятельности, направленной на насильственное свержение режима другого государства-участника». См. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Т. 1. С. 857.

⁵ Арутюнян. В. Б. События в Нагорном Карабахе. Часть V. С. 282-283.

⁶ Пэ Оливье и Ремакль Эрик. Политика ООН и СБСЕ в Закавказье // Спорные границы на Кавказе, под ред. Бруно Копитерса. М., «Весь мир», 1996. С. 150.

⁷ «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», принятая 24 октября 1970 года, см. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Национальный архив Армении

1. Фонд 1, оп. 127, д. 784, л. 7.
 2. Фонд 1, оп. 127, д. 784, л. 8.
 3. Фонд 1, оп. 127, д. 536, л. 13.
 4. Фонд 1, оп. 127, д. 536, л. 14.
 5. Фонд 1, оп. 127, д. 700, л. 16.
 6. Фонд 1, оп. 127, д. 784, л. 36.
 7. Фонд 1, оп. 127, д. 537, л. 39.
 8. Фонд 1, оп. 127, д. 784, л. 52.
 9. Фонд 1, оп. 127, д. 536, л. 53.
 10. Фонд 1, оп. 127, д. 700, л. 83.
 11. Фонд 1, оп. 127, д. 784, л. 117.
 12. Фонд 1, оп. 127, д. 700, л. 84.
 13. Фонд 1, оп. 127, д. 784, л. 92.
 14. Фонд 200, оп. 1, д. 23, л. 56.
 15. Фонд 200, оп. 1, д. 23, лл. 10-11.
 16. Фонд 200, оп. 1, д. 23, л. 79.
 17. Переписка Энвера и Кемаля-паши. Коллекция переводов, НАА.
 18. Наши действия на Северном Кавказе в мировой войне и боевые действия 15-ой дивизии, полковник И. Беркук // Askeri mecmua, 1 Eylul, 1934. Коллекция переводов, НАА.
 19. 5-ая кавказская пехотная дивизия на путях к Баку во время мировой войны, начальник штаба 5-ой дивизии Рюшту // Askeri mecmua, 1 Haziran, 1934, No. 34. Коллекция переводов, НАА.
 20. Энгин Арын. Атаюркизм и борьба между москалями и тюркским миром. Стамбул, 1953. Коллекция переводов, НАА.
- Open Society Archives (OSA), Будапешт, Венгрия*
21. Afghan Mujahid Ready to Fight for Nagorno-Karabakh. RFE/RL Records, May 4, 1994, Slavic, Baltic&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.
 22. Afghan Mujahideen Said to Be Involved in Karabakh Fighting. RFE/RL Records, December 23, 1993, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.
 23. Armenians in Turkey Receive Threatening letters, «Reuters», 28.10.1994. Slavic, Baltic&Eurasian Archive, HU-OSA, 300/80/3 box II.
 24. Azerbaijan and Turkey to Cooperate in Military Training. Krasniy Arkhiv, RFE/RL Records, HU-OSA, 300/80/1/13.
 25. Azerbaijan Asks Turkey for More Military Training. RFE/RL Records, December

- 30, 1993, HU-OSA 300/80/6/3.
26. Azerbaijan Enlists Afghan Mercenaries. RFE/RL Records, November 8, 1993, SB&Eurasian Archive, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/3.
27. Fuller Elizabeth. Azerbaijan After the Presidential Elections. RFE/RL Research Report, vol. 1, No. 26, 26 June, 1992, Slavic, Baltic&Eurasian Archive, Azerbaidjan, HU-OSA, 300/80/1/13.
28. Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Can Turkey Remain Neutral? RFE/RL Research Report, April 3, 1992, Nagorni Karabakh, HU-OSA, 300/80/1/15.
29. Fuller Elizabeth. Nagorno-Karabakh: Internal Conflict Becomes International. RFE/RL Research Report, 13 March 1992, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.
30. Fuller Elizabeth. The Thorny Path to an Armenian-Turkish Rapprochement. RFE/RL Research Report, Vol. 2, No. 12, 19 March 1993, Slavic, Baltic&Eurasian Archive, Нагорный Карабах, HU-OSA, 300/80/1/15.
31. Fuller Liz. Russia, Turkey, Iran and Karabakh Mediation Process. RFE/RL Research Institute, February 16, 1994, HU-OSA 300/80/6/2.
32. Kazakhstan Muslims to Fight in Karabakh? RFE/RL Records, Нагорный Карабах, HU-OSA 300/80/1/15.
33. Reese William. Turkish Claims to Say in the Status of Nakhichevan. RFE/RL Research Institute, RL 136/88, March 28, 1988, KRASNIY ARKHIV, Armenia, HU-OSA, 300/80/1/49.
34. Stepanakert Claims Azeris Increasingly Use Turkish Weapons in Karabakh, INTERFAX. RFE/RL Records, April 4, 1994, SLAVONIC, BALTIC&EURASIAN ARCHIVE, Azerbaidjan, HU-OSA, 300/80/6/2.
35. Turkey has nothing to do with Azerbaijan, Munich, December 21, 1988 (RLIMU/Erkin Alptekin), F575, Radio Liberty Research Red Archive, HU-OSA, 300/80/1/944.
36. Turkey Providing Weapons to Nakhichevan? RFE/RL Reports, September 10, 1992, HU-OSA, 300/80/1/1054.
37. Turkish Troops put on Alert on Armenian Border. RFE/RL Records, September 3, 1993, HU-OSA, 300/80/6/2.
38. Turkey Rejected EU Request to Open Border with Armenia, November 11, 1994. Slavic, Baltic&Eurasian Archive, HU-OSA, 300/80/3 box II.
39. Turkey Seeks Debate on Peacekeepers for Caucasus (Reuter) June 27, 1994. Slavic, Baltic&Eurasian Archive HU-OSA, 300/80/3 box II.
40. Up to 2500 Afghan May Be Fighting in Azeri Army. RFE/RL Records, April 27, 1994, Azerbaijan, HU-OSA, 300/80/6/2.
41. RFE/RL Reports on the USSR, January 19, 1990 HU-OSA 300/8/38/box 1.

Архив МИД РА

42. Письмо Министерства иностранных дел РА в МИД Турции, 10/2/96, Архив МИД РА, дело 291, л. 17.
43. Телефонный разговор между заместителем министра иностранных дел РА

Арменом Байбурдяном и послом Турции в РФ Наби Шансоем, Архив МИД РА, дело 243, оп. 5.

Архив Музея-института Геноцида армян

44. Архив Музея-института Геноцида армян, отдел 31, п. 14, ед. фондowego хранения No. 26.

Первоисточники и сборники документов

45. Армения в документах международной дипломатии и советской внешней политики (1828-1923 гг.), под ред. Джона Киракосяна. Ереван, «Айастан», 1972 (на арм. яз.). – 810 с.
46. Армения и советско-турецкие отношения в дипломатических документах 1945-1946 гг., под ред. Армана Киракосяна. Ереван, «Тигран Мец», 2010. – 332 с.
47. Армяно-русские отношения в XVIII веке, сборник документов, Т. I. Под ред. Парсамяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1953.
48. Армяно-русские отношения в XVIII веке, сборник документов, том II, часть I. Под ред. Ашота Иоаннисяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1964. – 396 с.
49. Армяно-русские отношения в XVIII веке, сборник документов, том II, часть II. Под ред. Ашота Иоаннисяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1967. – 420 с.
50. Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. 4, под ред. акад. М. Г. Нерсисяна. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1990. – 590 с.
51. Большевицкое руководство. Переписка 1912-1927. М., РОССПЭН, 1996. – 423 с.
52. Бондаревский Г. Л. Трагедия Кавказа: факты истории (на основе документов Public Record Office, Лондон) // Новая Евразия: Отношения России со странами Ближнего Зарубежья. Сб. статей, No. 2. М., РИСИ, 1994.
53. Борьба за победу советской власти в Азербайджане 1918-1920 гг. Документы и материалы, отв. ред. И. А. Гусейнов. Баку, Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1967. – 569 с.
54. Борьба за установление советской власти в Дагестане, 1917-1921 гг. Сборник материалов и документов. М., 1958. – 538 с.
55. Врацян С. Республика Армения. Париж, 1928. – 548 с. (на арм. яз.).
56. Геноцид армян в Османской империи, Сборник документов и материалов, под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, «Айастан», 1966. – 563 с.
57. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Сост. и отв. редактор Ю. Г. Барсегов, Т. 1. М., «Гардарики», 2002. – 816 с.
58. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Сост. и отв. редактор Ю. Г. Барсегов, Т. 2, Ч. 1. М., «Гардарики», 2003. – 912 с.
59. Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообще-

- ства. Документы и комментарий. Сост. и отв. редактор Ю. Г. Барсегов, Т. 2, Ч. 2. М., «Гардарики», 2005. – 608 с.
60. Джордж Дэвид Ллойд. Правда о мирных договорах, Т. 2. М., Изд-во иностранной литературы, 1957. – 556 с.
61. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Армения, ориентированном в XXI век // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия в 4-х томах, Т. 4. Документы, сост. Т. А. Шаклеина. М., РОССПЭН. 2002. – 544 с.
62. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. 29 августа 1997 г. // Дипломатический бюллетень МИД Армении, июль-сентябрь 1997 г. (на арм. яз.).
63. Деникин А. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 – январь 1919. Воспоминания. Мемуары. Минск, «Харвест», 2002. – 463 с.
64. Документы внешней политики СССР, Т. 1. М., «Госполитиздат», 1957. – 771 с.
65. Документы внешней политики СССР, Т. 3. М., «Госполитиздат», 1959. – 723 с.
66. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тбилиси, 1919. – 513 с.
67. Документы историко-дипломатического архива Министерства иностранных дел Италии об Армянском вопросе. Т. 2. Ереван, МИГА, 2010 (пер. с итальянского на армянский). – 279 с.
68. Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г. Документы и материалы, сост. Х. А. Бадалян. Ер., Изд-во ЕГУ, 1970. – 250 с.
69. Ишханян Б. Великие ужасы в городе Баку. Тифлис, 1920. – 179 с.
70. Ишханян Е. Нагорный Карабах 1917-1920 гг. Ереван, «Айастан», 1999. – 730 с. (на арм. яз.).
71. Кавказская конфедерация в официальных декларациях, тайной переписке и секретных документах движения «Прометей». М., Социально-политическая мысль, 2012. – 240 с.
72. Казанджян Рем. К предистории самоопределения Нагорного Карабаха. М., 1997. – 52 с.
73. Киров С. М. Статьи, речи, документы, Т. 1. М., 1936.
74. Крымско-татарское национальное движение, под ред. М. Н. Губогло, С. М. Червонной, Т. 1. Москва, РАН, Центр по изучению межнациональных отношений, Ин-т этнографии и антропологии, 1992. – 331 с.
75. Манасян А. С. Карабахский конфликт. Ключевые понятия и хроника. Ереван, «Нораванк», 2005. – 215 с.
76. Манасян А. С. Карабахский конфликт. Международно признанные основания проблемы. Открытая папка правовых документов. Ереван, Фонд против правового произвола, 2004. – 54 с.
77. Манукян В. Армянская мечта в тупиках выживания. Ереван, 2002. – 860 с. (на арм. яз.).
78. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, под ред. П. Г. Буткова. СПб, 1869.

79. Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. 1-4. М., Государственное изд-во Литиздат Н.К.И.Д. 1924-1934, Т. 4. – 571 с.
80. Нагорный Карабах в 1918-1923 гг. Сборник документов и материалов, отв. ред. В. Микаелян. Ереван, Изд-во АН Армении, 1992. – 756 с.
81. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий, под ред. Ю. Барсегова, Т. 1. Москва, «КРУГЪ», 2008. – 944 с.
82. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Комментарии к документам, под ред. Ю. Барсегова, Т. 2. Москва, «Мелихово», 2010. – 480 с.
83. Нахиджеван-Шарур 1918-1921 гг. Документы и материалы // Вестник архивов Армении, No. 1-2. Ереван, 1993. – 391 с.
84. Орджоникидзе Г. К. Избранные статьи и речи, 1911-1937 / Под ред. А. И. Микояна. М., «Госполитиздат», 1939. – 525 с.
85. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи, Т. 1. М., Госполитиздат, 1956. – 516 с.
86. Осканян В. Незавершенная декада. Ереван, «Фонд Сивилитас», 2009. – 517 с. (на арм. яз).
87. Погромы армян в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1918-1920 гг. Сборник документов и материалов, отв. ред. А. Вирабян, сост. С. Мирзоян, А. Казиян. Ереван, Национальный архив Армении, 2003. – 523 с.
88. Республика Армения в 1918-1920 гг. (политическая история). Сборник документов и материалов, ред. Г. Галоян и В. Казахецян. Ереван, 2000. – 454 с. (на арм. яз.).
89. Сеф С. Правда о Шамхоре. 7-12 января 1918 г. Тифлис, Акц. О-во Заккнига, 1927. – 58 с.
90. Стратегия национальной безопасности Республики Армения // «Айкакан банак», Специальный выпуск военно-научного журнала, Институт национальных стратегических исследований имени Драстамата Канаяна. Ереван, 2007.
91. Ступишин В. Моя миссия в Армении (1992-1994). Воспоминания первого посла России. М., «Academia», 2001. – 295 с.
92. Тер-Петросян Л. Антология. Ереван, 2007. – 727 с. (на арм. яз).
93. Тер-Петросян Л. Армяно-турецкие отношения. Ереван, 2009. – 96 с. (на арм. яз).
94. Тумян А. События в Нагорном Карабахе в 1917-1920 гг. Исторический очерк. Ереван, «Антарес», 2008. – 336 с. (на арм. яз.).
95. Турецкая республика. Справочник, ответственные редакторы Н. Ю. Ульянов, Е. И. Уразова. М., Институт востоковедения РАН, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – 344 с.
96. Турецкие источники об Армении и армянах и других народах Закавказья, Т. 1. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1961. – 403 с.
97. Хатисян Ал. Возникновение и развитие Республики Армения. Афины, «Нор ор», 1930. – 368 с. (на арм. яз).
98. Хачатрян А. Восточноармянско-турецкие дипломатические отношения. Ереван, Национальный архив Армении, 2010. – 287 с. (на арм. яз.).
99. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427

- год. Баку, 1984. – 88 с.
100. Шихлинский А. Мои воспоминания. Баку, «Азернешр», 1984. – 218 с.
101. Эзов Г. А. Сношения Петра Великого с армянским народом. Документы. С.-Петербург, 1898. – 512 с.
102. Armenia at the Crossroads. Democracy and Nationhood in the Post-Soviet Era, edited by Gerard J. Libaridian. Watertown, Blue Crane Books, 1991. – 170 p.
103. Azerbaijan. Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabagh. New York, Human Rights Watch, 1994. – 118 p.
104. Atatürkün Soylev ve demecleri, cilt 2. Istanbul, Türk inkılâp Tarihi Enstitüsü Yayınları, 1945.
105. Bournoutian A. George. The 1923 Russian Survey of the Karabagh Province: A Primary Source on the Demography and Economy of Karabagh in the Early 19th Century. Mazda publishers, Inc. Costa Mesa California, 2011. – 458 p.
106. Chrysanthopoulos T. Leonidas. Caucasus Chronicles. Nation Building and Diplomacy in Armenia, 1993-1994. Princeton and London Gomidas Institute Books, 2002. – 180 p.
107. The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. W. W. Norton & Company; First edition, October 17, 2004. – 567 p.
108. Communist Takeover and Occupation of Armenia, Special Report No. 5 of the Select Committee on Communist Aggression. House of representatives, eighty-third congress, Second session under authority of H. Res. 346 and H. Res. 438, Washington, 1955. – 16 p.
109. Churchill W. The world crisis: The Aftermath. London, Thornton Butterworth, 1929. – 474 p.
110. Documents d'actualité internationale. Paris, 1995, 15 janvier, No. 2. – 36 p.
111. Documents on British Foreign Policy 1919-1939, Edited by E. L. Woodward and Rohan Butler, First series, Vol. III, 1919, Document No. 613. London, His majesty's Stationery office, 1949. – 800 p.
112. Extremist Movements and Their Threat to the United States. Hearing Before the Subcommittee on Near Eastern and South Asian Affairs of the Committee on Foreign Relations United State Senate, One Hundred Sixth Congress, First Session, November 2, 1999. Washington, 2000. – 35 p.
113. Goltz T. Azerbaijan Diary. A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic. Armonk, New York, London, M. E. Sharpe, 1998. – 497 p.
114. Human Rights Advocates. Nagorno-Karabagh. Working Paper Submitted to the UN Economic and Social Council, Fiftieth Session, 31 January to March 11, 1994, submitted by Hrair Balian. – 26 p.
115. Keykurun Naki. The Memoirs of the National Liberation Movement in Azerbaijan, by Tomris Azeri, New York, 1998, <http://www.azerbaijan.com/azeri/tomrisbook2.htm>
116. MacDonell Ronald. "... and Nothing Long". London, Constable&Co. Ltd, 1938. – 328 p.
117. Nichol Jim. Transcaucasus Newly Independent States: Political Developments

- and Implications for U.S. Interests. CRS Issue Brief Updated August 17, 1995. By Jim Nichol. Foreign Affairs and National Defense Division. Congressional Research Service. The Library of Congress. Washington DC, 1995. – 16 p.
118. Ohandjanian A. 1915. Irrefutable Evidence. Austrian Documents on the Armenian Genocide. Yerevan, AGMI, 2004. – 522 p.
119. Oskanian V. A New Security Agenda for Armenia // Transitions, September 1997. – pp. 58-62.
120. Outline of Events in Transcaucasia from the beginning of the Russian Revolution in the Summer of 1917 to April 1921, May 31 в Аджария и Британская империя в 1918-1921 (в сборнике британских архивных материалов), гл. ред. А. Абашидзе, 2003/8. – сс. 9-44.
121. Pomiankowski, Joseph. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches: Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges. Zurich-Leipzig-Wien, Amalthea Verlag, 1928.
122. Raport d'information No. 1851 de la commission des affaires etrangeres de l'Ansamblee nationale, decembre, 1992 // Rapport annuel mondial sur la systeme economique et les strategies, Paris, 1995.. – 207 p.
123. Russia and the Commonwealth of Independent States. Documents, Data, and Analysis, Zbigniew Brzezinski, Paige Sullivan (ed.), The Center for Strategic and International Studies. Armonk, New York, London, England, M. E. Sharpe, 1997. – 888 p.
124. The Sumgait Tragedy: Pogroms against Armenians in Soviet Azerbaijan, Volume 1, Eyewitness Accounts, Edited by Samvel Shahmuratian, Aristide D. Caratzas & Zoryan Institute, New York & Cambridge, 1990. – 343 p.
125. Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Akşin. The University of Utah Press, 2010. – 968 p.

Диссертации и авторефераты

126. Амирбеян С. Проблемы армяно-турецких политических отношений и перспективы их нормализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2006. – 12 с.
127. Алексеев С. А. Политика Турции на Кавказе и ее влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2003. – 32 с.
128. Горошков Н. П. Процесс становления и развития пантюркизма. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Воронеж, 1997. – 199 с.

Литература на русском языке

129. Абдуллаев О. Азербайджан – 2009: основные тенденции общественно-политического и социально-экономического развития, в Кавказ – 2009. Ежегодник

- Института Кавказа. Ереван, Институт Кавказа, 2011. – 9-28 сс.
130. Аветисян Г. Брест-Литовск: Как были отторгнуты Турцией Карс, Ардаган и Батум. Ереван, «Спюрк», 1994. – 146 с.
131. Аветисян Г. К вопросу о «кавказском доме» и пантюркистских устремлениях, в сб. Этнические и региональные конфликты в Евразии, Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. М., «Весь Мир», 1997. – сс. 130-158.
132. Авыюцкий В. Северный Кавказ как «внутреннее зарубежье» России // Центральная Азия и Кавказ, No. 5 (23), 2002. – сс. 75-82.
133. Азербайджанская демократическая республика (1918-1920). Баку, «Эльм», 1998. – 134 с.
134. Азербайджанская демократическая республика – 90. М., «Salam press», 2008. – 136 с.
135. Айбнер Дж., Кокс К. Этническая чистка продолжается. Война в Нагорном Карабахе. Ереван, «Гитутюн», 1998. – 108 с.
136. Айдын М. Турецкая политика в отношении Кавказа в 2007 г. Кавказ. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, Институт Кавказа, 2009. – сс. 176-194.
137. Акчам Танер. Турецкое национальное «я» и Армянский вопрос. М., «АО Арио-Никс», 1995. – 198 с.
138. Алиев Г. З. К вопросу о помощи азербайджанской демократии младотурецкому движению // Тюркологический сборник. М., «Наука», 1975. – 187-191 сс.
139. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., «Наука», 1972. – 388 с.
140. Араз Б., Каракаш-Келеш Х. Армяно-турецкие отношения: критический анализ // Центральная Азия и Кавказ, No. 4 (22), 2002. – сс. 122-131.
141. Арутюнян А. Кавказский фронт, 1914-1917. Ереван, «Айастан», 1971. – 416 с.
142. Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника, Часть 4: январь 1991 г. – январь 1993 г. Ереван, «Гитутюн», 1994. – 248 с.
143. Арутюнян В. Б. События в Нагорном Карабахе. Хроника, Часть 5. Ереван, «Гитутюн», 1997. – 511 с.
144. Арухов З. С. Вооруженные конфликты на Северном Кавказе в свете теории и практики джихада // Южнороссийское обозрение, Выпуск 1. 2001, CD версия.
145. Асатрян Г. Этюды иранской этнологии. Ереван, Кавказский центр иранистики, 1998. – 118 с.
146. Аслания А. Л. Младотурки перед национальной проблемой. Ереван, «Ван Арьян», 2010. – 149 с.
147. Багиров Э. А. Из истории советско-турецких отношений (1920-1922 гг.). Баку, Изд-во АН АзССР, 1965. – 144 с.
148. Балаев А. Азербайджанские тюрки. Процессы формирования нации и национальной идентичности на рубеже XIX-XX вв. Баку, «Qanun», 2010. – 328 с.
149. Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, «Елм», 1998. – 280 с.
150. Балаев А. Мамед Эмин Расулзаде (1884-1955), М., «Флинта», 2009. – 288 с.
151. Барсегов Ю. Г. Геноцид армян – преступление по международному праву.

- М., «XXI век-Согласие», 2000. – 272 с.
152. Баусин Л. Почему Анкара поддерживает Баку // *Азия и Африка сегодня*, No. 3, 1993. – сс. 40-41.
153. Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его кавказская армия 1917-1919. М., «Центрполиграф», 2011. – 348 с.
154. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М., «Международные отношения», 1998. – 234 с.
155. Босин Ю. В. Роль религиозно-этнического фактора во внутриафганском конфликте, в сб. Афганистан: проблема войны и мира. Вып. 3. М., ИИИиБВ, ИВ РАН, 2000. – сс. 70-74.
156. Варданян А. А. Политика и мораль. М., «Гуманитарий», 1997. – 364 с.
157. Варданян Т. Азербайджанцы. История одного незавершенного этнопроекта. Историко-этнологический очерк. М., «Русская панорама», 2012. – 88 с.
158. Василева О. Средняя Азия: год после путча. М., Международный фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев-фонд)&Центр «Север-Юг», 1993. – 78 с.
159. Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., «Европа», 2007. – 256 с.
160. Гаджиев А. Демократические республики Юго-Западного Кавказа (Карсская и Араз-Тюркская республики). Баку, «Нурлан», 2004. – 275 с.
161. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., «Международные отношения», 1999. – 464 с.
162. Гасанлы Дж. Внешняя политика Азербайджанской демократической республики (1918-1920), Т. 1. М., «Флинта», 2010. – 576 с.
163. Гасымлы М. СССР-Турция: от нормализации отношений до новой холодной войны. М., «Инсан», 2008. – 576 с.
164. Горгулу А. Армяно-турецкие отношения: вечный тупик? // *Кавказское соседство. Турция и Южный Кавказ*. Ереван, Институт Кавказа, 2008. – 142-164 сс.
165. Григорянц В. Е. Армяне Средней Азии. История, современное положение, перспективы. Ереван, 1994. – 159 с.
166. Гудиашвили Д. Турция и российско-чеченская война 1994-1996 гг. // *Центральная Азия и Кавказ*, No. 5 (23), 2002. – сс. 85-93
167. Гумпель В. На стыке Европы и Азии: Посредническая роль Турции как региональной власти // *Internationale Politik*, 1998, No. 1, Бонн-Москва. – сс. 22-26.
168. Гусейнов В. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М., «Олма-Пресс», 2002. – 384 с.
169. Голтекин Б. Пограничное сотрудничество между Турцией и Южным Кавказом: перспективы субрегиональной интеграции, в сб. От экономики войны к экономике мира на Южном Кавказе. Лондон, Международная Тревога, 2004. – сс. 30-81.
170. Данилов В. И. Исламское движение и политический кризис в Турции 90-х годов, в сб. Мусульманские страны у границ СНГ. М., ИВРАН-Крафт+, 2001. – сс. 165-178.

171. Дарабади П. Военные проблемы политической истории Азербайджана начала 20-го века. Баку, «Элм», 1991. – 205 с.
172. Демоян Г. Военная помощь Турции Азербайджану в ходе карабахской войны (1991-1994 гг.) // *Новая Евразия*. Т. 14. Москва, РИСИ, 2002. – сс. 156-175.
173. Демоян Г. Карабахский конфликт и взаимоотношение тюркоязычных государств // *Центральная Азия и Кавказ*, No. 4, 2000. – 196-204 сс.
174. Демоян Г. Некоторые аспекты армяно-турецких взаимоотношений в контексте региональных процессов, в сборнике Ориентиры внешней политики Армении. Ереван, «СПЕКТРУМ», 2002. – 49-61 сс.
175. Демоян Г. Тюркские саммиты: цели, задачи, приоритеты и позиция в Карабахском вопросе // *Нораванк. Бюллетень научно-образовательного фонда*, No. 10 (16). Ереван, 2005. – 33-54 с.
176. Демоян Г. Турция и карабахский конфликт. Востокведческий сборник, Вып. 4. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – 22-35 с.
177. Демоян Г. Турция и Карабахский конфликт. Историко-сравнительный анализ. Ер., Авторское издание, 2006. – 255 с.
178. Джуварли Т. Азербайджанская нефть: поиски равнодействующей, в сборнике Азербайджан и Россия: Общества и государства. М., «Фонд Андрея Сахарова», 2001. – 378-434 сс.
179. Добаев И. П. Геополитика Турции на Кавказе // *Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион, Общественные науки*, 1999, No. 1. – 7-14 сс.
180. Добаев И. П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. – 416 с.
181. Боданский Йозеф. Талибы, международный терроризм и человек, объявивший войну Америке. М., «Вече», 2002. – 384 с.
182. Едемский А. Неоосманизм как реальность современной геополитики, Рецензия на книгу Д. Танасковича Неоосманизм: доктрина и внешнеполитическая практика. Белград, 2011. // *Проблемы национальной стратегии*, No. 2 (11). М., 2012. – сс. 204-205.
183. Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. М., «Олма-Пресс», 2002. – 281 с.
184. Жданов И. В., Игнатенко А. А. Ислам на пороге XXI века. М., Изд-во политической литературы, 1989. – 352 с.
185. Жего М. Турция. Республика в кризисе, в «Турция». Сборник обзоров. М., РАН, 2002. – 85-92 сс.
186. Жильцов С. С., Зонн И. С., Ушков А. М. Геополитика Каспийского региона. М., «Международные отношения». 2003. – 280 с.
187. Журналисты на войне в Карабахе. М., «Права человека», 2002. – 183 с.
188. Завриев Д. С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., Изд-во ТБГУ, 1946. – 370 с.
189. Зареванд. Турция и панттуризм, Введение А. Н. Мандельштама, Париж, 1930, репринтное издание. Ереван, 1991. – 168 с.
190. Зверев А. Этнические конфликты на Кавказе 1998-1994, в сборнике Спорные границы на Кавказе. М., «Весь мир», 1996. – сс. 10-76.

191. Зейналов Р. Э. Военное строительство в Азербайджанской ССР. Баку, «Элм», 1990. – 203 с.
192. Золян С. Нагорный Карабах: проблема и конфликт. Ереван, «Лингва», 2001. – 308 с.
193. Иванова И. И. Роль Турции в мусульманском мире и политика Запада, в «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х). М., «Наука», 1987. – сс. 141-147.
194. Имранлы К. Создание Армянского государства на Кавказе: Истоки и последствия. М., «Ладомир», 2006.
195. Иоаннисян А. Историческое введение, в Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века, сборник документов, Т. II, часть I, под ред. Ашота Иоаннисяна. Ереван, 1964. – сс. V-XCIX.
196. Искандарян А. Национальные интересы и ожидания Армении за пределами регионального конфликта // Страны бывшего СССР и европейская безопасность. Материалы международной конференции. М., «Международные отношения», 1994. – сс. 87-95.
197. Искандарян А., Минасян С. Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс // Аналитические доклады Института Кавказа. Ер., No. 1, январь 2010. – 59 с.
198. Исмаилов Э. Очерки по истории Азербайджана. Москва, «Флинта», 2010. – 423 с.
199. История Азербайджана в трех томах, под редакцией академиков И. А. Гусейнова и А. С. Сумбат-заде. Баку, Изд-во АН Аз. ССР, 1958. Т. 1. – 423 с.
200. Исхаков С. Русские мусульмане и революция (весна 1917 г. -1918 г.). М., Изд-во Социально-политическая мысль, 2004. – 599 с.
201. Кавказское соседство. Турция и Южный Кавказ. Ереван, Институт Кавказа, 2008. – 171 с.
202. Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1960. – 504 с.
203. Казимиров В. Гуманитарная катастрофа в зоне Карабаха была, может быть, больше, чем ныне вокруг Косово // Международная жизнь, No. 5. М., 1997. – сс. 8-20.
204. Казимиров В. Мир Карабаху. М., «Международные отношения», 2008. – 456 с.
205. Карабахский конфликт: азербайджанский взгляд. М., «Европа», 2006. – 256 с.
206. Кепель Жиль. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., «Ладомир», 2004. – 468 с.
207. Киреев Н. Г. История Турции век XX. М., Крафт+ ИВ РАН, 2007. – 608 с.
208. Киреев Н. Г. Турция: поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ, No. 1. Стокгольм, 2002. – 20-30 сс.
209. Киреев Н. Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., ИВ РАН, 2003. – 244-258 сс.

210. Киреев Н. Г. Секуляризм и национализм – два идеологических кита модернизации Турции // Турция: современные проблемы экономики и политики. М., ИВ РАН, 1997. – сс. 5-31.
211. Киреев Н. Г. Турция – экономический партнер и политический соперник России в Евразии // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности, Материалы конференции. М., ИИИБВ, 2001. – сс. 78-105.
212. Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период. М., «Русская панорама», 2004. – 296 с.
213. Корхмазян Р. Турецко-германские отношения в годы Второй мировой войны. Ер., Изд-во АН Арм ССР, 1977. – 188 с.
214. Кровавый терроризм. М., «ОЛМА ПРЕСС», 2000. – 319 с.
215. Кудрявцев В. Феномен «арабских афганцев» // Ближний Восток и современность, Вып. 17. М., ИИИиБВ, 2003. – сс. 163-173.
216. Куртов А. А., Халмухамедов А. М. Армения-Турция: противостояние или сотрудничество? // Армения: Проблемы независимого развития. М., РИСИ, 1998. – сс. 449-463.
217. Лакоба Станислав. Абхазия де-факто или Грузия де-юре? (О политике России в Абхазии в постсоветский период, 1991-2000 гг.) Sapporo/ Slavic Research Center, Hokkaido University 2001. – 109 с.
218. Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы Первой мировой войны. М., Изд-во МУ, 1966. – 386 с.
219. Майендорфская декларация 2 ноября 2008 года и реакция на ее принятие. М., «Русская панорама», 2009. – 352 с.
220. Малащенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., Московский центр Карнеги, «Гендельф», 2001. – 180 с.
221. Малащенко А. В. Мусульманский мир СНГ. М., 1996. – 182 с.
222. Малащенко А. Русский национализм и ислам, в сб. Этнические и региональные конфликты в Евразии, Книга 2, Россия, Украина, Белоруссия. М., «Весь мир», 1997. – сс. 8-22.
223. Маммадов И., Мусаев Т. Армяно-азербайджанский конфликт. История, право, посредничество. Тула, 2006. – 192 с.
224. Марджанлы М. Армянство. Россия. Кавказ. М., «Флинта», 2010. – 96 с.
225. Мещеряков В. Азербайджан-Россия: Параметры взаимозависимости // Азия и Африка сегодня, No. 8. М., 1997. – 65-69 сс.
226. Мехтиев Р. Э. Межнациональные отношения на исходе XX столетия: проблемы теории и политики. Баку, Азербайджанское государственное изд-во, 1995. – 222 с.
227. Мирсаид Султан-Галиев и идеология национально-освободительного движения. М., 1990. – 142 с.
228. Мурадян И. Политика США и проблемы безопасности региона Южного Кавказа. Ереван, «Антарес», 2000. – 195 с.
229. Мурадян И. Система разведывательных служб Турции и пантюркистские организации, «IRAN&CAUCASUS», III-IV Research Papers From the Caucasian

- Centre for Iranian Studies. Yerevan, 2000, Leiden 1999-2000. – сс. 337-366.
230. Мурадян П. История – память поколений. Проблема истории Нагорного Карабаха. Ереван, Изд-во ЕГУ, 1990. – 160 с.
231. Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М., МИК, 2006. – 356 с.
232. Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов: Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. – 90-е гг. XX в.). Казань, «Заман», 1996. – 271 с.
233. Надеин-Раевский В. Пантюркизм: миф или реальность. М., Институт мировой экономики и международных отношений, 1995. – 208 с.
234. Надеин-Раевский В. Турция, Россия и тюркоязычные народы после распада СССР // Мировая экономика и международные отношения, No. 4. М., 1994. – сс. 39-50.
235. Новоселов Д. Реакция в Пакистане на события в Советской Средней Азии и Закавказье (по материалам пакистанской прессы) // Специальный бюллетень, No. 3. М., 1991. – сс. 146-151.
236. Ованнисян Г. Ричард. Международные отношения Республики Армения. Ереван, «Тигран Мец», 2007. – 890 с.
237. Овсепян Л. Тенденции турецко-азербайджанского военного сотрудничества в контексте безопасности Армении и Нагорного Карабаха, в Внешнеполитические аспекты Карабахского конфликта. Аналитические записки Института политических исследований, Вып. 3. Ереван, 2009. – сс. 121-131.
238. Оганесян Э. Век борьбы, Т. 2. Мюнхен-Москва, «Феникс», 1991. – 383 с.
239. Парамонов В. Формирование геополитической ситуации в Центральной Азии – внешние факторы // Центральная Азия и Кавказ, No. 1 (7). Стокгольм, 2002. – сс. 14-21.
240. Пахомов Е. А. Краткий курс истории Азербайджана. Баку, Бакинский отдел народного образования, 1923. – 48 с.
241. де Пау Фредди. Политика Турции на Кавказе, в сб. Спорные границы на Кавказе. М., «Весь мир», 1996. – сс. 200-216.
242. Перепелкин Л. С. Армения: современная социально-экономическая и политическая ситуация // Этнографическое обозрение, No. 5, 1992. – сс. 19-31.
243. Петров Н. И. Политическая стабильность в условиях командно-административного режима, в сб. Постсоветская Центральная Азия. Потери и приобретения. М., Восточная литература, РАН, 1998. – сс. 94-159.
244. Петрова С. Н. Культурно-историческое наследие как ресурс внешней политики республики Узбекистан // Восток-Оrient, No. 3. Москва, 1998. – сс. 79-88.
245. Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., «Наука», 1971. – 328 с.
246. Пипия Г. В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. М., Наука, 1978. – 222 с.
247. Пирумян Р. Армения в сфере отношений АРФ «Дашнакцутюн» – большевик (1917-1921). Ер., «Эдит Принт», 2002. – 265 с.

248. Погосян А. М. Карсская область в составе России. Ереван, «Айастан», 1983. – 286 с.
249. Полковников П. «Аль-Каида» на Кавказе. Сотни ее боевиков сражались в Карабахе, Чечне и Средней Азии // Независимое военное обозрение, No. 2 (317), 24.01.2003.
250. Поляков К. Арабо-мусульманское влияние на ислам в России: проблемы и противоречия (90-е гг. XX века), в сб. Угроза ислама или угроза исламу (По итогам международной конференции). М., 2001. – сс. 146-178.
251. Поляков К. И. Арабские страны и ислам в России. М., ИИИБВ, 2001. – 132 с.
252. Постсоветская Центральная Азия: потери и приобретения. М., «Восточная литература», 1998. – 350 с.
253. Примаков Е. Мир после 11 сентября. М., «Мысль», 2002. – 190 с.
254. Прусакова Н. Г. Внешнеполитический аспект проблемы мусульманских меньшинств в международных отношениях, в «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х). М., «Наука», 1987.
255. Пряхин Вл. «Черный сад» международного сообщества: конфликт в Нагорном Карабахе и проблемы глобального мироустройства после «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ, No. 6 (24). Стокгольм, 2002. – сс. 15-27.
256. Расизаде А. Азербайджан: новые политические ориентиры // Азия и Африка сегодня. М., 1992, No. 12 – сс. 7-12. 1993, No. 1 – сс. 16-21. No. 2 – сс. 5-8.
257. Расулзаде М. Э. О пантюранизме. В связи с кавказской проблемой, с предисловием Н. Жордания. Издание К. Н. К. Париж, 1930. – 67 с.
258. Резникова О. Россия, Турция и Иран в Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения, No. 1, 1997. – сс. 54-65.
259. Рябцев В. Н., Сафарян С. М. «Карабахский узел»: этнонациональный конфликт в аспекте региональной геополитики. Ростов-на-Дону, 1996. – 97 с.
260. Саркисян Е. К. Великая октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба в Турции. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1958. – 80 с.
261. Саркисян Е. К. Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1972. – 332 с.
262. Саркисян Е. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1962. – 496 с.
263. Сафрастян Р. Значение изучения армяно-турецких отношений для современной теории международных отношений: предварительные замечания // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, Т. 21. Ереван, 2002. – сс. 147-155.
264. Саяры С. Внешняя политика Турции после окончания «Холодной войны»: проблемы мультирегионализма // Турция. Сборник обзоров. Институт научной информации по общественным наукам. М., 2002. – сс. 111-120.
265. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., Академия гуманитарных исследований, 2002. – 600 с.
266. Свентоховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становле-

- ние национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан-Россия: общества и государства, ред. Д. Е. Фурман. М., «Летний сад», 2001. – сс. 11-49.
267. Старовойтова Г. Национальное самоопределение: подходы и изучения случаев, Санкт-Петербург, «Лимбус Пресс», 1999. – 208 с.
268. Степанова Е. А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М., «Весь мир». 2005. – 311 с.
269. Ступишин В. Карабахский конфликт. М., 1998. – 134 с.
270. Сухопаров А. Советские мусульмане: между прошлым и будущим // Ответственные науки и современность, No. 6. М., 1991. – сс. 108-117.
271. Сысоев В. М. Краткий очерк истории Азербайджана (Северного). Баку, 1925. – 132 с.
272. Тарасов С. Мифы о Карабахском конфликте. М., «Книжный мир», 2012. – 672 с.
273. Тернон Ив. Геноцид армян и армяно-турецкие отношения // Вестник. Армянский институт международного права и политологии, No. 1. М., 2004. – сс. 67-73.
274. Тренин Д. Интересы безопасности и политика России в кавказском регионе, в сб. Спорные границы на Кавказе. М., 1996. – сс. 102-115.
275. Тодуа З. Азербайджанский пасьянс. М., ЗАО «КОН-Лига пресс», 2001. – 287 с.
276. Токарежский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1957. – 332 с.
277. Трофимов Д. А. Исламский фактор и проблемы внутренней стабильности в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // Вестник Московского университета, серия 13, Востоковедение. М., 1996. – сс. 147-163.
278. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XXI века. М., Крафт+ ИВ РАН, 2001. – 536 с.
279. Уразова Е. И. К характеристике турецкого национализма // Ближний Восток и современность, Вып. 17. М., 2003. – сс. 351-359.
280. Уразова Е. И. Состояние и перспективы экономических отношений между Турцией и новыми тюркскими государствами, в сб. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., Институт востоковедения РАН, 2003. – сс. 259-269.
281. Уразова Е. И. Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ. М., ИИИБВ, 2003. – 208 с.
282. Фадеева И. Демократия в мусульманском мире: реальность и перспективы // Россия и мусульманский мир, Бюллетень реферативно-аналитической информации, No. 10 (112). М., 2001. – сс. 145-161.
283. Фейган М. Закавказский узел // Новый мир, No. 8, 1998. – сс. 121-135.
284. Халмухамедов А. М. Узбекистанско-турецкие отношения, в сб. «Узбекистан: обретение нового облика», под ред. Е. М. Кожокина, Т. 2. М., РИСИ, 1998. – сс. 369-392.
285. Херциг Э. Внешняя политика Азербайджана, ее воздействие на региональное сотрудничество // Закавказье сегодня: перспективы региональной интегра-

- ции. Материалы международной конференции, 1997. Ереван, 1997. – сс. 29-33.
286. Хуршудян Л. А. Истина – единственный критерий исторической науки. Ереван, Изд-во ЕГУ, 1989. – 47 с.
287. Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки, No. 5. М., 2003. – сс. 152-165.
288. Чернявский С. И. Азербайджан и Турция – стратегическое партнерство, в сб. Независимый Азербайджан: новые ориентиры, под ред. Е. М. Кожокина, Т. 2. М., РИСИ, 2000. – сс. 173-188.
289. Чернявский С. И. Новый путь Азербайджана. М., «Азер медиа», 2002. – 352 с.
290. Челикпала М. Турция и Южный Кавказ в 2009 г. Ежегодник Института Кавказа. Ереван, 2011. – сс. 172-190.
291. Четерян В. Малые войны и большая игра. Ереван, КИСМИ, 2003. – 132 с.
292. Шамсутдинов А. М. К вопросу об установлении дипломатических отношений между правительством РСФСР и ВНСТ, в сб. «Турция: история и экономика». М., «Наука», 1978. – сс. 3-15.
293. Шерматова С. Исламский фактор в руках политических элит, в сб. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри, под ред. А. Малашенко и Марты Брилл Олкотт. М., Московский центр Карнеги, 2002. – сс. 205-231.
294. Шорохов В. Политика Турции в Закавказье и национальные интересы России, в сб. Россия и Турция на пороге XXI века: на пути в Европу или в Евразию?, вып. 14. М., Московский центр Карнеги, 1997. – сс. 46-67.
295. Юнусов А. Ислам в Азербайджане. Баку, «Заман», 2004. – 388 с.
296. Юнусов А. Краткая этнодемографическая характеристика Азербайджана, в сборнике Беженцы и вынужденные переселенцы: этнические стереотипы (Опыт социологического анализа). Владикавказ, 2002.

Литература на армянском языке

297. Авагян А. Позиция Турции как покровителя мусульман в ходе Московской конференции, в сб. Проблема Нахиджевана в русско-турецком договоре 16 марта 1921 г. (материалы конференции). Ереван, 2001. – сс. 47-56.
298. Авагян А. Северокавказская политическая эмиграция в контексте внешней политики Турции (1920-1971). Ереван, Авторское издание, 2011. – 344 с.
299. Авагян А. Турция-Азербайджан. Стратегия «Одна нация – два государства» с точки зрения национальной безопасности Армении // «Айкакан банак», Рабочие тетради, No. 3. Ереван, 2006. – сс. 86-101.
300. Авагян А. Деятельность турецких националистов в Азербайджане // «Айкакан банак», No. 3. Ереван, 2006. – сс. 48-57.
301. Аршакян Г. Политика Турции в Южном Кавказе в 1991-2001 гг. Ереван, «Гитутюн», 2009. – 212 с.
302. Байбурдян В. Иран-Азербайджан. Соседи или геополитические и геоэкономические соперники // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, Т. 22. Ереван, 2003. – сс. 7-38.

303. Варданян Т. Проявления татарского национализма в Закавказье // Вестник ереванского университета, No. 3, 2000. – 89-97 сс.
304. Григорян А. Альянс Баку-Грозный и интересы Армении // Взгляд из Еревана, Армянский центр стратегических и национальных исследований, No. 1, апрель 1998. – сс. 34-49.
305. Гасратян С. Карабахская война. Ереван, «Амарас», 2001. – 245 с.
306. Зограбян Э. Нахиджеванская проблема и «союзники» Армении (декабрь 1918 г. – апрель 1920 г.). Ереван, «Тигран Мец», 2002. – 266 с.
307. Казарян А. Турок – совершитель геноцида. Бейрут, 1968. – 424 с.
308. Карапетян С. Армяно-турецкая война 1920 г. и Советская Россия. Ереван, 1965. – 60 с.
309. Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории, Т. 1. Ереван, «Айастан», 1982. – 360 с.
310. Князян Д. Кавказская политика Азербайджанской демократической республики в 1918-1920. Ереван, Авторское издание, 2008. – 200 с.
311. Оганнисян Ануш. Развал СССР, идея «тюркского единства» и Карабахский вопрос (в свете турецких публикаций 1990-95 годов) // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, Т. 20. Ереван, 2001. – сс. 74-81.
312. Ованнисян Н. Армения как фактор закавказского, ближневосточного геополитического региона // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока, Т. 18. Ереван, 1999. – сс. 16-39.
313. Папазян А. Армянский вопрос и геноцид, Хронология, 1987-2000. Ереван, Изд-во НАН РА, 2000. – 48 с.
314. Пашаян А. Организация Исламская конференция: цели, деятельность, позиция в отношении Карабахского конфликта. Ереван, «Зангак-97», 2003. – 248 с.
315. Погосян С. Пантюркизм вчера и сегодня. Ереван, 1990. – 80 с.
316. Сафрастян Р. Невозможно в XXI веке создавать барьеры между соседями... Армения и Турция в региональных процессах. Ереван, Институт востоковедения АН РА, 2003. – 95 с.
317. Сафрастян Р. Османская империя: Генезис политики геноцида. (1876-1920). Ереван, «Лусакн», 2009. – 248 с.
318. Симонян Г. Идеология и политика турецкой национальной буржуазии. Ереван, «Айастан», 1986. – 564 с.
319. Симонян Г. Из истории армяно-турецких взаимоотношений. Ереван, «Айастан», 1991. – 630 с.
320. Чакрян А. Карабахская проблема в контексте армяно-турецких взаимоотношений. Ереван, АЦСНИ, 1998. – 44 с.

Литература на английском, французском и немецком языках

321. Ahmed Rashid. Taliban. Militant Islam, Oil and Fundamentalism. New Haven and London, Yale University Press, 2000. – 274 p.
322. Aivazian A. The Armenian Rebellion of the 1720s and the Threat of Genocidal

- Reprisal, Center for Policy Analysis, American University of Armenia. Yerevan, 1997. – 90 p.
323. Akçam Taner. Dialogue Across an International Divide: Essays Towards a Turkish-Armenian Dialogue. Toronto, Zorian Institute, 2001. – 101 p.
324. Akçam Taner. A Shameful Act: The Armenian Genocide and the Question of Turkish Responsibility. Metropolitan Books, 2006. – 496 p.
325. Aktan S. Gunduz and Koknar M. Ali. Turkey, in Combating Terrorism. Strategies of Ten Countries, edited by Yonah Alexander, Ann Arbor. University of Michigan Press, 2002. – pp. 260-300.
326. Alieva Leila. The Institutions, Orientations, and Conduct of Foreign Policy in Post-Soviet Azerbaijan, in Making of Foreign Policy in Russia and the New States of Eurasia, editors Adeed Dawisha and Karen Dawisha. New York, M. E. Sharpe, 1995. – pp. 286-308.
327. Allen William Edward David and Muratoff Paul. Caucasian Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828-1921. Cambridge University Press, 1953. – 614 p.
328. Altstadt L. Audrey. The Azerbaijani Turks: Power and Identity under Russian Rule. Stanford, California, Stanford University, Hoover Institution Press, 1992. – 331 p.
329. Ambrosio Thomas. Entangling Alliances: The Turkish-Israeli Lobbying Partnership and Its Unintended Consequences, in Ethnic Identity Groups and U.S. Foreign Policy, Ed. by Thomas Ambrosio. Westport, Connecticut, London, Praeger, 2002. – pp. 143-167.
330. Aras Bülent. Turkey and Greater Middle East. Istanbul, TASAM publications, 2004. – 176 p.
331. Aras Bülent. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // Turkish Studies, Vol. 1, No. 1, Spring 2000. – pp. 36-58.
332. Arian E. Burak. Turkish Ultra-Nationalists Under Review: A Study of the Nationalist Action Party // Nations and Nationalism, No. 8 (1), 2002. – pp. 357-375.
333. Arnakis G. George. Turanism. An Aspect of Turkish Nationalism // Balkan Studies, Vol. 1, No. 1, 1960. – pp. 19-32.
334. Gorgulu Aybars, Iskandaryan Alexandr, Minasyan Sergey. Assessing the Rapprochement Process, May 2010. – 28 p.
335. Aydin Mustafa. Between Euphoria and Realpolitik: Turkish Policy towards Central Asia and the Caucasus // Turkey's Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in the World Politics, ed. by Tareq Y. Ismael, Ashgate, 2003. – pp. 139-160.
336. Aydin Mustafa. Foucault's Pendulum: Turkey in Central Asia and Caucasus // Turkish Studies, vol. 5, No. 2, Summer 2004. – pp. 1-22.
337. Aydin Mustafa. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // Central Asian Survey, Vol. 15, No. 2, 1996. – pp. 157-177.
338. Bal Idris. The Process of Forming Nations in the Turkish Republics and the Implications of it for Domestic and Foreign Policy // Eurasian Studies. Special Issue on the 10th anniversary of the Turkish Republics. Ankara, Summer 2001. – pp. 21-36.
339. Behar Busra Ersanli. Turkism in Turkey and Azerbaijan in the 1990s // Eurasian

- Studies, Vol. 3, No. 3. Ankara, 1996. – pp. 2-20.
340. Bezanis Lowell. Soviet Muslim émigrés in the Republic of Turkey // *Central Asian Survey*, Vol. 13, No. 1, 1994. – pp. 117-141.
341. Bhatti Robin, Bronson Rachel. NATO's Mixed Signals in the Caucasus and Central Asia // *Survival*, Vol. 42, No. 3, Autumn, Oxford, 2000. – pp. 129-145.
342. Birand Mehmet Ali. *Shirts and Steel. An Anatomy of the Turkish Armed Force's*. London-New York I. B. Tauris&Co Ltd, 1991. – 256 p.
343. Bolukbasi Suha. Ankara's Baku-Centered Transcaucasia Policy: Has It Failed? // *The Middle East Journal*, Vol. 51, No. 1, Winter 1997. – pp. 80-94.
344. Borovali Fuat. Azerbaijan: From Trauma to Transition, in *Nationalism and the Breakup of an Empire. Russia and Its Periphery*, ed. by Miron Rezun. London, Praeger, 1992. – pp. 113-139.
345. Bozdaglioglu Yucel. Identity Crisis and the Struggle for Recognition in Turkey // *Journal of South Asian and Middle Eastern Studies*, Vol. XXIII, No. 2, Winter 2000. – pp. 18-36.
346. Brown S. Cameron. Wanting to Have Their Cake and Their Neighbors Too: Azerbaijani Attitudes towards Karabakh and Iranian Azerbaijan // *Middle East Journal*, Vol. 58, No. 4, Autumn 2004. – pp. 576-596.
347. Bruce James. Arab Veterans of the Afghan War // *Jane's Intelligence Review*, Vol. 7, No. 4, April 1, 1995. – pp. 178-180.
348. Bulut Esra. The Role of Religion in Turkish Reactions to Balkan Conflicts // *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 3, No. 1, Spring 2004. – pp. 71-83.
349. Carment David and James K. Patrick. Third Party States in Ethnic Conflict: Identifying the Domestic Determinants of Intervention, in *Ethnic Conflict and International Politics: Explaining Diffusion and Escalation*. Edited by Steven E. Lobell and Philip Mauceri. Palgrave Macmillan, 2004.
350. Chorbajian Levon, Donabedian Patrick, Mutaflan Claude. *The Caucasian Knot. The History and Geopolitics of Nagorno-Karabagh*. London-New Jersey, Zed Books, 1994. – 219 p.
351. Cooley K. John. *Unholy Wars: Afghanistan, America, and International Terrorism*. London, Pluto, 1999. – 328 p.
352. Cornell E. Svante. *Azerbaijan Since Independence*. Armonk New York, London, M. E. Sharpe, 2011. – 485 p.
353. Cornell E. Svante. *Small Nations and Great Powers. A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus*, Curzon Caucasus World. Richmond, 2001. – 484 p.
354. Cornell E. Svante. Religion as a Factor in Caucasian Conflict // *Civil Wars*, Vol. 1, No. 3, 1998. – pp. 46-64.
355. Cornell E. Svante. Turkey and the Conflict in Nagorno-Karabakh: A Delicate Balance // *Middle Eastern Studies*, Vol. 34, No. 1, January 1998. – pp. 51-72.
356. Cornell Svante E. Turkey's Prospects in the Nagorno-Karabakh Conflict and Its Regional Implications // *Marco Polo*, No. 4-5, 1998.
357. Critchlow James. The Ethnic Factor in Central Asian Foreign Policy, in *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia*, Edited by Roman

- Szporluk. Armonk, New York: M. E. Sharpe, Inc, 1994. – pp. 266-280.
358. Croissant P. Michael. *The Armenia-Azerbaijan Conflict. Causes and Implications*. Westport, Connecticut, London, Praeger, 1998. – 192 p.
359. Dadrian N. Vahakn. *The History of The Armenian Genocide Ethnic Conflict from the Balkans to the Caucasus*. Providence-Oxford, Berghahn Books, 1995. – 452 p.
360. Dadrian N. Vahakn. *The Key Elements in the Turkish denial of the Armenian genocide: A Case Study of Distortion and Falsification*. Toronto, The Zoryan Institute, 1999. – 84 p.
361. Dawisha Karen, Parrott Bruce. *Russia and the New States of Eurasia. The Politics of Upheaval*, Cambridge University Press, 1995. – 437 pp.
362. Demoyan Hayk. *Karabakh Drama: Hidden Acts*. Yerevan, Caucasian Center for Iranian Studies, 2003. – 116 p.
363. Demoyan Hayk. *Western Media Coverage of Nagorno-Karabakh Conflict 1988-1990*. Yerevan, AGMI, 2008. – 170 p.
364. Der Ghugassian Khachik. The Genocide on Armenia's Foreign Policy Agenda // *Armenian Forum*, Vol. 2, No. 3. – pp. 63-73
365. Dunlop B. John. *Russia Confronts Chechnia. Roots of a Separatist Conflict*. Cambridge University Press, 1998. – 252 p.
366. Ellis H. *The Transcaspiian Episode, 1918-1919*. Hutchinson of London, 1963. – 176 p.
367. Ergil D. Identity crises and political instability in Turkey // *Journal of international affairs*, Vol. 54, No. 1, 2000– pp. 43-62.
368. Fuller Elizabeth. Azerbaijan at the Crossroads, London, A Joint Publication by the Russian and CIS Programme of the Royal Institute of International Affairs and RFE/RL Research Institute, 1994. – 37 p.
369. Fuller E. Graham. Central Asia: The Quest for Identity // *Current History*, April 1994. – pp. 145-149.
370. Fuller E. Graham. *Turkey Faces East. New Orientations Toward the Middle east And the Old Soviet Union*, RAND, 1992. – 70 p.
371. Fuller E. Graham. Turkey's Strategic Model: Myths and Realities // *The Washington Quarterly*, Vol. 27, No. 3, Summer 2004. – pp. 51-64.
372. Fuller E. Graham. Lesser O. Ian. *Turkey's New Geopolitics, From the Balkans to Western China*. Boulder, San Francisco, Oxford, Westview Press, 1993. – 197 p.
373. Gökyay Bülent. *Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920-1991. Soviet Foreign Policy, Turkey and Communism*. Routledge, 2006. – 194 p.
374. Gökyay Bülent. Turkish Settlement and the Caucasus // *Middle Eastern Studies*, Vol. 32, No. 2. London, April 1996. – pp. 45-76.
375. Görgülü Aybars. *Turkey – Armenia Relations: A Vicious Circle*, TESEV Foreign Policy Analysis Series-8. Istanbul, November 2008. – 48 p.
376. Goldenberg Suzanne. *The Pride of Small Nations. The Caucasus and Post-Soviet Disorder*. London and New Jersey, Zed Books Ltd, 1994. – 233 p.
377. Gresh Alain. *Nouvelle donne au Prosh-Orient et en Union Sovietique* // *Le mond diplomatique*, Juillet. Paris, 1991.

378. Gültekin Burcu. Atteindre la Caspienne. Les relations économiques entre la Turquie et l'Azerbaïdjan, les dossiers de l'IFEA, série: la Turquie aujourd'hui, No. 14. Istanbul, juin 2003. – 56 p.
379. Hale Henri. Islam, State-building and Uzbekistan Foreign Policy, in *The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands*. Edited by A. Banuazizi and M. Weiner. Bloomington, Indiana University Press, 1994. – pp. 136-172.
380. Hale William. Turkey, the Black Sea and Transcaucasia, in *Transcaucasian Boundaries*. New York, St. Martin's Press, 1996. – pp. 54-70.
381. Hale William. *Turkish Foreign Policy, 1774-2000*. London-Portland, Frank Cass, 2000. – 375 p.
382. Hanioglu M. Şükrü. *Preparation for a Revolution. The Young Turks, 1902-1908*. Oxford University Press, 2001. – 538 p.
383. Harris S. George. The Russian Federation and Turkey, in *Regional Power Rivalries in the New Eurasia: Russia, Turkey and Iran*, eds. Alvin Z. Rubinstein and Oles M. Smolansky. New York, London, M. E. Sharpe, 1995. – pp. 3-25.
384. Henze B. Paul. Turkey and Armenia. Post problems and future prospects // *Eurasian Studies*, Vol. 3, No. 1. Ankara, Spring 1996. – pp. 44-53.
385. Hershberg G. James. The War in Afghanistan and the Iran-Contra Affair: Missing Links? // *Cold War History*, Vol. 3, No. 3, April 2003. – pp. 23-48.
386. Hille Charlotte. *State Building and Conflict Resolution in the Caucasus*. Brill Academic Publishers, 2010. – 362 p.
387. Hiro Dilip. Between Marx and Muhammad. The Changing Face of Central Asia. London, Harpercollins, 1995. – 432 p.
388. *Historical Dictionary of Azerbaijan*, by T. Swietochowski and Brian C. Collins. Lanham, Maryland, and London, The Scarecrow Press, Inc, 1999. – 160 p.
389. *History, Politics and Foreign Policy in Turkey*, edited by Kılıç Bugra Kanat, Kadir Üstün, Nuh Yılmaz. Ankara, SETA, 2011. – 266 p.
390. Hofmann Tessa. *Armenians in Turkey Today. A Critical Assessment of the Situation of the Armenian Minority in the Turkish Republic*. Uppsala, FAAE, 2003. – 46 p.
391. Hoffman I. David. Azerbaijan: The Politicization of Oil, in *Energy and Conflict in Central Asia and the Caucasus*. Edited by Robert Ebel and Rajan Menon. London, New York, Rowman&Lillefield Publishers, INC, 2000. – pp. 55-77.
392. Horowitz Shale. Explaining Post-Soviet Ethnic Conflicts: Using Regime Type to Discern the Impact and Relative Importance of Objective Antecedents // *Nationalities Papers*, Vol. 29, No. 4, 2001. – pp. 633-660.
393. Hovannisian G. Richard. *The Republic of Armenia: The First Year, 1918-1919*, Vol. I. Berkeley: University of California Press, 1971. – 616 p.
394. Hovannisian G. Richard. *The Republic of Armenia*, Vol. II, From Versailles to London. 1919–1920. University of California Press. 1982. – 603 p.
395. Hovannisian Richard G. Historical Memory and Foreign Relations. The Armenian Perspective, in *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia*, Ed: S. Frederick Starr. Armonk, New York, London, M. E. Sharpe, 1994. – pp. 237-276.
396. Hovhannisyan N. The Karabakh Problem. Factors, Criteria, Variants of Solution.

- Yerevan, Zangak-97, 1999. – 112 p.
397. Hovhannisyan N. The Karabakh Problem. The Thorny Road to Freedom and Independence. Yerevan, Zangak-97, 2004. – 108 p.
398. Hostler Charles Warren. *Turkism and the Soviets: The Turks of the World and Their Political Objectives*. London, George Allen&Unwin, 1954. – 244 p.
399. Huddle Frank, Jr. Azerbaijan and the Azerbaijanis, in *Handbook of Major Soviet Nationalities*, Ed. By Zev. Katz, Rosemarie Rogers, Frederic Harnol. New York, London, The Free Press, 1975. – pp. 189-210.
400. Hunter T. Shireen. Azerbaijan: Searching for New Neighbors, in *New States, New Politics: Building the Post-Soviet States*. Edited by Ian Bremmer and Roy Taras. London, Cambridge University Press, 1997. – pp. 23-32.
401. Hunter T. Shireen. Greater Azerbaijan: Myth or Reality? In *Le Caucasic postsoviétique: la transition dans le conflit*. Bruylant-Bruxelles, L. G. D. J. Paris, 1995. – pp. 115-122.
402. Hunter Shireen. Turkey, Central Asia, and the Caucasus: Ten Years after Independence // *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol. 1, No. 2, May 2001. – pp. 1-16.
403. Hunter T. Shireen. *The Transcaucasus in Transition. Nation-Building and Conflict*. CSIS, Praeger, 1994. – 223 p.
404. Hunter T. Shireen with Thomas L. Jeffrey and Melikishvili A. *Islam in Russia. The Politics of Identity and Security*. Armonk, New York, London, M. E. Sharpe, 2004. – 566 p.
405. Huntington P. Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, Simon&Schuster, 1996. – 367 p.
406. Idis Semih. The Turkish-Armenian Debacle // *Insight Turkey*, Vol. 12, No. 2, 2010. – pp. 11-19.
407. *International War. An Anthology*, by Melvin Small, J. David Singer – Second edition. Chicago, Illinois, The Dorsey Press, 1989. – 419 p.
408. İşeri Emre. Turkish-Armenian Impasse in the Caucasus Security Complex, in *Turkey in the 21st Century Quest for a New Foreign Policy*, Edited by Özden Zeynep Oktav. Ashgate, 2011. – pp. 115-134.
409. Jacquard Roland. *Fatwa contre l'occident*. Paris, Albin Michel, 1998. – 357 pp.
410. Jung Dietrich, Piccoli Wolfgang. *Turkey at the Crossroads. Ottoman legacies and a Greater Middle East*. London – New York, Red Books, 2001. – 331 p.
411. Jones A. Scott. Turkish Strategic Interests in the Transcaucasus, in *Crossroads and Conflict. Security and Foreign Policy in the Caucasus and Central Asia*. New York, London, Routledge, 2000. – pp. 54-65.
412. Kalın Ibrahim. Soft Power and Public diplomacy in Turkey // *Perceptions. Journal of International affairs*. Ankara, Vol. XVI, No. 3, Autumn 2011. – pp. 5-23.
413. Kasaba R., Bozdogan S. Turkey at the Crossroad // *Journal of International Affairs*, Vol. 54, No. 1, 2000. – pp. 1-20.
414. Kasım Kamer. Turkish Armenian Reconciliation Commission: A Missed Opportunity // *Armenian Studies*, No. 4. Ankara, December 2001 – January-February 2002.

- pp. 256-273.
415. Kazemzadeh Firuz. *The Struggle for Transcaucasia (1917-1921)*. New York, Philosophical Library, 1951. – 356 p.
416. Kechichian A. Joseph, Karasik W. Theodore. *The Crisis in Azerbaijan: How the Clans Influence the Politics of an Emerging Republic* // *Middle East Policy*, Vol. IV, No. 1-2, 1995. – pp. 57-71.
417. Khalizad Zalmay, Lesser O. Ian, Larrabee F. Stephen. *The Future of Turkish-Western Relations. Toward a Strategic Plan*, RAND, 2000. – 96 p.
418. Kirisci Kemal. *New Patterns of Turkish Foreign Policy Behaviour, in Turkey: Political, Social and Economic Challenges in the 1990s*. Leiden, New York, E. J. Brill, 1995. – pp. 1-21.
419. Kirisci Kemal. *Turkey's foreign policy in turbulent times* // *Challiot paper*, No. 92. Paris, Institute for Security Studies, September 2006. – 108 p.
420. Köroğlu Erol. *Ottoman Propaganda and Turkish Identity. Literature in Turkey During World War I*. London-New York, Tauris Academic Studies, 2007. – 272 p.
421. Kortepeter Carl Max. *Ottoman imperialism during the reformation: Europe and the Caucasus*. New York, New York University Press, 1972. – 278 p.
422. Kramer Heinz. *Will Central Asia Become Turkey's Sphere of Influence* // *Perceptions*, March-May 1996. – pp. 112-127.
423. Kubicek Paul. *Nation, State, and Economy in Central Asia: Does Ataturk Provide Model?* // *The Donald W. Treadgold Papers*, No. 14, University of Washington, August 1997. – 65 p.
424. Kut Şule. *The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s in Turkey in World Politics, An Emerging Multiregional Power*. Edited by Barry Rubin and Kemal Kirişçi, Lynne Rienner Publishers. Boulder, 2001. – pp. 5-12.
425. Landau Jacob. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. London, Hurst & Company, 1995. – 275 p.
426. Lang David Marshall. *Armenia: Cradle of Civilization*. London, Allen and Unwin, 1970. – 320 p.
427. Larabee Stephan. *Turkish foreign policy in an Age of Uncertainty*. Santa Monica, RAND, 2003. – 218 p.
428. Lawrence Wright. *The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11*. London, Penguin books, 2006. – 470 p.
429. Libaridian J. Gerard. *The Challenge of Statehood: Armenian Political Thinking Since the Independence*. Blue Crane Books, Cambridge, 1999. – 162 p.
430. Libaridian J. Gerard. *Modern Armenia: People, Nation, State*. Transaction Publishers, New Brunswick (USA) and London, 2004. – 296 p.
431. Lieven Dominic and McGarry John. *Ethnic conflict in the Soviet Union and its successor states, in The Politics of ethnic conflict regulation: case studies of protracted ethnic conflict*. Edited by John McGarry and Brendan O'Leary. London, Routledge, 1993. – pp. 62-83.
432. *The Limits of Culture. Islam and Foreign Policy*. Edited by Brenda Shaffer. Massachusetts, MIT Press, 2006. – 350 p.

433. Luchterhandt Otto. *Nagorny Karabakh's Right to State Independence According to International Law*. Boston, 1993. – 83 p.
434. Luong Pauline Jones. *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia. Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge University Press, 2002. – 344 p.
435. Mango Andrew. *The Turks Today*. London, John Murray, 2004. – 292 p.
436. Masih Joseph. *Military Strategy in Nagorno-Karabagh* // *Jane's Intelligence Review*, October. London, 1993. – pp. 160-165.
437. Carol Migdalovitz. *Armenia-Azerbaijan conflict CRS Issue Brief*, Congressional Research Service, The Library of Congress, updated August 17, 1995. – 15 p.
438. Magnus H. Ralph, Naby Eden. *Afghanistan. Mullah, Marx, and Mujahid*. Boulder, Westview Press, 2002. – 304 p.
439. Mooradian Moorad, Druckman Daniel. *Hurting Stalemate or Mediation? The Conflict over Nagorno-Karabagh, 1990-1995* // *Journal of Peace Research*, Vol. 36, No. 6, 1999. – pp. 709-727.
440. Mostashari Firouzeh. *On the Religious Frontier. Tsarist Russia and Islam in the Caucasus*. London – New York, I. B. Tauris, 2006. – 203 p.
441. Mufti Malik, *Daring and Caution in Turkish Foreign Policy* // *The Middle East Journal*, Vol. 52, No. 1, Winter 1998. – pp. 32-50.
442. Nadein-Raevsky Viktor. *Turkophone Peoples in the Historic Path of Russia* // *The Southeast European Yearbook-1992*. Athens, 1993. – pp. 225-240.
443. Nasibli Nasib. *Azerbaijan: Policy Priorities towards the Caspian Sea, in The Caspian. Politics, Energy and Security*, Edited by Shirin Akiner. Routledge Curzon, London and New York, 2004. – pp. 140-161.
444. Okman Cengiz. *An Approach to Turkey's policies vis-à-vis Central Asian States, in The Southeast European Yearbook-1993*. Athens – pp. 23-36.
445. Olcott Martha Brill. *Central Asia: The Calculus of Independence* // *Current History*, Vol. 94, October 1995. – pp. 337-342.
446. Olcott Martha Brill. *Central Asia's Catapult to Independence* // *Foreign affairs*, Summer, Vol. 71, No. 3. Summer 1992. – pp. 118-128.
447. Olcott Brill Martha. *Central Asia's Second Chance*, Washington D.C. Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 389 p.
448. de Pauw Freddy. *Turkey's Politics in Transcaucasia, in Contested Borders in the Caucasus*. Edited by Bruno Coppieters. Brussels VUB Press, 1996. – pp. 179-191.
449. Piron-Yakaciklic Lebriz. *L'Asie Central dans la strategie Turquie* // *Revue Francaise de Geoeconomie*, No. 9, Printemps 1999. – pp. 71-84.
450. Pope Nicole and Pope Hugh. *Turkey Unveiled. Ataturk and After*. London, UK, John Murray, 1997. – 373 p.
451. Poulton Hugh. *Top Hat, Grey Wolf and Crescent. Turkish Nationalism and the Turkish Republic*. London, Hurst & Company, 1997. – 304 p.
452. Rashid Ahmed, Taliban. *Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia*. New Haven-London, Yale University Press, 2000. – 274 p.
453. Reynolds. A. Michael. *Buffers, not Brethren: Young Turk Military Policy in the First World War and the Myth of Panturanism* // *Past and Present*, No. 203, May, 2000.

– pp. 137-179.

454. Reynolds Michael. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918. Cambridge University Press, 2011. – 324 p.
455. La recomposition du flanc sud de l'ex URSS: Turquie, Iran, Afghanistan // Bulletin du centre d'analyse et de prevision, No. 51. Paris, Hiver 1992. – pp. 1-8.
456. Roshwald Aviel. Ethnic Nationalism and the Fall of Empires: Central Europe, Russia and the Middle East, 1914-1923. New York, Routledge, 2001. – 288 p.
457. Sabahi Farian. Oil Diplomacy in the Caspian: The Rift Between Iran and Azerbaijan in Summer 2001, in The OSCE and the Multiple Challenges of Transition. The Caucasus and Central Asia. Edited by Farian Sabahi and Daniel Warner. Aldershot, Hants, England, Ashgate, 2004. – pp. 131- 143.
458. Scott Dale Peter. Drugs, Oil, and War. The United States in Afghanistan, Colombia, and Indochina. Rowman & Littlefield Publishers, INC. Lanham, Boulder, New York, Oxford, 2003. – 248 p.
459. Scott Dale Peter. The road to 9/11. Wealth, Empire, and the Future of America. University of California Press, Berkeley-London, 2008. – 423 p.
460. Shaffer Brenda. Borders and Brethren. Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity. Cambridge, Massachusetts, London, MIT Press, 2002. – 300 p.
461. Shaping an Environment for Peace, Stability & Confidence in South Caucasus – The Role of International Organizations & Regional Security Organizations, Proceedings of an International Conference by the Institute for Civil Society & Regional Developments (Yerevan) July 2002, ed. by A. C. Aldis. Conflict Studies Research Centre, Defence Academy of the United Kingdom. – 72 p.
462. Shissler A. Holly. Between Two Empires. Ahmet Ağaoğlu and the New Turkey. London-New York, I. B. Tauris, 2003. – 280 p.
463. Smith Sebastian. Allah's Mountains. Politics and War in Russian Caucasus. London-New York, I. B. Tauris Publishers, 1998. – 240 p.
464. Sokolski Richard, Charlick-Pale Tanya. Look before NATO Leaps into the Caspian. // Orbis, Vol. 43, No. 2, Spring 1999. – pp. 285-297.
465. Spector Ivar. General Ali Fuat Cebesoy and the Kronstadt Revolt (1921): A Footnote to History // International Journal of Middle East Studies, 3 (1972). – pp. 491-493.
466. The Stakes of the Opening of Turkish-Armenian Borders. TABDC. Istanbul, 2004.
467. Swietochowski Tadeusz. Russia and Azerbaijan. A Borderland in Transition. New York, Colombia University Press, 1995. – 290 p.
468. Swietochowski Tadeusz. Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of National Identity in A Muslim Community. London, New York, Cambridge University Press, 1985. – 256 p.
469. Tchilingirian H. Religious Discourse and the Church in Mountainous Karabagh 1988-1995 // Revue du monde armenien modern and contemporain. Paris, No. 3 (1997). – pp. 67-83.
470. Tilic Dogan. Turkey and North Caucasia – from High Expectations down to Reality, in Contrasts and Solutions in the Caucasus. Edited by Ole Høris and Sefa Martin Yürükel. Aarhus University Press, 1998.

471. Toynbee J. Arnold. Turkey: A Past and Future. New York, George H. Doran Co, 1917. – 85 p.
472. Trenin Dmitrii, Lieven Anatol, Malashenko Aleksei. Russia's Restless Frontier. The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia. Washington, Carnegie Endowment for International Peace, D. C. 2004. – 264 p.
473. Trofimov Yaroslav, Mujahedeen Factor: Militant Islam Gains in Post-war Bosnia // The Wall Street Journal Europe, March 19, 2002.
474. Turan Gül and Turan Ilter. Turkey's Emerging Relationship with Other Turkic Republics, in The Political Economy of Turkey in the Post-Soviet Era. Going West and Looking East?, ed. By Libby Rittenberg. Westport, 1998. – pp. 177-204.
475. Turkish Foreign Policy, 1919-2006. Facts and Analyses with Documents, edited by Baskin Oran, translated by Mustafa Aksin. The University of Utah Press, 2010. – 968 p.
476. Tunander Ola. A New Ottoman Empire? The Choice for Turkey: Euro-Asian Centre vs National Fortress // Security Dialogue, Vol. 26 (4), 1995. – pp. 413-426.
477. Tür Özdem and Han K. Ahmet A Framework for Understanding the Changing Turkish Foreign Policy of the 2000s, in Turkey in the 21st Century Quest for a New Foreign Policy, Edited by Özden Zeynep Oktav. Ashgate, 2011. – pp. 7-31.
478. Turkey in the 21st Century Quest for a New Foreign Policy, Edited by Özden Zeynep Oktav. Ashgate, 2011. – 225 p.
479. Turkey's New World. Changing dynamics in Turkish Foreign Policy, ed by Alan Makovsky and Sabri Sayari. The Washington Institute for Near East Policy, 2000. – 234 p.
480. Uzer Umut. Identity and Turkish Foreign Policy. The Kemalist Influence in Cyprus and the Caucasus. London-New York, I. B. Tauris, 2011. – 242 p.
481. Volker Adam. Auf der Suche nach Turan: Panislamismus und Panturkismus in der aserbajdschanischen Vorkriegspresse, Caucasia Between the Ottoman Empire and Iran, 1555-1914, Ed. by Raoul Motika and Michael Ursinus. Reichert Verlag Wiesbaden, 2000. – pp. 189-205.
482. de Waal Thomas. Black Garden. Armenia and Azerbaijan through Peace and War. New York and London, New York University Press, 2003. – 352 p.
483. de Waal Thomas. Remaking the Nagorno-Karabakh Peace Process // Survival, Vol. 52, No. 4, August-September 2010. – pp. 159-176.
484. Walker J. Ch. Armenia and Karabagh. The Struggle for Unity. London, Minority Rights Publications, 1991. – 162 p.
485. Wilhelmsen Julie. Between a Rock and a Hard Place: The Islamisation of the Chechen Separatist Movement // Europe-Asia Studies, Vol. 57, No. 1, January 2005. – pp. 35-59.
486. Winrow Gareth. Turkey and the Caucasus. Domestic Interests and Security Concerns. London, The Royal Institute of International Affairs, 2000. – 67 p.
487. Winrow Gareth. Turkey and the Former Soviet South. London, The Royal Institute of International Affairs, 1995. – 61 p.
488. Yalçın Rasul. The Rebirth of Uzbekistan. Politics, Economy and Society in the Post-Soviet Era, «Durham Middle East Monograph Series». London Ithaca Press,

2002. – 349 p.

489. Ybert-Chabrier Édith. Enjeux locaux, nationaux, impériaux et représentations dans la sud du Caucase (début du XXe siècle) // Cahiers du monde russe, janvier-mars 2011, No. 52/1. – pp. 75-113.

490. Yüceer Nasir. The Military and Political Assistance of the Ottoman Empire to Azerbaijan and Dagestan in the First World War, in «The Turks», Vol. 4. Ankara, 2002. – pp. 439-448.

491. Zürcher Erik J. The Young Turk Legacy and Nation Building. From the Ottoman Empire to Atatürk's Turkey. London-New York, I. B. Tauris, 2010. – 358 p.

Литература на турецком и азербайджанском языках

492. Arpacık Yusuf Ziya. Kan Fırtınası. İstanbul, «İlteriş Yayınları», 2005. – 261 s.

493. Байкара Нусейн. Азербайжан истиглал мубаризэси тарихи. Азербайжан довлэт нэширлэти. Баку, 1992. – 279 с.

494. Budak Mustafa. Azerbaijan-Ermenistan İlişkilerinde Dağlık Karabağ Meselesi ve Türkiye'nin Politikası // Kafkas Araştırmaları, II. İstanbul 1996. – s.109-139.

495. Cornell Erik. Türkiye Avrupa'nın Eşiğinde. İstanbul, 1998. – 191 s.

496. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, «KURE Yayınları», 2001. – 584 s.

497. Gökdemir Ahmed Ender. Cenûb-I Garbî Kafkas Hükûmet. Ankara, Yükseköğretim Kurulu Basımevi, 1998. – 323 s.

498. Нәсибзадә Нәсиб. Азербайжан демократик республикасы. Баку, «Елм», 1990. – 95 с.

499. Mirza Bala Mehmet-Zade. Millî Azerbaycan Hareketi. İstanbul, 1938. – 334 s.

500. Keykurun Naki. Azerbaycan İstiklal Mücadelesinin Hatıraları (1905-1920). Ankara, «İlke kitabevi yayınları», 1998. – 217 s.

501. Osmanlı belgelerinde Karabağ. İstanbul, T. C. Başbakanlık devlet arşivleri genel müdürlüğü, 2009.

502. Pekmezci Necdet. Nurşen Büyükyıldız, Ülkücüler. Öteki Devletin Şehitler. İstanbul, «Kaynak Yayınları», 1999. – 296 s.

503. Yurtsever Vahap. Atatürk ve dış türkler // Azerbaycan, yıl 1, sayı 8, Kasım 1952.

Периодические издания

1. «Азг», Ереван, 1991-2005.

2. «Аргументы и факты», М., 1995.

3. «Атлас», М., 1990, 1992.

4. «Бакинский рабочий», Баку 1991.

5. «Время MN», 1999.

6. «Голос Армении», 1994.

7. «Дрошак», Афины, 1988-1989, 1992.

8. «Евразия сегодня», No. 6, 2002.

9. «За рубежом», М., 1991-1992.

10. «Зеркало», Баку, 1995, 2000, 2002.

11. «Зеркало мировой прессы», 1990-1991.

12. «Известия», М., 1992-1994, 2000, 2003.

13. «Кавказский вестник», М. 2000.

14. «Казахстанская правда», Алматы, 1992, 2009.

15. «Комсомольская правда», М., 1991.

16. «Красная звезда», М., 1991-1993.

17. «Куранты», М., 1992.

18. «Литературная газета», М., 1992.

19. «Московские новости», М., 1994, 2004.

20. «Независимая газета», М., 1991-1995, 1997-2003.

21. «Независимое военное обозрение», М., 1998, 1999, 2003.

22. «Новое время», М., 1994.

23. «Обозреватель», Баку, 2005.

24. «Общая газета», М., 1999.

25. «Правда», М., 1992-1993.

26. «Республика Армения», Ер., 1994.

27. «Русская мысль», Париж, 1992.

28. «Свободная мысль», М., 1991.

29. «Третья сила», Ер. 2010.

30. «Экспресс-Daily», М., 1992.

31. «Экспресс Хроника», М., 1992.

32. «Эхо», Баку, 2001-2004.

33. «AGBU News attachment», 1993

34. «Asia Times», Hong Kong, 2003.

35. «Asbarez» English edition, 1990, 2010

36. «The Boston Globe», 1993, 2001.

37. «The Christian Science Monitor», Boston, 1993.

38. «The Chronicle of Higher Education», 1995.

39. «Combat and Survival», 1999.

40. «Cumhuriyet», İstanbul, 1992.

41. «The Daily Telegraph», London, 1992-1993.

42. «La Depeche internationale des Drogues», No. 40, fevriere 1995.

43. «Droshak» English Supplement, Athens, January 1988.

44. «The Economist», London, 2000.

45. «The Financial Times», London, 1992.

46. «Hürriyet», Стамбул, 1991-1994, 1996, 2008.

47. «The Independent», London, 1990, 1994.

48. «Liberation», Paris, 1994.

49. «The Literary Digest», September 13, 1919.

50. «London Times», 1993.

51. «Milliyet», İstanbul, 1970, 1988-1990, 1992-1994.

52. «Le Monde», Istanbul, 1990.
53. «Moscow News», М., 1994, 2000.
54. «Neue Zuericher Zeitung», Zurich, 1994.
55. «New Time International», М., 1992-1993.
56. «The New York Times», 1990, 1993.
57. «Les nouvelles d'Arménie», Paris, 1992-1993, 1995.
58. «The Observer», London, 1993.
59. «Quotidien de Paris», Paris, 1991.
60. «Tercuman», Ankara, 1992-1993.
61. «Time», 1998.
62. «Turkish Daily News», Ankara, 1993-1995, 2001-2003.
63. «Turkish Review. Quarterly Digest», Ankara, 1993.
64. «Türkiye», Ankara, 1994.
65. «US News&World Report», July 6, 1992.
66. «The Wall Street Journal», New York, 1990, 2010.
67. «The Washington Post», 1993, 2001.
68. «The Washington Times», Washington, 1993.
69. «Yeni Istanbul», Istanbul, 1967.

Информационные агентства

70. «Арминфо», 2009.
71. «Туран» (Баку), 21.11.2000.
72. «Anatolian News Agency», 09.04.2009.
73. «BBC: World Broadcasts», 14.02.1994.
74. «Deutsche Presse-Agentur», 18.10.1994.
75. «RIA Novosti», 13.01.2005.

Ресурсы сети Интернет

76. Акопян В. Россия перед лицом Карабаха, www.regnum.ru/news/1243210.html
77. Давутоглу А. Турция нуждается в новой и более мощной внешней политике, PanARMENIAN.Net, 05.01.2010, 15:11.
78. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 24 октября 1970 года, http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
79. Демоян А. Евразийская политика Турции и железная дорога Карс–Ахалкалаки–Тбилиси–Баку, http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2087&spphrase_id=18081
80. Демоян А. Турцию с позором вернули в переговорный процесс с Арменией, «Арминфо», 07.09.2009, <http://subscribe.ru/archive/media.today.arminfo/200909/10172849.html>

81. Интервью Махира Джавадова: «Ровшана командировал в Афганистан я, чтобы просить Гюльбетдина Хекматияра о помощи», [Vesti.az](http://vesti.az), 26.11.2010.
82. Тиби Бассам. Турция после Кемаля // *International Politik*, 1998, No. 1, <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/1998-01/article02.html>.
83. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, от 4 декабря 1989 г., <http://www.un.org/russian/documen/convents/r44-34.pdf>
84. Мурсалиев А. Наркопереворот // *Зеркало недели*, No. 7 (20), 18-24 февраля 1995, <http://zn.ua/ECONOMICS/narkoperevorot-35993.html>
85. Мустафаяев Кенан. Отношения между Азербайджаном и Турцией. Современное состояние и прогнозы, <http://mustafayevk.boom.ru/az-turk.htm> Баку-2000.
86. На смену «боевику-негру» пришел турок, www.gazeta.ru/2004/09/27/oa_134678.shtml
87. Наемники бегут из Чечни, www.vesti.ru, 05.11.2004.
88. Ниязоглу Р. Между Азербайджаном и Турцией подписан Договор о стратегическом партнерстве и взаимной помощи, http://www.kaspiy.az/articles.php?item_id=20100818124619869&sec_id=1
89. Охрименко И. В. Турция и кризис на Кавказе. Некоторые политические и экономические аспекты, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/19-10-08a.htm>
90. Премьер Турции пригрозил высылать 100 тысяч нелегальных мигрантов-армян, http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/03/16/n_1470642.shtml
91. Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года об «Определении агрессии», см. <http://www.un.org/russian/documen/gadocs/convres/r29-3314.pdf>
92. Свистунова И. Обсуждение итогов внешней политики Турции в 2010 году, 24 января 2010 года, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/24-01-10.htm>
93. Современная турецкая дипломатия в отношениях с Арменией строится на принципах средневековья и 19 века, Интервью директора Музея-института Геноцида армян Г. Демояна агентству «АрмИнфо», <http://yerkramas.do.am/news/2009-06-27-6530>
94. Телевизионное обращение Президента Сержа Саргсяна относительно процесса нормализации отношений между Арменией и Турцией, 22.04.2010, www.president.am/events/news/rus/?id=983
95. Форум тюркоязычных государств призвал Армению «немедленно покинуть оккупированные земли Азербайджана», <http://www.regnum.su/news/polit/709163.html>
96. Экстремистская организация, виновная в стамбульских терактах, вербовала боевиков для войны в Нагорном Карабахе, 28 Ноября 2003, <http://news.day.az/armenia/2323.html>
97. The Applicability of the United Nations Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide to Events which Occurred During the Early Twentieth Century, <http://groong.com/ICTJ-analysis.html>

98. Aras Bulent. A new era in Turkish-Armenian Relations, ISS Opinion Union européenne European Union Institute for Security Studies, <http://www.iss.europa.eu/publications/detail/article/a-new-era-in-turkish-armenian-relations/>
99. Azerbaijan and International Terrorist Networks, <http://www.cilicia.com/Azeriterorism.htm>
100. Bağcı Hüseyin. Turkey's foreign policy in a changing strategic and regional environment. Foreign policy issues in the 55th government program under Mesut Yilmaz, http://www.bmlv.gv.at/pdf_pool/publikationen/01_tue_03_tfp.pdf
101. Bal İdris. The Turkish Model and the Turkic Republics // Perceptions. Journal of International Affairs, September – November 1998 Volume III - Number 3, <http://www.mfa.gov.tr/NR/rdonlyres/E784DD34-AD4E-4FDC-8A7F-BE21B3113EFF/0/bal.PDF>
102. Blank J. Stephen, Pelletiere C. Stephen, Johnsen T. William. Turkey's Strategic Position at the Crossroads of World Affairs, <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=178>
103. Bodansky Yossef. Chechnya. The Mujahedin Factor, http://www.freeman.org/m_online/bodansky/chechnya.htm
104. Bodansky Yossef. The New Azerbaijan Hub: How Islamist operations are targeting Russia, Armenia and Nagorno-Karabagh, Defense and Foreign Affairs' Strategic Policy, October 1999, http://www.anca.org/action_alerts/action_docs.php?docsid=38
105. Bodansky Yossef. Some Call It Peace Waiting For in the Balkans, http://balkania.tripod.com/resources/geostrategy/bodansky_peace/index.html
106. Cameron-Moore Simon. Al-Qaida fishes for Turks seeking jihad, <http://www.reuters.com/article/2010/10/27/us-turkey-security-idUSTRE69Q3ZEN20101027>
107. The 9/11 Commission report. The Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks upon the United States, Official Government Edition, p. 127, <http://www.gpoaccess.gov/911/>
108. Conflict, Drugs and Mafia Activities. Contribution to the Preparatory Work for the Hague Peace Conference, May 11-16, 1999, March 1999, <http://www.parl.gc.ca/Content/SEN/Committee/371/ille/presentation/labrousse2-e.htm>
109. Cyprus Minister Says Chechens Being Trained In North To Strike Russia, <http://www.turkishpress.com/turkishpress/news.asp?ID=28590>
110. Defense Intelligence Report Details Al Qaeda's Plans For Russia, Chechnya and WMD, November 16, 2004 Contact: Press Office, 202-646-5172, <http://www.judicial-watch.org/3883.shtml>
111. Dunn Michael Collins. Turkey Loses Ozal at a Crucial Moment // Washington Report on Middle East Affairs, June 1993, <http://www.washington-report.org/component/content/article/148/7204-turkey-loses-ozal-at-a-crucial-moment.html>
112. İrkali Mark, Kodrarian Tengiz and Ruchala Cali. God save the Shah: American Guns, Oil and Spies in Azerbaijan, <http://www.diacritica.com/sobaka/2003/shah.html>
113. Giragosian Richard. Turkish-US Relations: The Role of the Armenian Issue // Turkish Policy Quarterly, Vol. 4, No. 1, <http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/TPQ2005-1-gragosian.pdf>

114. Kanca Elif. The "Single Nation, Two States" Idea: Turkey-Azerbaijan Relations in the Post-Soviet Period, http://www.ge.boell.org/downloads/History_Lessons_XX_Century.pdf
115. Kendal Nezan. La Turquie, plaque tournante du trafic de drogue // Le monde diplomatique, juillet 1998, <http://www.monde-diplomatique.fr/1998/07/NEZAN/10656>
116. Öniş Ziya. Turkey and Post-Soviet States: Potential and Limits of Regional Power Influence // Middle East Review of International Affairs, Vol. 5, No. 2 (Summer 2001), <http://www.gloria-center.org/2001/06/onis-2001-06-07/>
117. Razimov Samir. Bin Laden's Azeri Connection, IWPR // Caucasus Reporting Service, No. 100, October 5, 2001, <http://iwpr.net/report-news/bin-ladens-azeri-connections>
118. Scott Peter Dale. 9/11 in Historical Perspective: Flawed Assumptions Deep Politics: Drugs, Oil, Covert Operations and Terrorism: A briefing for Congressional staff, July 22, 2005, <http://ist-socrates.berkeley.edu/~pdscott/911Background.htm>
119. Shaul Shay and Yoram Schweitzer. The 'Afghan Alumni' Terrorism, Islamic Militants against the Rest of the World, The International Policy Institute for Counter Terrorism, November 6, 2000, <http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=140>
120. Sray E. John. Turkish SOF Trains Azerbaijani Forces. «Foreign Military Studies Office», January 1994, <http://fmso.leavenworth.army.mil/documents/turksof.htm>
121. S. Stepashin. Azerbaijan a channel for arms to Chechnya // Jamestown Monitor. Vol. 1, Issue 26, June 6, 1995, <http://www.jamestown.org>
122. Torbakov Igor. Turkish Foreign Policy in the Post-Soviet Space // Eurasia Insight, Part I, 12/23/02, <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav122302.shtml>
123. Torbakov Igor. Turkish-Armenian Relations become strained again, <http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/eav101600.shtml>
124. Tütüncü Mehmet. Turkey's Foreign Policy in the Caucasus // Turkistan Newsletter (4 November 1997), SOTA Research Center for Turkestan, Azerbaijan, Crimea, Caucasus and Siberia, <http://www.turkiys.net/sota/sota.html>
125. Two Turk Al Qaeda Suspects Extradited, <http://archives.dawn.com/2005/01/03/top8.htm>
126. Wigen Einar. Turkish Neo-Ottomanism: A turn to the Middle East? Security Policy Library, 2009, <http://www.atlanterhavskomiteen.no/files/atlanterhavskomiteen.no/Documents/Publikasjoner/Sik.pol.bibliotek/2009/SPB%203-2009.pdf>
- ¹²⁷ Winrow M. Gareth. Turkey and the Newly Independent States of Central Asia and the Transcaucasus // Middle East Review of International Affairs, Vol. 1, No. 2, July 1997, <http://meria.idc.ac.il/journal/1997/issue2/jv1n2a5.html>
- ¹²⁸ Williams Glyn Brian. Altındag Feyza, Turkish Volunteers in Chechnya // Terrorism Monitor, The Jamestown Foundation, vol. 3, No. 7 (April 07, 2005), www.jamestown.org
- ¹²⁹ Williams Glyn Brian. Turkey's al-Qaeda Blowback // Terrorism Monitor, Jamestown Foundation, Volume II, Issue 8, April 22, 2004, <http://www.jamestown.org>
- ¹³⁰ <http://www.judicialwatch.org/cases/102/dia.pdf>
- ¹³¹ Материалы официального сайта Президента РА www.president.am

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документ No. 1

ШИФРОГРАММА И. О. МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ВНСТ МУХТАРА-БЕЯ КОМАНДИРУ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА КЯЗИМУ КАРАБЕКИРУ-ПАШЕ

8 ноября 1920 г.
Анкара, 8/11/1336

Командованию Восточного фронта

Нет сомнений в том, что предложенное Арменией перемирие на данный момент, когда она изолирована от восточных и западных миров, преследует цель избежать надвигающейся катастрофы. Как только Армения усилится, естественно, постарается реализовать взятые по Севрскому договору обязательства отсекать наши связи с Востоком, а также совместно с греками нарушит нашу жизнь и развитие. Невозможно, чтобы Армения, находящаяся в центре большого магометанского круга, по воле сердца отказалась от функций жестокого жандарма и решила связать свою судьбу с Турцией и исламским миром. По этой причине, абсолютно необходимо, чтобы Армения политически и материально была уничтожена. Вместе с тем, поскольку реализация этой цели зависит от нашей мощи и общей благоприятности политической ситуации, необходима координированная подготовка вышеперечисленных условий. Из этого следует, что не может быть предметом обсуждения вопрос нашего отхода вследствие простого соглашения по перемирию с армянами. Передаваемые армянам условия перемирия должны быть нацелены не на уход из Армении, а на их дезориентацию и представление Турции перед Европой миролюбивой. Но на самом деле результатом этого должно стать создание необходимых предусловий для постепенной подготовки нашей цели.

В настоящий момент абсолютно необходимо демобилизовать армянскую армию и конфисковать амуницию, таким образом не давая возможности, чтобы восстановилось ее военное строение. Под предлогом удержания под контролем железнодорожное сообщение и защиты прав мусульманского населения необходимо установить наш военный контроль над всей территорией Армении и держать в наших руках все соединяющие Турцию с Азербайджаном дороги. Вышеуказанную цель нужно реализовать скрытно и утонченно, чтобы как в тексте договора по перемирию, так и в исходящих из него действиях в глазах армян выглядеть миролюбивыми.

В условиях о перемирии, переданных Вам для вручения армянскому правительству, первый пункт о принципе плебисцита исходит из желания воспрепятствовать решению окончательного установления границы с Арменией. Временно можете принять линию границы, установленной в Брест-Литовске, чтобы пере-

хватить у армян инициативу в этом вопросе и получить в первую очередь письменное предложение и таким образом воспрепятствовать заведению переговоров в тупик. Однако нужно также подготовить почву для перманентного вмешательства под предлогом защиты прав мусульманского меньшинства. Необходимо включить в текст договора пункты, которые обеспечили бы скорейшее обезоруживание врага и демобилизацию его армии. Необходимо предпринять специальные усилия по постепенному вооружению турок региона и созданию национальных военных формирований. Они должны связать Восток с Западом и превратить Азербайджан в суверенное турецкое государство.

Сей представляющий истинную цель правительства приказ секретный. Он предназначен только для Вас.

Прошу письменно уведомить о полной расшифровке этой шифрограммы.

Исполняющий обязанности министра иностранных дел Турции
Ахмет Мухтар

Источник: Kâzım Karabekir. İstiklâl Harbimiz, İstanbul, 1959-1960, s. 901. См. Саф-растьян Р. Османская империя: Генезис политики геноцида. (1876-1920). Ереван, Лусакн, 2009. С. 192-194.

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА СОВЕТА ПРОПАГАНДЫ И ДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ ВОСТОКА»

о политике России на Востоке, представленное Президиуму Исполкома Коминтерна и ЦК РКП(б)
(Баку, 17 сентября 1920 г.)

Президиум Совета пропаганды и действия народов Востока, обсудив создавшееся в настоящий момент политическое положение на ближайшем Востоке, пришел к следующему заключению:

1. Наше положение в Персии скомпрометировано неудачной политикой провозглашения там социалистической республики и опоры «Адалята», не имеющей никакой реальной силы и не пользующейся никакой популярностью. Скороспелое проведение некоторых, якобы «коммунистических» мер, сведшее в конце концов к простому грабежу, восстановило против нас персидское население, укрепило политику шахского правительства и положение англичан, бросив в объятия последних все политические партии вплоть до демократов, всегда бывших ярыми англофобами. Благодаря этому мы оказались лишенными в Персии всякой почвы и опоры и очутились в роли только пришлых иноземцев-завоевателей и тем создали возможность для англичан занять положение спасителей персидского народа от надвигающихся на него насильников и грабителей. Англичане, пользуясь создавшимся чрезвычайно благоприятным для них положением, организуют сейчас против нас вооруженные силы, назначение которых не только вытеснить нас из пределов Персии, но и из угнетаемого нами Азербайджана. По имеющимся сведениям, силы эти концентрируются в Тегеране и весьма значительные.

2. В Армении наш договор о перемирии, явившийся для дашнакского правительства явным доказательством нашего бессилия, дал возможность этому правительству укрепить свое положение и от оборонительных планов перейти к наступательным. В настоящий момент дашнакское правительство деятельно готовится к войне с нами, получая военное снабжение от англичан, пытается военными силами захватить отданную ему по договору Джульфинскую жел. дорогу с тем, чтобы обеспечить вывоз продуктов из Персидского Азербайджана и связь с англо-шахскими войсками, должностными двигаться из Тегерана к северным границам Персии. Агенты дашнакского правительства, работающие под маской коммунистов в Азербайджане, особенно в Карабахе, Зангезуре и Казахе, деятельно подготавливают почву для дашнакского наступления, захватывая Советскую власть на местах в свои руки и заботясь об обезоруживании местного мусульманского населения.

3. В Азербайджане некоторые ошибки в советской политике, сообщавшие временами ей характер туркофобской и колонизаторской, в связи с напряженным выкачиванием местными центральными и армейскими продорганами всех про-

довольственных запасов из деревни, вызывали огромное недовольство против Советской власти, вызывающее в нем уже ряд крестьянских восстаний и настолько подготовили почву для контрреволюции, что по признанию самих местных руководителей в Азербайджане, Советская власть держится исключительно на русских штыках.

4. В Турции национально-революционное движение замирает за истощением сил и средств. Правительство Большого Национального Собрания Мустафы Кемаль с трудом продолжает боевые действия. Греческие войска продвигаются в глубь Малой Азии и уже подходят к городу Афион-Карагиссару, почти не встречая сопротивления со стороны турецких национальных войск, ибо у последних совершенно нет ни патронов, ни снарядов. Они принуждены стрелять из немецких винтовок патронами для малых турецких «маузеров». Английское правительство развивает в Малой Азии широкую пропаганду против националистов, пользуясь именем султана и не жалея денег. В результате чего влияние националистов начинает ослабевать. Правительство националистов без патронов, без денег, без связи с внешним миром пробует по-прежнему поддерживать падающий дух войск и населения обещанием установления скорой связи с Россией и получением скоро помощи от русских большевиков, но так как все эти обещания не исполняются, то население перестает им верить и начинает терять надежду. Мустафа Кемаль через Халил-пашу определенно заявляет, что при таких обстоятельствах националисты в состоянии продолжать борьбу еще не более как один месяц. Если в течение этого месяца не будет установлена связь с Советской Россией и не будет оказана со стороны последней материальная помощь и моральная поддержка, то национальное движение будет подавлено, Правительство Большого Национального Собрания свергнуто, и его руководителям останется только искать спасения в бегстве в Советскую Россию.

5. Ввиду указанных обстоятельств положение на Ближнем Востоке является острокритическим. С одной стороны, ясно, что английское правительство подготавливает удар на Советский Азербайджан соединенными силами англо-персидских войск, Армении, а может быть, и Грузии. Под флагом освобождения «Азербайджана от большевистского гнета» и с целью отнятия Баку у Сов. России удар этот должен быть нанесен в ближайшее время, и военные действия начнутся, как только англо-шахские войска подойдут к бывшей русской границе и установят связь с Арменией. Вместе с армянскими войсками в Азербайджан войдет и мусаватское правительство, скрывающееся в настоящий момент в Грузии, а благодаря его участию значительная часть азербайджанского населения, озлобленная колонизаторской и антитуркской политикой Советской власти, не только не окажет никакого сопротивления наступлению, но и встанет в ряды наступающих. Удерживающие наступление красные русские войска окажутся отрезанными от своего тыла местными повстанческими отрядами, и, конечно, при таких условиях не смогут оказать длительного сопротивления. Через месяц после боевых действий Баку окажется осажденным городом, имеющим лишь один выход — в море.

Предвидя участие в кампании английских аэропланов (ибо в Багдаде в настоящий момент сосредоточено около 300 аппаратов Восточного английского воздушного флота), можно с уверенностью сказать, что, несмотря на поддержку флота, Баку не сможет удержаться и если не будет взят, то будет сожжен и уничтожен.

С другой стороны, подавление турецкого национального движения будет вместе с тем и провалом всей революции на Востоке. Турция окажется вновь под властью султана, находящегося в руках Англии, а так как для восстановления его подорванного авторитета, точно так же для компенсации Турции за Смирненский вилает, который останется в руках греков, понадобятся какие-нибудь приращения турецкой территории в других местах, то Англия, безусловно, попытается дать Турции эти приращения за русский счет. Англия укажет Турции на ее исторические права на Азербайджан, Кавказ и Туркестан, населенные тюркским населением, стонущим под «игмом русских», и попытается весь мусульманский мир, который мы пытаемся поднять против нее, поднять против нас. Англия попытается перевернуть панисламистский поток с Запада на Восток и направить его против Советской России.

Учитывая настроение русских мусульман, озлобленных неосторожной и неумелой колонизаторской политикой местных агентов Советской власти и учитывая то оживление панисламистской контрреволюции на Кавказе и Туркестане, которое вызывается восстановлением власти султана в Турции, придется признать, что устроить такой поворот мусульманского мира для Англии не будет чересчур трудно. И тогда начнется «священная война» мусульман не против Англии, но против Советской России, на Кавказе и в Туркестане откроется новый серьезнейший фронт, который отрежет нас от источников нефти и хлопка, и мы, объявивши «священную войну» народов Востока против Англии, окажемся в смешном и глупом положении людей, помахавших картонным мечом и вызывавших бурю против себя.

6. Чтобы избежать этих гибельных для Советской России и мировой революции последствий, нам необходимо: а) во что бы то ни стало и самым экстренным образом поддержать угасающее национальное движение в Турции и б) предупредить соединение сил англо-шахских войск, Армении и Грузии. Как то, так и другое может быть достигнуто только путем наступления в союзе с националистическими турецкими войсками на Армению под флагом свержения ига дашнаков, угнетающих свой народ, и с целью соединения с революционной Турцией.

Это соединение и уничтожение враждебного нам и революционной Турции дашнакского правительства, даже в том случае, если и не даст нам возможности оказать ему немедленную материальную помощь правительству Мустафы Кемали, окажет ему поддержку уже тем, что, во-первых, позволит снять с армянской границы и перебросить на запад Эрзерумский корпус, во-вторых, уничтожит угрозу в тылу националистов и позволит им отступить перед антантовскими войсками до самого Кавказа, не теряя организации и надежд на возможность продолжения борьбы и на конечный успех, в-третьих, поднимет авторитет правительства Ке-

мая-паши, укрепит его положение, не даст погаснуть национальному движению и не даст возможности султану, находящемуся в руках английских, объявить себя единственной властью в Турции.

Кроме спасения турецкого национального движения, наступление на Армению дает нам еще те выгоды, что оно позволит нам поодиночке разбить врагов, собирающихся на нас вместе. Армения будет выведена из строя раньше, нежели подойдут англо-шахские войска, а Грузия, которую мы не будем затрагивать в этом наступлении, побоится вмешаться в борьбу. Кроме того, наступление на Армению будет намного легче, нежели обороняться от нее, ибо при нападении дашнаков на нас под флагом освобождения Азербайджана от большевиков часть азербайджанского населения будет против нас, а при нашем нападении на Армению под флагом освобождения ее от дашнаков не только все азербайджанское население, но и часть армянского будет за нас. Военные операции не потребуют никаких добавочных сил с нашей стороны, но по существу они будут проведены турецким эрзерумским корпусом; наступление с нашей стороны будет почти что демонстрационное, для которого сил у нас достаточно. Так как революционное турецкое правительство предлагает отдать свои войска под наше командование и назначить каких угодно комиссаров, то никаких эксцессов со стороны этих войск по отношению к армянскому населению бояться не приходится. Кроме всего прочего, война с дашнакской Арменией укрепит наше положение в Азербайджане и вырвет почву из-под ног мусаватской контрреволюции. Что же касается кормления советизированной Армении, то ресурсы для нее можно будет с избытком почерпнуть из Персидского Азербайджана, колоссально богатого запасами продовольствия. С дипломатической стороны для предотвращения бури общественного негодования в Западной Европе наступление на Армению должно быть произведено следующим образом: турецкие войска начнут наступать на Армению, а мы во всей нашей печати и при помощи всех наших органов гласности в Европе поднимем страшный шум о новой армяно-турецкой резне и о необходимости ее прекращения раз навсегда, и для прекращения этой резни наши войска вступят в Армению через оголенную от ее войск восточную границу <...> и национальные войны будут объявлены низложенными, а вместо них будет установлена Советская власть. Затем мы выдворим турецкие войска из пределов Армении (чему турки подчинятся беспрекословно) и для предотвращения всякой возможности дальнейших столкновений между армянами и турками займем армяно-турецкую границу своими войсками. Таким образом, мы окажемся в глазах западноевропейского пролетариата в чрезвычайно благородной роли умиротворителей, двинувшихся на Армению только с тем, чтобы положить конец резне и спасти остатки армянского народа от окончательного уничтожения.

Из всех приведенных соображений самое главное то, что война неизбежна, и если мы не предпримем наступления на Армению, то через две недели она предупредит наступление на Советский Азербайджан, а это наступление будет для нас обозначать потерю Баку.

Наше положение на Ближнем Востоке сейчас так скверно, что мы не можем

стоять на месте, и чтобы не бежать назад, мы должны идти вперед. Мы должны идти немедленно, ибо еще месяц промедления, и революция на Востоке постигнет полный провал. Для спасения революции на Востоке необходимо немедленное наступление советских войск на Армению и установление в Армении советского строя.

7. Настоящее свое заключение Президиум Совета народов Востока препровождает на усмотрение Президиума Исполкома III Интернационала и ЦК РКП, сообщая копию его Наркоминделу РСФСР.

8. Настоящее заключение безусловно никакой огласке вне высших партийных органов не подлежит.

Архив новейшей истории РА. Ф. 113. Оп. 3. Д. 7. Лл. 1-2 и об.-3. Копия. Машинопись.

Источник: Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества, сост. и отв. редактор Ю. Г. Барсегов, Т. 2, Ч. 1, сс. 169-172.

Документ No. 3

ИЗ ГОДОВОГО ОТЧЕТА НАРКОМИНДЕЛА РСФСР К VIII СЪЕЗДУ СОВЕТОВ ЗА 1919-1920 ГГ.

об итогах Восточной политики за лето-осень 1920 г.
(2 декабря 1920 г.)

<...> Летом этого года на первом плане нашей восточной политики стали наши отношения к так называемой старшей сестре мусульманского мира — Турции. Антантовский империализм хотел ее уничтожить насильственным Севрским договором, но достиг того, что широкие слои турецких масс, охваченные сильным национальным движением, начали героическую борьбу против вторжения извне и иностранного гнета. Перед разгоном Антантой константинопольский парламент торжественно принял так называемое национальное соглашение, или национальный акт, т.е. хартию новой Турции, за которую она клялась бороться до конца. Этот акт содержит в себе провозглашение демократических принципов для самой Турции, признание прав национальных меньшинств и права других народов на самоопределение. Сообразно с этим Турция отказывается в этом акте от господства над Сирией и Аравией и превращается в национальное государство турецкого народа. В то время как в Константинополе султан Магомет VI и окружающие его остатки старого придворного слоя превратились в игрушку в руках Антанты, вся Малая Азия была охвачена сильным турецким национальным движением, центральной фигурой которого сделался Мустафа Кемаль-паша. Его участники на съездах в Эрзеруме, Трапезунде, Айдине, Ушаке и Сивасе организовались и создали в Ангоре правительство Великого Национального Собрания Турции. Кемалисты вступили с нами в сношения через Азербайджан, где группа их приверженцев содействовала перевороту и приглашению российских красных войск революционным азербайджанским правительством. Первым прибыл в Москву известный полководец Халил-паша, разбивший наголову английскую армию при Кут-эль-Амаре и взявший в плен генерала Тоунсенда. Он впервые ознакомил нас со стремлениями новой Турции и с переживаемыми ею тяжелыми испытаниями. После того как в апреле в Ангоре открылось Великое Национальное Собрание, в мае началось греческое наступление в Малой Азии и занятие греками Бруссы, Эрегли и Аданского вилайета, чем окончательно была блокирована национальная Турция. В августе призрачное правительство султана в Константинополе подписало Севрский договор, после чего национальная Турция стала усматривать в нем изменника турецкому народу.

Правительство Великого Национального Собрания за подписью председателя Собрания Мустафы Кемаль-паши еще 26 апреля обратилось к Советскому правительству с письмом, дошедшим лишь в начале июня. Мустафа Кемаль заявлял в нем, что Турция обязуется бороться совместно с Советской Россией против империалистических правительств для освобождения всех угнетенных, обязуется повлиять на Азербайджанскую Республику, чтобы она вошла в круг советских

государств, изъявляет готовность участвовать в борьбе против империалистов на Кавказе и надеется на содействие Советской России для борьбы против напавших на Турцию империалистических врагов. В письме от 3 июня на имя президента Великого Национального Собрания Мустафы Кемаль-паши тов. Чичерин заявил, что Советское правительство с удовлетворением приняло к сведению основные принципы внешней политики нового турецкого правительства, возглавляемого Великим Национальным Собранием в Ангоре, а именно провозглашение независимости Турции, включение в состав турецкого государства бесспорных турецких территорий, провозглашение Аравии и Сирии независимыми государствами и решение предоставить Турецкой Армении и другим территориям со смешанным элементом пользование правом на национальное самоопределение; далее, признание прав национальных меньшинств, предоставление государствам Черного моря решения вопроса о проливах, уничтожение капитуляций и иностранного экономического вмешательства и, наконец, упразднение каких бы то ни было сфер влияния иностранных государств в Турции. Советское правительство выражало надежду, что путем переговоров будут точно установлены границы между Турцией, с одной стороны, Арменией и Персией, с другой стороны, на основах справедливости и самоопределения народов, причем Советское правительство изъявляло готовность быть посредником; оно предложило немедленно установить дипломатические и консульские сношения между Россией и Турцией; следя с живейшим сочувствием за героической борьбой турецкого народа за независимость, Советское правительство было счастливо заложить прочный фундамент дружбы, долженствующей связать народы Турции и России.

Наркоминдел национальной Турции Бекир Сами-бей в ответной радиотелеграмме, полученной нами 4 июля, выразил живейшую радость от имени Великого Национального Собрания по поводу письма тов. Чичерина от 3 июня и изъявил готовность принять посредничество России для установления границ с Арменией и Персией. Он сообщал, что ввиду насильственных действий дашнакского правительства против мусульман в Армении турецкое правительство уже объявило мобилизацию на Восточном фронте для занятия необходимых стратегических пунктов, но по получении письма тов. Чичерина отсрочило выполнение этого плана; для урегулирования отношений между Россией и Турцией уже до получения письма тов. Чичерина было решено отправить в Москву делегацию, возглавляемую им самим, Бекиром Сами-беем. Между тем, 2 июля тов. Чичерин вторично написал письмо Мустафе Кемалю через посредство Халила-паши, снова выражая желание, чтобы возможно скорее народы России и Турции были связаны тесными узами дружбы. В ответном письме Мустафа Кемаль заявил, что борющиеся против капитала рабочие западных стран и угнетенные народы Азии и Африки должны будут понять, что они должны поддерживать друг друга против общего врага.

Делегация, прибывшая в Москву, состояла из Бекира Сами и депутата Юсуфа Кемалю, причем вместе с ними прибыл турецкий коммунист д-р Фуад Сабит. Этой первой Московской конференцией были выработаны основы русско-турец-

кого договора, причем турецкая делегация, вернувшись осенью в Ангару, взяла с собой проект для доклада своему правительству. В тот момент главным затруднением для достижения полного соглашения был вопрос об установлении границ Турции на Востоке. Ведя переговоры, с одной стороны, с турецкой делегацией и, с другой стороны, с делегацией армянского дашнакского правительства, возглавляемой поэтом Леоном Шантом (май—июль), Советское правительство было поставлено силою вещей в необходимость изыскания способов согласования территориальных притязаний обоих правительств. Эта задача была по существу невыполнимой. Дашнакское правительство уже отказалось в тот момент от выдвигавшегося Антантой плана Великой Армении, которая должна была обнимать половину Малой Азии и получить выход к морю у самой Сирии. Но территориальные притязания дашнакского правительства были еще довольно значительны, обнимая Эрзерум, Лазистан с Трапезундом и несколько турецких вилайетов. Еще при переговорах с Халилом-пашой Советское правительство выдвигало принцип этнографической границы, основанный на национальных взаимоотношениях, существовавших до великой войны, и предлагало произвести взаимное переселение, для того чтобы создать с обеих сторон однородную этнографическую территорию. Принципиально это принималось и дашнакской делегацией, но при попытке конкретизировать этот принцип оказалось, что притязания дашнаков все еще столь велики, что не было возможности добиться с ними приемлемого определения границ Армении. Делегация Леоны Шанта уехала, не достигнув результатов. В переговорах с делегацией Бекира Сами Советское правительство выдвигало принцип такой ректификации старой турецкой границы, при которой земли с преобладающим мусульманским населением, с одной стороны, перешли бы к Турции, а земли, где до 1914 года было армянское большинство, перешли бы к Армении. Но в данном случае попытки компромиссного разрешения этнографической проблемы не имели успеха. Мало того, сам Бекир Сами, сильно отличавшийся по своим взглядам от нового правящего слоя обновленной Турции и принадлежавший к старым турецким правящим верхам, использовал вслед за тем свои беседы с тов. Чичериным на тему об исправлении турецкой границы для того, чтобы по возвращении в Ангару пытаться настроить национальную Турцию против Советской России.

В то время, когда в Москве стала выясняться безнадежность попытки установить компромиссную этнографическую границу, турецкое правительство решило мечом разрубить гордиев узел. Дашнаки сами подали к этому повод наступлением на турок. Под предводительством Кизыма Карабекир-паши восточная турецкая армия без труда опрокинула дашнакских маузеристов, обратила в бегство плохо спянную армию дашнакского правительства и своей быстрой победой обнаружилась всю призрачность мнимонародной власти дашнакской буржуазии.

Исходя из заключавшегося в письме тов. Чичерина от 3 июня предложения посредничества, принятого Бекиром Сами в его ответном письме, Советское правительство предложило Турции и Армении провести в жизнь это посредничество, но вопреки своим прежним заявлениям турецкое правительство отвергло

принятое им ранее посредничество Советского правительства. Дашнакское правительство, со своей стороны, надеявшееся все еще на милость своей покровительницы Антанты, также отвергло наше посредничество. Мало того, 2 декабря, когда уже была провозглашена Армянская Советская Республика, дашнакская мирная делегация в Александрополе подписала позорный мир, превращавший оставшуюся независимой частью Армении фактически в турецкий протекторат.

Одним из самых больших вопросов на Кавказе является вопрос о границах между кавказскими национальными республиками. С того момента, когда Азербайджан стал Советской Республикой и аванпостом рабоче-крестьянского строя на Востоке, прежние пограничные споры его с соседними республиками еще осложнились противоположностью строя. Занимая часть спорного Закатальского округа, Грузия превращала оккупированную часть его в базис для пытавшихся действовать в Азербайджане контрреволюционных организаций. Еще более обострились отношения между Азербайджаном и дашнакской Арменией. В Зангезуре, Карабахе, в Нахичеванском округе, в Шаруро-Даралагязском уезде национальная борьба между армянами и мусульманами еще осложнялась мировой борьбой между антантовским империализмом, которого аванпостом стали дашнаки, и советским миром с его аванпостом — Азербайджаном. Советское правительство в интересах мира решило своими собственными войсками занять спорную полосу как между Грузией и Азербайджаном, так и между Арменией и Азербайджаном. Последствием этого было столкновение красных войск с дашнакскими отрядами и попытки дашнаков организовать в населенных армянами местностях восстания в тылу красных войск. Эта вооруженная борьба была закончена предварительным миром, заключенным 10 августа нашим полномочным представителем Лиграном в Эривани. В самой Эривани положение было крайне обостренным, и жестокое дашнакское правительство отвечало карательными экспедициями на движения армянских коммунистов или угнетенных масс. По договору 28 октября, Армения отказалась от Карабаха, но получила Зангезур и Нахичевань, ей обещана ссуда в 2½ милл[иона] р[уб] зол[отом]. Наконец, эриванские палачи были устранены переворотом, начавшимся в конце ноября и закончившимся провозглашением Армянской Советской Республики. <...>

Источник: МИД СССР. Документы внешней политики СССР. И.: Госполитиздат, 1958. Т. II. с. 724-728. См. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества, сост. и отв. редактор Ю. Г. Барсегов, Т. 2, Ч. 1, сс. 284-287.

к Указу Президента
Республики Армения
УП-37-Р от 7 февраля 2007 г.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

(Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.)

<...>

III. НАГОРНО-КАРАБАХСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Проблема мирного и справедливого урегулирования нагорно-карабахского конфликта имеет стержневое значение в стратегии национальной безопасности Республики Армения, как гаранта безопасности населения Нагорно-Карабахской Республики (Арцаха).

С согласия сторон миссия содействия урегулированию нагорно-карабахского конфликта доверена Минской группе ОБСЕ под сопредседательством России, США и Франции. Республика Армения придаёт важное значение высокому экспертному уровню участников обсуждения урегулирования проблемы. Республика Армения не находит целесообразным обсуждение и принятие заявлений по урегулированию проблемы другими структурами, а также вовлечение различных международных организаций в процесс урегулирования.

Республика Армения привержена урегулированию конфликта лишь мирным путем на основе взаимных компромиссов.

Правовые основы провозглашения Нагорно-Карабахской Республики безупречны. Постоянно исходя из принципа, что любое окончательное соглашение или окончательный документ должны получить также одобрение карабахской стороны, Армения считает приемлемыми только те варианты урегулирования, которые будут направлены на закрепление необратимой реальности фактического существования Нагорно-Карабахской Республики. Нагорный Карабах должен иметь территориальную связь с Арменией. Безопасность должна быть гарантирована.

Непосредственной военной угрозой, направленной против Республики Армения, является проводимая в отношении проблемы Нагорного Карабаха воинственная политика Азербайджана, а именно: стремление решить ее путем достижения военного превосходства над Арменией. Поэтому необходимость обеспечения военной безопасности Армении требует от Вооруженных Сил Республики Армения постоянной высокой боеготовности. Главной задачей Вооруженных Сил Армении в этом деле является обеспечение неприкосновенности

границ Республики Армения, а также физической безопасности населения Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики.

IV. СТРАТЕГИЯ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Армения осуществляет свою стратегию внешней безопасности, руководствуясь следующими главными принципами:

КОМПЛЕМЕНТАРИЗМ (ВЗАИМОДОПОЛНЯЕМОСТЬ)

Армения строит отношения на международной арене на основе партнерства, развивая эффективные взаимоотношения со всеми действующими в регионе заинтересованными силами. Партнерство направлено на сохранение равновесия в регионе. Консолидация международного сообщества в борьбе с терроризмом, в вопросах нераспространения оружия массового поражения, а также устанавливающийся позитивный диалог между великими державами по противодействию современным угрозам международной стабильности в настоящее время способствуют проведению Арменией комплементарной внешней политики.

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ (ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ)

Армения – вовлеченная в региональные и мировые интеграционные процессы страна, рассматривающая себя в качестве полноценного участника процессов, которые развиваются в региональной и международной сферах. Вовлеченность предполагает участие в тех процессах на международной арене, которые созвучны целям, провозглашенным Арменией. Стратегические отношения с Россией, выбор европейского пути развития, взаимовыгодное сотрудничество с США и Ираном, членство в СНГ и ОДКБ, развитие сотрудничества с НАТО расширяют потенциал осуществления политики взаимодополняемости. Обеспечение стратегии внешней безопасности Республики Армения осуществляется в трех основных плоскостях: международной, региональной и всеармянской.

1. МЕЖДУНАРОДНАЯ

Для того, чтобы двигаться соразмерно с международными процессами, адекватно реагировать на их благоприятные и неблагоприятные тенденции, Армения избрала стратегию защиты национальных интересов путем активной международной интеграции. Это предполагает активное участие в современных международных процессах, осуществление активной многосторонней, многоуровневой и двусторонней политики.

Стратегия международной интеграции осуществляется по следующим основным направлениям:

- участие в программах всеобщего значения, в частности, в борьбе против международного терроризма, а также в миротворческих операциях,
- участие в режимах по контролю над вооружениями,
- активная вовлеченность в важнейшие международные организации,
- развитие взаимоотношений с мировыми центрами силы и со странами, вовлеченными в региональные процессы,
- участие в интеграционных процессах, происходящих в Европе и на постсоветском пространстве.

1.1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На обеспечение безопасности страны направлены не только сотрудничество Армении в военной сфере с отдельными странами, но и членство в международных и региональных организациях безопасности, а также участие в международных программах, осуществляемых в их рамках. Основными составляющими военно-политического обеспечения безопасности Армении являются:

- двусторонние отношения с Россией, сотрудничество в оборонной и военно-технической сферах, стратегическое партнерство между двумя странами,
- членство в Организации Договора о коллективной безопасности,
- двустороннее военное сотрудничество, в частности, с США и с Грецией,
- сотрудничество с НАТО,
- деятельность международных организаций безопасности, в том числе, органов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, которыми обеспечиваются открытость и прозрачность контроля над вооружениями.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ОДКБ)

Армения – государство-учредитель Организации Договора о коллективной безопасности. Целью Договора является предотвращение совместными силами, а в случае необходимости – устранение военной угрозы, направленной против государств-участников.

Членство в ОДКБ является одной из составляющих обеспечения безопасности Армении, которая достигается за счет многосторонних связей между государствами-участниками. Военная составляющая Договора предоставляет льготные условия в вопросе военно-технических поставок государствам-участникам, что имеет для Армении первоочередное значение.

Развитие военной составляющей ОДКБ нацелено на создание и становление действенных механизмов военного сотрудничества между государствами-участниками, создание эффективных средств борьбы против международных угроз: терроризма, незаконного оборота наркотических веществ и оружия, на обмен информацией в данной области.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА (НАТО)

Армения стремится к развитию активных и эффективных отношений с Североатлантическим альянсом. Сотрудничество Армении с НАТО протекает в рамках Совета Евроатлантического партнерства и программы «Партнерство ради мира».

Активное участие в рамках Партнерства важно не только с точки зрения необходимости поддержания на должном уровне отношений с НАТО – ведущей организацией по обеспечению европейской безопасности, но и развитием двусторонних отношений с США и другими государствами НАТО, а также с точки зрения политики европейской интеграции Армении.

Армения расширяет политический диалог с НАТО, для участия в миротворческих операциях формирует совместимые с членами НАТО подразделения своих Вооруженных Сил. Армения своим миротворческим батальоном и рядом других сил участвует в «Процессе планирования и переоценки» НАТО.

Эффективная реализация Программы действий индивидуального партнерства Армения – НАТО будет способствовать совершенствованию и модернизации системы обороны, повышению ее эффективности и обеспечению совместимости с оборонными системами развитых стран, включая их вооруженные силы.

<...>

1.3. ДВУСТОРОННИЙ ФОРМАТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Характер и потенциал взаимоотношений с Россией, включающей часть Кавказского региона, не ограничиваются региональным уровнем. Они носят стратегический характер, что обусловлено важной ролью России в обеспечении безопасности Армении, традиционными армяно-российскими дружественными отношениями, широкомасштабным торгово-экономическим сотрудничеством, ролью России в урегулировании карабахского конфликта, а также наличием в России многочисленной армянской общины.

С подписанием Договора «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» и Декларации «О союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Арменией, ориентированном в XXI век» между двумя странами установилось стратегическое партнерство. Указанные договоры и тесное сотрудничество обеих стран в оборонной сфере, в том числе, в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, лежат в основе системы безопасности Армении.

Военное присутствие России на Кавказе имеет особую важность для безопасности Армении и как фактор обеспечения военно-политического равновесия в регионе. Республика Армения и Российская Федерация осуществляют совместное боевое дежурство для обеспечения безопасности границ и в сфере противо-

воздушной обороны.

Армения придает большое значение сотрудничеству с Россией в оборонной, военно-технической и энергетической сферах, в сфере задействования транспортных маршрутов, в вопросах региональной стабильности и безопасности, в деле улучшения правового статуса граждан Армении, проживающих в России.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Отношения между Республикой Армения и Соединенными Штатами Америки находятся в динамическом развитии. Это обусловлено не только важной ролью США в мировых и региональных военно-политических и экономических процессах и международных отношениях, но и оказываемой США разнообразной помощью Армении.

Республика Армения тесно сотрудничает с США в деле осуществления реформ, направленных на демократическое развитие страны. Осуществляется широкое и разностороннее экономическое сотрудничество. Велика доля США в объеме инвестиций в экономику Армении.

В качестве сопредседателя Минской группы ОБСЕ США вовлечены также в урегулирование карабахского конфликта и вносят свой вклад в посреднические усилия в данном направлении. Армения придает также важное значение принимаемым США усилиям, направленным на формирование стабильности и безопасности в регионе, а также установление регионального сотрудничества. Армения сотрудничает с США в борьбе против международного терроризма, в миротворческих операциях, нераспространении ядерного оружия и в других вопросах всеобщей безопасности.

В армяно-американских отношениях важная роль принадлежит Армянской диаспоре, которая представлена в Соединенных Штатах многочисленными организациями и центрами.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Двусторонние отношения с европейскими странами являются частью общих процессов европейской интеграции Армении. В повестке двусторонних отношений Армения придает важное значение процессам экономического и социального развития нашей страны, европейской интеграции, урегулированию карабахского конфликта, установлению региональной стабильности и развитию регионального сотрудничества. Это дает возможность расширять торговые связи, вступить на европейский рынок и стимулировать инвестиции в экономику Армении.

Армения заинтересована в развитии разнообразных отношений с европейскими странами, считая приоритетным усиление и расширение двусторонних связей в политической и экономической сферах. Реализация возможностей сотрудничества в международных организациях, а также наличие в ряде стран многочисленных армянских общин и их положительный потенциал являются дополни-

тельным импульсом для развития взаимовыгодного сотрудничества с этими странами.

Республика Армения придает важное значение изучению и применению опыта Восточной Европы в процессе осуществления реформ.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Для Армении важность взаимоотношений с государствами Ближнего Востока обусловлена соседством с ближневосточным регионом и влиянием происходящих там процессов на международную политику, а также тем обстоятельством, что армянский народ на протяжении веков был связан разносторонними отношениями со странами Ближнего Востока, основал в этих странах многочисленные общины, принимал действенное участие в общественной, политической, экономической и культурной жизни региона.

Армения будет продолжать прилагать усилия по развитию сотрудничества с традиционными государствами-партнерами на Ближнем Востоке, даст новый импульс отношениям и торгово-экономическому сотрудничеству с арабскими странами Персидского залива и Средиземноморья.

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Стабильно расширяются и углубляются отношения Армении со странами Азиатско-Тихоокеанского региона как в направлении двустороннего, так и многостороннего сотрудничества. Развитие отношений Армении с этим регионом обусловлено усилением международной роли крупных государств этого региона, в первую очередь, Китая, Индии, Японии, экономическим потенциалом и прогрессом стран региона, а также возможностями сотрудничества с ними в рамках международных организаций.

2. РЕГИОНАЛЬНАЯ

Безопасность Армении в основном обусловлена отношениями с соседними странами, а также событиями, происходящими в них и вокруг них.

Армения постоянно выступает за формирование атмосферы регионального сотрудничества, создание системы безопасности, установление конструктивных отношений между соседними государствами. В регионе существуют неурегулированные конфликты и разногласия с соседями. Не сформирована всеобъемлющая и единая система стабильности, безопасности, путей сообщения и экономического сотрудничества.

Именно путем диалога и сотрудничества возможно решить региональные конфликты, сгладить противоречия и исторические споры, предотвратить появление в регионе разделительных линий и их негативных последствий.

Региональная стратегия обеспечения безопасности Армении нацелена на:

- укрепление региональной стабильности, развитие и расширение взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества,
- дальнейшее развитие добрососедских отношений с Грузией и Ираном и реализацию разнообразных программ сотрудничества,
- разрешение карабахского конфликта и урегулирование отношений с Азербайджаном,
- урегулирование отношений с Турцией,
- распространение и дальнейшее укоренение демократических ценностей в регионе,
- обеспечение участия Армении в международных экономических проектах, осуществляемых в регионе.

2.1. ДВУСТОРОННИЙ ФОРМАТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА

Армения и Турция не имеют дипломатических отношений. Препятствием к этому является ряд оговорок, предъявляемых Турцией Армении.

Армения выступает за установление с Турцией дипломатических отношений без каких-либо предварительных условий и будет продолжать предпринимать соответствующие шаги по преодолению препятствий, улучшению двусторонних отношений.

Добиваясь всеобщего признания и осуждения Геноцида армян, в том числе Турцией, Армения рассматривает этот вопрос не только в аспекте восстановления исторической справедливости, но и в контексте улучшения атмосферы взаимного доверия в регионе и недопущения повторения подобных трагедий в будущем.

Неурегулированный характер армяно-турецких отношений, в частности, закрытая граница, создают угрозы национальной безопасности Армении и препятствует процессу ее стабильного развития. Неурегулированность этих отношений оказывает свое непосредственное негативное влияние и на укрепление региональной стабильности и развитие регионального сотрудничества.

В результате урегулирования взаимоотношений снизится угроза возникновения в регионе разделительных линий, будет создана благоприятная атмосфера и для окончательного урегулирования карабахского конфликта.

Республика Армения внимательно следит за ходом ведущихся с Турцией переговоров, которые связаны с ее желанием вступить в ЕС. Армения придает важность недопущению применения двойных стандартов в ходе этого процесса и считает, что важным условием проведения переговоров должно стать снятие блокады Республики Армения Турецкой Республикой, что особенно актуально в контексте включения Армении в «политику Европейского соседства».

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Между Арменией и Азербайджаном дипломатические отношения не установлены, что обусловлено карабахским конфликтом. Азербайджан избрал политику изолирования Армении от программ регионального сотрудничества.

С целью оказания давления на позицию Армении в вопросе урегулирования карабахского конфликта Азербайджан отказывается как от эксплуатации транспортных путей, соединяющих две страны, так и от предложений Армении и международного сообщества по поиску граней сотрудничества между двумя странами в рамках сотрудничества в региональных проектах.

Армения считает, что региональное и трансграничное сотрудничество может иметь ощутимое положительное влияние как средство установления и укрепления взаимного доверия. Армения продолжит прилагать усилия по формированию атмосферы взаимного доверия между конфликтующими сторонами и с этой целью инициировать сотрудничество, взаимные контакты и визиты на разных уровнях.

3. ОТНОШЕНИЯ АРМЕНИЯ – ДИАСПОРА

Важной особенностью национальной безопасности Республики Армения является весь комплекс проблем, касающихся Диаспоры. По своей численности Армянская диаспора превышает население Армении, разбросана по всему миру и возникла, большей частью, вследствие Геноцида и депортаций. Диаспора характеризуется высокой степенью интеграции и ощутимой ролью в государственной и общественной жизни различных стран. Особенно большие общины существуют в РФ, США, Франции, Иране, Грузии и в ряде арабских стран. Большинство армян Диаспоры граждане других государств.

Усилия Республики Армения в целях укрепления связей Армения – Диаспора направлены как на противодействие ассимиляции и потере Диаспорой своей языковой и культурной идентичности, так и на обеспечение скоординированного участия Диаспоры в решении проблем, имеющих жизненное значение для Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики.

Интеграция Диаспоры имеет для Армении большое экономическое и культурное значение, поскольку, в частности, стимулирует торговлю и туризм, а также сохранение, развитие и распространение национальных и культурных ценностей. Связи с Диаспорой имеют особое значение для развития Армении, так как Диаспора является своеобразным мостом между Арменией и международным сообществом. Организации Армянской диаспоры, функционирующие в различных сферах, значительно способствуют развитию двусторонних отношений этих стран с Арменией, международной интеграции и упрочению демократии в Армении.

В контексте интеграции и развития всего армянства важную миссию в качестве национальной церкви осуществляет Армянская Апостольская Церковь.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Стратегия национальной безопасности Республики Армения принимается в качестве ориентира для представления основных направлений стратегии внутренней и внешней безопасности государства, вызовов и предложений. Частота пересмотра положений Стратегии обусловлена динамичным развитием процессов в стране, в регионе и в мире, а также изменением обстановки и политических приоритетов.

В заявлениях, которые делаются от имени Республики Армения, а также по долгу службы – государственными должностными лицами, обязательно соблюдать дух формулировок и установок Стратегии национальной безопасности.

С целью осуществления единой политики правительства и органов государственного управления Республики Армения принимаемые решения должны быть созвучны положениям Стратегии национальной безопасности.

Основные положения Стратегии национальной безопасности Республики Армения претворяются в жизнь на основе концепций внешнеполитической, военной, экономической, энергетической, экологической, коммуникационной и информационной безопасности, демографического, научно-образовательного, духовно-культурного развития и вытекающих целевых программ, которые, исходя из требований статей 85, 86, 89 Конституции Республики Армения, разрабатывает Правительство Республики Армения.

Источник: Официальный сайт Министерства обороны РА, www.mil.am

Приложение
к Указу Президента Республики Армения
от 25 декабря 2007 г. УП-308-Н

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Военная доктрина Республики Армения (далее – Доктрина) представляет собой совокупность официальных концептуальных взглядов, включающих военно-политические, военно-стратегические, военно-экономические и военно-технические основы обеспечения военной безопасности Республики Армения.

Доктрина определяет военно-политические основы военной безопасности, оборонную стратегию, систему обеспечения военной безопасности Республики Армения и координирует деятельность государственных органов по обеспечению военной безопасности государства.

Доктрина определяет направления реформирования и модернизации Вооруженных Сил Республики Армения (далее – Вооруженные Силы) сообразно развитию отдельных сфер общественной жизни, формируя оборонную стратегию и военное строительство Республики Армения на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Доктрина развивает и конкретизирует положения Стратегии национальной безопасности Республики Армения (далее – Стратегии), утвержденной пунктом 1 Указа Президента Республики Армения от 7 февраля 2007 г. УП-37-Н, которые относятся к военной сфере. Доктрина основана на анализе:

- региональной и международной военно-политической обстановки;
- стратегических прогнозов;
- текущих и перспективных задач обеспечения военной безопасности;
- потребностей Системы военной безопасности и реальных возможностей экономики;
- современных вызовов и угроз военной безопасности;
- характера вооруженных конфликтов;
- международных обязательств Республики Армения и возможностей, предоставленных сотрудничеством в этой сфере;
- отечественного и зарубежного опыта военного строительства и военного искусства.

Республика Армения является гарантом и обеспечивает безопасность народа Нагорно-Карабахской Республики и избранного им пути развития. Это вытекает из:

- реалий проявления новых национальных чисток пережившего геноцид армянского народа на территории современного Азербайджана (1980-90-х гг. в Сумгаите, Баку и в других местах);
- политики Азербайджанской Республики по применению военной силы против устремления народа Нагорного Карабаха к самоопределению законным и мирным путем и втягиванию его в вынужденную войну в 1988-1994 гг.;
- необходимости обеспечения безопасности населения Нагорного Карабаха, подвергающегося постоянной угрозе физического уничтожения, которая обусловлена устремлением Азербайджанской Республики разрешить нагорно-карабахский конфликт силовым путем;
- историко-территориальной, духовно-религиозной, этнической и культурной идентичности Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики и их населения;
- бесспорных политико-правовых основ факта самоопределения народа Нагорного Карабаха на своей исторической родине;
- необратимости реалии становления Нагорно-Карабахской Республики как демократического, социального, правового государства;
- взаимосвязанности и общности восприятия задач обеспечения безопасности Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики.

Доктрина имеет оборонительный характер. Она нацелена на последовательную защиту фундаментальных ценностей национальной безопасности Республики Армения, обеспечение военной безопасности посредством расширения возможностей и взаимовместимости Системы военной безопасности Республики Армения (далее – Система национальной безопасности), укрепление мира и стабильности в регионе.

Правовую основу Доктрины составляют Конституция Республики Армения, международные договоры и законы Республики Армения, касающиеся Системы военной безопасности, Стратегия, а также другие правовые акты.

Положения Доктрины могут быть изменены в случае изменения военно-политической обстановки, характера военных угроз и вызовов, условий строительства, развития и применения Системы военной безопасности, других факторов, необходимых для обеспечения военной безопасности, а также уточняться и разьясняться в обращениях и в публичных выступлениях Президента Республики Армения.

Положения Доктрины осуществляются посредством оборонной стратегии и военного планирования.

РАЗДЕЛ I ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

ГЛАВА I СРЕДА И УГРОЗЫ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1. Среду военной безопасности Республики Армения формируют внутригосударственные, региональные, внерегиональные факторы, а также факторы, воздействующие на фундаментальные ценности национальной безопасности Республики Армения.

2. Угрозами военной безопасности является совокупность условий, факторов и действий, негативно воздействующих на обороноспособность Республики Армения, создающих опасность для ее суверенного существования и стабильного развития, и имеют внешний и внутренний характер.

3. Внешними угрозами военной безопасности являются:

1) посягательства других государств на физическое существование населения Республики Армения, независимость, суверенитет и территориальную целостность государства, неприкосновенность его границ, вмешательство во внутренние дела Республики Армения;

2) наличие нагорно-карабахского конфликта, стремление Азербайджанской Республики к достижению военного превосходства над Республикой Армения и разрешению нагорно-карабахского конфликта военным путем, и с этой целью - подготовка военных действий против Республики Армения и (или) Нагорно-Карабахской Республики;

3) процесс бесконтрольного вооружения и перевооружения, гонка вооружений, создание и размещение близ границ Республики Армения группировок войск, их широкомасштабные сосредоточения и передвижение, в том числе, под видом учений;

4) создание, упрочение и расширение союзов, направленных против Республики Армения, в частности, стратегический союз Турецкой Республики и Азербайджанской Республики, шаги последней по блокаде Республики Армения, что рассматривается как применение силы;

5) дестабилизация внутривосточной среды, внутренние конфликты и военные действия, а также этнические конфликты, имеющие место в сопредельных с Республикой Армения государствах, которые могут угрожать военной безопасности Республики Армения;

6) различия в подходах систем международной безопасности, а также точек зрения отдельных государств, имеющих разногласия, и, как следствие, тенденции существующих и формирование вероятных разделительных линий; действия, направленные на ослабление или распад дружественных военно-политических союзов;

7) экономическая, транспортная и коммуникационная изоляция или попытки

изоляции Республики Армения; блокирование транзитных путей через сопредельные государства;

8) деятельность иностранных организаций, противозаконных вооруженных группировок и спецслужб, направленная против Республики Армения;

9) пропаганда арменофобии и вражды к Республике Армения и к ее гражданам, ведение информационной войны против Республики Армения посредством распространения дезинформации о Республике Армения и другими средствами, разжигание религиозного и этнического экстремизма;

10) транснациональная преступность, включая международный терроризм, незаконное распространение и транзит оружия массового поражения, его компонентов и технологий, а также наркотиков и психотропных веществ.

4. Внутренними угрозами военной безопасности являются:

1) непосредственная опасность, угрожающая конституционному строю Республики Армения;

2) снижение эффективности системы государственного управления, в частности, Системы военной безопасности;

3) создание и деятельность противозаконных вооруженных группировок на территории Республики Армения, незаконный ввоз и сосредоточение оружия, боеприпасов, другого военного снаряжения, а также средств или предметов, представляющих повышенную опасность для окружающей среды;

4) действия, направленные на дискредитацию Республики Армения и ее Вооруженных Сил, или попытки таковых;

5) негативные демографические тенденции, особенно в приграничных районах, иммиграция граждан Республики Армения, действия и факторы, стимулирующие подобные явления;

6) угроза возникновения чрезвычайных ситуаций на территории Республики Армения и в сопредельных районах или возникновение таковых, а также неполноценное обеспечение защиты населения и стабильности экономики от последствий войны.

7) неэффективная деятельность системы экономической безопасности Республики Армения и спад экономических показателей;

8) неполноценное состояние нравственно-психологического и патриотического воспитания, должного уважения к государственности, искажение здорового образа жизни, традиционной роли семьи и национальной самобытности;

5. Факторами, снижающими угрозы военной безопасности, являются:

1) Вооруженные Силы, способные нейтрализовать угрозы военной безопасности;

2) процессы международной интеграции, создающие благоприятные условия для повышения уровня сотрудничества в области военной безопасности;

3) факторы, предусматривающие снижение вероятности вооруженных конфликтов между государствами региона и возникновения новых угроз;

4) деятельность Организации Объединенных Наций (ООН), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организации Североатлантического договора (НАТО), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), других международных организаций и отдельных государств, способствующая упрочению стабильности в регионе.

ГЛАВА I ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

6. Обеспечение военной безопасности Республики Армения является одной из важнейших функций государства и включает своевременное выявление и оценку угроз и опасностей, их прогнозирование, предотвращение, пресечение и нейтрализацию. Республика Армения обеспечивает свою военную безопасность посредством комплексного и целостного применения всех сил, средств и ресурсов.

7. Национальным гарантом обеспечения военной безопасности являются боеспособные Вооруженные Силы, оснащенные современным вооружением, имеющие высокий уровень боевой и морально-психологической подготовки, способные защитить суверенитет и территориальную целостность Республики Армения, готовые к предотвращению и нейтрализации угроз военной безопасности.

8. Международным гарантом обеспечения военной безопасности является принятие Республикой Армения - на основании положений Стратегии - адекватных обязательств по обеспечению международной безопасности, что проявляется в установлении и последовательном развитии союзнических и партнерских отношений в рамках международных систем безопасности и с отдельными государствами.

9. В целях обеспечения своей военной безопасности Республика Армения применяет Систему военной безопасности государства посредством координации всего политического, экономического, военного потенциала государства и его централизованного и целенаправленного руководства.

Основными формами данной координации являются:

1) развитие оборонного потенциала государства, реформирование Системы военной безопасности и Вооруженных Сил, направленные на укрепление обороноспособности страны, повышение боеспособности Вооруженных Сил, их модернизацию, последовательное развитие, обеспечение гражданского контроля;

2) углубление всестороннего международного сотрудничества в сфере обороны, изучение и внедрение передового международного опыта для укрепления военной и военно-политической мощи Республики Армения;

3) создание и целевое применение сил, средств и ресурсов, необходимых для обеспечения военной безопасности, на основе изучения достижений современной международной военной науки, военного искусства, военно-технического прогресса и практического опыта, внедрение современных информационных систем;

4) обретение достоверной информации о развитии международной и региональной военно-политической обстановки, надежное и эффективное прогнозирование соотношения этих событий с национальными, военно-политическими и военными интересами и задачами Республики Армения, выявление и классификация военных угроз, принятие необходимых мер по адекватному реагированию на эти угрозы, обеспечение защиты военно-политических и военных интересов Республики Армения и решения задач в этой сфере.

РАЗДЕЛ II ОБОРОННАЯ СТРАТЕГИЯ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Оборонная стратегия Республики Армения (далее – Оборонная стратегия) – система деятельности по обеспечению военной безопасности Республики Армения, которая формирует оборонную политику Республики Армения.

Оборонная стратегия руководствуется принципами, адекватными приоритетам государственного развития, определяет цели, вытекающие из необходимости обеспечения военной безопасности Республики Армения, и уточняет задачи по их достижению, поставленные перед Системой военной безопасности.

ГЛАВА III ПРИНЦИПЫ

10. Республика Армения рассматривает обеспечение своей военной безопасности в контексте построения демократического, правового государства, основанного на защите прав человека и гражданина, осуществления социально-экономических реформ и становления гражданского общества.

11. В деле обеспечения военной безопасности Республика Армения руководствуется принципом развития равноправных и дружественных союзнических и партнерских отношений, мирного урегулирования конфликтов, укрепления мира и стабильности, сохранения военного равновесия, формирования среды всеобъемлющей безопасности.

12. Оборонная стратегия основывается на государственных интересах, вытекающих из фундаментальных ценностей национальной безопасности Республики Армения, имея в виду существующие реалии в области обеспечения международной безопасности, свои интересы и коллективные интересы союзных государств и государств-партнеров, всеобъемлющие принципы военной сферы, а также принятые международные обязательства.

13. Оборонная стратегия основывается на принципе ненападения и отдает предпочтение дипломатическим и другим невоенным методам обеспечения военной безопасности, предотвращения и нейтрализации угроз военной безопасности. В случае угрозы непосредственного вооруженного нападения Республика Армения оставляет за собой право на осуществление военных действий по ее нейтрализации.

14. Для обеспечения военной безопасности Республика Армения может обратиться к союзным государствам и государствам-партнерам с целью получения необходимого содействия в рамках их союзнических и партнерских обязательств.

15. Республика Армения считает потенциальными партнерами все государства и организации безопасности, которые осуществляют политику, не противоречащую фундаментальным ценностям национальной безопасности Республики Армения, и при реализации Оборонной стратегии опирается на общности имеющих с ними интересов.

ГЛАВА IV ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

16. Военными целями обеспечения оборонного потенциала, необходимого для гарантий независимости, суверенитета, территориальной целостности, неприкосновенности границ Республики Армения, физической безопасности населения Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики являются:

- 1) предупреждение и нейтрализация угроз военной безопасности Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики посредством разработки и осуществления краткосрочных и среднесрочных оперативных оборонных программ и планов;
- 2) преодоление кризисов, ликвидация последствий природных и техногенных катастроф;
- 3) борьба с международным терроризмом, незаконным оборотом оружия массового уничтожения и его компонентов, наркотиков и психотропных веществ, и другими преступлениями, представляющими угрозу безопасности Республики Армения;
- 4) последовательное и всестороннее укрепление и развитие военных возможностей Республики Армения;
- 5) развитие сбалансированного военного сотрудничества на многосторонней и двусторонней основе;
- 6) организация военно-патриотического воспитания всесторонне развитых поколений;
- 7) разработка и внедрение современных систем обеспечения информационной безопасности.

17. Задачами Оборонной стратегии по достижению военных целей являются обеспечение надежной обороноспособности, реорганизация и модернизация, военная интеграция.

18. Надежная обороноспособность представляет собой – с учетом реалистичной оценки среды безопасности Республики Армения – совокупность возможностей Вооруженных Сил по ведению военных действий, направленных на противодействие и нейтрализацию имеющимся и возможным угрозам и вызовам. Надежная обороноспособность состоит:

- 1) В мирное время – из трех основных компонентов:
 - а) планирование применения, которое включает структуру Вооруженных Сил, их численность, комплектование, действующие и резервные силы, управление ресурсами, военно-техническое и военно-экономическое обеспечение, а также мобилизационную политику;
 - б) предупреждение и сдерживание, включающие адекватные действия Вооруженных Сил с применением действующих и резервных сил.
 - в) необходимая боевая готовность, включающая планирование подготовки Вооруженных Сил;
- 2) В военное время – частичное или полное применение Вооруженных Сил для полного достижения всех поставленных задач в любых условиях обстановки;

19. Реорганизация и модернизация – процесс приведения в соответствие друг другу имеющихся возможностей Вооруженных Сил и требований для достижения военных целей посредством реформ Системы военной безопасности на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Реорганизация и модернизация состоят из трех компонентов:

- 1) оценка ресурсов, которая предусматривает оценку всех имеющихся возможностей Вооруженных Сил, включая военные, военно-технические и военно-экономические, определение соответствия этих возможностей приоритетам развития государственности Республики Армения и задачам обеспечения военной безопасности в настоящее время и в обозримой перспективе;
- 2) определение потребностей для стабильного развития Вооруженных Сил и осуществления военных целей, выработка форм и способов их обеспечения;
- 3) реформы, предусмотренные для достижения требуемых возможностей Вооруженных Сил. Данный процесс предусматривает развитие управленческих, оперативных, боевых и всех вспомогательных структур, которые будут максимально эффективными, современными, мобильными, гибкими, обладающими высокими возможностями для развертывания и применения.

20. Военная интеграция - расширение участия Вооруженных Сил в операциях различных структур безопасности и международных сил, направленных на обеспечение международной безопасности, целью которого является полноценное

принятие Республикой Армения своей доли ответственности в обеспечении международной безопасности, а также вовлечение систем международной безопасности в деле обеспечения безопасности Республики Армения. Военная интеграция имеет три составляющие:

1) всестороннее военное сотрудничество, которое будет способствовать созданию многосторонних возможностей Вооруженных Сил, а в деле реализации реформ Системы военной безопасности позволит применить возможности, предоставляемые этим сотрудничеством;

2) расширение возможностей взаимосовместимости, нацеленных на создание подразделений, способных к участию в совместных международных операциях;

3) оперативное сотрудничество, нацеленное на участие взаимосовместимых подразделений Вооруженных Сил в совместных многонациональных операциях по укреплению международного мира и стабильности.

Источник: Официальный сайт Министерства обороны РА, www.mil.am

ПРОТОКОЛ О РАЗВИТИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ АРМЕНИЯ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Республика Армения и Турецкая Республика:

Руководствуясь подписанным в тот же день Протоколом об установлении дипломатических отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой;

Учитывая перспективы развития двусторонних отношений на основании доверия и взаимного уважения интересов;

Приняв решение развить и углубить свои двусторонние отношения в политической, экономической, энергетической, транспортной, культурной, научной, технической и других сферах, на основании взаимных интересов двух стран;

Поддерживая развитие сотрудничества между двумя странами в международных и региональных организациях, в частности в ООН, ОБСЕ, Совете Европы, Совете Евратлантического партнерства, ОЧЭС;

Учитывая общую цель двух государств сотрудничать в деле укрепления стабильности и безопасности в регионе во имя обеспечения демократического развития региона;

Подтверждая свою приверженность мирному урегулированию региональных, межнациональных конфликтов на основании принципов Международного права; Подтверждая свою готовность активно поддерживать действия международного сообщества, направленные против таких угроз стабильности и безопасности в регионе и мире, как терроризм, наднациональная организованная преступность, незаконная торговля наркотиками и оружием

1. **Договорились** открыть общую границу в течение двух месяцев после вступления в силу данного Протокола,

2. **Договорились** Регулярно проводить политические консультации между Министерствами иностранных дел двух стран,

реализовать диалог в исторической плоскости между двумя народами, направленный на восстановление взаимного доверия, в том числе с помощью научного беспристрастного изучения исторических документов и архивов для уточнения имеющихся проблем и формулирования предложений,

максимально использовать имеющиеся между двумя странами дорожную, транспортную, энергетическую инфраструктуры и сети, и предпринять меры в этом направлении,

с целью способствовать стимулированию сотрудничества между двумя странами развить двустороннее договорно-правовое поле,

сотрудничать в сфере науки и образования, посредством стимулирования отношений между соответствующими заведениями, обмена специалистами и студентами, проводить работы с целью сохранения культурного наследия двух стран и реализации совместных культурологических программ,

с целью оказания необходимого содействия гражданам двух стран согласно Венской конвенции о Консульских отношениях от 1963 года установить сотрудничество в консульской сфере,

предпринять конкретные меры с целью развития торговли, туризма и экономического сотрудничества между двумя странами,

развернуть диалог и укрепить сотрудничество в сфере охраны природы,

3. **Договорились** с целью реализации непосредственных обязательств вышеуказанного второго функционального абзаца сего Протокола создать двустороннюю межправительственную комиссию, которая будет иметь отдельные подкомиссии.

С целью разработки механизмов работы межправительственной комиссии и ее подкомиссий через два месяца со следующего дня с момента вступления в силу этого Протокола будет создана рабочая группа под руководством двух министров иностранных дел.

В течение трех месяцев после вступления в силу данного Протокола эти механизмы работы будут утверждены на министерском уровне. Первое заседание межправительственной комиссии состоится сразу же после принятия указанных механизмов.

Подкомиссии начнут свою работу не позже, чем через месяц после этого и будут последовательно действовать до завершения своего мандата.

По мере необходимости в работах подкомиссий будут участвовать международные эксперты.

Двусторонне согласованный график и элементы по реализации данного Прото-

кола представлены в приложении, которое является неотъемлемой частью сего Протокола.

Данный Протокол и Протокол «Об установлении дипломатических отношений между республикой Армения и Турецкой Республикой» вступают в силу в первый день месяца, следующего за обменом инструментами ратификации.

Подписано, равнозначными копиями на армянском, турецком и английском языках. В случае наличия разногласий в трактовке, предпочтение отдается тексту на английском языке.

От Республики Армения

От Республики Турция

Приложение. Элементы и график реализации Протокола о развитии отношений между Республикой Армения и Республикой Турция

ПРОТОКОЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ АРМЕНИЯ И ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Республика Армения и Турецкая Республика

Стремясь установить добрососедские отношения и развить двустороннее сотрудничество в политической, экономической, культурной и иных сферах в интересах своих народов, согласно подписанному в тот же день Протоколу;

Ссылаясь на Устав ООН, Хельсинкский Заключительный акт, обязательства, взятые ими в соответствии с Парижской хартией для Новой Европы;

Подтверждая свои двусторонние, многосторонние обязательства уважать принципы равенства, суверенитета, территориальной целостности, нерушимости границ, невмешательства во внутренние дела других государств;

Учитывая важность создания между двумя странами и в регионе атмосферы веры и доверия, способствующей укреплению мира и безопасности, воздержания от применения или угрозы применения силы, мирного разрешения споров, уважения прав и основополагающих свобод человека;

Подтверждая взаимное признание существующей между двумя странами общей

границы, определенной соответствующими договорами Международного права;

Осознавая важность своего решения открыть общую границу;

Оставаясь верными своим обязательствам воздержаться от проведения политики не соответствующей духу добрососедских отношений;

Осуждая любые формы терроризма, насилия и радикализма вне зависимости от их причин и обязуясь воздержаться от стимулирования и терпимого отношения к подобным действиям, сотрудничать в борьбе против них;

Подтверждая свою готовность разработать пути и новые формы отношений, основанных на общих интересах, доброй воле, взаимопонимании, стимулировании мира и гармонии;

Договорились установить дипломатические отношения со дня подписания данного Протокола в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических отношениях от 1961 года, обменяться дипломатическими представительствами.

Данный Протокол и Протокол «О развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой» вступают в один и тот же день — в первый день месяца, следующего за обменом инструментами ратификации.

Подписано, равнозначными копиями на армянском, турецком и английском языках. В случае наличия разногласий в трактовке, предпочтение отдается тексту на английском языке.

От Республики Армения

От Республики Турция

Предпринимаемые шаги	Сроки
1. Открытие общей границы	В течение двух месяцев после вступления в силу Протокола о развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой
2. Создание рабочей группы под руководством двух министров иностранных дел с целью разработки механизмов работы межправительственной комиссии и ее подкомиссий	По прошествии двух месяцев со дня, последующего вступлению в силу Протокола о развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой
3. Закрепление механизмов работы межправительственной комиссии и ее подкомиссий на уровне министров	По прошествии трех месяцев со дня, последующего вступлению в силу Протокола о развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой
4. Созыв первого заседания межправительственной комиссии	Непосредственно после принятия механизмов работы межправительственной комиссии и ее подкомиссий — на министерском уровне
5. Старт работы нижеследующих подкомиссий	
• подкомиссия по политическим вопросам • подкомиссия по вопросам дорог, сообщения, энергетики и инфраструктур • подкомиссия по юридическим вопросам • подкомиссия по вопросам науки и образования • подкомиссия по вопросам торговли, туризма и экономического сотрудничества • подкомиссия по природоохранным вопросам • подкомиссия, занимающаяся исторической плоскостью — налаживание диалога, направленного на восстановление взаимного доверия между двумя народами, в том числе для уточнения проблем путем беспристрастного научного исследования исторических документов и архивов и формирования предложений — с участием армянских, турецких, швейцарских и других международных экспертов.	

The Foreign Policy of Turkey and the Karabakh Conflict: A Historical Comparative Analysis

SUMMARY

The monograph analyzes the political attitude of Turkey towards Armenia and the Karabakh Conflict in both historical and current perspectives. The dissertation aims to reveal the overall approaches of Turkish foreign policy towards the Caucasus region in general and the Karabakh Conflict in particular.

The current Turkish approach to the Nagorno-Karabakh Conflict has many parallels in history. Pursuing the realization of an ambitious pan-Turkic policy during the World War I, the Young Turk government had implemented its deplorable genocidal plan of annihilating Armenians throughout the Ottoman Empire and was set to occupy the Russian Transcaucasus in order to establish a link with Turkic-speaking communities in the Russian Empire. As a result of the occupation of the South-Eastern Caucasus in late 1918, a new state under the name of "Azerbaijan" was created, supported by the Ottoman military leadership. This initiative aimed to secure the geopolitical interests of Turkey, based on the idea of ethnic and religious solidarity.

Spreading terror in the region and persecuting the Armenian population of the Karabakh region, the Turkish occupational government of Azerbaijan was met with strong resistance by local Armenians.

After the withdrawal of Turkish troops from the Caucasus as a result of their defeat in WWI, the "Turkish factor" continued to exist in Azerbaijan, since thousands of Turkish officers and soldiers were recruited into the Azerbaijani army and actively participated in the military operations of the Azerbaijani army against the Armenians in the Karabakh region.

In the early stage of the Karabakh Conflict, Turkey adopted a very cautious attitude towards the conflict, fearing a possible negative reaction from the Soviet government. In November 1991, a month before the collapse of the USSR, Turkey secured its role as protector of Azerbaijan by becoming the first country to officially recognize its independence. Meantime Turkey was also one of the first countries to recognize the independence of Armenia on 16 December 1991. After the breakup of the USSR, the pan-Turkist ambitions of Turkey were revived once again, to secure a new geopolitical role for Turkey. Stressing Turkey's ethno-linguistic, cultural and historical proximity to Azerbaijan and the Turkic republics of Central Asia, Turkish leaders were actively involved in promoting the idea of the establishment of a Turkic union under the leadership of Turkey.

The Turkic factor was clearly one of the factors affecting the Nagorno-Karabakh

conflict. Several Turkic-speaking countries were involved in efforts both to resolve the conflict and to escalate it; the latter was especially evident in the case of Turkey's pro-Azerbaijani position in the conflict resolution.

Taking into consideration the many facts and factors of Turkish interference in the zone of the Karabakh Conflict, it should be stated that Turkey, openly supporting Azerbaijan in its war against Nagorno-Karabakh and Armenia, was party to the conflict rather than to its solution. The Turkish involvement in the conflict included the following components:

- threats of military intervention, pressure through display of force,
- implementing the transportation and energy blockade of Armenia,
- providing military support to Azerbaijan,
- developing initiatives directed at the formation of an anti-Armenian coalition and information isolation of Armenia,
- lobbying for Azerbaijani interests in international organizations.

Turkey joined the Azerbaijan-initiated economic blockade of Armenia and rejected Armenia's proposition to establish diplomatic relations. Ankara's demands for establishing bilateral relations with Armenia were linked to following preconditions;

- discontinue its support of efforts to achieve international recognition of the Armenian Genocide;
- renounce "territorial claims" against Turkey;
- withdraw Armenian troops from Azerbaijan and recognize Azerbaijani sovereignty over Nagorno-Karabakh.

In 1992-1994, Turkish leaders regularly made aggressive statements threatening a military intervention in Armenia.

With the successes of Armenian troops in Karabakh, the option of a military intervention in the conflict was widely discussed in Turkish political and military circles. However, in May 1992 a very sharp reaction followed from Moscow: the Chief of General Staff of the Joint CIS Force warned Turkey that such action could unleash a global war. Forced to give up the idea of a military intervention, Turkey continued to provide military as well as economic aid to Azerbaijan. Turkey's support of Azerbaijan was intended, amongst other things, to show its commitment to promoting and protecting Turkic nations and communities. As further proof, the Turkish army and intelligence services launched undercover operations to supply Azerbaijan with arms and military personnel. Turkish generals were involved in planning battles through a joint effort of the Turkish and Azerbaijani General Staffs.

Turkish moves against Armenia were openly militaristic and aggressive. These included threats to use force; display of force; use of force; blockading Armenia;

opening fire at Armenian territory etc.

From 1991 to 1993, the presidents of Central Asian republics made repeated attempts to promote a peaceful resolution of the Karabakh conflict. Kazakhstan's President Nursultan Nazarbayev, together with Boris Yeltsin, organized a meeting between the presidents of Armenia and Azerbaijan in the Russian city of Zheleznovodsk.

Alongside military initiatives, Turkey undertook very active diplomatic activities and lobbying in the international organizations; in bilateral and multilateral negotiations for mediation and conflict resolution efforts, it promoted a pro-Azerbaijani bent.

Turkey's new interstate-level initiative was to organize 'Turkic Summits' for Turkic-speaking countries. Both Turkey and Azerbaijan tried to convince the leaders of Central Asian Turkic republics to adopt a joint statement condemning Armenia's policy in Nagorno-Karabakh, and to sever economic relations with Armenia. Despite all the pressure, the leaders of Central Asian states refrained from any anti-Armenian initiatives, partly due to their membership in CIS Collective Defense Agreement (since 1992), and partly to a general pragmatic approach towards this issue.

Because of inter-Turkic discord, the Second Turkic Summit scheduled to take place in Baku in 1993 was only held in Istanbul in October 1994. The final declaration of the Summit only mentioned the need to resolve the Karabakh Conflict in accordance with the resolutions adopted by the UN Security Council. It should be noted that Azerbaijan failed to get the support it expected from the Turkic republics of Central Asia since the latter were unwilling to damage their relations with Armenia and Russia. The political leadership of Turkic states of Central Asia adopted a very flexible and pragmatic stand, keeping a safe distance from the excessively politicized project of an "All-Turkic Union."

Relations between Turkic republics were further hindered by the tensions between Turkey and Azerbaijan ensuing from Turkish involvement in the attempted coup d'état in Azerbaijan against President Heydar Aliyev. Azerbaijan and Turkmenistan also had a point of dispute: the ownership of several oil fields in the Caspian Sea.

Though a secular state, Turkey was heavily involved in diplomatic activities among Islamic states, and particularly in meetings of the Organization of Islamic Conference (OIC). Azerbaijan and Turkey directly or indirectly contributed to the spread and launching of the activities of the international terrorist network. As thousands of Islamic militant groups, such as Chechen combatants and Afghani Mujahideens, were invited to join the warfare in Nagorno-Karabakh, a new escalation began that all but caused the conflict to take on an international dimension.

Turkey's and Azerbaijan's recruitment of Islamic radical militant groups from

Chechnya, Afghanistan, and Pakistan to help them implement their foreign and domestic policies created the dangerous precedent of initiating terrorist activities at home. Many mercenaries joined the terrorist groups, and eventually the governments that started as recruiters ended up as the targets of terror.

As a result the "Azerbaijani connection" came to light after bombings of US embassies in Kenya and Tanzania, as well as during the preparation of the September 11 attacks.

The echo and lessons of the Karabakh War highlight the ambitious policy of Turkey with regard to the self-determination effort of the Armenian population of Karabakh. Moreover, in its policy in the Nagorno-Karabakh Conflict, Turkey had on a number of occasions violated its international commitments as it sided with Azerbaijan, supplied it with arms, helped it with logistics and gave it strong diplomatic support. The joint Turkish-Azerbaijani blockade of Armenia is a continuation of this policy.

A new attempt for establishing bilateral relations between Armenia and Turkey known also as 'football diplomacy' failed even after foreign ministers of both countries signed Protocols on the Establishment of Diplomatic Relations in October 2009 in Zurich. The process reached deadlock and failed because of the unchanging stance of Turkey striving to link the issue of the establishment of Turkish-Armenian relations with a resolution of the Karabakh Conflict to the satisfaction of Azerbaijan, a position which is unacceptable.

CONTENTS

INTRODUCTION6

PART I NAGORNO-KARABAKH AND PAN-TURKIC AMBITIONS IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Chapter 1 Turkish Expansion into South Caucasus in XVI-XIX c.....	32
Chapter 2 Turkish Expansionism during WWI and the Karabakh Problem.....	46
Chapter 3 The Armenian question in the Context of Soviet-Turkish Relations.....	84

PART II ARMENIAN-TURKISH RELATIONS AFTER THE DEMISE OF THE USSR AND THE KARABAKH QUESTION IN THE STRATEGY OF TURKISH FOREIGN POLICY

Chapter 1 New Paradigm in Turkish Foreign Policy after the collapse of the USSR	115
Chapter 2 Neo-Ottomanism in the Foreign Policy of Turkey in the Post-Soviet space and the Karabakh question.....	147
Chapter 3 The Armenian question in the Context of Soviet-Turkish Relations.....	175
Chapter 4 Attempts to create a Turkic Alliance and the limits of the ideas of Turkic Solidarity in the Karabakh question. Discussion of the Karabakh Question at the Turkic Summits.....	199
Chapter 5 Initiatives by Turkey and Turkic States to Mediate the Karabakh Conflict.....	220

PART III MILITARY, POLITICAL AND CONFESSIONAL FACTORS IN TURKISH FOREIGN POLICY REGARDING THE KARABAKH QUESTION

Chapter 1 Islamic Solidarity as a Factor of Turkey's Foreign Policy: The Case of the Karabakh Conflict	228
Chapter 2 Turkey's Military Support for Azerbaijan during the Karabakh War, 1991-1994	239
Chapter 3 Islamic Mercenaries in the Karabakh War: Origins of the International Terrorist Network's Penetration of Azerbaijan and Turkey	265

PART IV ARMENIA-TURKEY: THE ATTEMPTS FOR THE ESTABLISHMENT OF BILATERAL RELATIONS AND THE KARABAKH CONFLICT

Chapter 1 The Process of Armenian-Turkish Settlement in 2008-2010: "Football diplomacy"	298
Chapter 2 The Perspectives of Turkish Foreign Policy and Recommendation for developing a Turkish dimension in the Foreign Policy of Armenia.....	327

CONCLUSION..... 337

NOTES 344

BIBLIOGRAPHY 422

APPENDICES 455

Редакторы	Н. Залибекян С. Манукян
Корректор	Н. Залибекян
Дизайн обложки	Л. Матевосян
Фото обложки	А. Ерамишян

Тираж 1000. Заказ 1454.

Отпечатано в типографии "Тигран Мец"

В работе доктора исторических наук Гайка Демояна на основе комплексного подхода рассматриваются аспекты внешней политики Турции по отношению к Республики Армения в контексте Карабахского конфликта в историческом и текущем, современном измерении. На основе широкого фактологического материала анализируется проблема Нагорного Карабаха сквозь призму армяно-турецких отношений и новой внешнеполитической доктрины неопантюркизма. В исследовании подробно анализируются турецкие инициативы, направленные на обеспечение проазербайджанской позиции в разрешении конфликта, разногласия между тюркоязычными государствами вокруг идеи выстраивания единой тюркской позиции в отношении Карабахского конфликта, фактор религиозной солидарности, а также тесно взаимосвязанная с ним проблема распространения сети международного терроризма в Азербайджане как следствие вовлечения наемников. Отдельные главы работы освещают факты предоставления Азербайджану турецкой военной помощи, а также карабахский фактор в процессе установления армяно-турецких отношений.

ОБ АВТОРЕ

Гайк Демоян - директор Музея-института Геноцида армян Национальной академии наук Республики Армения. Автор 12-и монографий и свыше 50-и научных статей по проблемам внешней политики Турции на постсоветском пространстве, Карабахского конфликта и Геноцида армян в Османской империи.

